В. А. КУЗЬМИЩЕВ

У ИСТОКОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПЕРУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В. А. КУЗЬМИЩЕВ

У ИСТОКОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПЕРУ

ГАРСИЛАСО И ЕГО ИСТОРИЯ ИНКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1979

В работе исследуется процесс зарождения национальной культуры Перу. На основе изучения литературного наследия писателя и мыслителя XVI—XVII вв. Инки Гарсиласо де ла Вега выявляются «слагаемые» перуанской культуры — европейское и аборигенное начала. Большое место уделено истории ее формирования, идеологической борьбе, значению индейского элемента для современной Латинской Америки, а также роли этого элемента в процессе становления национальных культур большинства стран региона, в формировании их общественной мысли.

Ответственный редактор

Ю. В. КНОРОЗОВ

К $\frac{70202-407}{042(02)-79}$ —378—79

ОТ АВТОРА

> ...Каковы бы ни были разрушения культуры — ее вычеркнуть из исторической жизни нельзя, ее будет трудно возобновить, но никогда никакое разрушение не доведет до того, чтобы эта культура исчезла совершенно. В той или иной своей части, в тех или иных материальных остатках эта культура неустранима, трудности лишь будут в ее возобновлении.
>
> *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 36, с. 46.

Открытие и завоевание испанскими конкистадорами Нового Света явились поворотным моментом в истории не только аборигенов Америки, но и всего человечества. Европа не просто принесла, но и насильственно насадила в Новом Свете более высокую социально-экономическую формацию — феодализм. При этом само завоевание заморских земель и царств уже носило характер капиталистического предприятия [1].

Конкиста не была обычной войной царства с царством, короны против короны, тирана против тирана. На бескрайнем континенте феодальная Европа руками испанской монархии сдирала словно кожу с живого организма — общества аборигенов Америки, целый исторический пласт. Рушилось все: индейские государства и языческие храмы вместе с идолами-богами, «божественная» власть местных правителей и привычная обязанность верно служить своим богам, царям, знати, жрецам. Наконец стала исчезать духовная культура, объединявшая с незапамятных времен людей единым восприятием окружающего мира, единым мироощущением и единым легендарным происхождением, происхождением началом от гигантской горной вершины, покрытой вечными снегами, от парящего над ней в безоблачном небе могучего кондора, от красавицы пумы, подстерегающей в лесной чащобе пугливую лань...

Поначалу новый мир, мир завоевателей, ничего не предлагал, кроме чудовищно непонятного бога, распятого человеком на кресте. В делах земных то был мир алчных золотодобытчиков, поразивший своей неприхотливостью во всем, что не касалось драгоценностей, особенно золота. Но и это оказалось недоступным пониманию индейца, видевшего в золоте лишь естественное украшение для своих идолов-богов и их посланцев-правителей на земле.

[1] См.: *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 408, 409.

В последствиях этой великой трагедии, которой одновременно суждено было стать началом огромного нового мира — Латинской Америки, трудно разобраться даже сегодня. Каково же пришлось ее участникам или просто очевидцам, попытавшимся с позиций своего времени и своего миропонимания рассказать о конкисте и индейских царствах, которые буквально у них на глазах рухнули под ударами европейских завоевателей?

Но человек не может молчать. Он не может жить лишь сегодняшним днем. Он испытывает необоримое желание поведать миру о своем времени и о себе, чтобы людям грядущих поколений стало бы понятнее не только прошлое, но и их настоящее.

12 апреля 1539 г. в г. Куско — бывшей столице гигантской «империи» инков Тауантинсуйю, лишь недавно поверженной испанскими конкистадорами, родился мальчик, которого при крещении назвали Гомесом Суаресом де Фигероа. Удивительная судьба была уготована этому ребенку. В ней все оказалось необычным, во многом неожиданным и противоречивым. Словно в зеркале, она отразила бурные события Великих географических открытий, грандиозность и бесчеловечную жестокость завоевания Нового Света, гуманизм блистательной эпохи Возрождения и одновременно рутинную затхлость прозябания феодальной испанской провинции.

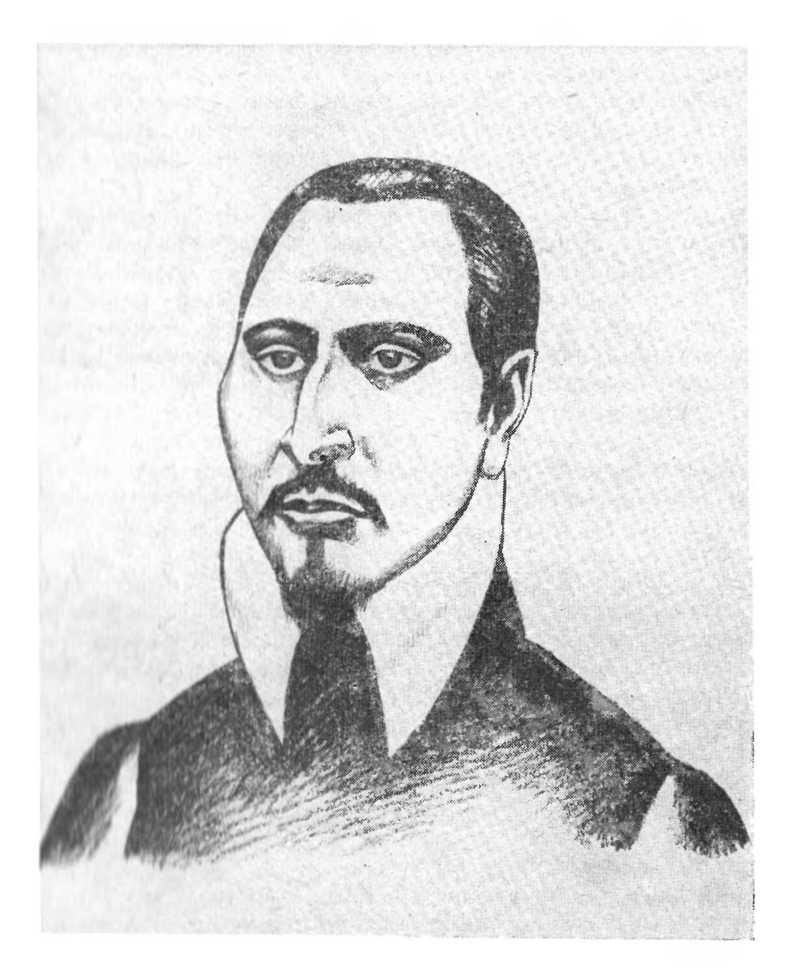
Пожалуй, в истории трудно найти человека, жизнь которого, ограниченная точно известными нам датами рождения и смерти (12. IV 1539—24. IV 1616), представлялась бы сегодня столь невероятным нагромождением недоразумений, очевидных противоречий и даже нелепостей; когда бесспорные и легко оспоримые факты и события естественно уживаются друг с другом, а десятки лет спокойного, хотя и серенького благополучия сосуществуют с непрекращающейся внутренней борьбой, очевидцем и невольным участником которой становится каждый, кто прочтет главный литературный труд, обессмертивший его имя,— «Подлинные комментарии инков», или «Историю государства инков», название, под которым это произведение вышло в свет в Советском Союзе [2].

Но мировая литература практически не знает имени Гомеса Суареса де Фигероа: оно хорошо знакомо лишь литературоведам и историкам. Для широкого круга читателей автором «Комментариев», этой многотомной летописи-эпопеи о Древнем Перу, этого интереснейшего, важного, хотя и не бесспорного источника информации об «империи» инков и ее завоевании испанскими конкистадорами, этого шедевра испанской беллетристики конца XVI — начала XVII в., является Инка Гарсиласо де ла Вега.

В мире имеется немало книг, которые становились объектом ожесточенных дискуссий. Как правило, подобные ситуации по-

---

[2] *Инка Гарсиласо де ла Вега.* История государства инков. Л., 1974.



ИНКА ГАРСИЛАСО ДЕ ЛА ВЕГА
(воображаемый портрет).
Рисунок автора книги

рождаются не столько недобросовестностью оппонентов, сколько отсутствием или скудностью достоверной информации о предмете спора, пробелами в наших знаниях, восполнить которые ученые не могут по не зависящим от них обстоятельствам.

Совсем иначе обстоит дело с «Комментариями». Здесь, казалось бы, с самого начала, с момента их выхода в свет все было известно. Однако за три с лишним века своей жизни «Комментарии» Инки Гарсиласо знали годы громкой славы и непризнания; они пользовались непререкаемым авторитетом и низвергались в пучину забвения. Их автора обвиняли в плагиате, недо-

бросовестности и даже во лжи в угоду корыстным интересам. Но сами «Комментарии» неоднократно переиздавались. Их перевели на основные европейские языки. Инке Гарсиласо посвящались международные симпозиумы, торжественно отмечались его юбилеи, в его честь произносились хвалебные речи. О нем написаны десятки книг и сотни статей.

Все дело в том, что Инка Гарсиласо сам рассказал о себе все, что может заинтересовать в нем как в авторе и как в человеке не только читателя, но и придирчивого исследователя. Он указал место и дату своего рождения, составил подробную родословную своего отца и поименно перечислил всех предков матери, оговорив при этом, что сам он считает наиболее древних из них героями легенд и сказок, которые ему посчастливилось услышать в раннем детстве от родственников-инков. Чтобы ни у кого не оставалось сомнений в том, где и когда он умер, Инка еще при жизни позаботился о своей могиле и надгробной надписи; и они действительно в сохранности дошли до наших дней. Он сам указал на источники, которыми пользовался при написании главного труда, достаточно подробно обрисовал круг своих знакомств, который мог влиять на его литературную деятельность. Наконец, он и о самом себе написал слова, которые и сегодня, столетия спустя, нельзя читать без искреннего волнения и восхищения тем, что в ту изначальную для Латинской Америки эпоху он, Инка Гарсиласо, сумел привлечь общественное внимание к невероятно сложной проблеме, стоящей и поныне,— проблеме этнокультурного становления Латинской Америки.

«Детей испанца и индианки или индейца и испанки — нас называют метисами, чтобы сказать, что мы являемся смесью обоих народов,— с гордостью написал Инка о «новом потомстве», рожденном конкистой Нового Света,— ...и, поскольку это имя было нам дано нашими отцами и исходя из того, что оно означает, я в полный голос называю себя этим именем и горжусь им» [3].

Но эти удивительные слова — еще не ответ на главный вопрос — кем он был, который жизнь поставила перед гениальным метисом. Этот ответ потребовал от Инки Гарсиласо всей его долгой жизни. И он отдал ее, чтобы рассказать людям правду, правду, которую знал.

---

[3] *Гарсиласо.* История..., с. 628.

Часть первая

ИНКА ГАРСИЛАСО И ЕГО ВРЕМЯ

Глава первая

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИНКИ ГАРСИЛАСО

Для Инки Гарсиласо де ла Вега вопрос о происхождении стал центральной проблемой всей его жизни и, как будет показано в дальнейшем, явился той движущей силой, которая в конечном итоге определила характер и содержание его творческой деятельности. Более того, можно утверждать, что именно желание, страстное стремление разобраться в своем происхождении вызвало у Инки потребность публично рассказать миру не столько о самом себе, сколько о невероятных событиях, предшествовавших появлению на свет метиса, о необычных мирах — Старом и Новом свете, столкновение которых, составив суть этих событий, внесло свои поправки в историю развития Европы, Америки и всего человечества.

Конечно, ни Инка Гарсиласо, ни его современники не могли и не воспринимали подобным образом результаты открытия Нового Света и его завоевания европейскими конкистадорами. Но Инка Гарсиласо принадлежал к числу именно тех немногих людей своего времени, которые пытались измерить грандиозность случившегося не в слитках золота и серебра, награбленного у аборигенов Америки, а в совсем иных категориях ценностей — в социальных, духовных, общекультурных изменениях, неизбежность наступления которых они понимали, но понимали чисто интуитивно.

Вот почему вопрос о происхождении Инки Гарсиласо должен в первую очередь волновать любого исследователя его творчества. И это не вопрос о родословной и об аристократических титулах и званиях, которые он имел или не имел право присваивать себе, к чему, к сожалению, сводят данную проблему большинство его биографов. Его волновала проблема *начал*, лежавших у истоков того, что сегодня именуется Латинской Америкой. Исследованию этой проблемы он и посвятил всю свою жизнь.

О родителях Инки Гарсиласо мы знаем главным образом от него самого. Сообщаемые им сведения неоднократно проверялись

и перепроверялись исследователями-гарсиласистами. Многие из них подтвердились; другие пока не нашли подтверждения, но и не были опровергнуты. Однако в этом вопросе есть одна особенность: всякий раз, когда обнаруживаются новые документы, связанные с именем Гарсиласо, они, как правило, подтверждают написанное им или открывают дотоле не известный в его биографии факт. Но ни разу не было случая, чтобы найденный документ опроверг что-либо из того, что Инка сообщил о себе в своих сочинениях.

Все это дает нам основание активно использовать труды Инки Гарсиласо для освещения вопроса о его родителях, естественно не лишая нас права дополнять изложенное им из других источников.

МАТЬ МЕТИСА. ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ В СОЧИНЕНИЯХ ГАРСИЛАСО

Мать Гарсиласо была индианкой. При крещении (испанцы крестили всех индейцев и в первую очередь свое окружение, в которое включали жен и наложниц-индианок) ей дали христианское имя Исабель. До этого ее называли индейским именем Чимпу Окльо. Вот что пишет о своей матери Гарсиласо: «Моя мать, Палья донья Исабель, была дочерью Инки Гуальпа Топака, одного из сыновей Топака Инки Юпанки и Пальи Мама Окльо, его законной супруги, отца Гуайна Капака Инки, который был последним королем Перу» [4].

Чтобы не путаться в именах и в иерархической лестнице инков, с которыми нам придется еще не раз сталкиваться, необходимо уже сейчас сделать отступление, которое позволило бы разобраться в таких понятиях, как «инка», «колья», «ньюста» и «палья», уяснить правила престолонаследия в Тауантинсуйю и познакомиться с так называемой «капаккуной» — поименным перечнем верховных правителей «империи» инков, который в Тауантинсуйю считался одним из важнейших «документов».

В нашей литературе (исключая узкоспециальную) употребление слова «инка» и особенно производного от него прилагательного практически закрепилось в качестве имени собственного всего населения Древнего Перу и всего перуанского, относящегося к доиспанскому периоду. Мы пользуемся словом «инки» примерно так, как и словом «ацтеки», т. е. распространяя его на всех жителей этих древних государств, однако, если применительно к Мексике это допустимо (хотя и здесь имеются оговорки), в случае с Перу такое использование слова «инка» является ошибочным, ибо жителей Древнего (доиспанского) Перу следует называть индейцами кечуа (кечва) или просто кечуа [5].

---

[4] Имеющиеся в текстах разночтения инкских имен и названий связаны с неодинаковым их написанием в различных источниках. Все они сведены вместе в именном указателе настоящей книги.

[5] Речь идет об основной массе населения Тауантинсуйю, определявшей

Инками в Тауантинсуйю называли только и исключительно представителей мужского пола семейного клана «чистокровных» правителей этого огромного государства. Иными словами, инками являлась чрезвычайно малая часть мужского населения «империи». Женщин же из клана правителей называли «пальи», царствовавшую палью, жену инки-правителя,— «колья», а их дочерей до вступления в брак — «ньюсты».

Все было бы просто, если бы эта часть населения Тауантинсуйю до начала «гражданской войны», возникшей в стране незадолго до прихода туда испанцев в связи с борьбой за престол двух сыновей инки-правителя Уайна Капака, не исчислялась бы несколькими десятками тысяч человек. Гарсиласо, ссылаясь на испанского хрониста Диего Фернандеса, говорит, что в результате жестокостей победителя (им оказался Атауальпа) погибло с обеих сторон «более ста пятидесяти тысяч индейцев»[6]. Эта цифра представляется вполне допустимой.

Немало инков погибло и в войне с испанцами уже в процессе колонизации Перу. И все же еще в конце XVI в. их насчитывалось несколько сот человек.

Многочисленность клана инков, засвидетельствованная практически всеми хронистами и очевидцами конкисты, породила мнение, которого придерживается большинство зарубежных ученых: инки являлись одним из кечуанских или даже протокечуанских племен. Именно это племя сумело якобы утвердить свое господство над всеми остальными племенами кечуа, после чего объединенные племена кечуа предприняли стремительную экспансию, в результате которой и была создана «империя» инков Тауантинсуйю. Если согласиться с подобной концепцией, то мы должны признать существование (по крайней мере, в Древнем Перу) «племени господ» и «племени плебеев» или даже рабов.

Вместе с тем нельзя не принимать во внимание утверждения хронистов о наличии прямых родственных связей в клане инков. Он состоял или в него допускались лишь «чистокровные» представители царских айлью, т. е. родовых колен клана, число которых строго соответствовало официальному числу инков-правителей[7].

Борьба за «чистокровность» в истории прошлого не является чем-то необычным. Известно, что она должна была гарантировать

его этническое «лицо», хотя, как известно, в государство инков входили и многие другие этнические группы, в том числе такая крупная, как индейцы аймара.

[6] *Гарсиласо.* История..., с. 637.

[7] От каждого из инков-правителей брало начало новое родовое колено — айлью. Однако, поскольку первый (старший) сын сам становился правителем и потому имел собственный айлью, родовое колено начиналось от второго и всех последующих и обязательно законных (рожденных от сестры) сыновей. Они, в свою очередь, женились только на пальях (официальный брак), и именно их дети, внуки, правнуки и т. д. составляли айлью того или иного правителя.

непрерывность «божественного» начала в правящей династии, а заодно и незыблемость ее права царствовать. Однако это не приближает нас к ответу на вопрос, были ли инки племенем или нет.

Как нам представляется, ответ на интересующую нас проблему может быть следующим: имя «инка» на каком-то первоначальном этапе (скорее всего, в период прихода и заселения центральной перуанской сьерры протокечуанскими племенами) действительно принадлежало одному из кечуанских племен. Именно это племя обосновалось там, где ныне находится город Куско. Но уже вскоре у племени инков возникла необходимость вступить в долгую, длившуюся несколько столетий борьбу, чтобы отстоять свое право на независимое существование. Процесс этот был длительным. Племена кечуа то объединялись, то воевали друг с другом. Война требовала много внимания и сил. Постепенно она становилась профессией. Наиболее удачливые «полководцы» пользовались особым уважением, которое со временем стало получать вполне конкретное материальное воплощение, особенно при дележе военной добычи. Так закладывалась экономическая основа для установления власти одних над другими.

Однако родовые и внутриплеменные узы по-прежнему оставались достаточно сильными; и, хотя «богатые» продолжали укреплять свою власть над «бедными», они все еще не могли разорвать эти узы. Постепенно «полководцы» не только на войне, но и в мирной жизни стали выразителями «общественных интересов» своего рода (племени), что не могло не проявляться и в чисто внешних атрибутах, к числу которых, несомненно, относилось имя племени. Прежде этим именем называли себя весь род или племя, в новых условиях оно превратилось не только в привилегию, но и собственность вождя. Когда же власть вождя стала наследственной, слово «инка», по-видимому, приобрело также значение титула: им стали называть себя все мужчины, находившиеся в прямом родстве с вождем, а он сам добавил к общему для них всех титулу «*инка*» слово «*capa*», что вместе означало «единственный инка», т. е. царь или верховный правитель. Последнее, скорее всего, было связано с установлением гегемонии племени инков над остальными кечуанскими племенами, когда на повестку дня встал вопрос о создании панкечуанского государства. Но к тому времени рядовые члены племени уже и не помышляли о том, чтобы величать себя инками. Этим (или сходным) путем собственное имя целого племени перешло к семейному клану или правящей династии Тауантинсуйю, что находит подтверждение (правда, косвенное) в официальной истории самих правителей «империи».

Так, современные исследователи инкского государства давно обратили внимание на то, что в капаккуне после основателя династии инков Манко Капака первым стоит инка-правитель по имени Синчи Рока. Между тем сло-

во «синчи» на кечуа означает «военный руководитель», «вождь». Оно лишено каких-либо элементов, указывающих на наследственный характер данной «должности». Более того, известно, что синчи избирались лишь на период военных действий, т. е. на ограниченный срок.

На это прямо указывает Педро Сармьенто де Гамбоа в своей «Индийской истории». Вот что он рассказывает о легендарном периоде инкской истории:

«Когда [жители] одного селения узнавали, что некоторые из других шли, чтобы начать с ними войну, они старались [найти] человека среди своих и даже из чужих для своей родины, который был бы храбрым воином. И много раз такой человек сам по своей воле предлагал себя защитить их и воевать за них против их врагов. И за этим таким [воином] они шли, и подчинялись ему, и выполняли его приказания во время войны. Но, как только она заканчивалась, он становился, как и прежде и как остальные [люди] селения, частным лицом; ни до этого, ни после этого ему не давали подать, ни какого-либо оброка (pecho). Такого называли в те времена и его и сейчас называют синче, что означает то же, что и «храбрый». Этим термином синчикона, что означает «храбрый сейчас», они называли его подобно тому, как говорят: «Сейчас, пока идет война, ты будешь нашим храбрым, после — нет» [8].

Несколькими строками ниже Сармьенто де Гамбоа, как бы приближая читателя к привычной для него терминологии, называет синчи «временными капитанами» («capitanes temporales») [9].

Из сказанного напрашивается вывод, что один из первых инков-правителей был всего лишь военным вождем и что в какой-то момент инкской истории понятия «инка» и «наследственный правитель» не обязательно совпадали.

Возьмем другой эпизод из истории инков. С именем шестого инки-правителя большинство хронистов связывает переход власти от одной династии – «Нижнее Куско» к другой – «Верхнее Куско». Что и как произошло в тот легендарный период, вряд ли когда-либо удастся восстановить. Нам же важно, что принцип прямого наследования престола от отца к сыну здесь явно нарушен. Незыблемость этого принципа была подвергнута еще более серьезным испытаниям великим завоевателем и реформатором Инкой Пачакутеком (у Гарсиласо – Виракочей), поскольку законность его прав на престол прямо отрицается большинством хронистов [10].

Даже Гарсиласо, наиболее последовательный защитник принципа непрерывности престолонаследия у инков, испытывает явные затруднения и впадает в ошибки, когда рассказывает о родовых коленах генеалогического древа инков-правителей. Ниже еще будет сказано о борьбе за престол среди потомков Инки Пачакутека, а о приходе к власти последнего инки-правителя Атауальпы мы подробно знаем от Гарсиласо. Эти события, происходившие незадолго до появления европейцев в Новом Свете, помогают правильному пониманию особенностей социально-экономической структуры созданного

---

[8] Biblioteca de Autores Españoles (continuación), t. 135. — Historia Indica por *Pedro Sarmiento de Gamboa.* Madrid, 1965, p. 210.

[9] Ibid., p. 211.

[10] *Aranibar C.* Pachacutec.— Biblioteca Hombres del Perú. Lima, 1964.

инками общества и отдельных его институтов, каковым, без сомнения, являлся и сам клан инков-правителей.

Иными словами, в Тауантинсуйю инками уже не называли какое-то кечуанское племя; это было имя-титул высшей знати «империи», и, следовательно, он являлся определителем социального, а не этнического содержания.

Об этом свидетельствуют, в частности, и появление в Тауантинсуйю такой социальной категории, как «инки по привилегии», и запрещение простому населению под страхом смертной казни пользоваться отличительными знаками инков и т. п. Однако степень «чистоты» инкского происхождения и даже кровных связей с правящей династией уже не играла доминирующую роль при наследовании престола (Пачакутек, Атауальпа), хотя родоплеменная основа все еще продолжала оказывать значительное влияние на социальную структуру общества. Например, «инкой по привилегии» мог быть только кечуа и никакой другой индеец, каким бы великим, богатым и знатным он ни был, как неоднократно повторяет Гарсиласо. Здесь не только дань далекому прошлому, но и хорошо продуманное стремление постоянно крепить правящую верхушку господствующего класса на единой этнической основе.

Примерно такую же ситуацию, хотя и с противоположным конечным результатом, мы встречаем в центральной Европе VI–V вв. до н. э. Речь идет об этнически однородных племенах, «которые на их собственном языке называются кельтами, а на нашем,— поясняет Юлий Цезарь,— галлами» [11].

Вот что пишет по этому вопросу известный ученый из ЧССР академик Ян Филип: «Греческий мир называл их keltoi, кельты. По всей вероятности, это название распространилось именно в кульминационный период расцвета власти господствующего слоя, если не ранее, но, во всяком случае, не позже 6 в., и не исключено, что первоначально это было название одного из племен, а возможно, и лишь господствующего рода, которое затем было присвоено всему народу» [12].

В случае с инками произошел аналогичный по своей сути процесс, претерпевший, однако, дальнейшие изменения: после того как племя инков утвердило свое господство над другими кечуанскими племенами, инкский «господствующий слой» оставил имя «инка» исключительно для себя, запретив остальным кечуа пользоваться им под страхом смертной казни.

Но почему тогда имя «инка» не распространилось на женскую половину данного «слоя»? Ведь известно, что в форме брака наследного принца инков мы находим не только отражение их главной религиозной доктрины, согласно которой «сын солнца и луны» должен жениться на своей родной сестре, поскольку и она является «дочерью отца-солнца и матери-луны», но и правовую основу престолонаследия. Очевидно, что в подобном акте было заложено не просто желание сохранить «чистоту» своего рода – несомненный отголосок родового «правопорядка», но существовали и другие причины, имевшие более земной смысл. На них указывает Гарсиласо: «Они также говорили, что принцы женились на своих сестрах, чтобы королевство при-

---

[11] Записки Юлия Цезаря. М.— Л., 1948, с. 7.
[12] *Филип Я.* Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, с. 10.

надлежало бы им как по [линии] отца, так и матери; ибо если бы было иначе утверждали они, то в унаследовании [престола] принц не имел бы на него права по своей материнской линии. Такая вот строгость имелась у них в деле наследования и в праве унаследовать королевство»[13].

Здесь достаточно четко сформулированы «наследственное право» женщины королевского происхождения и ее равноправие в данном вопросе. При таких условиях распространение на женщину имени «инка» представляется не только реальным, но и желательным. Однако этого не произошло.

Откуда же могло возникнуть тогда подобное разнозвучие инка-колья? Мы полагаем, что оно порождено особенностями языка кечуа. Вновь обратимся к Гарсиласо, который, словно специально, приготовил для нас следующий пример. В главе «Прекращение кормления грудью, стрижка волос и присвоение имени детям» Инка делает обычное для себя отступление «для интересующихся языками» читателей об особенностях языка индейцев Перу (исходя при этом из особенностей испанского языка). Он пишет, что кечуа имели четыре разных слова для передачи понятия «брат» и «сестра» (в русском языке, как известно, их два, а в испанском одно — «эрмано», у которого лишь конечная гласная – «о» или «а», соответствующие мужскому и женскому роду, определяют, о ком из них идет речь). На кечуа брат говорит брату «вауке», сестра сестре «ньанья», брат — сестре «пана», сестра – брату «тора». «А если бы брат сказал сестре «ньанья» (что значит сестра), он превратил бы себя в женщину,— поясняет Гарсиласо.— А если сестра сказала бы брату «вауке» (что значит брат), она превратила бы себя в мужчину»[14].

Столь же сложное словопользование и в понятии «дети»; укажем лишь, что для отца и матери это разные слова: соответственно «чури» и «вава».

Учитывая эти особенности, можно высказать предположение (лишь в порядке гипотезы, поскольку оно должно стать самостоятельным исследованием лингвистов), что имена «инка» и «колья» («палья», «ньюста») возникли на аналогичной основе, т. е. на данной специфике кечуанского или даже протокечуанского языка (или его инкского диалекта). Это представляется тем более реальным, что во многих известных науке случаях имя собственное племени или народа восходит к древнему понятию-слову «мужчина» или «человек» на данном языке. Так произошло и с племенем инков, но указанные особенности их языка «потребовали» для женской половины племени своего собственного (не мужского) имени. Если наше предположение подтвердится, то оно станет еще одним доказательством родо-племенного начала, лежащего в основе происхождения слова «инка».

Выше мы уже коснулись вопроса о престолонаследии в Тауантинсуйю. К сказанному можно добавить, что принцем-наследником считался старший из сыновей инки-правителя, а его законной женой становилась родная старшая сестра. Только их дети и в том же порядке имели право претендовать на престол. Такова была теория. Что же касается практики, то она зависела от конкретной расстановки сил в самом клане и ловкости возможных претендентов. Претендентов же было более чем достаточно, ибо каждый

---

[13] *Гарсиласо*. История..., с. 212.
[14] *Гарсиласо*. История..., с. 215.

из правителей считал своим долгом оставить после себя как можно больше законных и незаконных «сыновей солнца», чтобы укрепить ими государственный аппарат Тауантинсуйю. Гарсиласо приводит соответствующие цифры, бесспорно полученные от своих родичей инков. Так, только три последних правителя, которых принято считать историческими лицами, имели каждый от 250 до 400 и даже более сыновей и дочерей [15].

Этому не следует удивляться, если принять во внимание два обстоятельства. Во-первых, ничем не ограниченную личную власть правителей Тауантинсуйю, которая в данной области к тому же была «теоретически» обоснованна государственными и религиозными интересами, чтобы «приумножались бы потомство и каста Солнца, как они (инки.— *В. К.*) говорили» [16], и, во-вторых, реально существовавшую и чрезвычайно широкую сеть домов наложниц, содержавшихся за счет государства.

Если у инки-правителя не было законнорожденного сына, то после его смерти престол переходил к сыну старшего брата, а не к самому брату. Иными словами, обычай требовал обязательного престолонаследования только младшим поколением.

Обратимся теперь к капаккуне, поскольку она имеет непосредственное отношение не только к древней истории Перу, но и к Инке Гарсиласо. «Из оригинальных хроник, составлявшихся начиная с даты испанской конкисты, а также на протяжении XVI и XVII вв.,— пишет перуанский историк К. Аранибар Серпа, – возникают противоречащие друг другу списки правителей, разные по количеству и по немыслимым вариантам их имен и событий, которые приписываются каждому из них. То, что можно было бы назвать минимальной капаккуной, было представлено такими хронистами, как ойдор [17] Сантильяна [18] или Педро Писарро [19], или в информациях, которые приказал собрать в 1571–1572 годах вице-король (Перу. – *В. К.*) Толедо; они называли только четырех или пятерых Инков, начиная от Уиракочи или от Пачакутека. Максимальной капаккуной можно было бы назвать то, что записал в самый разгар XVII века священник Монтесинос [20] и что составляет список целой сотни правителей. Между этими двумя крайностями стоит знаменитое и столь распространенное резюме из двенадцати, тринадцати или четырнадцати Инков (в зависимости от вкусов потребителя), оставляющее впечатление сравнительно позднего изобретения, относящегося к эпохе Пачакутека» [21].

Здесь достаточно точно изложена ситуация с источниками, из которых мы знаем о капаккуне. Однако большинство хронистов и наибо-

---

[15] *Гарсиласо*. История..., с. 418, 489, 600.
[16] *Гарсиласо*. История.., с. 109.
[17] Член городского магистрата.
[18] *Santillana Fernando de*. Relación del Origen, Descendencia, Política y Gobierno de los Incas.— Tres relaciones de antigüedades peruanas. Madrid, 1879.
[19] Relación del Descubrimiento y Conquista de los Reinos del Perú por *Pedro Pizarro*, 1571.— Colección de Documentos Inéditos para la Historia de España, vol. V. Madrid, 1844.
[20] *Montesinos Fernando de*. Memorias Antiaguas, Historiales y Políticas del Perú.— Colección de libros españoles raros o curiosos, v. XVI. Madrid, 1882.
[21] *Aranibar C*. Pachacutec..., p. 9.

лее авторитетные из них дают именно упомянутое резюме. Видимо, это резюме и соответствует официальной версии капаккуны самих инков (см. с. 207—211).

Трудно поверить в реальную возможность существования в жизни столь совершенного (без единого отклонения от правил престолонаследия!) генеалогического древа «длиною» в тринадцать поколений. Но оно документально, с указанием количества здравствовавших в тот момент представителей всех айлью засвидетельствовано Гарсиласо, – всего 567 особ мужского пола (начало XVII в.) [22],– и Сармьенто де Гамбоа. Последний даже приложил к своей «Индийской истории» нотариально заверенный акт от 29. II 1572 г., подписанный Альваро Руисом Денамабуэлем (Навамуэль), «нотариусом Его Величества» и секретарем вице-короля Перу в присутствии самого Франсиско де Толедо. В акте дан поименный перечень присутствовавших при его составлении представителей двенадцати айлью (Атаульпа не успел обзавестись своим айлью) всех инков-правителей из капаккуны. Всего 42 имени [23].

При этом мы не можем не учитывать, что названные два автора являются представителями диаметрально противоположных позиций в вопросе отношения к инкам, а их сочинения концептуально полностью опровергают и даже исключают друг друга, настолько они несовместимы в смысле оценки инков и их деятельности.

Видимо, и нам ничего не остается, как признать наличие в Тауантинсуйю капаккуны и айлью как родового института, который составил «организационную» основу самого клана правителей и официально вел учет всех законнорожденных инков, распределяя их по айлью, скорее всего, по прихоти правившего сапа-инки. Других объяснений этому документально засвидетельствованному институту мы не находим, равно как не можем поверить и в официальную инкскую версию его возникновения и содержания.

Теперь обратимся к капаккуне и посмотрим, кем была мать Инки Гарсиласо. Она была родной внучкой 10-го инки-правителя Топа Инки Юпанки, родной племянницей 11-го инки Уайна Капака, двоюродной сестрой инки Уаскара, умерщвленного своим братом Атауальпой, и самого Атауальпы, казненного испанцами. Следовательно, Инка Гарсиласо по материнской линии был праправнуком 10-го инки-правителя, двоюродным внуком 11-го, троюродным племянником двух последних правителей Тауантинсуйю (до прихода испанцев), трагически погибших еще до рождения самого Инки Гарсиласо.

О происхождении матери Инка Гарсиласо написал также в составленной им родословной отца, известной под названием «Сообщение о потомстве Гарси Переса де Варгас» [24]. Там указано нижеследующее: «Он (отец.— *В. К.*) зачал меня в Индианке по

---

[22] *Гарсиласо.* История..., с. 647.
[23] *Sarmiento de Gamboa.* Historia Indica, p. 277—279.
[24] *Garcilaso.* Relación de la descendencia de Garci Pérez de Vargas.— Obras completas del Inca Garcilaso de la Vega (далее — *Garcilaso.* Obras completas...), t. I. Madrid, 1965.

имени донья Исабель Чимпу Окльо. Это оба собственных имени — христианское и языческое... Донья Исабель Палья Чимпу Окльо была дочерью Уальпа Тупака Инки, законного сына Тупака Инки Юпанки, и его законной жены Койи Мама Окльо, которая была сестрой Уайна Инки, последнего природного Короля, которого имела та Империя, именуемая Перу...»[25]

В Прологе ко «Всеобщей истории Перу» Гарсиласо повторил, что он «сын матери пальи и перуанской инфанты»[26]. Несколько иначе эта тема прозвучала в «Комментариях»: перечисляя имена сыновей Тупака Инки Юпанки, Гарсиласо сообщает, что «четвертым являлся Вальпа Тупак Инка Йупанки», и добавляет: «...он был моим дедом по материнской линии»[27].

Таковы свидетельства самого Инки Гарсиласо. Долгое время они не только не были подтверждены, но и подвергались сомнению, а иногда становились причиной обвинения Гарсиласо во лжи и самозванном присоединении своей личности к клану инков. Вот что пишет по этому вопросу видный испанский историк П. Кармело Саенс де Санта Мариа, подготовивший к изданию полное собрание сочинений Инки Гарсиласо в знаменитой серии «Библиотека испанских авторов»: «Против этого утверждения писателя говорят «Информации кипукамайоков»[28]... и «Индийская история» Сармьенто де Гамбоа ...которые отрицают наличие более чем двух законных сыновей у Тупака Юпанки, чем автоматически исключается из их числа дед нашего писателя. Более поздние хронисты: Кабельо де Бальбоа[29] и Моруа[30]... признают возможность существования и других законных сыновей того Инки; несмотря на это, Гонсалес де ла Роса решительно заявил, что инкаизм (причастность к клану инков.— *В. К.*) нашего писателя был фальшивым и что «Гарсиласо с самого начала показал, что он лгал во всем» ...Тщательнейшее исследование Аурелио Миро Кесады, мнения которого я придерживаюсь в этом вопросе,— продолжает Кармело Саенс,— позволили идентифицировать индианку Исабель Суарес, которая составила завещание в Куско 22 ноября 1557 г., с матерью Инки; идентификация получила блестящее подтверждение в одном из документов, найденных в Монтилье Поррасом Барренечеа, в котором Инка дает понять, что он знает о смерти своей матери и предоставляет право распоряжаться имуществом, которое ему до-

---

[25] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 237, 238.
[26] *Garcilaso.* Historia general del Perú.— Obras completas..., t. III, p. 14.
[27] *Гарсиласо.* История..., с. 520.
[28] Quipocamayos de Vaca de Castro. Discurso sobre la descendencia y gobierno de los Incas (1540—1541).
[29] *Cabello de Valboa M.* Miscelánea Antártica. Una historia del Perú antiguo (1576—1586). Lima, 1951.
[30] Historia del Origen y Genealogía Real de los Reyes Incas del Perú... compuesta por el padre Fray *Martín de Morúa...* Acabada por el mes de Mayo de 1611.

сталось... Так мы узнаем, что Исабель Суарес утверждает в своем завещании, что она дочь Гуальпы Топа и Куси Чимбо — имена, совпадающие с используемыми Инкой,— и остается только доказать родственную связь между Гуальпой Топа и Инкой Юпанки»[31].

Приведенное высказывание Кармело Саенса достаточно ярко показывает характер дискуссий, которые уже не одно десятилетие ведутся вокруг творчества Инки Гарсиласо. Именно творчества, ибо за вопросом происхождения матери метиса стоит куда более важная проблема: степень достоверности того фактологического материала, который дает Гарсиласо-историк.

Такая постановка вопроса обязывает и нас подробно рассмотреть данную проблему и рассмотреть ее именно на примере родословной матери Инки Гарсиласо, чтобы определить в целом свое отношение к сочинениям метиса. Это важно сделать еще до того, как мы перейдем к главному предмету нашего исследования, т. е. к анализу и определению места и значения творчества Инки Гарсиласо в перуанской историографии и шире — в рождении и становлении общественной мысли Перу.

Начнем с приведенной выше цитаты. В ней для нас чрезвычайно важно то, что два крупнейших исследователя жизни и творчества Инки Гарсиласо независимо друг от друга обнаружили один в Лиме, другой в Монтилье (Испания) документы, которые частично подтвердили закономерность, отмеченную нами выше: истинность сведений, рассказанных самим Инкой Гарсиласо.

Конечно, в его сочинениях есть немало «фактов», рассуждений, высказываний и т. д., которые не только для нас, но и для его современников выглядели нелепостями. Одни из них он сам называет «сказками», другие ставит под сомнение, поскольку не надежен источник. Но у него имеются и иные «факты».

Так, например, в книге второй «Всеобщей истории Перу» (глава XXV) Гарсиласо со всей серьезностью рассказывает о том, как святая дева Мария и святой апостол Яго, покровитель испанцев, помогли конкистадорам во время осады Куско в период всеобщего восстания индейцев. «Когда индейцы были уже готовы напасть на испанцев,— пишет Гарсиласо,— перед ними в воздухе появилась Наша Богоматерь с дитем Христосом на руках, окруженная великой красотой и сиянием, и она встала перед ними. Неверные, глядя на то чудо, оцепенели»[32].

Историческая да и просто человеческая значимость подобных «свидетельств» Инки Гарсиласо пригодна лишь для того, чтобы понять тогдашнее влияние католической религии даже на такие светлые умы, как Гарсиласо. Однако если мы зададим себе вопрос, был ли искренен Гарсиласо при описании подоб-

---

[31] *Carmelo Saenz de Santa María P.* Estudio Preliminar.— *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. XII.

[32] *Garcilaso.* Obras completas..., t. III, p. 125.

ного «исторического факта», то мы склонны ответить на него положительно. Ибо для подавляющего большинства современников Инки они также казались возможными и правдивыми.

Вот почему для нас и в этом случае Инка остается добросовестным историком и честным писателем, а его сочинения — ценнейшим и во многом непревзойденным источником, содержащим ряд уникальных данных.

Но даже такое отношение к трудам Гарсиласо никак не исключает любую работу, направленную на поиск всякого рода данных, связанных с самим Гарсиласо и тем более с историей инков. Справедливость сказанного блестяще доказали Поррас Барренечеа и Миро Кесада, о находках которых говорилось выше и еще не раз будет сказано.

Но подобный поиск при всей его важности точно так же не должен исключать дальнейшую работу над текстами самого Гарсиласо. Тщательное их изучение путем сопоставлений, перекрестных чтений и досконального разбора иногда даже отдельных фраз или случайно оброненных замечаний остается по сей день важной задачей перуанистики и, конечно, изучения творчества самого Инки Гарсиласо — как важнейшего явления, связанного с историей не только Перу, но и всей Латинской Америки.

Однако, к сожалению, даже сегодня, когда из года в год растет число обнаруживаемых документов, безусловно подтверждающих добросовестность и правдивость гениального метиса, не все и не всегда дают достойную оценку творчеству Инки Гарсиласо.

Приведенное Кармело Саенсом высказывание о том, что Гарсиласо «лгал во всем», относится к первому десятилетию нашего века, когда между двумя перуанскими учеными — М. Гонсалесом де ла Роса (это его слова[33]) и Хосе де ла Рива Агуэро — шла ожесточенная публичная дискуссия о творчестве Инки. И хотя с тех пор страсти поулеглись и в целом отношение к Гарсиласо резко изменилось в лучшую сторону, все же позицию Гонсалеса де ла Роса нельзя рассматривать как изолированное явление. Более того, даже в наши дни ученые-гарсиласисты иногда позволяют себе скептические замечания относительно добросовестности Инки Гарсиласо, особенно в том, что касается его высказываний о самом себе и родственных связях по материнской линии. Нам еще придется коснуться этого вопроса, чтобы показать, насколько несостоятелен подобный скептицизм. Здесь же необходимо сказать, что вряд ли уместен и тот ничем не ограниченный восторг, который прозвучал в знаменитой хвалебной речи Хосе де ла Рива Агуэро, произнесенной им 22 апреля 1916 г. в Главном университете «Сан Маркос» по случаю

---

[33] *Gonzales de la Rosa M.* Las obras del padre Valera y de Garcilaso. Réplica inevitable y única a la tesis sostenida ante la Facultad de Letras de la Universidad Mayor de San Marcos por José de la Riva Agüero.— Revista Histórica, v. IV. Lima, p. 312—347.

трехсотлетия со дня смерти Гарсиласо [34]. Такой панегирик по-своему вреден, ибо вызывает соответствующую реакцию. К тому же Инка Гарсиласо не нуждается в нем.

Итак, рассмотрим проблему достоверности в сочинениях Инки Гарсиласо на примере приведенных им в своих сочинениях данных о принадлежности матери к клану инков-правителей Тауантинсуйю.

Выше были дословно воспроизведены практически все опубликованные Инкой Гарсиласо высказывания, касающиеся происхождения Исабель Чимпу Окльо. Но сами по себе эти тексты не могут служить неопровержимыми доказательствами ее причастности к инкскому клану. Однако такое отношение к ним радикально меняется, когда мы узнаем, что первое из этих заявлений (оно также первое, увидевшее свет), хотя и взято из литературного сочинения, является составной частью документа, правда написанного и подписанного самим Гарсиласо. Это письмо-обращение Инки Гарсиласо (от 19 января 1586 г.), предпосланное его переводу «Писем любви» Леона Эбрео и адресованное не кому-нибудь, а самому испанскому самодержцу Филиппу II [35].

Невозможно поверить, что Инка мог пойти на обман в подобном публичном обращении к чрезвычайно подозрительному, мстительному и жестокому правителю Испании. Сообщение заведомо фальшивых данных в таком документе (а письмо к королю во все времена было и остается документом) означало возможность подвергнуть себя слишком большому риску, ибо в те годы здравствовал не один десяток самых наичистокровнейших инков и проверка законности вторжения в их клан самозванца не составляла труда, особенно когда речь шла о королевской чести. Одного намека Филиппа II было бы достаточно, чтобы заявление Гарсиласо о его принадлежности к клану инков было бы тщательно и с пристрастием проверено в самый короткий срок.

Можно было бы предположить, что Инка Гарсиласо рассчитывал, что книга так никогда и не попадет в руки короля. Но подобное предположение отпадает, во-первых, потому, что и без короля было кому заняться этим вопросом (из его же окружения); во-вторых, названный перевод вышел, как тогда требовалось, с личного разрешения короля, удостоверившего издание своим «Я — Король» [36], в-третьих, и это самое главное, Гарсиласо вел переписку по вопросу издания своего перевода «Писем любви» с племянником Филиппа II, главным аббатом Королевского Алькаля, членом Королевского совета князем Максимилианом Австрийским, который не раз замещал своего коронованного дядю в совете, когда тот отсутствовал. Это действительно была

---

[34] Elogio del Inca Garcilaso. Discurso del catedrático Dr. *José de la Riva Agüero*.— Revista Universitaria, año XI, v. I. Lima, abril 1916, p. 335—412.

[35] *Garcilaso*. Dialogos de Amor (traducción).— Obras completas..., t. I, p. 7—9.

[36] *Garcilaso*. Obras completas..., t. I, p. 3, 4.

переписка, потому что Инка предпослал переводу не только свои письма, но и ответ князя Максимилиана на первое из них[37].

Более того, в «Прологе» к «Всеобщей истории Перу» Инка Гарсиласо утверждает, что король Филипп II прочел письма-обращения и даже проявил интерес к самому переводу, назвав его «новым плодом Перу»[38]. Однако читал или не читал, это в конце концов не так уж существенно. Гораздо важнее, что король мог их прочесть, коль скоро о письмах и переводе знал близкий ему по крови и по своему официальному положению человек, проявивший к тому же очевидный интерес к работе Гарсиласо. «С Вашего разрешения,— написал князь Максимилиан Инке Гарсиласо,— я оставлю у себя книгу до конца сентября, чтобы насладиться ею без спешки»[39]. (Письмо датировано 10 июня 1587 г.)

Но приведенные нами доказательства, подтверждающие правоту Гарсиласо, этим не ограничиваются. Из сочинений Гарсиласо мы узнаем два других факта, которые, как нам кажется, сами по себе могут служить достаточно убедительными свидетельствами принадлежности матери Гарсиласо к клану правителей Тауантинсуйю. Они никак не связаны между собой и отдалены друг от друга десятилетиями.

Первый из них порожден искренней любовью Гарсиласо к своим родителям. Его любовь близка к самоуничижению и уже по одному этому исключает какие-либо спекуляции сомнительного свойства со стороны Гарсиласо. Вот почему так правдиво звучит его рассказ о том, как Чимпу Окльо, еще будучи совсем маленькой девочкой, спаслась из атауальповского «лагеря смерти» в Йавар-пампа, «что значит кровавое поле»[40].

«Кое-кто спасся от той жестокости,— пишет Гарсиласо в последней книге своих «Комментариев»,— некоторые не оказались в его власти, а другим сами люди Ата-вальпы, испытывая жалость при виде, как гибнет кровь, которую они считали божественной, устав от вида столь зверской бойни, позволили выйти из того окружения, в котором они их держали, и они сами выгоняли их оттуда, снимая с них королевские одеяния и одевая на них одежду простых людей, чтобы они не были бы узнаны, ибо, как было сказано, по покрою одежды узнавали положение того, кто ее носил. Все, кого недосчитались таким путем, были мальчики и девочки, юноши и девушки десяти и одиннадцати и менее лет; одной из них была моя мать, а [другим] был ее брат, именовавшийся дон Франсиско Вальпа Тупак Инка Йупанки... из его сообщения, которое я много раз слышал, взято все то, что я рассказываю об этом горе и несчастье»[41].

[37] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 5, 6, 10—12.
[38] *Garcilaso.* Obras completas..., t. III, p. 13.
[39] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 6.
[40] *Гарсиласо.* История..., с. 638.
[41] *Гарсиласо.* История..., с. 640—641.

Второй факт, о котором мы считаем нужным рассказать, связан с документом (письмо из Куско), полученным Инкой Гарсиласо в то самое время, когда он закончил свои «Комментарии» и уже, по-видимому, писал «Всеобщую историю Перу». Два момента привлекают внимание в этом эпизоде.

Прежде всего рассказ об этом событии, хотя и значится последней (40-й) главой последней (9-й) книги «Комментариев», представляет собой очевидную приписку, на что указывает сам автор. Во-вторых, интересно то, что последовало за получением упомянутого письма. Уточним: что было сделано Гарсиласо, когда письмо из Перу оказалось в его руках.

Как пишет сам Гарсиласо, письмо содержало просьбу о помощи от проживавших, вернее, влачивших жалкое существование в Перу последних представителей когда-то всесильных инков, низведенных колониальными властями непосильными податями и «другими издевательствами» до уровня «остальных индейцев» [42]. Можно представить себе, как эти гордые «сыны солнца» переживали свое падение, если Гарсиласо не рискнул поместить в своей книге об инках их письмо [43]. «Я не привожу его здесь,— сообщает он читателю,— чтобы не причинять боль [картиной] нищеты, о которой они рассказывают, [говоря] о своей жизни. Они пишут с великой надеждой (и так думаем все мы), что, узнай об этом его католическое величество, он прикажет помочь и окажет им многие другие милости, потому что они потомки королей» [44].

Как же Гарсиласо выполнил поручение инков? В том-то и дело, что никак! Указав, что письма были посланы трем лицам: последнему из законных наследников престола Тауантинсуйю Мельчиору Карлосу Инке, Алонсо де Меса (сыну соратника Франсиско Писарро и, по-видимому, дочери Уайна Капака.— *В. К.*) и ему, Инке Гарсиласо, автор «Комментариев» пишет следующее: «Все это поручение было направлено мне, а я его направил дону Мельчиору Карлосу Инке и дону Алонсо де Меса, которые живут при королевском дворе в Вальядолиде, ибо я из-за этих занятий не мог ходатайствовать по этому делу, которому с радостью посвятил бы жизнь, ибо вряд ли ее можно было использовать лучше» [45].

---

[42] Там же, с. 646.

[43] Из конкистадоров, пленивших в Кахамарке Атауальпу, последним умер Мансио Сьерра Легисамо. Перед смертью он публично признал в завещании от 18.IX 1586 г., обращенном к королю Испании, незаконность завоевания Перу, квалифицировав его как преступление. Сьерра призывал короля обратить внимание на бедственное положение инков; он писал, что они живут в нищете, а испанцы принуждают их заниматься самой грязной работой: служить уборщиками в их домах, вывозить нечистоты к свалкам «по этим улицам» Куско, чтобы публично унизить бывших правителей Перу, и т. п. (*Valcarcel L.* Historia del Perú Antiguo, t. II. Lima, s. f. Apendice, p. 678—681).

[44] *Гарсиласо.* История..., с. 646.

[45] Там же, с. 645.

Из текста данной главы трудно понять, что означают слова «эти занятия». Возможно, что речь шла о написании той самой главы, о которой идет речь: «...я счел, что она подходит к [моей] истории, и поэтому ее добавил сюда»[46].

Прямо скажем, довод малоубедительный для отказа в таком важном деле. Но нас интересует не причина отказа помочь инкам, а сам факт обращения к Гарсиласо представителей клана инков, если, конечно, вся эта история не выдумка самого Гарсиласо. Ибо с подобной просьбой инки могли обратиться только к родственникам (именно таковыми и являлись Карлос Инка и Меса).

Однако допустим, что письма к Гарсиласо действительно не было. Тогда возникает естественный вопрос: зачем было возводить на себя напраслину? Ибо, что бы Инка ни писал о причинах своего отказа помочь авторам письма, он сам сказал, что ничего не сделал для положительного решения их просьбы. Не понимать этого Инка не мог.

Но и в рассматриваемом нами случае вновь «сработала» отмеченная нами закономерность: испанский исследователь Рубен Варгас Угарте обнаружил в Севилье (Испания) в знаменитом Архиве Индий именно тот самый документ, в котором инки из Куско поручали Гарсиласо ведение их дела в Испании[47]. Таким образом, мы получили неопровержимое свидетельство справедливости написанного Гарсиласо в последней главе «Комментариев» и одновременно доказательство его принадлежности к клану правителей Тауантинсуйю. Только этой принадлежностью можно объяснить тот факт, что незаконнорожденному метису, проживающему к тому же в глухой испанской провинции, наравне с единственным законным наследником престола Тауантинсуйю Карлосом Инкой инки доверили миссию защиты интересов уцелевших членов своего клана.

Разве могут быть более убедительные доказательства прямого родства Гарсиласо с кланом правителей Тауантинсуйю?

Но Инка не умел и не хотел обманывать. Он сказал правду, не помышляя о том, что она выставит его перед читателем в не совсем выгодном свете. Правда была для него дороже.

Теперь рассмотрим другие доказательства, подтверждающие достоверность сведений, сообщаемых Гарсиласо.

Выше говорилось, что «Информации кипукамайоков» и «Индийская история» Сармьенто де Гамбоа отрицают наличие у инки-правителя Тупа́ка Инки Юпанки более чем двух сыновей, что якобы «аннулирует» деда Гарсиласо как чистокровного инку. Правда, два других хрониста, как указывалось в той же цитате, дают понять, что у Тупака Инки Юпанки все же было больше

---

[46] *Гарсиласо.* История..., с. 645.
[47] Archivo de Indias de Sevilla, Sección quinta, Audiencia de Lima, 72-1-20, Lima, 472 (*Vargas Ugarte R.* Manuscritos peruanos del Archivo de Indias).

законных сыновей, в числе которых мог находиться и дед Гарсиласо.

Но подобные «доказательства» и «контрдоказательства» носят косвенный характер. Между тем имеется еще один источник XVI в. (в дальнейшем нам предстоит весьма подробно ознакомиться с ним), который не только упоминает интересующего нас инку, но и называет его сыном сапа-инки Тупака Юпанки. Вот что пишет об этом Аурелио Миро Кесада: «Но более точная и менее зависимая от труда и интересов кусковского хрониста (Гарсиласо.— *В. К.*) информация находится в «Новой хронике и добром правлении» Фелипе Уамана Помы де Айала, похоже написанной между 1583 и 1613 годами. Там, говоря о десятой Койе Маме Окльо (которая, согласно автору, была помимо всего прочего «красивой и круглой телом и низенькой... веселой сердцем... и весьма великой ревнивицей»), в качестве одного из ее сыновей называется Тумпа Гуальпа. А когда там же говорится о десятом Инке, Тупаке Инке Юпанки, среди его законнорожденных потомков называются «тупагуальпа» и «кусичимбо», которые и являются точными именами родителей Чимпу Окльо или Исабель Суарес» [48].

Мы хотим воспроизвести оба эти отрывка из рукописи Гуамана Помы полностью, поскольку они помогают понять некоторые детали, представляющие для нас интерес и объясняющие, как мы полагаем, недоразумения, возникшие в связи с родителями матери Гарсиласо.

«Она была замужем за Топа Ингой Юпанки,— пишет Гуаман Пома о 10-й койе,— и имела в качестве детей инфант Рауру Окльо, Маму Уаку, Кури Окльо, Анауаркэ и трех дочерей, которые умерли девственницами, и мужчин: Амаро Ингу, Оторонго Ачаги Ингу и Тунпа Гуальпу Ингу. Из всех ее сыновей королем Инкой был избран младший из них, Гуайна Капак Инга» [49].

А вот что писал Гуаман Пома по поводу потомства Тупака Инки Юпанки (10-й сапа-инка):

«Названный Инка имел в качестве законнорожденных инфантов Апокамока Ингу, Ингу Урку, Аукитопу Ингу, Уисатопу Ингу, *Амаро Ингу, Оторонго Ачачи Ингу, Тупа Гуальпу, Мамауаку*, Кусичимбу, *Анауарке, Рауаоклью, Гуайна Капака* и *Кури Оклью*, которая была младшей. Помимо этого, он имел детей бастардов, [то есть] Лукиконов и Ньюстакон» (отмеченные курсивом имена совпадают в обоих текстах.— *В. К.*) [50].

Как видит читатель, имена детей этой супружеской пары правителей Тауантинсуйю совпадают совершенно определенным об-

[48] *Miro Quesada A.* El Inca Garcilaso y otros estudios garcilasistas. Madrid, 1971, p. 297.
[49] *Guaman Poma de Ayala F.* Nueva Corónica y Buen Gobierno (Codex péruvien illustré). Paris, 1936, p. 139.
[50] Ibid., p. 111 (в рукописи эта страница ошибочно пронумерована автором как 1101.— *В. К.*).

разом: все дети Кольи Мама Окльо (имена трех рано умерших принцесс-инфант не названы) указаны и в списке детей инки-правителя. Его же «личный» список превышает перечень Кольи Мама Окльо на пять имен, из которых два женских и три мужских. Поскольку законнорожденными детьми правителя считались только дети от его законной жены, следует предположить, что Тупак Инка Юпанки был официально женат, по крайней мере, дважды. В этом случае, также опираясь на приведенные выше списки, можно высказать предположение, что родители Чимпу Окльо были детьми одного отца, но разных матерей, поскольку «Кучисимбо» в первом из списков отсутствует. Подобная ситуация для сына правителя, не претендовавшего на престол (по формальным признакам), представляется даже более предпочтительной и не противоречит инкским законам о браке и семье правящего клана (для остальных индейцев у инков были совсем другие законы).

Подводя итог сказанному, мы можем теперь с уверенностью говорить, что Инка Гарсиласо действительно принадлежал по материнской линии к клану правителей Древнего Перу. Возможно, что в его геральдическом древе имелись и какие-то «опечатки», но они не могли внести принципиальных изменений в его родословную, связавшую метиса с инками Тауантинсуйю (кстати, все имена родственников его матери — инкские, т. е. царские, носить которые при инках простым смертным было запрещено под страхом смертной казни).

Теперь нам остается определить свое отношение к Гарсиласо и его главному труду «Подлинным комментариям» — главному предмету настоящего исследования. Как нам представляется, многочисленные отступления и подробный разбор отдельных текстов Гарсиласо убедительно доказывают высокую надежность этого источника.

ОТЕЦ МЕТИСА. ПРОБЛЕМА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЭТНИЧЕСКИХ НАЧАЛ

Мы уже однажды писали, что Инка присвоил себе имя своего отца, не имея на то законных прав [51]. Это утверждение можно считать справедливым с одной только поправкой-разъяснением: закон не предоставлял ему такого «права», поскольку он мог присвоить себе по своему усмотрению любое имя.

Если мы возьмем документы монтильянского периода жизни Гарсиласо, то обнаружим в них следующие имена, которыми он пользовался: Гомес Суарес де Фигероа (имя, данное при рождении), Гомес Суарес де ла Вега, Гарсиласо де ла Вега, Гарсиласо де ла Вега и Фигероа, Гарсиа Ласо де ла Вега, Гарсиласо

[51] *Кузьмищев В.* Инка Гарсиласо де ла Вега и его литературное наследство.— В кн.: *Гарсиласо.* История..., с. 683.

Инга де ла Вега. И это в документах, оформленных нотариусом или приходским священником по всем правилам того времени. Более того, в одном из документов — денежная доверенность от 19 августа 1574 г.— без каких-либо особых объяснений он фигурирует сразу под двумя именами. Там буквально сказано нижеследующее: «Прославленный господин капитан Гарсиласо де ла Вега, проживающий в этом названном местечке, который сказал, что именовался другим именем Гомес Суарес де Фигероа во время, в которое он находился и жил в Новом Свете Индий...» [52] Здесь, как мы видим, два имени; и оба имеют юридическую силу, поскольку Гарсиласо де ла Вега из Монтильи дает распоряжение по поводу своего имущества в Перу, значащегося там за ним как за Гомесом Суаресом де Фигероа.

Но вопрос об имени для нас прежде всего связан с проблемой происхождения Инки. Насколько сложна и запутана эта проблема можно судить по именам ближайших родственников Инки Гарсиласо по отцовской линии.

Родителей отца Инки звали Алонсо Инестроса де Варгас — отец и Бланка де Сотомайор и Фигероа — мать. У них было девять детей. Сыновья: Гомес Суарес де Фигероа-и-Варгас; Алонсо де Варгас-и-Фигероа, именовавшийся некоторое время Франсиско де. Паленсиа (впоследствии опекун и приемный отец Инки); Себастиан Гарсиласо де ла Вега (отец Инки, фигурирующий также под именами Себастиан Гарси Лассо де ла Вега Варгас и Себастиан Ласо де ла Вега); Хуан де Варгас. Дочери: Беатрис де Фигероа, Исабель де Варгас, Леонор де ла Вега, Бланка де Сотомайор-и-Фигероа и еще одна дочь, точного имени которой нет в просмотренной нами литературе (она иногда значится Эльвирой, иногда Тересой; имеющаяся путаница может быть связана с тем, что она, как и ее сестра Бланка, была монахиней).

В перечисленных именах — это действительно имена, а не фамилии в современном понимании этого слова — все же улавливается какая-то связь, однако надежной или объясняющей степень родства, да и само родство, ее никак не назовешь. Вот почему нам придется в этом вопросе почти исключительно следовать только двум источникам: «Сообщению о потомстве Гарси Переса де Варгас», автором которого является сам Инка, и уже упоминавшемуся труду перуанского ученого Аурелио Миро Кесады «Инка Гарсиласо и другие гарсиласистские исследования».

Может показаться, что мы уделяем неоправданно большое внимание «семейным делам» и «родственным связям» Инки Гарсиласо. Но проблема «чистоты крови» тревожила Инку не только в социальном плане. Конечно, сама испанская жизнь, сплошь заставленная, а точнее, перегороженная многочисленными социальными барьерами, начиная от приставки к имени «дон» и кон-

---

[52] Inca Garcilaso en Montilla (1561—1614). Nuevos documentos hallados y publicados por *Raúl Porras Barrenechea*. Lima, 1955, p. 171.

чая правом сидеть в присутствии испанского короля, заставляла его постоянно помнить и об этой стороне вопроса. Но не все было так просто, как может показаться сегодня. Вот почему прав известный гарсиласист Хуан Баутиста Авалье-Арсе, когда пишет, что «испанское общество, в котором Инке довелось играть свою роль, было разъедено самоубийственной навязчивой мыслью о чистоте крови. Целая сложная система правил по чистоте угнетала человека и душила свободное проявление личности» [53].

Однако, с точки зрения Гарсиласо, знатность происхождения гарантировала также и нечто более важное: достоверность того начала, которое было заложено в его родовую линию. Гарсиласо были нужны и очень нужны именно родственники «чистых кровей», чтобы как можно рельефнее показать те два начала — испанское и индейское, которые слились в нем воедино, дав жизнь новому расовому сплаву.

Конечно, Гарсиласо не мог проникнуть в суть расовой проблемы едва только зарождавшейся Латинской Америки, понять ее и тем более дать ответ на множество возникавших при этом вопросов. Но уже одно только то, что именно эта проблема становится для него вопросом всей его жизни, возвеличивает Гарсиласо, ставит его имя в один ряд с выдающимися именами той эпохи. Вот почему мы можем со всей справедливостью называть Инку Гарсиласо «первым латиноамериканцем», хотя он сам был далек от такого понимания им же поставленного вопроса.

Желание, а вернее, необходимость как можно точнее выявить испанскую родовую линию, побудила Гарсиласо начать поиск далеких предков своего отца. Результатом этого поиска и явилось упоминавшееся «Сообщение». Первоначально Инка решил опубликовать его в качестве предисловия к своей книге «Флорида», однако в силу каких-то не известных нам обстоятельств, он отказался от этой мысли и даже не предпринял попытку издать «Сообщение».

Поскольку «Сообщение» не только содержит интересующую нас информацию о предках Инки Гарсиласо, но и помогает проникнуть в духовный мир выдающегося метиса, мы сочли необходимым воспроизвести его в настоящей главе.

Здесь же попытаемся выделить наиболее известных предков Инки Гарсиласо по отцовской линии.

Как можно понять из самого названия «Сообщения», Гарсиласо начинает «отсчет» своих предков от Гарси Переса де Варгас — одного из самых прославленных рыцарей короля Фернанда III, прозванного «Святым» (годы царствования 1230—1252). Он был активнейшим участником реконкисты Андалузии и особенно отличился при взятии у арабов города-крепости Севильи.

---

[53] *Bautista Avalle-Arce J.* El Inca Garcilaso en sus «Comentarios» (Antología vivida). Madrid, 1964, p. 11.

Инка записал в «Сообщении» слова народной песни, воспевшей подвиг рыцаря при штурме Севильи (см. с. 40).

Одним из потомков прославленного рыцаря (прадед деда Инки Алонсо де Инестроса) своей женитьбой внес посильный вклад в дело возвеличивания своего рода, ибо его жена передала их потомкам кровь своего родича-поэта Гарси Санчеса де Бадахос, уроженца города Эсиха, который Гарсиласо называет «Фениксом испанских поэтов»[54]. Известный поэт, монах и секретарь короля Арагона Фердинанда (в результате женитьбы Фердинанда на Изабелле Кастильской произошло объединение Испании в единое государство) Кристобаль де Кастильехо посвятил этому предку Гарсиласо весьма выразительные стихотворные строки (см. с. 43)[55].

Вполне понятно, что мы выделили эти два имени из куда более длинного перечня титулованных и нетитулованных особ, с завидной тщательностью и старанием размещенных Инкой Гарсиласо по развесистым «ветвям» генеалогического древа своего отца. Но среди этого великого разнообразия имен нет ни одного Гарсиласо де ла Вега — тезки Инки и его отца.

Оказывается, они, их тезки, расположились на другом древе, на древе матери Себастиана Гарсиласо (таковы странности испанской генеалогии) доньи Бланки де Сотомайор и Фигероа. И их оказалось там немало.

Ближайший из них (по степени родства) был родным братом отца доньи Бланки. Он не без успеха служил при католических королях Изабелле и Фердинанде, был одно время их «Маестресала»[56], а затем послом в Риме при папе Александре VI. Его сын, также Гарсиласо де ла Вега, прозванный «толедано» (он родился в Толедо),— знаменитый испанский поэт и воин, погибший совсем молодым при штурме одной из вражеских крепостей (1503—1536).

Но не они были первыми и самыми «древними» тезками Инки и его отца. Еще у короля Леона и Кастильи Альфонса XI «Законника» (1312—1350) был фаворит по имени Гарси Лассо «Старик», сын которого Гарси Лассо де ла Вега «Юноша» проявил исключительные мужество и отвагу в сражении против мавров у речушки Саладо (1340; провинция Кадис), за что был удостоен высочайших почестей от короля Альфонса XI, а подвиг его был воспет в стихах[57].

Потомки этих двух Гарсиласо также занимали высокое положение при дворах разных королей; некоторые из них даже породнились с членами царствующих семей. В числе их родичей

---

[54] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 232.

[55] Ibid., p. 233.

[56] Распорядитель званого королевского стола, определяющий рассадку и руководящий процессом подачи блюд.

[57] *Miro Quesada A.* El Inca..., p. 10.

оказался и знаменитый поэт маркиз де Сантильяна, дон Иньиго Лопес де Мендоса (1398—1458), одно из самых прославленных имен испанской литературы.

По этой же линии среди родственников Инки Гарсиласо были влиятельные сеньоры из дома Ферна, также тезки метиса, но по имени, данному ему при крещении — Гомес Суарес де Фигероа. Между прочим, этим же именем звали деда отца Инки (по материнской линии) и у него также была своя личная кличка «Хриплый». Другой из этих тезок был графом де Ферия, а позднее стал даже герцогом, удостоившись тем самым наивысшего титула испанской аристократии [58].

Если попытаться сгруппировать перечисленные Инкой в родословной знаменитости, то получается довольно простая картина: среди родственников-испанцев Инки преобладали воины и поэты, некоторые из них сочетали обе профессии или занятия. И, словно всех перечисленных знаменитостей было мало, Инка Гарсиласо уже в зрелом возрасте «заполучил» в число своих свойственников еще одного выдающегося испанского поэта — Луиса де Гонгора-и-Арготе.

Отец метиса не стал поэтом. Ему досталась только шпага. С ней он и покинул Испанию, чтобы на землях Нового Света приумножить воинскую славу своего рода. Такое решение Себастиан Гарсиласо, скорее всего, принял потому, что он не был перворождным сыном и по законам майората ему практически ничего не досталось из родовых богатств, привилегий, титулов и т. п. Все это Себастиану Гарсиласо предстояло добывать самому. Его брат Алонсо воевал в Европе и, по-видимому, в те годы мало чего добился, а из Нового Света в Испанию хлынуло золото Мексики. Туда были устремлены взоры всех, кто мечтал быстро обогатиться, поправить свои личные дела и общественное положение. Для этого нужно было поставить на карту только свое состояние, если оно имелось, да еще и жизнь. Среди этих страждущих нашлось место и для Себастиана Гарсиласо де ла Вега.

Точная дата рождения Себастиана Гарсиласо неизвестна. Предполагают, что он родился в 1500 г. в Бадахосе, стоящем на берегу Гвадианы, недалеко от границы с Португалией. Это крайняя юго-западная часть Кастилии, известная под именем Эстремадура. Между прочим, эстремадурцами были братья Писарро, Кортес и многие другие конкистадоры. Бесспорно, что в дальнейшем факт землячества должен был сыграть свою роль в отношениях Себастиана Гарсиласо и братьев Писарро.

Нет также точных сведений о том, когда и с кем Себастиан Гарсиласо впервые прибыл в Новый Свет. Вот что пишет об этом Аурелио Миро Кесада:

---

[58] *Bautista Avalle-Arce J.* Documentos inéditos sobre el Inca Garcilaso y su familia.— San Marcos, N 7. Segunda época, diciembre 1967 — enero-febrero 1968 (Lima), p. 13.

«Точно неизвестно, когда он пересек океан и совершил ли одно или два путешествия в Америку. По крайней мере, можно утверждать, что он окончательно остался там начиная с 1531 года, однако по сей день не обнаружены или не опубликованы какие-либо документы, которые пояснили бы этапы его плаваний (в Америку.— *В. К.*). Также неизвестен его первый пункт назначения и какого капитана или какую экспедицию он сопровождал, хотя наиболее вероятным представляется его приезд с Педро де Альварадо, когда тот возвращался в Америку, подтвердив (у испанской короны.— *В. К.*) свое назначение губернатором и капитан-генералом Гватемалы. Возможно, что он проследовал в Мексику, движимый, как и многие другие, жаждой приключений (точнее было бы сказать «жаждой наживы».— *В. К.*) ...однако и в этом вопросе нет документальных подтверждений» [59].

Предположение об Альварадо, видимо, возникло по той причине, что Себастиан Гарсиласо пришел завоевывать Перу именно под знаменами Педро де Альварадо.

Однако здесь нам придется прервать рассказ о Себастиане Гарсиласо, чтобы напомнить читателю о том, как испанцы узнали, что на юге от уже открытых и завоеванных ими земель Нового Света лежит таинственное царство, несметные богатства которого лишь ожидают их прихода,— именно так воспринималось испанцами любое «сообщение», любые слухи, постоянно циркулировавшие даже среди бывалых конкистадоров. В своей массе невежественные и доверчивые как дети, отравленные невероятным самомнением и убежденностью в своем превосходстве над остальными народами мира, фанатически верящие в своего Христа, испанские конкистадоры не знали, да и не могли знать, что их руками с крестьянскими мозолями и солдатскими рубцами стремительно расчищала себе дорогу новая социально-экономическая формация — капитализм. Индейское золото Америки было призвано сыграть в этом исторически неизбежном процессе важную роль.

«...*Золото*,— писал Фридрих Энгельс,— было тем магическим словом, которое гнало испанцев через Атлантический океан в Америку; *золото* — вот чего первым делом требовал белый, как только он ступал на вновь открытый берег. Но эта тяга к далеким путешествиям и приключениям в поисках золота, хотя и осуществлялась сначала в феодальных и полуфеодальных формах, была, однако, уже по самой своей природе несовместима с феодализмом...» [60]

Ф. Энгельс уточняет эту чрезвычайно важную особенность заморского предпринимательства, зародившегося, как он указывает, в рамках феодализма, но уже перешагнувшего их: «...море-

---

[59] *Miro Quesada A.* El Inca..., p. 9, 10.
[60] *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 408.

плавание было определено буржуазным промыслом...» [61],— пишет он, обращая внимание читателя на слово «*буржуазный*».

Как это ни парадоксально звучит, но испанцы вначале завоевали и только потом открыли для себя то, что уже было завоевано ими,– государство инков Тауантинсуйю. Ибо трудно поверить в то, что две сотни солдат решились бы напасть на государство, знай они, что его население превышает 10 миллионов человек [62], что война для него – главный смысл существования, что в короткий срок инки могли выставить против своего противника хорошо организованную армию в несколько сотен тысяч человек.

Но испанцы не знали этого. Они даже усомнились в умении индейцев считать, когда в Кахамарке один из перебежчиков или пленных пытался объяснить им, что стоящее против них войско Атауальпы насчитывает не менее пятидесяти тысяч воинов. Тут было над чем задуматься, было чего бояться. «Я слышал от многих испанцев,— расскажет через много лет очевидец,– что, не замечая того, они мочились под себя от одного только страха» [63]. Можно было умирать со страха, но чтобы не погибнуть, нужно было действовать, что-то предпринимать. Опыт мексиканской конкисты подсказал единственный выход из положения, которое не казалось, а действительно было абсолютно безвыходным, ибо на каждого испанского конкистадора в Кахамарке приходилось от 400 до 500 воинов-индейцев... [64]

Паскуаль де Андогойя был первым из испанцев, который действительно что-то прослышал о Перу. Он был солдатом Педрариаса Давилы и участвовал не в одном военном походе. Но война отняла у него здоровье, и по просьбе своего командира он уступил право первооткрывателя и конкистадора Перу триумвирату, возникшему в Панаме именно с целью «служить Его Величеству в открытиях, заселении и умиротворении [земель] Моря Юга» [65]. В него вошли Франсиско Писарро, бывалый воин, сражавшийся в рядах испанцев еще в Италии и Наварре, активный участник нескольких конкист в Новом Свете, в том числе знаменитого похода Васко Нуньеса де Бальбоа, когда испанцы впервые пересекли перешеек, соединяющий Северную и Южную Америку и вышли на берег Моря Юга — Тихого океана (сентябрь 1513 г.). Вторым членом триумвирата стал священник Фернандо де Люке, бывший в Панаме маэстрескуэла – почетное звание профессора-теолога. Когда триумвират поначалу терпел одни убытки (его финансовыми делами заправлял именно Люке, задолжавший в Панаме огромные суммы), острословы переименовали Люке в «Локо», что по-испански означает «безумный». Третьим был «вообще никому не известный» Диего де Альмагро [66].

Первые плавания в южном направлении (1524 г.) принесли не только разочарования, но и серьезные финансовые и людские потери, а Альмагро

---

[61] *Энгельс Ф.* О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21, с. 409.

[62] Л. Валькарсель называет цифру в 14 млн. человек.— *Valcarel L.* Historia del Perú Antiguo, t. I, p. 39.

[63] *Pizarro P.* Relación...— Biblioteca Peruana. Primera Serie, t. I, p. 468.

[64] *Pereyra C.* Historia de América Española, t. VII. Perú y Bolivia. Madrid, 1921, p. 124.

[65] *Vega J. J.* La guerra de Viracochas. Lima, p. 17.

[66] *Pereyra C.* Historia..., p. 18.

в стычке с индейцами лишился глаза. Но слухи о сказочно богатом царстве все же подтвердились: индейцы говорили, что где-то далеко на юге находилась страна «сынов солнца».

Похоже, что в это верили только сами члены триумвирата и никто больше. 10 марта 1526 г. Писарро, Альмагро и Люке подписывают знаменитый контракт, фактически отрезающий для каждого из них пути к отступлению [67]. Слово «подписывают» следует понимать условно: за Писарро подпись ставит Хуан де Паньес, а за Альмагро – Альваро де Кирос. Сами же конкистадоры рисуют на бумаге кресты, поскольку ни писать, ни читать оба не умели.

Снаряжаются новые корабли, вербуются новые солдаты, растут все новые и новые долги. Вторая экспедиция отплывает на двух кораблях и трех больших каноэ. Главный лоцман Бартоломе Руис увозит на них 160 испанцев, индейцев для обслуживания (их никто не считает) и несколько лошадей. Экспедиционеры плывут на юг вдоль берега материка. К стычкам с индейцами и невероятно тяжелым природно-климатическим условиям вскоре присоединяется нехватка провианта, одежды, оружия. Положение становится настолько критическим, что солдаты уже не подчиняются своему вождю, угрожая ему физической расправой. Многие требуют возвращения назад, другие серьезно больны и стали обузой. Ушедшие за подкреплением корабли не возвращаются обратно. Их ожидание на острове Гальо, где высадились экспедиционеры, похоже на ад. Чтобы не умереть с голоду, приходится охотиться на всякую живность, собирать коренья и плоды растений, каждый раз проверяя на самом себе, не окажутся ли они ядовитыми. Но нужно выжить, не умереть с голоду.

Как ни старался Писарро скрыть от властей подлинную обстановку, царившую среди его солдат, все же кто-то из них сумел каким-то образом переслать на последнем корабле, ушедшем в Панаму за подмогой и провиантом, записку, в которой содержалась жалоба на имя губернатора Педро де лос Риос. До нас эта жалоба дошла в виде четырех стихотворных строк, авторство которых приписывается матросу по имени Сарабиа (в ту эпоху многие сочиняли стихи):

Губернатор! Взгляни ненароком,
Чтобы взгляд твой сюда проник:
Заготовщик у вас под боком,
С нами здесь остался мясник [68].

«Заготовщиком» был Альмагро, поставлявший Писарро солдат, а сам покоритель Перу тогда многим испанцам действительно представлялся «мясником» – слишком много гибло солдат и слишком мало поступало взамен золота. Вернее, в тот момент его вообще не было.

Вот почему на корабле, который все же пришел наконец из Панамы к острову Гальо, вместо очередной партии «заготовленных» Альмагро солдат, оказался присланный губернатором инспектор Хуан Тафур. И тут Писарро принимает отчаянно смелое решение, красочно описанное во всех хрониках

[67] Ibid., p. 24.
[68] *Garcilaso.* Historia general del Perú.— Obras completas..., t. III, p. 28.

и учебниках истории; острым концом своего меча он проводит прямо по земле линию и, показывая на ту часть, которая находится за чертой, говорит, что там смерть, голод, труд, нехватка одежды, водные преграды и пустыни, которые придется преодолевать, но это путь к богатству. По эту сторону черты – спокойствие и безопасность; этот путь ведет в Панаму и к нищете. «Выбирайте,– требует он у своих солдат,– что больше подходит доброму кастильцу», и переступает черту (сентябрь 1527 г.)

Первыми присоединились к нему Бартоломе Руис и Педро де Кандиа (грек по национальности). Потом черту перешли другие, однако сколько их было точно, неизвестно. Франсиско де Херес, ставший секретарем Франсиско Писарро в бытность последнего уже губернатором Перу, в своем «Правдивом сообщении о конкисте Перу и провинции Куско, именовавшейся Новая Кастилья» (1535 г.), сообщает, что «с капитаном Писарро осталось шестнадцать человек, а все остальные люди уплыли в Панаму на двух кораблях»[69]. Но Херес не называет имена оставшихся (он вообще не указывает имена участников конкисты, кроме Франсиско Писарро и его брата Эрнана).

Первым, насколько мы можем судить, имена этих соратников Писарро назвал королевский казначей Агустин де Сарате, опубликовавший в 1555 г. «Историю открытия и конкисты провинции Перу» – также одно из самых первых сочинений о конкисте. Вот их имена: Николас де Рибера, Педро де Кандиа, Хуан де Торре, Алонсо Брисеньо, Кристобаль де Перальта, Алонсо де Трухильо, Франсиско де Куэльяр, Алонсо де Молина и Бартоломе Руис[70]. Их девять, хотя Сарате несколькими строками раньше говорит, что Писарро остался «только с двенадцатью своими товарищами»[71].

Инка Гарсиласо, воспроизведя по Сарате эти же имена, добавляет к ним еще следующие: Франсиско Родригес и Херонимо или Алонсо де Рибера (однофамилец Риберы из первого списка)[72]. Из других источников известны еще пять имен: Доминико де Сориа Люсе, Педро Алькон, Антон де Каррион, Мартин де Пас и Гарсиа де Херес (или Харен)[73].

Таким образом, получается 16 имен, что соответствует Хересу, однако большинство хронистов (Сарате, Гарсиласо, Гомара, Педро Писарро) считает, что их было 12 или 13 человек, включая самого Писарро.

Затем к Писарро и его товарищам присоединяются люди, приплывшие после того, как губернатор Панамы все же согласился на продолжение конкисты. Они забирают их с острова Горгона, куда перебрался Писарро (здесь оказалось больше съедобной живности – крабы, морские раки и особенно крупные змеи), и через 20 дней плавания достигают бухты Гуаякиль, у южного входа в которую едва виднеются очертания какого-то города. Это Тумбес (Тумпис) — владения инков. Три года жестоких мучений не пропали даром.

---

[69] Verdadera Relación de la Conquista del Perú y Provincia del Curzo llamada Nueva Castilla... enviada a su majestad por *Francisco de Xerez...*— En: Crónicas de la conquista del Perú. México, s. f., p. 35.

[70] Historia del descubrimiento y conquista de la provincia del Perú... por *Agustín de Zárate.*—En: Crónicas... México, s. f., p. 515.

[71] Ibid., p. 514.

[72] *Garcilaso.* Historia general del Perú.— Obras completas..., t. III, p. 29.

[73] *Pereyra C.* Historia..., p. 28.

Испанцы проявляют поразительную сдержанность: большой и богатый город посещают лишь «послы» Писарро. Рассказу первого из них – Алонсо де Молина испанцы не верят. Тогда на берег высаживается Педро де Кандия. Это он, единственный из конкистадоров, и именно тогда увидел золотой сад, сделанный в натуральную величину (растения, плоды, животные, насекомые, птицы) из драгоценных металлов и подробно описанный Инкой Гарсиласо в «Комментариях» [74].

Экспедиция спускается еще дальше на юг, доходит до места, где сегодня расположен г. Трухильо (Перу), и поворачивает назад в Панаму.

Они привозят не только рассказы об увиденном, но и вещественные доказательства: животных, одежду туземцев, их изделия из золота и серебра. Испанцы не забывают прихватить с собой по примеру других конкистадоров и самих индейцев и среди них одного, которому суждено будет войти в историю, чтобы хоть как-то оправдать вероломство великого завоевателя Франсиско Писарро. Это Филипильо (Филипок), будущий толмач конкистадоров, переводы которого, как пытаются объяснить испанские историки вот уже в течение трех с половиной столетий, были до такой степени недоброкачественны (и недоброкачественны преднамеренно), что привели Атауальпу на плаху. Правда, они забывают при этом ответить на такой простой вопрос: а откуда вообще может быть известно о качестве переводов Филипильо, если сами испанцы в то время не знали языка индейцев?..

Теперь, когда все поверили в реальность царства «сынов солнца», нужно было спешить в Испанию, чтобы с помощью королевских капитуляций застраховать свое предприятие от возможных конкурентов. Триумвират продает все свое имущество; и в апреле 1528 г. Писарро уплывает в Испанию, чтобы там почти сразу... угодить в тюрьму за какие-то старые грехи. Однако ему удается освободиться, и 26 июля 1529 г. он подписывает «Толедскую капитуляцию» с королевским двором [75].

В Панаму Писарро возвращается пожизненным губернатором, капитан-генералом, главным альгвасилом (судьей) земель, которые не только не завоеваны, но даже не открыты.

Писарро не забыл и своих компаньонов — священника Люке и Альмагро. Однако им достались менее значительные привилегии.

Бартоломе Руис был назначен Главным лоцманом Моря Юга (Тихого океана), а все «тринадцать прославившихся» стали дворянами (идальго); те же из них, кто уже был дворянином, оказались повышены до ранга «рыцаря с золотыми шпорами» [76].

Альмагро был недоволен результатами поездки Писарро. По-видимому, с этого момента начинается охлаждение между двумя компаньонами и побратимами, которое в конце концов привело к гибели их обоих.

В Испании Писарро встретился со своим двоюродным братом (primo) Эрнаном Кортесом, покорителем Мексики, опытом которого он воспользуется в своей конкисте. Оттуда Писарро возвращается с двумя сотнями солдат, среди которых, по-видимому, находились все его братья и другие род-

[74] *Гарсиласо.* История..., с. 193—195.
[75] *Vega J. J.* La guerra..., p. 18.
[76] *Pereyra C.* Historia..., p. 33, 34.

ственники и «кумовья», также эстремадурцы. К его экспедиции присоединяются и испанцы из Нового Света. Всего он собирает под свои знамена около 300 человек, однако первый отряд, отплывший вместе с ним на трех кораблях в сторону Перу в январе 1531 г., состоял из 180 человек, 27 лошадей и вспомогательных индейцев.

Дули попутные северные ветры, и через тринадцать дней корабли добрались до бухты Сан Матео. Здесь основная часть конкистадоров сошла на берег и, преодолевая невероятные трудности, двинулась дальше на юг по побережью. Как отмечают историки и хронисты, Франсиско Писарро проявил незаурядную храбрость и мужество. При переправах через многочисленные реки он иногда по нескольку раз плыл туда и обратно, перенося на себе грузы, помогая товарищам, не умевшим плавать. «Это был гигант воли и физической стойкости»,— пишет Карлос Перейра [77].

В селении Коакэ испанцам досталась первая военная добыча — золото и другие драгоценности, огромные запасы еды (не меньше чем на три года). Драгоценности немедленно отправляют в Панаму для снаряжения подкреплений, где добыча была оценена в 30 тыс. песо. Сумма могла бы быть во много раз больше, если бы среди испанцев в то время не бытовало мнение, что подлинность изумрудов лучше всего проверяется на наковальне ударом увесистого молотка: тот камень, который не разобьется, и есть изумруд. В Коакэ они «проверили» целую гору изумрудов и были страшно разочарованы, что среди камней не оказалось «настоящего».

В Пуэрто Вьехо (современный Эквадор) к конкистадорам присоединяются со своими людьми Себастиан де Беальалькасар и Хуан Флорес (Хуан Фернандес, по Гарсиласо), приплывшие из Никарагуа. Узнав, что между жителями острова Пуна и Тумбеса возник военный конфликт, испанцы пытаются урегулировать его, но и те и другие индейцы оказывают им сопротивление. Жестокость, с которой испанцы усмиряют их, потрясает индейцев.

1 мая 1532 г. испанцы возобновляют свое продвижение дальше на юг, оставляя, где находят нужным, немногочисленные, но прекрасно вооруженные гарнизоны. У устья реки Чира 15 июля 1532 г. Писарро основывает крепость Сан Мигель (ныне ее нет на карте) рядом с Пуэрто де Пайта (Пайта). За «враждебные намерения» испанцы сжигают 13 индейских царьков, попытавшихся оказать в Чира сопротивление одному из отрядов Писарро.

Теперь испанцы твердо знают от индейцев, что правитель страны, где они воюют уже больше года и по землям которой прошли походным маршем не меньше двух тысяч километров, находится не на побережье, а где то в горах, рядом с крупным городом или селением Касамарка (Кахамарка). Как утверждает Гарсиласо, к этому времени Атауальпа уже не только знал о продвижении испанцев по землям его «империи» (в этом можно не сомневаться, ибо служба информации в Тауантинсуйю находилась в идеальном состоянии и отличалась невероятной оперативностью и точностью), но и посылал своих послов-разведчиков к Писарро, чтобы уяснить намерения

---

[77] *Pereyra C.* Historia..., p. 40.

последнего[78]. И не однажды: «Два дня спустя (после первого посольства. – *В. К.*) к генералу пришло другое, более торжественное посольство от короля Атауальпы; он прислал его вместе со своим братом, именовавшимся Титу Атаучи...»[79] Посольство, видимо, имело целью задержать продвижение испанцев и предотвратить избиения населения, имевшие место в Пуне и Тумбесе[80].

Но Писарро уже принял решение. Он хорошо помнил советы Кортеса, сумевшего захватить в плен правителя ацтеков Монтесуму и тем самым прибрать к своим рукам всю их страну. Преодолев за два месяца «двадцать лиг мертвой пустыни» и горные хребты и перевалы[81], Писарро вышел в высокогорную долину, где перед ним 15 ноября предстала Кахамарка (посольства Атауальпы встретили его в конце этого тяжелого пути).

Дальнейшие события подробно описаны со слов очевидцев. В главном они совпадают практически у всех авторов. Испанцы входят в Кахамарку и размещаются в зданиях, фасады которых образуют центральную (самую крупную) площадь города. Франсиско Писарро посылает Эрнандо де Сото к Атауальпе, чтобы уговорить его посетить испанцев, «фигурирующих» в переговорах в качестве инкских богов-виракоч. Поскольку Сото задерживается, ему вслед едет родной брат губернатора Эрнандо Писарро. Атауальпа знает, что самих испанцев менее 200 и только 37 из них всадники. Он соглашается на визит, очевидно, приняв тайное решение уничтожить чужеземцев, если их поведение чем-то не будет устраивать его. (Скорее всего, его гложат сомнения, а вдруг они действительно виракочи? Ведь он был таким же, как и все, индейцем-язычником.) Эрнандо Писарро и Сото возвращаются в Кахамарку, и тогда разрабатывается план пленения Атауальпы: испанцы впустят на «свою» площадь Атауальпу со свитой, а сами останутся в зданиях. К Атауальпе выйдет один только монах-доминиканец Вальверде. Он предложит индейцам принять христианство, а когда те откажутся (хотя бы потому, что ничего не поймут), он подаст знак для нападения. Правда, многие историки пытаются доказать, что выход Вальверде к Атауальпе был его собственной инициативой. Более того, он якобы хотел предотвратить побоище обращением неверных в христианство. Однако это только слова, никак и ничем не подтвержденные.

Визит Атауальпы был назначен на следующий день. Наступила ночь томительного ожидания и страха, столь реалистично описанная племянником завоевателя Перу Педро Писарро. Тысячи огней мерцали в черной долине, словно само небо со звездами опрокинулось на землю,— это горели костры воинов Атауальпы. Было от чего испытывать страх; было чего бояться....

Вальверде протянул Атауальпе молитвенник. Тот, должно быть, до крайности изумился наглости человека в длиннополом одеянии и, как полагается истинному монарху, оттолкнул от себя этот странный предмет, который увидел впервые в жизни. Скорее всего, он даже не прикоснулся к нему – это было бы унизительно для владыки Четырех сторон света. Оказался ли молитвенник на земле или не оказался – теперь не докажешь, да и какое

---

78 *Garcilaso*. Obras completas..., t. III, p. 36, 37.
79 Ibid., p. 37.
80 Ibid., p. 38, 39.
81 Ibid., p. 37.

это имеет значение. Вальверде что-то крикнул. Это был сигнал, которого испанцы ждали. И они разрядили свое огнестрельное оружие в многотысячную толпу индейцев. Результат был убийственным в прямом и переносном смысле слова.

По разным данным, Атауальпа привел на площадь «свиту» в 5 или 6 тыс. человек. Выстрелы из пушек и аркебузов могли физически уничтожить несколько десятков или, допустим, полторы-две сотни человек, что представляется уже менее вероятным, если мы примем во внимание качество тогдашнего огнестрельного оружия, а еще больше тот факт, что толпа стояла плотно сомкнутыми рядами и первая шеренга служила непробиваемой защитой для всех остальных. Но выстрелы «убили» индейцев морально, вызвав у них такой невероятный ужас, который мы просто не можем себе представить. Возникла невообразимая паника — самый страшный враг толпы. На площадь выскочили конные и пешие испанцы, были спущены специально натренированные собаки, и избиение началось. Напор стремившихся покинуть площадь людей был настолько силен, что рухнула стена одного из зданий,– а инки умели строить на редкость прочно и добросовестно. Ничем не защищенные от стальных испанских мечей тела индейских воинов буквально разлетались на куски под ударами палачей. По свидетельству большинства хронистов, на площади в Кахамарке погибло от 2 до 3 тыс. индейцев [82]. И только один испанец получил ранение. Им оказался сам Франсиско Писарро: он то ли пытался защитить Атауальпу от не в меру распалившегося испанского солдата (Атауальпа нужен был живой, как учил опыт Кортеса), то ли хотел вырвать у кого-то из своих же людей золотые носилки правителя Тауантинсуйю, что вполне соответствует тогдашним нравам.

Так или иначе, но главное было достигнуто: Атауальпа оказался в руках у испанцев и при этом живой, хотя и до смерти напуганный случившимся. Последнее было столь же необходимо, как и само пленение: пленник должен был сыграть чрезвычайно важную роль, заранее «написанную» для него неграмотным Франсиско Писарро, отныне, правда, ставшим по милости короля Испании маркизом де Атавильос...

Себастиан Гарсиласо не участвовал в этих событиях. Из Мексики, где уже нечего было делать человеку, прибывшему в Новый Свет для того, чтобы найти свое счастье в завоевательных походах, он направился в Гватемалу. (Имеются документы, подтверждающие его пребывание там [83]). В Гватемале он, скорее всего, встал под знамена Педро де Альварадо, тамошнего губернатора и капитан-генерала, бывшего ближайшего сподвижника Кортеса. Кроме того, Альварадо, как и Себастиан Гарсиласо, был уроженцем Бадахоса, что могло оказаться полезным для последнего.

Вот почему, когда Педро де Альварадо начал собирать людей для конкисты Перу, в числе его капитанов оказался и Себастиан

---

[82] *Pereyra C.* Historia..., p. 125.
[83] *Miro Quesada A.* El Inca..., p. 16.

Гарсиласо. Как или за что он получил это звание — неизвестно.

Альварадо провел общий сбор своих войск 11 января 1534 г. на острове Хагуэй, откуда и началась его экспедиция. Себастиан Гарсиласо значится в числе собравшихся там солдат и капитанов. Вместе с ним в военной кампании Альварадо приняли участие его родной брат Хуан де Варгас и двоюродные братья — Гомес де Луна и Гомес до Тордойя. Конкистадоры морем добрались до Пуэрто Вьехо, а оттуда направились через труднопроходимые районы материка прямо на Кито. Этот город был столицей царства того же названия, которое завоевал и подчинил Тауантинсуйю Инка Уайна Капак. Кито настолько полюбился Уайна Капаку, что тот фактически превратил его во вторую столицу своей «империи». Дочь царя Кито стала его любимой женой, а точнее, наложницей. Именно она родила Уайна Капаку сына Атауальпу.

Однако войско Альварадо не дошло до Кито. Дело в том, что после казни Атауальпы (24. VI 1533) один из его военачальников Руминьяуи бежал в Кито, где поднял восстание, стремясь создать свое собственное царство, независимое как от инков, так и от испанцев. Чтобы подавить восстание Руминьяуи, в Кито вышел Диего де Альмагро, но еще в дороге он узнал, что солдаты Себастиана де Бельалькасара уже разгромили Руминьяуи и Альмагро повернул назад свое войско. Возвращавшийся Альмагро встретил Альварадо у Риобамбы. Казалось, что испанцам не избежать сражения, однако оба вождя встретились для переговоров и дело, по предложению Альмагро, закончилось миром: Альварадо уступил всю свою экспедицию вместе с кораблями, оружием и людьми за 100 тыс. песо золотом. Это тайное соглашение подтвердил Франсиско Писарро и выплатил Альварадо указанную сумму в Хаухе, где между ними состоялась сделка. Получив золото, Альварадо вернулся в Гватемалу, а его люди — и среди них капитан Себастиан Гарсиласо — оказались в подчинении у самого губернатора Перу.

Их стали называть «проданные», так как сделка перестала быть тайной, а также «вторыми конкистадорами», поскольку они не участвовали в пленении Атауальпы и пришли в Перу после его казни, когда «империя» инков уже была обезглавлена.

В пятницу 15 ноября 1533 г., в час главной мессы испанские конкистадоры вошли в столицу «империи» инков — священный город Куско. Они вошли туда как победители тирана Атауальпы, как спасители «сынов солнца», их покровители и верные союзники.

18 января 1535 г. Франсиско Писарро основал Город Волхвов, позднее переименованный в Лиму (искаженно от индейского Римак — название данной местности). Он стал центром испанской колонии, а после независимости Перу — его столицей.

Одна за другой расползались по Тауантинсуйю экспедиции испанцев, стремившихся распространить свою власть и за пределами инкской «империи». Одну из них возглавил капитан Себа-

стиан Гарсиласо. Он повел своих солдат в провинцию Буэнавентура («Добрые приключения»), но его похождения там можно назвать «добрыми» лишь в насмешку, как не без иронии замечает Инка, подробно описавший ужасы и страдания испанцев, пережитые ими в непроходимых чащобах тропической сельвы (современная Колумбия)[84].

Когда же после многих месяцев мытарств среди дикой природы отец Инки вместе со своими товарищами добрался до первых поселений, он узнал, что Инка Манко, возведенный на престол Тауантинсуйю не без одобрения самих испанцев, поднял всеобщее восстание индейцев и осадил Куско, где находилась часть конкистадоров. Себастиан Гарсиласо поспешил в Лиму, куда призывал всех разбросанных по стране испанцев напуганный восстанием и подошедшими к Лиме войсками индейцев Франсиско Писарро.

Но как ни торопился капитан Себастиан Гарсиласо, он пришел в Лиму, когда непосредственная угроза городу уже миновала — восстание явно шло на убыль. Однако положение в Куско оставалось неясным, и Писарро посылает туда отряд испанцев под командованием Алонсо де Альварадо[85], в который вошел также капитан Себастиан Гарсиласо. В пути Альварадо узнает, что Куско уже находится в руках у Диего де Альмагро, вернувшегося из неудачного похода в Чили. Он не только захватил Куско, но и взял в плен двух братьев маркиза — Эрнандо и Гонсало. Этим путем Альмагро пытался решить в свою пользу давний спор о разделе между бывшими компаньонами территории Перу, ибо каждый из них по-своему толковал королевский указ, устанавливавший границу сфер влияния Писарро и Альмагро.

Пока Алонсо де Альварадо размышлял, как ему поступить, его отряд настигли войска Альмагро. 12 июля 1537 г. у моста через р. Абанкай писарристы были разбиты и большинство из них, в том числе капитан Себастиан Гарсиласо, оказались в плену у Альмагро. Именно «в качестве пленника вступил он тогда на улицы Куско»[86]. Так волей случая или вполне преднамеренно капитан Себастиан Гарсиласо де ла Вега стал писарристом. Между тем борьба писарристов и альмагристов принимала все более ожесточенные формы.

Правда, она пока не коснулась еще основной массы конкистадоров. «Пленник» Гарсиласо под честное слово был отпущен на свободу. Он даже занимался охотой, естественно покидая для этого город. Видимо, и в самом Куско он не терял времени даром, ибо в его доме вскоре появилась молодая красивая палья по имени Чимпу Окльо, названная после крещения христианским

---

[84] *Garcilaso.* Obras completas..., t. III, p. 143—146.
[85] Однофамилец губернатора Педро де Альварадо.
[86] *Miro Quesada A.* El Inca..., p. 18.

именем Исабель. 12 апреля 1539 г. она родила капитану мальчика, которого при крещении назвали Гомесом Суаресом де Фигероа.

*

Как уже было сказано, здесь мы даем перевод «Сообщения о потомстве Гарси Переса де Варгас», или родословную Инки Гарсиласо де ла Вега, которую он сам составил.

Перевод сделан по испанскому изданию полного собрания сочинений Инки Гарсиласо (т. I. 1965, с. 231—240); текст «Сообщения» был подготовлен Раулем Поррасом Барренечеа в 1951 г. Он дан полностью и включает те места, которые были зачеркнуты автором в оригинале. Из настоящего перевода мы исключили только последний из зачеркнутых Инкой Гарсиласо абзацев, поскольку в нем дано описание содержания «Флориды», не имеющее отношения к родословной Гарсиласо. Ниже следует перевод.

СООБЩЕНИЕ О ПОТОМСТВЕ ГАРСИ ПЕРЕСА ДЕ ВАРГАС [87]

(*Зачеркнуто:* «Генеалогия Гарси Переса де Варгас»).

...ибо я уже перешагнул за середину [жизни (?)]. И хотя это также труд, и немалый, он, будучи направлен на другую важную цель, означает для меня нечто большее, чем милости, которые могла бы подарить мне моя судьба, будь она ко мне весьма благосклонна и доброжелательна, ибо я надеюсь на Бога, что мой труд принесет мне больше славы и более громкое имя и он будет жить дольше, чем то, что я смог бы оставить, являясь обладателем богатств той госпожи. Вот почему я скорее ее должник, нежели кредитор, и в качестве такового выражаю огромную благодарность и выразил бы еще большую, если бы судьба позволила мне удалиться и перестала преследовать меня за мой добровольный труд, как я перестал просить у нее благодарность и благодеяния; но, поскольку я не владею чем-либо другим, она преследует меня [именно] в моем труде. От этой всемогущей госпожи я не сумел убежать, ни пойти вслед за нею, ибо даже в самом малом она всегда и всюду противится мне. А так как говорить о ее немилостях и причиненном ею вреде дело печальное и бесполезное, будет лучше последовать [доброму] совету и выбросить из головы, и не вспоминать все это, словно ничего не случилось, вручив себя грустному утешению и жестокому лекарству врача, который, не зная ничего лучшего, дает больному медикамент, заставляющий его позабыть причиняющую беспокойство боль. Чтобы надежнее вычеркнуть из памяти все это, я меняю тему на другую, полезную в[ашей] м[илости], чем и утешу себя во всех своих прошлых и настоящих несчастиях. (*Зачеркнуто:* «Гл. 3. Сообщение о потомстве знаменитого Гарси Переса де Варгас с небольшими отступлениями об историях, достойных памяти дона Гарси Переса де Варгас, [написанное] его законным наследником».)

---

[87] Имена, упомянутые только в «Сообщении», не фигурируют в составленном нами Указателе имен настоящей книги.

Хотя и представляется неразумным мое желание изложить в[ашей] м[илости] то, что находится у в[ашей] м[илости] прямо перед глазами, [а именно] вашу генеалогию и перечень предков, который так славен своим началом от великого и знаменитого Гарси Переса де Варгас, я все же не могу не выхвалиться и не представить их здесь как для того, чтобы показать свое желание служить вашей милости, так и для того, чтобы было видно, каким образом являются вашими [родичами] мои деды и все мы, испытывающие гордость по причине того, что произросли от ваших корней и древа, что широко известно в Эстремадуре, хотя вне ее о том знают меньше. По этим причинам я молю в[ашу] м[илость] разрешить мне нарисовать ваше древо, а под его сенью встанут наши родословные, каждая на соответствующем ей месте, чтобы все мы, видя свое естественное и обязательное положение, постарались бы следовать поступкам вашей милости и ваших родных, особенно доброго Гарси Переса де Варгас, который был настолько бдителен на службе у своего Короля и Святой Католической Веры, что много раз ради них он рисковал своей жизнью, сражаясь против мавров, которые захватили Андалузию, ибо, подражая этим и другим его добродетелям, мы сможем по достоинству гордиться тем, что являемся сыновьями и потомками этого великолепного мужа, чьи подвиги весьма подробно записаны в хронике Короля Дона Фернандо, прозванного Святым, который отвоевал [у мавров] имперские города Кордобу и Севилью и всю Андалузию и в честь которого спустя триста сорок восемь лет, прошедших после освобождения им Севильи, существует обычай распевать эти простонародные стихи от ее, Севильи, имени:

Геркулес был зодчий мой,
Юлий Цезарь крепостной
Окружил меня стеною,
Взял меня Король Святой

Гарси Переса рукою.
(*перевод П. А. Пичугина*).

Молва гласит, что эти стихи многие годы сохранялись на вратах города, откуда они исчезли, поглощенные временем, которое творило и будет совершать куда бóльшие дела.

Сейчас, в наши дни, дон Франсиско Сапата де Сиснерос, первый граф Бадахоса, бывший председателем Королевского совета, являясь городским судьей Севильи, восстановил эту надпись, но не там, где она была, а на той восхитительной Аламеде [88], которую он создал, ибо он [всегда] был великим украшателем городов, которыми управлял, как сегодня об этом свидетельствуют Кордоба и Севилья.

На той Аламеде, воскресив и высвободив из-под земли две из многих каменных колонн, которые воздвиг Геркулес при основании того города, и оживив события тех времен, и сделав былью сказки, написанные поэтами столько тысяч лет тому назад в память об этих колоннах Геркулеса и других подвигах, совершенных им, он, граф, установил как основателям Се-

---

[88] Аллея тополей.— *В. К.*

вильи на одной из колонн (они сегодня так и стоят) статую самого Геркулеса, а на другой – моего любимого Юлия Цезаря, [построив там же] три фонтана и посадив множество апельсиновых деревьев, черных и серебристых тополей, чем значительно украсил тот богатый город, богатый серебром, и золотом, и драгоценными камнями – результат благодеяний, ежегодно подносимых моей землей Перу, но еще больше богатый высокими и светлыми талантами, которые он воспитывает и дарит миру благодаря особой милости небесного вмешательства.

Весь этот комплекс Аламеды представляется особенно замечательным, приятным и полным услады тем, кто (как я) был знаком с этим местом до завершения строительства, ибо оно было до крайности зловонным и мерзким, а называли его болотом, потому что туда стекалось из города множество дождевой воды, и все нечистоты, и дохлые животные; и там постоянно стояло озеро заразной болотистой воды, от которой страдали все те [городские] кварталы, а сейчас, в эти дни, Аламеда стала местом самых больших наслаждений.

Возвращаясь к великим добродетелям знаменитого Гарси Переса де Варгас, вашего предка, я говорю, что нужно вечно хранить их в памяти, дабы подражать им, особенно той из них, которая помогала тому рыцарю защищать и хранить свою честь, как это имело место в том эпизоде, когда другой рыцарь, сопровождавший вместе с ним обоз армии, испугался семи конных мавров, которых они заметили на своем пути, и ускакал к войску, проявив [тем самым] слабость. Гарси Перес отказался называть его имя, стойко защищая его честь, хотя дон Лоренсо Суарес в присутствии и в отсутствии Короля много раз спрашивал его об этом, но он постоянно отвечал, что не был достаточно хорошо знаком с тем рыцарем, хотя видел его ежедневно в войске; и своему оруженосцу он приказал, чтобы тот отвечал так же, как он сам, заклиная его не выдавать [провинившегося] даже взглядом, ибо его считали добрым рыцарем и он мог потерять свою честь.

Именно это я считаю главным из его подвигов, ибо ему пришлось преодолеть самого себя ради спасения чести другого, а это и есть то, что рыцари должны ценить выше всего, ибо в таком поступке проявляется все самое рыцарское. Я не пишу здесь об остальных его подвигах, чтобы не выделять их из доброй компании подвигов других подобных же рыцарей, которые живут рядом с подвигами того Короля, прозванного Святым. Достаточно назвать одно его имя, чтобы выразить ему свое уважение, а нам оказать честь этим именем и подражанием достоинствам, которыми он обладал, ибо без такого подражания недостойно кичиться дедами и отцами, сколь прославленными они ни были бы, потому что иначе вместо хвалы прозвучит упрек.

(*Зачеркнуто:* «Гл. 4. Продолжается рассказ о потомстве Гарси Переса де Варгас вплоть до тех, кто стал владельцем его майората».)

Уроженец Толедо рыцарь Педро де Варгас, потомок готов, осевших в том городе, когда погибла Испания, имел сыновей Гарси Переса де Варгас и Диего Переса де Варгас, получившего прозвище «Мачука» («Драчун»? — *В. К.*). Он заселил [город] Херес де ла Фронтера, [и] от него пошли потомки — рыцари с той же фамилией, жившие в том городе, знаменитом своим оружием и своими рыцарями, а также особым способом игры в «каньяс».

Гарси Перес де Варгас (имя которого, как и другие подобные имена, не нуждается в приправе в виде приставки доп) имел сына [по имени] Педро Фернандес де Варгас.

У Педро Фернандеса де Варгас был сын Лопе Перес де Варгас.

Лопе Перес де Варгас зачал Фернандо Переса де Варгас.

Фернандо Перес де Варгас зачал Алонсо Фернандеса де Варгас.

Алонсо Фернандес де Варгас, который из-за неверности и предательства одного своего алькайда потерял селение Бургильос, произвел на свет Гонсало Переса де Варгас.

Гонсало Перес де Варгас женился на Марии Санчес де Бадахос, дочери МенсииВаскес де Гос и Гарси Санчеса де Бадахос, принадлежавшего к весьма древнему и очень знатному роду, который под этим именем известен в Эстремадуре и который пришел туда из очень дальних стран и высоких царств. Это имя оказалось утрачено, поскольку оно соединилось с именами Варгасов и Фигероа, и потомки стали называть себя Санчесами де Варгас и Санчесами де Фигероа, дабы владеть всеми [этими] именами. Между тем не было смысла терять фамилию Бадахос, ибо она была очень знатной и древней. Я обнаружил, что последним ее сохранил тот знаменитый и влюбленный рыцарь, уроженец прославленного и гостеприимного города Эсиха (хотя его родители прибыли туда из Эстремадуры), Феникса испанских поэтов, Гарси Санчес де Бадахос, равного которому у нее не было и нет надежды, что будет. Его сочинения, будучи столь выдающимися, вызывают во мне величайшее восхищение; одни из них, разрешенные [властями], сохраняются в записях, а другие защищены памятью, где их обнаружило святое повеление, а сохранялись они там так много лет по причине своей великой приятности для восприятия.

Я жил с этим богатством, испытывая огромное желание встретить поэта-теолога, который ощущал бы к ним такое же, как и я, влечение, [и потому] насладился бы тем, что вернул им их собственное и божественное значение, что можно с легкостью сделать благодаря их одухотворенности. Я желаю этого чудесного возвращения как ради того, чтобы увидеть возрожденным в своем чистом и духовном значении тот отрывок из Святого писания, состоящий из десяти наставлений, которые поют усопшим, так и ради того, чтобы не были утрачены те испанские сочинения и стихи, такие изящные и самобытные, возвышенные и высокие. Ибо если хорошо присмотреться, то даже ради одной лишь славы поэта и ради него самого, поскольку его творчество является испанским и таким чудесным, было бы справедливо, если бы испанцы, подражая итальянцам (которые, когда у них запрещают какое-либо из их сочинений, вносят в него исправления и снова издают, чтобы память об авторе не была потеряна), предприняли усилия, чтобы не

дать ему исчезнуть и не допустить возможность растащить по кускам его запрещенное и лишенное защиты творчество, дабы украсить этими кусками, как оправой, свою поэзию, как я видел это у некоторых поэтов, ставших знаменитыми и богатыми благодаря чужим сокровищам, не дать его растащить тому, кто не достоин быть не только учеником, но и слугой единственного Гарси Санчеса де Бадахос.

Секретарь Императора дона Фернандо Кристобаль Кастильехо, принадлежавший к тем, кто понимал это более чем гуманное творчество, написал среди многих других строф, которые он сочинил против тех, кто отказался от кастильских стихотворных размеров, чтобы следовать за итальянскими, эти стихи от имени самого Гарси Санчеса де Бадахос:

Гарси Санчес раздражен:
Подобает ли испанцу,—
Так сказал во гневе он,—
За ученьем на поклон
Отправляться к чужестранцу?
Эти стансы не поэтом,
Мною сложены на случай,
Но они, всмотритесь лучше,
И петрарковым сонетам
Не уступят в благозвучье
(*перевод П. А. Пичугина*).

Я изложил здесь это свое желание, чтобы крепла и ширилась моя надежда; ибо, быть может, когда-нибудь найдется какой-либо испанец, который в силу отмеченных причин пожелает взять на себя труд извлечения на свет столь любимого мною поэта. Тем самым он совершит дело великого услужения, весьма благопристойное для высоких дарований. Ибо, хотя я так жажду этого, я сам даже не попытался осуществить его, так как не имею ничего общего с поэзией; я не смог начать и поиск поэта-теолога, которого желал бы найти, по причине своей занятости, настоящей и прошлой, связанной с [переводом] Леона Эбрео. И хотя правда то, что у меня имелась договоренность с весьма уважаемым отцом учителем Хуаном де Пинеда, уроженцем Севильи, учтивейшим профессором Святого писания, каковым он является в Коллегии Ордена иезуитов в Кордобе, договоренность о том, что во время каникул прошедшего лета девяносто четвертого [года] Его Отечество и я, служа ему помощником, займемся переделкой (reducir) тех божественных наставлений, выявляя их чудесный и божественный смысл, я не смог осуществить в этом деле даже первую пробу. Ибо срочные и насущные нужды, порожденные неудобствами по причине ничтожности моего богатства, необходимого для пропитания, заставили меня незадолго до начала [тех] каникул оставить эти мои занятия и столь желанное предприятие, дабы, уступая необходимости, уделить внимание делам, связанным с защитой [моих] жизненных интересов. Если Бог и дальше дарует мне жизнь, я снова вернусь к своим намерениям, ибо до сих пор предпринятые мною усилия приводили только к серьезным огорчениям, страданиям и боли, порожденным потерей в столь желанном предприятии времени, случая и

обещания [помощи] такого выдающегося мужа, как отца учителя Хуана де Пинеда, ибо, когда я, оказав содействие решению своих нужд, возвратился в Кордобу, каникулы уже прошли. Пусть будет свидетелем моей утраты мое заявление о том, что настоящая фраза была добавлена и написана во время того печального отсутствия и моего [вынужденного] паломничества, во время которого я переписывал начисто настоящее предисловие, ибо, где бы я ни находился, чтобы не терять времени, я беру с собой все свои богатства, каковыми являются мои черновики.

А возвращаясь к нашей теме, я говорю, что Гонсало Перес де Варгас и Мария Санчес де Бадахос имели сыновей Хуана де Варгас, и Эрнандо де Варгас, и Гарсиа де Варгас.

Хуан де Варгас женился на Леоноре Суарес де Фигероа, дочери мастера Ордена Святого Яго, дона Лоренсо Суареса де Фигероа; они имели детей Хуана де Варгас и Менсию де Варгас.

Хуан де Варгас умер не имея детей.

Менсиа де Варгас, его сестра, вышла замуж в Xepece де Бадахос за Васко Фернандеса де Сильва, потомка из дома графов С[ифуэнтес]; они породили Ариаса Переса де Варгас и Хуана де Сильва.

Ариас Перес де Варгас женился на донье Марии Понсе де Леон, дочери господина Вильягарсии; они зачали Франсиско де Варгас, и Луису Пансе де Леон, и Ариаса де Сильва.

Франсиско де Варгас женился на донье Майор де Фигероа и де ла Серда, уроженке Кордобы, [придворной] даме Католической Королевы доньи Исабель; они породили дона Хуана де Варгас и донью Менсию де Варгас.

Дон Хуан де Варгас женился на донье Хуане де Фигероа, дочери Хуана де Фигероа Сотомайор, внучке Эрнандо де Сотомайор и правнучке Педро Суареса де Фигероа и доньи Бланки де Сотомайор, о которых дальше мы скажем подробнее; их сыном был дон Франсиско де Варгас.

Дон Франсиско де Варгас женился в Севилье на донье Хуане де Боркес, дочери Педро Гарсии де Боркес (из очень благородного рода рыцарей данной фамилии, которые имеются в Утрере — житнице великой Севильи) и доньи Исабель де Альфаро, его жены; у них были сыновья дон Гарси Перес де Варгас и дон Диего де Варгас, который стал монахом и умер рано.

Дон Гарси Перес де Варгас женился на донье Тересе де Арельяно Портокарреро, дочери Алонсо Пачеко и доньи Анхеле де Арельяно, его жены. Дедами названной доньи Тересы были по отцовской линии дон Педро Портокарреро (примерный алькайд, который погиб, защищая Ла Голету) и донья Хуана Пачеко, его жена, сестра маркиза де Алькаля, а по материнской линии — дон Эрнандариас де Сааведра граф дель Кастельяр и его жена графиня донья Тереса Рамирес де Арельяно-и-Суньига, сестра графа де Агиляр, потомка того отважного дона Карлоса де Агиляр, который был господином Камеросов.

Дон Гарси Перес де Варгас имеет двух дочерей, старшая из которых зовется доньей Хуаной де Варгас Боркес, а вторая — донья Анхела де Варгас-и-Арельяно. Он владеет майоратом в селении Игера де Варгас как прямой потомок знаменитого Гарси Переса де Варгас, своего предка, и является главой и старшим родственником всех Варгасов из Эстремадуры.

Это и есть древо потомков В[ашей] м[илости] и корневище эстремадурских Варгасов. Из их ветвей и саженцев (plantas) я позволю себе выделить здесь [только] два, чтобы стало видно, каким образом мы являемся вашими [родичами].

(*Зачеркнуто:* «Гл. 5. Потомки рыцарей Варгас, которые живут в Мериде; первая лоза от корневища Гарсии Переса де Варгас».)

Итак, я возвращаюсь назад, чтобы взять первую ветвь, которую Гонсало Перес де Варгас, женатый, как говорилось, на Марии Санчес де Бадахос, оставил [в лице] второго сына, как это отмечено было в должном месте, [по имени] Эрнандо де Варгас, которому он отдал право майората на Сьеррабраву, находящуюся сегодня во владении у его потомков, проживающих в Мериде, городе, который в Испаниях других времен был уже Римом, как об этом сказал удрученный любовью Гарси Санчес де Бадахос в своих жалобах-сравнениях, которые из-за своей чрезмерной болезненности оказались несовершенными.

Эрнандо де Варгас женился на Беатрис де Тордойя; он зачал Алонсо де Варгас.

Алонсо де Варгас женился на донье Беатрис де Инестроса, дочери Лопе Альвареса де Инестроса Осорио, главного командора Леона. Они породили Эрнандо де Варгас и Алонсо де Инестроса де Варгас (потомки которого образуют вторую ветвь), а также Лопе де Тордойя, и Хуана де Варгас, и донью Леонор де Варгас.

Фернандо де Варгас женился на донье Бланке до Сотомайор, дочери Фернандо де Сотомайор, о котором мы скажем в другом месте; у них родились сыновья Алонсо де Варгас, Хуан де Варгас, Эрнандо де Сотомайор, Перо Суарес де Фигероа и Гомес де Тордойя, который умер в Перу в сражении, названном [сражением] при Чупас, где он был мастером боя имперской армии, генералом которой являлся лиценциат Вака де Кастро, бывший Губернатором Перу, а это было сражение против дона Диего де Альмагро-Метиса.

Алонсо де Варгас, который был перворожденным сыном, не имел сына, а имел только дочь, которую назвали доньей Бланкой де Варгас, унаследовавшей майорат Сьеррабравы; ее двоюродной сестрой была донья Франсиска де Варгас-и-Фигероа, вышедшая замуж за Кристобаля де Хехас, алькайда Хереса де Бадахос; эти родили сына дона Алонсо де Варгас, который был членом Военного Совета и генералом [?] от кавалерии на войне во Фландрии и генералиссимусом в войнах Арагона.

Донья Бланка де Варгас, которая как единственная дочь унаследовала Сьеррабраву, вышла замуж за дона Фернандо де Вера, кабальеро владельца майората в Мериде; они родили дона Хуана де Вера-и-Варгас, и дона Фернандо де Варгас, и дона Алонсо де Варгас, и дона Антонио де Варгас. Этих двух последних кабальеро я знал; [они были] на войне пехотными капитанами на стороне Его Величества.

Дон Хуан де Вера-и-Варгас женился в Бадахосе на донье Тересе де Фигероа, дочери дона Херонимо де Фигероа; они зачали дона Фернандо де Вера-и-Варгас.

Дон Фернандо де Вера-и-Варгас женился на донье Хуане де Суньига, дочери маркиза де Мирабель.

Таковы ветвь и потомство рыцарей Варгас, которые живут в Мериде; они происходят от второго сына Гонсало Переса де Варгас и Марии Санчес де Бадахос.

(*Зачеркнуто*: «Гл. 6. О второй ветви древа Гарси Переса де Варгас».)

Чтобы нарисовать вторую ветвь, благодаря которой я намерен показать, каким образом мы являемся [родичами] В[ашей] м[илости], мне придется вернуться назад к Алонсо де Инестроса де Варгас, господину Вальдесевильи, который, как мы говорили, был вторым сыном Алонсо де Варгас, господина Сьеррабравы, и доньи Беатрис де Инестроса, [то есть] прямым потомком по мужской линии Гарси Переса де Варгас, как это было видно. На нем я сделаю паузу относительно потомков Варгасов, поскольку направляю свое перо на наследников Фигероа из славнейшего дома Ферна и Сотомайоров из не менее славного дома Бельалькасар; ибо, если Господь благодаря своему бесконечному милосердию оказал нам столь великую милость, будет разумно, выражая ему благодарность, назвать это потомство, но не для того, чтобы возгордиться именами родственников, что для нас, бедных, не является приличным, а чтобы признать их и служить им как природным господам, называя себя слугами их дома, но не по найму, а как [лица], рожденные в этих домах. В том, что касается меня, то, я, по крайней мере, так всегда и поступал и господа отвечали мне со свойственным им величием и добродетельностью, особенно те две мои подлинные госпожи, не оцененные в этом мире по заслугам, маркизы де Приего, владельцы дома Ферна-и-Агилар, славной памяти бабушка и внучка, обе носившие одинаковые имена, хотя и с [неодинаковой] двойной фамилией, именовавшиеся донья Каталина Фернандес де Кордоба-и-де Агилар и донья Каталина Фернандес де Кордоба-и-де Фигероа, являвшие пример христианского верования и величия и великодушия князей, вызывавший у тех, кто не подражает им, растерянность и смущение.

Следует знать, что из этого потомства дон Фернандо Санчес де Бадахос, господин пастбищ Аркоса и других знаменитых лугов, которые имеются в той комарке, имел только одну дочь донью Менсию Санчес де Бадахос, и он выдал ее замуж за кабальеро по имени Хуан де Сотомайор, второго сына из дома Бельалькасар; они [также] имели единственную дочь, которую звали Бланкой де Сотомайор [и] которую ее мать, после того как она овдовела, выдала замуж за Перо Суареса де Фигероа, непервородного сына Гомеса Суареса де Фигероа, первого графа Ферна, и доньи Эльвиры Лассо де ла Вега, сестры Иньиго Лопеса де Мендоса, от которого происходят герцоги Инфантадо.

Перо Суарес де Фигероа и донья Бланка де Сотомайор породили Гомеса Суареса де Фигероа, прозванного Хриплым, чтобы отличить его от остальных двоюродных братьев с тем же именем; это имя пользовалось огромным почтением в Эстремадуре; они сами имели [сыновей] Эрнандо де Сотомайор, и Гарсиласо де ла Вега, и дона Лоренсо Суареса де Фигероа, который стал послом при могущественнейшей Венецианской синьории; а каждый из этих четырех сыновей получил неотчуждаемый майорат, которыми сегодня владеют их потомки, образующие великое поколение, как мы увидем это дальше; мы оставим пока перворожденного, к потомкам которого принадлежат мой отец и его братья, а начнем подниматься вверх

от последнего [из сыновей] к первому, чтобы полностью выполнить свой долг относительно каждого из них, ибо все остальные [родичи], поскольку я являюсь Антарктическим Индейцем, не знакомы со мною, хотя и слышали обо мне; и пусть они станут свидетелями того, что я скажу в свою пользу. Я говорю, что дон Лоренсо Суарес де Фигероа, который был четвертым из братьев, оставил после себя дочь доныо Беатрис де Фигероа. Она вышла замуж за дона Педро де Фонсека и родила дона Хуана де Фонсека, и дона Лоренсо Суареса де Фигероа, и других кабальеро, которые живут в Бадахосе.

Гарсиласо де ла Вега, который был третьим сыном, имел сыновей дона Пероласо де ла Вега и Гарсиласо де ла Вега, ставшего эталоном для рыцарей и поэтов и героически отдавшего свою жизнь, как об этом знает весь мир и как он сам сказал о том в своих стихах: беря то шпагу, то перо.

Дон Перо Ласо де ла Вега женился в Толедо на донье Марии де Мендоса, и они зачали Гарсиласо де ла Вега, который был послом Католического Величества в Риме, и дона Педро Гонсалеса де Мендоса, ставшего каноником святой церкви Толедо, и дона Альваро де Луна.

Гарсиласо де ла Вега женился на донье Альдонсе Ниньо; они родили дона Педро Ласо де ла Вега-и-Гусман и дона Родриго Ласо де ла Вега Ниньо, которые сегодня живут в Толедо.

Фернандо де Сотомайор, второй сын Перо Суареса де Фигероа и доньи Бланки де Сотомайор, имел [сына] Хуана де Фигероа Сотомайор и [дочь] донью Бланку де Сотомайор, о которой мы говорили, что она вышла замуж за Фернандо де Варгас, господина Сьеррабравы.

Хуан де Фигероа Сотомайор зачал дона Херонимо де Фигероа и донью Хуану де Фигероа, которая, как мы говорили, вышла замуж за Хуана де Варгас, моего господина и деда В[ашей] м[илости]; таким образом, мы также ваши [родичи] по линии Фигероа-и-Сотомайор, как и по линии Варгасов. Дон Херонимо де Фигероа имел сыновей дона Хуана де Фигероа, умершего без наследников, и дона Диего де Фигероа Асеведо, который сегодня живет в Бадахосе, и [дочь] донью Тересу де Фигероа, которая, как мы сказали, вышла в Мериде замуж за дона Хуана де Вера-и-Варгас.

Гомес Суарес де Фигероа, прозванный Хриплым, первородный сын Перо Суареса де Фигероа и доньи Бланки де Сотомайор, женился на донье Исабель Москера Энрикес; у него было две дочери, первую из которых назвали, как ее бабушку, доньей Бланкой де Сотомайор, а вторую — доньей Тересой де Фигероа; она вышла замуж за командора Хуана де Сеспедес. У них было много сыновей и дочерей и среди них — донья Леонор Ласо де ла Вега, во всех отношениях примерная монахиня, живущая сегодня в монастыре Санта Клара в Монтилье; она тетка доньи Исабель де Фигероа, которая была аббатисой того же монастыря, и Брата Хуана де Сеспедес, бывшего последнее трехлетие приором в Сан Пабло в Севилье, а также других кабальеро по фамилии Сеспедес из того знаменитого города и из других городов Эстремадуры, являющихся внуками названных Хуана де Сеспедес и доньи Тересы де Фигероа.

Донья Бланка де Сотомайор, первородная дочь Гомеса Суареса де Фигероа Хриплого [и] старшая сестра доньи Тересы де Фигероа, вышла за-

муж за Алонсо де Инестроса де Варгас, на котором мы сделали паузу [при рассказе] о нашем мужском потомстве по линии Варгасов; они породили четырех сыновей и пять дочерей.

Старшим из сыновей был Гомес Суарес де Фигероа-и-Варгас; он женился на донье Каталине де Альварадо и имел в качестве первородного сына Алонсо де Инестроса де Варгас-и-Фигероа, а помимо него, еще других сыновей и дочерей, которые умерли бездетными, хотя некоторые из них вступили в брак.

Алонсо де Инестроса де Варгас-и-Фигероа женился на донье Исабель де Карвахаль, своей двоюродной сестре, и у них была [дочь] донья Каталина де Фигероа, которая вышла замуж за Алонсо де Инестроса де Варгас, своего дядю, двоюродного брата своего отца, о котором мы упомянем в должном месте, а также [дочери] донья Тереса де Варгас и донья Бланка де Сотомайор, которые сегодня являются монахинями в Бадахосе. (*Зачеркнуто*: «Низкие и жалкие существа, которые недостойны своего рода и подобных себе из-за своих отвратительных подвигов и жестокой алчности, не проявляющие внимания и уважения к благородству своих отцов, своих дедов, к чистоте своей крови; было бы весьма справедливо вычеркнуть их из потомства и оставить в вечном забвении как позор и ...[?] чтобы они своим бесчестием не пачкали бы ...[?] сияющий чистотой и знатностью рода».)

Вторым сыном Инестросы де Варгас и доньи Бланки де Сотомайор был дон Алонсо де Варгас, капитан рыцарей, назначенный Императором Карлосом V, Королем Испании, один из двух капитанов, которые сопровождали персону Короля Дона Фелипе, нашего господина, как ее верные стражи, от Генуи до Фландрии, когда он ездил в те Штаты, чтобы как принцу-наследнику принять от них [верноподданническую] клятву. Он участвовал без перерывов в войне, истратив на нее в трех частях Старого Света тридцать восемь лет своей жизни, сражаясь против мавров, турков, и еретиков и против врагов Испанской Короны; он именовался Франсиско де Паленсиа, пока не стал капитаном и не проделал вместе с капитаном Диего де Агилера путешествие, о котором мы говорили, а вернувшись с разрешения Его Величества на родину, он женился в Монтилье на донье Луисе Понсе де Леон, [представительнице] очень знатного рода и потомственной линии рыцарей Арготе-и-Понсе де Леон, которые имеются в королевском городе Кордоба среди других многих и очень знатных домов. Дон Алонсо де Варгас умер бездетным, по причине чего он усыновил меня, хотя я недостоин быть таковым. (*Зачеркнуто*: «Гл. 7. Дальше [о] потомстве Алонсо де Инестроса де Варгас; записаны некоторые места из индейских и испанских историй».)

Третий сын Алонсо де Инестроса де Варгас и доньи Бланки де Сотомайор был Гарсиласо де ла Вега; мой господин и отец. Он отдал тридцать лет своей жизни, пока она не оборвалась, делу помощи завоевания и заселения Нового Света, главным образом великих королевств и провинций Перу. Там он словом и примером воспитывал и обучал тех язычников святой Католической Вере и увеличивал и прославлял Корону Испании, такую огромную, богатую и могущественную, что только благодаря одной той Империи, которой среди прочих она владеет, она сегодня внушает страх

всему остальному миру. Он зачал меня в индианке по имени донья Исабель Чимпу Окльо. Это оба собственных имени — христианское и языческое, потому что индианки и индейцы, как правило, [и] особенно те из них, которые принадлежали к королевской крови, ввели в обычай после крещения брать вторыми именами [после христианского] имена или прозвища, которые имелись у них до этого. И это хорошо для них, ибо дает представление и сохраняет память о королевских именах, которые во времена их прежнего величия они имели обычай носить. Такие имена могли присваиваться только одним лишь людям королевской крови, мужчинам и женщинам, потомкам по мужской линии; и они дают их так всем тем, кто из них остался.

Донья Исабель Палья Чимпу Окльо была дочерью Уальпы Тупака Инки, законного сына Тупака Инки Юпанки, и его законной жены Койи Мамы Окльо, которая была сестрой Уайна Инки, последнего природного Короля, которого имела та Империя, именуемая Перу, как мы в посвящении нашего [перевода] Леона Эбрео говорим об этом Католическому Величеству и как [об этом же] будет сказано более подробно в собственно истории происхождения и потомства тех Королей Инков, которую, если Бог даст нам здоровье, а злая судьба не будет преследовать нас, ибо она всегда противостоит мне в том, чего я больше всего жажду, мы продолжим дальше, лишь только рука освободится от [написания] настоящей истории.

Четвертого из названных братьев звали Хуаном де Варгас; он женился в Бадахосе на донье Менсии де Сильва; у него не было детей; он приехал в Перу и, хотя попал туда поздно, ибо это случилось после его открытия и завоевания, слишком рано получил все сполна, как говорится в одной общеизвестной поговорке, потому что по прошествии восьми или девяти лет, которые он отдал службе своему Королю, он принял участие в сражении при Уарине на стороне Диего Сентено в качестве капитана пехоты, где получил четыре аркебузных попадания, от которых скончался.

К этим почти восьмидесяти годам, которые отдали службе Короне Испании мой отец и два его брата, я хочу добавить мои годы немногие и бесполезные, которые в юности я отдал службе со шпагой, и нынешние, еще более бесполезные, службе с пером, ради чванства и бахвальства [фактом] подражания им в служении нашему Королю, избрав наградой за эту службу славу человека, выполнившего свой долг и обязательства, хотя от всего этого мне досталось лишь одно удовлетворение, испытываемое тем, кто как должно употребил все эти годы; а нам же хватает и того, что нами было сделано, ибо большее, совершаемое великими князьями, скорее порождено благосклонностью к ним судьбы, нежели их заслугами, щедростью или великолепием; ибо на каждом шагу мы видим, что многие, заслуживающие того, ничего не достигают, а другие без всяких заслуг, скорее благодаря тайному покровительству своей звезды, нежели щедрости или расточительности князя, обретают горы милостей и т. д...

...Из пяти дочерей Алонсо де Инестроса де Варгас и доньи Бланки де Сотомайор три младшие стали монахинями в монастыре Санта Клара в Сафре; сегодня жива последняя из них, которая зовется, как и ее мать, Бланкой де Сотомайор-и-Фигероа.

Старшая из дочерей звалась доньей Беатрис де Фигероа; она вышла за-

муж за знаменитого капитана Фернандо де Гильяда; их сыном был Алонсо де Инестроса де Варгас, который, как мы говорили, женился на донье Каталине де Фигероа, своей племяннице, [и] они оба живут сейчас в Бадахосе; у них также были [сын] Хуан де Сотомайор, ставший священником, и [дочь] донья Бланка де Сотомайор, [оба] скончавшиеся рано и холостыми.

Донья Исабель де Варгас была второй дочерью; она вышла замуж в Бадахосе за Алонсо Родригеса де Санабрия, прямого потомка по мужской линии того Мэна Родригеса де Санабрия, доброму совету которого не пожелал внять Король Дон Педро, прозванный Жестоким, по причине чего он попал в руки своего брата Короля Дона Энрике, чтобы умереть из-за предательства одного французского капитана; а поскольку это весьма любопытный эпизод истории и он имеет отношение к предмету нашего повествования, мы сообщим о нем здесь для тех, кто не знаком с ним.

Король Дон Энрике держал в осаде в крепости Мотьель своего брата Короля Дона Педро; оба короля договорились встретиться ночью один на один вне крепости, а посредником у них был знаменитый французский рыцарь по имени Мозен Бельтран де Каклин, который пришел [в Испанию] на помощь Королю Дону Энрике.

Король Дон Педро сообщил об этом соглашении своему вернейшему слуге Мэну Родригесу де Санабрия, который очень любил его, поскольку служил ему с ранних детских лет самого Короля. Тот сказал Королю: «Господин, не доверяй французу, который служит за деньги вашему врагу и который скорее придет на помощь к нему, нежели к вашей персоне. А поскольку соглашение уже имеется и чтобы вам не брать свое слово обратно, ибо вы не желаете отказаться от него, возьмите с собой меня, чтобы я был рядом с вами, а француз — с вашим противником, ибо ему нужно отрабатывать плату, и мы будем два на два; а случись что в разговоре, с вами будет тот, кто придет на помощь с любовью и верностью».

Король Дон Педро, будучи отважным и высокомерным человеком, не захотел воспользоваться столь здравым советом; так согласно первой договоренности они и встретились — он один и его противник, оба в присутствии Мозена Бельтрана.

Во время разговора оба Короля перешли на [объяснения] руками, и рассказывают, что Король Дон Педро, будучи более сильным и могучим, повалил брата на землю; к нему пришел на помощь француз. Со словами: «Я не сбрасываю и не возвожу на престол Королей, а только помогаю своему Королю» — француз вмешался в судьбу боровшихся, благодаря чему тот, кто лежал на земле, оказался [теперь] над своим противником. А так как Король Дон Энрике не знал, как ему лучше поступить в тот момент, француз сказал: «Кто же в таком положении не вспомнит о своем друге!» — а сказал он так потому, что Король Дон Энрике всегда носил с собой кинжал, который назвал «Другом».

Тогда-то он схватил кинжал и убил своего брата Короля Дона Педро. За эту неверность Мозена Бельтрана де Каклин изображают среди девяти новых «Знаменитостей» с головой, повернутой назад. В других войнах, случившихся между Францией и Англией, он показал себя очень храбрым и, хотя попал в плен к англичанам, он вел себя там еще более храбро.

Мэн Родригес де Санабрия испытал такие боль и страдания, что не хотел верить в смерть своего Короля; он надел на себя одежду из грубошерстной ткани, подвязав ее веревкой из испанского дрока, и так ходил всю свою жизнь, а его потомки взяли [изображение] веревки геральдическим знаком, окантовав им свой герб, который стал их [новым] девизом.

Названные донья Исабель де Варгас и Алонсо Родригес де Санабрия имели сына Алонсо Инестроса де Варгас, который участвовал в самом знаменитом морском сражении при Лепанто, а сейчас живет в Бадахосе. У них также были [дочь] донья Бланка де Варгас, которая в настоящее время является аббатисой в монастыре Санта Клара в Сафре, и [сын] Диего де Санабрия, который мог служить эталоном молодежи своего времени [в делах] войны, гуманитарных наук и чести. Он, как и две его сестры, умер рано, не [успев] занять свое место в обществе.

Таково наиболее краткое и ясное сообщение, которое я извлек из завещаний и писем о приданых предков В[ашей] м[илости], касающееся двух ветвей, произрастающих из вашего древа и корневища, вплоть до тех потомков, которые здравствуют сегодня, что потребовало от индейца немалой отваги.

Другие ветви, произрастающие из этого древа, как-то: потомки рыцарей Варгас, которые живут в Трухильо и других городах, я не рискнул извлечь и описать их здесь, поскольку не располагаю столь ясными данными о тех потомках, как об этих. Я прошу их простить меня за то, что оставляю без [необходимых] доказательств, ибо я не мог сделать большего, хотя и желал того. Для исправления такого положения имеется само древо и открытый сад, куда может зайти любой, кто пожелает, чтобы отобрать по своему вкусу ветвь и поставить ее вместе с настоящими ветвями на свое место; для меня это будет великой милостью.

(*Зачеркнуто:* «...в Кордобе, 5 мая 1596 года. Инка Гарсиласо де ла Вега».)

Глава вторая

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ИНКИ ГАРСИЛАСО

Внутренний мир Гарсиласо представляется чрезвычайно сложным. Нет сомнений в том, что эта сложность — прямое порождение двуединого этнического и культурного начала, лежавшего в основе его происхождения. Нельзя не учитывать и того, что духовное развитие Гарсиласо, как и сама его жизнь, в разные периоды протекали в совершенно отличных друг от друга культурных атмосферах и несхожем социальном окружении. Их воздействие на Гарсиласо как на личность усугублялось неустойчивостью его общественного положения и отсутствием прочной материальной базы, следствием чего была постоянная экономическая зависимость Инки от других людей (пусть даже близких ему по крови или по духу). Он не мог не считаться с этой зависимостью; она омрачала всю его долгую жизнь.

То была личная трагедия Гарсиласо. Но она оказалась настолько сильной и такой глубокой, что вызвала в Инке необоримое желание до конца понять причины преследовавших его невзгод, которые, как он сам справедливо полагал, таились в его необычном происхождении и особом общественном положении.

Однажды вступив на этот путь, путь поиска правды о самом себе, он шел по нему до конца своих дней. Именно так он стал тем, кем предстает перед читателем своих произведений. Однако только сегодня мы можем понять и по достоинству оценить все истинное значение и самого Инки, и его литературного наследства. Ибо только сегодня можно сказать, что ему суждено было стать не по формальной дате рождения, а по всей своей сути «первым латиноамериканцем», первым выдающимся представителем и первым выразителем духовного мира по существу новой этнической группы, рожденной на Американском континенте в результате открытия и завоевания европейцами Нового Света.

Два совершенно несхожих начала — индейское (кечуа) и испанское — лежали в его духовной основе, отчетливо проявляясь во всем его существе. Их разделяла пропасть «глубиной» в целую социально-экономическую формацию, на одном «краю» которой находился приближавшийся к своему закату феодализм — Испания, а на другом — раннеклассовое общество инков. Расово-этнические и культурные характеристики этих начал также мало в чем совпадали. Казалось, что всего этого было более чем достаточно, чтобы сделать их несовместимыми, но они, эти начала, соединились, слились воедино, подарив миру новый человеческий «сплав».

Как это могло случиться? Что сцементировало этот сплав? И стал ли он однороден или какое-то из его слагаемых оказалось доминирующим, подчинив себе другое? Что было главным и что второстепенным в процессе духовного формирования Инки Гарсиласо? Какую роль сыграли для него две его родины — Перу и Испания, если в первой из них он прожил немногим более двадцати лет, а во второй — почти целых шесть десятилетий? Была ли его жизнь в Перу чисто «перуанской», а в Испании — «испанской»? Наконец, каковы были перуанское и испанское «слагаемые», но не вообще, а применительно к самому Инке Гарсиласо?

Эти и еще многие вопросы неизбежно возникают у всякого, кто стремится понять и тем более объяснить особенности творчества Инки Гарсиласо де ла Вега. Ответить на них столь же трудно, сколько необходимо.

Гарсиласо не оставил после себя личных дневников, доверительных писем к родным или к близким друзьям либо иных документов, которые обычно пишутся не для всеобщего обозрения и ознакомления, а только для самого себя, для людей, пользующихся исключительным доверием. Таких документов, обнажающих духовный мир писателя, нет или они, по крайней мере, до сих пор не обнаружены. И все же Гарсиласо позволил заглянуть нам, его читателям, в самые затаенные уголки своей души. Виной тому — специфические особенности его выдающегося писательского таланта, раскрывшиеся благодаря действительно особому социальному положению Гарсиласо, о котором будет сказано ниже. Соединившись вместе, они придали его творчеству удивительное своеобразие, благодаря им читатель постоянно испытывает отчетливое ощущение своей причастности к личным переживаниям Гарсиласо, обнажающим сложный до трагизма и противоречивый в своей разноликости духовный мир гениального метиса.

Годы, прожитые Гарсиласо в Перу (1539—1560), никак не назовешь чисто «индейским» периодом его жизни. Следует сказать, что и период жизни в Испании не был чисто «испанским». Более того, доминирующим мотивом личных переживаний Инки Гарсиласо в Перу была щемящая душу тоска по родине отца-испанца и его товарищей конкистадоров, для которых все испанское, начиная от кусочка спаржи и кончая парой сшитых в Испании сапог, неизменно представлялось чем-то благословенным и до умиления родным. В Испании же, наоборот, воспоминания о Перу, о безвозвратно утерянной индейской родине и о том, что было с ней связано, становятся своеобразным эпицентром всей духовной жизни и творческой деятельности Гарсиласо. Не будем забывать, что именно здесь, в Испании, он прибавляет к своему имени титул-приставку «инка», дабы подчеркнуть индейское начало.

ПЕРУ И «ИНКСКИЕ УНИВЕРСИТЕТЫ»

Чтобы разобраться в интересующих нас вопросах, связанных с формированием личности Инки Гарсиласо де ла Вега, представляется необходимым обратиться к той социально-политической структуре, которая сложилась в Перу в первые десятилетия после прихода туда испанцев, а точнее, в период с начала 30-х вплоть до 70-х годов XVI в., когда вице-королем Перу стал Франсиско де Толедо.

То был период своеобразного двоевластия. С одной стороны, испанцы, казнив Атауальпу, не просто обезглавили Тауантинсуйю, но и тем самым разрушили (хотя и не до конца) инкскую «империю», поскольку ее государственный аппарат был построен на единовластии при безоговорочном подчинении всех местных властей «центру», каковым являлась личность инки-правителя. Однако малочисленность конкистадоров, сама по себе являвшаяся неодолимым препятствием для установления испанского господства на территории протяженностью в пять тысяч километров, требовала сохранения хотя бы видимости власти инков, чтобы с ее помощью постепенно, по мере роста испанской колонии подчинить господству Испании всю гигантскую страну. Но использовать инкский аппарат управления без самих инков было невозможно; испанцам следовало обзавестись «своим» инкой, который не только отличался бы послушанием, но и отвечал всем достаточно сложным требованиям, особенно в вопросе чистоты крови, предъявлявшимся к «сынам Солнца».

Поначалу такая задача казалась не очень сложной: казненный испанцами Атауальпа был бастардом и, хотя он сел на престол не без участия своего отца, при жизни причисленного к пантеону богов Инки Уайна Капака (он был его любимым сыном и бесспорным фаворитом), с точки зрения законов Тауантинсуйю, Атауальпа являлся узурпатором. Вот почему в глазах всей «империи» его казнь первоначально выглядела как божественное возмездие, а сами испанцы — чем-то вроде посланцев богов либо самими богами.

Но Атауальпа еще до казни успел умертвить законного правителя Тауантинсуйю Инку Уаскара. В междоусобной войне между двумя братьями погибли (убиты или казнены) многие другие инки — законные претенденты на престол после смерти Уаскара. Все это, а также вторжение испанцев нарушило стройность системы престолонаследия в Тауантинсуйю, тщательно оберегавшуюся инками. Вот почему испанцы получили относительную свободу в выборе наследника из числа оставшихся в живых чистокровных инков.

Сами инки не менее охотно искали союза с испанцами, видя в них реальную силу, которая уже помогла расправиться с узурпатором Атауальпой и могла пригодиться им для подавления мятежников из царства Кито (современный Эквадор). Именно оттуда были родом мать Атауальпы и он сам, а также многие из его военачальников [1] и подчиненные им многочис-

[1] Главные полководцы и советники Атауальпы были не из Кито, а из Куско, но они встали на его сторону, насколько можно судить, из-за любви к его отцу Инке Уайна Капаку, которая умело «закреплялась» щедрыми

ленные войска, контролировавшие значительную часть «империи» после своей победы над войсками Инки Уаскара и захвата Куско. Таковы были причины, благодаря которым на том этапе интересы инков и испанцев как бы совпадали и обе стороны шли на контакты и даже выступали совместно.

Однако инки вскоре убедились, что именно испанцы представляют главную угрозу для их государства и для самого клана правителей Тауантинсуйю. И тогда Манко Инка, ставший после казни Атауальпы новым инкой-правителем, подымает восстание индейцев, которое, однако, не приносит желаемого результата, так как испанцам удается удержать в своих руках Куско — не просто инкскую столицу, но и священный символ их божественного всемогущества.

Идет длительная и упорная борьба между инками и испанцами. Открытые военные столкновения и кровопролитные сражения играют в ней почти такую же роль, как заговоры, тайные убийства, казни, интриги, включающие непрестанную возню испанцев вокруг трона инки-правителя с очередными «назначениями» (в том числе принудительного характера) и смещениями чистокровных претендентов на престол уже разрушенной, но все еще продолжающей жить «империи» инков [2].

Однако ее окончательное крушение исторически было уже предрешено. С каждым годом власть испанцев все больше укрепляется, вытесняя повсеместно инкскую администрацию или полностью подчиняя ее своим интересам. Последний акт трагедии, по своему коварству и жестокости мало чем уступающий первому — вероломному пленению и казни Атауальпы в Кахамарке,— разыгран с поразительным хладнокровием и цинизмом сначала в Вилькабамбе, а затем в Куско: по приказу испанского вице-короля Франсиско де Толедо 4 октября 1572 г. в Куско был казнен Инка Тупак Амару, последний из «сынов Солнца», лоб которого украшали перья священной птицы корэкэнке,— символ верховного владыки Тауантинсуйю [3]. Это был конец инкской «империи» и конец двоевластия в Перу.

Гарсиласо не стал очевидцем трагических событий 1572 г., ибо уже находился в Испании. Но именно он одним из первых рассказал миру о них, как о величайшей несправедливости испанцев, возложив, правда, всю вину за это злодеяние лично на вице-короля Толедо [4]. Он не был свидетелем и конца двоевластия. Наоборот, вся его жизнь в Перу протекала именно в тот сложный период, о котором говорилось выше; и все наиболее характерные его особенности прямо и непосредственно коснулись маленького метиса.

дарами и другими привилегиями. Они выдвинулись у него на службе и знали о привязанности Уайна Капака к Атауальпе.

[2] После казни Атауальпы инкой-правителем «избирается» Инка Топара — сын Уайна Капака; он почти сразу же умирает, видимо отравленный то ли испанцами, то ли своими сородичами. Его сменяет родной брат Манко Инка (убит испанцем), а затем «царствуют» сыновья Манки Сайри Тупак Инка, Инка Титу Куси Юпанки и, наконец, Инка Тупак Амару.

[3] Подробнее см.: *Свет Я. М.* Трагедия в Вилькабамбе.— Латинская Америка, 1972, № 4, с. 95—109.

[4] *Garcilaso.* Historia general del Perú.— Obras completas..., t. IV, p. 127—173.

Двоевластие в Перу нашло свое наиболее четкое выражение в том, что в стране существовало два изолированных, хотя и соприкасавшихся друг с другом, «государственных устройства», каждое из которых претендовало на верховную власть. То были две внешне все еще самостоятельные социальные лестницы: одна — испанская, другая — инкская, опиравшиеся, правда, на одну и ту же базу-ступень — разнородную в этническом отношении массу индейского населения Перу (с известным преобладанием индейцев кечуа). Ступени испанской лестницы не отличались социальной завершенностью, ибо вчерашний самый нищий солдат мог за одну ночь стать вождем взбунтовавшихся конкистадоров или владельцем несметных богатств, как, впрочем, и наоборот. Другая лестница – инкская – продолжала оставаться образцом совершенства именно в плане полнейшей изоляции одной ступени от другой.

Но если первая из них при всем своем несовершенстве в целом из года в год крепла, то вторая стремительно разрушалась и разрушение шло начиная с самой верхней ступени, которую занимал клан инков. Процесс этот носил исторически необратимый характер; и мы знаем, чем и как он закончился.

Видимо, к месту будет сказано, что из социальных институтов инкской лестницы сохранилась лишь индейская община-айлью [5], но, во-первых, она не была собственно инкским изобретением, а возникла задолго до их возвышения и даже появления на территории нынешнего Перу; во-вторых, айлью первоначально явилась также основой фундамента и испанской социальной лестницы, разрушать который для новых хозяев страны не было достаточно обоснованных причин; и, в-третьих, ее сохранность «гарантировалась» тем абсолютным бесправием индейского населения, которое составляло суть колониальной политики испанской метрополии по отношению к аборигенам Америки.

В интересующий нас период двоевластия основная масса индейского населения, особенно кечуа, продолжала жить по законам Тауантинсуйю. Индейцев-общинников все еще непосредственно не коснулись (опосредствованно – да) те радикальные изменения социально-экономического характера, которые постепенно происходили в Перу: страна шла к насильственному «перемещению» из одной общественной формации в другую. Конечно, индейцы понимали, что что-то происходит с их господами — «сынами Солнца», однако привычная для них система эксплуатации продолжала действовать без особых отклонений (они резко усилятся лишь в годы правления вице-короля Толедо).

Вот почему индейская масса все еще следовала в своей повседневной жизни законам и обычаям Тауантинсуйю. Для нее инки оставались божественными правителями страны. Даже те из них, которые оказались в прямом подчинении и услужении у

[5] Подробнее см.: *Самаркина И. К.* Община в Перу. М., 1974.

испанцев (правда, последнее, исключая женскую половину инкского клана, до появления в Перу вице-короля Толедо было все же замаскировано разного рода формальностями «протокольного» характера), в сознании простых индейцев по-прежнему оставались всемогущими «сынами Солнца».

Естественно, что имели место исключения и не только индивидуального характера. Целые этнические группы, например индейцы каньяри, вступали в прямое сотрудничество с испанцами, беря на себя роль их союзников в вооруженной борьбе против инков.

В этом отношении весьма показателен рассказ Гарсиласо о праздновании в Куско в середине 50-х годов XVI в. «Святейшего таинства» [6]. Мы коротко изложим его, чтобы показать, какие конкретные формы принимали отмеченные выше явления.

Во время религиозного шествия, организованного по случаю праздника католической церковью и испанскими властями, индейцам разрешили идти колоннами, которые были сформированы и оформлены точно так, как это делалось в инкские времена, когда Куско отмечал очередную военную победу или одно из главных торжеств своего бога-солнца.

Каждая колонна представляла свое «царство», входившее в состав Тауантинсуйю. Манифестанты, следуя инкским законам, надели обязательную для себя одежду и несли свои знаки-символы. И то и другое было когда-то утверждено инками и не подлежало изменению под страхом смертной казни (справедливости ради следует указать, что знаки и символы не придумывались инками, а брались из числа наиболее типичных именно для данного народа, но, однажды утвержденные для него, они уже не изменялись). Все шло хорошо, рассказывает Гарсиласо, пока к помосту, специально сооруженному по случаю торжества рядом с кафедральным собором Куско, не подошла колонна индейцев каньяри. Вместо своих древних знаков отличия они несли символы, «изображавшие» сцены разгрома инков испанцами-конкистадорами и свое участие в этих сражениях на стороне испанцев (так оно и было в действительности). Мало того, вождь каньяри по имени Чильчи держал в руке отрубленную голову воина инки (имитация); это был его личный трофей, добытый при осаде Куско во время восстания индейцев. Испанцы, сидевшие вместе с инками на трибуне (отличный пример того, как соприкасались обе социальные лестницы, о которых говорилось выше), ничего не поняли. Инки же, прекрасно разбиравшиеся в любой индейской символике, бросились на обидчиков. Лишь вмешательство испанцев спасло каньяри от избиения, так как основная масса манифестантов, не задумываясь, поддержала инков.

Но подобные конфликты все же составляли исключение из общего правила: влияние инков в индейской среде было по-прежнему могущественным. Однако в рассматриваемый период — и это очень важно для нас — их влияние уже не подкреплялось реальной экономической или военной силой, как в доиспанские време-

---

[6] *Garcilaso.* Historia general del Perú.— Obras completas..., t. IV, p. 127—130.

на. В Куско, например, и в некоторых других крупных городах или поселениях Перу, где испанцы успели твердо обосноваться, подобная ситуация ни для кого не была секретом. С нею ежедневно сталкивались не только сами инки, но и остальные индейцы. И все же влияние инков если и ослабло, то не до такой степени, что с ним можно было уже не считаться.

Забегая вперед, укажем, что даже в разгар колониального господства Испании, когда о реставрации инкской «империи» не могло быть и речи, образ инки-правителя, особенно Инки Тупака Амару, продолжал сохранять притягательную силу для широких индейских масс[7]. Мы знаем об этом на примере самого крупного из индейских восстаний колониального Перу, восстания 1780—1783 гг., идейный вождь и руководитель которого индеец Хосе Габриэль Кондорканки принял имя Тупак Амару (второго) в память о последнем инке-правителе. Этот акт имел, как ныне принято говорить, очевидное пропагандистское значение. Он способствовал росту популярности вождя восстания, укреплению его авторитета, распространению руководимого им движения на обширные территории колониального Перу.

Принято считать, что Кондорканки действительно являлся одним из потомков бывших правителей Тауантинсуйю. Но не в этом дело. Даже если он не был им, важно, что индейцы охотно поверили в это, ибо им нужен был именно такой символ.

На чем же держалось влияние инков? Конечно, здесь не последнюю роль играли традиции, сложившиеся в результате более могучих сил, чем моральное воздействие. Инки достаточно умело действовали как экономическими рычагами, так и гигантским аппаратом управления и насилия, совершенству которого не перестаешь удивляться. Но если жестокость инков в борьбе с правонарушителями (практически любое нарушение установленных инками порядков каралось смертной казнью) являлась главным оружием их «воспитательной работы» среди массы рядового населения и неинкской знати (они повсеместно сохраняли ее на местах, и это тоже был важный элемент их воздействия), то не менее эффективным орудием покорения и подчинения индейцев была их «патерналистская» политика как в чисто морально-психологическом плане, так и в экономической области. Последнее подтверждают не только все хронисты той эпохи, но и сохранившиеся остатки материальной культуры Тауантинсуйю, свидетельствующие об огромных достижениях инкского сельского хозяйства: бесчисленное множество насыпных террас для посевов, широкие ирригационные системы, активное использование удобрения (гуано) для повышения плодородия земли и т. п. Благодаря им современные ученые достаточно обоснованно говорят об изобилии продовольствия в Тауантинсуйю. Ибо «продукты земли,— пишет

---

[7] *Альперович М. С., Слезкин Л. Ю.* История стран Латинской Америки. М., 1970, с. 19.

Хосе Карлос Мариатеги,— нельзя накапливать, как сокровища. Поэтому маловероятно, чтобы две трети их (таков был размер «налога», сдававшегося крестьянами инке-правителю и богу-Солнцу как в виде работ, так и их результатов.— *В. К.*) действительно потреблялись одним чиновничеством и духовенством империи. Гораздо более правдоподобно предположить, что продукты, которые, как утверждают, отдавались знати и инкам, составляли государственные запасы. И следовательно, сам этот факт является примером социальной предусмотрительности...» [8]

Этим путем морально-психологический фактор воздействия был закреплен экономическим. Когда же с приходом испанцев экономическая политика инков оказалась разрушена, первый из них не только не ослаб, а наоборот, значительно окреп и превратился со временем в золотую легенду прошлого...

В таких условиях и происходило формирование личности Инки Гарсиласо. Сложность его собственного общественного положения состояла в том, что он одновременно находился на обеих социальных лестницах, о которых говорилось выше.

Не будучи чистокровным представителем клана инков, этого хранителя и выразителя древней перуанской культуры (в ее современном понимании), Гарсиласо все же оказался причислен к нему благодаря своей матери-палье; этому способствовал также его отец-испанец. Так случилось потому, что в первоначальный период конкисты, как рассказывает сам Гарсиласо, детей испанских завоевателей, рожденных инкскими принцессами-пальями, в Перу «также называли инками, считая, что они потомки своего бога Солнца» [9].

Как известно, правящий клан инков не допускал проникновения в свои ряды даже бастардов (вспомним историю с Атауальпой). Однако для детей испанцев инки делали исключение, поскольку считали их «сынами Солнца». К такому восприятию испанцев индейцы пришли не столько благодаря их внешности (по преданию, бог Виракоча также был бородат), сколько реальной силе, выражавшейся в том числе в абсолютном, подавляющем превосходстве их вооружения: огнестрельное оружие, стальные доспехи, боевые кони и т. п. Инки не могли не считаться с подобной реальностью вне зависимости от ее происхождения — божественного или земного. Кроме того, все случившееся — оно казалось невероятным, как, впрочем, кажется нам и сейчас,— легче и проще было объяснить причастностью божественных сил.

Мы уже не раз указывали на исключительный прагматизм инков, проявлявшийся в том числе и в религии. «Инкская церковь,— писал Мариатеги,— являлась политическим и общественным институтом, по существу она и не была мыслима вне госу-

---

[8] *Мариатеги Х. К.* Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963, с. 120.

[9] *Гарсиласо.* История..., с. 647.

дарства. Религиозный культ подчинялся политическим и общественным интересам инкской империи»[10].

Если с этих позиций взглянуть на появление «виракоч-испанцев» в Тауантинсуйю, то зачисление их детей в клан чистокровных инков не только не противоречило религиозным догматам инков, но и отвечало их общегосударственным задачам. С точки зрения новой социальной действительности Перу подобное «общественное признание» метисов вполне устраивало обе стороны, поскольку оно создавало между испанцами и инками своеобразный семейный «мостик», достаточно надежно укреплявший на том этапе положение и тех и других. А как мы уже знаем, и испанцы и инки в этом нуждались.

И снова прагматизм инков указывает им наиболее целесообразный путь поведения: в сложившейся ситуации инкское воспитание каждого представителя этого не совсем обычного поколения «сынов Солнца» становится для них делом государственной важности. На него не стоило жалеть сил, и они их не жалели.

Об этом мы можем судить хотя бы по Гарсиласо. Ведь его знания Тауантинсуйю есть не что иное, как прямой результат проделанной инками работы. Ибо именно знания древних традиций, истории Тауантинсуйю, особенностей духовного мира и других проявлений культуры инков в самом широком понимании этого слова, которые не только обнаружил, но и донес до нас Инка Гарсиласо де ла Вега, дают возможность столь высоко оценить работу инков.

Инки не могли не учитывать, что подобная «пропагандистская» деятельность — так и хочется сказать «обработка» — сулила неплохие перспективы не только в идеологическом, но и политическом плане. И не вина инков в том, что испанские власти достаточно быстро разобрались в этом вопросе и постарались очистить колонию не только от самих инков и старой гвардии конкистадоров, руками которых была завоевана «империя» Тауантинсуйю, но и от их детей-метисов. Отправка последних в Испанию под любым предлогом (Инка Гарсиласо поехал туда на учебу, хотя так ни разу и не переступил порога ни одного учебного заведения Испании) было одной из эффективных форм реализации подобной политики.

Какие же «инкские университеты» прошел Гарсиласо?

Не вызывает сомнений, что именно в Перу Инка Гарсиласо получил всю ту обширнейшую информацию об инках и Тауантинсуйю, которая позже легла в основу его литературного творчества. Именно там он воспринял все, или почти все, что стало его знаниями об инках и их могущественном государстве. Но там, в Перу, он не знал и даже не мог догадаться, что эти знания станут ему необходимы в будущем, что именно они как бы образуют основу этого будущего, всей его дальнейшей жизни, всех

---

[10] *Мариатеги Х. К.* Семь очерков..., с. 199.

его душевных переживаний и творческого самовыражения. Ничего этого юный метис и не предполагал.

Он был далек от того, чтобы как-то систематизировать и сознательно накапливать знания об инках. Нетрудно понять, что подобная ситуация могла бы оказаться для него (да и для нас, сегодня изучающих Древний Перу) катастрофической, если бы об этом не позаботились сами инки. Мы склонны считать, что молодой Гарсиласо даже не подозревал, что стал объектом инкского «плана» обучения метисов. (Мы ставим слово *план* в кавычки, потому что нет прямых доказательств его существования.)

Чрезвычайно важно, что процесс восприятия Инкой Гарсиласо индейской культуры происходил не со стороны (это было бы практически неизбежно, если бы он сам поставил перед собой такую задачу), а изнутри, поскольку Гарсиласо в тот период жизни являл собой микрочастицу инкского духовного и социального мира.

Судя по дошедшим до нас источникам, существовавшая в Тауантинсуйю система образования распространялась лишь на чистокровных представителей клана инков, в какой-то степени — на бастардов (особенно военное дело) и еще — на неинкскую знать «империи». Последняя была обязана знать установленные инками порядки, включая религиозные отправления, систему учета и некоторые другие «науки», имевшие сугубо практическое значение как для мирных, так и военных целей.

Отсутствие у инков письма [11] позволяет утверждать, что обучение в Тауантинсуйю носило устный характер, хотя не исключено использование разного рода «наглядных пособий» (см. главу VI). Без всяких сомнений, важная роль в учебном процессе отводилась кипу — этому «узелковому письму» инков, а также своеобразным картам-макетам местности, о великолепном искусстве изготовления которых с восхищением рассказывает Гарсиласо. Несомненно, что инков не только обучали по кипу, но и заставляли овладевать техникой составления и «прочтения» закладываемой в них информации. Однако, повторяем, основной формой обучения была устная речь. При этом какие-то тексты, особенно героические (исторические), скорее всего, заучивались наизусть не без помощи стихосложения.

Инков готовили к управлению государством, для которого война являлась основой основ существования. Вот почему в их обучении «военное дело» должно было занимать и занимало центральное место. Однако не только армия, но и весь административно-управленческий аппарат «империи» (речь идет о командных должностях) находился непосредственно в руках самих инков. Здесь также нельзя было обойтись без специального обуче-

---

[11] Мы полагаем, что инки должны были иметь письмо, однако его применение в какой-то момент было запрещено исключительно по утилитарным, а возможно и религиозно-политическим соображениям.

ния. «Сыны Солнца» должны были владеть и ремеслами, особенно теми, которые связаны с войной: фортификация, изготовление оружия, пошив и ремонт одежды и обуви и т. д. Гарсиласо утверждает, что этим знаниям и ремеслам обучались все молодые инки, включая принца-наследника, к которому учителя — старые инки — предъявляли особо строгие требования [12].

Как можно понять у Гарсиласо, инки не готовили и не выделяли из своей среды специального жреческого сословия. Все они обязаны были знать и уметь отправлять ритуалы своей религии. Если мы вспомним приведенное выше высказывание Мариатеги (с. 60), то такое положение дел представляется вполне оправданным. Можно лишь предположить, что в дальнейшем, несомненно, произошла бы «профессионализация» жречества, ибо уже в те времена «должность» верховного жреца была пожизненной. Тот факт, что на нее назначали инку из числа родных дядей или братьев инки-правителя, косвенно подтверждает наше предположение, ибо эта категория родичей хотя и состояла из самых чистокровных инков, но, по законам Тауантинсуйю, ее представители сами уже не могли стать правителями. Вот почему брат правителя мог быть верховным жрецом, не «опасаясь», что его самого сделают правителем. Конечно, все сказанное относится к чистой «теории» инкского права престолонаследия. Нам же важно отметить другое: все инки должны были хорошо владеть «теорией» и практикой своего религиозного учения, включавшего знание астрономии.

Из сказанного видно, что инкское образование охватывало широкий круг вопросов. Оно было достаточно глубоким (по их собственным меркам) и во многом носило практический характер. Их обучение начиналось с самого раннего детства: физическое закаливание организма, постоянные ограничения в еде, приспособление ко всякого рода невзгодам — извечным спутникам мужчины-воина — и заканчивалось к 25 годам (возраст, когда мужчина в Тауантинсуйю приобретал самостоятельность).

Однако это был крайний срок, особенно для представителей правящего клана (крестьянин-пурех именно в 25 лет получал свой собственный надел и уходил из семьи отца). Известно, например, что Инка Тупак Юпанки, да и бастард Атауальпа воевали вместе со своими отцами-правителями Тауантинсуйю в значительно более раннем возрасте и им поручались даже самостоятельные завоевания (правда, под контролем дядей-полководцев, отличившихся и прославившихся своим военным искусством).

Между тем Инка Гарсиласо покинул Перу, когда ему еще не исполнилось и 21 года и он, следовательно, уже по этой причине не мог пройти полного курса инкского обучения. Однако ему и не нужно было его полностью проходить. На то были как объективные, так и субъективные причины.

---

[12] *Гарсиласо.* История..., с. 393—403.

Во-первых, обучать юного метиса инкскому военному искусству и всему, что было связано с ним, не было никакого смысла, поскольку европейская школа войны и европейская же военная техника доказали свое полнейшее превосходство. Точно такая же ситуация, по мнению инков, имела место в деле «научно-технических» достижений индейцев Перу при их сопоставлении с достижениями тогдашней Европы. Правда, здесь не обошлось без досадных промахов, явившихся результатом абсолютного пренебрежения испанцев, а через них и самих аборигенов Америки ко всему местному, казавшемуся жалким подобием и даже пародией на «всесокрушающую» мощь испанской техники и науки. К сожалению, благодаря непоколебимой вере индейцев в испанское превосходство были утрачены многие замечательные достижения инкской культуры, и особенно индейской медицины (Гарсиласо отмечает этот прискорбный факт[13]), а сама вера в испанское превосходство приняла поистине уродливые формы[14]. Таким образом, обучение Гарсиласо индейской технике и «точным» и естественным наукам также представлялось инкам малооправданным делом.

Совсем иным должно было быть отношение инков к «общественным наукам», включавшим, естественно, религию как первооснову инкских знаний в данной области. Именно этому они должны были уделить и уделили основное внимание. Это и был тот «инкский университет», полный курс которого вполне успешно прошел Инка Гарсиласо де ла Вега. Утверждать подобное, повторяем, дает право выдающийся труд метиса об инках.

Именно он, этот труд, раскрывает перед нами наиболее полную картину того, чему инки учили в своих школах будущих правителей Тауантинсуйю. Благодаря ему к нам в руки попал как бы «инкский учебник» или «инкская энциклопедия», в которой сосредоточена накопленная веками и, естественно, «отредактированная» (и не однажды) в угоду правящему клану в целом и его отдельных правителей сумма обязательных знаний, владеть и пользоваться которой должен был каждый чистокровный инка, если он хотел (и при этом мог) участвовать в непосредственном управлении гигантской «империей» и тем более стремился сделать личную карьеру, что должно было всячески поощряться верховной властью.

Возможно (и это представляется более вероятным), что юному метису был «прочтен» не полный, а сокращенный вариант «кур-

---

[13] *Гарсиласо.* История..., с. 125—128.

[14] «Они пользовались каменными ножами, потому что не сумели изобрести ножницы; стрижка стоила им большого труда, как любой может себе это представить; поэтому, когда позднее они увидели, с какой легкостью и мягкостью стригут ножницы, один инка сказал нашему соученику по письму и чтению: «Если бы испанцы, ваши отцы, принесли бы нам только лишь ножницы, зеркала и расчески, мы отдали бы им все золото и серебро, которое имели на своей земле» (*Гарсиласо.* История..., с. 58).

са» этих знаний, о чем свидетельствуют пробелы (некоторые весьма досадные!) в его инкском образовании. Так, в частности, он неоднократно указывает на наличие у инков особого языка, которым владели только они одни и на котором разговаривали между собой, не опасаясь быть понятыми другими. Он пишет, что не был обучен этому языку, хотя и знал от родичей значение отдельных слов. Например, слово «коско» принадлежит именно к этому языку и означает «пупок» (как центр организма или столица страны и всей земли). Такой перевод названия инкской столицы дает только один Гарсиласо [15].

Видимо, инки не все рассказали Гарсиласо и о кипу. В принципе он не только знал об их существовании, но и сам пользовался кипу, в частности при расчетах испанцев с индейцами (последние вели учет своих податей именно с помощью кипу). Но если сравнить характер информации, которую содержали кипу, согласно Гарсиласо и согласно другому хронисту — Антонио де ла Каланча [16], то сразу же становится заметной принципиальная разница в оценке возможностей инкского «узелкового письма»: у Каланчи они выглядят значительно более широкими, поскольку передают фонетические эквиваленты: например, имена собственные людей и названия «провинций». К сожалению, сейчас трудно установить, кто из хронистов ближе к реальности, однако, исходя из потребностей такого огромного государства, каким было Тауантинсуйю, и учитывая стадию развития инкского общества, более предпочтительной выглядит версия Каланчи.

Приведенные нами примеры относятся к разряду не просто досадных, но и невосполнимых пробелов инкского образования Гарсиласо и, к сожалению, всей перуанистики. Они наводят на мысль, что эти пробелы могли возникнуть не случайно. Представляется вполне вероятным, что учителя Гарсиласо преднамеренно не захотели обучить маленького метиса всем без исключения знаниям инкского клана, ибо эти знания давали инкам огромные преимущества над неинкским населением страны, и в этом смысле должны были быть отнесены к их тайнам (например, как письмена у древних жрецов майя, Египта и т. д.). Возможно, что такой была «установка» правящей верхушки клана в отношении самых сокровенных из тайн «империи», ибо инки не могли не понимать, что новое поколение «сынов Солнца», т. е. метисы, были гораздо ближе к испанцам, нежели к ним.

А то, что у инков имелись свои тайны, которые они так и не открыли испанцам, несмотря на все их старания (в числе этих «стараний» не последнее место занимали самые жестокие

---

[15] Вопрос о том, существовал ли у инков особый язык, не является до конца ясным, ибо подавляющее большинство хронистов ничего не знает о нем. Однако не следует забывать, что они были испанцами и их просто могли не посвятить в эту семейную тайну клана инков.

[16] *Antonio de la Calancha.* Grónica moraliçada del Orden de San Agustín en el Perú con sucesos ejemplares vistos en esta monarquía. Barcelona, 1638.

пытки и убийства), засвидетельствовано историей: знаменитое «золото инки», бесследно исчезнувшее прямо на глазах у испанцев четыре века тому назад, безуспешно ищут и поныне.

Но годы, прожитые Гарсиласо в Перу, отнюдь не были отведены только и исключительно инкскому образованию. Скорее наоборот, его отец-испанец стремился дать своему сыну-метису испанское образование. Из сочинений Гарсиласо известно, что его встречи с родичами-инками не носили регулярного характера. Они проходили в доме его отца, где инки могли появляться лишь в качестве гостей матери метиса пальи Чимпу Окльо. Вряд ли для капитана Себастиана Гарсиласо их приход был желателен (особенно частые посещения). Он наверняка должен был воспринимать с подозрением их многочасовые беседы со своим единственным сыном, которые к тому же велись на непонятном капитану языке. Когда же капитан женился на испанке и мать Инки Гарсиласо была вынуждена уйти из дома (мальчику было тогда лет 10—13), посещения родичей-инков резко сократились, если вообще не сошли на нет (здесь нет полной ясности). Теперь встречи с дядьями и дедами инками стали носить случайный характер. Их прямое воздействие на Гарсиласо с каждым годом уменьшалось...

Гарсиласо получил инкское образование непосредственно из первых рук. Это засвидетельствовано им самим. Он пишет, что его информаторами были родные деды и дядья по материнской линии, т. е. инки самых чистых кровей. Более того, они были не просто инки, а родные братья самого сиятельного и самого могущественного из правителей Тауантинсуйю — Инки Уайна Капака. Они, как и сам Уайна Капак, обучались всем премудростям и наукам Тауантинсуйю, ибо каждый из них мог стать принцем-наследником, от которого в «империи» не было тайн. Таков был высочайший ранг инкских наставников Гарсиласо.

Но им все же удивительно повезло со своим учеником. Повезло потому, что их слушателем оказался поразительно талантливый ребенок, который сумел, как губка, впитать в себя тот огромный поток информации, который был направлен на него родичами-инками и который он сам воспринимал всего лишь как сказки. «Слушать их (родичей матери.— *В. К.*) было для меня развлечением, как развлекаются слушанием сказки...»— напишет Гарсиласо много десятилетий спустя [17].

Напишет и пожалеет, что так легкомысленно относился к столь великолепному источнику знаний о царстве инков. Все, кто занимался инками после появления труда Гарсиласо и кто сегодня изучает древнее государство Тауантинсуйю, не могут не разделить вместе с ним этого чувства сожаления. Да и как может быть иначе, если «сказки» инков, сохранившиеся в памяти Гарсиласо и дошедшие до нас на страницах его «Комментариев»,

---

[17] *Гарсиласо.* История..., с. 42.

являются по сей день источником, без которого немыслимо изучение истории Древнего Перу. Мы можем лишь догадываться, сколько белых пятен оказалось бы заполнено добротно изложенным и прекрасно написанным материалом из легендарного прошлого инков и их «империи», прояви маленький метис должное внимание к сказкам своих родичей.

ИСПАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ГАРСИЛАСО В ПЕРУ

Выше уже говорилось, что Гарсиласо находился на верхней ступени инкской социальной лестницы. Но он одновременно пребывал и на испанской лестнице. Какое же место было отведено ему здесь?

Жизнь испанцев в Новом Свете, особенно в Перу, была нелегкой: постоянные стычки с индейцами, непрерывные завоевательные походы в поисках нового «Эльдорадо», незнакомая и часто враждебная своей необычностью географическая среда, вечная нехватка человеческих ресурсов и всего испанского (европейского), начиная от привычной одежды и кончая оружием,— все это и еще многое (например, необычный стол, неведомые свойства плодов и самих растений, всякого рода сюрпризы животного мира), помноженное на стремление обогатиться и обязательно «за одну ночь», образовывало тот внешний фон, который лежал за пределами внутренних отношений немногочисленной по своему составу колонии самих конкистадоров.

Казалось бы, все это должно было сплотить завоевателей, укрепить их колонию изнутри, тем более что многие из них были выходцами из одних и тех же испанских провинций и даже находились в кровном родстве либо стали побратимами уже в процессе конкисты. Однако на деле все выглядело совсем по-другому.

Конечно, в моменты наивысшего напряжения и опасности – главным образом в преддверии решающих сражений с индейцами или при отражении их внезапного нападения – дух товарищества и даже братства преобладал, однако лишь только проходила опасность и наступал момент дележа добычи или просто мирная передышка, колония сразу же превращалась в своеобразное «поле брани», ибо, кроме алчности и своекорыстия, других «идеалов» у конкистадоров не было.

За примерами не нужно далеко ходить. Братья завоевателя Перу Франсиско Писарро казнят Диего де Альмагро – друга, побратима, а главное, основного компаньона и ближайшего соратника их брата, без которого конкиста Перу не могла бы осуществиться. Альмагро-младший (сын Диего) убивает Франсиско Писарро в его собственном доме в Лиме, в городе, который он основал и построил. Писарристы подавляют мятеж Альмагро-младшего и казнят мятежника на центральной площади Куско. Проходит несколько лет, и уже альмагристы, на которых опирается метрополия, казнят последнего из братьев Писарро – Гонсало. К этому времени Хуан Писарро уже убит во время всеобщего восстания индейцев; Франсиско Мартин де Алькантара

(брат Франсиско Писарро по матери) погиб вместе с маркизом; Фернандо (Эрнандо) Писарро, посланный братьями в Испанию, чтобы там отстоять их права, посажен в тюрьму, где проведет 23 года. Жестоко подавлен и очередной (оказавшийся последним) мятеж, возглавленный Франсиско Эрнандесом Хироном.

В сражениях между самими испанцами (испанские и перуанские историки именуют эти мятежи и битвы «гражданскими войнами») испанцев гибнет во много раз больше, чем непосредственно в процессе конкисты, которая длилась более трех десятилетий.

Но и этого мало. Каждый очередной победитель – его сторона неизменно считалась «королевской», отстаивавшей интересы испанской короны в Перу,— беспощадно расправлялся с уцелевшими после сражений противниками, т. е. со своими же соотечественниками испанцами. При этом в число противников нередко включали заведомо непричастных к мятежу лиц, которые, однако, обладали достаточно крупным состоянием (земельные наделы вместе с индейцами – репартимьенто, плантации ценных сельскохозяйственных культур, шахты по добыче драгоценных металлов, личное богатство в золоте и серебре и т. п.), с помощью которого можно было компенсировать расходы на войну и вознаградить себя и своих сторонников.

Испанская корона умело руководила этой кровавой бойней, расчищая путь к своему единовластию в колонии. Так, руками самих конкистадоров было разгромлено не только государство инков Тауантинсуйю, но и их собственная (конкистадорская) вольница, которой Испания откровенно боялась и боялась вполне обоснованно. Она боялась отторжения колоний. Боялась неукротимого и буйного духа конкистадорской вольницы. Боялась, наконец, ею самою выданных конкистадорам привилегий и прав на эксплуатацию этих земель.

Не будем забывать, что, когда будущие первооткрыватели и завоеватели отправлялись на свой страх и риск (на свои деньги) в заморские походы, корона не скупилась на выдачу им всевозможных «капитуляций» и других особых прав на еще не открытые земли и «царства», существовавшие пока лишь в воображении самих первооткрывателей (большинство из «них» так никогда и не было «открыто»). При этом корона не несла практически никаких расходов, но оговаривала себе «взамен» обязательную долю, как правило, королевскую пятину. В тот момент она ничем не рисковала, и ее великодушие и щедрость, казалось, не имели границ. Однако по мере того, как королевская пятина начинала обретать вполне реальный вес и облик в виде слитков «индейского» золота и серебра, отношение короны к «капитуляциям» и к особым правам конкистадоров радикально изменялось: чем больше росла пятина, тем меньше она устраивала метрополию. Наступал момент, когда она уже не могла примириться с тем, что четыре пятых заморских сокровищ проходили мимо королевской казны.

Рост пятины стимулировал деятельность королевских властей по ликвидации любыми средствами ими самими установленных прав и привилегий первооткрывателям и конкистадорам Нового Света. И с каждым годом эта деятельность становилась все более решительной, а ее результаты — эффективными. Наиболее классическим примером такой деятельности является ликвидация «капитуляций» Христофора Колумба.

В Перу уже в период правления вице-короля Франсиско де Толедо (1569–1581) практически не осталось тех, чьими руками было разгромлено Тауантинсуйю, а вся обширнейшая территория владений инков присоединена к Испании. К этому времени в Перу не осталось и прямых наследников престола инкской «империи». Одни из них были предательски убиты, другие «законно» казнены, третьи погибли в сражениях, некоторые не смогли вынести влажного и жаркого климата Лимы, куда их насильственно перевели из привычного высокогорья (Гарсиласо полагает, что это было сделано преднамеренно), другие оказались в Испании, где также прожили на удивление недолго. Так в Перу повсеместно утвердилась власть метрополии. Теперь это была уже обычная колония, полностью и безоговорочно вошедшая в состав испанской империи.

Гарсиласо покинул свою первую родину в 1560 г. Следовательно, он был очевидцем и даже в некотором смысле участником наиболее ожесточенного периода борьбы за власть, в которой принимали участие и конкистадоры, и инки, и присылавшиеся из Испании губернаторы, президенты и вице-короли — высшие чиновники и представители колониальных властей метрополии.

Из биографии отца Инки Гарсиласо мы знаем, что капитан Себастиан Гарсиласо де ла Вега был конкистадором (из числа вторых) и принадлежал к знатному испанскому роду. Но он был не первородным сыном, что по законам майората резко снижало его аристократический «ранг». Положение Инки в этом плане было еще более низким, ибо он был бастардом, что по испанским законам и обычаям вообще лишало его всяких прав на знатность и даже дворянство (к месту будет сказано, что ни в одном из испанских документов у его имени нет приставки «дон», означавшей «благородное» происхождение).

Однако в Перу того неспокойного периода подобные факты мало кого волновали, хотя о них и не забывали и даже использовали их в подходящий момент. Достаточно вспомнить, что оба руководителя конкисты — Писарро и Альмагро вышли из самых низов испанского общества и даже не умели расписаться своим собственным именем.

Вот почему для Инки гораздо важнее было то, что его отец являлся капитаном конкистадоров и признавал сына-метиса своим законным наследником (правда, не универсальным), что практически ставило их обоих на вершину испанской социальной лестницы в Перу.

К тому же Гарсиласо-отцу сопутствовали почти постоянные удачи, ибо из всех «гражданских войн» он каждый раз выходил не только без материальных и социальных потерь, а с известными приобретениями, укреплявшими его положение в испанской колонии.

Однако из сказанного не следует делать вывод, что жизнь капитана Себастиана Гарсиласо проходила спокойно, без всяких волнений, неудач и преследований. Наоборот, он активно боролся

за свое благополучие, и эта борьба заставляла его много раз покидать свой дом и свою семью, чтобы скрываться от преследователей или самому преследовать своих противников. Иными словами, он был непосредственным участником всех тех бурных событий, которые сотрясали Перу.

Все это прямо или косвенно отражалось на положении юного метиса. Так, из рассказов самого Инки Гарсиласо мы знаем, что в его детстве были дни, недели и месяцы, когда он голодал. Дом его отца в Куско, где оставалась семья в отсутствие капитана, несколько раз подвергался настоящей осаде; его пытались сжечь, хотя осаждающие знали, что там нет хозяина и, следовательно, объектами нападения были Инка и его мать. Однажды капитан артиллерии Эрнандо Бачикао, чем-то особо разгневанный Себастианом Гарсиласо, выкатил свои пушки на городскую площадь Куско и начал расстреливать прямо в упор дом капитана, в котором прятались маленький метис, его мать Чимпу Окльо и несколько слуг. И если бы не огромные каменные глыбы, которые выламывались из инкских сооружений для строительства домов новых хозяев Перу, и своевременное «посредничество кумовьев»[18], вмешавшихся в опасное занятие Бачикао, мы, скорее всего, никогда не узнали бы имени Инки Гарсиласо де ла Вега, а мировая литература не досчиталась бы «Комментариев».

Но Гарсиласо знал и другие времена; они охватывают куда более обширный период его перуанской жизни. То были годы изобилия и роскоши, почета и преклонения не только со стороны индейцев (именно они в тяжелые годы преследований, пренебрегая опасностями, снабжали маленького метиса и его окружение продовольствием и всем необходимым), но и испанцев, даже не входивших в партию его отца. Вместе с отцом он принимал в своем доме королевских губернаторов, встречался с вице-королями, был знаком со всей испанской знатью Перу, включая высшее духовенство. Юный метис участвовал в торжественных выездах, в соколиной охоте испанцев, играл в испанские игры для всадников (каньяс) и т. д.

Особых почестей удостоился его дом, когда капитан Себастиан Гарсиласо стал коррехидором (губернатор и верховный судья) бывшей столицы инкской «империи» города Куско. За столом коррехидора ежедневно обедало полторы-две сотни человек. Когда новый вице-король Перу Андрес Уртадо де Мендоса, маркиз де Каньете, узнал об этих пиршествах, он не только возмутился, но и испугался, ибо подобная клиентела была больше похожа на политическую партию коррехидора — две сотни испанцев по тем временам представляли достаточно серьезную военную силу.

И вот постановлением вице-короля от 23 июля 1556 г. капитан Себастиан Гарсиласо де ла Вега был смещен с должности

---

[18] *Garcilaso.* Historia general del Perú.— Obras completas..., t. III, p. 242, 243.

коррехидора Куско. По-видимому, это событие могло в дальнейшем получить еще менее желательное продолжение, и Себастиан Гарсиласо несколькими месяцами спустя подал прошение о разрешении выехать в Испанию сроком на три года. Однако вскоре он тяжело заболел и в 1559 г. скончался в Куско.

Известно, что в это время — в 1555—1556 гг.— маленький Гарсиласо уже жил без матери у своего отца.

Насколько можно судить по высказываниям самого Инки Гарсиласо, уход матери и появление мачехи нанесли ему неизлечимую рану, боль которой он ощущал всю свою долгую жизнь[19]. И это при условии, что женитьба отца практически мало чем повлияла на собственное положение Инки, так как Себастиан Гарсиласо продолжал видеть именно в нем своего наследника и продолжателя рода (от жены-испанки у него были только две дочери, которые к тому же вскоре умерли).

Но уход матери был для Инки Гарсиласо не просто семейной драмой. Это был прямой удар по одному из двух его начал. При этом удар был нанесен вторым из двух слагаемых, которым он был обязан появлением на свет и которые одинаково сильно любил. Женись отец не на испанке, а на индианке, личная трагедия юного метиса получила бы совсем иное содержание...

В знаменитом письме-предисловии, обращенном к королю Испании Филиппу II и предпосланном переводу «Писем любви» Леона Эбрео, мы находим хотя и немногочисленные, но чрезвычайно важные автобиографические данные, написанные самим Инкой Гарсиласо. В нем есть также фраза, которая при всей своей литературности и гиперболичности раскрывает характер испанской «учебной программы», пройденной молодым метисом в Перу. Говоря об усилиях, которые потребовал от него перевод произведения Эбрео, Инка Гарсиласо пишет: «...ни итальянский язык, на котором оно было [написано], ни испанский, на который я его перевел, не являются моим естественным языком, [а] в годы отрочества в школах я смог обрести лишь то, что было дано индейцу, рожденному посреди огня и ужасов жесточайших гражданских войн своей родины, между оружием и лошадьми и обученному упражняться ими, потому что в ней тогда не было ничего другого...»[20]

Здесь мы впервые узнаем от самого Инки Гарсиласо важный факт: наличие в Куско школы, в которой обучались метисы. Позднее в «Комментариях» Инка более подробно написал о своем учении в Перу.

---

[19] По требованию метрополии испанцам в колониях предписывалось обзавестись женами-испанками, и капитан Себастиан Гарсиласо женился на испанке Луисе Мартель де лос Риос. Данной мерой власти стремились отсечь метисов, а вместе с ними и их родичей инков от тех огромных богатств, наследниками которых они должны были стать после смерти своих отцов-конкистадоров.

[20] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 8.

Первым его воспитателем и одновременно учителем стал Хуан де Алькобаса, живший в доме отца Инки (конец 40-х годов). Но это еще не были школьные занятия,— они начались с наступлением 50-х годов. Вот что пишет о них сам Инка Гарсиласо (поскольку его рассказ — единственный источник информации по этому важнейшему вопросу и написан он не по горячим следам, а через много десятилетий и, следовательно, хорошо продуман автором, мы воспроизводим его лишь с небольшими сокращениями):

«...Индейцы Перу, хотя и не были талантливы в изобретениях, обладали большими способностями подражать и воспринимать то, чему их обучали. Это проверил на долгом опыте лиценциат Хуан Куэльяр, уроженец Медины-дель-Кампо, который был каноником святой церкви Куско и преподавал грамматику[21] метисам – детям знатных и богатых людей того города. Делал он это движимый своим человеколюбием и по просьбе самих студентов, потому что пять наставников, которых они раньше имели, сменяли один другого по прошествии пяти или шести месяцев учебы, ибо они убеждались, что в других хозяйствах могут получить большую прибыль, хотя правда и то, что каждый студент давал им в месяц по десять песо, что равно двенадцати дукатам, однако в целом этого было мало, потому что [самих] студентов было мало; в лучшем случае [их число] доходило до дюжины с половиной... Когда их покидал [очередной] наставник, [они] приходили в школу, лишь когда приходил другой [учитель], который преподавал на основе иных принципов, нежели предыдущий, и, если у них сохранялось что-либо от прошлого [учителя], он говорил им, чтобы они забыли это, поскольку оно ничего не стоило. Таким образом, в мое время учились студенты, вводимые в заблуждение то одним, то другим наставником, без какой-либо пользы от них, пока добрый каноник не собрал их под своим крылом и в течение почти двух лет обучал латыни среди оружия и лошадей, среди крови и огня военных сражений, которые случались тогда, среди восстаний дона Себастьяна де Кастилья и Франсиско Эрнандеса Хирона... В то время каноник Куэльяр увидел большие способности, которые проявляли его ученики в грамматике, и их проворство в остальных науках... Переживая, что эти большие таланты пропадут, он очень много раз говорил им: «О, дети, как жалею я, что не могу увидеть дюжину из вас в том Саламанкском университете!»[22]

Но и каноник Куэльяр не довел до конца обучение. Из сочинений Гарсиласо можно также составить примерный список тех, кто обучался вместе с ним в том единственном в Куско классе-школе. Их имена разбросаны на более чем тысяче страниц, но каждый раз, встречаясь с ними по ходу своего повествования, Гарсиласо не забывает сказать, что именно этот человек был его соучеником: он сохранил в памяти эти имена до конца своей жизни. Нам же важно узнать, кто они, чтобы понять, в каком окружении проходила его учеба.

---

[21] Возможно, что в данном случае слово «грамматика» означает «латынь».
[22] *Гарсиласо.* История..., с. 138, 139.

Среди соучеников Инки Гарсиласо были метисы и даже два инки: Карлос Инка (сын Инки Паулью и, следовательно, внук Инки Уайна Капака) и Фелипе Инка[23], родословная которого неизвестна. О втором из них Гарсиласо сообщает, что «он принадлежал <...> одному богатому и знатному священнику, которого звали отец Педро Санчес...»[24]. (Можно предположить, что его родители погибли от рук палачей Атауальпы или испанских конкистадоров, а монах взял его к себе в монастырь.)

Метисами были братья Диего и Франсиско де Алькобаса (сыновья первого воспитателя Гарсиласо, который к этому времени уже стал «весино»[25] Куско); Хуан Сьерра де Легисамо (его отец Мансио Сьерра прославился тем, что за одну ночь проиграл в карты огромный золотой диск-солнце из храма Кориканча, доставшийся ему по жребию при дележе сокровищ Куско между конкистадорами. Он сам подтвердил этот факт в завещании; мать Хуана была дочерью Уайна Капака по имени Беатрис); Хуан Бальса (сын другой дочери Уайна Капака — Леонор от конкистадора-альмагриста Хуана Бальса); братья Франсиско и Педро Альтамирано (их отец был из первых конкистадоров); Бартоломе Монедеро (имена его родителей не сохранились); Хуан де Сельорико (имена родителей также не сохранились; сам он, став взрослым, владел в Куско торговыми лавками и жил рядом с Гарсиласо); Гаспар Сентено (сын Диего Сентено, одного из наиболее последовательных и упорных противников Гонсало Писарро); Диего де Варгас (сын конкистадора Диего Гонсалеса де Варгас, который убил своего зятя Алонсо де Торо, генерал-лейтенанта Гонсало Писарро); Педро и еще один сын — его имя не сохранилось — конкистадора Педро дель Барко, который вместе с Эрнандо де Сото посетили Куско вскоре после разгрома войск и пленения Атауальпы испанцами под Кахамаркой (отец Инки был воспитателем Педро), и, наконец, Хуан Ариас Мальдонадо. С ним единственным Инка Гарсиласо много лет спустя несколько раз встречался в Испании, куда оба они практически были сосланы (он был сыном знаменитого конкистадора Диего Мальдонадо, прозванного в насмешку «Богачом» из-за его неумения жить по средствам).

Среди соучеников Гарсиласо был также один и, кажется, единственный креол Гонсало Мехиа де Фигероа. Он родился в Перу от родителей испанцев Лоренсо Мехиа де Фигероа и Леонор де Бобадилья.

Возможно, что вместе с ними учился и сын маркиза Франсиско Писарро (мать — дочь Атауальпы донья Анхелина) Франсиско Писарро-младший, однако утверждать это нельзя. Достоверно известно лишь, что он часто со своим дядей Гонсало бывал

---

[23] Все испанские имена дали индейцам при крещении.
[24] *Гарсиласо.* История..., с. 138.
[25] Так называли испанцев, владевших репартимьенто.

в доме Гарсиласо, где оба маленьких метиса играли в разные игры и, вероятно, вместе учились.

Таков был круг «школьных связей» Инки Гарсиласо. В нем представлен весь высший свет тогдашнего Перу, вернее, его младшее поколение, которому самому, однако, не суждено было занять в колонии место своих отцов. Но ни они сами, ни их родители еще не знали об этом. Вот почему настойчивое стремление старшего поколения дать испанское образование своим детям-метисам отражало естественное желание уравнять их шансы в той неизбежной борьбе за власть, которая уже шла с представителями метрополии, прибывавшими все в большем и большем количестве в Перу. В дальнейшем эта борьба должна была еще более обостриться, однако противоборствующие силы оказались слишком неравными и борьба между ними закончилась при жизни первого поколения конкистадоров, но не в его пользу.

Инка Гарсиласо достаточно убедительно показал нам очевидное несовершенство полученного им испанского образования: «Каноник Хуан де Куэльяр,— не без сожаления пишет он,— также не довел до совершенства латынь своих учеников» и «остальные науки» [26], т. е. элементарную арифметику.

Однако главное внимание учителя-монахи, естественно, уделяли богословию — ведь мальчики по материнской линии были язычниками — и латыни. Тогдашние методы обучения хорошо известны; среди них не последнее место занимали розги [27].

И все же следует признать, что именно в Куско и в том самом классе-школе Инка Гарсиласо получил и получил чрезвычайно своевременно самое важное, без чего были бы немыслимы вся его дальнейшая литературная деятельность и его творчество,— «урок» европейского мировоззрения, европейского образа мышления, приобщивший его к европейской культуре и, к счастью, не оторвавший от культуры индейской. Полученные им конкретные знания (науки) были не просто изначальными, а примитивными и к тому же хаотически запутанными, но они содержали качественно иное и, несомненно, более передовое, нежели индейское, восприятие мира. Это был более прогрессивный образ мышления, иной подход к окружающей действительности, к ее осмыслению.

Мы уже не раз указывали на исключительный прагматизм инков. Эту их особенность точно подметил Мариатеги и подметил ее в самом сокровенном их духовного мира — в религии. Вот что он написал: «В ее основе лежали не непонятные никому абстракции, а всем *доступные простые аллегории*» [28] (курсив мой.— *В. К.*).

Здесь на редкость лаконично и емко раскрыта суть индейского мировоззрения до его столкновения и знакомства с более пере-

---

[26] *Гарсиласо.* История..., с. 139.
[27] *Гарсиласо.* История..., с. 604.
[28] *Мариатеги Х. К.* Семь очерков..., с. 200.

довой социально-экономической формацией и соответствовавшего ей более передового образа мышления. «Племена империи,— конкретизирует эту особенность Мариатеги несколькими строками ниже,— скорее верили в божественную сущность инков, чем в божественность какой-то религии или их догматов»[29].

Невероятно трудно даже представить себе путь от «простых аллегорий» к «непонятным никому абстракциям». К месту будет сказано, что именно этими трудностями во многом объясняется то сопротивление восприятию католических догматов, которое оказывало им индейское население Нового Света, вызывая тем самым ярость и гнев служителей Христа. Но этот путь был обязателен для каждого, кто шел от индейского миропонимания к европейскому мировоззрению. И дело тут, конечно же, не в религии и ее догматах, хотя недооценивать их мировоззренческую роль никак нельзя. Вопрос стоял гораздо шире, охватывая всю область духовной культуры в ее самом широком понимании. Непонятная никому абстракция уже проникла или настойчиво проникала во все сферы знания европейцев, утверждая себя не только как философскую категорию (в теологии она шагнула настолько «далеко», что уже перестала подчиняться человеческому разуму[30]), но и как неотъемлемую часть любого научного мышления и особенно поиска.

Однако все сказанное выше было слишком далеко от реального мира конкистадоров, в среде которых родился и рос Инка Гарсиласо. В своей повседневной деятельности конкистадоры были не меньшими прагматиками, чем инки. Более того, все их усилия направлялись на личное и обязательно быстрое обогащение. Вот почему «испанский колонизатор устремился не на поля, а в рудники,— пишет Мариатеги.— Поэтому его психология является типичной психологией золотоискателя. Он, таким образом, не был созидателем богатств»[31]. Добавим, что он не был и колонизатором в классическом понимании этого слова.

Нетрудно представить, что подобная среда мало что могла дать маленькому метису при формировании его духовного мира, особенно его испанской части. И то, что из всей той «дюжины метисов», увидеть которую в Саламанкском университете мечтал каноник Куэльяр, мы никого, кроме Гарсиласо, так и не «услышали», является, по нашему глубокому убеждению, достаточно убедительным доказательством пагубности воздействия на них «конкистадорской среды».

Что же касается Гарсиласо, то ему снова очень повезло На этот раз его выручил собственный отец.

Известный исследователь жизни и творчества Инки Гарсиласо, посвятивший ему «двадцать пять лет любви и исследова-

---

[29] *Мариатеги Х. К.* Семь очерков..., с. 200.
[30] См.: *Данэм Б.* Герои и еретики (пер. с англ.). М., 1967, с. 114—116.
[31] *Мариатеги Х. К.* Семь очерков..., с. 100.

ний»[32], Аурелио Миро Кесада в книге «Инка Гарсиласо и другие гарсиласистские исследования» говорит об отце Гарсиласо, как о высокообразованном человеке своего времени, что резко отличало его от основной массы конкистадоров. Он полагает, что как отпрыск знатного рода Себастиан Гарсиласо еще в Испании получил прекрасное военное и общекультурное образование. Последнее представляется вполне реальным; достаточно вспомнить, что в его роду встречаются такие известные поэты, как маркиз де Сантильяна, дон Иньиго Лопес де Мендоса (1398—1458) и знаменитый «толедано» Гарсиласо де ла Вега (1503—1536). Сам Инка Гарсиласо, подражая популярному тогда стиху «толедано» — «беря то шпагу, то перо...», часто использует именно этот мотив, когда говорит о самом себе.

Конечно, высказанное здесь убеждение о роли Себастиана Гарсиласо в формировании духовного мира своего сына метиса основано лишь на косвенных доказательствах. К числу наиболее убедительных из них мы относим тексты самих книг Инки Гарсиласо. Речь идет о том необычайном уважении, граничащем с самоуничижением, которое Инка неизменно проявляет к своему отцу. Более того, он стремится показать созидательную деятельность конкистадора Себастиана Гарсиласо. Много раз он подчеркивает его особое отношение к индейцам, резко отличавшееся в положительную сторону по сравнению с другими новыми хозяевами Перу. О повышенном внимании Инки Гарсиласо к своему отцу говорит любопытный факт: на 80 страницах его сочинений мы встречаем имя его отца. И это не считая отдельных глав, посвященных походу (конкисте) капитана в район Буэнавентура (книга II «Всеобщей истории Перу»)[33], и большой «Траурной молитвы одного монаха по причине кончины Гарсиласо, моего господина» (там же, книга VIII)[34], которые специально написаны Инкой о своем отце.

Нам представляется, что подобное отношение к отцу должно было быть порождено не только отцовской любовью — любовью капитана к своему сыну, но и особенностями этой любви. Ибо они, отец и сын, действительно жили среди ужасов кровавых сражений, коварных убийств и казней, предательств и насилий, которым, казалось, не было конца. В этих условиях проявление элементарной гуманности выглядело как смешная нелепость, ну а воспитание в сыне и не просто сыне, а незаконнорожденном метисе (бастарде), гуманистических наклонностей и интересов общекультурного характера должно было казаться преступной и потому непростительной затеей. Ему гораздо важнее было в совершенстве владеть мечом и боевым конем, потому что только так он мог защитить самого себя и быть полезным отцу, жившему

---

[32] *Miro Quesada A.* El Inca..., p. 1.
[33] *Garcilaso.* Obras completas..,. t. III, p. 143—146.
[34] Ibid., t. IV, p. 149—159.

под постоянной угрозой потери не только своих богатств, но и жизни.

И это была правда, жестокая и суровая правда бытия всех конкистадоров, не считаться с которой они не могли, даже если бы захотели. Но они и не хотели. Конкистадоры жили, умели жить только такой жизнью. Их «психология золотоискателей», столь точно подмеченная Мариатеги, не могла дать им ничего другого. И нужно было быть действительно необыкновенным человеком и обладать действительно высокой культурой, чтобы суметь оторваться от реальности тогдашнего Перу и позволить себе в ущерб этой реальности сделать шаг в сторону того величественного взлета человеческой мысли и культуры, который назван Возрождением и о котором подавляющее большинство конкистадоров попросту не имело ни малейшего представления.

Мы говорим об этом с уверенностью потому, что Инка Гарсиласо прибыл в Испанию уже взрослым и вполне сформировавшимся человеком — ему исполнился 21 год. Следовательно, в нем уже должны были быть заложены хотя бы ростки тех высоких гуманных идей Возрождения, которые мы находим на страницах его произведений. Наша уверенность подкрепляется еще и тем, что «испанские университеты» Инки в самой Испании оказались еще более скудными, чем в Перу.

По существу, в Испании Гарсиласо оказался почти полностью изолирован от испанской же культурной жизни, ибо прожил большую часть своего испанского периода в маленьком провинциальном городке Монтилья, для жителей которого, как это засвидетельствовал великий Сервантес, приезд бродячих артистов или шарлатанов, работающих под них, означал крупнейшее «культурное» событие [35].

Об этом же, хотя и косвенно, говорят обнаруженные одним из главных исследователей-гарсиласистов Раулем Поррасом Барренечеа документы архива Монтильи, из которых мы узнаем, что чуть ли не единственным «развлечением» Инки Гарсиласо в тот период было его участие в качестве крестного отца в бесконечном множестве крестин (более ста документов!), похоронах и свадьбах. Даже монтильянская библиотека, оставшаяся после Гарсиласо (сохранилась опись книг, а не сама библиотека), не дает нам права утверждать, что процесс формирования взглядов Инки Гарсиласо — суть явление его испанской жизни.

Между тем ведь что-то сблизило и даже породнило Инку Гарсиласо с современниками — выдающимися представителями блистательной эпохи Возрождения, гением которых она, эта эпоха, также создавалась?

Иными словами, есть все основания утверждать, что именно в перуанский период жизни в Инке Гарсиласо оказалась заложена та первоначальная основа, которая в дальнейшем сблизила его

---

[35] См.: *Сервантес М.* Назидательные новеллы. М., 1955.

и его творчество с высокими идеями Возрождения. Она же должна была уже в Монтилье натолкнуть его на мысль заняться переводом «Писем любви» Леона Эбрео и тем самым сблизиться с идеями неоплатонизма, столь популярными в ту эпоху, и найти тот единственно правильный подход к рассказу о своей первой родине Перу, который не просто прославил Инку Гарсиласо, но и поставил его произведения в совершенно особый ряд, и даже не ряд, а особняком, среди достаточно многочисленной тогда литературы о Тауантинсуйю и завоевании испанцами «империи» инков. Конечно, сказанное относится почти исключительно к «Комментариям».

Нельзя также не признать достаточно сильного влияния на маленького метиса его католического окружения. Иначе и быть не могло, ибо первые монахи, появившиеся в Новом Свете вместе с первыми конкистадорами, сами были завоевателями и зачастую действовали мечом и кинжалом не хуже, чем молитвенником и крестом. (Первая епархия была основана в бывшей инкской столице лишь 5 сентября 1538 г. [36], т. е. еще за полгода до рождения Инки Гарсиласо.) Можно предположить, что дом капитана Себастиана Гарсиласо был всегда широко открыт для посетителей в монашеском одеянии. Это представляется обязательным не только по политическим соображениям; ведь в доме Гарсиласо достаточно часто собирались родичи его сожительницы Чимпу Окльо — чистокровные инки, в искренность перехода которых в католическую веру вряд ли верили всерьез люди трезвого ума, подобные капитану. А раз так, то им следовало противопоставить служителей «истинной» веры.

Уже пример каноника Куэльяра говорит нам о том, что отнюдь не все католические монахи были «отцами вальверде». Многие из них (или, по крайней мере, некоторые,— не будем забывать, что та же Испания дала и Бартоломе де лас Касаса) искренне верили и в свои догматы, и в необходимость обучить им индейцев ради их же спасения и тем более юных метисов — будущих наследников богатств своих отцов (ведь в понятие «богатство» входили также и индейцы из их репартимьенто). «Премудрости» католической религии переполняли Инку Гарсиласо. Они так и рвутся наружу со страниц его сочинений. Трудно сказать, насколько он был ортодоксален (ведь именно его перевод Леона Эбрео попал в списки-индексы запрещенной инквизицией литературы), но искренен вполне.

Монахи были людьми образованными, и, несомненно, какая-то часть образованности Гарсиласо досталась ему именно от них. История не сохранила многие из их имен, но они внесли свою лепту в формирование духовного мира будущего писателя-метиса.

Примерно такими представляются нам перуанские условия процесса формирования внутреннего мира Инки Гарсиласо де ла

---

[36] *Pereyra C.* Historia..., p. 267.

Вега. Конечно, в реальной жизни они, как и сам процесс, выглядели наверняка несколько иначе, ибо сегодня мы можем лишь начертить их схемы, которые нашли свое отражение в творчестве выдающегося метиса.

ВОССТАНИЕ МОРИСКОВ. ВОЙНА В АЛЬПУХАРРАС

Специфическое общественное положение Инки (как в Перу, так и в Испании) не позволило ни одному из двух его начал «закрепиться» настолько, чтобы подавить другое. Инкское образование, полученное в раннем возрасте, в условиях испанской жизни никак не подкреплялось повседневной практикой метиса, хотя именно «инкская проблема» становится центром всей его творческой и, следовательно, духовной деятельности в Испании. Совсем иначе обстояло дело с «испанской частью» его духовного мира. В детстве он тянулся ко всему испанскому, побуждаемый невероятной грандиозностью свершенного в Новом Свете сынами Испании (только так ему могла представляться конкиста), а также их необоримой тоской по родине. Но в Старом Свете он не нашел «ту» Испанию, которую знал и о которой мечтал в Перу. Более того, здесь он встретил непонимание и неблагодарность (об этом будет сказано дальше) со стороны официальных властей. Именно здесь молодой метис с удивлением узнает, что не только он сам, но и его отец вместе со своими товарищами конкистадорами уже давно перестали интересовать испанское общество, равно как и официальные власти.

Инка обескуражен и потрясен. Вместо блистательного испанского двора, куда ему удается лишь «заглянуть» во время короткого визита в Мадрид, он оказывается в провинциальной Монтилье. Так рухнула его мечта о новой родине. Так воспоминания о родном Перу становятся главным содержанием всей его испанской жизни. Но воспоминания постепенно превращаются в подчиненный жизненно важным интересам целенаправленный поиск во имя объяснения того, что с ним произошло в Испании. Правда, Инка еще надеется доказать несправедливость случившегося с ним.

Все происходящее с ним и вокруг него он воспринимает своим «испанским» нутром, хотя и с позиций «индейца». На какое-то мгновение в нем разгорается надежда: Гарсиласо вынужден принять участие в подавлении восставших в Альпухаррас морисков. У него появляется возможность вырваться из провинциальной глуши. Инке присваивают высокое звание «Капитана Его Величества». Но то, что в Перу — звание капитана уже само по себе гарантировало общественное признание, здесь, в Испании, ничего не меняет в его жизни. И он опять в Монтилье. И снова монотонное провинциальное прозябание, снова безжалостно растрачиваемые впустую время и сама жизнь,

И вот тогда-то воспоминания (скорее всего, неожиданно) обретают конкретную форму: у Инки возникает необходимость публично рассказать миру свою правду, правду о себе и о своей первой родине (ибо одно не может быть понято без другого). Приняв такое решение, Инка Гарсиласо неизбежно оказался перед новой для себя проблемой: как найти наиболее правильную и достойную форму его осуществления?

То, что подобное решение должно было возникнуть в Инке Гарсиласо неожиданно,— всего лишь предположение. Однако эта неожиданность была подготовлена всеми предшествующими годами жизни метиса, его духовной трагедией и бесспорным разочарованием в отношении к нему новой родины. Но, как нам кажется, помимо этого сложного комплекса личных обид и переживаний, постепенно накапливавшихся в его сознании, должен был возникнуть какой-то чисто внешний стимулятор, направивший его мысль на подобное решение.

Таким стимулятором могло стать только участие Инки в подавлении мятежа морисков. Важность этого вопроса вынуждает нас более подробно остановиться на высказанной здесь гипотезе.

Прежде всего укажем на один малообъяснимый факт, относящийся как к сочинениям самого Инки Гарсиласо, так и к многочисленной литературе о нем: почти полное умолчание столь значительного события в жизни Гарсиласо, как участие в войне против морисков.

А оно действительно было весьма значительным. Во-первых, это было единственное участие Инки Гарсиласо в войне, в этом почетном и одновременно обычном и привычном (в смысле обязательности) занятии как испанцев, так и инков, да и вообще всех мужчин той неспокойной эпохи. Инка Гарсиласо тщательно готовился к войне — достаточно вспомнить его слова об оружии и боевых конях, владеть которыми он был обучен с раннего детства. Во-вторых, в этой войне он проявил себя каким-то незаурядным образом, получив за свою незаурядность высокое воинское звание. Он, несомненно, должен был гордиться этим званием — оно украшает его литературные труды.

Но на этом заканчивается очевидная часть интересующего нас события в жизни Гарсиласо. Далее возникают лишь недоумения и вопросы.

Каждый, кто знаком с произведениями Инки Гарсиласо, знает, сколь охотно, иногда даже многословно он любит рассказать о себе, о своем отце и об окружении вообще, поражая читателя обилием фактов и деталей (читатель благодарен ему за это). Но в вопросе о войне в Альпухаррас мы встречаем совсем иное отношение Гарсиласо к самому себе: Инка лишь упоминает, и всегда мимоходом, что служил королю Испании не только пером, но и оружием, повторяя мотив знаменитого тезки «толедано». При этом мы не найдем у него сколько-нибудь вразумительного объяснения, не говоря уже о подробном описании, в чем именно за-

ключалась его служба и каковы были подвиги, за которые он удостоился звания капитана. Правда, в уже цитировавшемся письме-обращении к Филиппу II и во «Всеобщей истории Перу» он уточняет арену своих военных действий, но не раскрывает их содержания. Вот что написано дословно в первом из текстов: «В своей молодости я потратил часть своей жизни на службе В. С. В. (вашему святейшему величеству.— *В. К.*) во время мятежа в Королевстве Гранада, где в присутствии яснейшего дона Хуана Австрийского, вашего достойного брата, здравствующего во славе, шла моя служба в звании вашего капитана, хотя и незаслуженно без вашего жалования...» [37]

Здесь, как убедился читатель, есть и место службы, и звание, и имя полководца, под руководством которого она проходила, и даже жалоба на отсутствие жалования, но нет главного: что именно совершил Гарсиласо или в чем состояла его служба?

Нет ответа на этот вопрос и в многочисленных книгах и статьях, написанных в разное время о Гарсиласо. Даже такой фундаментальный труд, как уже упоминавшееся исследование Аурелио Миро Кесады, который, бесспорно, вобрал в себя практически весь найденный на сегодняшний день материал об Инке (в нем есть даже глава «Инка Гарсиласо и кони», с. 477, содержащая весьма интересные данные), фактически также обходит стороной интересующий нас эпизод из жизни Гарсиласо. Миро Кесада уделяет ему только две (!) из более чем пятисот страниц своей книги. Но и на этих двух страницах содержатся в основном уже известные данные, а само их изложение построено так, что невозможно понять, чем же все-таки занимался в Альпухаррас Инка Гарсиласо и за что получил звание капитана.

Более того, при той расстановке акцентов, которую мы находим у Миро Кесады, вопрос участия Инки Гарсиласо в подавлении мятежа в Альпухаррас еще больше запутывается. Так, приведя цитату из «Всеобщей истории Перу», в которой Инка говорит о своих четырех капитанских кондуктах [38] в период мятежа морисков (мы воспроизведем эту цитату ниже), Миро Кесада пишет: «Это не было простым хвастовством, ибо Гильермо Лохманн обнаружил подтверждение трех отправлений (на имя Гарсиласо.—*В. К.*): два от Филиппа II и одно от Хуана Австрийского, которые подразумевают наличие еще одного отправления от этого последнего, что удостоверяет полностью слова Гарсиласо» [39].

Далее Миро Кесада излагает все те сведения, которые известны по разного рода документам о названных кондуктах: назначение Гарсиласо капитаном 300 пехотинцев и обычную в таких

---

[37] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 7.

[38] В данном случае слово «кондукт» следует понимать и как «поручение», и как «документ» или «письмо», в котором оно содержится, и как «военное предприятие», связанное с набором рекрутов, их доставкой к месту военных действий, и, вероятно, руководство ими в бою.

[39] *Miro Quesada A.* El Inca..., p. 93.

случаях «просьбу» короля принять на себя их обеспечение всем необходимым; требование властей проявить должную строгость к дезертирам, вплоть до клеймения лица; приказ вместо сбежавших солдат набрать новых рекрутов; королевский указ от августа 1570 г., в котором резко смягчаются ранее предписанные жестокости, и «разъяснение» короля Филиппа II, что «то была не наша воля [и] ее не следует осуществлять, ни оглашать, ни обсуждать» [40].

Заключает же Миро Кесада эту страницу из жизни Инки Гарсиласо следующим образом: «Недолго еще длился военный эпизод в гранадских Альпухаррас, которым, однако, перуанский метис будет кичиться всю жизнь. 4 декабря он все еще отсутствует в Монтилье. Но 17 февраля 1571 г., когда война практически закончилась, когда шла сдача в плен морисков, а сам Абен Або приближался к концу своих дней, оборванных жестокой смертью, «Капитан Гарсиласо де ла Вега» (кавычки Миро Кесады.— *В. К.*) снова мирно фигурирует в постоянно повторяющейся ритуальной службе крестного отца на крестинах монтильянского прихода Святого Яго» [41].

И, словно бы не удовлетворившись сарказмом сказанного, биограф Гарсиласо добавляет: «Кроме того, у него осталось и другое воспоминание от войны: рабыня Мария де Флорес «в возрасте более или менее двадцати и двух лет, по национальности мориска, из королевства Гранады... добытая на доброй войне, а не в мире». Она была не первой его рабыней...» [42]

Расставленные Миро Кесадой акценты придают своеобразную окраску изложенным здесь фактам. Трудно понять, почему у него преобладают иронические тона? К сожалению, подобный «иронический тон» встречается у многих других зарубежных авторов, когда они говорят об Альпухаррас и о капитанском звании Инки. Между тем, по нашему глубокому убеждению, именно эта страница жизни Гарсиласо оказалась одной из самых трагических. Она же сыграла в его судьбе решающую роль. Ибо именно Альпухаррас послужил тем самым внешним стимулом, благодаря которому Инка Гарсиласо принял окончательное решение взяться за перо и написать свои сочинения, ныне оцениваемые как выдающиеся.

Попытаемся объяснить, на чем основана наша уверенность. Для этого нам придется хотя бы вкратце напомнить события, связанные с восстанием морисков и войной против них испанцев.

Как известно, в 60-х и 70-х годах XVI в. Испания вела войны с африканцами (преимущественно арабского происхождения) и турками — так называемые вторая и третья кампании, стремительно поглощавшие ее экономи-

[40] Ibid., p. 94.
[41] Ibid., p. 94, 95.
[42] *Miro Quesada A.* El Inca..., p. 95.

ческие и людские ресурсы. Положение в стране еще больше ухудшилось, когда в Гранаде вспыхнуло восстание морисков — арабов, принявших христианство (по настоянию испанских властей).

Еще эдиктом от 7 декабря 1526 г. морискам запретили говорить на арабском языке, носить национальную одежду и оружие, совершать омовения, употреблять нехристианские имена, пользоваться правом убежища у феодалов и т. д. Но все эти строгости политически были мало чем оправданы, поскольку мориски не только смирились со своим подчиненным положением внутри испанского общества, но и занимали в нем довольно видное место, особенно в экономике страны (их интеграция произошла на условиях, предписанных испанскими властями). Вот почему положения эдикта фактически не были осуществлены вплоть до середины 60-х годов. Морискам с помощью крупных денежных взносов каждый раз удавалось откупиться от властей. Однако в 1565 г. королевские власти вновь подтвердили запрет на предоставление права убежища морискам испанскими феодалами, а некоторое время спустя — и остальные положения эдикта 1526 г. Все это привело к резкому усилению преследования морисков, вынужденных либо бежать из Испании (главным образом в Африку), либо уходить вместе со своими многодетными семьями в труднодоступные горные районы Гранады, поскольку власти и особенно церковь силой отнимали у морисков их детей, дабы «спасти» их души воспитанием на испанский (католический) лад.

Многие крупные феодалы и королевские чиновники (капитан-генерал де Мондехар, герцог Альба, командор влиятельного ордена Алькантары Луис де Авила и др.) пытались добиться отсрочки введения эдикта в действие, так как уход морисков вносил дезорганизацию в экономику юга страны, резко ослабляя экономический потенциал этого важного района. Однако их противники (королевский секретарь Диего де Эспиноса, председатель гранадского суда и член верховного совета инквизиции Педро де Деса, архиепископ Герреро) восторжествовали и закон вступил в силу с 1 января 1567 г.

Преследования властей вызвали вооруженное противодействие морисков. Все чаще и чаще отдельные стычки перерастали в настоящие сражения, пока восстание не стало всеобщим.

Восставшие избрали своего «короля» – им стал потомок Омейядов, принявший арабское имя Абен Гумейя. Однако он вскоре был убит своими же людьми (за мягкое отношение к испанцам), а королем провозгласили Адалу Абенабо. Война шла с переменным успехом.

Мориски, закрепившиеся главным образом в труднодоступном горном районе от Альпухарры до гор Альмерии, и наиболее благоразумные испанцы не раз были готовы пойти на мирное соглашение, основой которого могла стать отмена (даже временная) эдикта. Однако этого не случилось. Более того, король Филипп II направил в Альпухаррас своего родного брата Хуана Австрийского, считавшегося одним из лучших полководцев. Были мобилизованы дополнительные людские резервы: андалузская знать создавала свои «меснадас сеньориалес» – «господские войска», формировавшиеся из рекрутов — простых поместных крестьян и мелких идальго, которым поручалось командование над ними. (Одна из меснад было создана маркизом де Приего, доном Алонсо Фернандесом де Кордоба. Это меснадой, или какой-то ее частью, командовал Инка Гарсиласо де ла Вега.)

Хуан Австрийский активизировал военные действия против морисков. Одна за другой пали «крепости» восставших в горах Альпухаррас. В марте 1571 г. был предательски убит «король» Абенабо (убийца взамен выторговал себе у инквизитора Десы помилование), и мориски сложили оружие. Как пишет испанский историк Рафаэль Альтамира-и-Кревеа, «борьба с восставшими морисками была особенно кровавой из-за зверств испанских солдат».

Таков был театр и ход военных действий, в которых принял участие Инка Гарсиласо де ла Вега [43].

Теперь вспомним, что согласно утверждению Миро Кесады, Инка Гарсиласо якобы кичился, чванился или похвалялся своим участием в войне в Альпухаррас. Напомним слова Миро Кесады: утверждение Инки относительно его четырех капитанских кондукт «не было простым хвастовством»,— заявляет Миро Кесада [44]. В другом месте он пишет: «Не долго еще длился военный эпизод в гранадских Альпухаррас, которым, однако, перуанский метис будет кичиться всю жизнь» [45].

Поскольку первое из утверждений Миро Кесады прямо связано с текстом Гарсиласо, мы «возразим» ему тем, что написал сам Инка Гарсиласо по поводу своих кондукт (выделенный текст — это именно те слова Гарсиласо, которые процитировал Миро Кесада в своей книге):

«...Я служил королевскому высочеству,— пишет Инка в Пятой книге «Всеобщей истории Перу» (глава XXIII),— в четырех капитанских кондуктах, полученных *от покойной славы короля дона Фелипе II — две, а две другие — от яснейшего князя дона Хуана Австрийского, его здравствующего во благе брата*, чем они оказали мне милость, всякий раз улучшая их условия, словно они соревновались друг с другом, но не из-за подвигов, которые я совершил на их службе, а благодаря тому, что князь признал во мне человека, душа которого рвалась своей службой принести ему удовлетворение, о чем он сообщил своему брату» [46].

Трудно понять, почему данное высказывание следует считать хвастовством, даже если бы не обнаружились документы, подтверждавшие наличие упомянутых Инкой капитанских кондукт? Ведь в ту эпоху короли и великие князья достаточно часто «общались» подобным образом со своими вассалами и в этом не было ничего особенного. Вспомним, что они не брезговали подписывать даже разного рода капитуляции и договоры с явными и к тому же безродными авантюристами, а Инка Гарсиласо как бы представлял персону маркиза де Приего, одного из знатнейших испанских аристократов.

Нет здесь «хвастовства» и в стиле, в языке. Ибо воспроизведенный текст лишь отражает характерное для Гарсиласо и ти-

[43] Подробнее см.: *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании, т. III. М., 1951, с. 60—63.

[44] *Miro Quesada A.* El Inca..., p. 93.

[45] Ibid., p. 94.

[46] *Garcilaso.* Obras completas..., t. III, p. 360.

личное в целом для эпохи подобострастие, официально принятое и в этом смысле обязательное при публичном обращении или даже упоминании имени короля и членов его семьи. Что же касается фактов, о которых в нем говорится, то они, как мы теперь знаем, полностью соответствовали действительности. Впрочем, и до открытия Гильермо Лохмана [47] было мало оснований сомневаться в правдивости Инки Гарсиласо [48].

Но, отвергая чванливость и хвастовство Инки Гарсиласо, мы не можем не признать за ним права гордиться фактом присвоения высокого даже для метрополии звания капитана хотя бы потому, что он был первым или наверняка одним из первых метисов, получивших это звание непосредственно в самой Испании. Другое дело в Новом Свете. Там такое случалось гораздо чаще и значительно проще. Вспомним, что Альмагро-младший, который также был метисом, во время своего мятежа стал главнокомандующим всеми испанскими силами в Перу и ему были подчинены не только капитаны, но и генералы и адмиралы. Вот почему Инка Гарсиласо, будучи метисом и бастардом, имел достаточно веские основания гордиться своим званием капитана, однако... мы не беремся утверждать, что он им действительно гордился.

Об этом, как нам кажется, говорит целый ряд фактов. Во-первых, приведенная выше фраза, равно как и другие аналогичные высказывания Инки Гарсиласо. Они носили сугубо публичный характер, и именно так их и следует воспринимать. Однако звучит ли в них гордость? Давайте сравним их со знаменитой главой из «Комментариев», в которой Инка говорит о метисах — новом «потомстве», рожденном в результате столкновения европейского и индейского миров: «*Я в полный голос называю себя этим именем и горжусь им*» [49],— написал Гарсиласо.

О своей военной службе Инка так никогда не говорил. Вот что он счел возможным сказать о ней в «Сообщении»: «К этим почти восьмидесяти годам, которые отдали службе Короне Испании мой отец и два его брата, я хочу добавить *мои немногие и бесполезные*, которые в юношеские годы я отдал службе со шпагой...» (курсив мой.— *В. К.*) [50].

Достаточно сопоставить оба эти высказывания Гарсиласо, чтобы понять, что обвинения метиса в хвастовстве или чванливости, якобы порожденной его участием в войне, полностью несостоятельны.

Во-вторых, Инка Гарсиласо опубликовал, вернее, сам подготовил к публикации все свои литературные сочинения, хотя последнее из них — «Всеобщая история Перу» — вышло уже после его смерти (соответственно 1617-е и 1616-е годы). На титулах

---

[47] *Lohmann Villena G.* Apostillas documentales en torno del Inca Garcilaso.— Mercurio Peruano, julio 1958 (Lima), N 375, p. 339—345.
[48] Текст одной из кондукт Гарсиласо см. в конце наст. раздела.
[49] *Гарсиласо.* История..., с. 628.
[50] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 238.

всех трех оригинальных произведений Гарсиласо вместе со своим именем указал и воинское звание — «капитан его величества». А вот на титуле перевода «Писем любви» Леона Эбрео он не поставил это звание. Почему?

Почему его там нет, если Инка Гарсиласо так им гордился? Почему громкое «капитан его величества» он заменил на скромное «индеец»?

Как нам представляется, именно данная замена как раз и объясняет все наши «почему». Дело в том, что Инка Гарсиласо очень тонко разбирался в психологии современного ему читателя. Уже сам титул-обложка книги должен был «рекламировать» предлагаемое читателю произведение. Действительно, кто может написать об инках и конкисте Перу лучше, чем «капитан его величества», являющийся к тому же уроженцем Куско — столицы «империи» инков? И Гарсиласо сообщает читателю именно эти данные об авторе прямо с обложки книги.

Для перевода такая «реклама» не подходит. И Инка находит блестящее решение: нужно удивить читателя. Но не капитаном — многие испанские капитаны долгие годы воевали в Италии и нет ничего удивительного в том, что один из них сумел перевести книгу с итальянского на испанский язык. Тогда-то и появляется скромное, но от этого не менее экзотическое (а по меркам того времени еще и невероятное) слово «индеец», что уже само по себе поражает недоверчивого ко всему «туземному» испанца. Именно и только «индеец», а не «метис» (т. е. полуиспанец).

Мы убеждены, что именно так появляются на титулах-обложках книг Гарсиласо все те слова, которые не могут не привлечь внимания читателя: «Инка», «индеец», «капитан», «уроженец Косто», «Косто — глава всех королевств и провинций Перу». И происходит это не из-за чванливости Гарсиласо, а потому, что он отчетливо понимал, что его собственное имя (даже с приставкой «Инка») мало что говорило читателю. Таким образом, «Капитан его величества» означал для него гораздо больше, чем сомнительная возможность удовлетворить свое тщеславие: «Капитан», как и «индеец» (в случае с переводом), давали книгам Инки Гарсиласо значительные преимущества.

Теперь обратимся к документам Гарсиласо, найденным в архивах Монтильи Раулем Поррасом Барренечеа в 1949 г. Гарсиласо впервые фигурирует в них в качестве капитана в нотариальной записи от 25 августа 1570 г., т. е. еще до своего окончательного возвращения из Альпухаррас. Но даже в этом документе Инка подписывается только одним своим именем, хотя в тексте акта он значится как капитан. И в дальнейшем рядом с подписью Гарсиласо слово «капитан» так и не появится. (Не правда ли, довольно странное поведение для человека, «кичащегося» своим воинским званием?)

Есть в этих документах еще одна закономерность: слово «капитан» появляется перед именем Инки Гарсиласо только в тех

документах, в которых он фигурирует в качестве пассивного объекта действия (сторона в споре, должник, кредитор и т. д.). Там же, где документ составлен от его имени или под ним стоит его подпись, звание всегда отсутствует.

Любопытна еще одна особенность монтильянских документов: в период с августа 1570 г. по февраль 1601 г. Гарсиласо выступает в качестве крестного отца на крестинах 92 раза и только в 4 случаях (метрические записи от 17.II 71; 22.V 76; 17.VI 80; 27.IV 82) он записан как «капитан Гарсиласо де ла Вега». В остальных же слово «капитан» отсутствует.

Что же скрывается за всеми этими «странностями»? По данному вопросу мы можем высказать лишь свое мнение, поскольку монтильянские документы Гарсиласо, вернее, отмеченные их особенности, насколько нам известно, не подвергались рассмотрению. Наше же мнение таково: Инка Гарсиласо понимал то большое значение, которое имел для него факт присвоения звания «капитана его величества». Он пользовался этим званием, когда полагал, что так ему будет полезнее, выгоднее или удобнее. Он считал, что вполне заслуженно получил его, но само звание не было для него предметом гордости.

Эти соображения основаны не только на монтильянских документах, на рассуждениях о характере и значении высказываний Инки Гарсиласо о своих кондуктах или умении метиса «рекламировать» свои литературные произведения с помощью разных титулов. Все это, бесспорно, имеет непосредственное отношение к интересующему нас вопросу, однако составляет лишь внешнее проявление того, что является *сутью* проблемы.

Что же касается самой сути, то ее следует искать в том, что произошло с Инкой Гарсиласо во время или в результате его участия в войне против морисков в Альпухаррас.

Но вот этого как раз мы и не знаем. Мы не знаем, что случилось с Инкой Гарсиласо де ла Вега в Альпухаррас. Более того, нас удивляет именно полное отсутствие не только «хвастовства», но и вообще какой-либо серьезной информации самого Инки об участии в войне против морисков.

Настораживает и сравнительно равнодушное отношение Инки Гарсиласо к своему капитанскому званию, которое он получил именно за Альпухаррас и которым он, казалось бы, имел все основания гордиться.

Оба эти факта, бесспорно, связанные между собой, находятся в очевидном противоречии с присущей Инке манерой подробно описывать события, которые имели к нему отношение или участником которых он был, и гордиться без ложной скромности тем, чем он действительно мог гордиться.

Правда, мы знаем в его биографии еще один случай, когда событие чрезвычайной важности (оно чуть было не оборвало его жизнь) стало предметом такого же умолчания, как и война в Альпухаррас. Речь идет о следующем: в Лиссабоне, куда Инка

приплыл из Нового Света и где впервые ступил на европейскую землю, Гарсиласо был спасен от верной гибели. Мы знаем об этом только от самого Гарсиласо, ибо других свидетельств не сохранилось. Однако Инка сообщает о «случившемся» там более чем своеобразно: подробно изложив, как тепло и радушно встретили его на португальской земле «королевские министры и [простые] граждане», Гарсиласо выражает им свою признательность «за помощь и подарки», которыми они его одарили, и уточняет: «...ибо один из них спас меня от смерти» [51].

И это все, что Гарсиласо счел необходимым написать о лиссабонском происшествии. Он даже не назвал имени своего спасителя (может быть, он его не знал?), не раскрыл смысл случившегося.

Чем и как можно объяснить подобную «лаконичность» Гарсиласо? По-видимому, имеются основания предположить, что воспоминание о случившемся было чем-то чрезвычайно неприятно для Инки Гарсиласо. И дело не только в том, что сам этот факт никак не назовешь «приятным». Видимо, в нем было что-то другое, лично задевшее Инку (минутная слабость, нерешительность, возможно, страх?). Но почему же тогда он все же упомянул о нем?

На этот вопрос можно дать достаточно убедительный ответ. Гарсиласо упомянул о нем во «Флориде» в посвящении, обращенном к португальскому князю, герцогу браганскому Теодосию, который был в Португалии вторым лицом после испанского короля Филиппа III, являвшегося одновременно государем обеих стран. Инка вообще испытывал к Португалии особые чувства симпатии и благодарности, ибо не только его «Флорида», но и «Комментарии» вышли в свет именно в Лиссабоне. Вот почему вполне допустимо, что он счел необходимым вспомнить тот трагический случай, о котором молчал почти целых полвека. (В Лиссабон Инка прибыл в 1560 или 1561 г., а «Флорида» вышла в 1605 г.) Но, поскольку сам факт был для него крайне неприятен, он не нашел нужным рассказать о его подробностях.

Скорее всего, и в Альпухаррас случилось нечто такое, о чем он предпочел умолчать. Однако Инка понимал, что скрыть свое участие в войне против морисков он не мог. Отсюда — та же «лаконичность», как и в случае с лиссабонским происшествием.

Какие же неприятности личного характера могли поджидать его в горах Альпухаррас? О ходе войны в историческом плане мы уже рассказали. Важно отметить и некоторые особенности этой войны. Напомним слова видного испанского историка о войне: она «была особенно кровавой из-за зверств испанских солдат». Более того, среди простых испанцев война против морисков не была популярной, коль скоро власти прибегли к такой край-

---

[51] *Garcilaso.* La Florida del Inca (Dedicatoria) Al excelentísimo señor don Teodosio de Portugal. Duque de Braganza y de Barcelos, etc.— Obras completas..., t. I, p. 245.

ней мере, как клеймение каленым железом дезертиров. Своеобразен был и театр военных действий: гористая местность, изрезанная ущельями и крутыми обрывами, узкими впадинами и отвесными скалами, почти лишенными растительности. Мориски укрывались в горах вместе со своими семьями, и испанцы не щадили ни детей, ни женщин, ни стариков. По своим географическим условиям (особенно после равнинной Монтильи), по характеру ведения войны и чисто военному превосходству одной стороны — испанцев над другой — морисками эта кровавая бойня напоминала... испанскую конкисту Перу.

Мы не можем утверждать, что Инка Гарсиласо именно так воспринял войну в Альпухаррас, но то, что он должен был увидеть ее именно такой, нельзя ставить под сомнение.

Но Инка Гарсиласо был воспитан в духе глубокого и искреннего верноподданничества к испанской короне и непререкаемой веры в правоту католических догматов. Он должен был рассматривать восстание морисков как вероломное предательство, в равной степени опасное и оскорбительное для его второй родины Испании. С такими настроениями он, очевидно, и пошел на войну в Альпухаррас. Но война оказалась не войной, а жестоким избиением, насилием и грабежом, которым подвергались все без исключения крещеные мавры и члены их семей. «...Испанские солдаты грабили, жестоко преследовали и убивали даже тех морисков, которым капитан-генерал [52] выдал специальные удостоверения о неприкосновенности»,— пишет Альтамира-и-Кревеа [53].

Но ведь грабили, насиловали, убивали и те солдаты — триста пехотинцев, которыми командовал только что (а, может быть, именно за это?) возведенный в чин капитана Гарсиласо де ла Вега. Тех из них, кто бежал, спасая свою жизнь или совесть, по приказу этого же капитана ловили, чтобы каленым железом обесчестить, оставив на лице дезертира до конца его дней клеймо позора. Правда, уже ближе к концу «войны» сам король счел нужным заверить капитана, что «то была не наша воля». Более того, он просит (приказывает) не распространять — «ни оглашать, ни обсуждать» — информацию об испанских жестокостях. Король даже счел необходимым дать практический совет своему капитану, в обязанности которого входит набор рекрутов: создавать у рекрутов впечатление, что их набирают для войны в Италии, а не в Альпухаррас [54].

Последнее замечание особенно интересно. Оно как нельзя более убедительно и ярко раскрывает отношение простых испанцев к войне с морисками: рекрут с большей охотой ехал воевать в

---

[52] Гранада была генерал-капитанством, во главе которого в тот момент стоял маркиз де Мондехар.

[53] *Альтамира-и-Кревеа.* История Испании, с. 62.

[54] THESAURUS, Boletín del Instituto Caro y Cuervo, t. XXII. Bogotá, septiembre — diciembre 1967, N 3, p. 475.

далекую Италию, нежели шел «защищать» свою испанскую землю в Гранаде. Он предпочитал участвовать в войне, длившейся с перерывами десятилетия (!), нежели в карательной кампании, конец которой был, как говорится, уже не за горами.

Вспомним, что и в среде самых знатных и высокопоставленных испанцев (капитан-генерал Мондехар, герцог Альба и др.) были сторонники мирного урегулирования конфликта с морисками. Да и сами мориски просили только лишь временно отложить введение в силу эдикта 1526 г., правда, надеясь при этом, что им в конечном итоге удастся добиться ликвидации или смягчения этого унизительного закона, лишавшего их права быть самими собою.

Все это, повторяем, Инка Гарсиласо мог не знать в своей провинциальной Монтилье. Но не знать об этом и не думать о более чем очевидной несправедливости происходящего, находясь в самом центре альпухаррских событий и являясь их непосредственным участником, он, конечно же, не мог.

Не мог он в Альпухаррас не вспомнить и свою любимую первую родину, ее непроходимые горные цепи, изрезанные ущельями и крутыми скалистыми обрывами, бездонными пропастями и гигантскими впадинами-долинами, по откосам которых карабкались к небу, к священному и животворному солнцу насыпные террасы с ростками благословенного для индейцев маиса, построенные руками трудолюбивых, как и мориски, индейцев.

Мы не знаем, как конкретно поступил Инка Гарсиласо, но только еще до окончания военной кампании в Альпухаррас и даже до убийства «короля» морисков Абенабо (март 1571 г.) он в феврале 1571 г. появляется в Монтилье и «мирно» (так утверждает Миро Кесада) приступает к исполнению своей почетной обязанности крестного отца.

Альпухаррас должен был нанести Инке огромную и весьма болезненную травму. Но этого оказалось мало. Вскоре он узнает еще об одном событии, потрясшем его душу: в том самом любимом Куско, о котором он будет тосковать всю свою жизнь, испанские власти казнили последнего законного инку-правителя Тупак Амару (4 октября 1572 г.).

Вот тогда-то у Гарсиласо, перенесшего собственную трагедию непризнания (отказ в компенсации за ратные труды отца в Новом Свете), пережившего ужасы соучастия в несправедливой войне испанцев против морисков (они оживили трагедию Тауантинсуйю) и потрясенного вероломным убийством последнего инки-правителя, должно было возникнуть чувство личной и одновременно общественной ответственности перед самим собой, перед современниками и перед грядущими поколениями. Именно она, эта ответственность, должна была убедить Гарсиласо в необходимости публично рассказать правду о себе, об «империи» инков и об испанской конкисте Тауантинсуйю. Так Инка Гарсиласо осознал главную цель своей жизни.

Но события в Альпухаррас, натолкнувшие Гарсиласо на принятие такого решения, сами не вмещались в эту правду. Им не было там места, ибо они принадлежали только и исключительно одной Испании, а сам Инка был перуанцем. К тому же эти события прямо затрагивали королевскую семью Испании, и король даже снизошел до того, что «просил» Гарсиласо не распространяться о «войне» в Альпухаррас. Этого было достаточно, чтобы верноподданнические настроения Инки Гарсиласо взяли бы верх. Сыграло свою роль и извечное «правитель не виноват, виновато его окружение».

Так могла возникнуть и вполне пригодная «моральная лазейка», спасительное оправдание, с помощью которого легче было убедить себя молчать о том, о чем было совестно и даже страшно говорить. Скорее всего, именно так никогда не увидели свет со страниц сочинений Гарсиласо его альпухаррские «приключения».

*

У нас есть возможность познакомить читателя с текстом одной из четырех упоминавшихся кондукт-поручений Инке Гарсиласо короля Испании. Вот этот документ:

«Капитану Гарсиласо де ла Вега. Из писем славнейшего дона Хуана Австрийского, моего очень дорогого и очень любимого брата, мы располагаем сообщением, что тебя избрали среди других капитанов, чтобы ты собрал и поднял бы одну роту пехоты для службы в этой войне против восставших морисков из Королевства Гранады. А поскольку нам стало известно, что в приказе, который тебе для этого дали, среди других вещей говорится, что лица солдат, которые ушли с назв. войны без разрешения и не вернулись сейчас на службу, должно клеймить, то мы сообщаем, что эта клаузула не выражает нашу волю и она не должна быть ни осуществлена, ни придана гласности или упомянута. И также следует говорить, что назв. людей собирают якобы для войны в Италии, куда их должны направить в случае, если в них не будет нужды для гранадского дела. Мы приказываем тебе, чтобы ты не оповещал о назв. клаузуле, которая говорит о клеймении тех, кто не вернулся служить из возвратившихся домой, потому что об этом не должна идти речь, а должно иметь лишь место прощение за преступление тех, которые вернутся на службу, а которые не поступят так, пусть будут наказаны. И назв. роту ты соберешь под указанным предлогом и извещением, что она предназначена для Италии, и ты попытаешься собрать и поднять ее в возможно короткий срок, оповещая, что ее погрузка на корабль произойдет в Малаге или Картахене. А собрав названных людей или большую их часть, ты направишься с ними в пешем строю прямо туда, куда названный славнейший дон Хуан приказал или прикажет прибыть. А после направится казначей (pagador), который должен обеспечить ее содержание, а ты попытайся провести ее в порядке, хорошо дисциплинированной и таким образом, чтобы в местах размещения и в местности, по которой вы пройдете, не было бы беспорядков, ни эксцессов и чтобы оплачивалось бы то, что будет взято. Ибо у вас будет казна-

чей, который обеспечивает вас. А если что-либо случится, то вина за это будет возложена на тебя, во всем же остальном следует исполнять содержание инструкций названного славнейшего Дона Хуана.

Из Мадрида. Тридцатого августа тысяча пятьсот семидесятого года.

Я – Король. По приказу Его Величества – Хуан Васкес.

За короля — Капитан Гарсиласо де ла Вега»[55].

ИДЕИ ИТАЛЬЯНСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ И ИНКА ГАРСИЛАСО

Помимо своих оригинальных сочинений, Гарсиласо оставил также перевод с итальянского на испанский язык «Писем любви» Леона Эбрео. Это был первый литературный труд Инки Гарсиласо (вышел в свет в 1590 г.). Перевод требовал от метиса достаточно глубоких знаний итальянского языка. Логичнее всего было бы предположить, что он изучил его в Италии, поскольку Инка Гарсиласо в Испании нигде и никогда не учился, а в Перу в его школьных занятиях итальянский язык не значится. Это обстоятельство, а также очевидные недомолвки Инки по поводу своей военной карьеры и неоднократные упоминания и цитирование им итальянских авторов породили мнение, что Гарсиласо побывал в Италии, где, скорее всего, участвовал в одной из многочисленных военных кампаний, которые Испания вела на Апеннинском полуострове в течение долгих десятилетий.

Однако обнаруженные Р. Поррасом Барренечеа монтильянские документы, о которых мы уже не раз упоминали, с должной убедительностью опровергают такое предположение, поскольку для поездки в Италию у Гарсиласо просто не было времени. Имеющееся в них наиболее продолжительное «окно» между крестинами от 24.X 1561 г. и от 17.X 1563 г. ушло на пребывание в Мадриде, где молодой метис хлопотал о материальной компенсации заслуг перед Испанией отца-конкистадора, наследником которого он себя считал, на попытки найти себе место при испанском королевском дворе. Когда же оба эти предприятия не принесли успеха, о чем мы знаем из сочинений Гарсиласо, он обратился к властям с ходатайством о разрешении на выезд в Перу.

Долгое время предполагалось, что и в этом ему было отказано. Предположение основывалось и на той очевидной тоске по первой родине, которая звучит во всех его сочинениях. Более того, в одном из крайне немногочисленных писем, оставшихся после Гарсиласо (или дошедших до нас, ибо мы знаем с его же слов, что он вел активную переписку со своими информаторами инками и метисами, проживавшими в Перу), он в ответ на приглашение поехать в Новый Свет со страстью и душевной болью

---

[55] THESAURUS, Boletín del Instituto Caro y Cuervo, t. XXII. Bogotá, septiembre — diciembre 1967, N 3, p. 474, 475.

восклицает: «А на то, что В. М. (Ваша милость.— *В. К.*) сообщает мне о поездке в Индии, я коротко скажу, что лучше сегодня, нежели завтра, и лучше в Перу, чем в любую другую их часть, ибо только ради одного того, чтобы уйти от испанской нищеты, я почел бы разумным подвергнуть себя испытанию судьбы» [56]. Правда, несколькими строками ниже он сам отказывается от поездки, ссылаясь на свой возраст: «...если бы мне было меньше лет, чтобы уехать с Вашей милостью» [57]. Это письмо датировано 20 мая 1593 г., когда Инке Гарсиласо исполнилось 54 года. Трудно судить, была ли названная причина единственным основанием для отказа: в ту эпоху путешествие в Америку действительно являлось весьма тяжелым предприятием. Не исключено, что и само приглашение могло носить формальный характер, что также повлияло на отрицательное решение Инки.

Но это случилось 30 лет спустя после того, как Инка Гарсиласо обратился к властям с просьбой разрешить ему вернуться на родину в Перу. Тогда же, в начале 60-х годов, он был молод и не боялся трудностей плавания через океан. Поэтому сам факт того, что он не вернулся в Перу, расценивался как отказ властей выдать ему разрешение на выезд. Но предположение оказалось ошибочным. Во всяком случае, в «Книге служб и отправлений Перу» Архива Индий сравнительно недавно была найдена следующая запись:

«Гомес Суарес. Лицензия. Также, чтобы офицеры Его Вел. разрешили проезд в Перу Гомесу Суаресу де Фигероа, сыну Гарсиласо де ла Вега, который служил на той земле, составив по форме настоящую информацию». Запись помечена 27 июня 1563 г.[58] Это было разрешение на выезд, однако вскоре, как мы знаем, Инка Гарсиласо оказывается не в Перу и не в Италии, а в Монтилье (ноябрь 1563 г.). Почему он не вернулся в Перу — документально не известно.

Правда, высказывались предположения, что испанские власти, выдав Инке Гарсиласо официальное разрешение на выезд, одновременно могли дать в Севилью, где происходило оформление поездок в Новый Свет, тайное указание не выпускать из страны молодого метиса, что вполне соответствовало тогдашней колониальной политике Испании.

Не исключая указанную возможность, мы, однако, полагаем, что Инка сам отказался от идеи вернуться в Перу. На подобный вывод наталкивают следующие соображения, основанные на таком малообъяснимом факте, как изменение им своего имени в тот самый период жизни.

---

[56] *Garcilaso.* Carta del Inca Garcilaso al Licenciado Juán Fernandez Franco. Escritos menores.— Obras completas..., t. IV, p. 180.

[57] Ibidem.

[58] El Inca Garcilaso en Montilla (1561—1614).— En: Nuevos documentos hallados y publicados por *Raul Porras Barrenechea.* Lima, 1955, p. 16.

Уже упоминавшийся нами Авалье-Арсе высказал предположение, что замена имени произошла из-за антипатий Инки Гарсиласо к своему бадахосскому дяде и его сыну — оба они, как и Инка, именовались в тот момент одинаково: Гомес Суарес де Фигероа. Поскольку они не спешили вернуть ему «более или менее 300 дукатов», которые он одолжил им в первый же день своего приезда в Бадахос, Инка якобы и решил изменить свое имя [59].

Вряд ли следует согласиться с подобной постановкой вопроса, ибо к Гомесам Суаресам де Фигероа принадлежали также и графы де Ферна, а о таких родственниках-тезках мог лишь мечтать любой испанец, не говоря уже о метисе и бастарде.

Более распространена другая точка зрения: замена имени на новое связана с очевидной неудачей в Мадриде, которая изменила планы Гарсиласо на будущее. Но последнее должно быть уточнено: после Мадрида Гарсиласо принял окончательное решение не возвращаться в Перу. Попытаемся обосновать такое утверждение.

Для Перу 60-х годов XVI в. знатность имени человека играла куда менее важную роль, нежели его фактическое положение, определявшееся к этому времени главным образом размерами личного состояния. В самой Испании дело обстояло иначе. Здесь одно только имя открывало двери любого дворца, в том числе и королевского. Нищий граф или герцог ценился куда выше миллионера-простолюдина и тем более инородца. Между тем, приняв имя своего отца, Гарсиласо как бы «узаконивал» свое положение племянника капитана Варгаса, у которого он жил в Монтилье. Что же касается приставки «Инка», она появилась позже и означала принадлежность к царскому роду правителей доиспанского Перу. Уже одной своей «экзотикой» она давала в Испании серьезные преимущества престижного характера и никого не задевала в морально-этическом и экономическом плане.

Совсем иным выглядело бы положение молодого метиса с этим новым именем в Перу. Во-первых, имя капитана Гарсиласо де ла Вега, прослывшего ярым сторонником братьев Писарро, было уже не популярным. Что же касается приставки «инка», то лично для него в Перу она также была малопригодна, ибо для «перуанских» испанцев, не говоря уже об индейцах, инками являлись лишь чистокровные представители семейного клана правителей Тауантинсуйю. Вот почему появление Инки Гарсиласо де ла Вега вместо Гомеса Суареса де Фигероа могло означать только одно: будущий писатель принял решение не возвращаться в Перу.

Итак, в июне 1563 г. в «Лицензии» Инка еще фигурирует под именем Гомес Суарес де Фигероа. На крестинах в Монтилье от 17 ноября того же года он уже записывается как Гомес Суа-

---

[59] *Bautista Avalle-Arce J.* Documentos inéditos..., p. 13.

рес де ла Вега, а еще через пять дней — 22 ноября он впервые официально становится Гарсиласо де ла Вега. Под этим же именем (и снова на крестинах) мы встречаем его в Монтилье 30 декабря 1563 г.[60], после чего молодой метис исчезает из монтильянских документов на целый год вплоть до 1 января 1565 г.[61]

Это второе и последнее из «окон», в которых могла бы разместиться его предполагаемая поездка на войну в Италию.

Но в 1564 г. Испания воевала не в Италии, а на территории Марокко, где алжирский король осадил испанскую крепость Масалкивир[62]. Напомним, что в Италии в то время сохранялось относительное военное затишье. Похоже было, что итальянские войны Франции и Испании, длившиеся с перерывами с 1494 по 1559 г., не возобновятся. Еще в 1557 г. папа Павел IV выпужден был подписать с испанцами мир в Кави, а в 1559 г. на папском престоле оказался Пий IV, придерживавшийся происпанской ориентации[63]. 2 апреля того же года в Като-Кабрези король Испании Филипп II заключил унизительный и тяжелый для французов мир с Генрихом II, положивший конец военным действиям испанцев против французов на территории Италии[64]. Вот почему Инка Гарсиласо не мог воевать в Италии в 1564 г.

Где же тогда он изучил итальянский язык? Ответ может быть только один — в Монтилье, в которой прожил почти безвыездно первые три долгих десятилетия жизни в Испании. Именно здесь мы находим и человека, который вполне мог не только быть его учителем итальянского языка, но и привить Инке Гарсиласо любовь к этой прекрасной стране, столь явно ощущаемую со страниц его книг. Речь идет о родном дяде Инки, брате его отца капитане Алонсо де Варгас, в доме которого он прожил монтильянские годы.

Это он, как мы знаем из родословной Гарсиласо, сопровождал от Генуи до Фландрии будущего короля Филиппа II, «участвовал без перерывов в войне, истратив на нее в трех частях старого света тридцать восемь лет своей жизни». Потом он ушел в отставку и женился в Монтилье на донье Луисе Понсе де Леон, а незадолго до смерти усыновил своего племянника[65].

Неизвестно, сколько лет из 38, проведенных на военной службе, капитан Варгас находился в Италии, но он воевал там не один год. В Италии он стал капитаном, ибо в этом чине сопровождал Филиппа II. Родство испанского и итальянского языков, должно быть, не потребовало от него больших усилий для овладения последним. Можно также предположить, что капитан Вар-

---

[60] El Inca..., p. 17.
[61] Ibidem.
[62] *Альтамира-и-Кревеа Р.* История Испании, с. 59.
[63] Там же, с. 58.
[64] Там же, с. 59.
[65] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 237.

гас, будучи выходцем из высококультурной семьи, привез в Монтилью значительную часть тех итальянских книг, которые впоследствии стали собственностью его приемного сына и которые Инка Гарсиласо взял с собой в Кордобу, когда переехал туда из Монтильи на постоянное жительство (опись книг из библиотеки Гарсиласо была обнаружена в архивах Кордобы).

Овладеть итальянским языком помогло также знание Инкой Гарсиласо латыни — праматери всех романских языков, а то, что он изучал ее специально, Инка доказал своими переводами рукописи монаха Бласа Валеры, которую широко цитирует в «Комментариях» (она была написана на латыни).

Будучи уже взрослым, Инка продолжал изучать латынь. Это подтверждает следующая фраза, оброненная им в «Комментариях»: «...как об этом говорит (о значении слова «горец».— *В. К.*) в своем словаре великий учитель Антонио де Лебриха, кредитор всей прекрасной латыни, которая сегодня живет в Испании» [66].

Уже одного только факта усыновления доном Алонсо своего племянника было бы вполне достаточно для того, чтобы говорить о взаимной близости и личных симпатиях, возникших между ними. Но, скорее всего, здесь дело даже не столько в кровном, сколько в духовном родстве. Дело в том, что молодой метис, видимо, выполняя волю своего умершего родителя, первый родственный визит в Испании нанес старшему из братьев отца, своему тогдашнему тезке Гомесу Суаресу де Фигероа, который жил в Бадахосе. Между тем из Севильи, куда Инка приплыл из Лиссабона, до Монтильи все же ближе, чем до Бадахоса. Но Инка едет в Бадахос. Однако там он долго не задерживается и сразу же появляется в Монтилье, где пройдет бóльшая часть его жизни.

Как и чем можно объяснить этот поспешный переезд? Ведь Бадахос имеет перед Монтильей значительные преимущества. Во-первых, это родина умершего отца; во-вторых, он был достаточно крупным городом, что уже само по себе было важно для Инки Гарсиласо, выросшего и жившего до приезда в Испанию в «городских условиях». Кроме того, более крупный город всегда манит к себе более крупными перспективами, чего не мог не учитывать честолюбивый юноша.

Сравнительно недавно аргентинский биограф Гарсиласо Хуан Баутиста Авалье-Арсе обнаружил новые документы, связанные с Инкой, которые, как нам представляется, проливают толику света на этот вопрос. Среди найденных им 14 документов один непосредственно касается самого Инки Гарсиласо. Из него мы и узнали об упоминавшихся выше «более или менее 300 дукатах», занятых у Инки дядей из Бадахоса [67].

---

[66] *Гарсиласо.* История..., с. 628.

[67] *Avalle-Arce.* Documentos inéditos..., p. 13.

Вряд ли юный метис, едва вступивший на землю родины своего отца, ожидал встретить подобный прием, тем более что названный дядя вместе с Алонсо де Варгас по завещанию капитана Гарсиласо был назначен кем-то вроде опекуна. Ему поручалось использовать пересланные капитаном из Куско в Севилью на имя торговца Франсиско Торреса 4000 песо на содержание сына, включая расходы на обучение [68].

300 дукатов по тем временам была вполне приличная сумма. Но если ее изъятие, как мы говорили, вряд ли могло заставить Инку сменить имя, этой суммы вполне хватило, чтобы сократить до минимума пребывание юного метиса у своего бадахского дяди. Вполне допустимо, что такое начало имело и соответствующее продолжение и Инка Гарсиласо поспешил с переездом в Монтилью. Там произошла совсем другая встреча.

Монтильянский дядя был воином и капитаном, как и отец Инки Гарсиласо. Уже одно это создавало великолепную почву для сближения дона Алонсо со своим перуанским племянником, который, хотя сам и не воевал, но был обучен владению шпагой и боевым конем. К тому же он являлся очевидцем и столько знал о сражениях и битвах испанцев в Новом Свете, о которых в самой Испании ходили самые невероятные слухи, что даже бывалому солдату было что послушать и узнать от него. Рассказы племянника будоражили память ветерана, и капитан Алонсо вспоминал битвы и сражения, страны, где он воевал под знаменами испанского короля.

Но Италия, которую знал дон Алонсо, была не только ареной политической борьбы и кровавых сражений. Она являлась родиной великого Возрождения. Флоренция, Милан, Венеция, Пиза, Падуя и другие итальянские города были не только стратегически важными центрами, но и колыбелью великих сынов итальянского народа, заставивших феодальную Европу по-новому взглянуть на мир. Здесь жили и творили Данте, Боккаччо и Петрарка — великие предтечи Возрождения. Здесь увидели свет сочинения Бенвенуто Челлини, Кастельоне, Фичино, Саннадзаро, Макьявелли, Ариосто. Здесь оживали под кистью и резцом неповторимые образы, созданные гением Леонардо, Микеланджело, Рафаэля, Донателло, Тициана.

Их нельзя было не заметить. Они волновали, будоражили мысль.

Не мог не знать о них и капитан Алонсо де Варгас, воспитанный в духе семейных традиций своего рода. Однако это не означает, что перечень всех этих и других выдающихся имен был хорошо знаком испанскому капитану Алонсо де Варгас. Главное заключалось в другом — в более свободном и демократическом восприятии мира, в тех гуманистических идеях, которые стреми-

---

[68] *Miro Quesada A.* El Inca..., p. 77, 78.

тельно наступали именно из Италии на мрачный обскурантизм феодального средневековья.

И он привез их с собой в свой дом в Монтилье.

Вполне допустимо, что и книгу «Письма любви» Леона Эбрео в Монтилью привез капитан Варгас. Но гораздо важнее другое: интерес Инки Гарсиласо к Леону Эбрео являлся, бесспорно, интересом «итальянского происхождения». Более того, необычайно популярная в ту эпоху книга Леона Эбрео считалась яркой представительницей тогдашнего неоплатонизма (это отмечал великий Сервантес), а сама Италия была центром интереса к Древней Греции, к ее философии, и в частности к Платону.

«В спасенных при падении Византии рукописях,— пишет Ф. Энгельс в «Диалектике природы»,— в вырытых из развалин Рима античных статуях перед изумленным Западом предстал новый мир — греческая древность; перед ее светлыми образами исчезли призраки средневековья; в Италии наступил невиданный расцвет искусства, который явился как бы отблеском классической древности и которого никогда уже больше не удавалось достигнуть. В Италии, Франции, Германии возникала новая, первая современная литература. Англия и Испания пережили вскоре вслед за этим классическую эпоху своей литературы. Рамки старого orbis terrarum были разбиты; только теперь, собственно, была открыта земля и были заложены основы для позднейшей мировой торговли и для перехода ремесла в мануфактуру, которая, в свою очередь, послужила исходным пунктом для современной крупной промышленности. Духовная диктатура церкви была сломлена; германские народы в своем большинстве прямо сбросили ее и приняли протестантизм, между тем как у романских народов стало все более и более укореняться перешедшее от арабов и питавшееся новооткрытой греческой философией жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII века.

Это был величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености» [69].

Конечно, для Испании, да и для всей Западной Европы не прошло бесследно арабское влияние, о котором упоминает Ф. Энгельс, тем более что именно Испания после ее завоевания арабами стала местом сосредоточения передовой культуры арабского мира. Здесь жил и творил выдающийся арабский мыслитель Ибн-Рошд или Аверроэс (1126—1198), проповедовавший превосходство разума над верой, сумевший еще дальше развить материализм Аристотеля, учение которого католическая церковь пыталась превратить (и не без успеха) в мертвую схоластику. Ибн-Рошд

---

[69] *Энгельс Ф.* Диалектика природы.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 345, 346.

и его учение (аверроизм) способствовали появлению антицерковных настроений, атеизма, они будили мысль закованной в кандалы католических догматов феодальной Европы.

Но в интересующую нас эпоху центром распространения «новооткрытой греческой философии» (Ф. Энгельс) стала Италия. Увлечение Платоном и особенно неоплатонизмом становится чуть ли не главным признаком высокой культуры. Всесильный во Флоренции дом Медичи оказывает философам-неоплатоникам поддержку: Козимо Медичи Старший дарит виллу близ Кареджи основателю Платоновской академии во Флоренции философу-неоплатонику Марсилио Фичино (1433—1499). Неоплатонизм, поначалу враждебный христианству (III—VI вв.), находит взаимопонимание с папским престолом, на котором в начале XVI в. восседают представители тех же могущественных Медичи — папы Лев X (1513—1521) и Климент VII (1523—1534).

Однако это взаимопонимание не было до конца полным: напомним, что перевод Инки Гарсиласо «Писем любви» попал в начале XVII в. в инквизиционные индексы-списки запрещенной литературы и по этой причине не был переиздан, хотя Инка, как он сам пишет, настойчиво добивался его переиздания и даже подготовил новую редакцию перевода. Факт указанного запрета подтверждает такой крупнейший знаток испанской литературы, как Менендес-и-Пелайо [70], хотя упоминавшийся Кармело Саенс утверждает, что он «не нашел какого-нибудь намека на перевод Инки в «Индексе инквизиции» [71].

Сам же Инка писал: «Чтобы использовать также годы моей жизни и послужить исследователям, я перевел с итальянского на испанский язык Философские диалоги между Филоном и Софьей, книга с титулом: Леон Эбрео [72], которая распространилась в переводах на всех языках, вплоть до перуанского [73] (пусть будет видно, как далеко зашла любознательность и стремление к наукам наших индейцев); а на латыни она идет по латинскому миру, порождая у ученых и литераторов понимание и значение, ибо они ценят и уважают ее за высоту ее стиля и деликатность темы. По причине чего святая и всеобщая Инквизиция этих королевств справедливым решением приказала включить ее на нашем простонародном языке в этот последний список запрещенных книг, не запрещая на других языках, потому что она не для простого люда; и он (список.— *В. К.*) констатирует ее запрещение, причина которого хорошо известна, хотя затем я слышал здесь разговор, что это вызвало возражение, по-

---

[70] *Menendez y Pelayo M.* Historia de las ideas estéticas en España, v. III. Madrid, 1883, p. 14.

[71] *Sáenz de Santa María C.* Estudia preliminar..., p. XLIII.

[72] Название упомянутого произведения Л. Эбрео переводится также «Диалоги любви».

[73] Сомнительно, чтобы «Письма любви» были переведены тогда на язык кечуа.

скольку она была посвящена нашему господину королю дону Фелипе II...» [74]

Конечно же, приступая к переводу, Инка не предполагал, что его труд получит официальное осуждение инквизиции. Наоборот, он был уверен, что «Письма любви» окажут ему чрезвычайно важную услугу. Более того, он на нее рассчитывал (мы скажем об этом подробнее в надлежащем месте), так как был глубоко убежден в широкой популярности сочинения Леона Эбрео. Но в любом случае работа над переводом сыграла важную роль в формировании личности Гарсиласо и его духовного мира.

К сожалению, мы не имели возможности познакомиться со списком-описью книг из кордобской библиотеки Инки Гарсиласо. Правда, его подробно разбирает в своей книге А. Миро Кесада. Однако он делает это выборочно, не воспроизводя целиком обнаруженную Хосе Дурандом опись. Но книжная часть программы знакомства Инки Гарсиласо с идеями Возрождения была главной в его «итальянских университетах», ибо рассказы дяди-капитана могли лишь вызвать в нем интерес к культуре Италии, но никак не удовлетворить его.

Со своей стороны мы можем назвать только тех представителей Италии и Возрождения, имена или произведения которых упомянуты на страницах Инки Гарсиласо. Однако мы начнем с имени, которого нет в сочинениях Гарсиласо и в его библиотеке [75], хотя не знать этого автора он не мог.

Речь идет о Никколо Макьявелли (1469—1527). Популярность флорентинца была в ту эпоху чрезвычайно велика и так далеко перешагнула границы Италии, что даже глухая провинциальная Монтилья не могла стать преградой на пути его влияния. Прав А. Миро Кесада, когда пишет: «Интересно, что Инка Гарсиласо, такой осведомленный знаток итальянских авторов, никогда не цитирует Макьявелли, а книги гениального флорентинца не были обнаружены в библиотеке его дома в Кордобе. Было бы удивительно, если бы он не знал его, хотя проще объяснить это желанием уклониться или даже встать в оппозицию к макьявеллиевскому образу мысли» [76]. Миро Кесада достаточно подробно пишет о различиях в подходе к истории обоих авторов [77], но при этом почему-то не замечает главного из них: как известно, Макьявелли считал, что общество развивается не по воле божьей и не по прихоти людской, а в силу естественных причин, а это полностью противоречило убеждениям Инки Гарсиласо (хотя в своих сочинениях, движимый желанием поведать читателю историческую правду, он невольно отходит от своего же «принципа» божественного предначертания). Более того, уже в первой главе своего

---

[74] *Garcilaso*. Obras completas..., t. III, p. 13.

[75] *Miró Quesada A*. El Inca Garcilaso y otros estudios garcilasistas. Madrid, 1971.

[76] *Miró Quesada A*. El Inca..., p. 468.

[77] Ibidem.

«Государя» («Il Principe»; в русском издании «Сочинений» Макьявелли, вышедшем в 1934 г., это произведение получило название «Князь») выдающийся флорентинец дал недвусмысленно понять, что для него история человечества не связана ни с божественным началом, ни с божественными предначертаниями. Государство, власть над людьми в конечном итоге приобретаются «чужим или своим оружием, милостью судьбы (т. е. благодаря случаю, удаче.— *В. К.*) или собственной силой»[78]. Даже «государства наследственные», которые, как известно, всегда держали на своем вооружении в качестве могучего орудия идеологического воздействия концепцию божественного происхождения мифического или реального основателя царствующего рода (ибо в этом случае само небо должно было гарантировать незыблемость подобной власти на земле), представляются Макьявелли только лишь как «строй, унаследованный его (правителя.— *В. К.*) предками»[79].

Инка не был готов к такому пониманию истории. Оно должно было показаться ему чудовищным кощунством. Но Макьявелли не только «отстранил» от государственной деятельности самого господа бога, но и пошел еще дальше. Как пишет В. И. Рутенбург, «главным у Макьявелли является не признание, а установление нового, не известного ни античным писателям, ни мыслителям средневековья закона: исторический процесс, смена форм государств происходит не по желанию или фантазии людей, а под влиянием непреложных обстоятельств, под воздействием «действительного хода вещей, а не воображаемого (*Machiavelli N.* Il Principe. Opere complete. Napoli, 1877, p. 332)»[80].

Инка не мог не только сформулировать подобный закон, но и признать его в качестве движущей силы своей истории «империи» Тауантинсуйю и ее завоевания испанцами. Видимо, в этом и была главная причина, которая принудила Инку избежать упоминания даже имени выдающегося флорентинца.

На страницах его произведений мы встречаем достаточно пестрый набор имен итальянских писателей, историков и мыслителей, талантом и трудом которых создавалось Возрождение, хотя их вклад отнюдь не равнозначен.

Так, не найдя возможным даже упомянуть Макьявелли, Гарсиласо цитирует или ссылается на малоизвестных ныне итальянских историков. Среди них мы находим неаполитанца Пандольфо Дзолленуццио, которого он цитирует в связи с рассказом о похоронах короля Алариха[81], Джванни Ботеро де Бене (по Гарсиласо, Хуан Ботеро Бенес), который «также упоминает об этих (инкских.— *В. К.*) дорогах и относит их в своем сообщении («Всеобщие связи мира».— *В. К.*) к вещам чудесным и, хотя немногими

---

[78] *Макиавелли Н.* Сочинения, т. I. М.— Л., 1934, с. 213.

[79] Там же, с. 214.

[80] *Рутенбург В. И.* Жизнь и творчество Макьявелли.— В кн.: Никколо Макьявелли. История Флоренции. Л., 1973, с. 367.

[81] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 464.

словами, он их очень хорошо обрисовывает...»[82]. При вторичном упоминании имени Ботеро мы узнаем, что Инка читал его не в оригинале, а в переводе: «Должно быть,— высказывает Инка предположение о причине отсутствия в книге Ботеро данных о размерах подати испанской короне,— автор или его переводчик не решились или у них не хватило духу, чтобы соединить вместе их великое множество»[83]. Инка цитирует и «великого историка своего времени и великого рыцаря из Флоренции Франческо Гуиччиардини»[84], когда проводит сомнительную параллель между древнеримским триумвиратом Марка Антония, Лепида и Октавиана и панамским сговором Писарро, Люке и Альмагро. Об этом же он упоминает и во «Флориде»[85].

Не одинаковы по своему значению и имена литераторов, которые мы находим у Инки Гарсиласо. Так, например, наряду с именем великого Боккаччо и его всемирно известным «Декамероном»[86] встречаются имена других итальянских писателей, достаточно популярных в ту эпоху, однако сегодня мало кем читаемых. При этом не всегда бывает просто уловить тот смысловой оттенок, который Инка вложил или хотел вложить в свои слова, определяющие его отношение к таким писателям. Например, рассказывая во «Флориде» об индейском вожде Витачуко и о том, с какой яростью и гневом он отверг предложение покориться испанцам, Гарсиласо пишет: «Витачуко ответил удивительнейшим образом и с такой яростью, которую никто никогда не только не слышал, но и не мог себе представить у индейца... если бы столь высокомерные слова, которые он произнес, можно было бы записать, как они были изложены посланцами, то с ними не могли бы сравниться речи любого из самых отважных рыцарей, выведенных в произведениях чудотворца Ариоста и знаменитейшего и страстно влюбленного графа Матео Мариа Боярдо, его предшественника, и других ясных поэтов»[87].

Насколько можно судить, здесь все изложено вполне серьезно, а эпитеты, которыми Гарсиласо награждает обоих авторов, не вызывают сомнений относительно его уважительного к ним отношения. Вместе с тем буквально через несколько страниц Инка Гарсиласо пишет, что он «всю свою жизнь... был врагом литературных сочинений, подобных рыцарским книгам («рыцарским романам».— *В. К.*)»[88].

Но граф Маттео Мариа Боярдо (1434—1494) писал именно рыцарские романы и даже считается их реставратором в итальянской литературе эпохи Возрождения. Его наиболее известный роман «Влюбленный Орландо» («Orlando innamorato») был самым

[82] *Гарсиласо.* История..., с. 593.
[83] *Garcilaso.* Obras completas..., t. III, p. 26.
[84] *Garcilaso.* Obras completas..., t. III, p. 19.
[85] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 279.
[86] *Гарсиласо.* История..., с. 549.
[87] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 303.
[88] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 314.

что ни на есть рыцарским и не кто иной, как «чудотворец» Людовико Ариосто (1474—1533) в «Неистовом Орландо» («Orlando Furioso»), иронически высмеял своего «предшественника», что засвидетельствовано уже в самом названии книги.

Но Инка Гарсиласо не замечает это их различие. Или, быть может, он не хочет замечать его? Поставив же рядом эти имена, он как бы предлагает самому читателю разобраться в вопросе: кто есть кто? Последнее не кажется таким уж маловероятным, особенно, если мы учтем свойственную Инке манеру никого не задевать в своих сочинениях.

Но наше представление об «итальянских университетах» Инки Гарсиласо будет не полным, если мы не упомянем не только об интересе, но и весьма глубоких знаниях метисом античной истории, и особенно истории Рима. Данный интерес и даже симпатии четко проявляются в тех многочисленных сравнениях, к которым Инка охотно прибегает, когда говорит о своих любимых Куско и Перу. Этот мотив звучит уже в самых первых словах, обращенных к читателю «Комментариев»:

«Хотя и были любознательные испанцы, описавшие государства Нового Света, подобные тем, которые имелись в Мексике и в Перу и в других королевствах того язычества, [однако] они не дали [достаточно] полного сообщения, которое можно было бы написать о них, что я, в частности, обнаружил в написанном о Перу, поскольку я, как уроженец города Коско, который был вторым Римом в этой империи, имел о нем куда более обширные и ясные познания, чем то, что до настоящего времени сообщили [испанские] писатели» [89].

Мы помним, что еще в народном куплете о рыцаре Гарси Перес де Варгас появляется имя Юлия Цезаря. Это первое упоминание Инки о выдающемся римлянине, перед которым Гарсиласо преклонялся, как об этом справедливо пишет А. Миро Кесада [90]. Впрочем, Инка Гарсиласо сам говорит о Цезаре «мой любимый» (mi aficionado) [91].

Но дело даже не в этом «признании» и не в том, что только в одной «Флориде» он упоминает имя Цезаря с десяток раз, называя его «великим», «величайшим», «много раз великим» [92]. Речь идет о совсем другом и куда более важном деле: Цезарь «помог» Инке Гарсиласо понять значение печатного слова. Нет, не написать свою историю и не принять решение рассказать о том, что он, Инка, знал, как ошибочно полагает А. Миро Кесада [93], а именно понять огромную, непреходящую важность книги, письменной истории: «...Рим имеет преимущество перед Коско, но не потому, что он воспитал лучших [мужей], а потому, что он оказался более

---

[89] *Гарсиласо.* История..., с. 9.
[90] *Miro Quesada A.* El Inca..., p. 213.
[91] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 232.
[92] Ibid., p. 296, 301, 330, 463, 492, 499.
[93] *Miro Quesada A.* El Inca..., p. 213.

счастливым, ибо достиг владения письмом, что обессмертило его сыновей, которые были одинаково великолепны как в науках, так и в военном деле,— пишет Инка Гарсиласо в своих «Комментариях»,— они оказали друг другу честь, [как бы] обменивались ею: одни совершали подвиги на войне и в мире, а другие описывали и то и другое ради славы своей родины и вечной памяти тех и других, и я не знаю, кто из них сделал больше: те, кто владел оружием, или те, кто владел пером, ибо поскольку оба эти дара являются такими героическими, то их копья одинаково остры, как это видно [на примере] множество раз великого Юлия Цезаря, который владел ими обоими столь превосходно, что нельзя определить, какой же из даров оказался более великим» [94].

В другом сочинении, во «Флориде», говоря о геройстве испанцев и сожалея о том, что он не может назвать имена всех погибших в той конкисте, Инка восклицает: «...и хотел бы я достичь ту же, что у величайшего Цезаря, плодовитость исторического слова, чтобы истратить всю свою жизнь, торжествуя и рассказывая об их великих подвигах...» [95]

Если мы соединим вместе эти слова (но не как патетическое восклицание, а как задачу, которую писатель ставит перед собой) и название главного труда Инки Гарсиласо, труда, которому он действительно отдал всю свою жизнь, напомним, что оно начинается со слова «комментарии», то трудно будет найти более очевидное доказательство несомненного и глубокого влияния произведений Юлия Цезаря на Инку Гарсиласо де ла Вега. Ведь и Цезарь писал «Комментарии» («Commentarii»)[96] о Галльской войне, два экземпляра (!) которых Инка хранил в своей библиотеке в Кордобе. Более того, Гарсиласо упоминает в своих сочинениях труды Цезаря именно под этим названием: «...как пишет об этом Юлий Цезарь в своих «*Комментариях*» (курсив самого Гарсиласо.— *В. К.*)» [97],— сообщает Инка читателю «Флориды».

Вот откуда появилось это «странное» слово в названии главного труда Инки Гарсиласо. Правда, уже в первой фразе, которой он начинает историю Тауантинсуйю,— мы воспроизвели ее выше (см. с. 102) — Инка пытается объяснить читателю, что он ставит перед собой скромную задачу дать лишь более «полное сообщение» о Перу, нежели испанские историки, и уточняет: «Я стремлюсь не противоречить, а только помочь им объяснениями, толкованием и переводом многих индейских слов, значение которых они, будучи иностранцами, передали искаженно...» [98]

---

[94] *Гарсиласо.* История..., с. 442, 444.
[95] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 330.
[96] В русскую историографию произведения Цезаря вошли под названием «Записки о Галльской войне» и «Записки о гражданской войне», хотя в оригинале оба они значатся как «Комментарии»: Commentarii de Bello Gallico y Commentarii de Bello Civil.
[97] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 492.
[98] *Гарсиласо.* История..., с. 9.

Действительно, подобную задачу, если бы она была осуществлена автором, можно было бы назвать «комментариями». Но Инка Гарсиласо не смог с ней «справиться» и вместо комментариев написал историю, сохранив, однако, в названии это скромное слово.

Впрочем, в его «скромности» был скрыт слишком очевидный намек на «множество раз великого» Цезаря, тем более что ряд чисто литературных приемов, бесспорно, заимствован им у великого римлянина. Видимо, читая «Записки о Галльской войне» («Commentarii de Bello Gallico»), Инка Гарсиласо не просто следил за ходом завоевательной кампании римлян, но и за тем, как ее описывает Цезарь: на что именно обращает внимание сам Цезарь, что подчеркивает или опускает и т. д. Описание животного мира [99], нравов германцев (в виде отступления) [100], стратегии свебов [101], приемы сигнализации или устройство укреплений у галлов («Галльские стены») [102] и еще многое другое, характерное для сочинений Цезаря как литературный прием, как метод рассказа, в той или иной степени оказалось как бы спроецировано в «Комментариях». Особенно типичен в этом отношении интерес Гарсиласо к строительству мостов в Тауантинсуйю: мы помним, как подробно описывает Цезарь возведение римлянами моста через Рейн [103]; как бы вторя ему, Гарсиласо не менее подробно рассказывает о технике строительства инками висячих мостов [104].

Но влияние Юлия Цезаря этим и ограничилось, а решение написать свои «Комментарии» Инка Гарсиласо принял под воздействием куда более важных причин, о которых мы говорили выше.

Видимо, здесь следует сказать и о том изменении, которое было внесено нами в русский перевод полного названия главного сочинения Инки Гарсиласо. В русской историографии это произведение известно под разными названиями, в которых, однако, неизбежно фигурирует прилагательное, производное от слов «король», «царь»: «Королевские комментарии Инков», «Царские сообщения об Инках», «Королевские истории Инков». (Нам не удалось установить, кто первым ввел эту традицию.)

Между тем изучение «Комментариев» и работа над их переводом на русский язык показали, что Гарсиласо вложил иной смысл в свое название. В нем слово «real», обозначающее на испанском языке не только «королевский», но и «подлинный», «достовер-

---

[99] Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о Галльской войне, о гражданской войне. Об александрийской войне, об африканской войне (Записки Юлия Цезаря). М.— Л., 1948, с. 129, 130.
[100] Записки Юлия Цезаря..., с. 78, 79.
[101] Там же, с. 142.
[102] Там же, с. 153.
[103] Там же, с. 131, 132.
[104] *Гарсиласо*. История..., с. 152—157.

ный», имеет у Гарсиласо второй смысл: оно должно подтвердить достоверность содержащегося в труде материала, а не его «королевское происхождение».

Как возникла эта ошибка? Вероятно, от первых переводов труда Гарсиласо с испанского на французский (1633 г.) [105] и английский (1687 г.) [106] языки. В них оба переводчика допустили кальку, посчитав ее вполне возможной для данного случая. Так появились «Le commentaire royal» (франц.) и «The Royal Commentaries» (англ.). Перевод этих названий дает только один вариант — «королевские» (царские), исключая иное толкование слова «royal» (на обоих языках). Эта же ошибка попала в немецкий (уже без кальки) — «Königliche» и в русский — «королевские» переводы.

С филологической точки зрения приведенные выше переводы безусловно корректны, с позиций же стилистики они, безусловно, плохи. Об этом говорит не принятое ныне сокращенное название «Comentarios Reales de los Incas», а его полный вариант, который в соответствии с нормами эпохи Гарсиласо занимал чуть ли не половину книжной страницы. В нем почти сразу за «Comentarios Reales» идут слова «Reyes del Perú».

Возникающее при этом сочетание «Королевские комментарии... королей Перу» было чуждо такому стилисту, как Гарсиласо. Но эта лишь формально-стилистическая сторона вопроса, однако имеется и другая ее сторона — смысловая.

Естественно, что у испаноязычных гарсиласистов проблема с названием не возникала. Более того, оба значения слова, бесспорно, подкрепляют одно другое: «королевское» не может не быть «достоверным», и наоборот. Не возникла она (трудно понять почему?) и при подготовке современных французских и английских переводов и изданий [107]. И все же нам удалось найти среди многочисленной литературы о Гарсиласо перуанского автора, обратившего внимание именно на данную проблему. Вот что он пишет: Гарсиласо «...принял решение обязательно написать их (книги об инках.— *В. К.*), придав им правдивый характер своим присутствием, отыскивая по возможности подлинную (real) правду о тех событиях. Его уточнения, приближавшие к реальной действительности (realidad), были тем, что побудило его назвать

---

[105] Le commentaire royal ou l'Histoire des Yncas, rois du Perú... Escritte en langue peruvienne (? — *B. K.*) par *l'Ynca Garcilaso de la Vega,* natif de Cozco et fidellement tradutte sur le version espagnolle, par I. Baudouin. Paris, 1633.

[106] The Royal Commentaries of Peru in two part... written originally in spanish by the *Inca Garcilasso de la Vega* and rendered into English by Sir Paul Rycant. London, 1687.

[107] Les commentaries royaux ou l'histoire des Incas de *l'Inca Garcilaso de la Vega*... Paris... 1959; The Incas: The Royal Commentaries of the *Inca Garcilaso de la Vega*... London, 1963; The Royal Commentaries of the *Inca Garcilaso de la Vega.* New York, 1966.

книги «Подлинными» Комментариями (Comentarios «reales») (слово «reales» взято в кавычки самим автором цитаты.— *В. К.*)»[108].

Теперь, когда сняты все сомнения, следует сказать, что проблема названия не так уж проста: Гарсиласо во всем, даже в названии своего труда, стремился подчеркнуть его подлинность.

ИСПАНСКОЕ ОКРУЖЕНИЕ ИНКИ ГАРСИЛАСО

Знакомство с испанским окружением Инки Гарсиласо в период его жизни в Монтилье наводит на грустные размышления о превратностях судьбы этого удивительного человека. Вместе с тем именно благодаря монтильянскому окружению Инки, социальный и культурный уровень которого, за редким исключением, оказался мало чем полезен для его творческой деятельности, мы еще рельефнее видим его огромный талант и выдающийся ум.

О дяде Инки капитане Алонсо де Варгас и о его роли в жизни Гарсиласо мы уже знаем достаточно много. Мы знакомы и с супругой капитана, принадлежавшей к одной из знатных фамилий Испании. Однако после смерти дона Алонсо отношения между Инкой и доньей Луисой явно не сложились. Об этом прежде всего говорят документы из архива Монтильи: вдова капитана и его племянник были больше связаны делами по гражданским искам (их судебное разбирательство длилось с августа 1570 по сентябрь 1573 г.), нежели родственным или дружеским расположением. Они даже перестали встречаться, что нашло отражение в таком красноречивом факте: до кончины дона Алонсо его супруга 11 раз фигурировала вместе с Инкой на крестинах в качестве крестных родителей; после его смерти — ни одного раза.

По-видимому, изменение отношений произошло потому, что, согласно завещанию капитана Варгаса, главными наследниками дона Алонсо были объявлены одна из его сестер и Инка, однако наследники могли вступить в свои права только лишь после смерти вдовы капитана. Указанная оговорка должна была обеспечить донье Луисе безбедное существование до конца ее дней, но она же внесла в отношения наследников капитана очевидную нервозность и напряжение.

Бесспорно, что со смертью дона Алонсо оборвались те социальные нити, которые связывали перуанского метиса со знатью и высшим обществом Монтильи — «столицы» маркизата де Приего. Прежде Инка всюду сопровождал дядю-капитана, стоявшего на общественной лестнице Монтильи сразу же за самими маркизами де Приего и рядом с Главным Алькальдом (или чуть-чуть сзади него), который избирался из числа местной знати. Теперь же ему некого было сопровождать, а сам метис в испанском обществе не имел своей собственной «ступени». Очень точно написал об этом

---

[108] *Ratto L. A.* Garcilaso de la Vega.— Biblioteca Hombres del Perú (Lima), 1964, IV, p. 33.

Р. Поррас: «Он не был испанским идальго, как его дядя дон Алонсо де Варгас... Не был он также и важным кабальеро [109], потому что не владел тогда собственным имуществом и, наоборот, был владельцем очевиднейших титулов знатного происхождения. Он не мог быть простым горожанином (vecino) и налогоплательщиком (pechero), поскольку в его жилах текла кровь самих Маркизов де Приего и инков Перу. Таким образом, он не был ни полным идальго, ни испанцем, ни простым горожанином, ни чужестранцем» [110].

Правда, испанский исследователь Кармело Саенс высказывает предположение, что, несмотря на свое положение, Инка Гарсиласо все же был «достаточно вхож» в дом маркизов де Приего. Он обосновывает свое мнение не столько фактом родства метиса с маркизами, сколько необычностью одного из высказываний Гарсиласо. По мнению Саенса, оно отличается несвойственным Инке «пламенным восхвалением» двух представительниц дома Фериа-и-Агилар, матери и дочери маркиза де Приего (см. с. 46).

Мы уже знаем из «Сообщения», что по отцовской линии Инка Гарсиласо действительно приходился родственником членам дома Фериа-и-Агилар, маркизам де Приего. Но Инка был бастардом, а это означало, что, несмотря на кровное родство с маркизами, они не причисляли его к своему родовому дому.

Даже если Саенс прав в своем толковании упомянутого славословия бабушки и внучки из дома Агилар и между Инкой Гарсиласо и двумя доньями Каталинами существовали дружеские отношения, то это все же не означает, что бастард Гарсиласо был вхож в дом маркизов де Приего как равный к равным. Ибо последнее зависело от отношения к нему главы семьи, единоличного владельца маркизата. Между тем именно с маркизом де Приего у Инки Гарсиласо сложились весьма своеобразные отношения. Как и в случае с доньей Луисой, их своеобразие было порождено наследством, полученным Инкой от дяди дона Алонсо.

Дело в том, что значительная часть состояния покойного капитана Варгаса была представлена в виде ренты с одного из поместий маркиза. Еще будучи только наследником маркизата, он передал капитану Варгасу эту ренту в счет погашения долга: капитан одолжил будущему маркизу крупную сумму денег, когда они вместе служили в Европе. Видимо, эта рента определила также и местожительство капитана после его ухода с военной службы и он предпочел Монтилью родному Бадахосу.

В архивах Монтильи мы находим не один документ, указывающий, что между маркизом де Приего и Инкой Гарсиласо, как

---

[109] «Важным кабальеро» (caballero contioso) в ту эпоху называли зажиточных граждан, которые не принадлежали к знати, но были обязаны являться на военную службу конными. Их можно посчитать представителями зарождавшегося класса буржуазии; они уже обладали рядом привилегий, хотя и меньших, чем родовая знать.

[110] Inca Garcilaso en Montilla..., p. XIX, XX.

сторонами, находившимися в финансовых отношениях, контакты были далеко не безоблачными. Об этом прежде всего свидетельствуют постоянные напоминания Инки служащим маркиза о необходимости своевременной выплаты ему ренты. И все же не «финансовая война» с владельцем маркизата определяла отношение к Инке Гарсиласо испанской аристократии, а, повторяем, его положение бастарда и инородца, что по тогдашним понятиям было просто «неприлично». Знать могла терпеть его и даже принимать у себя дома, но с ее стороны то было развлечением, прихотью или забавой.

В подтверждение вновь обратимся к документам из архивов Монтильи, к самым многочисленным из них — к актам о крещении, этого важнейшего религиозного и светского ритуала, о социальном значении которого вряд ли есть смысл говорить.

Несмотря на свою лаконичность, они достаточно красноречивы. Возьмем к примеру акт от 1 июля 1580 г. Вот его полный текст: «В пятницу в первый день июля 1580 года лиценциат Хуан Гусман окрестил [именем] Педро сына Педро Франко, плотника, и его жены Марии Диас. Крестными родителями были Гарсиласо де ла Вега и донья Магдалена, монашка.— [подпись] — Лиценциат Гусман. (Выписка из Шестой книги Крещений.— Приход Святого Яго в Монтилье.) [111]

Мы познакомились со всеми 114 актами крещения, в которых Инка фигурирует в качестве крестного отца. В результате возникла весьма выразительная картина монтильянских «социальных контактов» Инки Гарсиласо, охватывающая период в 40 лет — с 24.XI 1561 по 24.II 1601 г.

Что же привлекает в ней особое внимание? Прежде всего то, что среди родителей крестников Гарсиласо только однажды фигурируют представители испанской знати, ибо только в одном-единственном случае перед именами отца и матери новорожденного стоят приставки «дон» и «донья» — дон Мартин Солиер и донья Майор (акт от 23.II 1565) [112].

Однако данный случай, как мы можем судить по дате, имел место еще при жизни капитана Варгаса, когда общественное положение Инки определялось не им самим, а его дядей, интересы которого он мог иногда представлять, особенно когда старый капитан был, например, болен или отсутствовал. Такое предположение находит косвенное подтверждение в том, что на крестинах крестной матерью была донья Луиса, записанная в акте как «жена капитана дона Алонсо де Варгас».

То, что социальный состав всех остальных родителей крестников Инки Гарсиласо, был как минимум на целый порядок ниже в иерархической структуре испанского общества, подтверждают также их профессии или род занятий. Естественно, что речь идет

---

[111] Inca Garcilaso en Montilla..., p. 109.
[112] Ibid., p. 18.

об отцах, ибо положение женщины в ту эпоху определялось положением мужа или ее родителей. Так, например, в указанных актах крещения только в двух случаях рядом с именами матерей указан род их занятий — служанка и рабыня,— во всех же остальных они просто числятся супругами своих мужей [113].

Среди более чем сотни отцов крестников Гарсиласо только четверо — три нотариуса и один альгвасил — могут быть отнесены к сравнительно высокопоставленным кругам Монтильи, хотя и они не принадлежали к местной знати. К ним в какой-то степени примыкает также «лекарь» (curador). Остальные же отцы новорожденных — это ремесленники (кузнецы, портные, часовщики, сапожники, пекари и т. п.), лавочники, трактирщик, брадобрей, швейцар и иной трудящийся люд.

Но профессии указаны только в одной трети актов. То, что остальные родители не принадлежали к знати, мы уже знаем, однако род их занятий до нас не дошел. Можно предположить, что какая-то часть из них была горожанами, занимавшимися всем понемногу, крестьянами-налогоплательщиками (pechero), а также и «важными кабальеро». Однако повторяем, что это только предположения, правда, строящиеся на вполне реальной структуре тогдашнего испанского общества.

Вместе с тем достоверно известный профессиональный состав родителей крестников Гарсиласо, предельно четко указывает нам на круг лиц, который искал знакомства и даже дружеского расположения и покровительства Инки Гарсиласо. Вот почему он весьма точно характеризует и общественное положение метиса в период его жизни в Монтилье.

Если Инка Гарсиласо не был «своим» для местной знати, он не стал «своим» и для простого люда. Ибо сам факт того, что Инка более ста раз приглашался на крестины в качестве крестного отца — роли по тем временам, как, впрочем, и сейчас, весьма и весьма почетной — и приглашался в небольшом городке, насчитывавшем около трех тысяч жителей, говорит о его достаточно видном положении в Монтилье. Бесспорно, что для простых жителей Монтильи он был тем самым «генералом», которого охотно приглашали на крестины, свадьбы и иные семейные торжества. Ибо для простолюдинов его положение бастарда не имело существенного значения,— гораздо важнее было то, что он доводился родичем «самим» маркизам и уже по одному этому был достаточно знатен. (Об инках они вряд ли что знали толком, и его «королевская кровь» волновала их меньше.) Ну, а то, что на крестинах

---

[113] Любопытная деталь: и служанка, и рабыня не имели мужей и принадлежали нотариусу Андресу Баптисте. Они обе значатся под именем Ана, что не исключает возможность, что это одна и та же женщина, только записанная по-разному. Кроме того, можно предположить, что Инка был близок А. Баптисте, поскольку в других крестинах он выступал в качестве одного из крестных родителей вместе с дочерью нотариуса (акт от 17.II 1571 г.).

«требовалось» участие именно знати, говорит и подтверждает социальное положение крестных матерей, выступавших партнершами Инки: практически все они имеют перед своим именем приставку «донья».

Начиная с 1572 г. чаще всех — 34 раза — вместе с Инкой крестила детей его двоюродная сестра (prima). Она значится в документах под разными именами, которые в «собранном» виде выглядят так: донья Мария Магдалена де Фигероа. Она была монашка, и крестины должны были быть для нее одним из немногих развлечений.

Пожалуй, это единственная из всех родственных связей Инки, носившая устойчивый характер (последние совместные с ней крестины зафиксированы актом от 13.VIII 1587 г.). Однако и в данном случае не все ясно в плане степени родства Инки и доньи Марии. Выше мы назвали ее двоюродной сестрой, но в акте от 2.II 1587 г. она почему-то записана как «его тетя»[114]. Между тем у Гарсиласо-отца не было сестры с указанным именем.

Таким образом, можно с большой долей уверенности говорить, что связи Инки Гарсиласо со своими родичами по отцовской линии замкнулись фактически на капитане Алонсо де Варгас, а с его смертью оборвались совсем. Другой родственной поддержки и тем более протекции он не имел.

Так постепенно сужался круг родственных связей Инки в Испании, которые оттуда, из Перу, должны были казаться ему значительными, надежными и влиятельными.

Но в Монтилье, как и в любом испанском городе, светское и религиозное составляло единую, неделимую основу жизни ее обитателей. Ведь не зря их, жителей городов, в испанской литературе чаще называют «прихожанами», чем «горожанами». Мы не знаем, сколько церквей было в Монтилье во времена Инки Гарсиласо, а вот монастырей — три. Бесспорно, что и тех и других хватало для достаточно плотного «охвата» населения Монтильи, и уж, конечно, церковники не могли упустить и не упустили из вида столь великолепный объект для своей работы, каким был для них рожденный в языческом Перу от язычницы-матери метис Инка Гарсиласо.

Обиженный властями, отвергнутый своими знатнейшими родичами и потерявший единственную и надежную опору — любимого дядю, Инка Гарсиласо уже по одним этим причинам представлял для них благодатное и податливое «поле деятельности». А тут еще щемящая тоска по первой родине и неопределенность социального положения, лишавшая Инку не только опоры, но даже элементарной устойчивой связи с конкретными слоями испанского общества: до одних он не мог дотянуться, к другим не хотел, а возможно, даже не имел права опуститься.

---

[114] Inca Garcilaso en Montilla..., p. 154.

Между тем монахи были вхожи как в самые знатные, так и в самые нищие дома и даже трущобы. Ими не брезговали, и они платили тем же. Среди них было немало действительно ученых мужей, по-человечески порядочных людей и к тому же представителей самых знатных испанских фамилий. Они не только прекрасно умели утешать, но у них было чему научиться. И они утешали, учили, прощали грехи, наставляли на путь истинный...

Инка во всем был правоверным католиком. Об этом говорят все его сочинения. Церковникам не нужно было искать к нему специальные подходы: его душа была открыта для их слова и дела. Но если к последнему он пришел лишь в самом конце жизни (да и то не все его биографы и не безусловно, а с оговорками, полагают, что, уже живя в Кордобе, он принял монашеский сан), то слову он верил всегда и сам шел к нему навстречу без всяких сомнений и оговорок.

Вот почему в испанском окружении Инки Гарсиласо множились ряды церковников — простых монахов и приходских священников, ученых-теологов и богословов. Некоторые из них заняли достаточно видное место в его жизни, другие, мелькнув однажды, исчезли не оставив следа. Однако все вместе, особенно если мы вспомним каноника Куэльяра из Куско, они оказали на метиса во многом определяющее и решающее влияние, к счастью, не убив в нем любовь к инкам и к Тауантинсуйю [115].

И Миро Кесада [116], и Поррас [117] выделяют из этого окружения Инки Гарсиласо несколько имен, которые следует здесь назвать. Это наставник дона Педро Фернандеса де Кордоба-и-Фигероа, маркиза де Приего и Господина Дома Агиларов (таков полный титул знатного родича Инки), «отец» Агустин де Эррера; учитель теологии, августинец из августинского монастыря в Монтилье, в прошлом профессор-теолог Университета Осуны, «брат» Фернандо де Сарате (к историку Сарате не имеет отношения); иезуит, также из монтильянского монастыря, читавший «Библию» в Кордобе, «отец» Херонимо де Прадо; священник церкви Святого Яго, в приход которого входил Гарсиласо, бакалавр Франсиско де Кастро.

Конечно, этими именами не исчерпывается список священнослужителей, с которыми Инка Гарсиласо был в дружеских отношениях, но именно они оказывали на него в тот период наибольшее влияние.

Среди близких Инке людей, как об этом свидетельствуют до-

---

[115] Мы не исключаем, что среди них могли быть и такие, которые подогревали в нем эту любовь; не будем забывать, что один из важнейших письменных источников, роль которого в создании «Комментариев» трудно переоценить, рукописи монаха Блас Валеры, Инка получил от самих церковников.

[116] См.: *Miro Quesada A.* El Inca...

[117] См.: Inca Garcilaso en Montilla...

кументы из архива Монтильи, находился также один из главных слуг маркиза де Приего или даже его управляющий Амадор де Агилар, возможно доводившийся маркизу дальним родственником (в ту эпоху такие должности часто занимали представители обедневшей аристократии). Инка считал своим наставником лиценциата Педро Санчеса де Эррера, преподававшего одно время в Севилье «науку об искусстве». Он дружил также с жителем Монтильи купцом Педро де Кордоба.

Наличие последнего в числе друзей Инки, как нам представляется, во многом объясняет те очевидные коммерческие наклонности, которые Инка проявил в конце своего монтильянского периода жизни и в первые годы пребывания в Кордобе: он занимался тогда перепродажей пшеницы, разводил породистых лошадей. Но все это имело место уже после того, как умерла донья Луиса и Инка стал довольно состоятельным человеком. Видимо, и купец Педро де Кордоба, и управляющий маркизов Амадор де Агилар, как представители «делового мира», были или стали главными фигурами второй — светской половины нового окружения Инки Гарсиласо.

Иными словами, если церковники заполнили образовавшуюся вокруг метиса «социальную пустоту» интересами духовного (интеллектуального) порядка, то «деловые люди» научили его решать свои экономические проблемы не традиционными для знати путями (своим мечом, придворной карьерой или удачной женитьбой — эти дороги к богатству были закрыты для бастарда), а новыми, требовавшими вместо знатности происхождения умения разжиться за чужой счет, купить подешевле — продать подороже, т. е. быть предпринимателем нового типа, из которого вскоре мог вырасти настоящий буржуа.

Мы далеки от мысли причислить Инку Гарсиласо к зарождавшемуся классу испанской буржуазии, однако время и его личная общественная и экономическая ситуация в тот момент ничего другого не могли ему предложить. Конечно, если он стремился к личному обогащению, а именно к этому должно было подталкивать его полунищенское существование в Монтилье в период между двумя смертями, дяди Алонсо и его вдовы.

То, что его материальное положение действительно было весьма жалким (ему самому после роскоши отцовского дома в Куско. за столом которого постоянно обедали не десятки, а сотни человек, оно казалось нищенским), также засвидетельствовано в монтильянских документах. Из них мы знаем, что Инка Гарсиласо долгие годы фактически жил в долг. Его главными кредиторами были названные Амадор де Агилар и Педро де Кордоба. Первому из них он был должен 150 000 мараведи, а второму 1890 реалов и «еще много больше» [118]. К месту будет сказано, что Агилар, не-

---

[118] Inca Garcilaso en Montilla..., p. 95—108, 115, 116.

смотря на то что Инка был его должником, назначил его своим душеприказчиком [119].

Как уже говорилось, Инка не получил за ратные подвиги своего отца ни моральной, ни материальной компенсации. Между тем она наверняка укрепила бы его положение в испанском обществе. Поводом для отказа послужило не фактическое отсутствие таких подвигов (это конкретно мало кого интересовало; достаточно было значиться в числе конкистадоров и находиться в Новом Свете в эпоху конкисты, чтобы уже одно это рассматривалось как вклад в дело его завоевания), а ставшая знаменитой история с лошадью Гарсиласо-отца по кличке «Салинильяс». Благодаря этой истории Совет по делам Индий получил возможность причислить капитана Гарсиласо к активным сторонникам мятежника Гонсало Писарро и лишить его наследников прав на вознаграждение.

Нет смысла разбирать по существу вопрос о том, спас или не спас Гарсиласо-отец жизнь Гонсало Писарро, предоставив ему во время сражения при Уарине (или после него, как утверждает Инка) своего коня, что якобы помогло мятежнику разбить королевское войско. Ответ на него сегодня ничего не прибавит к нашим знаниям и не изменит наше отношение к Инке. Однако возникшие в результате огласки этой истории последствия чрезвычайно интересны для каждого исследователя жизни и творчества великого метиса.

Может показаться странным, но именно Инка Гарсиласо не просто понял, но и на удивление правильно оценил замечательные (иначе их и не назовешь!) результаты той несправедливости испанских властей, вследствие которой он оказался лишен материального благополучия и сколько-нибудь высокого положения при испанском дворе, да и в обществе. Именно отсутствие этих двух принципиально важных моментов в его жизни в Испании, как мы знаем, заставили Инку Гарсиласо взяться за перо.

Случай и настойчивость перуанских ученых помогли нам узнать эту важную деталь из биографии Инки Гарсиласо.

В 1935 г. Р. Поррас Барренечеа, изучая очередной возможный источник пополнения своих знаний о Древнем Перу и Инке Гарсиласо, получил в свое распоряжение Каталог № 589 знаменитой английской букинистической фирмы «Мэггс Бразерс». Каталог назывался «Семьдесят пять Испанских и Португальских Книг 1481—1764 гг.»[120]

---

[119] Ibid., p. 95.

[120] На каталоге не указан год его издания, однако можно предположить, что он вышел в свет в начале 30-х годов нашего века, ибо имеющийся в нашем распоряжении каталог № 495 датирован 1927 г.: Spanish Books. Maggs Bros., London and Paris. Booksellers by Special Appointment to His Majesty King Alfonso XIII of Spain. London, 1927. В данном каталоге имеются две книги, представляющие для нас интерес: это издания «Писем любви» Леона Эбрео, одно из которых вышло в Испании, другое — во Франции в XVII в.

К своему удивлению и радости, Р. Поррас прочел там, что фирма предлагает для продажи экземпляр «Всеобщей истории Индий и Нового Света с завоеванием Перу и Мексики» Лопеса де Гомара в ее первом издании (Сарагоса, 1554 и 1555 гг.), на страницах которой, как указывалось в Каталоге, имелись рукописные пометки («исправления и добавления»), принадлежавшие Инке Гарсиласо де ла Вега и некоему «неизвестному конкистадору Перу, который был одним из товарищей Франсиско Писарро» [121].

Эта бесценная для перуанцев книга вскоре была куплена и доставлена в Перу, как пишет Р. Поррас, благодаря «неустанным и воинственным усилиям» перуанского библиографа Эриха Клайна, руководителя «Либрериа интернасиональ» («Международный книжный магазин») в Лиме [122].

Чем же замечательна эта находка? Прежде всего тем, что исследователи творчества Гарсиласо получили в руки экземпляр книги Гомары, с которой работал Инка, откуда он брал цитаты и на страницах которого сохранились чрезвычайно интересные пометки, высказывания и замечания, многие из которых затем перешли в текст сочинений Гарсиласо, правда, с некоторой редакцией.

Но нас сейчас интересуют не пометки типа «это — фальшь», «это — ложь», и даже не такое решительное осуждение и приговор Инки Гарсиласо, как «заслуживает того, чтобы сжечь [эту] книгу и того, кто ее написал» [123]. Не интересуют нас и относительно пространные добавления и исправления в тексте Гомары. Нас интересует только одна-единственная фраза, написанная Инкой прямо на полях книги против того места, где Гомара сообщает, что «Писарро подвергся бы опасности, если бы Гарсиласо не дал ему коня». Вот эти удивительные слова:

«Эта ложь отняла у меня пропитание, хотя, возможно, и к лучшему» [124],— написал Инка Гарсиласо.

Испанское издание: IA *Abarbanel (Judah)* alias *Leon Hebreo.* Philographia universal de todo el Mundo, de los Dialogos de Leon Hebreo, traduzida de Italiano en Español, corregida y añadida por Micer Carlos Montesa, ciudadano de la insigne ciudad de Çaragoça. Woodcut device on title. Small 4to, old calt. Saragossa, Lorenzo y Diego Robles [title: 1584; colophon: 1582], p. 4.

Французское издание: IB *Abarbanel (Judah)* alias *Leon Hebreo.* Philosophie d'Amour de M. Leon Hebreu, Traduicte d'Italien en Fraçoys, par [Denis Sauvage] le Seigneur du Parc Champenois. Title within woodcut border. First Edition. 8vo, calf, gilt lines on sides. Lyons, Guillaume Rouille and Thibauld Payen, 1551, p. 5.

Интересно отметить, что зарубежные исследователи творчества Гарсиласо полагают, что Инка не был знаком с вышеназванным испанским изданием Леона Эбреа и, наоборот, знал о французском переводе.

121 Inca Garcilaso en Montilla..., p. 219, 220.

122 Ibidem.

123 Ibid., p. 225.

124 Ibid., p. 232.

Позднее во «Всеобщей истории Перу» Инка подробно расскажет об упомянутом событии, явно желая доказать, что его отец уступил Гонсало своего коня лишь из гуманных побуждений, а не в стремлении оказать помощь узурпатору власти в Перу, пленником которого он сам был в течение длительного времени [125]. Он еще не раз вспомнит эту печальную для него историю.

Но все, что напишет о ней Инка Гарсиласо, не идет в сравнение с короткой фразой на полях истории Гомары. Ибо в том самом *«к лучшему»* сокрыт великий смысл: понимание Инкой роли и значения социального фактора как главной причины, заставившей его заняться творческой деятельностью.

Утверждать подобное дает нам право то конкретное и реальное, что в действительности стояло за этим «к лучшему»: а стояли за ним глухая испанская провинция, со столь типичным для нее тоскливым прозябанием, не имевшим, казалось, ни начала, ни конца. Материальная необеспеченность, засасывавшая метиса в бездонную пучину долгов. Положение бедного родственника-приживальщика, целиком зависевшего от милости и прихотей своего патрона. Наконец, стояли долгие, нескончаемые годы вынужденного затворничества. Единственными развлечениями в том «лучшем» были крестины, свадьбы, похороны. Иногда в Монтилью заходили бродячие актеры, иногда там искали «ведьму», как об этом рассказал Сервантес в «Назидательных новеллах». Правда, оставались еще беседы и книги (в дядиной библиотеке, в монастырях их было немало). Книги можно было не только читать, но и переводить и даже самому писать. К счастью, Инке было, о чем рассказать людям.

Чтобы дать такую оценку своему собственному безрадостному положению, единственный выход из которого заключался в смерти близкого его покойному и горячо любимому дяде человека — доньи Луисы, нужно было подняться на такую моральную высоту, с которой личные невзгоды и постоянные неурядицы показались бы ничтожно маленькими и пустяшными. И Инка достиг этой высоты. Пусть потом он будет вспоминать и по-старчески брюзжать о своей бедности до последнего своего вздоха, но уж таков был характер этого великого человека, и, право же, упрекать его за это не стоит. Гораздо важнее другое: он не только сумел понять, но и полностью выполнить вставшую перед ним задачу.

История со злополучным конем Гарсиласо-отца преподала Инке еще один важный урок: этот случай помог ему на собственном опыте убедиться, сколь весомо и значимо печатное слово и как трудно бороться с ним. Дело в том, что Совет по делам Индий свой отказ в компенсации мотивировал ссылками на труды испанских историков и хронистов, в том числе и на приведенную выше фразу Гомары.

---

[125] *Garcilaso.* Obras completas..., t. III, p. 359—361.

Но найденный Р. Поррасом экземпляр книги Гомары оказал современным исследователям Древнего Перу еще одну полезную услугу: стало ясно, что именно в тот период жизни в окружении Инки оказался один из участников завоевания Перу, к тому же близкий ему по духу человек. Важно было установить, кем был этот неизвестный конкистадор.

Р. Поррас блестяще решил эту задачу. Вот что он пишет сам о своем открытии: «Идя по следу заметок, оставленных (на полях книги.— *В. К.*) неизвестным конкистадором, можно, по моему убеждению, безошибочно определить, кто был первоначальным владельцем книги Гомары, и другом, и заслуживавшим доверия человеком Гарсиласо. Рива-Агуэро уже неопровержимо установил в своей «Истории Перу», кто являлся неведомым помощником Гарсиласо в работе над «Флоридой», и он описал личность капитана Гонсало Сильвестре, который в спокойном уединении в Лас Посадас, недалеко от Кордобы, доверил Гарсиласо воспоминания о той экспедиции...» [126]

Р. Поррас, используя метод Рива-Агуэро, стал искать и сопоставлять те события, которые произвели наибольшее впечатление или просто привлекли внимание неизвестного конкистадора, заставив его сделать пометки на полях книги. Так он выяснил, чьим противником он был, с кем и в каких походах участвовал, в каких сражениях и на чьей стороне воевал. Проанализировав эти данные, Р. Поррас пришел к следующему выводу: «Благодаря этим ссылкам нет сомнений, что неизвестным конкистадором был не кто иной, как сам Гонсало Сильвестре, друг и информатор Гарсиласо в деле написания «*Флориды*», который теперь оказался также причастен к рождению «*Подлинных комментариев*». Биография капитана Гонсало Сильвестра, подтверждающая такую идентификацию, как правило, не привлекала внимание биографов Гарсиласо, тем не менее он оказал решающее влияние на жизнь и на творчество Инки» [127].

Значение капитана Сильвестре как информатора Инки Гарсиласо о походе во Флориду аделантадо Эрнандо де Сото трудно переоценить. Более того, его просто следует считать соавтором, как об этом говорит сам Инка, правда, не называя имени капитана. В предисловии к «Флориде» он написал:

«Самой большой заботой было написание дел, которые в ней рассказываются, какими они были и как произошли, ибо поскольку моим главным намерением является завоевание той земли ради того, что было сказано (т. е. во славу Испании и «святой веры».— *В. К.*), я постарался выпотрошить того, кто передавал мне сообщения обо всем, что он видел [там], а он был благородным человеком идальго и как таковой гордился тем, что во всем был правдив. И Королевский совет по делам Индий, считая его

[126] Inca Garcilaso en Montilla..., p. 232.
[127] Ibid., p. 233.

человеком, достойным доверия, приглашал его много раз, как я это видел сам, чтобы удостовериться от него в делах, случившихся в этом походе, как и в других, в которых он принимал участие.

Он был очень хорошим солдатом и много раз становился каудильо, и был участником всех событий этого открытия (Флориды.— *В. К.*), и так он смог передать сообщение об этой истории в том полном виде, как она следует [далее]... И таким путем были получены сведения обо всем, что он мне рассказал, чтобы я это записал. И немало помогли ему восстановить в памяти прошедшие события многочисленные переспрашивания и вопросы, которые я задавал ему о них и об особенностях и свойствах той земли» [128].

Эта же мысль, но еще более четко прозвучала в уже не раз цитированном нами письме Инки Гарсиласо к Максимилиану Австрийскому: «Чтобы закончить «Историю Флориды», которая уже более чем на четвертую часть написана, я собираюсь в этом июле направиться в Посадас — одно из селений Кордобы, чтобы писать ее с сообщения одного кабальеро, который там находится, ибо он лично участвовал во всех событиях того похода. И я хотел бы, чтобы все, что мы можем, мы довели до совершенства, прежде чем он или я умрем; потому что один без другого ничего не сможет сделать» [129].

Таким образом, Рива-Агуэро и Рауль Поррас обнаружили чрезвычайно важного человека из окружения Инки Гарсиласо в его монтильянский период жизни. Но если оба они бесспорно правы в оценке роли и значения капитана Сильвестре в деле написания «Флориды», то вряд ли можно согласиться с Поррасом, когда он говорит, что капитан оказал решающее влияние в целом на жизнь и творчество Гарсиласо. Сам Инка более чем убедительно опровергает подобное утверждение, правда, не прямо, а косвенно. Мы находим это «опровержение» прежде всего в его сочинениях.

Как уже указывалось, во «Флориде» Инка не счел возможным назвать имя своего информатора и фактического соавтора. Подобное умолчание может быть объяснено только однозначно,— такова была просьба или даже условие капитана Сильвестре. Видимо, у капитана были для этого какие-то соображения, ибо его имя, но не как соавтора, а как действующего лица конкисты, неоднократно фигурирует в том сочинении. Оно встречается десятки раз и на страницах других произведений Гарсиласо. При этом отношение к конкистадору Сильвестре неизменно доброжелательное: прежде всего капитан показан как верный слуга испанской короны, как «человек большой правды» [130], «самый заметный и самый квалифицированный [воин] на службе у его величества» [131].

[128] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 247, 248.
[129] Ibid., p. 5.
[130] *Garcilaso.* Obras completas..., t. III, p. 303.
[131] Ibid., t. IV, p. 138.

Далее. В отличие от «Флориды», где рассказ капитана составляет основу произведения, во «Всеобщей истории Перу» мы встречаем не только имя капитана Сильвестре среди действующих лиц, но и ссылку на него, как на источник информации: «В этом деле,— пишет Инка о личном участии в битве при Салинас Эрнандо Писарро, как о нем рассказал в своей «Истории» Сарате,— он (Сарате.— *В. К.*) обозвал его трусом и малодушным человеком, и эта слава распространилась о нем по всей Испании... Королевский совет по делам Индий, чтобы удостовериться в том частном случае, позвал знаменитого солдата, который участвовал в том сражении на стороне дона Диего де Альмагро и именовался Гонсало Сильвестре, и среди прочих вещей его спросили [правда ли], что в Перу считали трусом Эрнандо Писарро. Солдат, хотя он и принадлежал к враждебной стороне, поручился за то, что нами было сказано (выше.— *В. К.*) об Эрнандо Писарро... ибо так говорила в полный голос людская молва о том сражении. Это произошло в Мадриде... и солдат сам рассказал мне о том, что с ним произошло в Королевском совете Индий» [132].

Со своей стороны мы можем заверить читателя, что Инка Гарсиласо говорил об Эрнандо Писарро, как о храбром и мужественном человеке. Именно это и подтвердил на Совете Гонсало Сильвестре.

Если мы даже допустим, что Инка описал сражение при Салинас со слов Гонсало Сильвестре, то и тогда используемый им в этом сочинении творческий метод резко отличается от «Флориды». Ибо в данном случае мы имеем не запись рассказа одного лица, чем является «Флорида», а описание события на основе многих (нескольких) источников со ссылками (в том числе и текстуальными) на других авторов (конкретно — на испанцев Сарате и Гомару).

Важно, что рассмотренный нами случай не единственный: таков постоянно используемый Инкой прием, лежащий в основе создания «Комментариев» и «Всеобщей истории Перу». Инка цитирует в них более десятка авторов и цитирует их более ста (!) раз. Между тем приведенная нами ссылка на Гонсало Сильвестре является единственной и, как убедился читатель, вряд ли ее можно рассматривать в качестве основополагающего источника. Но в этом вопросе есть еще один важный аспект: наличие ссылки на капитана Сильвестре засвидетельствовало, что его роль теперь изменилась. И если капитан Сильвестре все же помогал Инке в написании главных сочинений о Перу, то личный вклад капитана в эту работу теперь стал совсем иным. Его трудно назвать значительным, не говоря уже о «решающем».

Таким образом, мы имеем полное право отнести капитана Гонсало Сильвестре к числу не столько важных, сколько близких по духу Инке друзей и информаторов. Но не он сыграл глав-

[132] *Garcilaso*. Obras completas..., t. III, p. 157—159.

ную и решающую роль в творчестве Гарсиласо, ибо не «Флорида», а сочинения о Перу, и в первую очередь «Комментарии», сделали метиса всемирно известным автором.

Вместе с тем было бы серьезной ошибкой и недооценивать значение капитана Сильвестре в жизни и творчестве Инки Гарсиласо, ибо он является тем единственным лицом, которое «вторглось» в монотонное прозябание Инки в Монтилье, чтобы освежить в памяти метиса неповторимо прекрасный аромат его детства и юношеских лет.

Именно с капитаном Гонсало Сильвестре в Монтилью пришли запахи родного Инке Перу, звон мечей и ржанье боевых коней, безумная отвага и ужасы человеческих страданий... Весь израненный, покрытый незаживавшими следами от былых сражений, измученный долгими болезнями — расплата за лишения, голод, напряжение и усталость в бесчисленных походах и баталиях, но еще больше истерзанный душевными травмами, нанесенными безразличием королевских властей к судьбе этого видного ветерана конкисты Нового Света, капитан Сильвестре не мог не произвести на Инку неизгладимое впечатление. Эта встреча потрясла до основания всю его восприимчивую к страданиям душу индейца. В капитане, влачившем ныне жалкое существование в своей горячо любимой Испании, Инка увидел судьбу своего отца и свою судьбу как бы слившимися воедино.

Мы знаем из письма к Максимилиану Австрийскому (оно датировано 12 марта 1587 г.), что Инка посещает Лас Посадас и работает вместе с Гонсало Сильвестре над «Флоридой». Возможно, что и Сильвестре приезжает к нему в Монтилью, хотя для больного ветерана даже такие небольшие путешествия должны были быть мучительными: Лас Посадас и Монтилья находились сравнительно недалеко от Кордобы, но стояли на разных дорогах.

Каждая их встреча наверняка начиналась и заканчивалась воспоминаниями о Перу, одинаково дорогими для обоих. Возможно, они читали вместе, как полагает Р. Поррас, и обсуждали книги, написанные о Перу и об испанской конкисте Нового Света. Убедительное доказательство тому — «История» Гомары с пометками обоих на полях. К этому времени (вторая половина XVI в.) вышли также книги Сьесы, Акосты, Сарате, Палентинца и других авторов, большинство из которых Инка цитирует в своих сочинениях.

О характере отношения Инки Гарсиласо к капитану Сильвестре красноречиво говорит и такой факт: после смерти капитана (1592 г.) именно Инка становится его душеприказчиком, приняв на себя ликвидацию всех земных дел покойного, включая его многочисленные долги [133].

---

[133] Inca Garcilaso en Montilla..., p. 235.

Но теперь он мог себе позволить такое, ибо после кончины доньи Луисы — 4.IV 1586 г.— Инка стал состоятельным горожанином. К тому же свои занятия литературой он совмещал, как уже говорилось, с вполне успешной торгово-предпринимательской деятельностью.

Дружба Инки с капитаном Сильвестре помогает нам раскрыть еще одну черту характера метиса. Капитан был не единственным перулеро[134], с которым Гарсиласо встречался или мог встречаться в Монтилье. Там постоянно жили, по крайней мере, два перулеро — Андрес де Меса и Франсиско Кабрера. Казалось бы, одного этого факта было вполне достаточно, чтобы мы нашли их в числе друзей Гарсиласо. Однако ни документы архива, ни сочинения Гарсиласо не дают для подобного утверждения даже повода. Очевидно, для Инки факт пребывания в Перу того или иного испанца еще ничего не означал; для него важнее были чисто человеческие качества. Они-то и определяли характер его отношений с людьми.

Видимо, по этой же причине не оставила заметного следа в его жизни и встреча в Монтилье с одним из соучеников по «школе» в Куско, с таким же, как и Инка, метисом Хуаном Ариасом Мальдонадо, который приезжал к Гарсиласо и даже некоторое время жил у него в доме. Вернее, след остался, но только он ничего, кроме досады, не порождает. Об этом свидетельствует во всех отношениях малоприятный документ, обнажающий крайнюю нищету обоих потомков испанских конкистадоров и лишь недавно всемогущих инков-правителей Тауантинсуйю. В нем Инка Гарсиласо дает поручение взыскать с Хуана Ариаса Мальдонадо «десять кусков тафты разного цвета — белого, зеленого, желтого, синего и красного, которые вместе составляют сто пятьдесят вар, и покрывало для кровати из зеленой тафты с бахромой из зеленого шелка, ибо названные вещи я ему одолжил, чтобы ими пользовались указанные господа Хуан Ариас Мальдонадо и донья Ана, его супруга, пока они отправятся в Индии Его Королевского Величества, а сейчас я знаю, что указанный господин Хуан Ариас наконец отправляется в них, а мне их не направили, и потому я также даю вам указанное право совокупно взыскать с указанных персон и из их имущества две штуки домашнего полотна, более или менее длиною в восемьдесят четыре вары, и несколько выполненных в шелке подушек, и другие вещи, которые прошу потребовать у указанного господина Хуана Ариаса Мальдонадо, которые, я клянусь и заявляю, передал ему от имени одной персоны — горожанина из этого местечка, а я остался поручителем указанных господ Хуана Ариаса и доньи Аны, его супруги... А если для указанного взыскания или части его потребуется дойти до суда, вы можете совокупно представить и

[134] Испанец, возвратившийся на родину из Перу.

представьте настоящие требования перед любыми господами Судьями и Правосудием...»[135]

Поручение датировано 14 февраля 1582 г., когда материальное положение Инки было наименее благоприятным, и все же нельзя без огорчения читать эти строки. За ними встает унизительная нищета не только метиса Гарсиласо, а и всего испанского народа, нищета, которую аристократия и близкие к ней круги умели ловко прикрывать тафтой и шелками.

Судя по документу, положение метиса Мальдонадо также не отличалось благополучием, коль скоро он стал должником Инки. Но, получив посильную помощь друга детства, Мальдонадо не вернул своевременно долг, чем поставил Гарсиласо в безвыходное положение.

После смерти доньи Луисы ситуация Инки Гарсиласо резко изменилась. Он стал состоятельным человеком. Ему уже под пятьдесят. Мысли о придворной карьере, скорее всего, не тревожат его. У него по-прежнему много свободного времени. Инка читает, встречается с друзьями-монахами, заканчивает свой перевод «Писем любви» Леона Эбрео, записывает рассказы Гонсало Сильвестре о походе конкистадора де Сото во Флориду, наконец, ведет переписку со своими собратьями-метисами, живущими в Перу. Инка сообщает им о своем намерении написать историю Тауантинсуйю и просит прислать ему рассказы о царстве инков, которые они, как и он сам, слышали в детстве от родичей инков или простых индейцев.

К сожалению, вся эта переписка оказалась утеряна либо не обнаружена по сей день. Между тем она могла бы оказать неоценимую помощь для исследователей творчества Инки Гарсиласо, да и для всей перуанистики в целом, ибо сегодня практически невозможно определить, какое место заняли эти сообщения в «Комментариях».

Но литература не была единственным занятием Инки в новый период его жизни. С улучшением материального положения укрепились и его позиции в «высшем свете» Монтильи. Теперь он не только участвует в крестинах, хотя происходит это гораздо реже — прямой результат указанных изменений, ибо ныне не каждый рискнет потревожить состоятельного капитана и не к каждому он пойдет сам,— но и занимается торговыми делами. Ему также доверяют более важные поручения, и доверяет их не кто-нибудь, а само «общество» в лице городского кабильдо (совет) Монтильи.

Перед нами два чрезвычайно интересных документа из муниципального архива Монтильи. Это акты-резолюции заседаний кабильдо от 12 и 19 июля 1587 г. Чтобы читателю было понятно их значение, следует напомнить, что в ту эпоху Испания продолжала вести внешние войны в Европе, на Ближнем Востоке и

---

[135] Inca Garcilaso en Montilla..., p. 113, 114.

в Северной Африке. Усмирение уже завоеванных и завоевание еще не открытых земель Нового Света, непрерывные сражения с английскими, французскими, голландскими и другими, в том числе и «многонациональными», пиратами, а также корсарами, превратившими вначале Атлантический, а позднее и Тихий океан в бездонный «рудник» по добыче драгоценных металлов и иных сокровищ, вывозившихся Испанией из заморских владений,— все это требовало от испанского народа новых и новых жертв и лишений.

При этом, если первые открытия и завоевания заморских территорий, как правило, осуществлялись на добровольных началах и не за счет королевской казны, то теперь новые экспедиции и особенно удержание уже включенных в империю владений становились делом самой испанской короны. Они ложились тяжелейшим бременем на плечи простого народа не только колоний, но и самой метрополии. Кастильский пахарь, андалузский виноградарь или бискайский рыбак своим потом и кровью, ратным или мирным трудом обеспечивал защиту своекорыстных интересов короны и многочисленной испанской аристократии, мало в чем совпадавших с интересами развития страны. Пустели города и деревенские поселения, зарастали бурьяном поля пшеницы, чахли виноградники, повсюду процветали казнокрадство, мошенничество, открытый и завуалированный разбой. Несмотря на непрекращавшийся поток «индейского» золота, разорение и нищета стали уделом испанского народа. А королевские чиновники все рыскали и рыскали по стране, хватая повсюду новых и новых рекрутов для армии и флота, отбирая скудный урожай крестьян для пополнения улетучивавшихся с непостижимой быстротой запасов провианта. Впрочем, причина их исчезновения не была великой тайной: провиант не столько поглощался многочисленным воинством, сколько разворовывался еще до поступления на склады его величества или погибал на этих складах в результате немыслимой бесхозяйственности бюрократического аппарата империи, столь же прожорливого, сколь безответственного.

Именно такой предстала Испания перед одним из королевских сборщиков податей — великим Мигелем Сервантесом. Такой он описал ее в «Назидательных новеллах». «Официальная, государственная Испания,— говорит Н. Берковский в предисловии к русскому изданию новелл,— в изображении Сервантеса — блистательна, пышна, а в глубине своей хаотична. В ней все рушится, не видно скрепляющих сил, всюду разброд, распад, жажда унести свой кусок и так, чтобы он был побольше, без чувства ответственности перед другими, без заботы о том, что станется с обществом и с государством» [136].

---

[136] *Берковский Н.* Предисловие.— В кн.: *Сервантес М.* Назидательные новеллы. М., 1955, с. XVII.

В качестве сборщика податей Мигель Сервантес побывал и в Монтилье, но это произошло не в 1587 г., а несколько лет спустя. Тогда же, летом 1587 г., Монтилья ждала приезда другого королевского чиновника — судьи Хуана Риберы. Насколько можно понять из акта-резолюции кабильдо Монтильи от 12 июля, судья Рибера должен был обложить дополнительной податью местных жителей, в частности, путем причисления к сословию «важных кабальеро» нового числа горожан. Военная подать этой категории населения была достаточно высокой — значительно выше подати простых горожан.

И вот на заседании кабильдо 12 июля 1587 г. было принято решение просить короля и его министров не присылать судью Риберу в Монтилью и не признавать более жителей Монтильи «важными кабальеро». В обмен на эту королевскую милость монтильянцы брали на себя обязанность выплатить казне «некоторую добрую сумму и количество денег, как будет договорено» [137].

Заседание кабильдо 19 июля практически было продолжением предыдущего. В нем приняло участие все местное начальство, исключая маркиза де Приего, которому кабильдо было обязано представлять на утверждение любое свое решение, ибо маркиз обладал единоличным правом вето. В акте значатся следующие имена членов кабильдо: Главный Алькальд (старший городской голова) Монтильи лиценциат Доминго Ортис, ординарные алькальды Эрнандо Санчес Прието и Хуан де Агилар, рехидоры (советники) Хуан Муньос, Алонсо Альварес и Франсиско Санчес Солано, а также старший альгвасил Хуан Колин (судебный исполнитель, блюститель порядка) [138].

Подтвердив свое предыдущее решение, «чтобы дон Хуан де Рибера и никакой другой судья не приходил и не посещал это указанное место (т. е. Монтилью.— *В. К.*) для проведения смотров и возбуждения дел против важных кабальеро и чтобы от сего дня и дальше в этом указанном месте не было бы важных кабальеро и чтобы его Величество оказало бы такую милость, это поселение путем контракта послужит ему некоторым разумным количеством денег...» [139] — кабильдо возложило исполнение своего решения на жителя Монтильи Гарсиласо де ла Вега.

Инке поручалось получить согласие старого и молодого маркизов де Приего на настоящие решения кабильдо, а также защитить интересы Монтильи перед «Его Величеством (королем Испании.— *В. К.*) и господами из его совета по финансам и доном Хуаном де Рибера и иными персонами, которые подходят для этого...» [140]

---

[137] Inca Garcilaso en Montilla..., p. 158, 159.

[138] Любопытная деталь: среди крестников Инки нет детей перечисленного «начальства». Возможно, они были бездетными, но логичнее предположить, что Инка не был для них «генералом».

[139] Inca Garcilaso en Montilla..., p. 159.

[140] Inca Garcilaso en Montilla..., p. 159, 160.

В документе дана «характеристика» на Инку: «...Гарсиласо де ла Вега, находящийся в этом местечке, к персоне которого имеется достаточное доверие, удовлетворяющее должным образом, и на усмотрение которого предоставляются все те действия, которые следует предпринять по названному делу (negocio) сверх инструкции, которую он для этого будет иметь с собой...» [141].

Немаловажна и такая деталь: в решении указано, что Инка не требует от кабильдо «повседневной оплаты труда (salario cotidiano) и удовлетворится тем, что ему дадут и что будет необходимо ему для обычных расходов...» [142]

Чем же интересны для нас эти документы? Прежде всего тем, что они неопровержимо точно засвидетельствовали изменившееся социальное положение Инки Гарсиласо. Прошел всего лишь год после смерти доньи Луисы, вдовы капитана Варгаса (а после вступления Инки в права наследника и того меньше), как Инка Гарсиласо уже оказался в числе видных граждан Монтильи, и не просто видных, а пользующихся у местного общества достаточно большим доверием и даже авторитетом. Деньги сделали свое дело: только теперь в глазах «монтильянской общественности» он стал самим собой, а не бедным родственником знаменитого воина-капитана, жившим почти два десятилетия ожиданиями наследства, завещанного ему капитаном.

Однако чем же было это «самим собой»? Какое место занял теперь Инка в социальной структуре тогдашнего испанского общества? И правомерна ли вообще такая постановка вопроса применительно к Инке Гарсиласо, учитывая его особое социальное положение, о котором мы не раз уже говорили?

Мы полагаем, что ответы на эти вопросы не могут быть однозначными. Они не могут быть и бесспорными. Мы предвидим также, что предлагаемые здесь ответы вызовут споры, а возможно, даже недоумения. И все же, как нам представляется, ни самих вопросов, ни ответа на них не следует избегать.

Начнем с самого существенного: чьи интересы должен был защищать Инка Гарсиласо, следуя решению кабильдо Монтильи? То, что это не были интересы испанской аристократии, мы знаем не только из рассмотренных выше документов, но и от самого маркиза де Приего: он наложил вето на решение кабильдо. (К такому выводу, выводу о вето маркиза, пришел Р. Поррас, поскольку в исследованных им архивах Монтильи нет документов, указывающих на то, что решение кабильдо получило дальнейший ход.)

Монтильянские документы не защищают интересы и основной массы трудового населения маркизата, состоявшей из крестьянства. Мы помним, что судья Рибера должен был выявить лишь состоятельных граждан, дабы обложить их соответствую-

---

[141] Inca Garcilaso en Montilla..., p. 160.
[142] Ibidem.

щей податью. То, что это было именно так, подтвердило их предложение раз и навсегда откупиться от сомнительной чести и обременительной «привилегии» называться «важными кабальеро»[143]. Они, эти «кабальеро», действительно были важными, но не в силу своего происхождения, а по причине тех экономических позиций, которые занимали в испанском обществе. Из их среды (или в их среде), как уже говорилось, зарождался новый класс — национальная буржуазия Испании, класс пока слабый, болезненный (слишком тяжелой была социальная действительность, в которой он развивался),— задавленный феодальным колоссом, все еще устойчиво державшимся на своих ногах, в том числе благодаря постоянным и обильным «инъекциям» золота Нового Света.

Как мы знаем, Инка взялся защищать интересы потенциальных важных кабальеро (ибо официально они еще не были «оформлены» таковыми, хотя, судя по их же предложению откупиться, фактически уже являлись ими) не за денежное вознаграждение — так гласит документ кабильдо. Возможно, что у него были или могли быть для этого какие-то другие, тайные причины, но о них ничего не известно. Тогда остается достаточно очевидный и вполне убедительный аргумент, объясняющий эту его позицию,— личная заинтересованность. Ибо с получением наследства он сам мог подпасть под категорию лиц, которых власти зачисляли в названную группу населения.

Такое предположение выглядит тем более убедительным, что речь идет о человеке, в жилах которого текла кровь правителей Перу и знатнейших аристократов Испании. Для него предлагаемый властями «титул» был скорее оскорблением, нежели наградой. Кроме того, он уже был капитаном и положение «всадника» даже формально выглядело понижением в чине. Наконец, только что став состоятельным человеком, Инка Гарсиласо должен был особо переживать любую попытку нанести ущерб своим финансовым интересам. Наоборот, он активно приступил к приумножению своего «капитала», и именно на это была направлена его предпринимательская деятельность в Монтилье. Таким образом, кандидатура Инки была выдвинута членами кабильдо никак не случайно, а вполне продуманно и в высшей степени разумно. Действительно, для указанной миссии трудно было подыскать более подходящего человека.

В документе кабильдо от 19 июля имеется еще одна особенность, на которую, как нам представляется, также следует обратить внимание: подпись Гарсиласо стоит не особняком, что было бы естественным, поскольку он не входил в состав городского

---

[143] По-испански «кабальеро» означает не столько «всадник», сколько «рыцарь» в социально-романтическом понимании этого слова, пришедшего к нам из немецкого языка и первоначально означавшего также «всадник».

совета Монтильи; она стоит третьей в столбце подписавшихся и расположилась между подписями двух ординарных алькальдов. Это, бесспорно, указывает на признание значимости Инки Гарсиласо в иерархии местных высших кругов (ибо с того самого момента, как только человек додумался скреплять подписью свои дела, он усвоил правило: чем выше стоит твоя подпись, тем выше стоишь ты сам).

Все сказанное, как нам кажется, достаточно красноречиво говорит в пользу того, что Инка Гарсиласо к концу монтильянского периода своей жизни оказался близок именно к той социальной среде, в которой зарождался новый общественный класс в рамках старого феодального строя, все еще полностью господствовавшего в Испании. Новое окружение позволило ему шире и с более прогрессивных позиций взглянуть не только па окружающий мир (в том числе и на конкретные проявления великого Возрождения, проникавшие даже в глухую испанскую провинцию), но и по-новому увидеть свое прошлое, неразрывно связанное с гигантской и неповторимо прекрасной для него «империей» инков Тауантинсуйю.

Все это еще больше обострило тоску Инки по первой родине и укрепило убеждение в необходимости завершить работу об инках и о завоевании испанцами Перу. Заботы материального порядка потеряли свою былую остроту. Чтобы высвободиться от тягостного монтильянского «прошлого», а также ностальгического влияния всего, связанного с утраченными «испанскими надеждами», Инка Гарсиласо покинул Монтилью и обосновался в Кордобе. Вначале он изредка посещает монтильянский дом своего дяди-капитана, свой приют, однако время делает свое дело — Инка продает дом, небольшой виноградник, также подаренный доном Алонсо, и уже больше не появляется в Монтилье. Последний из этих визитов значится в архивах Монтильи в документе от 24 февраля 1601 г.— это были последние крестины, в которых принял участие Инка Гарсиласо [144].

В Кордобе Инка продолжает заниматься коммерческими делами — покупает жилые дома, перепродает права на ренту и т. п., однако теперь его основным делом становится литературный труд — он заканчивает «Комментарии» и пишет «Всеобщую историю Перу». Инка понимает, что смерть уже не за горами, и торопится завершить главное дело своей жизни.

Насколько можно судить по сочинениям самого Гарсиласо и работам его главных биографов, круг знакомств Инки в Кордобе резко меняется. Среди его новых друзей люди просвещенные, главным образом монахи из иезуитского ордена, но это не простые «служки», а достаточно высокопоставленные, и главное — образованные и высококультурные священнослужители.

---

[144] Inca Garcilaso en Montilla..., p. 209.

Среди них важное место занимал «отец-учитель Франсиско де Кастро[145], уроженец Гранады, который в этом шестьсот четвертом году стал префектом школ этого святого (иезуитского.— *В. К.*) колледжа Кордобы и читает в них риторику»,— как об этом рассказал сам Инка Гарсиласо[146].

Имя Кастро мы встречаем также в «Прологе» к «Всеобщей истории Перу». Инка сообщает, что передал ему для торжеств в честь «Святого Игнатия, патриарха священного Ордена Иезуитов», подлинную перуанскую «ливрею», которая привлекла всеобщее внимание своим блеском и «приковала к себе глаза всех своею новизной и достопримечательностью»[147].

Там же, в прологе, мы находим и другие имена близких Гарсиласо людей или тех, с кем он имел возможность общаться в Кордобе: это «лиценциат Агустин де Аранда, один из священников главной церкви» Кордобы, и «сеньор дон Франсиско Мурильо, маэстреэскуэла и достоинство этой святой церкви Кафедрального собора Кордобы... который в прошлом был генеральным инспектором армий и флотов Его Величества»[148] (яркое свидетельство значения приставки «дон», открывавшей двери к любому полю деятельности в тогдашней Испании.— *В. К.*).

Еще об одной дружбе Гарсиласо мы знаем из его «Сообщения». Это уроженец Севильи Хуан де Пинеда, «учтивейший профессор Писания (святого.— *В. К.*), каковым он был в Колледже иезуитского ордена Кордобы...»[149]

Кроме того, в уже упоминавшемся письме Гарсиласо лиценциату Хуану Фернандесу Франко Инка пишет, что был знаком с доктором Амбросио Моралесом (крупнейшим андалузским историком), который оказался настолько милостив к нему, что «усыновил меня как сына, а мои труды (перевод Эбрео и, по-видимому, еще не изданная рукопись «Флориды».— *В. К.*) велел считать своими»[150]. Последнее могло иметь для Инки достаточно серьезное значение, поскольку, как он указывает в письме, король Испании «был таким большим другом господина доктора» Моралеса[151].

О кордобских знакомствах Гарсиласо мы знаем также от Миро Кесады. Так, он сообщает, что Инка был связан с архиепископом Гранады, сыном губернатора Перу и победителя Альмагро-младшего (сражение при Чупас), лиценциатом Вака де Кастро[152]. Поскольку отец Инки был писарристом, а Вака де Кастро не только разгромил, но и казнил убийцу Франсиско Писарро, оба они —

---

[145] Однофамилец друга и доверенного лица Инки в Монтилье.
[146] *Гарсиласо*. История..., с. 486.
[147] *Garcilaso*. Obras completas..., t. III, p. 14.
[148] Ibid., p. 13, 14.
[149] Ibid., t. I, p. 234.
[150] Ibid., t. IV, p. 180.
[151] Ibidem.
[152] *Miró Quesada A*. El Inca..., p. 225.

Инка и архиепископ — могли легко найти общий язык. К тому же Кастро мог дать Инке полезную информацию для «Всеобщей истории Перу», связанную с деятельностью его отца.

«...В начале тысяча и шестьсот и двенадцатого года,— пишет Гарсиласо,— пришел (к нему в дом.— *В. К.*) монах из ордена униженного отца Святого Франсиско великий теолог, родившийся в Перу и именовавшийся братом Луисом Херонимо де Оре»[153]. Это был не только известный теолог, но и выдающийся лингвист, владевший кечуа, аймара, пукина, гуарани и другими языками индейцев Нового Света[154]. Оре пришел к Инке не по случаю, а с конкретной целью: «Он попросил меня дать несколько книг нашей истории Флориды, чтобы их взяли с собой те монахи (которые отправлялись вместе с Оре в Новый Свет.—*В. К.*), чтобы они знали и имели бы сообщение о провинциях и обычаях того язычества. Я услужил ему семью книгами; три из них были Флоридами, а четыре — нашими Комментариями, благодаря чему его отцовское преподобие сочло себя весьма услуженным»[155].

Здесь, как мы видим, Инка Гарсиласо предстает перед нами в совершенно новом качестве. Это не просто уважаемый человек, но и авторитет в делах Нового Света, с которым советуются, у которого консультируются, просят книги, но не для заполнения досуга, а для практического использования заложенной в них информации, знаний. Более того, широко известный в то время ученый и писатель Бернардо де Альдрете (Альдерете) в двух своих книгах — «О происхождении и начале кастильского языка или романсе, которым сегодня пользуются в Испании» (Рим, 1606 г.) и «Разные древности Испании, Африки и других провинций» (она была написана в 1611 г., а опубликована в 1614 г. в Антверпене) упоминает и цитирует «Комментарии» Инки[156].

Через Альдрете Инка Гарсиласо знакомится с Франсиско Фернандесом де Кордоба, оказавшим на метиса большое влияние в годы его жизни в Кордобе. Миро Кесада называет его «усерднейшим исследователем рукописей (papeles) и книг, гуманистом неутомимой эрудиции, проницательным и воинственным гонгористом»[157], т. е. последователем поэта Гонгоры. Именно Фернандес де Кордоба должен был усилить или даже привить Инке интерес к тогдашней испанской литературе (например, Фернандес уже знал и высоко ценил Лопе де Вега), с которой Гарсиласо, насколько можно судить по его произведениям и по работам современных гарсиласистов, был сравнительно слабо знаком.

Действительно, создается впечатление, что испанская литература была самым слабым звеном в образовании Инки. Напомним, что он так и не познакомился с «Дон Кихотом», хотя умер де-

[153] *Garcilaso.* Obras completas..., t. IV, p. 124.
[154] *Porras Barrenechea R.* Fuentes históricas peruanas. Lima, 1968, p. 27.
[155] *Garcilaso.* Obras completas..., t. IV, p. 124, 125.
[156] *Miró Quesada A.* El Inca..., p. 233.
[157] Ibid., p. 234.

сять лет спустя после выхода в свет этой удивительной книги. Видимо, прав Хосе Дуранд, когда говорит, что, замкнувшись в свой собственный мир, Инка не проявлял интереса к литературе, творившейся буквально у него на глазах, в том числе и его свойственником поэтом Гонгорой: «Когда он пишет свой труд в Кордобе на расстоянии нескольких улиц от Гонгоры, похоже, что в своих сочинениях он пребывает в почти полном неведении о новом искусстве барокко»,— замечает Дуранд [158]. (К месту будет напомнить, что связанные с наследством финансовые отношения с Гонгорой Инка решал быстро и с должной настойчивостью.)

Франсиско Фернандес де Кордоба также называет Инку Гарсиласо в своих сочинениях, высоко оценив его писательский талант (Didascalia multiplex. Lyon, 1615). Однако упоминавшийся нами Франсиско де Кастро оказался первым из современников Инки Гарсиласо, сумевшим понять то действительно выдающееся место, которое гениальный метис должен был по праву занять и занял в мировой и особенно испаноязычной литературе. Кастро не просто понял, но и публично заявил об этом.

В 1611 г. Франсиско де Кастро издал книгу «Риторическое искусство». Желая выразить свое уважение к Кастро, виднейшие писатели, поэты, гуманисты Кордобы специально написали и опубликовали на страницах «Риторического искусства» свои миниатюры, стихи и т. п. Среди них были Луис де Гонгора-и-Арготе, Франсиско Фернандес де Кордоба, профессор теологии Луис Венегас де Фигероа (возможно, дальний родич Гарсиласо), знаток древностей Хуан де Агилар, пользовавшийся в Кордобе большой известностью иезуит Мартин де Роа и другие популярные в городе представители просвещения и культуры [159].

Но главным было другое: книга посвящена Инке Гарсиласо.

Это посвящение явилось первым печатным признанием заслуг великого метиса. Ибо речь шла не только о личных симпатиях и расположении одного человека к другому, а об оценке значения творчества Гарсиласо и его места в той культурной среде, которая если не определяла нормы культурной жизни такого важного центра Испании, как Кордоба, то отвечала ее требованиям. Вспомним, что к тому времени уже вышли в свет перевод Гарсиласо «Писем любви» Леона Эбрео, его «Флорида» и «Комментарии», он заканчивал работу над «Всеобщей историей Перу». Иными словами, теперь об Инке можно было говорить как о писателе, историке, гуманисте, и его имя оказалось в одном ряду с наиболее крупными и известными деятелями Кордобы. И даже несколько впереди, о чем красноречиво засвидетельствовало именно ему адресованное посвящение.

Инка Гарсиласо занял достойное место в среде испанских гу-

---

[158] *Durand José*. La biblioteca del Inca, p. 240, 241. Цит. по: *Miró Quesada A.* El Inca..., p. 246.
[159] *Miró Quesada A.* El Inca..., p. 225.

манистов, но он продолжал оставаться «своим» и для индейцев Перу. Его творчество принадлежало обоим народам, подарившим ему жизнь. Об этом говорит Франсиско де Кастро в своем посвящении, которым мы и закончим свой рассказ о жизни Инки Гарсиласо де ла Вега.

«Убегал Илия, о прославленный муж, от неукротимого гнева Иезавели, и, перебегая с одного на другое место по самым пустынным и покинутым людьми местам, сел он в тени можжевелового куста, ставшего для него убежищем и опорой, ибо он устал: но не для того, чтобы спрятаться, а чтобы спокойно отдохнуть вдали от укусов ядовитых змей (ими изобиловало то место, а они держались подальше от можжевеловых кустов, где бы те ни находились)[160]. Я также бежал от красноречивой толпы риториков, но не от приятнейшего суждения эрудитов (я всегда искал его и очень люблю), а от утомительнейшей болтовни невежд, чтобы найти от нее спасение в твоей неповторимой тени, ибо она, как та тень можжевелового куста, дарит убежище, защиту и покровительство (разве не все это означает имя Гарсиа?)[161]. Ты помогаешь любому, испытывающему усталость, но не ради того, чтобы удивить прохладной тенью листьев тщеславия или очаровать цветком ложной надежды — этого лишен можжевеловый куст, а для того, чтобы всех оживить благоуханием добродетели, насытить плодом своим и защитить силой. И тем прекраснее, и тем длительнее твое воздействие, чем глубже и прочнее уходят твои сами по себе знатнейшие корни в каждый из двух миров.

Так, той своей частью, которой ты — индеец, ты унаследовал кровь королей, ибо твоя мать, избраннейшая женщина ЭЛИСАБЕТ ПАЛЬЯ, была для Инки Уальпы Топака его сестрой, любимейшей племянницей короля Уайна Капака, который последним и по праву владел богатейшими землями перуанской империи. Той же частью, которой ты — испанец, ты связан с прославленными родами Герцогов Ифантада и де Ферна, с одной стороны, и с маркизами, с графами, благодаря чему своим единокровным родством ты восходишь к королевскому началу.

И хотя ты сверкаешь, словно можжевеловый куст среди скалистых отрогов Индий, этой пустынной земли, срывающей листья со своих ветвей и отдирающей кору от древа, перенося тебя на свои возделаннейшие поля и на свои плодороднейшие земли, все же Испания, о Гарсиласо, дала тебе имя Вега[162]. И здесь, словно листья на дереве, ты несешь на себе не только древние обычаи Инков, которые обязывают тебя действовать справедливо и

---

[160] Библия. Третья книга царства, гл. 19. Нью-Йорк — Женева — Лондон, б. г., с. 326—327.

[161] Здесь непереводимая игра слов: «Гарсиа» (имя собственное) и «грасиа» (покровительство, дружба, грация, привлекательность и т. п.).

[162] Вега — по исп. «плодородная долина».

благоразумию, с силой и сдержанностью, но и с набожностью, по совести, скромно и благовоспитанно, что достойно соперничества всех людей; а, как цветок, ты благоухаешь ароматами всех остальных благодеяний; и, как кора, которая ты есьм, ты публикуешь книги значительные по разнообразию их содержания, полные многогранной эрудиции, отшлифованные до элегантного и великолепного стиля, как тот ЛЕОН ЭБРЕО, вчера грубый и несносный, сейчас, перенесенный тобою из Италии в Испанию, такой легкий и такой нежный, что его с огромным интересом прочтет каждый. И та ИСТОРИЯ, что по названию своему и по сути своей ФЛОРИДА («цветущая».— В. К.), ибо она так расцвела цветком своего цветистого стиля в садах историй, что часто ученые и неученые люди читают ее, восхищаются ею и советуются с ней. И также ПОДЛИННЫЕ КОММЕНТАРИИ, первая часть которых повествует об империи твоих предков инков, об их идолопоклонстве и их законах, об их правлении и их обычаях; она уже видит свет, свет, который нашел свое отражение как во многих божественных, так и в людских делах, свет, который сияет сильнее, чем другие...

... Какой же плод предлагаешь ты? Труды, достойные христианина и князя, которыми ты привлекаешь самых малых, людей простых, и великих, завоевывая их своими милостями...» [163]

Такой была оценка трудов и значения личности Инки Гарсиласо его современником; эти слова были сказаны еще при жизни великого метиса.

Инка Гарсиласо умер в Кордобе. Его похоронили в погребальной часовне «Часовня для душ» знаменитого собора-мечети Кордобы. Он приобрел и украсил ее заблаговременно. Эпитафия же, скорее всего, была изготовлена уже после его смерти, так как в нее вкрались небольшие неточности.

«Инка Гарсиласо де ла Вега, прославленный муж, достойный вечной памяти. Знаменитый по крови. Знаток словесности. Храбрый на войне. Сын Гарсиласо де ла Вега. Из Домов герцогов де Фериа и Инфантадо; и Элисабеты Пальи, сестры (?) Уайна Капака, последнего императора Индий. Он комментировал Флориду. Перевел Леона Эбрео и составил Подлинные комментарии. Жил в Кордобе, строго блюдя веру. Умер назидательно: подарил эту часовню. Похоронил себя в ней. Связал свои богатства с помощью душам из чистилища. Вечные патроны — господа Декан и Капитул этой Святой Церкви. Скончался двадцать второго апреля тысяча шестьсот шестнадцатого года. Молите Бога за его душу» [164].

Инка умер не 22, а 24 апреля — двенадцать дней спустя после того, как ему исполнилось 77 лет.

---

[163] Оригинал посвящения написан по-латыни. Настоящий перевод с испанского из кн.: Inca Garcilaso en Montilla.., p. 261—263 (с сокращениями).
[164] Перевод с надгробных плит (по фотографии).

Часть вторая

МЕСТО И ЗНАЧЕНИЕ ТВОРЧЕСТВА ИНКИ ГАРСИЛАСО В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Глава третья

ТВОРЧЕСТВО ИНКИ ДО И ПОСЛЕ «КОММЕНТАРИЕВ»

Гарсиласо написал только три оригинальных сочинения: «Флорида» (или «История Флориды»), «Комментарии» и «Всеобщая история Перу». Он также перевел с итальянского языка на испанский «Письма любви» Леона Эбрео и составил родословную своего отца «Сообщение о потомстве Гарси Переса де Варгас» (литературный жанр последней мы не беремся определить). Кроме того, в изданном в Испании в 60-х годах нашего века полном собрании сочинений Гарсиласо опубликованы его так называемые «малые формы» — два письма лиценциату Хуану Фернандесу Франко (мы их цитировали) и небольшой «Пролог» (менее трех десятков строк) к проповеди францисканского монаха Алонсо Бернардино, «уроженца Монтильи, сына, внука и потомка вассалов и слуг» маркизов де Приего. Гарсиласо сам опубликовал этот пролог вместе с проповедью 30 января 1612 г. в г. Кордобе. Это была последняя прижизненная публикация Инки Гарсиласо [1].

«СООБЩЕНИЕ...». «ПИСЬМА ЛЮБВИ...». «ФЛОРИДА...»

«*Сообщение*» нами не только неоднократно цитировалось, но и воспроизведено полностью. Здесь же лишь укажем, что хотя «Сообщение» было составлено или, точнее, датировано Инкой Гарсиласо 5 мая 1596 г. и, следовательно, является третьим по времени написания произведением Гарсиласо, оно было впервые опубликовано лишь в 1929 г. в «Журнале испанской истории и генеалогии». Автор названной публикации — Мигель Ласо де ла

---

[1] *Garcilaso*. Obras completas..., t. IV, p. 185.

Вега маркиз дель Сальтильо, возможно, дальний родственник Инки Гарсиласо [2].

«Письма любви» (*1590 г.*) — первый печатный труд Гарсиласо. И хотя это перевод произведения Леона Эбрео, мы можем рассматривать его как вполне самостоятельное литературное сочинение: таковы были тогдашние нормы и представления, определявшие характер творческой деятельности переводчика. Однако это не освобождает нас от необходимости ответить на весьма каверзный вопрос: чем и как объяснить, что творческая деятельность Инки начинается именно с перевода?

Скажем прямо: мы не нашли убедительного ответа на этот вопрос в многочисленной и обширной литературе об Инке Гарсиласо и его творчестве. Более того, большинство исследователей просто склонно всерьез принимать заявление Инки о том, что он стал работать над переводом, «чтобы заняться чем-либо в своем безделье»[3], томившем его долгие годы монтильянской жизни.

Признавая, что подобное объяснение нельзя полностью игнорировать, мы, однако, полагаем, что его нельзя также рассматривать в качестве главной причины, побудившей Инку сесть за перевод.

Нет также оснований сомневаться в искренности Инки, когда он говорит, что друзья и доброжелатели, которых Гарсиласо ознакомил с первыми переводами Эбрео, своим одобрением и похвалами убедили его в необходимости завершить и опубликовать этот труд.

В письме к Максимилиану Австрийскому Инка перечисляет имена этих своих «крестных отцов» в литературной деятельности: «отец Агустин де Эррера, преподаватель святой Теологии и эрудит во многих языках, наставник и учитель дона Педро Фернандеса де Кордоба-и-Фигероа, маркиза де Приего, господина дома Агиларов; и отец Херонимо де Прадо из Ордена Иезуитов, который сегодня с большим успехом читает святое писание в королевском городе Кордобе; и лиценциат Педро Санчес де Эррера, теолог, уроженец Монтильи, годы тому назад преподававший Искусства в имперской Севилье, а мне он их читал частным образом; а недавно с ним (переводом.— *В. К.*) познакомился брат-отец Фернандо де Сарате из ордена и веры Святого Августина, знаменитый учитель святой Теологии, отставной профессор Университета в Осуне; и другие монахи и лица... Все они приказали и с большой настойчивостью обязали меня продолжить этот труд...» [4]

Несомненно, что эти «приказали» и «обязали» также сыграли свою положительную роль, но и не они оказались решающим фактором в интересующем нас вопросе. Как нам представляется, принятие Инкой решения перевести и опубликовать свой перевод

---

[2] Revista de Historia y de Genealogía Española, julio — agosto 1929, N 16, p. 289—310.

[3] *Garcilaso*. Obras completas..., t. I, p. 11.

[4] Ibidem.

Леона Эбрео лежит в совсем иной плоскости. Мы попытаемся доказать это, «апеллируя» к самому Гарсиласо. Он укажет нам побудительные причины, хотя и не раскроет их до конца.

В письме-обращении к королю Испании, предпосланном, как и письма к Максимилиану Австрийскому, переводу философского трактата Леона Эбрео, Инка Гарсиласо называет причины, побудившие его посвятить свой труд Филиппу II.

О чем же идет в них речь? Первая и главная причина заключается в выдающихся достоинствах того, *кто сочинил* «Письма любви», в «его благоразумии, одаренности и мудрости»[5]. Вторая причина имеет непосредственное отношение к самому Инке: «Если я не обманываюсь,— пишет он королю,— то это первый плод, который впервые преподносится В[ашей] К[оролевской] М[илости] из подобного рода подати от ваших вассалов — уроженцев Нового Света, особенно Пиру, и, в частности, великого города Куско, главы тех королевств и провинций, в котором я родился»[6]. Третья причина уже давно знакома нам: желание Инки служить короне не только шпагой, но и своим пером[7]. Последняя (четвертая), славословящая испанского самодержца, в данном случае нас не интересует.

Что же привлекает внимание в этих трех «позициях» Гарсиласо? Прежде всего абсолютная убежденность Инки в том, что переведенное им произведение является выдающимся. Ибо только такой труд, по канонам той эпохи, мог быть достоин самого испанского самодержца. Любое сомнение в данном вопросе означало бы риск, на который Инка не мог идти не только по причине своего особого общественного положения, но и в силу желания служить короне своим пером или, говоря проще, заняться литературной деятельностью. Ведь это было его *первое* литературное сочинение, и усложнять ему жизнь неудачным тактическим ходом (а посвящение королю плохой или малопопулярной книги могло обернуться не неудачей, а настоящей катастрофой) было бы непростительной ошибкой. Не понимать этого Инка не мог.

Действительно, неоплатонизм, ярким представителем которого был Леон Эбрео, пользовался во времена Гарсиласо широкой популярностью (мы уже говорили об этом). Но Леон Эбрео сам по себе вызывал огромный интерес, в том числе в Испании, и этому есть убедительное доказательство: перевод «Писем любви» Инки Гарсиласо был третьим по счету переводом данного сочинения на испанский язык. Первые два вышли в 1548 и 1582 г. Неизвестно, знал ли Инка об этих переводах, но то, что они были, само по себе есть доказательство необычайного интереса к «Письмам любви» и их популярности. Вот это Инка Гарсиласо знал наверняка.

Второе, на что нельзя не обратить внимание, это более чем очевидное стремление показать необычную, даже невероятную по

[5] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 7.
[6] Ibidem.
[7] Ibidem.

тогдашним понятиям личность переводчика. Как мы уже указывали выше, только в этом единственном случае он называет себя на титуле-обложке *индейцем*.

Таким образом, мы уяснили для себя два важных обстоятельства: широкую популярность «Писем любви» и исключительную необычность личности переводчика. Отметим, что оба эти факта оказались объединены вместе самим Инкой Гарсиласо.

Далее. Инка издает свой перевод в 1590 г., когда становится относительно состоятельным человеком. Это весьма важная деталь, ибо она указывает на то, что соображения финансового порядка не могли быть побудительной причиной для работы над переводом. Такая публикация, во всяком случае на первоначальном этапе, была скорее убыточной, так как требовала вложения автором капитала. Вот почему, завершив работу над рукописью не позже 1585 г. (письмо королю Филиппу датировано 19 января 1586 г.) Инка смог опубликовать свою работу только после смерти доньи Луисы и окончательного вступления в наследство.

Но если отпадают финансовые соображения, то, быть может, следует предположить, что Инка счел работу над переводом более простым и легким занятием, нежели написание оригинального произведения? Тем более, что он говорит, что с помощью перевода убивал свой вынужденный «досуг»?

Но Инка сам отклоняет подобное предположение. Он пишет испанскому самодержцу, что работа над переводом лично для него оказалась «очень большой в том, что касалось *времени* и *труда*, поскольку ни итальянский язык, на котором она была написана, ни испанский, на который я ее перевел, не были родными для меня» (курсив мой. — *В. К.*) [8].

Правда, в том, что касается испанского языка, есть элемент той же «рекламы», что и в слове «индеец», хотя вполне допустимо, что Инка вначале научился говорить на языке своей матери и только потом овладел языком отца. Вот язык оригинала сочинения Эбрео он действительно узнал уже будучи взрослым, и перевод такого сложного произведения, как «Письма любви», которые являются не только философским трактатом, но и беллетристическим произведением, написанным к тому же в виде диалога двух лиц — Софьи и Филона, должен был потребовать от него значительных усилий. В этих условиях вряд ли правомочно говорить о легкости такого сложного творческого процесса, как литературный перевод.

Все это дает нам право считать, что главным побудительным мотивом, заставившим Инку Гарсиласо начать литературную деятельность именно с перевода, было желание утвердить свое имя на литературном поприще с помощью автора, которого он переводил, и утвердить его *ради обеспечения успеха главному труду всей своей жизни*. Бесспорно, он был увлечен книгой Эбрео,

---

[8] *Garcilaso*. Obras completas..., t. I. p. 8.

искренне считая ее выдающимся произведением (и уж никак не предполагал, что она угодит в запрещенные инквизицией индексы-списки), но ее перевод не был для него самоцелью, или, точнее, единственной и главной целью: публикацию «Писем любви» Леона Эбрео Инка Гарсиласо должен был воспринимать как подготовительный этап, чрезвычайно важный для его дальнейшего творчества. Он рассчитывал с его помощью привлечь к себе, практически никому не известному метису, «индейцу», внимание читающей испанской публики. Для этого он не скупился и на экзотику — «индеец», «уроженец Куско», человек, «рожденный среди пламени и ужасов жесточайших гражданских войн, среди оружия и коней и обученный упражняться с ними» [9]. И все это — правда! Может быть немного утрированная, но все же правда!

Обрушившаяся на читателя с первых страниц и даже с титула-обложки информация не могла не привлечь внимание к «индейцу» Гарсиласо. Тем более, что гарантами достоверности сообщаемого Инкой выступали сам король Испании и его племянник Максимилиан Австрийский. В ту эпоху невозможно было найти более убедительной «гарантии».

Это и есть то главное, что интересует нас в публикации Инкой «Писем любви». Что же касается разбора их содержания и даже качества перевода, то он не входит в нашу задачу. Впрочем, оценку перевода Гарсиласо его современниками мы знаем из посвящения Франсиско де Кастро.

Вполне допустимо, что высказанные нами предположения относительно роли, которую Инка Гарсиласо отвел своему переводу «Писем любви», носят излишне категорический характер, что в жизни все могло выглядеть несколько иначе, проще, обыденнее. Однако бесспорно то, что его «Письма любви» сыграли именно роль «первопроходца», проложившего ему путь в большую литературу. И это было главным.

«Флорида» (1605 г.). Еще до выхода в свет «Писем любви», в 1587 г. Инка сообщал Максимилиану Австрийскому, что им уже написано более четверти истории Флориды, над которой он работает вместе с «одним кабальеро», проживающим в селении Посадас [10]. Как мы знаем, этим кабальеро оказался капитан Гонсало Сильвестре. Поскольку «Флорида» была написана практически со слов Сильвестре, а он умер в 1592 г., то к этому времени Гарсиласо уже должен был закончить работу над ней. Об этом же говорит и такая фраза Инки Гарсиласо, взятая непосредственно из самой «Флориды»: «В этот девяносто первый год, когда я собственноручно переписываю начисто эту историю...» [11] Между тем «Флорида» вышла в свет только в 1605 г.

Мы не располагаем данными, объясняющими более чем деся-

---

[9] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 8.
[10] Ibid., p. 5.
[11] Ibid., p. 443.

тилетнюю задержку публикации «Флориды». Она кажется странной еще и потому, что к 1604 г. Инка уже завершил работу над «Комментариями», публикация которых была для него неоспоримо более важным делом. И все же он вначале публикует «Флориду», и только через четыре года выходят «Комментарии».

Можно предположить, что и в этом случае Инка рассматривал «Флориду» как еще один важный этап подготовительной работы для обеспечения успеха «Комментариям». Ведь в тот момент обе рукописи находились у него на руках и только от него зависело, какую из них опубликовать первой. Мы знаем, что его кордобские друзья не просто читали рукопись нового сочинения, но и ссылались на него в своих трудах еще до выхода в свет «Комментариев». Они, несомненно, не скрывали своего высокого мнения о них, да и сам Инка не мог не понимать, сколь велика была разница между этими двумя сочинениями.

Но «Флорида» выходит первой, и это дает нам право рассматривать ее как еще одну пробу пера. Она была важна для Инки и в чисто литературном плане. Он как бы отрабатывает на «Флориде» свой собственный стиль, свой слог, ищет «каркас» для структуры будущих сочинений. Публикация «Флориды» означала строгую проверку, экзамен для его творчества.

Выше уже говорилось, что «Флорида» повествует о неудачной испанской конкисте под командованием Эрнандо де Сото. Гарсиласо подробно описывает, как и где снаряжалась эта экспедиция, кто и на каких условиях вошел в ее состав. Он поименно называет капитанов де Сото, рассказывает об оружии испанцев, указывает на число боевых коней, игравших такую существенную роль в завоевании Нового Света, передает множество других деталей, за которыми отчетливо видится не просто заинтересованный, но и лично озабоченный предприятием человек — капитан Сильвестре. На страницах «Флориды» разместилась также длинная галерея портретов участников экспедиции. И хотя они написаны достаточно схематично (здесь у автора ощущается явная нехватка красок и набора цветов) портреты испанцев, несомненно, индивидуализированы. Этого никак нельзя сказать о «портретах» индейцев, включая их вождей, с которыми испанцы сталкиваются во время конкисты. Они отличаются друг от друга только именами и иногда поступками. В равной степени маловыразительно описание природы. Пожалуй, только водные преграды, отнимавшие так много сил и времени у конкистадоров,— реки, топи, болота, в какой-то степени имеют свое «лицо», все же остальное не оставляет впечатление портретной достоверности.

И все же «Флорида» читается с интересом даже сегодня. В этом, по-видимому, заслуга самого Гарсиласо, его литературного таланта, а также тех бесконечных вопросов, с помощью которых он стремился до конца «выпотрошить» своего информатора.

Кармело Саенс, ознакомившийся с сообщениями ряда непосредственных участников той неудачной конкисты, считает, что

«Флорида» Инки Гарсиласо имеет перед ними свои преимущества. «В элегантности стиля и литературном вкусе,— пишет он,— в неторопливости повествования и деталях, в наслаждении творчеством Гарсиласо одерживает победу по всем статьям»[12].

Но если литературные достоинства «Флориды» Гарсиласо достаточно высоки, то значение его труда как источника научной информации, будь то в историческом, этнографическом или чисто географическом плане, крайне незначительно. Описываемая во «Флориде» местность плохо или никак не привязывается к современной географии. Индейские «царства», встретившиеся испанцам во время похода, скорее напоминают феоды, нежели родо-племенные образования или группы, заселявшие эти районы в ту эпоху. Облагорожена, приукрашена сама конкиста и ее участники, и в первую очередь — вождь конкистадоров Эрнандо де Сото. Мы хотим воспроизвести здесь сцену смерти де Сото, чтобы одновременно передать своеобразие стиля и средневековый «рыцарский дух» сочинения Инки Гарсиласо.

Поняв, что свалившая его болезнь была смертельной, де Сото 20 июня 1542 г. назначает себе преемника и приказывает капитанам и наиболее видным солдатам во всем подчиняться ему, пока от короля не поступит иное распоряжение.

«Исполнив это дело,— продолжает Гарсиласо,— он позвал к себе проститься по два и по три самых знатных людей войска, а после них по двадцать и по тридцать — всех остальных; и со всеми он прощался со своей великой болью, а они с ним — со многими слезами; и поручил он им обращение в католическую веру уроженцев той земли и расширение владений испанской короны, говоря, что исполнение этих пожеланий удаляет смерть. С большой убедительностью просил он их сохранять между собой любовь и мир.

На эти дела он потратил пять дней... Он умер как католик-христианин, призывая к милосердию святую Троицу...

С этими словами, повторяя их множество раз, отдал богу душу этот благородный и ни разу не побежденный рыцарь, достойный великих государств и владений и недостойный того, чтобы его историю описывал индеец. Он умер сорока двух лет.

Как мы говорили вначале, аделантадо Эрнандо де Сото был уроженцем Вильянуэвы из Баркарроты, идальго по линии всех четырех предков, узнав о чем, Цезарево величество причислило его к рыцарскому ордену святого Яго, но он не насладился этой милостью, потому что, когда патент пришел на остров Куба, губернатор (еще один титул де Сото.— *В. К.*) уже начал открытие и конкисту Флориды.

Он был выше среднего роста, доброго вида, хорошо смотрелся на коне и пешим. Смуглое лицо его выражало радость; он был ловок верхом на обоих седлах... В трудах и нужде он был таким

---

[12] *Saenz C.* Estudio preliminar..., p. XLVIII.

терпеливейшим, что для его солдат один лишь вид их генерал-капитана, терпеливо переносившего страдания, был самым большим облегчением. Он был удачлив в боевых делах, которые сам предпринимал, однако в главном из них ему не повезло, ибо в лучший момент (tiempo) его жизнь оборвалась.

Он был первым испанцем, увидевшим Атауальпу и разговаривавшим с ним, королем-тираном и последним правителем Перу... Строгий в наказаниях за военные преступления, он легко прощал остальные. Он высоко почитал солдат, отличавшихся храбростью и удачливостью. Он был сам настолько храбр, что где бы ни вступал, сражаясь, в бой, оставлял за собою место и проход для десятерых своих солдат, и они все признавали, что десять копий из их войска не стоили одного его копья.

Этот храбрый капитан выделялся на войне одной замечательной и достойной памяти особенностью, а заключалась она в том, что, если тревога, вызванная противником, звучала в лагере днем, он всегда появлялся с оружием первым или вторым и никогда третьим; а если она звучала ночью, он никогда не был вторым, а всегда только первым, так что казалось, что вначале он брался за оружие, а затем сам приказывал бить тревогу. Вот таким быстрым и бдительным он постоянно пребывал на войне. Иными словами, он был одним из лучших копий, оказавшихся в Новом Свете, и таких, как его, было мало; лучших же — ни одного, если не считать копья Гонсало Писарро, которому, по общему согласию, всегда отдавалась честь быть первым.

На это открытие,— пишет в заключение Инка Гарсиласо,— он истратил более ста тысяч дукатов, которые добыл в первой конкисте Перу из своей доли в Касамарке от той богатой добычи, захваченной там испанцами. Он потратил свою жизнь на поиски и, как мы видели, также в поисках скончался» [13].

Приведенный нами отрывок из «Флориды» раскрывает характер этого произведения Гарсиласо. Мы видим в нем очевидные черты, роднящие его с так называемым рыцарским романом. Они особенно четко просматриваются именно в образе де Сото, типичном рыцаре «без страха и упрека», правда, совершавшем свои великие подвиги не во славу прекрасной дамы, а ради «святой веры» и испанского короля. Но подобные отклонения от норм «рыцарского романа» (в его утрированном виде) отнюдь не сближают «Флориду» с выдающимися образцами патриотического эпоса Испании, и виной тому сама конкиста, ее цели, далекие от благородства, ее социально-политическое содержание, равно как и неуемная жестокость завоевателей, лежавшая в основе всей их деятельности в Новом Свете. К сожалению, в конкисте Флориды Инка всего этого не увидел (или не услышал от своего информатора), но он знал об этом и знал по собственному перуанскому опыту.

---

[13] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 461, 462.

Возможно, именно последнее объясняет появление во «Флориде» другой ясно обозначенной линии, которая резко выделяет это произведение из общей массы сочинений о завоевании Нового Света испанцами и роднит его с гениальной поэмой Алонсо де Эрсилья-и-Суньига (1536—1594) «Араукана». К месту будет сказано, Инка был знаком с поэмой, о чем свидетельствуют его ссылки в «Комментариях» [14].

Речь идет о необычном для тех времен показе индейцев как людей мужественных и храбрых, гордых и решительных, благородных и благоразумных, отважно защищающих свою свободу и честь. Между тем в Испании, как пишет современный испанский историк, в ту эпоху «велись споры об их способности жить по принятым у испанцев обычаям и воспринимать католическую веру». В метрополии шла дискуссия о том, «имеет или не имеет душу индеец», что по тогдашним понятиям означало: индеец — человек или не человек, ибо «для одних (испанцев. — *В. К.*) они были «благородными дикарями», для других — «грязными псами»» [15].

На фоне подобного отношения испанцев к индейцу мы можем лучше понять, каково было значение публичного показа Инкой совсем другого аборигена Нового Света. Но, быть может, цитируемый нами историк просто сгущает краски, или он, например, принадлежит к антииспанской исторической школе, рисующей конкисту и приход европейцев в Америку одной только черной краской,— так называемая «Черная Легенда»?

Нет, это не так, Франсиско Моралеса Падрона, автора выпущенного Национальным издательством Испании в 1971 г. учебника «История открытия и завоевания Америки», никак нельзя обвинить в антииспанском толковании истории конкисты Нового Света. Наоборот, его учебник скорее ставит задачу оправдать не только само завоевание, но и методы, которыми пользовались испанские конкистадоры. Он так прямо и пишет: «Америку следовало завоевать так, как это было сделано» [16]. Здесь трудно что-либо добавить.

И нет ничего удивительного в том, что Моралес четыре столетия спустя после конкисты утверждает, что главное, что увидел, испытал и перенес во время конкисты индеец, был страх. «Его дух борьбы оказался парализован,— пишет Моралес,— индейский народ ощущал фатализм поражения и разрушения» [17].

Тем невероятнее звучит финальная фраза этого «учебника»: «Завоеватель сам оказался завоеван и отсюда — любовь, проникающее всюду начало его деяний» [18].

---

[14] *Гарсиласо.* История..., с. 67 и 483.
[15] *Morales Padrón F.* Historia del Descubrimiento y Conquista de América. Madrid, 1971, p. 248.
[16] *Morales Padron F.* Historia...., p. 265.
[17] Ibid., p. 591.
[18] Ibid., p. 604.

По сути дела, позиция Моралеса в отношении американского индейца остается той же, что господствовала четыре века назад в Испании. Правда, в его учебнике есть немало рассуждений, цитат из официальных испанских документов, умело подобранных фактов и иных свидетельств периода конкисты, которые должны показать ту самую «любовь», о которой говорится в финальной фразе книги. Но с такой позицией автора, трудно согласиться. Ей противоречит и сама книга, особенно собранный Моралесом огромный фактический материал.

Вот почему при всей своей наивной романтичности и научной беспомощности «Флорида» Гарсиласо, не говоря уже о его «Комментариях», поражает зрелостью восприятия индейской проблемы в целом, желанием подвести под европейские категории миропонимания поведение американских аборигенов и объяснить его с этих же позиций.

И мы не можем, не должны одинаково воспринимать «рыцарей-испанцев» и «рыцарей-индейцев» Инки Гарсиласо. Ибо первые из них растрачивали такие замечательные человеческие качества, как храбрость, отвага, мужество, стойкость и умение идти на самопожертвование, почти исключительно ради наживы, в угоду алчным интересам, в лучшем случае на поиски спасения от страшной нищеты, сжимавшей в своих смертельных объятиях их родину Испанию. Борьба же индейцев носила совсем другой характер: они защищали свою землю, своих богов, своих жен и детей, свои богатства, наконец, свою собственную жизнь. И защищали в неравных условиях, даже когда имели абсолютное численное превосходство над противником. Ибо за испанцами стояла более передовая общественно-экономическая формация, что само по себе делало борьбу, вернее, ее конечный результат, заведомо предрешенным, естественно, не в пользу аборигенов Нового Света.

Наш разговор о «Флориде» мы закончим воспроизведением «рыцарского подвига» безымянного индейца, который Инка Гарсиласо записал со слов непосредственного участника сражения. Вот этот рассказ.

После кровопролитного сражения с индейцами племени тула, в котором было убито четверо испанцев и много ранено (Инка не сообщает, сколько там погибло индейцев, однако, например, в сражении у селения Маувилья при примерно таких же потерях испанцы уничтожили 11 тыс. индейцев [19]), несколько испанских солдат, рассказывает Инка, осматривали тела убитых, как это было принято тогда (т. е. занимались мародерством). «В этот момент один из трех пеших солдат, звавшийся Хуан де Карранса, уроженец Севильи, закричал, говоря: «Индейцы, индейцы!» А причиной тому было то, что он увидел поднявшегося из кустов, которые там были, индейца, который снова спрятался в них. Двое всадников, не мешкая и считая, что их там много,

[19] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 409.

бросились наперерез по обе руки от кустов, чтобы перехватить индейцев. Хуан де Карранса, увидевший индейца, побежал к кустам, где тот спрятался, и другой из его товарищей вовсю спешил туда следом за ним, а еще один, поскольку он увидел только одного индейца, пошел за ними не торопясь.

Варвар, видя, что ему не ускользнуть, поскольку всадники и пехотинцы отрезали ему все пути, выскочил из кустов, чтобы встретить Хуана де Карранса. В руках у него был боевой топор, который достался ему по жребию из похищенной в то утро у [испанских] арбалетчиков добычи. Это был топор капитана Хуана Паесе, и, будучи любимым оружием капитана арбалетчиков, он был очень хорошо заточен и насажен на прекрасно обструганную и отшлифованную рукоять длиною больше чем полбрасы[20]. Индеец двумя руками нанес им удар по круглому щиту Хуана де Карранса, да так, что половина щита оказалась на земле, а рука тяжело ранена. Боль от раны и силы удара привели в ужас испанца, лишив его способности атаковать противника; а тот бросился на другого испанца, бежавшего вслед за Каррансой, и нанес ему другой, точно такой же удар, расколовший пополам щит и тяжело ранивший руку испанца, что сделало его, как и его товарища, неспособным к сражению. Этот солдат называл себя Диего де Годой и был он уроженцем Медельина.

Франсиско де Саласар, это тот, который сел на лошадь Гаспара Каро, видя такую великую неловкость двух испанцев, бросился со всей яростью на индейца, а он, чтобы конь не затоптал его, пустился бегом к дубу, стоявшему неподалеку. Франсиско де Саласар, не имея возможности заехать под дерево на коне, подъехал к нему и, как бы верхом, делал весьма плачевные выпады шпагой, которые не могли достать [противника]. Индеец, не имея возможности как следует размахнуться топором, ибо ему мешали ветви дерева, выскочил из-под него, встал под левую руку всадника и, размахнувшись двумя руками, ударил коня сзади и вдоль всей спины, рядом с крестцом, и лезвием топора распорол его так, что конь не мог двигаться.

В этот момент подошел другой испанец, шедший пешком, ибо он считал, что для одного только индейца хватало двух пеших и одного конного испанцев, и поэтому не спешил. Это был Гонсало Сильвестре, уроженец Эрреры из Алькантары...»

Здесь мы опускаем описанные Инкой профессионально точные подробности расправы над индейским воином, впервые в жизни сражавшимся боевым испанским топором. Скажем лишь, что несколькими точными ударами индейца прикончил друг и информатор Инки, со слов которого была написана не только эта сцена, но и вся «Флорида». Последний удар, как водится, был смертельным: «Еще стоя на ногах,— заканчивает рассказ Гарси-

---

[20] Браса—морская сажень — 1,678 м.

ласо,— он сказал испанцу: «Оставайся с миром». И произнеся эти слова, упал мертвым, рассеченный пополам»[21].

Так, со словами типично христианского всепрощения умирает во «Флориде» воин-индеец, совершивший подвиг и погибший в лучших традициях рыцарских романов. Но именно так описать смерть индейца было в ту эпоху также своеобразным подвигом.

«ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ ПЕРУ»

«Всеобщая история Перу» была опубликована через год после смерти Инки Гарсиласо (1617 г.). Минуя «Комментарии», подробное рассмотрение которых нам предстоит в пятой главе, мы познакомимся теперь с последним и самым крупным по объему сочинением Гарсиласо (в дальнейшем сокращенно «История»). Оно охватывает чрезвычайно короткий исторический период — всего половину века. Казалось бы, название не соответствует содержанию книги, если под именем или понятием «Перу» понимать государство инков, возникшее в Южной Америке за несколько веков до прихода туда европейцев. С другой стороны, если исходить из того, что слово «Перу» и то, что под ним подразумевалось (а подразумевалась «империя» инков, но только в ее европейском понимании), возникли лишь с приходом испанцев, то Инка Гарсиласо действительно написал всеобщую историю такого Перу.

Судя по полному названию, которое автор дал своему сочинению, Инка именно так понимал свою задачу: «Всеобщая история Перу, рассказывающая о его открытии и как его завоевали испанцы, о гражданских войнах, которые были между Писаррами и Альмаграми по причине раздела земли, о наказании и восстании Тиранов и о других частных событиях, которые в Истории содержатся. Написана Инкой Гарсиласо де ла Вега, капитаном Его Величества и т. д. Посвящена Чистейшей Деве Марии, Матери Божьей и Нашей Госпоже (эстамп). По привилегии Короля. В Кордобе [напечатана] вдовой Андреса Барреры и за ее счет. Год MDCXVII».

Название достаточно точно раскрывает содержание книги. Добавим только, что «История» завершается казнью инки Тупак Амару (1572 г.) и коротким сообщением о возвращении в Испанию вице-короля Толедо (1581 г.).

В «Истории», как и в «Комментариях», Гарсиласо широко цитирует испанских хронистов: Гомару, Сарате, Сьесу, Акосту, Валеру и др.

«Историю» принято считать второй частью «Комментариев», сам Гарсиласо указывает на это в первой книге «Истории». Однако имеются другие, принадлежащие тому же Инке указания или уточнения, которые заставляют думать, что сам Инка, и при этом в последний момент, решил разъединить «Комментарии» и

---

[21] *Garcilaso.* Obras Completas..., t. I, p. 445, 446.

«Историю» на два самостоятельных произведения, хотя первоначально планировал написать их как единый труд.

О каких же уточнениях идет речь? Мы имеем в виду три, на первый взгляд, чисто формальных момента, внешне производящих впечатление не столько уточнений, сколько «опечаток» или авторских «оплошностей». Так, в оригинале названия «Комментариев» (прижизненное издание) указано, что они являются *первой частью* этого труда. Во-вторых, последняя (девятая) книга «Комментариев» заканчивается следующими словами: «И на этом мы переходим к книге *десятой*, чтобы рассказать о героических и немыслимых подвигах испанцев, которые завоевали ту империю. Конец книги *девятой*» (курсив мой. —*В. К.*).

Но десятой книги в «Комментариях» нет. Нет ее и во «Всеобщей истории Перу», ибо это сочинение начинается с *первой* книги и заканчивается *восьмой*.

Третья «оплошность» расположилась прямо на титуле-обложке «Истории» (а мы знаем, какое огромное внимание уделял Гарсиласо первому контакту читателя с книгой): на ней *нет указания*, что настоящее произведение является второй частью или продолжением «Комментариев».

Как же объяснить эти три «оплошности», допущенные человеком, все творчество которого отличается исключительной добросовестностью и даже повышенным педантизмом (в его лучших проявлениях)?

Не вызывает сомнений, что Гарсиласо писал свою «Историю» как продолжение «Комментариев». Но он писал эти произведения не одновременно, а одно за другим, на что сам неоднократно указывает. Более того, Инка заканчивал «Историю», когда «Комментарии» уже вышли в свет, и, следовательно, не мог внести какие-либо исправления в первое из произведений.

Однако почему мы решили, что Гарсиласо хотел или счел нужным внести исправления в «Комментарии»? Здесь, уже в который раз, мы вынуждены вновь переместиться в область предположений, ибо не располагаем ни достоверными фактами, ни убедительными суждениями по данному вопросу. В нашем распоряжении только три указанные «оплошности». Но ведь они существуют; Инка почему-то допустил их. И связаны они с «Комментариями» хотя бы потому, что именно у них «исчезла» десятая книга. Вот почему следует понять, объяснить причины возникновения этих «оплошностей», либо снять с этого слова кавычки.

Итак, попытаемся представить себе случившееся. Завершив работу над «Всеобщей историей Перу», Инка, видимо, понял то, что сегодня знает каждый, кто прочел оба эти сочинения: по своему значению, по содержащейся в них информации и в чисто литературном плане они несопоставимы. В этом смысле «История» не может быть второй частью «Комментариев».

Поняв случившееся, т. е. свою неудачу с «Историей», Инка не мог не попытаться найти какой-то выход из создавшейся си-

туации. Самым естественным было бы переработать «Историю», подтянув ее до уровня «Комментариев». Но Инка был стар — ему перевалило за семьдесят — и понимал, что такую работу ему не осилить. «Комментарии» уже вышли в свет, и в них нельзя было внести даже два единственных исправления, «спасавших» это произведение от «Всеобщей истории Перу»: убрать в названии слова «первая часть» и ту последнюю фразу «Комментариев», которую мы привели выше, и тем самым отделить книги друг от друга. Оставалось только найти какое-то решение с помощью «Истории». И тогда Гарсиласо делает то, что еще можно было сделать, не внося при этом сколько-нибудь значительных исправлений в свой последний труд: он убирает слово «Комментарии» с обложки «Истории» и дает ей самостоятельную нумерацию книг. Теперь чисто внешне оба сочинения оказались разъединены. Но это, повторяем, только внешнее впечатление, ибо сюжетная линия не прервана. Она объединяет их, правда, теперь ей приходится «преодолевать» небольшой разъединительный барьер.

Чего же добился этим Инка? Он недвусмысленно показал, что не ставит знака равенства между двумя сочинениями и тем самым отдает предпочтение «Комментариям». Так он решил чрезвычайно сложную для себя проблему и «сказал» об «Истории» то, что решаются сказать лишь немногие писатели о своих собственных сочинениях.

Но «История» Инки Гарсиласо кажется рядовой хроникой именно и только на фоне его же «Комментариев». Она ничем не хуже и даже лучше многих других сочинений об открытии и завоевании испанцами государства инков. Это важный источник того периода, со своими сильными и слабыми сторонами. Ее следует воспринимать, как своеобразный рассказ о тех далеких событиях, написанный со слов очевидцев, среди которых были Гарсиласо-отец, его друзья — конкистадоры и сам автор «Истории», и именно так к ней следует подходить.

Как и все сочинения, написанные по горячим следам, «История» Гарсиласо нуждается в критическом осмыслении. Во-первых, нельзя не учитывать, что большинство описанных в ней событий рассказаны Инкой с чужих слов и по воспоминаниям заинтересованных людей, стремившихся показать себя с наилучшей стороны. Значение субъективного момента здесь, естественно, преобладает. Во-вторых, Инка сам имел свой собственный взгляд на эти события, что мешало ему быть объективным «слушателем». Далее. Именно в «Истории» перед Инкой возникла чрезвычайно сложная морально-психологическая проблема, связанная с его происхождением и общественным положением. Смысл этой проблемы можно сформулировать так: как метис (и к тому же незаконнорожденный), он не мог, не решался или просто считал недопустимым для себя изображать испанцев в негативном свете. Там, где Инка пишет об аборигенах Америки, подобная «пози-

ция» в отношении испанцев удается ему относительно просто: «все испанцы хороши, выбирай кто лучше». Но вот конфликты возникают между самими испанцами, и Инка как автор должен высказать свое отношение к конфликтующим сторонам. Здесь трудно найти компромисс, устраивающий враждующие стороны, тем более что сами конфликты, как правило, заканчивались многочисленными казнями и другими репрессиями. Хочешь не хочешь, но нужно говорить, что кто-то прав, а кто-то виноват. И то, что виновным в этих конфликтах неизбежно оказывался испанец, ставило Инку в чрезвычайно затруднительное положение. Вот почему даже самые отрицательные персонажи в его «Истории», например главнокомандующий войсками мятежного Гонсало Писарро Франсиско де Карвахаль, фигурирующий в других хрониках как вешатель и кровожадный (ненасытный) убийца, наделен у Гарсиласо целым рядом таких человеческих качеств, которые вызывают к нему искренние симпатии.

Но указанные недостатки «Истории» Инки Гарсиласо иногда оборачиваются и ее достоинствами, естественно, когда не имеет место фактическая ошибка (неправильно указанное имя, искажение факта и т. п.). Попытаемся показать это на конкретных примерах.

В предисловии к полному собранию сочинений Гарсиласо Кармело Саенс пишет, что «Всеобщая история Перу» «никогда не наслаждалась непререкаемым авторитетом, каковым обладали «Комментарии». С самого начала книга сосуществовала рядом с другими, которые нейтрализовали ее утверждения, а вскоре критика нашла, что условия, в которых она писалась /расстояние более чем в пятьдесят лет (от описываемых событий.— *В. К.*) и личные воспоминания/, оказались не самыми подходящими для установления объективного соответствия между столь сложными событиями, как войны конкисты, последующие гражданские войны и организация вице-королевства под началом Франсиско де Толедо. Помимо этого, слишком очевидной была *тенденциозность Гарсиласо в пользу конкистадоров*, в частности Гонсало Писарро, и, наоборот, *против вице-королей и против Толедо*. Оба эти обстоятельства — нехватка информации и очевидная пристрастность — соответственно уменьшали к ней доверие критика» (курсив мой. —*В. К.*) [22].

Названные Саенсом замечания «критика» (читай: испанская и частично перуанская историография) имеют под собой достаточно серьезную основу, но, как нам представляется, вывод этого критика абсолютно неверен.

Конечно, «Историю» Гарсиласо нельзя отнести к произведениям историко-эпического характера, как, например, его «Комментарии». Она излишне автобиографична, и ее сочинителя иногда волнуют такие мелкие детали, что за ними не всегда можно уви-

---

[22] *Saens C.* Estadio preliminar..., p. LVII.

деть общий исторический фон рассказа хрониста. Конечно, важно знать, кто первым из испанцев посетил после событий в Кахамарке инкскую столицу Куско (Инка называет имя де Сото, что не совпадает с данными большинства других хронистов[23]), но «ошибка» в таком вопросе может исказить биографию де Сота, но не историю конкисты.

Выписанный Инкой с очевидной симпатией образ последнего из братьев Писарро — Гонсало, пытавшегося с оружием в руках отстоять права, кстати предоставленные конкистадорам самим королем, видимо, также дан в искаженном виде. Виной тому была дружба Гарсиласо-отца с Гонсало, который часто вместе со своим племянником — сыном убитого Франсиско — посещал их дом, и мальчики-метисы играли и учились вместе. И здесь «автобиография» вмешивается в историю, поскольку и то и другое пишет один человек.

Можно привести много других примеров, казалось бы, мешающего нам «вторжения» элементов личного в общественное (историческое), и наоборот. На первый взгляд все это действительно снижает ценность труда Инки Гарсиласо, а его «особое мнение» о конкистадорах и испанских вице-королях, отличающееся от мнения большинства хронистов, за которыми сегодня следует официальный «критик», вроде бы должно искажать историю конкисты и первых лет колониального Перу.

Но тогда неизбежно возникает вопрос: чем порождены или с чем связаны подобные искажения? Если за ними стоит только «расстояние во времени» и они плод старческой забывчивости, это одно дело. Если же они являются результатом недобросовестности, подход к ним должен быть совсем иным. Но, быть может, благожелательная тенденциозность к конкистадорам и отрицательное отношение к верховным властям колонии порождены чем-то другим, например той средой, в которой жил молодой метис, и это точка зрения вовсе не Инки Гарсиласо, а воспитавшей его среды?

Действительно, образы Гонсало Писарро и других конкистадоров выписаны Инкой с очевидной симпатией. Но было бы заблуждением видеть за их «симпатичностью» лишь одни детские воспоминания метиса и даже ту духовную атмосферу, в которой он жил и которую донес до нас. Конечно, в той общественной среде формировалось его сознание (инкскую часть этой проблемы мы сейчас не берем в учет). Но за подобной «биографической деталью» совсем не трудно увидеть целый исторический процесс, пережитый испанским народом, и пережитый весьма болезненно, с обильными жертвами.

---

[23] Помимо Гарсиласо, только Сарате и Лосано называют первыми испанцами, посетившими Куско, де Сото и Педро дель Барко; Сьеса называет М. Буэно, Сарате и Могеру; П. Писарро — М. Буэно и Могеру; Сантакрус Пачакути — Дель Барко и Педро де Кандиа и т. д.

«Если после правления Карла I,— писал Карл Маркс в «Революционной Испании»,— политический и социальный упадок Испании обнаруживал все симптомы позорного и продолжительного разложения, напоминающие худшие времена Турецкой империи, то при этом императоре прах древних вольностей по крайней мере покоился в пышной гробнице. Это было время, когда Васко Нуньес Бальбоа водрузил знамя Кастилии на берегах Дарьена, Кортес — в Мексике, Писарро — в Перу; это было время, когда влияние Испании безраздельно господствовало в Европе, когда пылкое воображение иберийцев ослепляли блестящие видения Эльдорадо, рыцарских подвигов и всемирной монархии. Вот тогда-то исчезли испанские вольности под звон мечей, в потоках золота и в зловещем зареве костров инквизиции» [24].

Гонсало Писарро потому и «симпатичен» Инке Гарсиласо и тем, кто воевал под его знаменами целых четыре года, что он защищал те самые вольности, которые со всей решительностью подавлял испанский абсолютизм. Правда, формальным предлогом для мятежа Гонсало стало принятие короной в 1542 г. «Новых законов» («Орденансы»), которые якобы должны были защитить интересы туземного населения колоний, но на деле означали попытку метрополии укрепить свою власть в данном случае за счет старой гвардии конкистадоров.

Интересно отметить, что Инка Гарсиласо, устами которого говорит эта старая гвардия, обвиняет во всех бедах и кровавых последствиях, связанных с «Орденансами», великого гуманиста и бесстрашного защитника индейцев Бартоломе де лас Касас, поскольку тот, как пишет Гарсиласо, «был просителем и их изобретателем» [25].

Здесь Гарсиласо действительно допускает грубейшую ошибку (Но «критик» не замечает ее!). Ибо Инка не увидел и не понял, что истинные цели, которые преследовал Лас Касас, заключались в освобождении индейцев от испанского рабства. Меры же, которые предусматривались «Орденансами», не могли решить эту проблему.

Но не это возмущает Инку, а, вернее, тех, чьи интересы он выражал: их борьба была направлена против попытки «освободить» от них, от конкистадоров, находившихся в их владениях индейцев и тем самым лишить главного богатства, добытого в результате конкисты. Вот почему «Орденансы» воспринимались ими не как акт высокого гуманизма (они и не были таковыми), а как *«экономическая санкция»*, с помощью которой метрополия стремилась осуществить отчуждение в свою пользу богатств, добытых конкистадорами с оружием в руках. С этим же оружием они и поднялись на защиту своего «добра».

---

[24] *Маркс К.* Революционная Испания.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 10, с. 431.
[25] *Garcilaso.* Obras completas..., t. III, p. 225.

Нужно сказать, что Лас Касас одним из первых понял истинный смысл «Орденансов», этой «медали освобождения» индейцев, отчеканенной испанской короной якобы по его проекту [26]. Между тем настойчивые обвинения Инки в адрес Лас Касаса вроде бы говорят о том, что он не разобрался в случившемся. Но и это совсем не так.

В тогдашних условиях, особенно на землях Нового Света, король Испании, как и католическая вера, были теми единственными и постоянно действовавшими символами, которые связывали испанцев с их родиной, придавая им веру и силы в любой сфере их деятельности. Вот почему их нельзя было даже критиковать. Наоборот, все, что совершалось в том же Перу, совершалось от имени и во имя «святой веры» и короля. И Гонсало Писарро, и те, с кем он воевал, с одинаковым рвением твердили, что они защищают интересы испанской короны. Так было во всех «гражданских войнах» в Перу. В них неизменно побеждало «правое дело», ибо какая бы из воюющих сторон ни брала верх, сразу же «выяснялось», что именно она представляла истинные интересы испанского короля.

Нельзя недооценивать огромное влияние этого морально-психологического фактора, приобретавшего порой решающее значение в сложнейших перипетиях военного и политического завоевания индейских царств Америки и той постоянной борьбы в стане самих конкистадоров, которой отмечены не одно десятилетие колониального Перу. Между прочим, имевшие место попытки или даже всего лишь «зондирование почвы» с целью возможного провозглашения Гонсало Писарро королем Перу (как пишет Гарсиласо, наиболее активные сторонники Писарро вели такие разговоры [27], хотя сам он публично заявлял о своей верности испанской короне [28]), привели к массовому переходу на сторону президента Ла Гаски рядовых воинов и капитанов Гонсало. И лиценциат Педро де ла Гаска, будучи умнейшим политиком, выиграл последнее и решающее сражение при Хакихагуане у «первого копья» конкистадоров Перу, не пролив при этом ни единой капли крови: войско Гонсало Писарро почти целиком перешло на сторону президента [29]. (По утверждению Инки, первым, кто таким путем доказал свою верность испанскому королю, был его отец капитан Гарсиласо, хотя другие хронисты называют первым перебежчиком лиценциата Сепеду. Во всяком случае, Ла Гаска при переделе земельных наделов после подавления мятежа Гонсало Писарро выделил капитану Гарсиласо богатые репартимьенты, что свидетельствует об очевидных заслугах капитана перед короной [30].)

---

[26] См.: *Лас Касас Бартоломе де.* История Индий. Л., 1968.
[27] *Garcilaso.* Obras completas..., t. III, p. 304—306.
[28] Ibid., p. 306.
[29] Ibid., p. 311—385.
[30] Ibid., p. 382.

Так или иначе, но знамя короля и католической веры высоко, а главное, постоянно реяло над всеми испанскими городами, поселениями, крепостями, военными частями и отрядами. Оно объединяло, вселяло силы, охраняло и защищало своим могуществом от всех бед разбросанных по безбрежным просторам Нового Света сынов Испании.

Вот почему можно было критиковать Лас Касаса, но нельзя было даже на мгновение усомниться в правильности поступков и побуждений своего короля. Именно так мыслил, этим жил Инка Гарсиласо.

По той же причине нельзя ставить знак равенства между борьбой против абсолютизма в самой Испании и тем, что происходило в колониях Нового Света, в частности в Перу. К тому же испанский абсолютизм окончательно утвердил свое господство в самой метрополии еще в 1521 г., когда королевские войска одержали победу над комунеросами при Вильяларе (23 апреля 1521 г.). Тогда-то, указывает К. Маркс, «старинные вольности Испании перестали существовать» [31]. Как известно, в это время испанцы даже не знали о существовании инкской «империи» Тауантинсуйю.

В Новом Свете были свои специфические условия и особенности, однако было бы ошибкой воспринимать борьбу за власть и за право эксплуатировать богатства Перу как чисто внутреннее дело этой колонии и тем более как конфликт между писарристами и альмагристами, к чему пытаются свести «гражданские войны» большинство зарубежных историков. Эта борьба носила не «семейный», а социально-политический характер и своими корнями уходила в метрополию — Испанию. И Инка Гарсиласо своими «автобиографическими искажениями» истории заставляет нас именно так увидеть конкисту Перу.

Наиболее очевидное подтверждение такому пониманию событий в Перу мы находим в деятельности вице-короля Франсиско де Толедо. По «странному» совпадению Инка Гарсиласо также отнесся к этой деятельности не так, как остальные хронисты и современные испанские историки.

Когда Толедо прибыл в Перу (26 ноября 1569 г.), Инки Гарсиласо уже не было там. Следовательно, он написал связанный с ним раздел «Истории» не по личным воспоминаниям и проблема «расстояния во времени» тут не причем. Его недоброжелательное отношение к Толедо не носило и личного характера, хотя Авалье-Арсе, например, считает, что неприязнь Инки к Толедо была как-то связана с фактом женитьбы родственника Толедо, основателя аргентинского города Кордобы и губернатора Тукумана Херонимо Луиса де Кабрера, на вдове Гарсиласо-отца — Луисе Мартель де лос Рисс [32].

---

[31] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 10, с. 430.
[32] *Avalle-Arce J. B.* Documentos inéditos..., p. 6, 7.

Чем же тогда можно или следует объяснить «особое мнение» Инки Гарсиласо относительно Толедо, если личные мотивы и недостатки «старческой памяти» отпадают? Или Инка действительно оказался плохо информирован о деятельности Толедо и вообще напрасно взялся писать о нем?

Неприязнь Инки к вице-королю Франсиско де Толедо более чем очевидна. Он даже пытается подкрепить свое отношение к Толедо ссылкой на то, что сам испанский король Филипп II также был недоволен деятельностью своего наместника в Перу. «Оказывается», король Испании «располагал большим и всеохватывающим сообщением и известиями о всем случившемся в той империи, в частности о смерти, которую причинили принцу Тупак Амару, и о ссылке, к которой приговорили его самых близких родственников, в результате чего все они умерли...» [33]

Читатель уже понял, что речь идет о казни последнего законного претендента на престол Тауантинсуйю Инки Тупака Амару, совершенной по личному приказу вице-короля Толедо. Мы хотим воспроизвести здесь полностью, как Гарсиласо описывает казнь Тупака Амару. К этому нас побуждают две причины: первая из них заключается в том, что данный рассказ и есть то *максимальное* выражение неприязни Инки Гарсиласо к Толедо, которой так недоволен «критик» (по Саенсу). О второй причине мы скажем несколько дальше. Итак, казнь Тупака Амару из «Всеобщей истории Перу» (книга восьмая, глава XIX):

«Приняв решение исполнить их приговор [34], вице-король приказал соорудить очень пышный эшафот на главной площади того города [Куско] и казнить смертью того принца, потому что так было полезно для безопасности и спокойствия той империи. Эта новость поразила весь город, и поэтому важные кабальеро и монахи старались собраться вместе, чтобы просить вице-короля предотвратить столь чуждое милосердию дело, которое вызовет во всем мире, где о нем узнают, отвращение, и сам король [Испании] будет разгневан; [они говорили], что следует удовлетвориться его отправкой в вечную ссылку в Испанию, которая стала бы для него более долгой и более мучительной пыткой, нежели скорая смерть. Эти и другие дела обсуждали жители того города, решившие говорить с вице-королем со всей возможной настойчивостью, вплоть до предъявления ему требований и протестов, чтобы он не исполнил приговор. Однако он, располагая подставленными всюду в городе шпионами, дабы они оповещали его о том, как воспринимается приговор жителями, и о чем они говорят, и что хотят требовать от него, приказал запереть двери своего дома, выставив перед ними охрану, чтобы она никого не впускала под страхом смертной казни. Он также приказал со всей поспешностью взять его [из тюрьмы] и отрубить голову, чтобы утихомирить то возбуждение, ибо он опасался, что его вырвут из его рук.

---

[33] *Garcilaso.* Obras completas..., t. IV, p. 172.

[34] Гарсиласо пишет, что Инку судили, хотя принято считать, что вопрос о его казни был решен без суда.

Бедного принца вывезли на муле с веревочной петлей на шее и связанными руками и с глашатаем впереди, оповещавшем о его смерти и ее причине, ибо он был тираном, предателем короны католического величества. Принц, слыша крики глашатая [и] не понимая испанский язык, спросил шедших с ним монахов, о чем говорил этот человек. Они заявили ему, что его убьют, ибо он был аукой [35] короля, их господина. Тогда он приказал позвать того человека и, когда тот подошел, сказал ему: «Не говори то, что ты оповещаешь, ибо ты знаешь, что это ложь, поскольку я не совершал предательства и не помышлял о нем, как об этом знает весь мир. Скажи, что меня убивают, ибо так хочет вице-король, а не из-за моих преступлений, которых я не совершал ни против него, ни против короля Кастилии; я призываю [в свидетели] Пачакамака [36], который знает, что я говорю правду». С этим министры правосудия двинулись дальше. У входа на площадь появилась толпа женщин всех возрастов; некоторые из них были его королевской крови, а остальные – жены и дочери касиков из округи того города; они с громким криком и воплями, обливаясь слезами (вызвав также слезы у монахов и прихожан-испанцев), говорили ему: «Инка, почему они ведут тебя, чтобы отрубить голову? Какие преступления, какие предательства ты совершил, чтобы заслужить такую смерть? Попроси того, кто дает тебе ее, чтобы он приказал убить всех нас, ибо мы твои по крови и по естеству и с большим удовлетворением и счастьем пойдем вместе с тобою, чем останемся крепостными и рабынями тех, кто убивает тебя». Тогда они испугались, что из-за шума, крика и воплей в городе могут возникнуть беспорядки. Было более трехсот тысяч душ тех, кто смотрел на исполнение того приговора, такого неожиданного и немыслимого для них, находясь на тех двух площадях, на улицах, в окнах и на крышах [домов], чтобы увидеть казнь. Министры заспешили к эшафоту, на который поднялись принц и сопровождающие его монахи, а следом за ними [шел] палач со своим ятаганом в руке. Индейцы, видя, что их Инка так близок к смерти, от жалости и боли, которые они испытывали, стали рыдать, стонать, плакать и кричать так, что ничего не стало слышно. Священники, беседовавшие с принцем, попросили его приказать умолкнуть тем индейцам. Инка вскинул правую руку с растопыренными пальцами и задержал ее прямо против уха, а потом мало-помалу стал опускать ее, пока она не легла на правое бедро. Поняв, что этим он приказывает им молчать, индейцы утихли и среди них воцарилась такая тишина, что казалось, что во всем том городе не было ни единой души. Это вызвало огромное восхищение у испанцев и у вице-короля, который, стоя у окна, наблюдал, как приводится в исполнение его приговор. Они с ужасом поняли, каково было послушание индейцев перед своим принцем, ибо даже в тот момент они проявили его, как все это видели. Затем Инке отрубили голову; он воспринял то наказание и ту муку с мужеством и величием духа, как Инки и все благородные индейцы имели обыкновение встречать любую бесчеловечность и жестокость, которые им причиняли» [37].

Так описал Гарсиласо смерть Тупака Амару. Но Инка Гарсиласо упомянул устами короля также и о родичах последнего

---

[35] Аука (кечуа) — предатель, вероломный враг, тиран.
[36] По Гарсиласо — верховное божество инков, творец мира.
[37] *Garcilaso.* Obras completas..., t. IV, p. 170, 171.

инки-правителя, погибших по вине Толедо. В другом месте своей «Истории» он говорит об этом факте несколько подробнее, и интересы дела заставляют нас вновь обратиться к тексту «Истории».

«Индейцев королевской крови,— рассказывает Инка о событиях, последовавших после пленения Тупака Амару,— каковыми были тридцать шесть самых знатных и главных из рода королей той земли мужчин, выслали в город Волхвов (Лима.– *В. К.*), приказав им, чтобы они не выходили из него без разрешения начальников. С ними направили двух сыновей бедного принца (Тупака Амару.— *В. К.*) и его дочь — все трое такого малого возраста, что старшему из них не было и десяти лет. Когда Инки прибыли в Римак, а по-другому — город Волхвов, его архиепископ дон Херонимо де Лоайса, испытывая к ним жалость, взял в свой дом на воспитание девочку. Остальные ссыльные, оказавшись вне своего города, своих домов и родной природы, испытывали такое удрученное состояние, что немногим более чем через два года из них умерло тридцать пять человек и среди них оба мальчика. Помимо удрученного состояния, им помог так быстро умереть климат (regiбn) того города, ибо он находится на жаркой земле и на побережье моря, что они называют льяносами, климат которых сильно отличается от того, что называют сьеррой [38]. А уроженцы сьерры... попав в льяносы, очень скоро заболевают, словно они оказались в зараженной чумой земле, и вот так в короткий срок скончались те бедные Инки» [39].

Гарсиласо указывает, что и остальные трое инков также умерли через полтора года, хотя им разрешили вернуться в Куско (слишком поздно пришло разрешение). Так погибли ближайшие претенденты на престол инки-правителя.

Теперь настал момент назвать вторую причину, побудившую нас воспроизвести столь длинную цитату из «Истории» Гарсиласо: мы готовы допустить, что вся сцена казни или ее отдельные детали далеки от реальности, и это не так уж важно; важно другое — смерть Инки Тупака Амару и уничтожение его ближайших родичей, как они показаны Инкой Гарсиласо, явились величайшей несправедливостью и величайшей трагедией индейцев Перу. Более того, Гарсиласо был одним из первых (если не первым), кто именно так показал это важнейшее событие второй половины XVI в. в истории Перу.

Но Инка не ограничился этим: он показал в своей «Истории» и истинный смысл уничтожения испанцами клана правителей Тауантинсуйю. Свое разоблачение он «возложил» на самого Франсиско де Толедо: «Он думал,— пишет Гарсиласо,— что оказал католическому величеству огромные услуги тем, что вырвал с корнем и загасил королевское потомство Инков — королей

---

[38] Льяносы — влажная тропическая равнина в низменности; сьерра — здесь сухое высокогорье.

[39] *Garcilaso.* Obras completas..., t. IV, p. 168.

Перу, чтобы никто не претендовал и даже не подумал, что ему принадлежит право унаследовать ту империю, дабы корона Испании обладала и пользовалась бы этим правом без боязни и забот о том, что имеется кто-то, кто может претендовать каким-либо путем на владение ею («империей» инков.— *В. К.*). Он думал также,— продолжает Гарсиласо,— что его отблагодарят за законы и уложения, которые он оставил тому королевству, как для увеличения королевского имущества... так и те, которые он приказал в пользу и на службу жителям-испанцам тех королевств...» [40]

Нужно сказать, что все, что «думал» вице-король Толедо, по существу и есть объективная оценка его деятельности в Перу, как она представляется сегодня. У испанского короля не было причин упрекать Толедо, ибо его действия соответствовали интересам метрополии. Вот что пишет, например, о Франсиско де Толедо весьма авторитетная в Латинской Америке энциклопедия (мы специально взяли энциклопедию, чтобы избежать ненужного многословия).

Указав на то, что Филипп II назначил Толедо вице-королем по причине «его выдающихся способностей и образования, гения предприимчивости и особого таланта руководителя», энциклопедия мимоходом упоминает о «легкой победе, пленении и казни» Тупака Амару. Далее там сказано следующее: «Франсиско де Толедо был одним из самых энергичных, честных и прогрессивных вице-королей, которых имел Перу, и ему обязано вице-королевство превосходной экономической и гражданской организацией. Он улучшил условия местных жителей (индейцев.— *В. К.*), для чего обложил большими налогами разбогатевших испанцев. У[мер] в 1582 г.» [41]

Энциклопедия упоминает также о «холодном приеме» по причине казни Тупака Амару вернувшегося в Испанию вице-короля Толедо. Однако в ней сказано, что так «утверждают некоторые историки», а это дает право предполагать, что сами ее составители сомневаются в достоверности подобного утверждения. Скажем сразу, что и мы разделяем данное сомнение.

Давайте обратимся к фактам. По приказу Толедо Инку Тупака Амару казнили в 1572 г. Толедо сразу же оповестил о казни двор и направил королю специально составленный Сармьенто де Гамбоа объяснительный документ. Из Перу Толедо возвратился в Испанию в конце 1581 г., т. е. почти через десять лет после казни, когда страсти, если таковые «бушевали» в Испании, должны были утихнуть. Но они не бушевали, во всяком случае при королевском дворе и в Совете по делам Индий, и тому есть неопровержимое доказательство: Толедо не был отозван со своего высокого поста даже для объяснений. Более того, он «про-

---

[40] *Garcilaso.* Obras completas..., t. IV, p. 172.
[41] SAPIENS. Enciclopedia ilustrada de la Lengua Castellana, t. III, Buenos Aires, 1956.

работал» вице-королем Перу целых 12 лет! Это намного больше, чем любой другой из его предшественников, включая самого Франсиско Писарро (более 8 лет) и тех, кто правил в Перу после Толедо. С момента пленения Атауальпы и его казни по год смерти Инки Гарсиласо (1616 г.) в Перу сменилось 25 испанских правителей (включая периоды, когда у власти находилась «аудиенсия» — нечто вроде судебно-исполнительного совета, состоявшего из нескольких человек), а это означает, что в среднем, исключая «долгоправителей» Толедо и Писарро, каждое из правлений длилось менее 3-х лет.

О недовольстве Филиппа своим вице-королем пишут почти все испанские летописцы, включая современных. Известна даже фраза (ее с завидной настойчивостью повторяют все официальные истории), брошенная Филиппом теперь уже бывшему вице-королю: «Я посылал тебя в Перу не убивать королей, а служить им» [42].

Допустим, что все было именно так, что Толедо даже приказали, как пишет Гарсиласо, покинуть королевский двор, и против него началось судебное следствие. Но обвинялся-то он не в убийстве Тупака Амару и других инков, а в ... казнокрадстве! Гарсиласо называет сумму «недостачи» — 120 000 дукатов [43] (такое не придумаешь!) и сообщает, что привезенные Толедо из Перу сокровища были арестованы до окончания следствия.

Видя столь великую немилость со стороны монарха, Толедо «впал в такую грусть и меланхолию, что через несколько дней умер» [44].

Ему было от чего расстроиться и умереть. Ведь именно после правления Толедо о Перу стало возможным говорить как о *колонии*, полностью контролируемой метрополией, т. е. Испанией. Толедо действительно навел там в пределах возможного образцовый порядок, но в интересах не аборигенов, а испанской короны. При этом наведение порядка среди испанцев — «обложил большими налогами» — было не менее важным мероприятием, чем подавление сопротивления индейцев во главе с инками.

Инка Гарсиласо не мог не столько понять, сколько согласиться с таким решением перуанской проблемы. *Это было испанское, а не перуанское решение вопроса.* А он не был испанцем; он был перуанцем, не инкой и индейцем, а именно *перуанцем*, и как перуанец смотрел на Перу, у которого было не только настоящее и будущее, но и прошлое, немыслимое без инков. Немыслимое даже сегодня. В представлении Гарсиласо, как и в нашем сегодняшнем, уничтожение инков означало уничтожение этого

---

[42] Самое удивительное, что этой фразы нет у Инки Гарсиласо, хотя она полностью соответствует его концепции. По-видимому, он не знал ее, что позволяет рассматривать это «обвинение» как более позднее изобретение испанских историков.

[43] *Garcilaso*. Obras completas..., t. IV, p. 172.

[44] Ibidem.

прошлого. Оно казалось ему не только актом незаслуженной и неоправданной жестокости, но и лишенным элементарного здравого смысла. Он был убежден, что в союзе с инками Испания могла более безболезненно и куда более эффективно осуществить европеизацию (испанизацию) и христианизацию индейского Перу.

В последнем Инка Гарсиласо, конечно, заблуждался, ибо смотрел на данную проблему своими глазами, глазами метиса, а не представителя клана лишь недавно всемогущих правителей Тауантинсуйю. Но в этом вопросе не заблуждались ни вице-король Толедо, ни король Филипп. Толедо шел к поставленной перед ним задаче самым коротким и самым надежным путем. К тому же у него не было времени быть излишне щепетильным в выборе средств: однажды поняв, сколь огромной и по-прежнему могущественной была сила уже лишенных реальной власти, растерзанных междоусобицей и конкистой, затравленных и загнанных в свое «орлиное гнездо» — Вилькабамбу инков, Толедо принял решение уничтожить этот главный символ прошлого, обладавший удивительной способностью воздействовать на широкие массы индейского населения Перу. Тем более, что инки уже были не нужны испанцам. Их «лестница» сломалась. Уничтожение инков диктовалось интересами Испании.

Толедо действительно был одаренным организатором и государственным деятелем, но тем омерзительнее выглядят его вероломство и жестокая расправа над Тупаком Амару и остальными инками. Он верой и правдой служил своему господину испанскому королю, хотя последнего, возможно, вполне устроило бы более «богоугодное» устранение инков.

Убийство Тупака Амару не могло не потрясти Инку Гарсиласо. Но его «особое мнение» о вице-короле Франсиско де Толедо, связанное с этим убийством, не только на наносит ущерба правильному пониманию истории того периода, а наоборот, создает для него великолепные предпосылки, поскольку позволяет более глубоко и гораздо шире взглянуть на далекие события, снимая с них вместе с «пылью веков» и куда более близкую к нашим дням политическую «ретушь» апологетов испанской конкисты.

Вот почему за неприязнью Гарсиласо к Толедо, блистательную характеристику деятельности которого дал в книге «В страну Офир» Я. М. Свет (см. с. 176 наст. книги), скрывается и нечто более важное: убедительное доказательство того, что уже в ту изначальную эпоху на все еще дымившихся руинах индейского прошлого и пока несцементировавшегося колониального настоящего закладывалось мировоззрение народа, именующего себя сегодня перуанским, что уже тогда начиналось становление этой новой духовно-этнической общности со своей специфической культурой, самобытности которой будет во многом способствовать ее дуалистическая — испано-индейская — основа.

Но на этом не кончаются, как, впрочем, и не начинаются, не только особенности, но и подлинно научное значение «Истории» Инки Гарсиласо. Скажем откровенно, эта работа попросту не изучена в той степени, как она того заслуживает. Она требует самого детального и глубокого исследования, поскольку содержащийся в ней «материал», как мы попытались показать всего на двух ее «недостатках», не всегда лежит на поверхности. Но, поднятый «на гора» и очищенный от автобиографических примесей, он обретает свою подлинную ценность, столь важную для правильного понимания истории Перу и Испании.

Говоря о необходимости дальнейшего изучения «Истории» Гарсиласо, мы прежде всего имеем в виду исследование этого источника с позиций марксистско-ленинского учения. Только этим путем можно проникнуть в сокровенные тайники сочинения Инки Гарсиласо, понять истинное значение и глубину его замысла, который, как мы знаем, не был осуществлен до конца.

Между тем уже само начало «Истории» подтверждает выдвинутый нами тезис о том, что Инка не был удовлетворен своим последним сочинением, поскольку рассчитывал написать значительно более глубокое исследование и одновременно эпопею «о героических и немыслимых подвигах испанцев». В своем сочинении Инка искал, и искал не без успеха, новый подход к пониманию и освещению истории. Его уже не устраивал чисто описательный метод, при котором констатация событий не просто стоит на первом плане, но делает «излишней» попытку их объяснения, поиск причинной зависимости и тех сил, которые «управляют» историей человечества.

Такому отношению, этой позиции Гарсиласо во многом способствовала гигантская социальная катастрофа, разрушившая у него на глазах целый мир, великую и могущественную цивилизацию.

Десятилетия вынужденного затворничества, чтение книг античных авторов, поиски возможных исторических параллелей, неизбежные для человека, стремившегося понять случившееся в Перу и воспринимавшего это случившееся как причину личных невзгод, толкали Инку Гарсиласо на бесконечные размышления. При этом феодальная косность и ограниченность не тяготели над ним, ибо он не был их порождением. Инка смотрел и видел окружающий мир своими глазами. Это давало огромные преимущества, воспользоваться которыми Инке позволили выдающиеся способности и бесспорный талант.

Конечно, Гарсиласо был далеко от подобного понимания своего места и своих возможностей, а его неприятие Макьявелли, о котором говорилось выше, свидетельствует о том, что во многих аспектах уровень «исторического мышления» Инки не достиг даже передовых рубежей тогдашней исторической школы Европы.

И тем не менее в «Истории» Инки Гарсиласо мы имеем оче-

видную попытку отойти от традиционного метода и формы написания истории.

В чем же выражен этот отход? В желании разобраться и разобраться именно в первую очередь, в *экономических* аспектах открытия и конкисты Нового Света.

Так, коротко рассказав в двух первых главах «Истории» о знаменитом «триумвирате» — Писарро, Альмагро и Люке, Гарсиласо сразу же переходит к финансово-экономическим аспектам конкисты Перу. Но он рассматривает их с позиций не триумвирата и не конкистадоров вообще, а испанского государства и даже Западной Европы, на которую, как известно, «индейское золото» оказало решающее воздействие в тот исторически важный период. Поразительно, но Инка увидел и со всей очевидностью показал, что конкистадоры «работали» не на себя и не на феодальную Испанию. Правда, ему не было дано понять или выделить ту социальную группу, которая внутри разлагавшегося феодального общества лучше других сумела воспользоваться этим золотом для укрепления собственных позиций, чтобы стремительно двинуться вперед к своему господству, господству капитала. Однако, повторяем, одного того, что Гарсиласо понял, заметил и показал, вполне достаточно, чтобы говорить о его исключительной незаурядности.

Чтобы убедиться в сказанном, достаточно познакомиться с «экономическими» главами его «Истории». Конечно, Инка не мог пользоваться современной терминологией, да и сами понятия, заключенные сегодня в этих терминах, представлялись ему иным образом и в иных образах, о чем достаточно ясно говорят уже сами названия указанных глав: «III (глава). Малое количество денег (moneda), которое имелось в Испании до конкисты Перу»; «IV. Продолжение доказательства малого количества денег, которые имелись в те времена, и их многочисленности, имеющей место в настоящее [время]»; «V. Во что обошелся новый свет королям Кастилии»; «VI. Стоимость простых вещей до завоевания Перу»; «VII. Два мнения о сокровищах Перу и начало его конкисты».

Нет смысла рассматривать по существу все содержание этих глав, в том числе и потому, что «метод» исследования Инки сегодня выглядит во многом наивным. Но его «наивность» соответствовала тогдашнему уровню развития политической экономии. К тому же француз Антуан де Монкретьен (1575—1622) еще даже не написал свой знаменитый труд «Закон общественного хозяйства», или «Трактат о политической экономии» (1615), благодаря которому само понятие «политическая экономия» обрело право на жизнь. Гораздо важнее и интереснее указать на то, что выделяет Инку Гарсиласо из этого общего уровня.

В XXIV главе первого тома «Капитала» «Так называемое первоначальное накопление» К. Маркс писал: «Непрерывное падение стоимости благородных металлов, а следовательно, и стои-

мости денег, было очень выгодно для фермеров (речь идет о XVI в.— *В. К.*). Оно, не говоря уже о других рассмотренных выше обстоятельствах, понижало заработную плату. Часть заработной платы превращалась в прибыль фермера. Непрерывное повышение цен на хлеб, шерсть, мясо,— одним словом, на все сельскохозяйственные продукты, увеличивало денежный капитал фермера без всяких усилий с его стороны, между тем земельную ренту он уплачивал на основе договоров, заключенных при прежней стоимости денег»[45].

Конечно, Инка не имел никакого понятия о тех экономических процессах, на которые указывает К. Маркс. Он не был знаком и с положением английского фермера в XVI в. и тем более с тем, как он создавал то первоначальное накопление капитала, которому суждено было сыграть столь значительную роль в возникновении и развитии новой социально-экономической формации — капитализма. Не были одинаковыми (если не сказать больше) социально-экономические условия тогдашних Англии и Испании, не говоря уже о тенденциях их развития. Можно назвать еще бесконечное множество самых разнообразных факторов, которые в ту далекую эпоху стояли неодолимым препятствием на пути научного понимания происходивших тогда социально-экономических процессов. Наконец, нужен был гений К. Маркса, чтобы осмыслить всю совокупность общественного опыта прошлого и того, как она воспринималась предшественниками, чтобы подарить миру знание законов развития человеческого общества.

Тем удивительнее и значительнее представляются сегодня на этом фоне пусть небольшие, пусть чрезвычайно робкие, возможно, сознательные, а возможно, и чисто интуитивные попытки Инки Гарсиласо обратить внимание, обозначить схожие и одновременно во многом отличные процессы, на которые указывает К. Маркс в приведенной нами цитате.

Уже сама попытка разобраться в последствиях хлынувшего из Нового Света (Инка, естественно, пишет только о Перу) золотого потока говорит о многом. Но здесь он не одинок. Удивительно другое: его позиция в этом вопросе в чем-то «перекликается» с позицией того самого английского фермера, о котором пишет К. Маркс. Так, например, Инка радуется тому, что «Перу обогатил весь мир»[46], что в ныне «богатой» Испании прежде было так мало денег, что причиной войны могла стать задолженность ничтожной суммы в 10 000 мараведи[47] — примерно 5000 песет. Он не без гордости отмечает, что благодаря сокровищам Перу доходы и бюджеты (как, впрочем, расходы и долги) государств Европы стали исчисляться миллионами.

---

[45] *Маркс К.* Капитал, т. I. М., 1969, с. 754.
[46] *Garcilaso.* Obras completas..., t. III, p. 20.
[47] Ibidem.

Однако он тут же указывает (и при этом сердито!) на процесс стремительного роста земельной ренты при ее переходе из одних рук в другие и фактическое разорение бывших земельных собственников, получивших денежную ренту от короны за свои земельные владения до «обогащения» Испании с помощью «индейского золота» [48]. Он отчетливо понимает, что происходит «падение стоимости благородных металллов», и не просто понимает, но и показывает этот процесс на конкретных примерах, доступных разумению любого обывателя. Так, пара сапог, купленная Инкой в Севилье в год приезда в Испанию (1560 г.), стоила полтора реала; точно такая же пара обходится в пять реалов «сегодня, в год тысяча шестьсот тринадцатый», и не в Севилье, а в Кордобе, «более дешевом городе, чем Севилья», уточняет Инка, любящий во всем порядок.[49]

Мы не берем на себя смелость утверждать, что Инка понял и разобрался в природе денег, но то, что он показал эту их товарную природу, и показал убедительно, наглядно засвидетельствовала его «История». Более того, еще в «Комментариях» на многочисленных примерах стоимости предметов широкого потребления и особенно скота, вывезенных в Новый Свет из Европы [50], Инка Гарсиласо на свой лад продемонстрировал свойство всякого товара, включая деньги, дешеветь или дорожать в зависимости от спроса и предложения. Он был свидетелем революции цен и по-своему, как умел, зафиксировал в своих книгах проявления и этого экономического процесса. Что же касается его «радостей» и «огорчений», то они чрезвычайно точно указывают на классовую сущность описываемых им явлений.

Бесспорно, что такое понимание или видение роли денег и самого процесса «обогащения» Испании с помощью «индейского золота» не только отличалось решительным образом от господствовавшего тогда взгляда меркантилистов, но и означало определенный шаг вперед в важном вопросе социально-экономического развития. И было бы нереально ожидать большего от Инки Гарсиласо, ибо «ясной картины экономической истории какого-нибудь периода никогда нельзя получить одновременно с самими событиями,— указывал Ф. Энгельс,— ее можно получить лишь задним числом, после того как собран и проверен материал» [51].

Но рассмотренные здесь и многие другие особенности «Всеобщей истории Перу» остались незамеченными. Скорее всего, так случилось потому, что рядом с главным трудом, обессмертившим имя Гарсиласо, становятся особенно заметными достаточно серьезные недостатки «Всеобщей истории Перу», а они, в свою очередь, мешали увидеть очевидные достоинства этого произведения.

---

[48] *Garcilaso.* Obras completas..., t. III, p. 25.

[49] Ibid., p. 24, 25.

[50] *Гарсиласо.* История..., с. 600—607.

[51] *Энгельс Ф.* Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 гг.» — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22, с. 529, 530.

Глава четвертая

ЛЕТОПИСЦЫ ДРЕВНЕГО ПЕРУ

Чтобы правильно понять и по достоинству оценить значение главного труда Инки Гарсиласо де ла Вега, необходимо сопоставить его «Комментарии» с аналогичными по содержанию сочинениями того же периода. В XVI—XVII вв. было написано достаточно много трудов об инках, их «империи» Тауантинсуйю и завоевании испанцами Перу. Например, их значительно больше, чем работ об ацтеках и о Мексике в целом, включая индейцев майя. На первый взгляд такое положение может показаться странным, ибо Мексика или ацтекское государство (царство) было завоевано испанскими конкистадорами почти на два десятилетия раньше, нежели Перу. К тому же именно ацтекские сокровища, доставленные в Испанию в виде слитков «индейского» золота и серебра, по существу, явились первым и неопровержимым доказательством наличия в Новом Свете действительно сказочных богатств, которые до завоевания Теночтитлана были всего лишь плодом фантазии или, в лучшем случае, результатом скорее смелых, нежели обоснованных предположений. Не будем забывать, что первые плавания в Новый Свет больше разочаровали, чем одобрили тех, кто искал там наиболее быстрый и надежный (по тогдашним представлениям) путь обогащения — добычу драгоценных металлов.

Мы уже однажды писали [1], что обширность информации об инках может быть объяснена двумя главными причинами объективного характера. Первая из них заключалась в степени развитости индейских государственно-общественных устройств, которые застали в момент своего прихода в Новый Свет европейцы; вторая — в характере самой конкисты, ибо процесс завоевания этих «царств» не был одинаковым.

Ко времени появления испанцев в Перу инкская «империя», да и сама цивилизация кечуа достигли своего расцвета. Что же касается индейцев майя, создателей наивысшей цивилизации доколумбовой Америки, то в те времена они переживали период глубочайшего упадка. От их былого могущества мало что сохранилось, особенно в плане чисто внешнего его проявления, по которому, однако, поначалу судят чужеземные пришельцы в целом о культуре до того не известного им народа. Только в 1563 г., т. е. более чем полвека спустя после первых «контактов» испанцев с майя, епископ Диего де Ланда смог разобраться в том, кем в действительности были и чего достигли индейцы майя,

---

[1] *Кузьмищев В. А.* Еще раз об инках.— Латинская Америка, 1973, № 2, с. 129—150.

и написать свое «Сообщение о делах в Юкатане» — первое и, по существу, единственное сочинение, из которого мир узнал об этой выдающейся цивилизации древности (правда, узнал лишь по прошествии трех столетий) [2]. Ацтеки же только еще шли к вершинам своей цивилизации, и в их культуре чужие достижения — например, такой важнейший элемент культуры земледельческих народов, как календарь (ацтеки заимствовали его у майя).— пока играли бо́льшую или такую же роль, как и собственные. Иными словами, процесс становления культуры ацтеков не был в тот момент завершен.

Все эти явления не могли не быть замечены европейцами, и они в разной форме нашли свое отражение в сочинениях хронистов. Более того, о подобных явлениях мы сегодня знаем именно из их трудов, а также благодаря дошедшим до наших дней остаткам материальной культуры этих народов.

Вот почему инки, будучи более законченной и более совершенной моделью цивилизаций Нового Света, легче воспринимались и поддавались описанию. В Тауантинсуйю, с его подлинно образцовым порядком, как бы заранее все было разложено по соответствующим «полочкам», с которых любой любознательный и, естественно, грамотный первооткрыватель, конкистадор или монах,— последний зачастую выступал во всех трех ролях — мог получать необходимую, а точнее, доступную его разумению информацию, которую оставалось лишь переосмыслить и записать.

Вторая причина — характер конкисты — также позволила описать Тауантинсуйю гораздо подробнее и, что немаловажно, значительно более широкому кругу лиц, чем это случилось с другими очагами культуры аборигенов Америки. Конкистадорам Мексики, например, попросту некогда было знакомиться с цивилизацией ацтеков, поскольку сама конкиста носила характер быстротечной, жестокой и непрерывной военной кампании. Когда же она завершилась, то практически уже не с чем было знакомиться, ибо до того богатая и процветавшая «империя» была полностью разрушена, а носители ее культуры, особенно знать и жречество, почти поголовно уничтожены.

Хотя конечный результат появления испанцев в Тауантинсуйю оказался таким же, как и в Мексике, сам процесс завоевания Перу, как уже говорилось выше, выглядел совсем иначе. Наличие в течение длительного периода в Перу двух социальных лестниц, когда испанцы не только допускали, но и в известной степени поощряли деятельность инкских властей (т. е. государственного аппарата инков), стремившихся нормализовать обстановку в стране и видевших в испанцах своих союзников в борьбе против мятежного Кито, создавало достаточно хорошие условия для наблюдения в действии всего социально-экономического механизма инкского государства.

---

[2] *Де Ланда Д.* Сообщение о делах в Юкатане. М.— Л., 1955.

Более того, уже после установления своего господства в Перу испанцы могли пополнить знания о завоеванном государстве — сотни инков из семейного клана правителей Тауантинсуйю оставались в живых, а некоторые из них, особенно чистокровные претенденты на престол инки-правителя, были вывезены в Испанию. Все они знали, хранили и соблюдали многие из древних обычаев своих могущественных предков. В Испании и в колонии находилось также немало метисов, связанных кровным родством с кланом инков.

Трудно себе представить более благоприятную ситуацию для получения точной и подробной информации о Тауантинсуйю, тем более, что и испанцы-перулеро, и обученные грамоте индейцы, и метисы не просто созерцали происходившее, а стремились рассказать о нем в своих пространных сочинениях, дабы увековечить одну из величайших трагедий истории человечества.

Но хронисты, хотя в своем большинстве люди и талантливые, не имели должной подготовки (даже и по тогдашним понятиям), а одной объективности и доброй воли оказалось мало для правильного восприятия и анализа той социально-экономической картины, которая предстала перед ними в ходе разрушения и уничтожения Тауантинсуйю. В лучшем случае они смогли правдиво изложить то, что сами увидели или что им было рассказано. Вот почему даже сегодня многое еще остается неизвестным или непонятным, а среди ученых идут бесконечные споры не только по отдельным частным вопросам, но и по главному из них: к какой социально-экономической формации принадлежало инкское общество, т. е. каков был уровень развития одной из наиболее выдающихся цивилизаций Америки до прихода туда европейцев?

Имея это в виду и учитывая также тогдашний уровень общественных наук, не приходится удивляться, что дошедшие до наших дней довольно многочисленные документы об испанской конкисте Тауантинсуйю носят почти исключительно описательный характер. Между тем именно эти нарративные источники составляют наряду с археологическими исследованиями единственную основу для сегодняшних обобщений и выводов.

С этих позиций мы и рассматриваем творчество Инки Гарсиласо и те сочинения, которые позволили бы выявить наиболее сильные и слабые стороны его творчества.

Мы не случайно обратили внимание читателя на то, что о Перу и его завоевании испанскими конкистадорами писал широкий круг лиц. Он действительно был широк и к тому же весьма представителен, ибо среди авторов «хроник», «сообщений», «историй» и т. п. фигурируют, во-первых, как сами испанцы, так и чистокровные представители клана инков, а также метисы и даже индейцы некечуанского происхождения, правда ассимилированные и кечуанизированные еще задолго до прихода испанцев в Тауантинсуйю; во-вторых, авторами были и простые испанские солдаты, и высокопоставленные чиновники колони-

альной администрации, и священнослужители, и торговцы, и малограмотные индейцы, и профессиональные литераторы; и, хотя среди них не было двух главных вождей конкисты Франсиско Писарро и Диего де Альмагро (оба, как известно, были неграмотными), все же фамилия Писарро фигурирует и в списках хронистов: это Педро, племянник покорителя и первого губернатора Перу [3].

Этот не претендующий на полноту, но достаточно пестрый перечень тех, кто выступал в качестве авторов хроник, убедительно говорит о разноликости этнического и профессионального состава сочинителей, выступавших в XVI—XVII вв. по «инкскому вопросу» или в какой-то степени коснувшихся его в своих произведениях.

Однако не это определяет их сходство или отличие друг от друга. Куда важнее были политические интересы и симпатии самих авторов. Среди них мы находим и активных сторонников инков и их ярых врагов, борцов за право индейцев и тех, кто не считал аборигенов Америки людьми. Одни из авторов писали по велению своей души, другие выполняли социальный заказ или простое указание властей, естественно испанских. При этом каждый из них ставил перед собой конкретную задачу, преследовал конкретную цель. Это предопределило не только форму написания сочинения, но и характер и даже способ подбора необходимых материалов, информации.

Вот почему сами труды резко отличаются друг от друга по содержанию и по чисто формальным признакам. Так, если Инка Гарсиласо написал труд об инках и о завоевании Перу («Комментарии» и «Всеобщая история Перу») объемом почти в 100 авторских листов, то сравнительно недавно обнаруженная Р. Поррасом Барренечеа «Хроника Диего де Трухильо» вполне уложилась менее чем на одном авторском листе печатного текста [4].

Сочинения неоднородны и по своему жанру; среди них имеются и беллетристические произведения в прозе и стихах, и путевые записки, и исторические исследования, и политические памфлеты, и даже документы, оформленные у нотариуса по всем правилам того времени.

Имеются и другие элементы, резко отличающиеся друг от друга. Так, Инка Гарсиласо приводит нескончаемый перечень действующих лиц и широко цитирует не только современных ему, но и античных авторов. Только именной указатель к «Комментариям» содержит почти три сотни имен, а предметно-именной указатель к полному собранию сочинений дает почти пять тысяч терминов, названий и имен. Между тем такой хронист, как Франсиско де Херес (он был личным секретарем Франсиско Пи-

---

[3] *Pizarro.* Relación...

[4] *Porras Barrenechea R.* Una relación inédita de la Conquista. La Crónica de Diego de Trujillo. Miraflores (Lima), 1970.

сарро и одним из первых еще в 1535 г. опубликовал «Сообщение» о завоевании Перу)[5], «умудрился» написать свою историю конкисты, упомянув лишь имена Франсиско Писарро и его брата Эрнандо (в отличие от испанцев индейцы представлены куда более полным перечнем имен).

К этим и подобным особенностям сочинений примешиваются и чисто субъективные моменты, связанные с личными возможностями самих авторов, учесть которые сегодня попросту нельзя: талант, образованность, эрудиция и даже элементарная грамотность сочинителей, не говоря уже о степени их добросовестности, наложили печать на произведения.

Для проведения сравнительного анализа нами были отобраны произведения четырех авторов, включая «Комментарии» Гарсиласо. Все они создавались примерно в один и тот же период — вторая половина XVI — начало XVII в. Каждое из них абсолютно оригинально и, бесспорно, интересно. Все четыре сочинения сегодня входят в золотой фонд перуанской историографии об инкском периоде, хотя не сразу и не одновременно получили столь высокое признание. Кроме того, они относятся к числу немногих работ, полностью посвященных Древнему Перу, в то время как большинство тогдашних хроник, историй и сообщений повествует главным образом об испанском завоевании Нового Света и рассматривают «империю» инков лишь как объект конкисты (Херес, Гомара, Сарате, П. Писарро и др.).

Первое из них по времени написания — мы будем придерживаться именно этого порядка при нашем разборе — принадлежит Педро де Сьеса де Леон; второе — Педро Сармьенто де Гамбоа; третье — Фелипе Гуаману Поме де Айяла.

Сьеса и Сармьенто — испанцы; Гуаман Пома — индеец из знатного рода Яровильков, правившего в Уануков (ныне департамент современного Перу) еще до прихода туда завоевателей-инков; Гарсиласо, как мы уже знаем,— метис с инкской кровью.

Таким образом, отобранные нами авторы представляют, во-первых, испанских завоевателей, разрушивших Тауантинсуйю и ставших полновластными хозяевами колониального Перу; во-вторых, неинкскую знать земель, вошедших насильственным путем в состав «империи» инков, и наконец, клан самих правителей Тауантинсуйю (правда, только по женской линии).

С жизнью Гарсиласо мы уже знакомы. Теперь следует хотя бы коротко рассказать о трех других авторах.

ПЕДРО ДЕ СЬЕСА ДЕ ЛЕОН

Сьеса был родом из Льерены (Эстремадура). Впервые на земли Нового Света он ступил в Картахене в 1535 г., когда ему было всего 13 лет. Вот что пишет он в предисловии к своей

[5] *Jerez (Xerez).* Verdadera Relación...

знаменитой книге, известной под названием «Хроника Перу, наново написанная Педро де Сьеса де Леон, жителем Севильи» (Севилья, 1553 г.):

«Поскольку я покинул Испанию, где был рожден и воспитан, в столь раннем возрасте, когда мне еще не исполнилось полных тринадцати лет, и поскольку я потратил в Индиях за морем Океаном более семнадцати лет времени, многое из которого ушло на конкисты и на открытия [новых земель], а другое — на новые поселения и на поездки то по одним, то по другим районам (partes), и поскольку там можно увидеть такие великие и необычные вещи, которые имеются в этом Новом Свете Индий, у меня возникло великое желание описать некоторые из них, которые я видел собственными глазами, а также о которых услышал от лиц, заслуживающих огромного доверия» [6].

В этом же предисловии Сьеса разъясняет причину, побудившую его взяться за перо: «Никто не утруждал себя записью того, что происходило. А ведь время пожирает память... [и] в будущем не будут знать правдивые сообщения о том, что произошло» [7],— не без огорчения пишет он. Здесь же Сьеса сообщает, что его труд о Новом Свете будет состоять из четырех частей, одна из которых расскажет о «демаркации и делении на провинции Перу».

Это и есть та самая «Хроника Перу», из предисловия к которой взяты приводимые нами слова хрониста. «Во второй части,— продолжает Сьеса,— я коснусь господства инков юпанков [8], которые были древними королями Перу; их великих дел и правления; сколько их было и какие имена они носили; таких величественных и роскошных храмов, которые они возвели; невероятное великолепие (grandeza) дорог, которые они построили; и других великих вещей, которые находятся в том королевстве. В этой книге также будет дано сообщение о том, что рассказывают эти индейцы о потопе, и как инки возвеличивают свое происхождение» [9].

Две другие части, по замыслу автора, будут связаны с появлением испанцев в Перу; так, третья часть расскажет об открытии и завоевании испанцами Перу, а четвертая, разбитая на пять самостоятельных книг, поведает читателю о междоусобных войнах среди самих испанских завоевателей (Сьеса называет их по имени тех крупнейших сражений, которые фактически решили судьбу войн: это битвы при Салинасе, Чупасе, Кито, Гуарине и Хакихауане).

Сразу же укажем, что Сьеса почти полностью выполнил эту

---

[6] La Crónica del Perú nuevamente escrita por *Pedro de Cieza de León*. Vecino de Sevilla.— En: Crónicas..., México, s. f., p. 131.
[7] Ibid., p. 132.
[8] Здесь и дальше в переводах дается не общепринятое написание названий и имен, а приводимое в оригинале у цитируемого автора.
[9] Crónicas..., p. 133.

обширнейшую программу, хотя умер совсем молодым,— как удалось сравнительно недавно установить, это случилось 2 июля 1554 г.[10], когда хронисту было немногим более тридцати лет (ранее предполагалось, что он умер в 1560 г.).

Однако при жизни вышла только первая часть его сочинения — цитируемая нами «Хроника Перу», остальные появились значительно позже и не все полностью (последнее касается книг о «гражданских войнах» в Гуарина и Хакихауана).

Нет сомнений, что человек этот был необычайной одаренности и невероятного трудолюбия. В Новый Свет он приехал не как хронист, призванный описать эту величайшую трагедию и одновременно героическую эпопею, а как солдат-завоеватель, стремившийся, как и все испанцы, к личному обогащению. «Он участвовал в походах вместе с конкистадором Педро де Эредиа, перейдя затем в войско лиценциата Хуана де Вадильо, когда тот находился в Картахене, чтобы потребовать отчет от первого; он был среди тех, кто пошел на юг по долине Каука под водительством ученого лиценциата. Он был одним из тех, кто основал Картаго (1540 г.). Воевал под командованием маршала Хорхе Робледо, которого приговорил к виселице Беналькасар. Не связанный обязательствами и, похоже, испытывая желание принять участие в защите интересов короля (Испании.— *В. К.*) в последней из крупных кампаний, которую породили разногласия между конкистадорами северо-западной зоны Южной Америки, он присоединился к экспедиции, организованной Педро де ла Гаска против Гонсало Писарро. Он принял участие в сражении Хакихауана (1549 г.). Он не получил крупного вознаграждения, хотя Ла Гаска присвоил ему титул «Хрониста» и открыл перед ним двери малочисленных документальных фондов вице-королевства. В течение 1550 г. мы находим его в Лиме, готовящимся к возвращению в Испанию ...можно предположить, что он осуществил свою поездку в самом конце 1550 или в начале 1551 г., последнее представляется более предпочтительным... Оказавшись снова на своей родной земле, он принял решение опубликовать свою обширную в законченном виде Хронику[11], из которой появилась лишь первая часть»[12].

Таков в предельно лаконичном изложении (оно принадлежит известному кубинскому ученому Хулио Ле Риверенду) жизненный путь Педро де Сьеса де Леон. О нем известно главным образом из сочинений самого хрониста, а также из архивных документов Испании, связанных с конкистой Нового Света. Особую ценность для изучения биографии Сьесы имеют исследования, проведенные Мигелем Матикореной в 50-х годах нашего века в

---

[10] *Cieza de León.* La Crónica del Perú. Prólogo (Colombia), 1971, p. 12.

[11] Ле Риверенд в данном случае имеет в виду все сочинение полностью, т. е. все части, включая и «Хронику Перу».

[12] *Le Riverend Brusone Julio J.* Prefacio.— En: Crónicas..., p. 14, 15.

знаменитых архивах Севильи[13]. Они позволили понять и еще выше оценить многие факты из биографии Сьесы, особенно относящиеся к последнему периоду его жизни, когда он, вернувшись в Испанию из Перу, заканчивал свой многотомный труд. Правда, обнаруженные Матикореной документы, уточнив одни вопросы, одновременно внесли еще большую путаницу в другие, в частности в датировку биографии хрониста. Однако вне зависимости от того, было ли Сьесе де Леон 32 года или 36 лет, когда смерть оборвала его жизнь[14], наше отношение к нему и к его сочинениям не может от этого измениться.

Это был действительно выдающийся человек, один из тех немногих конкистадоров, которые оказались способны взглянуть на происходившие вокруг них события как бы со стороны и потому сумели поведать миру суровую правду как о самой конкисте, так и о дотоле неведомом мире аборигенов Америки. И еще,— его жизнь оказалась настоящим подвигом.

«Он мог с известной гордостью сказать,— пишет Ле Риверенд,— что в то время, как все остальные участники дневного перехода отдыхали, сам он делал записи, чем утомлял себя еще больше. Подобного примера нет во всей Америке, и их не так уж много в мире, примера, когда двадцатилетний юноша (он начал писать в 1540 г.), не обладавший сколько-нибудь заметной эрудицией солдат, брался за перо, чтобы в гуще страданий от нескончаемых военных кампаний описать то, что он видел во время своего, одного из самых необыкновенных, путешествия, которые только известны истории. И не просто описать, ибо после назначения хронистом, да и до этого, он лично объездил многочисленные поселки и места, расспрашивал «старую гвардию» (конкистадоров.— *В. К.*), читал документы, спрашивал простых индейцев, кипукамайоков, наконец всех, кого можно было спросить»[15].

Восхищает исключительная внимательность, методичность и терпеливость Сьесы, а его трудолюбие не поддается описанию. Именно эти качества компенсировали отсутствие у хрониста

---

[13] *Maticorena Estrada M.* Cieza de León en Sevilla y su muerte en 1554. Documentos. Historiografía y Bibliografía Americanista.— En: Anuario de Estudios Americanos, t. XII. Sevilla, 1957, p. 615—674.

[14] Из архивных документов следует, что Сьеса выехал из Испании в 1535 г. Как он сам пишет, ему тогда было 13 лет. Он же указал, что провел в Новом Свете 17 лет, т. е. до 1552 г. Однако по тем же документам известно, что он вернулся в Испанию в самом начале 1551 г. Далее, как пишет сам Сьеса, в 1550 г. ему было 32 года, но тогда выходит, что он должен был родиться в 1518 г. и, следовательно, не мог попасть в Америку в возрасте 13 лет. Отсюда неясно также, сколько ему было в 1554 г., когда он умер. Как нам представляется, вся эта неразбериха может быть устранена только в том случае, если Сьеса в 1535 г. поехал в Новый Свет во второй раз, однако ни он сам, ни документы не подтверждают такое предположение.

[15] *Le Riverend.* Prefacio..., p. 15.

сколько-нибудь серьезного образования (не будем забывать, что его жизнь солдата и завоевателя началась в 13 лет).

Сьеса велик еще и потому, что не оказался безразличен к сложнейшей проблеме своего времени, к проблеме индейца Нового Света. Она стояла лично перед ним как перед конкистадором, и была его проблемой. У него не было времени размышлять,— чтобы выжить, он должен был действовать, защищать свою собственную жизнь в многочисленных стычках и непрерывных военных походах. Он не сразу и не до конца понял эту проблему. Как тонко подметил Хулио Ле Риверенд, Сьеса вместе с большинством других хронистов из Европы выступал во многом в качестве «оценщика», который словно бы прицеливался к сказочным богатствам Нового Света и, в частности, Перу. В этом сказался «экономический образ мыслей» тогдашнего европейца, неспособного понять, например, полнейшее пренебрежение перуанских индейцев к золоту [16].

Однако его отношение к индейцу было отличным от большинства соотечественников. В этой связи приходится лишь удивляться тому, что испанские власти, со всей строгостью охранявшие «секреты» конкисты, к числу которых относились невероятные жестокости конкистадоров и массовое уничтожение аборигенов, разрешили выход в свет «Хроники Перу» Сьесы де Леон.

О том, что это был очевидный недосмотр, свидетельствует судьба остальных произведений Сьесы. Так, из обнаруженных Матикореной документов явствует, что все они не просто затерялись в архивах, а вполне преднамеренно были упрятаны в них, дабы недопустить их публикацию. Вот почему почти четверть века спустя после смерти хрониста — в 1578 г.— его родной брат священник Родриго де Сьеса все еще безуспешно пытался получить назад рукописи Педро, ходившие по рукам разного рода правительственных чиновников и представителей духовенства, которые проявляли поразительное «неповиновение» указам властей относительно рукописей Сьесы.

Вот что значится в одном из документов, адресованном испанскому двору и составленном на основе жалобы брата хрониста: «Родриго де Сьеса говорит, что Ваше Высочество приказало, чтобы книги, которые написал его брат Педро де Сьеса о делах в Перу, были бы принесены в Совет (по делам Индий.— *В. К.*) и, хотя об этом было сообщено Хуану Веласко (хронист-космограф.— *В. К.*), во власти которого они находятся, чтобы он передал их Совету с указанной целью, и он много раз отвечал, что они находятся у него и что он их передаст, он не сделал этого и не желает делать по причине своих личных целей, [вот почему] он (Родриго.— *В. К.*) просит приказать, чтобы альгвасил посадил бы его (Веласко.— *В. К.*) в тюрьму, пока он не отдаст

---

[16] Ibid., p. 18.

указанные книги и они не будут переданы этому Королевскому совету, как это приказано — да будет услышано»[17].

Но рукописи так и не были возвращены брату хрониста для их публикации. Как указывает колумбийский историк Серхио Элиас Ортис, они все же попали в Королевский совет: «Можно предположить,— пишет Ортис,— что Лопес де Веласко отдал рукописи, ибо они затем появились у нашего Главного хрониста Его Величества по Индиям и его Хрониста по Кастилии дона Антонио де Эррера-и-Тордесильяс, который использовал без каких-либо колебаний, что тогда было обычным делом, сочинения Сьесы де Леон, вплоть до того, что включил в свои «Декады» почти in integrum третью книгу о войнах в Кито»[18].

К вопросу о том, как Эррера воспользовался рукописями Сьеса, мы еще вернемся. Сейчас же укажем, что после этого упоминания след рукописей окончательно исчезает. Они будут обнаружены лишь три столетия (!) спустя. Тогда же их издадут.

Этому не приходится удивляться, ибо даже изданная в 1553 г. «Хроника Перу» была вновь опубликована в Испании также лишь через три столетия, хотя ее издания на испанском языке и переводы не раз появлялись в других странах, но только не в Испании.

Сьеса описал свои скитания и походы с такой поразительной точностью в смысле передачи окружавшей его природной среды, что его труд не утратил своего значения и по сей день. В нем же мы находим великолепные данные по этнографии современных Колумбии, Эквадора, Боливии и Перу.

«Как историк,— пишет Хулио Ле Риверенд,— Сьеса завоевал уважение, которого добились немногие из первых авторов. Кое-кто называет его «Князем американских хронистов» и «самым благоразумным и правдивым из них» (Хименес де Ла Эспада) и не без основания, хотя, возможно, допуская при этом некоторое преувеличение»[19].

Развивая дальше эту же мысль, Ле Риверенд утверждает, что «как Эррера, так и Гарсиласо де ла Вега следуют за ним (за Сьесой.— *В. К.*) на близком расстоянии во многих аспектах и зарабатывают себе незаслуженную славу за счет усердий этого и других историков»[20].

Последнее высказывание Ле Риверенда приведено нами не случайно. С ним трудно согласиться хотя бы потому, что Инка Гарсиласо сам называет Сьесу авторитетным испанским историком и при этом постоянно цитирует первую часть его «Хроники Перу», с которой он не просто был знаком, а изучил ее доскональнонейшим образом. Не трудно подсчитать (первым это сделал англичанин Маркхем), каких авторов и сколько раз цитирует

---

[17] *Maticorena M.* Cieza de León..., p. 634.
[18] *Ortiz.* Prólogo..., p. 17.
[19] *Le Riverend.* Prefacio..., p. 19.
[20] Ibid., p. 20.

Гарсиласо. Среди них Сьеса стоит на первом месте — 30 раз. Возможно, будь Инка Гарсиласо знаком с остальными частями труда Сьесы, в том числе с той из них, которая целиком посвящена инкам и их «империи», он процитировал бы его еще не один десяток раз. Но в том то и дело, что они, эти части, не были опубликованы при жизни Гарсиласо, а увидели свет, как мы уже знаем, почти три столетия спустя после его смерти.

Так, вторая часть труда Сьесы была впервые издана в 1870 г., а ее наиболее полный и совершенный вариант, подготовленный Маркосом Хименесом де ла Эспада (на него ссылается Ле Ривеpенд), вышел лишь в 1880 г. Он вошел в мировую литературу под названием «Господство инков».

То, что испанский хронист, автор «Всеобщей истории Индий» и других сочинений Антонио де Эррера-и-Тордесильос (1559—1625 гг.), как правильно указал Ле Ривеpенд, использовал труды Сьесы недобросовестным образом, было отмечено еще Хименесом де Ла Эспада. «Эррера,— писал Ла Эспада в предисловии к своему изданию «Господства инков»,— брал эпизоды (asuntos) также прямо из эскориальной копии [21] иногда целиком дословно, в других случаях — экстрактами, приводя их в порядок на свой манер... оставляя при этом в неприкосновенности многие из характерных для нее (т. е. рукописи Сьесы.— *В. К.*) ошибок» [22].

Кроме того, и это немаловажно, Эррера мог использовать рукопись Сьесы, поскольку носил достаточно пышный титул «Главного Хрониста Его Величества по Индиям», что, как не трудно понять, открывало Эррере доступ к испанским архивам. Положение же Гарсиласо, когда он писал свои «Комментарии», было совсем иным. Вот почему Хименес де ла Эспада видит совсем другую проблему в вопросе «взаимоотношений» Сьесы и Гарсиласо: «Кто вернет ему (Сьесе.— *В. К.*) имя первого летописца Инков и их деяний, которым он должен был бы заслуженно наслаждаться самым первым и уже с 1552 года?» — патетически восклицает испанский исследователь и издатель древних рукописей и продолжает: «Разве Инка Гарсиласо де ла Вега мог бы гордиться по сей день монополией на авторитет в вопросе перуанских древностей и истории тех монархов, если бы Вторая часть хроники Сьесы появилась бы, как это могло случиться, на полвека раньше, нежели «Подлинные комментарии?» — и сам отвечает: — «Безусловно — нет» [23].

Как нетрудно заметить, здесь совсем иная постановка вопроса, чем у Ле Ривеpенда. Речь идет не о добросовестности Инки Гарсиласо, а о том, что его труд, т. е. «Комментарии», якобы

---

[21] Рукописная копия «Господства инков» была обнаружена Хименесом де ла Эспада в библиотеке королевского замка «Эскориаль»; отсюда — название рукописи.

[22] *M. Jimenez de la Espada.* Prefacio.— En: El Señorío de los Incas yupanquis y de sus grandes hechos y gobernación por *Pedro de Cieza de León,* p. 13.

[23] Ibid., p. 14.

незаслуженно считался первым и наиболее авторитетным исследованием об инках, между тем как «Господство инков» Сьесы в течение почти двух с половиной столетий было неизвестно не только широкому кругу читателей, но даже исследователям истории Древнего Перу.

Хименес де ла Эспада, обнаруживший этот бесценный для истории доколумбовой Америки документ, естественно, взволнован. И если в вопросе о приоритете его решительное «нет» не подлежит даже малейшему сомнению (оно может возникнуть лишь в случае обнаружения какой-то доселе неизвестной рукописи того далекого периода, что теоретически допустимо, хотя и кажется маловероятным), то в деле «монополии на авторитет» в перуанских древностях, будь-то Гарсиласо или Сьеса, сама постановка вопроса попросту неправомерна.

Забегая вперед, скажем, что сравнительный анализ даже четырех отобранных нами произведений о Древнем Перу — а их не четыре, а более ста! [24] — убедительно опровергает любой тезис о чьей-либо «монополии» в данной области исторических исследований.

Что же касается вопроса о том, кто из древних хронистов мог больше «гордиться» своим сочинением, то он по своей сути и в несколько иной форме — «кем мы можем больше гордиться?» — как раз и есть та проблема, которую нам предстоит рассмотреть.

Но сравнивать «Комментарии» мы будем не с «Хроникой Перу», хотя именно это произведение Сьесы пользуется наибольшей известностью, ибо сравнительный анализ «Комментариев» и «Хроники Перу» — занятие малоправомерное, поскольку в данном случае нам пришлось бы сопоставлять произведение — «Комментарии» с одним из важнейших источников — «Хроникой», на основе которого оно написано. Кроме того, в «Хронике Перу» сами инки и их «империя» занимают по объему сравнительно незначительное место, т. е. Сьеса уделил в ней большее внимание описанию «земель» и «народов», которые увидел или о которых узнал во время своего 17-летнего пребывания в Южной Америке. Учитывая эту особенность книги, Инка Гарсиласо гораздо чаще называет ее «Демаркацией», нежели «Хроникой». И он прав. Ибо сам Сьеса именно так характеризует это свое сочинение в предисловии, уже не раз цитированном нами: «Эта первая часть (всего сочинения.— *В. К.*) касается демаркации и деления на провинции Перу, как в части моря, так и суши, и что они имеют по долготе и по широте; [она содержит] описание всех их, оснований новых городов, которые основали испанцы, кто были [их] основателями, в какое время их заселили; ритуалов и обычаев, которые в древности имелись у местных

---

[24] Рауль Поррас Барренечеа в своем известном труде «Перуанские исторические источники» (*Barrenechea R. Porras.* Fuentas históricas peruanas. Lima, 1968) называет около 80 имен хронистов, отнюдь не исчерпывая этим их список.

индейцев, и других необычных и очень отличных от наших вещей, которые достойны быть отмечены» [25].

Таким образом, определяя содержание «Хроники Перу», Сьеса не упоминает инков. Им он посвящает «Господство инков», не менее точно оговаривая содержание этой книги в том же приведенном нами выше предисловии. Все это дает основание остановить наш выбор для сравнительного анализа именно на «Господстве инков».

В публикации 1880 г. полное название этого сочинения выглядит так: «Вторая часть Хроники Перу, которая касается господства инков юпанков и их великих деяний и правления, написанная Педро де Сьеса де Леон и опубликованная Маркосом Хименесом де ла Эспада. Мадрид. Печатные мастерские Мануэля Хинеса Эрнандеса. Либертад, 16 удвоенных, низкая. 1880».

ПЕДРО САРМЬЕНТО ДЕ ГАМБОА

Несомненно, более сложной фигурой является другой из интересующих нас авторов — капитан Сармьенто. Известный советский писатель и историк Я. М. Свет написал о нем интереснейшее исследование [26], что освобождает нас от необходимости подробно рассматривать его полную трагических приключений биографию. Поэтому мы коснемся лишь тех моментов его жизни, которые непосредственно связаны с Перу и с написанием «Индийской истории» — таково общепринятое название сочинения Сармьенто об инках.

Как указывает сам капитан Педро Сармьенто де Гамбоа, история инков была составлена им по прямому приказу вице-короля Перу дона Франсиско де Толедо [27]. К этому можно добавить только то, что «Индийская история» является одним из главных трудов по истории Древнего Перу, относящихся к так называемой «толеданской школе», или «толеданскому направлению». Это направление не просто связано с именем вице-короля Толедо, но и выражает сущность испанской политики в колониальном Перу, первым и наиболее решительным проводником которой стал именно Франсиско де Толедо, гранд Кастилии и троюродный брат печально известного герцога Альбы.

Вот почему сочинение Сармьенто де Гамбоа является не литературным произведением, а документом с четко обозначенной задачей: доказать на примере Перу правомерность испанского завоевания Нового Света.

Поставив перед собой подобную задачу, автор документа прежде всего должен был решить «проблему инков», руками которых была создана гигантская «империя» Тауантинсуйю. Нужно было найти нечто такое, что устранило бы их из обществен-

---

[25] *Cieza.* La Crónica.... p. 133.
[26] *Свет Я. М.* В страну Офир. М., 1967.
[27] *Sarmiento de Gamboa.* Historia Indica, 1965. Madrid, p. 195.

ной и политической жизни Перу на «законном» основании, т. е. теоретически и юридически обосновало уже сделанное и то, что предстояло еще осуществить для полной ликвидации инков как претендентов на верховную власть в Перу.

Язычество, официальное многоженство инки-правителя и другие аналогичные «нарушения» действовавших в тогдашней католической Испании морально-правовых норм, конечно, при соответствующем их толковании формально могли составить достаточно серьезную основу для объявления вне закона бывших правителей Тауантинсуйю и даже предания их гражданскому суду, не говоря уже об инквизиционном следствии. Однако сами испанцы не могли не понимать чрезмерную шаткость подобных правовых концепций. Им нужен был более весомый аргумент, более очевидное преступление (в том числе с позиций естественного права, господствовавшего тогда над передовыми умами Европы), которые неопровержимо убедительно доказывали бы *незаконность* пребывания у власти клана инков и как следствие этого представляли бы их отстранение от власти, т. е. испанскую конкисту, не только законным, но и гуманным актом, чем-то вроде победы дела высшей справедливости.

Таким преступлением могла быть только узурпация власти в Перу самими инками. Как раз это и должен был доказать документ, который взялся составить Педро Сармьенто де Гамбоа.

Но и этого было мало. Нужно было, чтобы никто не усомнился в правовой и общечеловеческой обоснованности такого документа. Ему следовало придать максимально возможную убедительность и, конечно, законную силу. Последнее не представляло труда — закон и сила были на стороне завоевателей. Все другие проблемы могли бы решиться сами собой, если бы достоверность содержания такого документа засвидетельствовали бы ...представители клана инков.

Такова была, скажем прямо, нелегкая задача, поставленная вице-королем перед Педро Сармьенто де Гамбоа в самом начале 70-х годов XVI в.

Почему именно выбор вице-короля Толедо пал на капитана Сармьенто, мы затрудняемся ответить. Еще труднее понять, почему капитан согласился выполнить это задание. Ведь для его успешного осуществления требовались не только ум, настойчивость, достаточно высокая культура и образованность (всем этим Сармьенто, несомненно, обладал), но и нечто другое: составитель документа или должен был быть глубоко убежден в правоте «испанского дела» в Новом Свете, или полностью лишен того, что именуется «совестью». Как нам представляется, Педро Сармьенто де Гамбоа по этим критериям не подходил для выполнения задания вице-короля Перу.

Но он не только принял, но и блестяще (если здесь применимо это слово) выполнил его. Забегая вперед, скажем, что для нас кажется возможным только одно объяснение этого факта из

биографии Сармьенто: понимая всю несправедливость «испанского дела» в Перу, капитан не мог не сознавать, что процесс колонизации Америки уже носил необратимый характер. В этих условиях ликвидация последних очагов сопротивления инков и их правления должна была способствовать нормализации обстановки в Перу, что, несомненно, сказалось бы положительно в том числе и на положении индейского населения. Таким путем из двух зол выбиралось меньшее.

Толедо прибыл в столицу своего вице-королевства г. Лиму 30 октября 1569 г. К этому времени Сармьенто де Гамбоа был уже достаточно старым перулеро (он приехал в Перу в 1557 г.). К тому же он обладал весьма сомнительной репутацией. Во-первых, он был подвергнут инквизиционному следствию и приговорен к публичному покаянию, которое состоялось 24 мая 1564 г. в кафедральном соборе Лимы. К месту будет сказано, что это было его второе личное знакомство с инквизицией (первое состоялось еще в Мексике в 1554 г. в «Селении Ангелов», где его подвергли публичной порке также по подозрению в черной магии). С инквизицией Сармьенто предстояло еще встретиться и в 1575 г. Благодаря находчивости, стойкости, а главное уму, ему вновь удастся отделаться «легким отречением». Капитану поможет и то, что Толедо явно симпатизировал ему и недолюбливал церковников[28], хотя именно в его правление в вице-королевстве Перу обосновалась «святая» инквизиция и имело место первое аутодафе: 15 ноября 1573 г. был сожжен «еретик» старик-француз Матье Салад.

Другим неприятным для Сармьенто обстоятельством, также отрицательно повлиявшим на его репутацию (еще до приезда Толедо), была очевидная неудача организованной по его рекомендации морской экспедиции в «страну Офир», где по преданиям должны были быть сокрыты знаменитые сокровища царя Соломона. Правда, экспедиционеры открыли немало дотоле неведомых островов Тихого океана, в том числе и Соломоновы острова, но они вернулись без золота и других драгоценностей, а это означало провал всего их предприятия, длившегося два года (1567—1569) и стоившего не только огромных средств, но и многих жизней.

Неизвестно, как и чем расплатился бы Сармьенто де Гамбоа за эту неудачу с вице-королем Перу Педро Лопе Гарсиа де Кастро, который взял на себя в свое время организацию этой экспедиции, но капитану повезло: новый вице-король Толедо уже плыл в Перу, а у старого оказались дела поважнее, чем неудавшаяся экспедиция, требовавшие к тому же решения до передачи власти.

Известно, что Сармьенто попытался уговорить нового правителя Перу организовать повторную экспедицию в «страну Офир»,

---

[28] См.: *Григулевич И. Р.* История инквизиции. М., 1970, с. 283.

однако Толедо было не до заморских плаваний: он хотел навести порядок в уже завоеванных, но отнюдь не контролируемых испанцами землях бывшей «империи» инков. Более того, вице-король без труда обнаружил, что нынешние хозяева-испанцы имеют о ней весьма смутное представление, что многие районы, считавшиеся усмиренными и освоенными, в действительности никем из испанцев не исследованы, а их жители, скорее в силу привычки и установленных инками порядков, нежели осознав произошедшие перемены, снабжают новые власти старым оброком. Никто не знал даже подлинных размеров завоеванного царства, где проходят его границы и вообще имеются ли таковые? Какие территории все еще контролируются инками или другими индейскими царями, сколько самих испанцев в Перу и чем они владеют? Каковы богатства недр, да и самой земли? Что еще может быть открыто или завоевано на этом гигантском материке и вообще каковы перспективы дальнейшего освоения и развития — и развития куда? — этого нового приобретения испанской короны?

Но Толедо был не теоретиком, а практиком. Он не собирался писать ученые трактаты по всем этим вопросам. «Он считал,— пишет Я. М. Свет,— что все его предшественники были жалкими дилетантами, что они выжимали соки из страны бессистемно и бездумно, что перуанское королевство пребывает ныне в состоянии хаоса и неурядицы. Чтобы создать систему организованного высасывания соков, надо было, по мнению вице-короля, составить исчерпывающую опись всех здешних богатств, с точностью до реала оценить доходные статьи ближних и дальних провинций. Сколько «ревизских душ» имеется в Перу? Ни один чиновник не может дать ответа на этот вопрос — индейцев до сих пор подсчитывали на глазок, между тем как давно назрела необходимость поголовной описи» [29].

Для решения задачи «высасывания соков» нужны были не ученые специалисты, а послушные исполнители. Зато вся подготовительная работа действительно требовала специалистов высокого класса. Как пишет Я. М. Свет, Сармьенто был именно таким человеком. «И, оценив должным образом астрономические и навигационные познания дона Педро, вице-король на удивление всей придворной челяди назначил его главным космографом королевства Перу» [30].

Это назначение кардинально изменило положение Педро Сармьенто де Гамбоа. Он получил возможность применить свои знания на обширнейшем «опытном участке». Более того, вице-король брал его с собой во время своих визитаций. Довольный работой своего специалиста, он сообщил Совету по делам Индий: «Я разыскал ловкого космографа и взял его с собой. Это капи-

---

[29] *Свет Я. М.* В страну Офир, с. 86.
[30] Там же.

тан Педро Сармьенто, человек, сведущий в своем деле, и он измеряет и размечает с должной сноровкой и прилежанием»[31].

Видимо, уже первые поездки-визитации окончательно убедили Толедо в необходимости ликвидации главного очага сопротивления инков — Вилькабамбы. Тогда же могла родиться идея о создании документа, о котором говорилось выше. Оба эти акта, несомненно, связаны самым прямым образом между собой. Их инициатором был Толедо. Сармьенто досталась роль исполнителя. Чтобы облегчить работу капитана (или лучше направить его «поиск»?), вице-король составил специальный опросный лист, по которому должны были отвечать те, у кого предстояло узнать «правду» об инках.

Мы не располагаем сведениями, сохранился ли опросный лист Толедо: ни указаний, ни ссылок на его текст нами не обнаружено. Однако имеется аналогичный по своей сути документ, который позволяет получить вполне отчетливое представление о том, каким он мог быть. Для такого утверждения имеются достаточно веские причины. Во-первых, этот документ был составлен в том же Перу и всего год спустя после завершения работы Сармьенто над «Индийской историей». Во-вторых, оба эти документа были призваны защитить дело испанской короны. В-третьих, в обоих случаях свидетельские показания брались в основном у индейцев, которых опрашивали испанцы. В-четвертых, опрос шел через толмача, ибо опрашивавший и опрашиваемые не владели языками «противной» стороны. Наконец, в обоих случаях опрос носил официальный характер и проходил в присутствии властей.

Все это, как нам представляется, позволяет использовать второй документ в качестве возможной модели первого, чтобы получить хотя бы приблизительное представление о технике составления или, вернее, сбора информации для последующего написания «Индийской истории» Сармьенто и ее официальной апробации. Что же касается существующих между документами различий, то они станут ясны сразу же при рассмотрении второго из них.

Итак, о втором документе. В 1974 г. в Перу была опубликована чрезвычайно интересная работа перуанского историка Эдмундо Гильена Гильена. Она называется «Инкская версия Конкисты»[32] и, несомненно, внесет свой полезный вклад в правильное понимание процесса завоевания Перу испанскими конкистадорами. Здесь мы не будем касаться как частных, так и главных положений, высказанных самим Гильеном, а используем лишь опубликованные в его книге документы, составленные в первой половине 1573 г. и взятые из неисчерпаемого кладезя — Севильского архива Индий.

---

[31] Там же, с. 87.

[32] *Guillen E.* Versión Inca de la Conquista. Lima, 1974.

Документы эти (точнее, это один документ, содержащий ответы 18 опрошенных испанскими властями «свидетелей») носят следующее название: «Доказательство, представленное господином прокурором по иску, предъявленному королевскому казначейству доньей Франсиской Писарро и доном Эрнандо Писарро, ее супругом, относительно 300 000 песо, которые израсходовал маркиз Писарро, отец доньи Франсиски и брат Эрнанда, во время усмирения восстания Инки, и в силу лишения его наследников 20 000 вассалов, которые были ему пожалованы вместе с титулом маркиза де лос Чаркас» [33].

Конечно, размеры иска ближайших родственников покорителя Перу не идут в сравнение с тем, что он завоевал для Испании, т. е. со «стоимостью» бывшей «империи» Тауантинсуйю, отстоять право испанской короны на которую должен был капитан Педро Сармьенто де Гамбоа. Но, повторяем, мы ставим задачу сопоставления не содержания этих документов, а лишь метода их написания, приемов защиты интересов испанской короны, ибо в обоих случаях они практически были идентичными. Именно эта сторона судебного разбирательства «семья Писарро — испанская казна» нас и интересует.

Прокурор королевского Совета по делам Индий лиценциат Бенито Лопес де Гамбоа (совпадение вторых фамилий прокурора и капитана Сармьенто де Гамбоа не исключает их возможного родства, хотя эти совпадения, скорее всего, носят случайный характер) приказал колониальным властям Перу провести расследование законности претензий наследников Франсиско Писарро, для чего был составлен соответствующий опросник и подобраны свидетели из числа индейцев, которые так или иначе были знакомы с событиями уже почти сорокалетней давности. Последнее обстоятельство предопределило возрастной состав свидетелей: он колеблется в пределах от 70 до 90 лет и больше. При этом большинство опрошенных не могло назвать свой точный возраст (напомним, что завоевание Перу падает на начало 30-х годов, восстание Манки Инки — вторая половина этого же десятилетия, а опрос проводился в 1573 г.).

Видимо, здесь же следует указать, что возрастной ценз «свидетелей» Сармьенто был значительно ниже: 3 опрошенных имели возраст до 30 лет; 10 — до 40; 11 — до 50; 3 — до 60; 7 — до 70 и 8—70 лет и более. Самому старшему из них перевалило за 90 лет (опрос состоялся в 1572 г.)[34]. И в этом случае также не все опрошенные могли назвать свой точный возраст, особенно пожилые люди.

Мы уже говорили, что вопросы задавались, а ответы фиксировались на испанском языке через толмача. При опросе присутствовали представители официальных властей, да и сами опра-

---

[33] *Guillen E.* Versión..., p. IX.
[34] *Sarmiento.* Historia..., p. 277, 278.

шивающие относились к этой же категории лиц. Нельзя также забывать, что опрос по иску Писарро шел вскоре после казни последнего Инки Тупака Амару и его ближайших сподвижников. Всякое непослушание, не говоря уже о сопротивлении испанским властям, каралось жестоко и неукоснительно.

Нетрудно представить себе обстановку, возникшую в результате всех указанных обстоятельств, и то нервное напряжение, которое должны были испытывать опрашиваемые испанцами свидетели индейцы.

И вот «свидетелю», который, возможно, толком не знал, зачем его привели на допрос, задают вопрос, требующий незамедлительного ответа. Мы говорим незамедлительного потому, что опросник содержал 70 вопросов, а сам опрос длился всего несколько дней (февраль-март). Но не это было главным: опрашиваемым задавали не простые (типа «что вы знаете о...»), а предельно конкретные вопросы и — что еще важнее — заранее содержавшие ожидаемый и, бесспорно, желательный ответ!

Мы воспроизведем только один вопрос и ответ на него. Подчеркиваем, что по такому «принципу» строились все вопросы и фиксировались ответы на них, если только опрашиваемый не заявлял, что он не располагает сведениями по данной проблеме.

Итак, вопрос № 53: «Знают ли они (свидетели.— *В. К.*), что в то время и в ту пору, когда указанный Эрнандо Писарро совершал дела, изложенные в предшествующих этому вопросах (в них шла речь о вымогательствах сокровищ у пленного Манко Инки.— *В. К.*), вся земля долин и гор и Кольяо была завоевана и пребывала в мире, спокойствии и отдыхе, а индейцы всей этой земли служили и находились в повиновении на службе Его Величества и повиновались его правосудию, не проявляя никаких противоречий, скорее послушание и покорность» [35].

Прежде чем мы воспроизведем ответ на вопрос № 53 (его дал только «свидетель» № 18 по списку документа), необходимо указать, что все касавшиеся Манко Инки вопросы с предельной ясностью должны были «подсказать» опрашиваемым, что так называемое всеобщее восстание индейцев, которое он возглавил, произошло только и исключительно по причине плохого обращения братьев Писарро с этим инкой-правителем. Конечно, бесчеловечное отношение и невероятные издевательства, которым был подвергнут Манко Инка (после вероломного пленения его пытали, держали на цепи, оправлялись ему в лицо, насиловали жен в его присутствии и т. п.), не могли не повлиять на его отношение к испанцам, однако сводить причины восстания индейцев против чужеземных захватчиков только к этому, бесспорно отвратительному факту, означает по меньшей мере неумную попытку за счет «плохих Писарро» спасти репутацию Испании.

Итак, ответ свидетеля № 18: «На пятьдесят и третий вопрос

---

[35] *Guillen E.* Versión..., p. 10.

он сказал, что знает и что правда, и он видел не раз (ha visto y vio), что в ту пору, когда указанный Эрнандо Писарро совершал все дела, которые изложены в предшествующих этому вопросах, вся земля долин и гор и Кольяо пребывали в отдыхе и мире, в отдыхе и спокойствии, и указанные индейцы во всех указанных частях Перу служили и находились в повиновении и на службе у его величества и под его правосудием с большим послушанием и большой покорностью, не проявляя никаких противодействий, и этот свидетель так это видел, и это то, что он отвечает на вопрос» [36].

Видимо, нет нужды анализировать причины абсолютного сходства вопроса и ответа. Подобная «особенность» свидетельствует не столько о скудости словарного запаса опрашиваемого, сколько о порочности метода ведения допроса. Этот «метод» заранее вкладывает в уста «свидетеля» именно ту информацию, которая была необходима опрашивающему. В результате искажались даже общеизвестные факты. На это, в частности, обратил внимание Э. Гильен, хотя он и не счел необходимым указать читателю на изложенную выше «особенность» ведения опроса (это не входило в его задачи). Так, индеец Диего Чуки Хулька (свидетель № 1), являвшийся принципалом селения Сантальяйя, показал, что «он видел, что там (в Кахамарке.— *В. К.*) убили указанного Атабалипу, и *он видел, как ему отрубали голову*» (курсив мой.— *В. К.*) [37].

В этом месте текста документа, воспроизведенного в книге, Э. Гильен делает нижеследующую сноску: «Испанцы свидетели-очевидцы смерти Атао Вальпы утверждают, что он был удавлен. Херес говорит, что Писарро приказал «задушить его привязанным к столбу» [38]. Предполагаемый Мэна: «Его задушили в ту ночь». Санчо де ла Ос: «Хотя было предписано сжечь его живым, ему закрутили на шее веревку и этим путем удушили». Педро Катаньо: «К нему применили гарроту и так удушили», а П. Писарро написал, что было приказано «гарротировать его».

Изложенные версии,— продолжает Э. Гильен,— указывают на ошибку перуанских свидетелей Диего Чуки Хульки и Диего Кайо Инги (свидетель № 18.— *В. К.*), чьи старческие воспоминания были нарушены содержанием вопроса из опросника, который гласил: «Знают ли они, что указанный дон Франсиско Писарро пленил указанного Атабалипу и без оснований (causa) приказал отрубить ему голову, и ему ее отрубили...» [39]

Имеются и другие, не менее очевидные «слабости» в интересующих нас документах. Например, многие из вопросов, задававшиеся «свидетелям», должны были определить размеры сокровищ, прибранных к рукам братьями Писарро. Цель понятна:

---

[36] *Guillen E.* Versión..., p. 126, 127.
[37] Ibid., p. 22.
[38] Такой способ казни называется «гаррота» или «гарротирование».
[39] *Guillén E.* Versión..., p. 22.

таким путем можно было не только лишить иск каких-либо юридических оснований, но и еще потребовать от истцов компенсацию за потери, причиненные испанской короне. Мы подсчитали, что братья Писарро, если судить по показаниям «свидетелей» по иску Писарро, только со своего пленника Манко Инки получили в Куско более 3 миллионов песо золотом[40], сумма даже для сказочно богатого Перу сомнительная, ибо в нее не вошли «выкуп» Атауальпы в Кахамарке, сокровища из храма в Пачакамаке и даже военная добыча испанцев в Куско, которая, как известно, состояла главным образом из серебра и превысила «доходы» конкистадоров от пленения Атауальпы.

Как нам представляется, и здесь королевскому казначейству помогла та же техника опроса «свидетелей». Ибо трудно понять, как могли индейцы, не умевшие сосчитать или назвать свой собственный возраст, определять размеры сокровищ, исчислявшихся в миллионах песо, т. е. испанских мерах веса (слово «песо» означает «вес», ибо первоначально все награбленное добро попросту взвешивалось, и только много лет спустя «песо» превратилось в чеканную монету со своей нарицательной стоимостью)?

Так, «свидетель» Диего Инга Моча, главный касик селения Альяука, в момент прихода испанцев имевший уже внуков, а в период опроса, «как казалось ему, насчитывавший девяносто лет, скорее более, нежели менее»[41], дал следующие «показания» о размерах награбленного братьями Писарро в Кахамарке: «...было больше указанных (двух.— *В. К.*) миллионов, о которых говорит вопрос (№ 14.— *В. К.*), и их было более четырех миллионов, потому что ему объяснили через указанного языка (т. е. переводчика.— *В. К.*), что такое каждый из миллионов, и, поняв таким образом, он сказал, что столько и было (aquello) или много больше, чем было сказано, и все это, что было указано, видел этот свидетель, а его бóльшую часть забрал указанный маркиз дон Франсиско Писарро и Эрнандо Писарро и остальные их братья...»[42]

Как нетрудно понять, только тот, кто очень остро нуждается в любых «доказательствах», может серьезно рассматривать подобную информацию в качестве средства их достижения.

Может показаться, что все приведенные здесь цитаты и высказывания имеют своей целью оправдать братьев Писарро. Но это не так: процесс над ними уже давно состоялся — суд истории и никто и ничем не может оправдать те невероятные жестокости и зверства, которые имели место под их предводительством (впрочем, как и без него) в Новом Свете — родине миллионов аборигенов, загубленных в результате европейской конкисты. Наша цель совсем другая: повторяем, мы так подробно остановились на

---

[40] Примерно 13 800 кг чистого золота.
[41] *Guillen E.* Versión..., p. 96.
[42] Ibid., p. 97.

настоящем документе, чтобы понять, как, каким путем мог собирать свои данные об инках капитан Сармьенто де Гамбоа.

К счастью для современных историков, изучающих древнее царство инков, капитан Сармьенто не всегда и не на всех этапах своего исследования пользовался изложенным выше методом дознания «истины». Он действительно был умным и образованным человеком, вот почему его «Индийская история» сегодня фигурирует в качестве одного из важнейших источников, без которого немыслимо изучение Тауантинсуйю. По-видимому, ему удалось найти (здесь можно лишь строить догадки, ибо соответствующих документов не сохранилось) великолепного информатора из числа самих инков. Возможно, что информаторов было несколько, и в их числе находились также представители неинкских народов Тауантинсуйю. Последние заставили его взглянуть на историю инков не с традиционных позиций, а совсем по-иному (это и нужно было капитану).

Как бы то ни было, но «ловкий космограф» оказался еще более выдающимся историком. Правда, будучи сторонником легендарной Атлантиды, Сармьенто попытался доказать ее причастность к делам Древнего Перу и даже произвел «соответствующие» космографические расчеты в подтверждение этой гипотезы. Однако подобные «исторические отступления» практически не отразились на том, что является собственно историей инков в изложении Сармьенто (она как раз и будет предметом нашего рассмотрения в надлежащем месте).

Но Сармьенто не только написал, но и официально апробировал достоверность своей «Индийской истории». И сделали это сами инки.

Их собрали вместе для столь важного дела. Как добился этого Сармьенто де Гамбоа — никто не знает. Два дня читали им по-испански текст документа. Толмачи переводили его. Инки слышали знакомые с детства имена своих предков— «сынов Солнца», названия «царств» и «провинций», вошедших в их безбрежную «империю» Тауантинсуйю. Должно быть, они с гордостью вспоминали великие дела своих легендарных предшественников, законными представителями которых считали себя...

С детства приученные к тому, что «сыны Солнца» при всей своей божественности были лишь исполнители воли своего «отца-Солнца», несущего людям свет и благодеяния, они были твердо убеждены, что их государство или, вернее, его правители, дарили всем народам, вне зависимости от того, как, каким путем они заняли свое место в Тауантинсуйю, высокое покровительство, означавшее спасение от голода, от постоянных раздоров с «злыми» соседями, уверенность в завтрашнем дне, сытую жизнь и даже «процветание». Ради всего этого не жалко было отдать свою жизнь (к этому также были приучены с детства «сыны Солнца»), так стоило ли жалеть и даже вспоминать о каких-то «дикарях», погибших ради великого дела самого Солнца?!

Мы не можем утверждать, что именно таким был ход мыслей представителей инкского клана, собранных по приказу вице-короля Франсиско де Толедо для прочтения им составленного Сармьенто документа. По-видимому, капитану удалось доставить на это «мероприятие» почти всех оставшихся в живых инков (естественно, кроме тех, кто скрывался в горах Вилькабамбы с Инкой Тупаком Амару). Косвенное подтверждение этому мы находим у Гарсиласо: их число — 42 человека—лишь на несколько единиц расходится с цифрой, которая названа во «Всеобщей истории Перу» — 39[43].

Уже сам факт того, что были собраны все инки, должен был насторожить их и заставить как следует подумать, прежде чем решиться что-либо исправить или даже просто возразить по существу документа. Как можно понять из самого документа, его апробация инками происходила в торжественной обстановке и в присутствии самого испанского вице-короля. Но это были испанские, а не инкские торжества. Кругом стояли испанские солдаты из охраны и вооруженная свита Толедо — так требовал не только ритуал. Они вполне могли сыграть роль достаточно убедительного «аргумента» в пользу принятия документа без существенных поправок. Ну а о том, какова была техника опроса, мы уже знаем.

Все сказанное — всего лишь предположения. Однако они строятся, во-первых, на основе реальной обстановки тогдашнего Перу и, во-вторых, учитывают те политические цели, которые ставили перед собой испанцы в этой конкретно взятой колонии. Вот почему нельзя исключать и вариант прямого давления на представителей инкского клана при нотариальном «оформлении» документа Сармьенто де Гамбоа.

Между тем именно этот документ «юридически» оправдал не только то, что уже было сделано, но и то, что еще предстояло совершить: немногим более полугода спустя, а именно 4 октября 1572 г., в Куско был казнен последний из законных претендентов на трон правителя Тауантинсуйю Инка Тупак Амару. Впрочем, засвидетельствованный 42 сородичами инки документ лишал законного характера претензии Тупака Амару на престол, да и само инкское право на престолонаследие. В Куско судили и казнили не инку «сына Солнца», а бунтовщика, разбойника и узурпатора власти, индейца-язычника по имени Тупак Амару.

Известно, что капитан Педро Сармьенто де Гамбоа принял участие в пленении Тупака Амару и разгроме его «орлиного гнезда» в Вилькабамбе. Казнь последнего инки даже многими испанцами была воспринята как акт величайшей несправедливости и вероломства. Соратник Франсиско Писарро, один из немногих оставшихся в живых первых конкистадоров Мансио Сьерра де Легисамо, обратился к королю с официальным про-

[43] *Garcilaso.* Obras Completas..., t. IV, p. 168—169.

тестом против действий вице-короля Толедо. Однако в списках его единомышленников имя капитана Сармьенто не фигурирует. Он снова, следуя указаниям Толедо, ездил по стране, собирая ценнейшие сведения о географии Перу. Затем последовали арест и инквизиционное следствие, о которых мы уже говорили.

В 1579 г. Сармьенто в качестве «главного сержанта» испанской флотилии безуспешно преследовал английского пирата Дрейка, прорвавшегося через Магелланов пролив в воды Тихого океана и разорившего практически все крупнейшие поселения испанцев на Западном побережье Америки, включая порт Кальяо — морские ворота Лимы.

11 октября того же года из Кальяо вышли два корабля на этот раз под командованием самого Сармьенто, чтобы исследовать Магелланов пролив (в ту эпоху единственную морскую лазейку к вице-королевству Перу). Сармьенто выдвинул проект создания там испанского поселения и военных фортов, чтобы тем самым закрыть проход в Тихий океан любым врагам испанского короля.

Это было начало последней, самой главной, бесспорно, героической и одновременно наиболее трагической страницы в жизни этого удивительного человека, многие поступки которого по сей день остаются трудно объяснимыми, и среди них — его участие в уничтожении последних правителей Тауантинсуйю.

«Много дорог прошел за шестьдесят лет дон Педро,— пишет Я. М. Свет,— и много встреч, горестных и радостных, опасных и спасительных, выпало на его долю. Он встречался с Лас Касасом и доном Херонимо де Лоайсой (первый архиепископ Лимы.— *В. К.*), с инкой Тупаком Амару и королем Филиппом II, со свирепыми вождями Гуадалканала и королем Генрихом IV, с королевой Елизаветой и герцогом Альбой, с мучениками инквизиции и ее палачами, с вольнодумцами и мракобесами. Пираты, матросы, чиновники, солдаты, придворные куртизанки, разбойники, поэты и ученые, католики и гугеноты, солнцепоклонники и пуритане, испанцы и индейцы кечуа, меланезийцы и англичане, патагонцы и французы, люди разных профессий, вер и языков попадались ему в Новом и Старом Свете, в застенках инквизиции и виндзорском замке, в кабаках Кальяо и в приемных Эскуриала, в джунглях Соломоновых островов и в мадридских канцеляриях» [44].

Но всего этого ему было мало: капитан Сармьенто умер на корабле перед самым отплытием в очередное свое путешествие.

Примечательна и судьба «Индийской истории». Вице-король Толедо направил ее испанскому королю, однако Филипп II не использовал этот документ (во всяком случае, в плане придания ему широкой гласности). Более того, «Индийская история» каким-то образом исчезла из испанских архивов. Только в 1893 г.

---

[44] *Свет Я. М.* В страну Офир, с. 218, 219.

Вильгельм Майер обнаружил ее копию, но не в Испании, а в библиотеке Геттингенского университета. Сам же оригинал не найден до сих пор. Вместе с ним пропали красочно выполненная генеалогическая схема инкского клана и топографические эскизы (зарисовки) «империи» Тауантинсуйю.

Впервые труд Педро Сармьенто де Гамбоа был издан и прокомментирован известным немецким исследователем Рихардом Питшманом в 1906 г.[45]

Общепринятое полное название труда Сармьенто выглядит так: «Индийская история Педро Сармьенто де Гамбоа. История инков. Barbarici fasces contremunt stegma Philippi, Cui Tagus et Ganges servit et Antipodes. Вторая часть[46] Всеобщей истории, именуемой индийской, которая по приказу светлейшего господина дона Франсиско де Толедо, вице-короля, губернатора и генерал-капитана королевств Перу и мажордома королевского дома Кастилии была составлена капитаном Педро Сармьенто де Гамбоа».

ФЕЛИПЕ ГУАМАН ПОМА ДЕ АЙЯЛА

Третий из интересующих нас авторов был, как уже говорилось, чистокровным индейцем. Он принадлежал к высшей знати неинкского происхождения и потому занимал вторую сверху ступень общественной лестницы Тауантинсуйю. Вот как его отец описывает свой социальный статут при инках: «Дон Мартин Гуаман Мальки де Айяла, сын и внук великих господ и королей, каков[ыми] они являлись в древности, и генерал-капитана, и госп[одина] королевства, капак апо, что знач[ит] князь и господин провинции лукапас, андамарки и сиркамарки и сораса и города Гуаманга де Санкта Каталина и его округи в чупасе, князь [людей] из Чаинчайсуйю и второй человек Инки в этом королевстве в Перу...»[47]

Биография хрониста известна главным образом по его сочинению «Первая новая хроника и доброе правление, составленная доном Фелипе Гуаманом Помой де Айяла». До 1908 г. о его существовании и написанной им хронике практически никто ничего не знал, ибо рукопись Гуамана Помы только тогда была случайно обнаружена в Королевской библиотеке Копенгагена уже упоминавшимся нами Рихардом Питшманом. Случайно в том смысле, что немецкий ученый не искал именно ее, ибо он просто не знал о существовании этой хроники, но искал древние рукописи, связанные с открытием и завоеванием Нового Света, и в этом плане его находка — плод многолетних стараний и труда исследователя.

---

[45] Geschichte des Inkareiches von Pedro Sarmiento de Gambia. Herausgegeben von Richard Pietschmann. Berlin, 1906.

[46] Судя по этому названию, Сармьенто предполагал написать более полную историю Нового Света, не ограничиваясь при этом только Перу.

[47] El Primer Nueva Corónica i Buen Gobierno Conpuesto por Don *Phelipe Guaman Poma de Aiala.* Paris, 1936. p. 5.

Гуаман Пома родился в 1532 или, в крайнем случае, 1 января 1533 г. Эта датировка предложена нами. Она не совпадает с общепринятой — 1534 г. или даже 1535 г. Поскольку за данным расхождением стоит не только возраст хрониста, но и его понимание истории доиспанского Перу, мы считаем необходимым остановиться на этом вопросе.

В зарубежной исторической литературе дата рождения индейца-хрониста выводится из его же хроники, в частности из утверждения самого Гуамана Помы о том, что он «родился не во времена инков» (на эту фразу первым обратил внимание Р. Поррас Барренечеа). Между тем времена инков кончились с казнью Атауальпы — июль 1533 г. Но так принято считать сегодня. А как думал об этом сам индеец-хронист?

Мы беремся доказать, что для Гуамана Помы правление инков кончилось не с казнью Атауальпы, а несколько раньше — с момента свержения с престола Тауантинсуйю Инки Уаскара. Иными словами, именно победа бастарда Атауальпы над чистокровным и потому единственно законным правителем «империи» Уаскаром, закончившаяся пленением и отстранением от власти последнего, означала для Гуамана Помы конец царства «сынов Солнца».

Вот почему среди «портретов» законных инков-правителей, а Гуаман Пома нарисовал всех инков-правителей Тауантинсуйю, нет портрета Атауальпы. Нет, потому что он не считал его таковым. Кроме того, в хронике прямо сказано, что именно со смертью Уаскара «династия законных королей Капак Апо Ингов прекратила свое существование» (с. 117). Между тем Атауальпа в это время был еще жив; более того, именно он отдал приказ умертвить Уаскара.

Правда, нам могут возразить, что Уаскар был умерщвлен в 1533 г. И это действительно так, но его смерть, как следует из хроники, означала для Гуамана Помы конец династии инков, а не времени их царствования. Уаскар же был отстранен от власти еще в 1532 г. Вот тогда-то и кончились в понимании индейца-хрониста «времена инков», а до казни Атауальпы оставался еще целый год.

Однако в тексте хроники имеется еще одно доказательство правоты нашего суждения по данному вопросу. На странице 1096 рукописи Гуаман Пома записал свой возраст следующим образом: «...имея возраст семьдесят и восемь лет». Но слово «семьдесят» зачеркнуто, а над словом «восемь» цифрами надписано «80-ть». Это исправление (оно сделано той же авторской рукой) заставило нас вспомнить странную дату, которой автор обозначил завершение работы над рукописью. Вот как она записана: «...пишет из провинции луканас (первого числа января 1613) 1611 годов ваш ничтожный вассал Дон Фелипе де айяла автор» (с. 4).

При всей странности подобной датировки очевидным является

то, что поставленная в скобках дата не просто последняя, но и уточненная. При этом уточнение точно соответствует исправлению на странице 1096 — автор постарел, а рукопись помолодела ровно на два года. Это и есть, на наш взгляд, бесспорное доказательство того, что Гуаман Пома родился не позже 1 января 1533 г., а возможно, еще в 1532 г.

Для нас социальное положение Гуамана Помы имеет особо важное значение, ибо он был представителем той категории населения Тауантинсуйю, которая наиболее остро переживала факт включения в состав «империи» инков своего «царства», или «провинции», поскольку до прихода инков-завоевателей именно они, представители этой категории местной аристократии, были полновластными господами народов и земель, входивших в то или иное государственное или племенное образование.

Пример Гуамана Помы или, вернее, его отца подтверждает необычайную гибкость политики инков в области «национального вопроса». Они сохраняли местную аристократию и через нее проводили свою экономическую и политическую «линию» среди населения новых земель, насильственно включенных в Тауантинсуйю. Благодаря этому все нововведения осуществлялись на местах через «своих», привычных правителей.

Сами же «цари» и «князья», оставаясь привилегированной группой населения, фактически утрачивали положение полновластных господ. Они продолжали управлять вассалами, однако подобное управление теперь сводилось к выполнению приказов из Куско. За привилегии же им приходилось расплачиваться (инки ничего просто так не делали).

Таким образом, «второй человек» после инки-правителя, как называет себя отец хрониста, мог быть вторым лицом в Чинчайсуйю лишь формально. Именно его власть была узурпирована инками и в этом смысле он, этот «второй человек», несомненно, пострадал от присоединения его «царства» к Тауантинсуйю. Бесспорно и другое: он все же обладал определенными элементами власти, но она имела силу лишь в пределах четко установленных инками политических, социальных и территориальных границ, любое нарушение которых во времена господства Куско неукоснительно каралось, и каралось, как правило, смертью.

Вот почему все изложенное выше нельзя не учитывать для правильного понимания позиции автора хроники как в отношении инков — недавних господ его родной земли, так и новых его хозяев-испанцев, руками которых было разрушено государство Тауантинсуйю и, следовательно, сокрушены гнет и владычество инков над другими народами «империи».

Своеобразие конкисты Перу дает возможность предположить, что Гуаман Пома не только со слов своего родителя, но и на собственном опыте мог познать, как действовали созданные инками институты государственного управления (забегая вперед,

скажем, что именно он, пожалуй, описал их наиболее подробно), хотя с появлением в Перу испанцев они утратили присущую им надежность и оперативность. Узнал он на самом себе и особенности испанского господства, ибо умер, как полагают, в 1615 г.

Таким образом, Гуаман Пома обладал великолепной возможностью сопоставить инкское прошлое и испанское настоящее Перу. Именно так он и поступил в своем сочинении.

В рукописи есть несколько дат, которые позволяют с определенной степенью надежности установить, что Гуаман Пома работал над хроникой почти всю свою жизнь, а ее написание стало главным и во многом определяющим событием всей его деятельности. Из письма-обращения к испанскому королю, написанного (скорее продиктованного, ибо Мартин Гуаман Мальки вряд ли знал испанскую грамоту и даже испанский язык) отцом хрониста (оно уже цитировалось выше), мы знаем, что еще в 1567 г. Гуаман Пома завершил какую-то часть хроники [48]. Между тем последняя из дат рукописи называет 1613 г.: она из письма-обращения к испанскому королю Гуамана Помы и мы воспроизвели выше эту странную дату [49].

Конечно, из этих данных не следует делать вывод, что все указанные сорок с лишним лет Гуаман Пома занимался исключительно одной своей рукописью. Скорее наоборот, он работал над ней урывками, всякий раз, когда появлялась такая возможность. Известно, например, что он сопровождал в поездке по стране в качестве помощника испанского визитатора Кристобаля де Альборнос, а такие визитации длились не месяцы, а долгие годы. (Например, визитация вице-короля Ф. Толедо продолжалась целых пять лет.) У Гуамана Помы была семья (на странице 1095 он изобразил себя вместе с сыном), какое-то хозяйство, доходами от которого представитель царского рода Яровильков был явно недоволен. Имелись и другие занятия, заполнявшие его повседневную жизнь и помогавшие решать проблему существования, которая стояла перед ним достаточно остро.

Более того, имеется немало зарубежных, в том числе и перуанских авторов, которые пытаются доказать, что Гуаман Пома написал свое сочинение только и исключительно ради того, чтобы добиться от новых хозяев Перу восстановления узурпированной инками власти Яровильков и тем самым — это и есть якобы его реальная цель — поправить свое личное благосостояние, поскольку при испанцах оно оказалось почти нищенским (думается, что и в социальном плане его положение было не лучше).

Однако свести весь гигантский труд хрониста к попыткам «индейского царька» восстановить свое знатное происхождение и подобающее ему социально-экономическое положение было бы не только великой несправедливостью по отношению к Гуаману

---

[48] El Primer Nueva Corónica..., p. 7.
[49] Ibid., p. 4.

Поме. Такая «оценка» его сочинения означала бы потерю, и потерю преднамеренную (если не злоумышленную), ценнейшего источника по древней истории, конкисте и первым десятилетиям колониального периода Перу.

К сожалению, подобное отношение к индейцу Гуаману Поме и к его сочинению является преобладающим. Как пишет перуанский историк Густаво Валькарсель в своем исследовании «Перу. Крепость одного народа» (которому он дал подзаголовок «Марксистские заметки о доиспанском Перу»), «в целом Гуаману Поме выпало мало счастья у себя на родине. Чванливая критика с позиций пуризма и эрудиции — в стилистике или в эстетике — с яростью обрушилась на синтаксис и рисунки гениального индейца-хрониста. Его оскорбляли, над ним издевались и насмехались Хосе де ла Рива Агуэро, Рауль Поррас, Луис Альберто Санчес, Рубен Варгас Угарте и др. Сам Баудин [50], столь близко связанный с институтом, который осуществил французское издание [51], дал ему прозвище «тщеславного и поверхностного хрониста». Но остаются в силе слова восхваления и понимания, принадлежавшие Питшману, Риве и Маркхему [52]. В отличие от перуанских профессоров Маркхем написал: «Гуаман Пома был героем, который оказал бы честь любому народу». И он не мог им не быть, расточая столько отваги и мужества» [53].

Однако о каком мужестве и о какой отваге говорит Густаво Валькарсель? Почему англичанин Маркхем дает столь высокую оценку индейцу-хронисту, называя его героем? Какой подвиг должен был совершить Гуаман Пома, чтобы оказать честь любому народу одной только своей принадлежностью к нему?

Мы знаем, что он жил в годы, когда для его народа, впрочем, как и для всех аборигенов Нового Света, наступил самый трагический период их истории. Однако нет ни прямых, ни косвенных доказательств участия Гуамана Помы, например, в вооруженном сопротивлении европейским завоевателям. Не участвовал он и в разгроме инкских узурпаторов (таковыми они могли ему представляться, исходя из его социального положения в Тауантинсуйю). Может быть, все же правы те, кто склонен рассматривать жизнь Гуамана Помы не как героический подвиг, а как бесплодную и в значительной степени неумелую попытку восстановить свои собственные права на безбедное и беззаботное существование?

На все эти вопросы нет и не может быть однозначного ответа. Жизнь Гуамана Помы действительно была лишена тех всплесков

---

[50] Луи Баудин — известный французский перуанист, отличавшийся консервативностью своих взглядов.

[51] Имеется в виду Парижский институт этнологии (Institut d'Etnologie), который в 1936 г. впервые опубликовал факсимильное издание хроники Гуамана Помы.

[52] Поль Риве — француз; Клемент Маркхем — англичанин; оба внесли вклад в изучение Древнего Перу.

[53] *Valcarcel G.* Perú. Mural de un pueblo. Lima, 1965, p. 409.

человеческой души, которые порождают героические поступки, и он действительно прежде всего боролся за самого себя, за свое общественное положение и материальное благополучие. Но он боролся против такого могущественного противника, что уже это одно делало его борьбу поистине героической. Он был героем и защитником своих сородичей, потому что своим трудом, на который практически ушла вся его жизнь, создал не только себе, но и всем индейцам великий, хотя и рукотворный, монумент — «Первую новую хронику и доброе правление».

Но все сказанное нами есть оценка Гуамана Помы и его труда с позиций сегодняшнего дня, ибо подвиг этот не стал достоянием его современников. Кроме того, лишь немногие из них были способны оценить поступок «длиною в человеческую жизнь» как подлинный акт героизма и самопожертвования, хотя Гуаман Пома писал свою хронику самым что ни на есть открытым текстом. В этом просто убедиться на нижеследующем отрывке: [54]

«Пролог к читателям испанцам христианам.

Ты увидел, христианин, записанные здесь добрые и злые законы инков; теперь раздели все сказанное на две части: выдели зло, чтобы покарать его, возьми добро, чтобы оно стало примером служения Господину и Его Величеству королю Испании. Здесь, читатель, перед тобой предстала сама христианская вера; знай, что я не нашел ни одного индейца, который испытывал бы жадность к золоту или серебру; среди них я не нашел ни одного, который задолжал бы другому хотя бы сто песо, или был бы лжецом, игроком, лентяем, продажным человеком; нет среди них тех, кто отнимает у своих собратьев имущество; я не нашел и проституток. Вы же, наоборот обладаете всеми пороками: непослушанием своим отцам, матерям, священникам и королю... Все зло у вас, и вы обучаете ему бедных индейцев; среди вас господствует грабеж, но еще охотнее вы обрушиваете это зло на бедных индейцев, заявляя, что украденное будет возвращено, но не видно, чтобы обещанное возвращение случалось бы при жизни или после смерти; поэтому мне кажется, что всем вам уготован ад. Его Величество Король так добр и так свят, что всем прелатам и всем вице-королям, направляющимся в эти земли, он поручает заботу об их бедных уроженцах, рекомендуя помогать индейцам, однако они, едва сойдя на берег и покинув корабль, забывают эти рекомендации и начинают действовать против бедных индейцев, сыновей Иисуса Христа. Христианин читатель, не ужасайся, когда тебе говорят, что старое идолопоклонство и колдовство индейцев совершалось ими потом, что они были язычниками и как таковые не ведали истинного пути, как это было и с испанцами, у которых в древние времена также имелись идолы... Сейчас же вы, христиане, поклоняетесь, как идолам, своим поместьям и деньгам, которыми владеете в этом мире» [55].

---

[54] Для удобства читателя мы не стремились в данном переводе максимально приблизить русский текст к рукописному оригиналу хрониста, изобилующему многочисленными недописками и ошибками самого элементарного порядка.

[55] El Primer Nueva Corónica..., p. 367.

Конечно, сейчас, столетия спустя, нам кажется наивной, заранее обреченной на неудачу попытка Гуамана Помы добиться своими протестами и разоблачениями справедливости и победы добра. Но мы не можем не восхищаться ею. Это и есть величие индейца Фелипе Гуамана Помы де Айяла.

Гуаман Пома не мог быть сторонним наблюдателем тех событий, которые происходили в Перу у него на глазах. Но он не был и главным действующим лицом величайшей трагедии Перу. Он не мог стоять от нее в стороне, однако чью бы позицию он ни занял, в чей бы лагерь — испанский или инкский — он ни пришел, ему неизбежно отводилась лишь роль союзника со всеми вытекающими отсюда последствиями. Подобная ситуация уже сама по себе невероятно сложна, а главное ненадежна. Гуаман Пома прекрасно сознавал, что для него, одного из последних потомков когда-то могущественных Яровильков, борьба против новых поработителей родины означала борьбу за тех, кто лишил его род могущества, т. е. за инков. Пытался ли он понять, какое из двух зол являлось для него меньшим? Если да, то к какому выводу мог он прийти или, вернее, пришел? Нам представляется, что на последний вопрос, как это ни парадоксально звучит, по-разному отвечают, с одной стороны, сама жизнь Гуамана Помы, а с другой — его выдающееся сочинение.

Поскольку хроника никогда не переводилась на русский язык, а также учитывая ее особенности, следует предельно кратко рассказать о ней. Манускрипт Гуамана Помы состоит из 1179 рукописных страниц, из которых 456 занимают рисунки с небольшими сопроводительными текстами, разъясняющими их отдельные детали.

Последние часто введены в самый рисунок, чтобы читатель точно знал, кто из персонажей хроники изображен и чем именно он занят в «данный момент» или чем может (имеет право или обязан) заниматься.

Хронику часто называют билингвой, но это не так. Действительно, она написана сразу на нескольких языках, однако в ней нет двух параллельных текстов, ибо ее основу составляет испанский язык, в который автор включает значительное число слов из языка кечуа, а также из других индейских языков, особенно аймара, и диалектов. Основа же — испанский язык. Индейские слова, а иногда и целые фразы записаны латиницей. Часто автор дает их перевод, как это имело место в приведенной нами записи титула отца хрониста: «...капак апо, что значит князь и господин...» Однако чаще перевод отсутствует, что делает практически невозможным прочтение рукописи без знания языка кечуа.

Нельзя не указать, что испанский язык Гуамана Помы весьма беден. Автор хроники плохо владел им. К тому же он имел чрезвычайно смутное представление о грамматике и даже элементарной орфографии: многие слова написаны слитно или разъ-

единены в самых неподобающих местах. Все это еще больше усложняет и затрудняет прочтение рукописи.

Указанное обстоятельство породило версию о том, что Гуаман Пома якобы изобразил в рисунках то, что не смог рассказать или записать словами [56]. Такое объяснение представляется надуманным. Конечно, рисунки должны были, по мысли автора, иллюстрировать его рукопись и в этом смысле облегчить ее понимание. Наличие же на рисунках объяснительных слов и даже текстов с достаточной убедительностью говорит скорее о недоверии автора к своему искусству графического изображения. Поэтому правильнее будет считать, что Гуаман Пома написал свою рукопись на том испанском языке, который он знал, рассчитывая, что доброжелательный или заинтересованный читатель простит ему его неграмотность и сумеет найти способ прочесть и понять всю рукопись от начала до конца. Что же касается рисунков, то он, несомненно обладая природным даром рисовальщика, счел необходимым ввести их в свою рукопись, чтобы лишний раз засвидетельствовать правдивость повествования.

Рукопись неравноценна по содержанию. Принято считать, что наибольший интерес в ней представляет первая часть — собственно «Новая хроника», в которой рассказана и показана история Перу, включая доинкский период. Она заканчивается на странице 367. Однако первые 47 страниц следует исключить из этого раздела, поскольку в них изложена довольно забавная интерпретация христианского «сотворения мира», в которой к библейской основе подмешана толика индейского идолопоклонства и местного колорита. Так, например, Адам возделывает землю «такльей» — типично индейской мотыгой или заступом (с. 22), а в «Ноевом ковчеге» (с. 24) среди других спасенных от «всемирного потопа» животных оказалась и лама, которая, как известно, обитает только в Южной Америке.

За «Новой хроникой» (именно эта часть рукописи войдет в наш сравнительный анализ) следует рассказ об испанской конкисте (с. 368—435), а начиная со страницы 436 и почти до конца рукописи дано описание «Доброго правления», т. е. испанского владычества в Перу. С 1130-й по 1169-ю страницу Гуаман Пома вновь возвращает читателя к инкской тематике: здесь описаны и изображены сельскохозяйственные работы, проводившиеся индейцами при инках в каждом из 12 месяцев года.

Теперь нам предстоит ответить на чрезвычайно важный вопрос: каков литературный жанр написанного Гуаманом Помой сочинения? Что это — беллетристика? Документальная хроника? Эпос? Историческое исследование со свидетельскими «показаниями» очевидца? Или еще что-либо в подобном роде?

---

[56] См.: *Kauffmann Doig F.* Guamán Poma de Ayala.— Biblioteca Hombres del Perú, IV. Lima, p. 42.

Как нам представляется, хроника Гуамана Помы содержит в себе элементы всех этих разновидностей литературы, однако она прежде всего и главным образом документ. И написан он по велению души, хотя и выполняет абсолютно четкий социальный заказ, поскольку призван защитить интересы достаточно многочисленной социальной прослойки (группы) инкского общества — неинкской знати. Именно такую задачу ставил перед собой Гуаман Пома. Однако он перевыполнил ее, поскольку его сочинение стало одним из наиболее ярких и убедительных обличительных актов, разоблачающих зверства испанской конкисты Перу.

При чтении хроники Гуамана Помы возникает не совсем обычная и даже парадоксальная ситуация: история инков, полная насилия и тирании, разоблачение суровых и даже жестоких законов Тауантинсуйю при сравнении с конкистой и испанскими колониальными порядками в Перу выглядят у Гуамана Помы чуть ли не как восхваление инков-правителей. Правда, сам автор хроники не хочет признавать этого.

Такова, на наш взгляд, главная особенность сочинения Гуамана Помы. Именно через эту особенность раскрывается и главное достоинство хроники, а также ее конечная цель, которую сам автор сформулировал предельно ясно: в «Прологе к читателю-христианину, который сумеет прочесть эту книгу...» Гуаман Пома сообщает, что написал свой труд, дабы он «оказался полезен добрым христианам, чтобы они смогли искупить свои грехи, свою недостойную жизнь и свои ошибки» [57].

В «Письме автора», адресованном королю Испании, Гуаман Пома уточняет перечень тех, к кому обращен его призыв: «Он (труд.— *В. К.*) написан... чтобы стать примером [доброго поведения] для христиан, которым следует искупить свою вину, как-то: прелатам, коррехидорам, владельцам энкомьенд и шахт, [другим] испанцам, путникам, главным касикам и просто индейцам...» [58]

Что же касается ошибок и вины испанцев, то мы уже знаем о них из «Пролога к читателям испанцам христианам». Правда, в нем лишь намечена схема. Сами же «ошибки» и «вина» подробно изложены на семистах рукописных страницах сочинения Гуамана Помы и проиллюстрированы рисунками, на которых мы видим «доброе правление» в действии: индейцев избивают или подвергают иным наказаниям и представители властей, и «духовные отцы», и даже женщины-испанки.

Гуаман Пома писал именно документ, а не литературное произведение. Об этом свидетельствует прежде всего само его содержание. Однако, как нам кажется, в пользу такого утверждения говорят и другие факты, в частности та поспешность, которую проявляет автор хроники в своем стремлении доставить

---

[57] El Primer Nueva Corónica..., p. 1097.
[58] Ibid., p. 8—10.

манускрипт адресату, обеспечив при этом максимальную надежность столь важному для него предприятию. Ведь рукопись становится документом только после того, как она поступила к адресату. Вот почему автор должен был предпринять все от него зависящее, чтобы рукопись после ее завершения незамедлительно тронулась в путь. Так оно и случилось. Перед нами рисунок (с. 1095): Гуаман отправляется из селения «Сан-Кристобаль-де-Сунтинто в провинции Руканас»[59], чтобы в зимнюю непогоду, «преодолев горные цепи со множеством снегов»[60], доставить рукопись в Лиму. И, хотя на рисунке никак не выражена поспешность, мы все же берем на себя ответственность утверждать и даже настаивать на том, что данное решение Гуамана Помы нельзя оценить иначе, как стремление обеспечить самую быструю и одновременно надежную доставку рукописи в столицу вице-королевства Перу.

Судите сами: в тот момент, как сообщает автор хроники, ему уже было 80 лет[61]. В таком возрасте рискнуть путешествовать зимой через гигантские горные хребты Анд мог только человек, движимый столь же важным, сколь неотложным делом. Гуаман Пома добрался до Лимы. Предполагается, что он умер в столице вице-королевства Перу в 1615 г. Судьба его рукописи вплоть до 1908 г., повторяем, полностью неизвестна. Можно лишь предположить, что она по каким-то причинам не попала к адресату, ибо попади она в руки «добросовестного» чиновника колониальной администрации, в следственных или судебных архивах Лимы (впрочем, его сочинением вполне могла заинтересоваться и «святая» инквизиция) наверняка сохранился бы след по делу индейского «бунтовщика», пытавшегося подорвать испанские устои в Новом Свете. Но этого не случилось. Вот почему хочется верить, что рукопись Гуамана Помы попала в руки «недобросовестного» испанского чиновника, который скрыл ее и не отправил адресату — королю Испании и тем самым спас автора от неминуемого наказания, а рукопись от возможной гибели. Не будем забывать, что в ту эпоху и за меньшие преступления против испанской короны люди шли на каторгу, а иногда, и на плаху. Да и костры аутодафе продолжали гореть...

*

Итак, мы располагаем краткими сведениями об авторах интересующих нас сочинений. Мы знаем, когда и в каких условиях они были написаны, во имя чего трудились сами сочинители и какие конкретные задачи ставил перед своим трудом каждый из них.

---

[59] Современное название — Сан-Кристобаль-де-Сондондо, провинция Луканас.

[60] El Primer Nueva Corónica..., p. 1096.

[61] Ibidem.

Нам также известно, что и судьба самих сочинений не была одинакова: три из них более двух веков «молча» пролежали на полках архивов и библиотек, а четвертое — «Комментарии» — было издано в 1609 г. еще при жизни автора и пользовалось исключительной славой и непререкаемым авторитетом. Укажем, что сегодня изучение доиспанского Перу представляется абсолютно невозможным без названных четырех хроник, ибо они образуют обязательный минимум нарративных источников XVI—XVII вв., а точнее, фактическую основу письменной истории древнего государства инков времени открытия и завоевания испанцами Тауантинсуйю. И, хотя эти книги написаны не свидетелями конкисты (не говоря уже о свидетелях мирных будней инкского государства), они все же чрезвычайно близки к «показаниям очевидцев», поскольку именно со слов последних главным образом писались все четыре сочинения.

Эта их особенность позволяет также выявить и понять степень ценности и значение каждого из четырех трудов не только применительно к трем другим, но и в целом ко всей обширной литературе XVI—XVII вв. о конкисте Нового Света и, в частности, Перу.

Но, прежде чем перейти к сравнительному анализу четырех интересующих нас произведений, мы попытаемся свести вместе в некое подобие «таблиц» основные и известные нам данные об авторах и о самих произведениях, дабы рельефнее воспринимались как схожие или совпадающие, так и несовпадающие и отличительные факты и моменты в биографиях и творчестве хронистов.

Таблицы помогут нам решить чрезвычайно важную проблему: имели ли место личные встречи хронистов и были ли они знакомы с сочинениями трех других писателей? Ибо в положительном случае возникает потребность выяснения их возможных влияний или даже заимствований (выше мы уже касались этого вопроса).

Это не случайные вопросы, поскольку интересующие нас сочинения, как будет показано в следующей главе, действительно имеют, и имеют немало схожих по фактологии (здесь нечему удивляться), а также по трактовке и даже оценке (осмыслению), моментов из истории Тауантинсуйю. Было бы проще всего объяснить их именно взаимными влияниями или заимствованиями, однако такая «простота», как нам представляется, далека от истины.

Итак, обратимся непосредственно к составленным нами табл. 1 и 2. (Табл. 2 как бы следует известному спортивному принципу встреч «каждого с каждым», построенному по «круговой системе».)

О чем же говорят таблицы? Прежде всего они достаточно убедительно подтверждают тот факт, что отсутствие ссылок самих хронистов на личное знакомство — а таких заявлений

ОСНОВНЫЕ ДАННЫЕ О ХРОНИСТАХ

Автор				Произведения					
Имя	Годы жизни	Этническая принадлежность	Пребывание в Перу (годы)	Условное название	Жанр	Объем в а. л.	Время окончания написания	Первая публикация (год, место)	Примечания
А. Сьеса де Леон	1522(?)—1554	испанец	1541—1550	Господство	Историческое исследование	10	Между 1551—1554	1870, Испания	Оригинал рукописи утерян, наиболее близкая к нему копия издана в 1880 г. (Мадрид)
Б. Сармьенто де Гамбоа	1531(32)—1592	испанец	1557—1579 (с перерывом: 1567—1569)	История	Документ (поручение испанских властей) — исследование	10	1572	1906, Германия	Оригинал рукописи утерян, издание по копии; обнаружена в 1893 г.
В. Гуаман Пома	1532(?) 1615(?)	индеец	1532—1615	Хроника	Документ-протест и исторические исследования	20	1613 (1611)	1936, Франция	Факсимильное издание; обнаружена в 1908 г. в Дании
Г. Гарсиласо	1539—1616	Метис (испанец +инка)	1539—1560	Комментарии	Историко-беллетристическое сочинение	43	1601—1603	1609, Португалия	Издание самого автора

ТАБЛИЦА 2

ВОЗМОЖНЫЕ ЛИЧНЫЕ ВСТРЕЧИ ХРОНИСТОВ

Имена хронистов и даты рождения	Встречи со Сьесой	Встречи с Сарминьенто	Встречи с Помой	Встречи с Гарсиласо
Сьеса 1522—1554	место встречи возможные годы возраст Сьесы	Испания 1550—1554 28—34	Перу 1541—1550 19—28	Перу 1541—1550 19—28
Сармьенто 1531—1592	Испания 1550—1554 18—23	место встречи возможные годы возраст Сармьенто	Перу 1557—1579 26—48	Перу 1557—1560 26—29 Испания 1580—1584, 90—92 49—53 59—61
Пома 1532—1615	Перу 1541—1550 9—18	Перу 1557—1579 25—48	место встречи возможные годы возраст Помы	Перу 1539—1560 7—28
Гарсиласо 1539—1616	Перу 1539—1550 2—11	Перу 1557—60 18—20 Испания 1580—84, 90—92 41—45 51—53	Перу 1539—1560 1—20	место встречи возможные годы возраст Гарсиласо

действительно нет — не является делом случая или преднамеренного умолчания, а отражает действительное положение вещей. И, хотя все хронисты теоретически могли встретиться друг с другом (табл. 2), такие встречи все же не состоялись, а если и состоялись, то не оставили в памяти достойного следа.

Так, например, Сьеса мог встретиться с Гарсиласо, когда последнему было всего 11 лет. Также сомнительно, что знакомство Сьесы с 18-летним Гуаманом Помой могло носить творческий характер. Сьеса и Сармьенто могли вступить в контакт до поездки второго в Новый Свет. Очевидно, что Сармьенто в это время не интересовался инками (во всяком случае, специально); об этом говорит то, что он поехал не в Перу, а в Мексику, откуда вынужден был уехать (бежать!) из-за преследований церкви, а не по собственному желанию.

Не могли встретиться в Перу и Гарсиласо с Сармьенто, ибо первый из них безвыездно пребывал в Куско, а второй не был там вплоть до 1569 г. Из этого следует, что они могли встретиться лишь в Лиме, где Гарсиласо оказался в связи со своим отъездом в Испанию. Мы знаем, что в Лиме он не задержался, а о своих «лимских встречах» Инка вообще ничего не написал. Не будем забывать, что мысли его были заняты не инками, а Испанией; Сармьенто же в это время был полностью охвачен приготовлениями к путешествию в «страну Офир».

У них еще оставалась возможность повстречаться в Испании, однако нет даже намеков на то, что Сармьенто посещал в эти годы Монтилью, где безвыездно жил Гарсиласо [62].

Представляется вполне возможной встреча Гарсиласо с Гуаманом Помой (в Перу), однако их тогдашний возраст и общественное положение исключают какие-либо «творческие последствия» от такого знакомства. Между тем именно это интересует нас.

Теперь вновь обратимся к табл. 1 и попытаемся уяснить себе, могли ли хронисты быть знакомы с сочинениями друг друга.

Сьеса сразу же выпадает из нашего рассмотрения, поскольку он умер до того, как остальные хронисты написали свои сочинения. Далее, Сармьенто также умер до завершения работы над своими рукописями Гарсиласо и Гуаманом Помой. С рукописью Сьесы он не мог быть знаком, поскольку она находилась в Испании, где Сармьенто не появлялся до 1580 г., т. е. почти десять лет спустя после написания своей «Индийской истории».

Не были знакомы хронисты и с рукописью Гуамана Помы, ибо она была завершена не ранее 1613 г. и сразу же исчезла, чтобы появиться снова лишь в 1908 г. Не вызывает сомнений, что и сам Гуаман Пома не был знаком с рукописями Сьесы и Сармьенто: они оказались упрятаны в испанские архивы, а индеец-хронист Испанию не посещал. Что касается «Комментариев»

---

[62] См.: *Свет Я. М.* В страну Офир.

Инки Гарсиласо, то, насколько нам известно, они ни в 1613 г., ни в 1611 г., когда Гуаман Пома завершил свою работу над «Хроникой», еще не были завезены в Перу [63].

Итак, остается еще одна наиболее важная для нас возможность ознакомления с рукописями Сьесы и Сармьенто. Речь идет о Гарсиласо.

По этому вопросу мы уже высказали ряд своих соображений, когда писали о Сьесе (см. с. 171). К сказанному необходимо добавить, что если нельзя теоретически исключить возможность ознакомления Инки Гарсиласо с рукописями Сьесы и Сармьенто (напомним, что книги вышли почти два столетия спустя после смерти Инки), то не менее трудно представить себе практическую возможность осуществления знакомства Гарсиласо с указанными сочинениями.

Вспомним, что обе рукописи почти сразу же после своего появления на свет исчезают, и исчезают, повторяем, на целых два столетия. Было бы наивно предположить, что данное их исчезновение носило случайный характер. Нет, они попали в испанские архивы только и исключительно потому, что носили служебный характер и являлись документами большой государственной важности. К таким документам метис Гарсиласо не мог иметь доступ.

Правда, Инка несколько раз выезжал в Севилью, где находился и находится поныне Королевский архив Индий. Можно предположить, что его поездки диктовались в том числе желанием проникнуть в архив, чтобы поближе познакомиться и изучить хранившиеся там документы о Перу. Но подобное желание даже сегодня представляется практически неосуществимым, ибо в ту эпоху в архиве хранились рабочие документы испанской конкисты и колонизации Нового Света, а не первоисточники и не исторические документы, каковыми они стали сейчас. Тогда они все еще не потеряли своего актуального (для своей эпохи) значения, и их служебный характер закрывал к ним доступ всякому, кто не принадлежал к многочисленной армии государственного чиновничества. Все это дает нам основание утверждать, что Инка Гарсиласо также не был знаком и с сочинениями Сьесы и Сармьенто.

Чем же тогда можно объяснить то очевидное сходство, с которым нам предстоит столкнуться, и столкнуться не один раз, на страницах сочинений столь разных по своему положению, характеру и происхождению авторов?

Мы полагаем, что ответ может быть только однозначным: все они писали свои сочинения, опираясь на один и тот же источник. Таким источником была разработанная, отредактированная и даже «утвержденная» самими инками *официальная история* возникновения и жизни индейского царства Тауантинсуйю...

---

[63] Мы не исключаем, что в данном вопросе может быть допущена ошибка.

Глава пятая

ЧЕТЫРЕ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА ИНКОВ

Теперь можно перейти к непосредственному сопоставлению и анализу интересующих нас сочинений. В их основу будет положен тематический принцип — каждая тема исследуется полностью с привлечением всех четырех авторов. Однако, исходя из индивидуальных особенностей хроник и учитывая тот факт, что только одна из них издана на русском языке и она же по объему превосходит все остальные вместе взятые,— речь идет о «Комментариях» Гарсиласо,— названное произведение станет тем главным стержнем, на который будут как бы нанизываться данные из трех остальных хроник.

Подобный метод позволит избежать ненужных повторов: достаточно будет коротко изложить суть рассматриваемого вопроса и указать, позиции каких авторов совпадают. Если же авторы передают несовпадающие точки зрения, то, сведенные вместе, они, эти сведения, легче поддаются объективной оценке, т. е. выявлению наиболее достоверной версии или убедительных аргументов в пользу той или иной концепции. Нам представляется важным также и то, что предложенный метод позволит получить наиболее полную картину того, как хронисты XVI в. восприняли историю государства инков, функции его важнейших институтов, его «внутреннюю» и «внешнюю» политику, решение «национального вопроса» и другие важнейшие аспекты, связанные с деятельностью и жизнью инков как руководителей гигантской «империи» Тауантинсуйю.

Нам остается добавить, что выделенные здесь темы были подсказаны самими хронистами, мы же только расставили их в определенном порядке, несколько осовременив названия. Вполне естественно, что наш анализ начинается с собственно истории инков.

ИСТОРИЯ

В мире нет народа, история которого не начиналась бы с легенды. Инки не являлись исключением. Они не только сами знали свое легендарное прошлое, но и обучили ему все многомиллионное население гигантской «империи» Тауантинсуйю. Можно с уверенностью сказать, что в истории человечества вряд ли найдется другой пример подобного успешного распространения «правительственной пропаганды», особенно в условиях полного отсутствия любых технических средств ее передачи, включая письмо.

Между тем официальную историю инков действительно можно рассматривать как пропаганду с четко обозначенной задачей и абсолютно реальной целью: она должна была убедить всех и каждого в отдельности в божественности происхождения инкского клана и потому незыблемости его власти на земле. Инки даже не сочли необходимым дать название своему царству, ибо слово Тауантинсуйю — понятие, обозначающее безбрежность окружающего Человека мира — «Четыре стороны света», а не имя собственное страны, государства, что неизбежно предполагает наличие границ и ограничений как материального, так и духовного плана. Поскольку основным средством «убеждения» в момент наиболее активного распространения основ «инкской пропаганды» был многопудовый камень, который сбрасывали с высоты примерно в полтора человеческих роста (или несколько меньше) на сомневавшихся и неверующих, из них мало кто выживал (хотя были и такие) и крамола шла на убыль вместе с «еретиками». Правда, были и другие средства воздействия. Так, в период расцвета могущества инков в Куско возвели некое подобие главной государственной тюрьмы — Санкай (по Гуаману), куда попадали только знатные бунтовщики и наиболее выдающиеся (и потому наиболее опасные) иноверцы. К ним не применялось наказание камнем, но и у них имелся шанс выжить: в тюрьме их размещали вместе с хищными зверями и ядовитыми змеями, удавами и другими смертоносными представителями местной фауны. Если по прошествии нескольких дней человек оставался цел и невредим, его полагали невиновным и выпускали на свободу. Таков был обычай и даже закон; правда, до нас не дошли сведения удалось ли кому-нибудь выйти живым из этой тюрьмы.

Инки придавали огромное значение своему легендарному прошлому и его правильному пониманию. Это засвидетельствовали практически все хронисты. Еще более убедительное доказательство подобному утверждению мы находим в том, что легендарное прошлое инков записано хронистами словно под диктовку одного и того же лица. Такое почти текстуальное совпадение инкской легенды о прошлом конечно следует объяснить не «диктантом», а тем, что индейцы-информаторы располагали одним и тем же «текстом» этой легенды.

Здесь необходимо сделать небольшое отступление, чтобы коснуться проблемы терминологии. Речь идет о возможности и целесообразности использования современных научных и политических терминов применительно к явлениям и даже институтам, порожденным инкским обществом. Так, например, можно ли использовать такие современные слова и понятия, как «пропаганда», «средства пропаганды» и т. д., когда мы говорим об инках и об их государстве?

Инки не знали таких слов и понятий и сами не пользовались ими. Очевидно, что и постановка вопроса о том, что инки разрабатывали и утверждали свою пропаганду, так же далека от того реального, что имело место в Тауан-

тиисуйю. Однако – и здесь мы высказываем свое личное убеждение – инки знали и великолепно понимали огромную силу воздействия слова, а возможно, даже и идеи, хотя и пришли к этому, скорее всего, чисто эмпирическим путем, преследуя утилитарные цели. Может показаться парадоксальным, но и уничтожение письма, его запрещение под страхом смертной казни (в должном месте мы коснемся подробнее этого вопроса) является убедительным доказательством именно такого понимания инками значения слова. Мы не знаем, как сами инки называли данную сферу деятельности; сегодня — это сфера пропаганды.

Для нас самих оказалось неожиданностью то, что стремление передать и наиболее точно отразить ту реальную действительность, которая встает со страниц многочисленных и разнообразных по своему характеру хроник и иных сочинений о Древнем Перу, написанных в XVI—XVII вв., заставляет прибегать к словам и понятиям нашего времени. Именно они наиболее точно, емко и правильно передают содержание тех явлений, с которыми мы сталкиваемся в далеком и таком чуждом для европейцев мире древних аборигенов Перу.

Легендарное прошлое инков, представленное главным образом в двух вариантах, не оставляет сомнений в том, что инки или предводительствуемое ими племя (племена?) были пришельцами и появились в долине Куско сравнительно поздно: как засвидетельствовала современная археология, это могло произойти, скорее всего, в самом начале XIII в.[1] Правда, доинкский период не только долины, но и самого города Куско, к сожалению, все еще изучен недостаточно хорошо[1a]. Нам же важно уяснить, что до появления инков в долине Куско не было сколько-нибудь значительного центра аборигенной культуры. Во всяком случае, к моменту прихода, а скорее, военного вторжения инков, там находились отдельные родо-племенные группы индейцев, по-видимому достаточно отсталые в своем развитии. Вполне допустимо, что эти индейцы, как и сами инки, принадлежали к кечуа — большой языковой семье, насчитывавшей ко времени появления европейцев в Южной Америке не один миллион человек. Следует также предположить, что культурный уровень первоначальных обитателей долины не очень существенно отличался от уровня вторгнувшихся туда инков, что отражало единую для этих индейцев ступень социально-экономического развития.

Откуда же тогда возникла единодушно зафиксированная и с завидным постоянством передаваемая хронистами «историческая концепция» о цивилизаторской миссии инков, особенно основа-

---

[1] В вопросах датировки Древнего Перу имеется серьезное разночтение. Поскольку здесь не ставится задача исследования этой проблемы, тем более, что у Гарсиласо, например, вообще нет датировки, а годы жизни инков-правителей, по Сармьенто и Гуаману Поме, попросту представляются нереальными, мы взяли за основу датировку из перуанских учебников истории, в частности из учебника: *Kauffmann Doig F.* Hasta 1973. Historia de los Peruanos. El Perú antiguo. Lima, 1973, p. 576, 577.
[1a] См.: *Vidal H.* Visión del Cusco. Monografía Sintética. Cusco, 1958.

теля их династии, первого Инки Манко Капака, с появлением которого дикарь превращается в человека?

Трудно поверить, что инки были прямыми потомками легендарного Манко Капака, но то, что они действительно считали себя таковыми, наиболее убедительно засвидетельствовал капитан Сармьенто. Это он сохранил нам имена представителей всех айлью-родовых колен инкского клана, проживавших во времена испанцев в Куско (70-е годы XVI в.) и поставивших свои подписи на документах Сармьенто. Интересно, что, следуя уже отмечавшейся выше инкской традиции, эти айлью делились на «ханинкуско» — первые пять и «хуринкуско» — остальные пять родовых колен. Судя по именам Гуаман, Юпанки, Паукар и др. (Б, 214)[2], мужчины из этих айлью принадлежали к местной знати и вполне могли быть инками по крови или, в крайнем случае, по привилегии (об этой категории инков будет сказано ниже). Однако, как мы уже отмечали, как только слово «инка» стало понятием социального характера, аристократическим титулом-приставкой к имени собственному, для их носителей степень кровного родства (или даже фактическое наличие такового) с легендарным основателем династии стала куда менее важна, нежели само наличие подобной легендарной личности в качестве общего и единого предка всех инков.

Вот почему инки должны были отстаивать «концепцию» цивилизаторской миссии Манко Капака. Конечно же, то было сравнительно позднее изобретение инкской пропаганды, скорее всего, во времена Пачакутека[3]. Лучше всего сохранил и передал эту легенду Гарсиласо на страницах «Комментариев» (*Г*, 31—44). Но в этой же концепции мы находим косвенное подтверждение чрезвычайно важного факта из истории государства инков: именно в долине Куско начиналось строительство инкской государственности и, следовательно, произошло это не ранее XIII в.

Теперь непосредственно о легендарном прошлом инков. Это не одна, а несколько легенд. Из них легко выделяются две главных, суть которых сводится к следующему:

Бог-Солнце и его супруга и сестра Луна направили на землю двух своих детей — мужчину и женщину, чтобы они обучили разумной жизни проживавших в дикости и варварстве людей.

---

[2] Здесь и дальше в настоящей главе мы будем пользоваться следующей системой примечаний: в скобках указываются буквенное обозначение автора (согласно табл. 1) и номер страницы его сочинения. Сьеса — *А*: сочинение цитируется по следующему изданию: El Señorio de los Incas. Segunda parte de la Crónica del Perú por *Pedro de Cieza de León*.— Biblioteca Peruana, Primera Serie, t. III. Lima, 1968; Сармьенто де Гамбоа— *Б*.: Historia Indica por *Pedro Sarmiento de Gamboa*.— Biblioteca de Autores Españoles..., t. 135. Madrid, 1965; Гуаман Пома — *В*: *Felipe Guaman Poma de Ayala*. Nueva Corónica y Buen Gobierno. Paris, 1936; Гарсиласо — *Г*: *Инка Гарсиласо де ла Вега*. История государства инков. Л., 1974.

[3] Напомним, что у Гарсиласо спасителем инкского государства и его реформатором является не Пачакутек, а Виракоча.

Брат и сестра, ставшие к этому времени супругами, первоначально появились в районе озера Титикака (здесь имеются незначительные разночтения: появились прямо в водах, вышли из вод, сошли с неба на берег озера или на один из его островов; в дальнейшем подобные детали будут опускаться нами). Отсюда они направились в сторону той долины, где ныне расположен город Куско. По дороге они несколько раз ночевали. Особо отмечена ночевка в Пакарек Тампу, «что означает рассветающий постоялый двор или спальня» (*Г*, 44), который впоследствии стал одним из главных святилищ инков.

В долине Куско брат и сестра вначале остановились на холме Ванакаури. Здесь брат уже в который раз метнул в землю свой золотой жезл, и тот неожиданно и навсегда ушел в рыхлую почву. Это означало, что именно здесь, по приказу отца-солнца, нужно было заселять землю людьми и основывать столицу инкского государства. (Нельзя не отметить господствовавший над всем прагматизм инков: даже в легендарном начале деловой практицизм берет верх над божественностью, ибо вошедший в землю жезл в первую очередь свидетельствует о пригодности местной почвы для земледелия[4].) Чуть севернее холма брат заселяет Ханан Коско (Верхнее Куско), а сестра — Хурин Коско (Нижнее Куско). В дальнейшем по этому же принципу будет делиться вся «империя» (*Г*, 46)[5]. Естественно, «верхним», как более важным по происхождению (возможный отголосок и, пожалуй, даже свидетельство зарождения перуанских цивилизаций именно в горах), будет отдаваться предпочтение (то, что «верхние» могут жить в нижней части города и наоборот, не имело никакого значения).

Брата звали Манко Капак — это и был первый Инка. Сестру — Мама Окльо Вако (по Гарсиласо; у Сьесы и Гуамана Помы — Мама Уако; у Сармьенто — Мама Гуака). Она стала первой Кольей, т. е. царицей (у Сармьенто Мама Гуака не сестра, а мать Манко Капака).

Так, согласно первой из легенд, был основан город Куско.

Вторая легенда о происхождении инков выглядит несколько сложнее. В ней в большей степени можно увидеть отголоски далеких событий, которые, по-видимому, были непосредственно связаны если не с зарождением инкской государственности, то с появлением инков в долине Куско, которой суждено было стать центром их могущества и славы.

Итак, в местечке под названием Паукар-тампу (у Сьесы — Пакарек Тампу; Сармьенто — Пакаритамбо; Гуаман Помы — Па-

---

[4] Как считает большинство исследователей Древнего Перу, деление на «верхнее» и «нижнее» связано с особенностями рельефа «империи», сплошь покрытой горами. При этом климатические различия «по вертикали» куда более ощутимы и контрастны, нежели «по горизонтали».

[5] В дальнейшем слово Инка с заглавной буквы следует читать как «инка-правитель» (если оно не фигурирует в качестве имени собственного).

кари Таппо) из горы, в которой имелось три «окна», вышли четыре (или три) супружеские пары — все они были братьями и сестрами. Вот их имена, как они даны в хрониках.

Братья

по Гарсиласо	по Сьесе (называет три пары)	по Сармьенто	по Гуаману
Манко Капак	Айар Манко	Манго Капак	Манко Капак
Айар Качи (соль)	Айар Качи Асаука	Айар Каче	Тупак Айаркачи
Айар Учи (перец)	Айар Учу	Айар Учо	Унакаури
Айар Саука (ликующий)	—	Айар Аука (враг)	Куско Уанка

Сестры

Мама Окльо	Мама Уако	Мама Окльо	Кури Окльо
—	Кора	Мама Ипакура	Мама Кора
—	Раура	Мама Раура	Тупа Уако
—	—	Мама Гуако	Йпауако

(Интересно, что большинство других хронистов также называет четыре, а не три пары: например, Бетансос — 4+2; Кабельо де Бальбоа — 4+4; Монтенсинос — 4+4; Моруа — 4+4 и т. п.)

Из всех братьев в живых остается только Манко. Остальные гибнут главным образом в результате междоусобных конфликтов или помогая друг другу против общих врагов. Эту часть истории Гарсиласо называет «тысячей бессмыслиц» (*Г*, 51) и добавляет: «Они утверждают только, что Манко Капак был их первым королем и что от него происходят все остальные короли» (*Г*, 51).

Но в «тысяче бессмыслиц», как у самого Гарсиласо, так и у других хронистов, например Сармьенто, отыскиваются чрезвычайно интересные данные, которые пополняют наши знания об инках, придавая определенный исторический смысл их сказочным легендам. Так, Сармьенто пишет, что когда братья пошли искать плодородные земли (очевидно, это было начало миграции), они с помощью посулов, уговоров, а возможно, и угроз подняли «местных людей», из которых были образованы десять айлью, т. е. родовых общин. Эти айлью в дальнейшем стали чем-то вроде личной гвардии инков, обеспечивавшей их защиту как от внешних, так и внутренних врагов. Инкская гвардия действовала с невероятной жестокостью. Как пишет Сармьенто, еще в его времена в Куско жили представители этих айлью, уцелевшие во время войны Уаскара и Атауальпы и испанской конкисты (*Б*, 214).

Еще в первой главе настоящей книги (с. 14), говоря о капаккуне, мы привели высказывание одного перуанского исследователя, в котором комментировался «численный состав» поименного списка правителей инкского государства. В качестве курьеза он назвал там капаккуну Монтесиноса, содержащую в отличие от

остальных хроник, более ста имен инков-правителей, считая узурпатора Атауальпу. Действительно, на фоне почти единодушного определения хронистами численности инков-правителей в пределах полутора десятков человек список Фернандо де Монтесиноса из его «Древних политических и исторических мемуаров Перу» может показаться всего лишь забавным курьезом. Но у капаккуны Монтесиноса есть одна интересная деталь, заставляющая более серьезно взглянуть на данное сочинение: имена последних 11 инков практически полностью совпадают со списками всех остальных хронистов. Следовательно, все «лишние» имена принадлежат предшественникам общеизвестных правителей, и в этом плане они не вносят каких-либо изменений в общепринятую капаккуну. Правда «лишние» более чем 90 правителей не просто удлинили капаккуну, но и решительно отсекли, отделили Манко Капака (он стоит вторым у Монтесиноса) от его потомков, с которыми он прямо связан во всех других списках.

Конечно, список Монтесиноса в том виде, в котором он нам известен сегодня, не заслуживает большого доверия хотя бы уже из-за одной своей «длины». Трудно поверить, что людская память, не подкрепленная письмом и к тому же легко поддающаяся коррозии под воздействием политических событий, могла удержать его на протяжении не десятилетий и даже не веков, а, как минимум, тысячелетия [6]. Но, с другой стороны, не менее трудно поверить и в то, что сочинение Монтесиноса — обычная мистификация.

Аргентинец Х. Имбельони предпринял попытку разобраться в этой сложной проблеме [7]. Правда, он положил в основу своего исследования не весь список Монтесиноса, а только правителей по имени Пачакути, каковых оказалось целых девять. Однако Имбельони, как нам представляется, больше увлекся чисто формальной стороной вопроса, в результате чего его исследование зачастую не только не объясняет наиболее важные и интересные положения, возникающие благодаря работе Монтесиноса, но еще больше запутывает и осложняет всю проблему в целом.

---

[6] Здесь мы апеллируем к элементарной логике и историческим прецедентам: пять последних правителей Перу правили в общей сложности 100 лет — в среднем по 20 лет (хотя 2 последних занимали трон примерно 8 лет — на двоих). Даже если мы сократим вдвое срок правления каждого инкского царя, то все вместе они правили, по Монтесиносу, не менее тысячи лет. Но, судя по остаткам материальных культур, такому «длинному» по возрасту государству инков попросту негде разместиться. Те же остатки материальной культуры говорят, что инки или, точнее, племена индейцев кечуа должны были появиться в районе нынешнего Куско примерно на рубеже XII и XIII вв. н. э. В этом случае, исключив годы правления исторических инков, а всех остальных 99 правителей достается примерно полтора столетия царствования, т. е. в среднем полтора года на правителя. Мы берем на себя ответственность утверждать, что столь короткий срок царствования уже сам по себе гарантирует забвение правителю.

[7] *Imbelloni J.* Pachakuti IX (El Inkario Crítico). Buenos Aires, 1946.

КАПАККУНА

ПОИМЕННЫЙ СПИСОК ПРАВИТЕЛЕЙ ТАУАНТИНСУЙЮ, КАК ОН ДАН У ХРОНИСТОВ. К СПИСКУ ДОБАВЛЕНЫ НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ, ВЗЯТЫЕ У АВТОРОВ ХРОНИК

Условные обозначения:

1 — порядковый номер инки-правителя в капаккуне;
2 — имя правителя (в скобках указано имя, присвоенное при рождении);
3 — отношение (родственное) к предшественнику;
4 — имя кольи-царицы, ее происхождение или степень прямого родства с инкой-мужем;
5 — даты жизни правителя, возраст. (Прочерк означает, что сведения у хрониста отсутствуют; знак вопроса — текст не дает полной ясности; б/н — автор не указывает порядковый номер правителя)

№	ГАРСИЛАСО	СЬЕСА ДЕ ЛЕОН	САРМЬЕНТО	ГУАМАН ПОМА	ПРИМЕЧАНИЯ[8]
1—2.	I, МАНКО КАПАК	I, МАНКО КАПАК	I, МАНГО КАПАК	I, МАНКО КАПАК	Манко Капак — легендарный основатель династии и клана инков, фигурирующий во всех перуанских хрониках; он основал т. н. Верхнее Куско, а Мама Окльо — Нижнее Куско. Считается, что инки пришли в Куско на рубеже XII—XIII вв., а Инка Манко Капак условно мог править с 1200 по 1230 г.
3.	—	—	—	—	
4.	Мама Окльо Вако, жена и сестра инки	Мама Уако, жена и сестра инки	Мама Гуака, жена и мать (либо сестра) инки	Мама Уако, жена и сестра инки	
5.	—	—	—	Жил 160 л. (с 10 по 170 г. н. э.)	
1—2.	II, СИНЧИ РОКА	II, СИНЧИ РОКА	II, СИНЧИ РОКА	II, СИНЧИ РОКА	Представитель династии Нижнего Куско; правил (усл.): 1230—1260 гг.
3.	первородный сын	первородный сын	первородный сын	первородный сын	
4.	Мама Кора (или Окльо), жена и сестра инки	—, жена и сестра инки	Мама Кока, жена инки из Саньо	Чимбо Урма, жена и сестра инки	
5.	—	—	Жил 127 л. (с 548 по 675 г.)	Жил 155 л. (с 170 по 325 г.)	

Продолжение

1—2.	III, ЛЬОКЕ ЙУПАНКИ	III, ЛЬОКЕ ЮПАНКИ	III, ЛЬОКЕ ЮПАНКИ	III. ЛЬОКЕ ЮПАНКИ	**Династия Нижнего Куско; правил (усл.): 1260—1290 гг.**
3.	первородный сын	первородный сын	первородный сын	первородный сын	
4.	Мама Кава, жена и сестра инки	—, жена инки из Санью	Мама Кауа, жена инки из Ома	Мама Кора Окльо, жена инки	
5.	—	—	Жил 132 г. (с 654 по 786 г.)	Жил 130 л. (с 325 по 455 г.)	
1—2.	IV, МАЙТА КАПАК	IV, МАЙТА КАПАК	IV, МАЙТА КАПАК	IV, МАЙТА КАПАК	**Династия Нижнего Куско. правил (усл.): 1290—1320 гг**
3.	первородный сын	первородный сын	первородный сын	первородный сын	
4.	Мама Кука, жена и сестра инки	Мама Кауа Пата, жена инки из Ома (сестры не было)	Мама Такукирай, жена инки из Такукирай	Чинбо Урма Мамай, жена и сестра инки	
5.	—	—	Жил не менее 110 л. (умер в 896 г.)	Жил 120 л. (с 455 по 575 г.)	
1—2.	V, КАПАК ЙУПАНКИ	V, КАПАК ЮПАНКИ	V, КАПАК ЮПАНКИ	V, КАПАК ЮПАНКИ	**Последний представитель династии Нижнего Куско; правил (усл.): 1320—1350 гг.**
3.	первородный сын	—	неперворордный сын	первородный сын Чинбо Укльо Мамакауа (1-я жена инки); Кусичимбо (2-я жена)	
4.	Мама Курильпай, жена и сестра инки	—, жена и сестра инки	Куриильпай, жена инки из Айармака		
5.	—	—	Жил 104 г.; умер в 985 г.	Жил 140 л. (с 575 по 715 г.)	
1—2.	VI, ИНКА РОКА	VI, ИНГАРОКЭИНГА (Инка Роке Инка)	VI, ИНГА РОКА	VI, ИНГА РОКА	**Переход власти к инкам из Верхнего Куско; первый представитель этой династии правил (усл.): 1350—1380 гг.**
3.	первородный сын	—	первородный сын	—	
4.	Мама Микай, жена и сестра инки	Никайко, жена и сестра инки	Мама —, жена инки из Патагуайлякана	Кусичимбо Мамамикай, жена и сестра инки	
5.	—	—	Жил 123 г. (царствовал — 103 г.)	Жил 154 г. (с 715 по 869 г.)	

Продолжение

№	ГАРСИЛАСО	СЬЕСА ДЕ ЛЕОН	САРМЬЕНТО	ГУАМАН ПОМА	ПРИМЕЧАНИЯ
1—2.	VII, ЙАВАР ВАКАК	VII, ИНКА ЮПАНКИ	VII, ЯГУАР ГУАКАК (Тито Куси Гуальпа)	VII, ЙАУАР УАКАК	Династия Верхнего Куско; правил (усл.) 1380—1410 гг. Начало экспансии индейцев-чанков, борьба с которыми способствовала объединению индейцев кечуа под началом Куско
3.	первородный сын	первородный сын	первородный сын	первородный сын	
4.	—	Мама Чикиа, жена инки из Айпамака	Мама Чикай, жена инки	Инауако Мамамачи, жена и сестра инки	
5.	—	—	Жил 115 л.	Жил 139 л. (с 869 по 1008 г.)	
	Вторжение чанков; бегство инки-правителя из Куско	Инка убит «людьми из Кондесуйю» — чанками			
1—2.	VIII, ВИРА-КОЧА	Междуцарствие VIII, ВИРАКОЧА	VIII, ВИРАКОЧА	VIII, УИРАКОЧА	Династия Верхнего Куско; правил (усл.): 1410—1438 гг; На восьмом инке кончается список так называемых легендарных правителей (легендарный период истории инков)
3.	первородный сын (однако отец изгнал его из Куско и лишил права на наследование престола)	происхождение неясное; на престол был избран кланом инков	третий сын	первородный сын	
4.	Мама Рунту, жена и сестра инки	Рондо-Кайя, жена инки (не сестра)	Мама Рондокайя, жена инки из Анта	Мама Йунко Кайен, жена и сестра инки	
5.	—	—	Жил 119 л.; царствовал 101 г.	Жил 124 г. (с 1008 по 1132 г.)	
	Победитель чанков, спасший Куско и империю инков	Победитель чанков, спасший Куско и империю инков	Вторжение чанков		
1—2.	IX, ПАЧА-КУТЕК	б/н ИНКА УРКО	IX, ПАЧАКУТИ ИНГА ЮПАНКИ	IX, ПАЧАКУТИ ИНГА ЮПАНКИ	Династия Верхнего Куско Первый исторический и девятый из Капаккуны инка-правитель Пачакутек Инка Юпанки; правил: 1438—1471 гг.

Продолжение

3.	первородный сын	первородный сын; лишен престола за трусость при нападении чанков	непервородный сын (именно он устранил Инку Урко из претендентов на престол)	неперворoдный сын	
4.	Ана-варке, жена и сестра инки	—	Мама Аньягуарки, жена инки из Чоки	Мама Анауаке, жена и сестра инки.	
5.	—	«...правил королевством несколько дней...» (123)	Жил 125 л. (царствовал 103 г.), умер в 1191 г. Победитель чанков	Жил 88 л. (с 1132 по 1220 г.)	
1—2.	X, ИНКА ЙУПАНКИ	IX, ИНКА ЮПАНКИ	X, ТОПА ИНГА ЮПАНКИ	X, ТОПА ИНГА ЮПАНКИ	Династия Верхнего Куско. X инка Топа Инка Юпанки; правил: 1471—1493 гг.
3.	первородный сын	неперворoдный сын	первородный сын	первородный сын	
4.	Чимпу Окльо, жена и сестра инки	(имя жены не указано)	Мама Окльо, жена инки	Мама Окльо, жена и сестра инки	
5.	—	—	Жил 88 л. (царствовал 67); умер в 1258 г.	Жил 200 л. (с 1220 по 1420 г.) Инка-реформатор, более других способствовавший становлению инкской «империи»	
1—2.	XI, ТУПАК ИНКА ЙУПАНКИ	б/н ТОПАК ИНКА ЮПАНКИ	XI, ГУАЙНА КАПАК (Тито Куси Гуальпа)	XI, ГУАЙНА КАПАК	Династия Верхнего Куско. XI инка Уайна Капак; правил: 1493—1523.
3.	первородный сын	первородный сын	младший сын	младший сын	
4.	Мама Окльо, жена и сестра инки	Мама Окльо, жена и сестра инки	Куси Римай (бездетна) и Раура Окльо — жены и сестры инки (вторая из них — мать Гуаскара)	Раура Окльо, жена и сестра инки	
5.	—	—	Жил 80 л. (царствовал 60); умер в 1524 г.	Жил 86 л. (с 1420 по 1506 г.)	

№	ГАРСИЛАСО	СЬЕСА ДЕ ЛЕОН	САРМЬЕНТО	ГУАМАН ПОМА	ПРИМЕЧАНИЯ
1—2.	XII, ВАЙНА КАПАК	XII, ГУАЙНА КАПАК	XII, ГУАСКАР (Тито Куси Гуальпа Инди Ильяпа)	XII, УАСКАР ИНГА ТОПА КУСИ ГУАЛЬПА	Династия Верхнего Куско. XII инка Уаскар; правил: 1523—1532 гг.
3.	первородный сын	первородный сын	первородный сын	первородный сын	
4.	3 жены: Пильку Вако (бездетная) и Рава Окльо, жены и родные сестры (вторая — мать Васкара); Мама Рунту, жена и двоюродная сестра инки	Чимпу Окльо, жена и сестра инки	— (?) —	Чукильянто, жена и сестра (?) инки	
5.	—	—	—	Жил 25 лет (с 1506 по 1532 г.)	
1—2.	XIII, ВАСКАР (Инти Куси Вальпа)	б/н ГУАСКАР	б/н АТАГУАЛЬПА	б/н АТАУАЛЬПА	XIII правитель Тауантинсуйю бастард Атауальпа; правил: 1532—1533 гг.
3.	первородный сын	—	старший сын-бастард	сын-бастард XI инки; брат XII инки	
4.	— ? —	— ? —	— ? —	— ? —	
5.	Убит Ата-Вальпой в 1532 г.	—	—	—	
			(мать Атагуальпы — Токто Кока, двоюродная сестра инки Гуайна Капака и его наложница)		
	б/н АТА-ВАЛЬПА сын-бастард XII инки младший брат XIII инки	б/н АТАУАЛЬПА бастард, старший из сыновей XII инки			Кроме Сармьенто, все остальные хронисты считают Атауальпу узурпатором власти и не причисляют его к числу инков-правителей
	Казнен испанцами в 1533 г.	Казнен испанцами в 1533 г.			
	Мать — царица Королевства Киту(Кито); наложница инки-правителя	Мать — Туиак Палья (Токто Окльо Кука) из Килья; наложница инки-правителя			

*Все данные в графе «Примечания» приведены по: *Kauffmann Doig F.* Hasta 1973. Historia de los Peruanos. El Perú antiguo. Lima, 1973, p, 576, 577

Между тем сочинение Монтесиноса, бесспорно, заслуживает всестороннего исследования и дополнительных поисков тех источников, на основе которых он написал его в середине XVII в.

Поскольку собственно история, в том числе и инков, в представлении всех рассматриваемых хронистов отождествлялась с непрерывной цепью периодов царствования отдельно взятых правителей (в данном случае — инков), мы воспроизвели выше все четыре капаккуны, чтобы получить предельно ясное представление о формальном решении этого вопроса нашими хронистами.

Все четыре капаккуны берут свое начало от Манко Капака. Более того, все хронисты, писавшие об инках, поступают точно так же, исключая Монтесиноса.

Итак, капаккуны, составленные по данным из сочинений Гарсиласо, Сьесы де Леон, Сармьенто и Гуамана Помы [9].

Нетрудно подсчитать, что у Сармьенто инки в среднем жили более 110 лет каждый, из которых правили около 85 лет (в среднем). У Гуамана Помы каждый инка правил более 130 лет. Конечно, эти «данные» не заслуживают доверия по причинам, о которых мы говорили выше. Однако и у ряда других хронистов инки значатся как долгожители. Так, по данным Педро Гутьерреса де Санта Клара (1544 г.) средняя продолжительность жизни инки-правителя составляет 99,8 года, а его правления — 60 лет; у Кабельо де Бальбоа (1586 г.) каждый инка правил в среднем 52,3 года, а согласно реконструкции профессора Теодора Вайтца (1864 г.) в среднем правитель Тауантинсуйю царствовал 42 года [10].

Видимо, проблема подобного долголетия инков смущала самого Гуамана Пому. Но он не счел возможным изменить возраст инков в своей капаккуне, а попытался объяснить этот феномен с помощью абсолютно земных средств. Написав, что инки (не только правители) достигали 150—200-летнего возраста, он поясняет, что это был результат их «очень организованной и методичной» жизни. Так, детям запрещалось есть жиры, сладкое (включая мед), сало, соль, уксус. Мужчины до 50 лет не пили чичу (алкогольный напиток), не спали с женщинами и не делали кровопусканий (?). Один раз в 6 месяцев организм подвергался полному промыванию и т. п. (*B*, 118, 119).

Правда, несколькими строками ниже Гуаман Пома пишет, что мужчина и женщина не вступали в связь до 30-летнего возраста (там же), а в другом месте он заявляет, что сохранение особами женского пола девственности до 33 лет было одним из самых «грандиозных достижений» Нового Света (*B*, 224; ошибочно в рукописи 222). Однако эти и другие факты, вступающие в очевидное противоречие с написанным самим Гуаманом Помой, не могут заставить его внести соответствующие исправления в текст хроники. Подобное отношение к тексту можно объяснить

---

[9] См. с. 207—211.

[10] *Imbelloni J.* Pachakuti..., p. 248—250.

не столько доверием, сколько чрезвычайным уважением хрониста к источнику, который был использован им при написании данного раздела сочинения. Однако что́ это был за источник и почему он вызвал такое к себе уважение, об этом мы можем лишь догадываться...

Значительное, если не решающее, совпадение как в структуре, так и в конкретном содержании звеньев вышеприведенных капаккун достаточно убедительно говорит в пользу нашего утверждения, что хронисты писали свои истории, основываясь на одном источнике. Однако их хроники имеют весьма существенные расхождения в деталях, и не только те, что обнаружили себя при сопоставлении капаккун. Представляется возможным какую-то часть этих разночтений отнести на счет неодинаковых способностей, писательского таланта и профессиональной подготовленности хронистов. Ибо при всей их добросовестности и доброй воле, они были не бездушными копировальными машинами, а живыми людьми. Кроме того (и это, пожалуй, главное), каждое из четырех сочинений, как уже указывалось, имело свои конкретные цели, которые были неодинаковыми, а у некоторых и диаметрально противоположными.

Вот почему целесообразно более подробно остановиться именно на несовпадающих моментах четырех историй Тауантинсуйю. И первый из них — проблема доинкской истории.

Гарсиласо, строго следуя за инками, прямо указывает, что до инков не то чтобы цивилизованная, а просто человеческая жизнь отсутствовала. Люди пребывали в таком диком состоянии, что скорее были животными, нежели разумными существами.

«...Они говорили,— пишет в том же ключе Сьеса,— что все жили без порядка и многие ходили голыми, будучи дикарями, не имели домов, ни иных жилищ, кроме пещер... откуда выходили, дабы насытиться тем, что попадалось на полях» (*А*, 18). Правда, Сьеса обращает внимание на легенду о белом человеке, появившемся из вод Титикаки еще до прихода на землю инков и творившего добро (*А*, 19, 20), однако люди забросали его камнями, и тогда он ушел от них в море. Возможно, что это был уже другой человек без имени. Испанцы даже полагают, что это был один из Апостолов, о чем «свидетельствуют» четки в его руках (*А*, 22).

Но эти отступления не меняют генеральной линии истории: цивилизованный, человеческий образ жизни начинается с приходом инков — таков основной вывод у Сьесы.

По-иному выглядит начало начал и возникновение инкского государства у Сармьенто. Во-первых, он «доказывает», что аборигены Нового Света (или какая-то их часть) пришли туда из Атлантиды, «...а богатые и могущественнейшие королевства Перу,— пишет капитан,— и граничащие с ними провинции [заселили] атланты, которые произошли от тех первых месопотамцев или халдеев, колонистов [всего] мира» (*Б*, 200).

Важное место в предыстории инков занимают у него также чисто библейские сюжеты, например Всемирный потоп, среди «действующих лиц» которого встречается верховное божество инков Виракоча (*Б*, 208). Да и сама «версия инков» о появлении людей оказывается причастной к истории потопа. Виракоча был вынужден сделать людей заново, так как все они погибли при потопе (*Б*, 208).

Сармьенто дает не две, а гораздо больше легенд о прошлом инков. При этом сами инки не во всех легендах играют главенствующую роль, хотя всегда отличаются жестокостью, вероломством, злонамеренностью. Они действуют силой, запугиванием и уговорами. Тем, кто не пожелает добровольно принять их господами на своих землях, объявляется жестокая война (*Б*, 210—215). Даже Манко Капак не стесняется в средствах устрашения; он скор на расправу и жесток: захватив при подходе к Куско земли индейцев гуальяс, чтобы избежать дурной славы о жестокостях своих людей, он перебил всех гуальясов, включая младенцев в чреве своих матерей (*Б*, 218).

Таким образом, инки приходят в Куско и утверждаются на плодородных землях его долины благодаря невероятным жестокостям, опираясь на силу. Отсюда следует достаточно «ясный» вывод: уже на самом раннем этапе своей истории, они не природные господа, а узурпаторы. Все последующие инки и их деятельность только дополняют и развивают этот главный тезис Сармьенто.

У Гуамана Помы история жителей Нового Света насчитывала до прихода испанцев 6613 лет (*В*, 49), из которых «только» 1515 лет приходилось на правление инков (*В*, 87). До инков имелось четыре «периода-поколения» индейцев: Уариуиракочаруна, Уарируна, Пурунруна и Аукаруна. Лишь в конце четвертого периода, название которого можно перевести как «воинственные люди», на исторической сцене появляются инки. Но еще до инков — во всяком случае на землях, где жили предки Гуамана Помы — появился древний царский род Яровильков — Уарируна Йаровилька. Именно он как бы являлся «коллективным предком» всех жителей Чинчайсуйю. Согласно родословному древу Яровильков, они «являлись законными Королями, прямыми потомками Адама и Ноя...» (*В*, 72). Гуаман Пома воспроизводит (и это уже действительно интересно!) 38 имен своих предков-правителей до прихода инков и 6 имен — уже после захвата ими Чинчайсуйю (*В*, 72—76). Его отец был седьмым (по счету) «вторым человеком после Инки» и прожил 150 лет.

Из сказанного становится ясно, что у Гуамана Помы инки всего лишь *очередные* господа; их история выделена у хрониста-индейца в отдельный раздел (он начинается со с. 79 рукописи).

Какой же вывод можно сделать по данному вопросу? Любое отклонение от инкской версии древней истории обитателей Перу сразу же ставит под сомнение главный тезис инков об их циви-

лизаторской миссии на земле. Инкская же версия истории — полная дикость до появления инков — наиболее четко сформулирована у Гарсиласо, а также у Сьесы. Что же касается двух других хронистов, то они каждый на свой манер опровергли подобную версию, хотя и изложили ее в основных чертах на страницах своих сочинений.

Бесспорно, что версия Гарсиласо—Сьеса чужда исторической правде, но она дает возможность современному исследователю познакомиться с концепцией инков, излагающей возникновение их собственного государства. Полезность подобного материала не вызывает сомнений.

Версии Сармьенто и отдельно Гуамана Помы также дают представление об указанной исторической концепции инков, однако куда более поверхностно. Они не могут быть причислены к непосредственно инкскому варианту этой «истории». С другой стороны, оба автора опровергают цивилизаторскую миссию инков, однако их опровержение мало чем обогащает наши знания, поскольку археология XX века дала возможность достаточно близко познакомиться с доинкскими цивилизациями древнего Перу — Чавин, Мочики, Наска, Тиауанаку и еще многими другими, о которых оба хрониста практически ничего не говорят. Некоторый интерес в этом плане представляет родословная Гуамана Помы, однако без привлечения других материалов, в том числе остатков материальной культуры «царства Яровильков», а точнее Чинчайсуйю, она не может быть достаточно эффективно использована.

Теперь мы рассмотрим ряд отдельных аспектов многогранной деятельности инкского общества и государства. И первая такая тема будет связана с войной.

ВОЙНА И ВОЕННОЕ ДЕЛО

Мы уже не раз указывали, что для инков война являлась одной из основных форм государственной деятельности. Но то была не война ради войны (как, например, это имело место у ацтеков, отражая более низкую ступень их социально-экономического развития), а ради реализации на практике типичной для раннеклассового общества идеологической доктрины об универсальном — божественном и земном — праве «сынов Солнца» царствовать над людьми и над природой с помощью и по велению своего всесильного «родителя». Вот почему в инкском государстве все войны, как и любые иные вооруженные действия, велись или самим инкой-правителем, или по его непосредственному поручению и являлись в прямом смысле слова общегосударственным делом. Более того, практически вся повседневная жизнь Тауантинсуйю в годы царствования исторических инков была подчинена только и исключительно этой главной, если не единственной, «общенациональной» задаче. Экономика, административно-бюрократическое устройство государственного аппарата (фактически построен-

ного по военному принципу), политика в области культуры (включая религию), как и любые другие проявления социально-политической деятельности инкского общества, которые направлялись, организовывались, создавались или возникали сами по себе в рамках их государственного устройства, должны были обеспечить военные нужды правящего клана инков. Однако военная экспансия не только обеспечивала наиболее эффективную форму распространения власти «сынов Солнца» на все новые и новые «царства» и «провинции» из внешнего мира, но и определенным образом укрепляла их власть внутри «империи», поскольку рос, креп и постоянно совершенствовался главный инструмент насилия: многочисленный отряд профессионального воинства, значительная часть которого была связана с инками кровным родством. Он, этот отряд, при необходимости почти мгновенно обрастал армией, ряды которой, как утверждают все хронисты, исчислялись не десятками, а сотнями тысяч человек, что представляется вполне реальным для такого царства, как Тауантинсуйю.

Таким образом, создание гигантской армии было вызвано не только экспансионистскими устремлениями инков. Она была нужна им и для решения внутренних проблем, что проявилось особенно отчетливо в годы царствования Уайна Капака, когда территория «империи» достигла почти трех миллионов квадратных километров (по подсчетам француза Л. Баудина — 2 754 000 кв. км). Десятки крупных и сотни небольших крепостей-пукар с гарнизонами солдат, иногда насчитывавшими по нескольку тысяч воинов, обеспечивали охрану «империи» как от внешних, так и от внутренних врагов — восстававших против инкского господства «царств» и «провинций», уже вошедших в состав Тауантинсуйю. По сути дела тот же Атауальпа может быть причислен к числу таких «бунтовщиков», поскольку на каком-то этапе своей борьбы против Инки Уаскара он защищал интересы индейского царства Киту (Кито), родом из которого была его мать — наложница Инки Уайна Капака. (К месту будет сказано, что многие деятели культуры современного Эквадора придерживаются именно такой точки зрения.)

Между тем «империя» была соткана из огромного множества «лоскутков». По нашим подсчетам, Гарсиласо дает в «Комментариях» более двухсот (206) названий индейских «царств», «провинций», «селений», «народов» или «племен», которые вошли в состав «империи» [11]. Почти все они — более 150 — фигурируют в качестве объекта мирной или военной экспансии инков и, следовательно, до включения в Тауантинсуйю обладали «независи-

---

[11] Если царство, селение, народ и т. д. имеют одно и то же название, например провинция и племена Арауку (*Г*, 476, 484, 502) или селение и провинция Кара Кара (*Г*, 173, 230), то в нашем подсчете они фигурируют в качестве одной «административно-этнической» единицы.

мостью». Их удержание в едином государстве требовало многочисленной армии, и инки имели ее.

Но авторы рассматриваемых нами хроник не уделили должного внимания военному делу инков. Мы уже указывали, что и в «инкских университетах» Гарсиласо «военное дело» не стало главным предметом его обучения. Видимо, по этим же причинам — потеря профессионального интереса к военному искусству инков и актуальности его значения,— военное дело и военная практика «сынов солнца» не занимают в хрониках сколько-нибудь значительного места.

Однако это не мешает понять и даже попытаться сформулировать суть главной военной доктрины инков. Так, нельзя не обратить внимания на то, с каким постоянством Гарсиласо начинает рассказ о каждом из завоевательных походов всех Сапа Инков с утверждения, что вначале инки посылали своих послов с предложением и условиями добровольного вступления в их «империю» противника (соседа, союзника, взбунтовавшегося вассала и т. д.), на земли которого они приняли решение напасть. Если противник отвергал условия инков, то они до трех раз направляли своих посланцев, настаивая решить мирным путем свое предложение стать господами и правителями данного народа («царства», «провинции»). Только после третьего отказа их армия начинала прямые военные действия.

Нужно сказать, что данный тезис Гарсиласо попачалу производит малоубедительное впечатление: скажем откровенно, трудно поверить в столь исключительное миролюбие «сынов Солнца».

Но вот выясняется, что все без исключения хронисты признают, что ряд «царств» и «провинций» действительно присоединились к Тауантинсуйю без военного конфликта, а это, как известно, предполагает предварительные переговоры и желание инков удовлетворить свои захватнические претензии мирным путем.

Правда, уже сами предварительные переговоры вполне могли выполнять и наверняка выполняли ряд чисто военных функций. Это было необходимо на тот случай, если противник все же откажется присоединиться к «империи» в результате уговоров, содержавших посулы и угрозы.

Во-первых, посылка послов означала проникновение в лагерь намеченной жертвы своих разведчиков и возможность вербовки таковых из числа самих противников, что уже само по себе было полезно и могло обещать серьезный успех. Во-вторых, инки, как нам представляется, были попросту заинтересованы в предварительном оповещении противника о своем желании напасть на него (это, естественно, не исключает наличия и таких ситуаций, когда нападение должно было носить внезапный характер). Попытаемся подтвердить настоящее суждение.

Судя по сообщениям хронистов, инки на войне предпочитали осаду всем другим видам сражений. Для этого было несколько

причин. Они обладали абсолютным военным превосходством и вели, как правило, завоевательные войны. Это заранее предопределяло для нападающей стороны возможность длительной и тщательной подготовки, своевременного и достаточно обильного накопления провианта и вооружения, концентрации людских ресурсов, плановое накопление резервов в нужных местах и направлениях и т. п. Важно и то, что агрессор сам выбирает сроки нападения, учитывая при этом, помимо погодных условий, и такой важнейший фактор, как состояние продовольственных резервов не только у себя, но и у намечаемой жертвы.

В этих условиях почти идеальной ситуацией для успеха намечаемой экспедиции было сосредоточение противника на сравнительно малой территории, пусть даже хорошо укрепленной, например в крепости. Далее, нападение следовало совершать в преддверии уборки урожая местной главной сельскохозяйственной культуры, например маиса или картофеля, когда запасы от предшествующего года уже истощены. Предупрежденный противник, уходя в крепости, сам отсекал себя от своих полей и урожая, жизненно необходимого. Инки же, если посевы не уничтожались, получали возможность обеспечить себя местным провиантом.

С таких позиций совсем иначе выглядит миролюбивая политика инков. Их неоднократные уговоры противника с целью убедить его добровольно присоединиться к «империи» преследовали двоякую цель: действительно заставить его принять господство инков — это была политическая цель — или путем угроз добиться тактически выгодных для себя условий ведения войны — непосредственно военная цель. Вспомним знаменитое «Иду на Вы» Святослава. Ведь инкские «мирные переговоры» по существу выполняли ту же задачу. С их помощью они не просто добивались концентрации населения, особенно мужской его части, в каком-то одном месте, но и проверяли при повторных посещениях, насколько успешно она осуществляется.

Что же касается той отсрочки нападения и даже предупреждения о нем, то она, судя по всему, не оказывала существенного влияния. Ибо отсрочка могла быть не такой уж длинной, а предупрежденный «народ» или «племя» в экономическом плане практически ничего не выигрывали, поскольку отсутствовал не только внешний, но и внутренний рынок. Наоборот, соседи, прослышав о предполагаемом приходе инков, стремились позаботиться сами о себе, или даже урвать кусок при разгроме очередной жертвы инков. Возможность же политического и даже чисто военного объединения соседей инков была мало вероятна, ибо они, как правило, жили в постоянной междоусобной вражде из-за угодий, земли под посевы и т. п., что, несомненно, учитывалось в Куско. Последнее подтверждается арбитражем инков, о котором Гарсиласо рассказывает не однажды. Правда, такой «арбитраж», как правило, заканчивался тем, что обе конфликтую-

щие стороны оказывались «добровольно» включенными в инкскую «империю» (*Г*, 170—174).

Нельзя сказать, что такой была военная доктрина инков, но именно такой она видится со страниц «Комментариев», хотя Гарсиласо не посвятил этому вопросу ни единого слова. Более того, он вообще не касается военных проблем как таковых и специально не пишет, например, ни о военной тактике, ни о приемах ведения войны, ни даже о вооружении инков. У него все битвы, сражения и войны мало чем отличаются друг от друга, а ведь их упомянуто в «Комментариях» десятки! И только сражение Инки Виракочи с чанками за Куско (*Г*, 305—315), а также отдельные эпизоды вооруженной борьбы Атауальпы с Уаскаром Инкой (*Г*, 629—636) имеют индивидуальные, близкие к «портретным» черты.

Очевидно, что Инка Гарсиласо не ставил перед собой задачу пополнить знания своего читателя данными о военном деле и военном искусстве инков — он просто перечисляет наиболее важные события из их истории, которая, нетрудно догадаться, как раз и состояла главным образом из войн, битв и сражений. Мимоходом же мы узнаем и об оружии инков и даже о степени важности разных видов вооружения, которым пользовались воины Тауантинсуйю. Ибо Гарсиласо пишет о нем (точнее будет сказано «упоминает») не в разделе, специально посвященном этому важнейшему вопросу (такого раздела попросту нет), а лишь иллюстрируя возможности кипу в деле передачи информации: «И точно так же они вели счет (с помощью кипу.— *В. К.*) оружию, ставя вначале то, которое считалось самым благородным, как-то: пики, а затем дротики, лук и стрелы, дубинки и топоры, пращи и все остальное оружие, которое они имели» (*Г*, 357).

Правда, Инка Гарсиласо все же делает одно исключение: он подробно описывает, как обучались военному делу молодые инки, включая принца-наследника (*Г*, 393—403). Однако эта учеба была связана с ритуалом «посвящения в рыцари» и во многом носила религиозный характер. Видимо, эта ее особенность явилась причиной того, что молодого метиса посвятили во все ее таинства, которые он, по своему обыкновению, точно, во всех деталях описал.

Если Гарсиласо рассыпал по многим страницам своего сочинения достаточно обильную информацию о военном деле у инков, то Сьеса сконцентрировал ее буквально на нескольких листах. Вот как описывает он порядок начала и ведения войны инками.

На главной площади Куско находился «...камень войны,— пишет Сьеса,— который был большим и имел форму и внешний вид сахарной головы, и был он сплошь украшен золотом и драгоценными камнями; и выходил [к нему] король со своими советниками и родичами, приказывая позвать главных людей и

касиков провинций, [чтобы узнать] от них, кто из их индейцев был самым храбрым, дабы назначить таких начальниками и капитанами; после выяснений производились [соответствующие] назначения; было так, что одному индейцу поручалось десять [воинов], другому — пятьдесят, и другому — сто, и другому... десять тысяч; и эти, получавшие такие назначения, принадлежали все к числу индейцев местных уроженцев, а все они подчинялись генерал-капитану Короля (у Сармьенто и Гарсиласо указано, что над местными начальниками обязательно стояли чистокровные инки.— *В. К.*). Таким образом, если возникала надобность направить на какое-то сражение либо на войну десять тысяч человек, было достаточно лишь открыть рот, чтобы приказать... И каждое капитанство несло свое знамя, а одни были метателями пращи, а другие — копейщиками, а другие сражались с маканами, а другие — с айльо (болеадоры из меди.— *В. К.*) и дротиками, а некоторые — дубинками. (При выходе Господина из Куско имел место величайший порядок, пусть даже его сопровождало триста тысяч человек; они шли организованно своими дневными переходами от тамбо до тамбо, в которых находились весь необходимый для них провиант и снаряжение, так что всего хватало и все точно выполнялось, и было [там] много оружия и альпаргат (род обуви.— *В. К.*) — все для воинов, и женщин и индейцев, чтобы они служили им и переносили их грузы от тамбо до тамбо, в котором тоже имелось снаряжение и обилие провианта; а Господин устраивался на ночлег, и охрана была вместе с ним, а остальные люди располагались по окружности во многих помещениях, которые имелись [в тамбо]; и двигались они непрерывно вперед с плясками и попойками, веселя одни других. Жители местной округи, где они проходили, не имели права под страхом суровых наказаний пребывать в отлучке, прерывать обычное снабжение и оказание личных услуг тем, кто шел на войну; а воины и капитаны и даже сыновья самих Инков не рисковали причинить им какое-либо зло или допустить дурное обращение, ни украсть, ни оскорбить, ни изнасиловать какую-нибудь женщину, ни взять у них хотя бы один початок маиса; а если они нарушали закон Инков и это приказание, их сразу приговаривали к смерти; а если кто-либо совершал кражу, его били плетьми сильнее, чем в Испании, а во многих случаях приговаривали к смерти. И совершая все так, они во всем добивались разумности и порядка, и местные жители не решались отказать воинам в службе и в снабжении в достаточном количестве, а солдаты также не хотели обворовывать их или причинять зло, опасаясь наказания» (*А*, 73, 74).

У Сьесы встречаются в тексте также и отдельные детали, которые дополняют общую картину военного дела инков. Так, инки поджигали осаждаемые селения, забрасывая туда раскаленные камни (*А*, 112); они применяли ямы-ловушки (*А*, 126); держали в строжайшем секрете очередной (планируемый) объект нападе-

ния (*А*, 150); даже временные укрепления инков имели 7—8 рядов внутренних стен (*А*, 180).

Мы уже говорили, что, как можно понять у Гарсиласо, инки не проявляли излишней торопливости в своей завоевательной политике и в практике ведения войн. Они предпочитали мирное включение чужих царств в Тауантинсуйю военному; обстоятельную, фундаментальную подготовку внезапному наскоку, атаке; длительную осаду кровопролитным сражениям в открытом поле и т. п. Однако, приняв решение, они доводили его до конца, не считаясь ни со временем, ни с материальными и людскими потерями. В этом отношении чрезвычайно характерен и показателен следующий пример, приводимый Сьесой. При завоевании долины и города Гуарко, расположенных в зоне знойного морского побережья, длительное пребывание на котором противопоказано жителям высокогорья, каковыми являлись инки, Инка Тупак Юпанки приказал соорудить рядом с долиной в горах город-копию Куско, куда направлялись инкские войска на отдых не столько от ратных дел, сколько от жары. Это позволило вести непрерывную осаду города-крепости Гуарко целых три года, пока осажденные не сдались на милость победителей (*А*, 161).

К сожалению, Сармьенто и Гуаман Пома не так уж много добавляют нового и конкретного к знаниям о военном деле инков. Однако у первого из них мы узнаем одну интереснейшую «военную деталь», которая весьма убедительно подтверждает общую характеристику инков как правителей, умевших понять и не боявшихся заимствовать (в том числе и у своих врагов) наиболее выдающиеся достижения в технике, науке, культуре. Рассказывая о борьбе инков с чанками, Сармьенто пишет, что «...чанки кололи своими длинными *пиками,* [а] инги сражались *пращами, дубинками, топорами и стрелами...*» (*Б,* 234; курсив мой.— *В. К.*).

Мы видим здесь почти тот же набор оружия, который дан у Гарсиласо, но Гарсиласо сообщил нам не просто перечень, а последовательный ряд значения, ценности оружия, которым пользовались инкские воины. Теперь, сопоставив обе информации, мы узнаем, что для инков, оказывается, самым главным и ценным оружием стало оружие *чанков.*

В отличие от других хронистов Гуаман Пома, как всегда, дает много индейских имен и других деталей, расцвечивающих местным колоритом общую картину. Здесь и название оружия (кстати, первыми в списке, как и у Гарсиласо, идут *пики* с наконечниками «Часка Чуки»); сообщается, что в бою индейцев воодушевляла «воинственная музыка» (*В*, 64, 65); что пики воинов делались из чрезвычайно твердого дерева «Чунта» (*В*, 285); что инки предпочитали формировать свои войска из «худых, сильных, выносливых» жителей Чинчайсуйю, нежели из «толстых, рыхлых, крупных, но не сильных» индейцев Кольясуйю (*В*, 337); и т. п.

Отличительной чертой хроники Гуамана Помы является также

и то, что он вводит в схему государственного устройства «империи» институт «капитанов» — что-то вроде главнокомандующего и заместителя инки-правителя по «военным делам». Первые девять капитанов — сыновья или братья инков-правителей (*В*, 145—160). Десятый «капитан» «состоит» сразу из пяти известных полководцев времен Уайна Капака, Уаскара и Атауальпы; это Чалько Чима, Кискис, Уапанта, Кисо Юпанки и Уалько Майта (*Б*, 161, 162), хотя военная слава каждого из них далеко не одинакова. 11-й капитан — известный «бунтовщик» и «предатель» из Кито Руминьяуи (*В*, 163, 164); остальные четыре капитана (с 12-го по 15-й) — это представители четырех суйю (*В*, 165—172).

Здесь, как нам представляется, имеет место известная путаница, позволяющая утверждать что предложенный индейцем-хронистом институт «капитанов» скорее всего его собственное изобретение. Это подтверждается еще и тем, что мы находим у других хронистов множество имен разных «генералов» и «главнокомандующих», которые настолько часто сменяют друг друга, что не остается сомнений в том, что подобная должность не закреплялась пожизненно за одним лицом, а это решительным образом меняет характер такого «института».

Гуаман Пома называет также «главные крепости» страны (список никак не назовешь полным), это Саксагуаман, Пукамарка, Сучона, Кальис и Пукйо Чингана (*В*, 337); сообщает (как об этом пишут и другие хронисты), что инка-правитель всегда воевал только на носилках (для войны — «красные носилки», или «Пилькоранпа»; для прогулок, когда его несли вместе с койей,— «блестящие носилки», или «Киспиранпа»); естественно, изображая все это на страницах рукописи (*В*, 331—334), он утверждает, что войска содержались за счет самого инки-правителя (*Б*, 339).

С последним можно согласиться, поскольку инка-правитель был полновластным и никем не ограниченным хозяином Тауантинсуйю, где ему принадлежало все и этим всем он распоряжался по своему усмотрению. Он даже мог во время сражения позволить лично себе метать из собственной пращи в противника снаряды из чистого — «хорошего!» — золота (*В*, 334). Кстати, все вооружение инки-правителя, включая носилки (мы помним, как в борьбе за них Франсиско Писсаро получил в Кахамарке царапину, из которой брызнула «единственная» испанская кровь), было золотым. Направляя вместо себя другого командующего войсками, сапа инка передавал ему в качестве символа военной власти свое золотое оружие (*Б*, 243).

Конечно, золотые снаряды для пращи инки-правителя можно отнести к разряду курьезов истории. Впрочем, три столетия спустя на тех же землях сражавшиеся против Испании за свою независимость патриоты Перу и Боливии (тогда — Верхнее Перу), когда у них не хватало свинца, заряжали свои ружья пулями, отлитыми из платины и серебра...

АДМИНИСТРАТИВНО-БЮРОКРАТИЧЕСКОЕ УСТРОЙСТВО «ИМПЕРИИ»

Не вызывает сомнений, что инки были великолепными администраторами, а созданный ими государственный аппарат работал без видимых перебоев. Право утверждать подобное дает тот неопровержимый факт, что «империя» инков растянулась с севера на юг на 5 тысяч километров, а проживавшие на этой огромной территории миллионы индейцев были объединены (входили) в единое государственное устройство, в котором царствовало безоговорочное подчинение приказам центра, т. е. Куско.

Каким же совершенным должно было быть административно-бюрократическое устройство подобного государства, если его правители не располагали даже элементарными средствами для фиксации и ускоренной передачи своих собственных распоряжений и приказов, равно как и для получения с мест срочной информации, порой требовавшей принятия незамедлительных, жизненно важных решений!

Организованность инков наряду с честностью индейцев Перу произвела на испанцев самое сильное впечатление. Большинство хронистов прямо указывают, что приход инков означал установление порядка, причем инки добивались этого не только силой, но и умелой организацией, а иногда и решительным переустройством завоеванных ими земель. Исходя из того, что «эти вскоре будут нашими, как те, что уже стали», Инка «приказывал воинам, которые шли вместе с ним, не причинять вред, какие-либо оскорбления, не воровать, не насильничать; а если в этой провинции не было провианта,— рассказывает Сьеса,— он приказывал, чтобы ее обеспечили им из других [провинций], дабы вновь вступившим к нему на службу не показалось тяжелым его правление и знакомство с ним» (*А*, 54). Инка направлял на новые земли скот, шерсть, маис и другое продовольствие; он приказывал строить каналы, террасы, вводил орошение. «За короткое время,— заключает Сьеса,— эти провинции выглядели другими» (*А*, 54). И это не единичное высказывание выдающегося испанского хрониста; много раз, в том числе в своей «Хронике», он повторяет, что испанцы даже по внешнему виду, по благоустроенности и порядку безошибочно определяли, были ли прежде, до их прихода, эти земли завоеваны инками.

Мы уже знаем из названия инкского государства, что оно представлялось его создателям как безбрежные четыре стороны света. И «короли инки,— пишет Гарсиласо,— разделили свою империю на четыре части... соответствовавшие четырем основным частям света: восток, запад, север и юг» (*Г*, 95). Соответственно эти «части» именовались Антисуйю, Кунтисуйю, Чинчайсуйю и Кольясуйю.

В центре инкской земли, «длинной и узкой, как человеческое тело» (*Г*, 95), находился «пупок» — так Гарсиласо переводит с

«особого языка инков», которым якобы пользовались только они одни (диалект или арго?), слово «куско». Напомним, что этот перевод мы находим только у него одного (*Г*, 95).

Дабы «предупредить и предотвратить зло, которое могло бы родиться в их королевствах», инки приказали «зарегистрировать» всех жителей страны «в декуриях по десять [человек] и, чтобы один из них, которого назначали декурионом, руководил бы девятью [другими]» (*Г*, 96). Пять десяток образовывали следующую декурию из 50 человек, затем шли декурии из 100, 500 и 1000 человек. Более многочисленных декурий не было, «потому что они говорили: чтобы один [человек] хорошо разбирался бы в своих делах, достаточно было поручить ему тысячу человек» (*Г*, 96). Все декурионы находились в подчинении «один у другого, младшие у старших» (*Г*, 96).

К сказанному необходимо добавить, что большинство хронистов называют первоначальную административную единицу в составе не 10, а 5 человек; кроме того, как следует из самих «Комментариев», для гражданских служб использовался не просто «человек», а крестьянин-пурех и его семья, образовывавшие то, что в России называлось двором; естественно, что на войну шел тот же крестьянин, но только без семьи.

Гарсиласо чрезвычайно подробно описывает характер взаимоотношений так называемых декурионов (точнее было бы назвать их *камайоками*, т. е. чиновниками, руководителями служб или работ). Суммируя, можно вывести примерно следующую картину: каждый камайок полностью отвечал за свое «подразделение»; он не только спрашивал, контролировал и требовал, но и обеспечивал всем необходимым и защищал права своих подчиненных. Судьей для членов «подразделения» был камайок вышестоящей инстанции, и так вплоть до Инки. Камайок, своевременно не сообщивший о преступлении, становился его соучастником и нес ответственность в полном объеме. Закон не признавал никаких отсрочек: камайок обязан был рассмотреть жалобу, осуществить судопроизводство и т. п. в течение 5 дней, иначе он сам становился соучастником и обвиняемым по нерассмотренному делу. «Они говорили,— пишет Гарсиласо об инках,— что если имеется отсрочка наказания, то многие решаются на нарушение закона, ибо гражданские дела из-за множества апелляций (здесь, очевидно, он ссылается на свой испанский опыт.— *В. К.*), доказательств и дефектов обретали бессмертие, и бедняки, чтобы избежать подобных неприятностей и проволочек, считают необходимым отказаться от своих справедливых [претензий] и теряют свое имущество, ибо, чтобы взыскать десять, нужно истратить тридцать» (*Г*, 97).

Практически каждое селение имело полный комплект необходимых властей — камайоков, отвечавших перед вышестоящими властями за все содеянное в своем селении, отправлявших в нем правосудие, однако, выступавших не только в роли судей и про-

куроров, но и заботливых прокураторов. Среди этих чиновников находились также кипукамайоки — те, кто вел в Тауантинсуйю самый скрупулезный учет всему и вся, но о них речь пойдет ниже (*Г*, 95—98).

Из всех четырех хронистов Гуаман Пома дает наиболее детально разработанную схему последующей структуры государственного аппарата инков. Называемые им «институты», равно как и отдельные «должности», встречаются и у других хронистов, что дает нам право взять за основу в данном случае его труд. Интересно отметить, что Гуаман Пома приписывает авторство данной структуры Топа Инге Юпанки, называя этот документ «Законами и Орденансами» (*В*, 182—192).

Итак, высшим коллегиальным органом «империи» был «Королевский совет» (хронист не дает его названия на кечуа), в который входили чистокровные инки, представлявшие ханан и хурин (лурин) Куско, верховные правители всех четырех суйю (у Гуамана Помы можно понять, что они являлись представителями неинкской знати, однако все остальные авторы не допускают даже подобной мысли). «Эти чиновники назывались Тауантинсуйю Камачи Кончик — начальник (mandón) четырех провинций Империи» [12].

Здесь нет указания, входили ли в Совет сам Инка и Верховный жрец; как можно понять у других хронистов, оба они если формально и не числились членами Совета, то безусловно принимали участие в его деятельности, а точнее — руководили ею.

Вторым по иерархическому значению считался «Князь, говорящий за Инку» — Инкап Рантин Римарик Капак Апо. (К месту будет сказано, что, как отмечают очевидцы, встретившиеся с Атауальпой до его пленения в Кахамарке, сам правитель молчал во время беседы, а за него говорил один из приближенных, видимо умевший «читать» мысли Сапа Инки по мимике лица).

Затем шли так называемые «вице-короли» из местной знати каждого из 4 суйю и «делегаты Инки» — Инкап Рантин (возможно, что это так называемые капитаны — от 12-го до 15-го, о которых идет речь в разделе о военной организации).

Все перечисленные «должности», бесспорно, были родовыми, и их можно отнести (весьма и весьма условно!) к законодательно-исполнительной власти, поскольку последующий ряд чиновников выполнял «прокурорский надзор» и обладал «судебно-исполнительными» функциями.

Среди них мы видим Токрикока — «тот, кто все видит»; он назначался из числа самых чистокровных инков и мог подвер-

---

[12] В другом месте хроники члены Королевского Совета названы иначе: Тауантинсуйю Камачикок Капак Апокона, что можно перевести как «великие знатные люди, обязанные править четырьмя частями света» (*В*, 365). На с. 364 изображен этот же совет; на рисунке члены совета названы «Тауантинсуйю Камачикок Апо Кона».

гнуть наказанию практически любого высокопоставленного чиновника, в том числе и чистокровного инку. За ним шли Алькальд королевского двора — Инкап Камачинан Уатайкамайок (буквально: «слуга Инки; тот, кому поручено вязать арестованного»); Алькальд ординарный, или «информатор и шпион Инки»; рехидор — советник провинции; старший и младший Альгвасилы (судебные исполнители, главные полицейские); личный секретарь Инки — Инкап Кипокамайокнин Чильке Инга, видимо, это «секретарь», ведавший всей статистикой «империи», но не помощник Инки; секретарь Королевского Совета (также лицо, связанное с кипу).

Остальные чиновники, которых называет Гуаман Пома, принадлежали к низшей категории и трудились на благо Инки на местах; это кипукамайоки и «декурионы», о которых мы знаем от Гарсиласо.

Гуаман Пома в другом месте своей хроники называет еще одного советника — Уикса Камаскаконас, что можно перевести как «ученый брат»; он пишет, что данный советник был из числа верховных жрецов (pontifice) и иных приближенных правителя (*В*, 330). Правда, создается впечатление, что такого плана советники были не особого рода чиновники, а действительно родичи и близкие Инке люди, с которыми он считал необходимым (желал) советоваться.

В Тауантинсуйю имелась и широкая сеть «спецслужб». Мы имеем в виду не специализацию по ремеслам или службам — селения дровосеков, водоносов, каменотесов и даже носильщиков царских носилок, о чем подробнее будет сказано дальше, а выделение особого рода начальников, которым поручалось обеспечение бесперебойной работы почтовой службы — часки (350, 351); на строительстве (352, 353); на королевских дорогах (354, 355); висячих или понтонных мостах (356, 357) и т. п., словом, где имелись свои камайоки, в том числе и из инков (все страницы из источника *В*). Так, например, существовали должности начальника всех мостов — Акос Инга (*В*, 357) и главного начальника всех королевских дорог — Капакнан Гуаманин (*В*, 355) [13].

Интересную деталь вносит Гарсиласо в эту схему административно-бюрократического устройства Тауантинсуйю. «Для каждого из четырех округов,— пишет он,— на которые они разделили свою империю, Инка имел советы войны, правосудия, имущества. Эти советы имели для каждого министерства своих министров с подчинением младших старшим...» (*Г*, 106). Ими руководили четыре «вице-короля... Они должны были быть инками чистой крови, опытными в мире и на войне» (*Г*, 106).

От Гарсиласо же мы узнаем те основные принципы, которым должны были следовать чиновники «империи» в своей деятельности. Прежде всего инки не уничтожали местных, «природных»

---

[13] Возможно, что это имена собственные этих начальников.

правителей, а стремились использовать их как одну из составных частей своего управленческого аппарата. Более того, «если какой-нибудь курака,— пишет Гарсиласо,— восставал (что у инков подвергалось самым жестоким наказаниям) или совершал иное преступление, которое заслуживало смертную казнь, даже если она приводилась в исполнение, наследника не лишали его [общественного] положения, а оставляли за ним его права, разъясняя вину и наказание его отца, чтобы он предостерегся бы от подобного же». В отношении этого Педро де Сиеса де Леон говорит в двадцать первой главе[14] то, что следует: «Чтобы местные жители не испытывали к ним ненависти, они предусмотрительно никогда не отнимали владения касиков у тех, кто вступал в него по наследству и был местным жителем. А если случалось, что кто-нибудь совершал преступление или был виновен в том, что заслуживало лишения прав на владение поместьем, которое он имел, они передавали и доверяли земли, подвластные тому касику, его сыновьям или братьям и приказывали, чтобы все подчинились бы им, и т. д. Досюда Педро де Сиеса» (*Г*, 98, 99).

Далее. Инки захватывали *чужие* земли, чтобы сделать их *своими*. А это означало, что на всей территории действовали одни и те же законы. Инки строго следили за точным соблюдением своих законов: «Чтобы губернаторы и судьи не относились небрежно к своим службам, как и любые другие младшие министры, или слуги во владениях Солнца, или инки, имелись наблюдатели и следователи, которые тайно пребывали в их областях, наблюдая и следя за тем злом, которое творили эти чиновники, и сообщали об этом старшим, которым надлежало наказывать своих подчиненных, чтобы они их наказали. Они назывались *тукуй рикок*, что означает «*тот, кто видит все*»» (*Г*, 103).

К этому следует добавить, что «каким бы легким не было бы преступление», в большинстве случаев законом предусматривалась казнь (*Г*, 99). Однако суровость наказания, как можно понять из хроник, «компенсировалась» добросовестностью судей (вопрос о правосудии в Тауантинсуйю мы рассмотрим более подробно в следующей главе).

Как мы видим, инки разделили свое государство на четыре «провинции», сохранив при этом ранее существовавшие царства и земли, принадлежавшие «природным» правителям из числа местных жителей. Между тем эти царства и земли имели свою внутреннюю структуру, в основе которой лежала община, или

---

[14] Речь идет о главе из «Хроники», а не «Господства» Педро де Сьеса де Леон. Мы специально оставили воспроизводимую Гарсиласо цитату, чтобы читатель получил представление о том, как Гарсиласо писал свои «Комментарии». В «Господстве» же Сьеса был куда лаконичнее: «Они никогда не отнимали власть у местных [правителей]»,— написал он (*А*, 55).

айлью [15], Гарсиласо подробно описывает эту главную социально-экономическую единицу инкского общества, однако как она «уживалась» или соотносилась с системой административно-бюрократического деления на «пятерки», «десятки» и т. д., ни он, ни другие хронисты не указывают. Поскольку община была представлена одним или несколькими селениями, можно предположить, что имевшиеся там дворы как-то разбивались властями на нужное количество новых административных единиц. Из хроник трудно также понять, насколько устойчивыми по времени своего существования были эти единицы. Не исключено, что они ежегодно «перетасовывались», как, например, это имело место с земельными наделами. Что же касается количества самих царств и земель, то и здесь нет абсолютной ясности, поскольку «империя» создавалась не менее одного столетия — к моменту появления испанцев инки продолжали вести завоевательные войны, а процесс кечуанизации других индейских племен и народов шел достаточно быстро.

Правда, Сьеса дает перечень главных «провинций», большинство из которых, бесспорно, являлись в свое время такими независимыми царствами и землями. Вот их названия (в той транскрипции, как они приведены у Сьесы): Бильках, Хауха, Бомбао, Кахамалька, Гуанка, Бомбакоме, Бомба-Ката, Курага, Кито, Каранги — на север от Куско; на юг — Хатункана, Хатунколья, Айавире, Чукиабо, Париа «и другие (?), которые идут вплоть до Чили...» (*А*, 62). Сьеса объясняет, что это были также «столицы» провинций, где находились местные власти, гарнизон инкского войска и «мажордом», или «делегат», которого хронист называет также губернатором. «Действительно,— пишет он,— вся сила (инков.— *В. К.*) была в этих губернаторах» (*А*, 63).

Но не только губернатор-инка и воины, присланные Куско, обеспечивали порядок и спокойствие в «провинциях»: «И если бы Инки не присылали бы их (войско и губернатора.— *В. К.*) и не было бы там *митмаев*, много раз местные жители восставали бы и сбрасывали бы с себя королевскую власть...» (*А*, 63; курсив мой.— *В. К.*).

Здесь мы столкнулись с особой категорией населения Тауантинсуйю, именуемого *митимаи* (*митимае, митимай, митмак*), что можно перевести как «пришлые», «переселенные» люди. Как известно, в ту далекую эпоху земледельческие народы предпринимали переселения в силу естественных причин, к числу которых относились истощенные почвы или перенаселенность удобных для земледелия территорий, грозившие в обоих случаях голодной смертью. Имело место и вытеснение с обжитых мест более

---

[15] Индейским названием общины *айлью* пользуется большинство хронистов. Это слово живет и сегодня. И только Гарсиласо не применил его для обозначения общины, которую он всегда называет испанским словом *comunidad*.

сильными (как правило, благодаря своей многочисленности) племенами и народами, которые в свою очередь были вынуждены предпринять переселение либо в силу первой из названных причин, либо в силу того, что их теснили еще более многочисленные и потому сильные противники. Иными словами, миграция, не раз перераставшая в великие переселения народов, имела своей движущей силой голод, угрозу голодной смерти, что не исключало многочисленных и разнохарактерных побочных причин и конкретных форм ее проявления, наполнявших этот исторически неизбежный процесс своеобразием и ставивших его в зависимость от местных географических условий, уровня социально-экономического развития населения и многих других факторов.

Правда, история знает также случаи переселения, в том числе и целых народов, вызванные причинами субъективного и даже волюнтаристского порядка. Однако они, как правило, носили исключительный характер и не составляли основу внутренней политики того или иного правителя, не говоря уже о преемственности подобной практики на протяжении нескольких поколений.

Между тем институт митимаев, насколько можно судить, являл собой одну из важнейших основ инкского государства и практиковался по крайней мере большинством исторических Инков, то есть что-то около ста лет. Правда, Гарсиласо и Гуаман Пома не называют «изобретателя» митимаев, хотя у них можно понять, что институт этот пережил не одно поколение; по Сармьенто, его ввел Пачакутек (*Б*, 244), по Сьесе — сын Пачакутека Инка Юпанки (*А*, 72).

В чем же смысл этого института, и почему митимаи являлись особым населением Тауантинсуйю?

«Короли инки,— пишет Гарсиласо,— переселяли индейцев из одних провинций в другие, чтобы они заселяли бы их; [разные] причины побуждали их делать это; одни — ради блага своих вассалов, другие — для собственного блага, чтобы предохранить свои королевства от восстаний и бунтов» (*Г*, 427).

Яснее не скажешь. Конечно, заселение индейцами из перенаселенных районов «империи» целинных земель, пригодных для возделывания сельскохозяйственных культур, было одинаково полезно и для них самих и для государства. Тем более что переселялись даже не семьями (дворами), а целыми общинами, а иногда и «провинциями». К тому же, как мы уже писали, переселенцам подыскивали такой район, который не был вреден для их здоровья.

Иначе выглядело дело с переселенцами второй категории. Вновь обратимся к Гарсиласо: «...они забирали часть людей такой-то провинции (оказавшей особо жестокое сопротивление или взбунтовавшейся.— *В. К.*), а часто забирали их всех и переселяли в другую провинцию из числа *прирученных*, где они, видя себя со всех сторон окруженными верными (инкам.— *В. К.*) и мирными вассалами, могли попытаться также стать верноподдан-

ными [вассалами], согнув шею под ярмом, которое они уже не могли сбросить. И для [осуществления] этого способа замены индейцев они всегда использовали тех инков, которые стали таковыми по привилегии, данной первым королем Манко Капаком (индейцы кечуа.— *В. К.*), и они направляли их, чтобы управлять и обучать всех остальных. Эти инки одним своим именем оказывали честь всем тем, кто переселялся вместе с ними, ибо они пользовались наибольшим уважением из всех жителей [империи]. Всех этих индейцев, переселенных таким путем, называли *митмак*, как тех, кого выселили, так и тех, кем заселяли» (*Г*, 428; слово «прирученные» выделено мной.— *В. К.*).

Этих «наиболее уважаемых» индейцев несколько иначе характеризуют Сармьенто и Гуаман Пома, называя их шпионами и соглядатаями (*Б*, 245; *В*, 195), хотя оба хрониста дают в целом совпадающую с Гарсиласо оценку института митимаи.

Примерно так же пишет о митимаи Сьеса, однако и он резко выпячивает антагонизм между переселенцами и местными жителями новой и старой формации: «...митмаи страшились местных жителей, а местные жители — митмаев, и все во всем старались подчиняться и служить [властям]. И если среди одних или других случались заговоры, засады или сговор, их жестоко карали; потому что некоторые Инки были мстительными и карали не ведая умеренности и с великой жестокостью» (*А*, 70).

Сьеса выделяет еще одну категорию митимаев—новые поселенцы образовывали как бы пограничный кордон, охраняя страну от набегов «варварских племен», за что пользовались особыми привилегиями и получали награды (*А*, 71).

То, что поселения митимаев и митимаи внутри инородного для них населения также делились на пятерки, десятки и т. д., не вызывает сомнений. Не совсем ясно другое. Дело в том, что воины, или пурехи, ушедшие на другую государственную службу, продолжали числиться за своими родными селениями и общинами, и местные кипукамайоки считали их просто временно отсутствующими. Митимаи же уходили навсегда, и их должны были исключать из соответствующих кипу. Однако дело не столько в кипу, сколько в нарушении одного из двух главных принципов административного деления «империи»: уходя из одной «провинции» в другую, митимаи как бы размывали «национальные границы» имевшихся внутри страны царств и земель.

Если к этому добавить, что митимаи выполняли огромную культурную и воспитательную работу, в том числе обучали местных жителей «всеобщему языку», т. е. кечуа (*А*, 55; *Б*, 245; *Г*, 428), активно помогали им приспособиться к новым условиям жизни, «чтобы ее уроженцы и жители скорее бы узнали, как им следует служить (Инке.— *В. К.*) и содержать ее, и, конечно, разумели бы все остальное, что знали и понимали их вассалы, бывшие таковыми уже много времени» (т. е. присланные к ним митимаи.—*В. К.*; *А*, 69), что вменялось им в обязанность, то можно

с большой долей уверенности говорить, что инки сознательно и преднамеренно проводили политику ассимиляции некечуанского населения, видя в ней один из главных рычагов укрепления власти в своей этнически разнородной «империи».

Как засвидетельствовали практически все испанские хронисты (мы скажем об этом при рассмотрении национального вопроса в Тауантинсуйю), правители страны достигли в этом деле огромных успехов. Здесь же важно отметить, что из двух систем административного деления власти укрепляли ту, которую изобрели сами. Они добивались того, что вчерашние «дикари» и «чужаки» через одно-два поколения сами становились митимаями, проводившими соответствующую работу среди новых «варваров», присоединенных непобедимым воинством Куско к «империи» инков.

Важной особенностью этой системы было то, что инки со всей тщательностью оберегали чисто внешние атрибуты власти «национальных» правителей, равно как и этнокультурную самобытность самих народов этих царств и земель. Но установив, например, обязательную для каждой провинции региональную одежду, включая головной убор, инки все же допускали отступления от этого правила. Эту особенность тонко подметил Гарсиласо: «Тем, кто показался ему более восприимчивым к его учению,— пишет он о первом Инке Манко Капаке,— и кто потрудился больше в покорении остальных индейцев, он придал большее сходство со своей особой в [части] знаков отличия...» (*Г*, 60).

Правда, если следовать букве сочинения Гарсиласо, то получается, что инки проводили подобную политику уже начиная со своего первого легендарного правителя. Сегодня нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить подобное утверждение; что же касается сути вопроса, то она производит впечатление более позднего изобретения, свидетельствующего о нарастающей утрате влияния родовых и даже этнических связей в многонациональном инкском государстве. Однако дальнейшее рассмотрение настоящей проблемы не просто стыкуется, но и перерастает в другой, не менее сложный и, пожалуй, даже более важный вопрос, к ознакомлению с которым мы и переходим.

В заключение укажем только, что руководство государственным аппаратом столь невероятно длинной — иначе не скажешь! — страны все же потребовало от инков изыскать возможность быстрой и безошибочно точной передачи информации, гарантирующей ее достоверность. Таким средством оказалась так называемая почтовая служба, разветвленная сеть которой охватила буквально всю страну, поскольку «почтальоны», т. е. бегуны «часки», имелись во всех селениях (как и кипукамайоки) и несли свою службу круглосуточно. «Инки изобрели почтовую службу,— восторгается Сьеса,— которая являлась наилучшим из того, что можно было придумать и вообразить» (*А*, 66). Сармьенто сообщает, что службу часки ввел инка-реформатор Пачакутек (*Б*, 243), а Гуа-

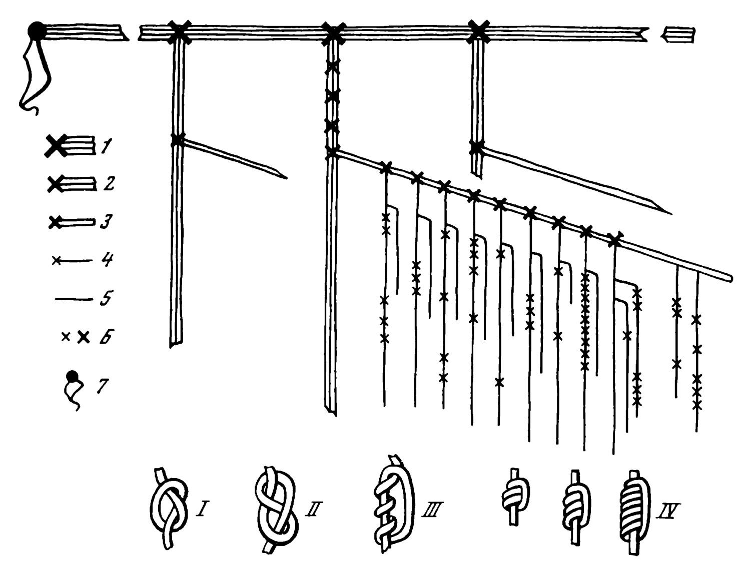


Схема Кипу (по материалам К. Радикати)

1 — шнур-основа, *2* — подвеска первого порядка, *3* — подвеска второго порядка, *4* — подвеска третьего порядка, *5* — вспомогательная подвеска, *6* — узлы, *7* — знак детерминатов, определяющий содержание кипу. Типы узлов: *I* — простой, *II* — «фламандский», *III* — сложный, *IV* — варианты сложных узлов

ман Пома — Топа Инга Юпанки (*В*, 111)[16]; его же, но как сына Виракочи, называет также Сьеса (*А*, 66). Гуаман Пома указывает, что имелись различные категории посланцев: «Чуро Часки» — простой курьер и «Атун Часки» — великий (королевский) курьер.

О часки весьма подробно написал Гарсиласо. Он указал, что слово «часки» нельзя переводить как «посланец», ибо для обозначения последнего имелось специальное слово «кача», а «часки» «означает обменивать или дать и взять... ибо они обменивались выполнявшимся поручением» (*Г*, 354). Тем самым он подчеркнул, что часки несли только лишь техническую часть почтовой службы, даже не вникая в ее содержание. Сообщение же передавалось устно (видимо, оно было зашифровано в нескольких словах-символах) или «письменно, назовем это так, хотя мы сказали, что у них не было письма. Таковыми являлись узелки, завязанные на различных нитях различного цвета...» (*Г*, 356), т. е. знаменитые инкские кипу, или узелковые письмена (см. рисунок).

Мы уже писали об этом изобретении инков[17]. Здесь же необходимо повторить, что кипу, как средство передачи информации, лишенной эмоционального накала, любых человеческих стра-

[16] В рукописи ошибочно указана не 111, а 1101 страница.
[17] См.: *Кузьмищев В.* Говорящие узлы Тауантинсуйю.— Латинская Америка, 1971, № 6, с. 104—122.

стей, бесспорно обладало не одним достаточно ощутимым преимуществом перед письмом, особенно если учесть, что в Тауантинсуйю доставкой сообщений занимался сам человек без каких-либо вспомогательных средств, рассчитывая только на силу ног.

Служба часки достигла совершенства со строительством королевских дорог. Расставленные вдоль дороги на определенном расстоянии — от 1,5 до 5 км — посты часки обеспечивали непостижимо быструю доставку сообщений. Кроме того, эти посты пользовались также дымовой и световой (ночью) сигнализацией для передачи сверхсрочных сообщений. «Для этого часки,— пишет Гарсиласо,— постоянно держали наготове огонь и факелы из соломы, и они по очереди следили днем и ночью, чтобы всегда быть готовыми ко всякому событию... Этим способом извещения огнем они пользовались только в случае какого-нибудь восстания или мятежа... чтобы инка знал о случившемся уже через два или три часа (хотя бы оно случилось в пятистах или шестистах лигах [18] от королевского двора)...» [19] Практически уже на следующий день вся «империя» могла готовиться к войне, а через неделю — выставить многотысячное войско.

Таким образом, часки, кипу (как система передачи закодированной информации) и королевские дороги (включая провинциальные и сельские) явились тем необходимым техническим оснащением административно-бюрократического аппарата (равно как и военной службы) Тауантинсуйю, которое позволило создать одну из самых великолепно налаженных правительственных служб управления, учета и отчетности. И нет ничего удивительного в том, что они «своими узлами обозначали всю подать, которую каждый год отдавали инке, фиксируя каждую вещь по ее виду, сорту и качеству. Они обозначали людей, уходивших на войну, тех, кто умирал на ней, кто родился и умирал каждый год, фиксируя все по месяцам. Иными словами, они записывали в тех узлах любую вещь, которая являлась результатом подсчета цифр...» (*Г*, 358).

---

[18] Примерно 2500 и 3000 км.

[19] Л. Валькарсель пишет, что при инках доставка сообщения из Кито в Куско занимала всего 5 дней (*Valcarcel L.* Historia del Perú antiguo, t. I, p. 43). Строго по прямой и на карте расстояние между ними составляет около 1500 км. Мы подсчитали, что в этом «идеальном» варианте часки должны были бежать со средней скоростью 12,5 км в час, чтобы за 5 суток одолеть такое расстояние. Но фактическая длина пути от Кито до Куско должна была быть значительно больше, ибо дорога проходила в горах с чрезвычайно сложным рельефом. По подсчетам современных ученых (см.: *Strube Erdmann L.* Vialidad Imperial de los Incas. Córdoba, 1963, p. 84, 85), она составляла не менее 2000, а скорее 2400 км. В последнем случае часки показывали среднюю скорость 20 км в час. И так бежали 800 или даже 1000 человек, бежали в любую непогоду, ночью и днем, преодолевая высочайшие горные перевалы и бездонные пропасти. Для сравнения укажем, что сегодня рекорд мира на типичной для часки 5-километровой дистанции равен 13 мин. 12,9 сек., а часки показывали 15 минут ровно.

Ну, а чтобы добыть все эти сведения, как мы знаем, существовала всеохватывавшая система начальников-камайоков; эти в свою очередь передавали их кипукамайокам — их было не менее четырех даже в самом маленьком селении (*Г*, 352), отчеты которых сводил вместе «глашатай Инки, великих господ четырех частей Империи и главный счетчик» — Тауантинсуйю Капак Апокона Инкакона Симин Камачикуйнин Кипокок», или, проще говоря, секретарь Королевского совета (*В*, 359), над которым стоял личный секретарь самого Инки — Инкап Симин Кипокок — «глашатай и счетчик Инки» (там же). Видимо, это ему принадлежало 6-килограммовое кипу, найденное в Куско в храме Пачакамака испанцами[20]. Мы подсчитали, что общая длина всех нитей такого кипу могла составлять расстояние от Москвы до Ленинграда.

Добавим, что кипукамайоки отличались исключительной точностью не только по причине своей радивости, но и потому, что за ошибки они расплачивались головой, впрочем как и любой другой представитель служивого люда Тауантинсуйю, имевший неосторожность проявить себя с отрицательной стороны.

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Созданное инками государство было чрезвычайно пестрым в этническом отношении: не десятки, а сотни разноязыких племен и народов были включены в состав их «империи» ко времени правления Инки Уайна Капака. Правда и то, что цементирующей основой этого конгломерата индейских народов являлись племена наиболее крупной в Южной Америке языковой семьи кечуа и родственной (?) группы аймара. К месту будет сказано, что до настоящего времени нельзя считать закрытым такой, казалось бы, простой вопрос: были ли инки индейцами кечуа или они кечуанизированные аймара, поскольку пришли в Куско с юго-востока, где как раз и расположен центр расселения, ареал индейцев аймара (территория нынешней Боливии). Именно такой точки зрения придерживается видный историк Ибарро-Грасса — крупнейший знаток культуры древних аймара. Более того, имеются ученые (в том числе и советские), полагающие, что созданное инками государство лишь в силу исторического недоразумения отнесено к культуре кечуа, ибо сами индейцы кечуа всего лишь выразители (или носители) культуры аймара — прямой наследницы другой выдающейся индейской цивилизации, известной под названием Тиауанаку (VIII—XIII вв. н. э.; отдельные исследователи выводят эту культуру с еще более древних времен, начиная от первых столетий до нашей эры).

---

[20] *Valcarcel G.* Perú..., p. 112.

Бесспорно, что вопрос этот заслуживает самого пристального внимания. Однако для нас не имеет практического значения, были ли создатели Тауантинсуйю индейцами кечуа или аймара, поскольку это ничего не меняет (кроме названий) в самой истории инкского государства. Вот почему мы оставляем в стороне спор о приоритете той или иной индейской этнической линии — ведь именно к этому сведена настоящая проблема — и будем придерживаться более широко распространенной концепции, согласно которой инки и созданное ими общество представляли культуру индейцев кечуа.

Итак, каковы были особенности внутренней политики инков и как решался ими национальный вопрос в условиях пестрой этнической мозаики Тауантинсуйю?

Прежде всего инки предельно ясно представляли себе важность этого вопроса, уделяя ему огромное внимание. Можно выделить две главные тенденции, определявшие сущность их политики: во-первых (и это было главным), они стремились к полной и поголовной кечуанизации всего населения Тауантинсуйю, и, во-вторых, инки не просто проявляли терпимость к национальным особенностям, включая обычаи, культуру и даже религию завоеванных племен и народов, но и ревностно следили за их соблюдением. Даже «если находились вместе сто тысяч человек,— пишет Сьеса,— их очень просто различали (по царствам.— *В. К.*) благодаря уборам, которые они носили на голове» (*А*, 244).

На первый взгляд одно находится в полном противоречии с другим, но это действительно только на первый взгляд, ибо вторая из основ инкской внутренней политики служила, пожалуй, наиболее эффективной формой проведения в жизнь главной задачи — задачи кечуанизации населения. Попытаемся доказать сказанное.

Инки великолепно усвоили одну непреложную истину: все, что способствует укреплению центральной власти, следует не просто использовать, но и активно поддерживать и развивать. Истина эта знакома всем, однако не все способны понять и определить, что входит в это самое «все». Именно здесь таится главная трудность, преодолеть которую мало кто способен. А инки оказались способными: они поняли, что наиболее надежный путь укрепления центральной власти, т. е. власти Куско, в условиях этнически пестрого многочисленного населения Тауантинсуйю является *сохранение местной неинкской администрации* в «царствах» и «провинциях», присоединяемых к «империи». Вот почему, как бы ни сопротивлялся им местный курака, т. е. правитель, царь, они предпочитали его «простить» после разгрома и присоединения к своим владениям его царства. Если же курака погибал во время войны, они сажали на опустевший престол того из наследников, кто по местным обычаям имел на это право. Более того, даже подавив восставшее царство или провинцию и казнив взбунтовавшегося правителя, инки оставались верны своему принципу: на престоле оказывался прямой наследник казненного (*Г*, 98).

Такая политика давала свои плоды, и инки сравнительно легко удерживали в «империи» множество разноликих царств и народов. «Они никогда не отнимали власть у местных [правителей]»,— утверждает Сьеса (*А*, 55). Ему вторит Гуаман Пома, указывая при этом на чрезвычайно важную «деталь»: царства и иные владения не отнимались у тех, кто владел ими «по праву крови и рода» (*В*, 339). Здесь, как нетрудно заметить, защищалось не столько «наследственное право», сколько «божественное» начало власти над людьми местных царей, а следовательно, и самих инков. Эти же концепции мы находим и у Гарсиласо (*Г*, 213), а Сармьенто сообщает нам, что инки, желая продемонстрировать (в полном смысле слова) свое уважительное отношение к местным обычаям индейцев, надевали на себя одежду регионального покроя той провинции, которую они посещали. Так, например, поступал Инка Тупак Юпанки (*Б*, 249).

Инки проявляли особую заботу об угодном им воспитании младшего поколения местных правителей, не жалея для этого ни времени, ни сил. «Те короли,— пишет Гарсиласо,— приказывали также, чтобы наследники господ вассалов воспитывались бы при королевском дворе и жили бы при нем же, пока не унаследуют свои страны, чтобы их должным образом обучили бы и они приспособились бы к условиям и обычаям инков, установив с ними дружеские отношения, чтобы потом благодаря прошлым связям и искренним отношениям они любили бы их и служили им с любовью; их называли митмак, ибо они были [21] пришельцами» (*Г*, 429).

Почти дословно пишет об этом же Сьеса: инки приказали, чтобы «каждый год при их дворе находились бы сыновья господ провинций со всего королевства, чтобы они усвоили бы порядки и видели великое величие двора, и знали бы, как им следует служить и подчиняться ему, когда получат по наследству свои владения [и права] господина и кураки...» (*А*, 48).

Но наследники не только усваивали законы и обычаи Тауантинсуйю: обласканные и одаренные милостями, они украшали королевский двор своим присутствием (*Г*, 430), одним только видом напоминая о могуществе инков, которым оказался подвластен весь обозримый мир,— не будем забывать, что все индейцы под страхом смертной казни (у Гуамана Помы — 100 плетей) были обязаны носить только свою «национальную» одежду.

Однако и не это было главным, хотя подобное живое украшение Куско и инкского двора должно было производить устрашающее впечатление на любого «чужестранца», особенно из числа тех, кто пришел в столицу Тауантинсуйю для ведения мирных пере-

---

[21] Здесь в русский текст «Комментариев» вкралась досадная опечатка, которую не заметил и потому не исправил переводчик — автор настоящей книги; напечатано «...они не были пришельцами». Пользуясь случаем, я приношу самые искренние извинения всем читателям «Комментариев».

говоров или ради предотвращения готовящегося вторжения инков в свою страну. Главное было в другом: наследники служили надежными заложниками, сдерживавшими освободительные порывы своих отцов — правителей покоренных инками царств (*Г*, 430).

Так «милости», «ласки», «благодеяния», «отеческая любовь» и «забота» инков о своих подданных подкреплялись в важных государственных делах силой, угрозой жестокого наказания, кровавой расправой, смертью. Именно таким и было концентрированное выражение внутренней политики инков.

Но в разработанной или заимствованной (скорее всего частично) инками системе управления страной были бесспорно удачные находки, усиливавшие воздействие морально-психологических факторов, которые так важны в вопросах культуры и политики по национальным делам. На одну из них мы уже указали. Вот еще один образец гибкости инкской политики в национальном вопросе.

В Тауантинсуйю существовал такой обычай: инки назначали «день, в который каждому народу разрешалось говорить, излагая перед Господином состояние дел в провинции, об имевших там место нужде или изобилии, и была ли подать велика или нет, и были ли они в состоянии выплачивать ее или нет». При таких беседах, а точнее докладах провинциальных курак инке-правителю обязательно присутствовали «инки, которые [никогда] не лгут». Если (с их помощью) обнаруживалась ложь, то виновного сурово наказывали, а подать не только не снижали, а наоборот, увеличивали (*А*, 60).

В хрониках можно обнаружить и другие, не менее эффективные «мероприятия», укреплявшие власть инков над покоренными народами. Удивительно то, что они воспринимались чуть ли не как благодеяния и божественное покровительство «сынов Солнца». Вот почему господство Куско, особенно после того, как оно пало под напором испанских конкистадоров и ушло в безвозвратное прошлое, достаточно легко обрело очертания золотой легенды об отеческой любви и доброте всесильных инков — покровителей простого народа. «Они,— пишет Гарсиласо об индейцах Перу,— точно так же называли их *вакча-куйак*, что означает *покровитель* и *благодетель бедных...*» (*Г*, 65).

Но Гарсиласо следует букве и духу инкской пропаганды. Он не рассказывает своим читателям даже о неизбежных жестокостях — извечных спутниках завоевательных войн; практически он сводит все человеческие жертвы лишь к потерям воюющих сторон во время сражений. Совсем иначе поступают три других хрониста, не чувствующие себя обязанными придерживаться официального варианта трактовки данного вопроса инками.

Даже Сьеса, когда говорит, что инки «всегда начинали переговоры с попытки решить дело добром, а не злом», считает необходимым тут же добавить: «Позже Инки учиняли жестокую расправу во многих местах...» (*А*, 53).

Выразительна своей мрачной опустошенностью, безысходностью картина пребывающего в мертвом спокойствии Тауантинсуйю, которой Сьеса венчает свой рассказ о конце царствования самого блистательного и самого могущественного Инки Уайны Капака: «Когда умер Гуайна Капак, империя инков оказалась настолько замиренной, что на такой гигантской земле не нашлось бы человека, который осмелился поднять голову, дабы начать войну или [просто] не подчиниться [властям]...» (*А*, 185).

Таков был закономерный результат политики, смысл которой Уайна Капак выразил следующим образом. «И много раз Гуайна Капак говорил, что для того, чтобы держать в великой покорности людей этих королевств, когда у них не оказывалось [иных] дел или иного разумения, надобно было заставлять их переносить гору с одного места на другое; и он приказал [например] перетаскивать камни и плиты даже из Куско в Кито для [строительства] зданий, которые в тех зданиях были уложены [и] сегодня лежат в них»,— свидетельствует Сьеса (*А*, 174).

Но если у Сьесы жестокость инков, их тирания и иное насилие все же составляют отдельные эпизоды истории Тауантинсуйю, то у Сармьенто и у Гуамана Помы именно они являются сутью, главным содержанием всей деятельности владык из Куско, в том числе и их внутренней политики. Так пишет испанец Сармьенто; так пишет и индеец Гуаман Пома. Конечно, есть разница в трактовке внутренней политики у этих двух авторов, но, повторяем, для них обоих насилие и жестокость составляют суть этой политики.

Более того, при чтении двух названных авторов, временами возникает впечатление, что у инков существовал некий культ жестокости, породивший невероятные по своей изощренности формы насилия, возведенные в степень «инкского утилитаризма». Так, инки не только делали бокалы из черепов убитых ими врагов, что в древности было необычайно популярно у всех народов, но и использовали их кожу для изготовления военных барабанов (дабы их звук устрашал родичей казненных), трубчатые кости — для флейт, а из зубов составлялись ожерелья (*В*, 188; так «использовали» предателей и отравителей ядом.— *В. К.*). Гуаман Пома приводит и другой пример «радивого использования» осужденных на смерть предателей и бунтовщиков. Он рассказывает, что Уайна Капак при покорении Кито и подавлении мятежа в Тумбесе брал с собой индейцев, которые «служили только для того, чтобы пожирать приговоренных к смерти, [а] подвергнутые этому наказанию были главным образом из бунтовщиков. Так эти дикие индейцы пожирали и питались во время этой конкисты многими индейскими главарями» (*В*, 168).

Трудно поверить в достоверность подобного рода казни; даже испанец Сармьенто, обвиняющий инков во всех смертных грехах, не рискнул написать подобное. К тому же если мы вспомним «Посвящение читателю христианину» Гуамана Помы, то самая

изощренная фантазия вряд ли подскажет нам, какими же должны были быть жестокости испанцев, чтобы боровшийся против них индеец-хронист поставил им в пример инков-правителей. Вот почему приведенную нами цитату (а мы воспроизвели ее, чтобы избежать упреков в тенденциозном подборе исследуемого материала) следует скорее рассматривать как результат чьей-то «подсказки», в которой бесспорно только одно: ее испанское происхождение.

Но жестокости, захватнические войны, насилие все же ближе к подлинной истории, нежели благодушие и добросердечность инков, особенно к своим соседям — естественному объекту их экспансии. Однако высокая организованность и самодисциплина индейцев Перу, изобилие продуктов питания и отсутствие бродяжничества и воровства, высочайшая честность и почти сплошная кечуанизация населения при сохранении не только внешних, но и самобытных культурных проявлений этнически неоднородных племен и народов Тауантинсуйю представляли реальность, с которой столкнулись и которую описали сами европейские завоеватели. И с этим нельзя не считаться. Тот же Сармьенто, который не был знаком с доиспанским Перу и потому не нес ответственности *очевидца* за написанное в своем сочинении, не счел возможным оставить без упоминания такой принципиально важный факт, как мирное или добровольное присоединение инородных царств и провинций к инкской «империи». Правда, он делает это с соответствующими оговорками, но все же делает, хотя подобное «откровение» находится в полном противоречии с его главной концепцией. Вот одно из таких высказываний: «В этих победах (на войне.— *В. К.*) Пачакути проявил чрезвычайную жестокость к побежденным, и эти жестокости так держали в ужасе этих людей, что они, опасаясь быть сожранными дикими зверями, или сожженными, или жестоко истерзанными, сдавались ему в плен и покорялись, [особенно] те, кто не мог оказать сопротивление с оружием в руках. И так это было [также] в Кондесуйю, люди которого при виде жестокости и силы Инги Юпанки унизились перед ними и покорились ему. А в связи с этим необходимо заметить, что хотя *некоторые провинции заявляют, что они по своей воле отдали себя ему и покорились*, это произошло по [выше]указанной причине и разумению и потому, что он направлял им угрозы, [заявляя], что разорит их, если они не придут покориться и служить» (*Б*, 242; курсив мой.— *В. К.*).

Подобные «опровержения» не столько убеждают, сколько ставят под сомнение выдвигаемый хронистом тезис.

К национальному вопросу (впрочем, как и к культуре) относится и проблема религии. Тем более, когда речь идет о язычестве, в условиях которого культ воплощает в себе многие (если не большинство) духовные и культурные проявления (включая и чисто внешние), выражающие отличительные либо характерные особенности той или иной этнической группы. Пользуясь сегод-

нашним словарем, именно религиозный культ со всеми своими атрибутами (если исключить язык) дает нам наиболее рельефные «национальные черты» древних племен и народов.

Здесь не место рассматривать по существу язычество инков и других племен и народов Тауантинсуйю, ибо данная проблема выделена в самостоятельный раздел. Однако организационная сторона этого вопроса, включая отношение властей к «чужим» богам (идолам), полностью принадлежит к сфере внутренней политики и к решению национальной (этнокультурной) проблемы.

Обилие богов, а точнее, божеств и просто идолов — явление, типичное для язычества вообще, в том числе и в условиях раннеклассового государства. Их столько, сколько самих язычников и даже больше, ибо, помимо тех идолов, которые имеются у каждого из них (а у некоторых их несколько!), все они имеют и коллективных богов: семейных, родовых, общинных и так далее, вплоть до верховного божества, под покровительством которого объединялось не одно племя и даже не один народ, как это имело место в Тауантинсуйю.

Инки не могли не знать об этом обилии идолов и божеств, ибо они сами были точно такими же язычниками, как и все остальные индейцы. В этих условиях не нужно было отличаться особой государственной мудростью, чтобы понять, что задача искоренения «ереси» даже для всемогущих инков была непосильной. Впрочем, терпимость к иноверцам в целом достаточно характерна для язычества.

Вот почему правомерно поставить вопрос: возможно ли вообще существование ереси в условиях Тауантинсуйю? Ибо ересь, как правило, спутник монотеизма, а не религиозных воззрений, при которых пантеоны богов до отказа забиты самыми разнообразными божествами, зачастую не желающими не только подчиняться, но и признавать друг друга.

И все же можно утверждать, что в Тауантинсуйю ересь была. Ибо инки уже шли к монотеизму, хотя сегодня нельзя сказать сколько еще десятилетий, а может быть, и столетий, отделяло их от этого важнейшего социального инструмента монархического единовластия. Доказательство тому в учреждении (и, как правило, насильственном) единого верховного божества для всей «империи». Над всеми богами и идолами в Тауантинсуйю стоял инкский Отец-Солнце — божество самих инков, а не всех народов и племен, ибо он был их «приватным» богом. Но ему поклонялось *все* население; более того, все население «империи» было обязано работать на него — инки-прагматики не могли упустить такого великолепного случая увязать вместе небесное и земное, поставив себе на службу и то и другое.

Однако при этом инки «не сбрасывали на землю чужих богов после завоевания провинции», утверждает Гарсиласо «устами» Блас Валеры, не забывая объяснить причину такого миролюбия:

«чтобы не задевать ее честь и чтобы местные жители не испытывали к ним презрения за пренебрежительное отношение к своим божествам...» (*Г*, 292).

Примерно в таком же духе высказывается и Сьеса: «...Они не запрещали им (индейцам.— *В. К.*) их отсталые верования и обычаи, но приказывали, чтобы они подчинялись законам и обычаям, которые действовали в Куско, и чтобы все говорили на всеобщем языке» (*А*, 55).

Веротерпимость инков проявилась и в том, что ряд святынь других народов, например знаменитый «говорящий» идол в Пачакамаке, стали также святынями самих инков, а Куско превратился в пристанище главных божеств покоренных ими народов, что, в частности, так сближало инкскую столицу с Римом — сравнение, столь приятное сердцу Гарсиласо. На это указывают многие хронисты. Инка же цитирует в своих «Комментариях» по данному вопросу Бласа Валеру, который прямо пишет, что «после покорения провинции первое, что делал инка, была отправка в Коско в качестве заложника главного идола, которого имела та провинция...» (*Г*, 292).

Выше упоминалось об обязательном для индейцев умении говорить на всеобщем языке, то есть на языке инков кечуа (*А*, 55). Видимо, нет необходимости подробно говорить о том, какую огромную роль играет факт наличия единого языка в жизни многонационального государства. Инки прекрасно разобрались и в этой проблеме, возведя обучение языку кечуа всех племен и народов своей страны в ранг государственной политики. «Среди других дел, которые короли инки изобрели для доброго правления своей империей,— пишет Гарсиласо,— существовал приказ, чтобы все их вассалы выучили бы язык их королевского двора, который сегодня называют всеобщим языком, для обучения которому они в каждую провинцию назначали учителей инков по привилегии... Те короли приказывали изучать всеобщий язык по двум главным причинам. Во-первых... инки хотели, чтобы вассалы вели бы с ними разговор из уст в уста (по крайней мере лично, а не через третьих лиц)... Другая и более главная причина заключалась в том, что чужеродные народы (которые, как мы говорили, по причине непонимания друг друга считали себя врагами и вели жестокие войны), беседуя друг с другом и проникая в глубины своих сердец, полюбили бы одни других, словно они являлись одной семьей и родными, и утратили бы пренебрежение, которое порождалось взаимным непониманием. С помощью этого ловкого изобретения инки приручили и объединили такое разнообразие народов, враждебных в идолопоклонстве и в обычаях, какое они повстречали и покорили, включив в свою империю, и с помощью [единого] языка они привели их к такому единству и дружбе, что они любили друг друга, как братья, по причине чего многие провинции, не оказавшиеся в империи инков, будучи сторонниками и убежденные в выгодности этого, уже позже (?)

изучили всеобщий язык Коско[22], и говорят на нем, и понимают друг друга многие разноязычные народы, и только лишь благодаря ему одному они стали друзьями и объединились, хотя прежде могли быть главными врагами. В противоположность этому по причине нового правления (испанцев.— *В. К.*) многие народы, ранее знавшие его, теперь забыли, как об этом свидетельствует отец Блас Валера, говорящий об инках эти слова: «Они приказали, чтобы все говорили бы на одном языке, хотя на сегодняшний день из-за небрежности (не знаю кого) многие провинции утратили его не без ущерба для проповедования евангелия, потому что все индейцы, которые, подчиняясь этому закону, до сих пор сохраняют [знание] языка Коско, отличаются большей воспитанностью и более способны к ремеслам, чего лишены остальные». Досюда из [рукописи] отца Блас Валера...» (*Г*, 428, 429).

Здесь предельно ясно сформулирована пропагандируемая Гарсиласо концепция о «мире, дружбе и любви», царивших среди масс основного населения Тауантинсуйю только и исключительно благодаря мудрой патерналистской политики инков-правителей из Куско («Коско» — неизменно пишет Гарсиласо). Именно такими выглядят внутренняя политика инков и решение ими национального вопроса на страницах «Комментариев». И если Гарсиласо все же замечает жестокость инков, то он, повторяем, старается отнести ее лишь к неизбежным явлениям войны, оправдывая последнюю, поскольку послевоенные благодеяния инков намного превосходили все то, что имели и чем жили индейцы до их включения в Тауантинсуйю.

Вот почему, если верить Гарсиласо (а это значит верить официальной пропаганде самих инков), в Тауантинсуйю царили мир и спокойствие, и царили они по причине мудрости правителей «империи», а не их жестокости, как об этом говорят другие хронисты.

Скажем откровенно: сегодня бесполезно искать ответ на то, в каких пропорциях применяли инки свой кнут и свой пряник. Важно то, что оба эти «инструмента» активно использовались ими в своей внутренней политике и использовались в разумных мерах, ибо каждый из них отдельно взятый не был в состоянии удержать в подчинении столь огромное, попросту гигантское государство с населением в более чем десять миллионов человек.

---

[22] Здесь трудно понять, о каком «позже» и о каких не включенных в Тауантинсуйю народах, изучивших язык кечуа, говорит Гарсиласо, поскольку экспансия инков ко времени правления Уайна Капака фактически прекратилась, ибо в пограничных с «империей» районах уже некого было завоевывать. Она увязла в диких племенах индейцев, которые не были в состоянии воспринять цивилизацию инков по причине своей крайней отсталости. Эти же племена, по-видимому, послужили своеобразным пограничным кордоном, остановившим продвижение инков к царствам индейцев Чибча-Муисков и далее на север, в сторону майя и ацтеков.

И уж если говорить о каких-то «находках» или «изобретениях» инков, которые помогли им успешно решать национальный вопрос и осуществлять политику удержания в едином государстве стольких царств и провинций, сколько их вместилось в Тауантинсуйю к моменту появления в Южной Америке испанцев, то таким наиболее эффективным «открытием» было то, что какой бы значительной победы они ни добивались, эта победа не означала конца предпринятой инками военной кампании. Завоеватели ставили перед собой куда более сложную социально-политическую и экономическую задачу: *превратить вновь завоеванные земли и проживавшее на них население в составную, органически слитую с Тауантинсуйю часть инкской «империи».*

Вот почему армия инков имела в своем составе «подразделения» по экономическому и культурному переустройству только что завоеванных земель. «Завоевав провинцию, и приказав составить перепись ее жителей, и назначив им губернаторов и учителей своего идолопоклонства, инка стремился навести и установить порядок в делах этого района,— информирует Гарсиласо своего читателя, воспроизводя очередную цитату из рукописи Валеры,— для чего он приказывал, чтобы были занесены и поставлены в их узлах и отчетах равнины, высокие и низкие горы, обрабатываемые земли, земельные наделы, шахты [по добыче] металлов, соляные копи, родники, озера и реки, хлопковые поля и дикие фруктовые деревья, мелкий и крупный скот, [дающий] шерсть и без нее. Он приказывал, чтобы все эти и многие другие вещи — каждая отдельно — были бы сосчитаны, и измерены, и зафиксированы в памяти вначале по всей провинции, затем по каждому селению и, наконец, по каждому ее жителю...» (*Г*, 298).

Этот подробнейший учет был необходим в том числе для того, чтобы «увеличить обрабатываемые земли, под которыми понимались земли, дающие кукурузу, для чего он приказывал доставить туда мастеров по орошению водой... После строительства оросительной системы они выравнивали поля и делили их на квадраты, чтобы они хорошо усваивали бы [...] орошение. На холмах и склонах гор, покрытых хорошей почвой, они строили платформы (под посевы.— *В. К.*)... Там, где почва была скалистой, они убирали камни...» (*Г*, 245, 246).

Собственно, уже в ходе непосредственных военных действий, т. е. еще не осуществив завоевание, инки стремились облегчить решение изложенной задачи. Как пишет Сьеса, правитель строжайше приказывал причинять как можно меньше ущерба владениям противника (*А*, 54).

Таким образом, даже главный инструмент внешней экспансии инков — их армия — располагал соответствующими возможностями и был нацелен на решение в том числе и вопросов внутренней политики «империи».

К месту будет сказано, что где-то здесь мы подходим вплотную к пониманию тех субъективных причин, которые способст-

вовали удержанию инкской военной экспансии от разрушения культур, как, впрочем, и самих народов — носителей этих последних, которые оказались в пределах подвластной им территории, одновременно облегчив и ускорив заимствование инками чужих достижений.

Удивительно то, что подобное «поведение» полностью противоречило главной идеологической концепции инков о цивилизаторской миссии Куско, подарившего всему остальному миру — четырем сторонам света — цивилизацию и высокую культуру и спасшего его от варварства, дикости, нечеловеческих условий жизни. Тот же Гарсиласо, настойчиво повторяющий вслед за инкской пропагандой этот тезис, иногда проговаривается: «Они скорее утвердили многие из тех [обычаев], которые показались им полезными»,— сообщает он читателю (*Г*, 213).

Таким образом, оба главных направления, с помощью которых инки решали национальный вопрос и проводили свою внутреннюю политику, несмотря на свою кажущуюся несхожесть, по сути своей не являлись чем-то противоречивым и несовместимым. Ибо, проводя повсеместную кечуанизацию населения и одновременно сохраняя (иногда в приказном порядке) региональные особенности и местные обычаи входивших в «империю» царств и провинций, инки преследовали одну и ту же цель — укрепление своей власти. Уже сам факт существования Тауантинсуйю свидетельствовал, что работа их была весьма успешной. Подтверждает эффективность их действий и то, что «помимо кечуа, языка инки, в живых остался только язык аймара» [23]. Таково суждение авторитетнейшего знатока древних инков Луиса Э. Валькарселя.

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Созданное инками общество было классовым. Этот важнейший вопрос будет подробно рассмотрен в следующей главе. Здесь же мы ограничимся лишь знакомством с чисто внешними проявлениями ряда социальных аспектов, типичных для Тауантинсуйю. Правомерность такой постановки вопроса в настоящей главе определена и оправдана характером рассматриваемых сочинений, уровнем научных знаний хронистов, да и самих наук об обществе той эпохи, когда создавались интересующие нас хроники.

Все хронисты, какую бы позицию они сами лично ни занимали и чей бы социальный заказ ни выполняли, не могут (да и не хотят) скрыть наличия в инкской «империи» *социального неравенства*, и не как проявления каких-то субъективных моментов в общественной жизни Тауантинсуйю, а как постоянно действующего, устойчивого явления (фактора), определяющего лицо инкского государства.

---

[23] *Valcarcel L.* La Historia del Perú.— Biblioteca de Cultura Peruana Contemporánea, v. V. Lima, 1963, p. 66.

Доминирующее общественное положение клана инков более чем очевидно. Собственно, об этом говорят и этому посвящены все четыре хроники. Особый интерес для понимания конкретной «социальной ситуации» в инкском государстве имеет XV глава Второй книги «Комментариев», в которой Гарсиласо пытается разъяснить господствовавшие в нем правовые нормы.

Уже само название главы предельно ясно формулирует главную особенность, а точнее подтекст «инкского права»: «Индейцы отрицают: инка королевской крови никогда не совершал преступления» (*Г*, 104).

Нельзя не обратить внимания на то, что не инки, т. е. сами правители, а именно индейцы — основная масса населения «империи» — выступают в качестве автора такого утверждения. По существу, мы имеет *оценку* социального поведения правителей страны, «высказанную» их подданными. И дело здесь, конечно же, не в том, совершали или не совершали преступления, зло, как пишет Гарсиласо, инки, ибо подобная постановка вопроса попросту неправомерна для Тауантинсуйю: с позиции простых индейцев инки *не могли* их совершать, как их обычно не совершают боги, а еще меньше те, кто сами для себя определяют нормы поведения.

Последнее предельно четко сформулировал тот же Гарсиласо, не оставив места для сомнений. У инков не было «причин,— пишет он,— которые обычно являются основаниями для преступлений, как-то: страсть к женщинам, или алчность к богатствам, или желание мести, ибо, если они желали красивых женщин, им было дозволено иметь их столько, сколько они хотели... То же самое имело место с богатствами, ибо у [инков] никогда не было в них недостатка, чтобы брать чужие, или позволить подкупить себя из-за необходимости...» (*Г*, 104). Яснее не скажешь!

Конечно, преступление порождает также борьба за власть, но о ней индейцу не дано было судить — он просто ее не видел, поскольку эта борьба до поры до времени (точнее до смерти Уайна Капака) носила исключительно дворцовый характер и составляла величайшую тайну самих инков. С позиций же интересующего нас вопроса любые «должностные перемещения» внутри самого клана правителей — а именно к этому сводилась борьба — не влияли на социальную структуру страны.

Но испанские историки, писавшие о Перу еще при жизни Гарсиласо, не преминули отметить упомянутую особенность инкского права, что было воспринято с обидой метисом, поспешившим «уточнить» их заявления. «Подобный закон,— пишет Гарсиласо,— для индейцев был бы скандалом, если бы, как говорили [испанцы], он давал им разрешение совершать по своему желанию сколько угодно зла, и что они имели один закон для себя, а другой для остальных...» (*Г*, 105).

Но инки не боялись «скандалов». Ну, а все совершаемое ими просто не могло быть злом. Тот же, кто совершал зло, «не был

инкой, а был бастардом подкидышем», уточняет Гарсиласо «устами» простых индейцев и приводит пример такого «подкидыша» — Атауальпа (*Г*, 105, 106).

Можно ли верить утверждению Гарсиласо, что именно таким было отношение простых индейцев к инкам? Скорее всего, он написал правду: слишком гигантская пропасть лежала между простым людом и кланом правителей в Тауантинсуйю.

Да и как иначе мог воспринимать всемогущих сынов Солнца простой крестьянин-пурех или ремесленник, если оба они на всю жизнь были прочно закреплены за своей общиной, территорию которой — марку — могли покинуть лишь под страхом смертной казни? Или бывший пурех, ставший воином — ничтожно малой частицей многотысячной безликой людской громады, намертво скрепленной воедино железной дисциплиной?..

Инки редко появлялись перед простым народом, но если решались на подобное «благодеяние», то умели соответствующим образом оформлять его. Они не жалели золота и других украшений, а их отец-солнце не скупился на свое божественное сияние, ослеплявшее отраженным блеском не столько зрение, сколько разум простых людей. «...Если при посещении королевства они (инки.— *В. К.*) позволяли откинуть в сторону полог, которым покрывались носилки, чтобы разрешить вассалам увидеть себя, те издавали такой вопль [восторга], что птицы падали от него с высоты своего полета и их можно было подбирать руками...»,— написал Сьеса, не выразив ни малейшего сомнения в правдивости своих слов (*А*, 44).

Однако совсем иным должно было быть отношение к инкам неинкской знати Тауантинсуйю, тех, кого правители «империи» лишили власти и многих привилегий, которыми они пользовались, будучи сюзеренами своих царств и земель. Прямое тому доказательство — хроника потомка царского рода Яровильков Гуамана Помы. Об этом же говорят рассказы Сармьенто о мятежах и восстаниях местных правителей-кураков (*Б*, 243, 245, 255, 260, 261 и др.). Наконец, сам Гарсиласо был вынужден поведать о «странном случае», приключившемся с «отважным Ханко-вальу... королем Чанков» (*Г*, 329).

И, хотя в данной истории нет ничего странного, нам придется остановиться на ней достаточно подробно, тем более что ее главный герой фигурирует почти во всех хрониках (у Сьесы — Анкоальо, 136; у Сармьенто — Анко Айльо, 243) и даже в знаменитой драме-эпосе на кечуа «Апо Ольянтай» [24].

В таблице капаккун мы обратили внимание читателя на один из важнейших моментов в истории инков: война с вторгшимися в их владения индейцами-чанками. Именно после победы над

---

[24] Часть драмы дана в переводе с кечуа Ю. А. Зубрицкого в качестве приложения к «Истории государства инков» Гарсиласо (Л., 1974, с. 651—683).

чанками начинается стремительная экспансия инков, результатом которой и было возникновение их «империи».

Можно считать установленным, что еще в начале XV века инки из Куско были главным образом заняты борьбой за право на независимость. Об этом свидетельствуют не только нарративные источники, но и археологические раскопки, памятники материальной культуры, благодаря которым удалось познакомиться с другими, не менее, а иногда и более важными кечуанскими центрами, или городами-государствами. Каждый из них мог с успехом соперничать и соперничал с Куско. В ту эпоху «государственные границы» инкской «империи» проходили не в сотнях, а в каких-нибудь 15—20 километрах от их столицы Куско [25].

Рядом с Куско, в нескольких часах или днях пешего пути, возвышались грозные бастионы крепостей могущественных Пакаректампу, Писака, Ольянтайтамбо и других городов-государств. Испанский солдат и хронист Бетансос, основываясь на собранных им в 1550 г. данных у кипукамайоков, писал, что в период правления Инки Виракочи вокруг Куско находилось «более двухсот касиков господ селений и провинций...»

Все они говорили на одном языке и принадлежали к одной языковой семье кечуа. Их объединение в единое государство было вызвано внутренними потребностями, но еще больше внешними факторами, а именно необходимостью противостоять все учащавшимся набегам чужеродных племен (государственных образований). По-видимому, эта борьба продолжалась с нарастающим упорством при жизни нескольких поколений и достигла своего апогея к концу 30-х годов XV века. В силу каких-то обстоятельств, о которых можно лишь высказывать предположения, именно Куско стал главным объектом экспансии чанков, занимавших район на юго-западе от ареала кечуа (возможно, он славился своими богатствами и ближе лежал к расселению чанков), и именно Куско сумел в решающий момент объединить всех кечуа и разгромить этого наиболее сильного и воинственного противника [26].

Ханко-валью был одним из вождей чанков, а возможно, и их верховным правителем или главнокомандующим объединенных отрядов чанков. Инка Виракоча (по Гарсиласо), а точнее Пачакутек был тем, кто объединил индейцев кечуа и разгромил в до-

---

[25] *Vargas V. A.* P'isaq: Metrópoli Inka. Lima, 1970, p. 147.

[26] Ибарро-Грасса, о котором мы говорили выше, предлагает свою последовательность этих событий: Куско, как и другие города-государства кечуа, находился в этот момент в вассальной зависимости от индейцев аймара, «столицей» которых был город Колья. Инки выступили против чанков по требованию из Колья, однако их помощь оказалась настолько «эффективной», что после разгрома чанков они захватили в плен и своего сюзерена. Интересно, что по некоторым источникам (Сьеса, Сармьенто и др.), завоевание инками Колья действительно имело место после разгрома чанков.

лине Йавар Пампа под Куско армию чанков. Ханко-вальу оказался ранен и попал в плен (*Г*, 311).

Теперь предоставим слово Гарсиласо, чтобы он рассказал о «странном случае». После пленения Ханко-вальу «уже девять или десять лет наслаждался мягким правлением инков и, несмотря на то, что он вовсе не был лишен ни своего положения, ни своей власти, и оставался таким же великим господином, как и прежде, и инка (Виракоча,— *В. К.*) одарил его всеми подарками и по возможности добрым обхождением, он, имея все это, не мог со своей благородной и гордой душой выносить страдания оттого, что являлся подданным и вассалом другого, поскольку [прежде] он сам был абсолютным господином стольких вассалов, которых имел, а его отец и деды и [другие] предки завоевывали и подчиняли своему господству и своему государству многие народы, в частности [людей] кечва, которые были первыми в оказании помощи Инке Вира-коче; [он переживал], что не смог добиться победы, которую ожидал, и, видя себя в настоящем равным со всеми теми, которые раньше стояли ниже его, он полагал... что за ту службу, которую его враги оказали инке, [последний] любил и уважал их больше, чем его...» Вот почему Ханко-вальу, «отвергая все, чем он владел, жаждал своей свободы больше, чем наслаждения еще более высоким положением, [но] без свободы» (*Г*, 329, 330).

Терзаемый всеми этими мыслями, Ханко-вальу решает обрести утраченную свободу и власть. Поскольку чанки не могли победить инков в войне, он решает уйти из Тауантинсуйю, справедливо видя в этом единственный способ спасения для себя и своих людей. Чанки поднимают мятеж и во главе с Ханко-вальу пробиваются с боями через пограничные кордоны — гарнизоны инков. По их пятам идет посланное в догонку войско, чтобы заставить вернуться беглецов, однако они, преодолев заснеженные хребты и перевалы гигантских Кордильер Сьерры-Невады, отрываются от преследователей и уходят далеко на восток, где создают (по слухам) свое новое царство.

Таков был этот «странный случай». Но, как мы знаем от других хронистов, мятежи и восстания в Тауантинсуйю не были такой уж редкостью. И все же в истории Ханко-вальу есть два действительно необычных момента: во-первых, мятежникам удалось спастись от, казалось, неминуемого возмездия, чего не случалось ни до, ни после мятежа Ханко-вальу; во-вторых, вместе с вождем ушли из «империи» не единицы и даже не сотни, а тысячи индейцев, и ушли со своими семьями.

Грандиозность случившегося, когда целый народ, или какая-то его часть (последнее представляется более реальным, поскольку чанки не исчезают после мятежа с исторической арены Тауантинсуйю) сумели освободиться от владычества Куско, потрясла тогдашнюю «империю». Только этим можно объяснить, что мятеж Ханко-вальу оказался зафиксированным в летописях Тауантин-

суйю, правда, зафиксирован достаточно своеобразно, как мы это видели.

К сказанному необходимо добавить, что у Гарсиласо отсутствует одна важная деталь мятежа. Дело в том, что девять или десять лет, о которых говорит Гарсиласо, Ханко-вальу и чанки отнюдь не пребывали в праздном безделье и наслаждениях, а... воевали на стороне инков, активно помогая им расширять свою «империю». И воевали настолько хорошо, что даже превзошли своей отвагой и мужеством самих инков. Они особенно отличились при завоевании Гуаманги, за что Пачакутек приказал всех их... перерезать, как об этом сообщают Сьеса (*А*, 136) и Сармьенто (*Б*, 243). Но чанки узнали о готовящейся расправе (Сармьенто пишет, что сестра Ханко-вальу, ставшая женой главного полководца инков Капака Юпанки, сообщила своему брату о приказе Пачакутека перебить всех чанков) и, отразив нападение инков, ушли через Анды на восток в труднодоступные тропические леса.

Чем же интересно «уточнение» — на этот раз испанцев, а не Гарсиласо?

Прежде всего, мы узнаем, что вновь присоединенные к «империи» племена и народы были заняты инками не только в экономической, но и чисто военной сфере деятельности их государства. Трудно понять, что могло заставить тех же чанков, особенно в столь короткий срок, перейти из одного качества — смертельные враги инков — в другое, диаметрально противоположное — их военные союзники, превзошедшие мужеством и отвагой своих поработителей, в чужой для них, чанков, захватнической войне? (Видимо, это можно объяснить только тем, что чанки шли в военных походах за своими природными вождями, а не за инками, что лишний раз подчеркивает прозорливость политики инков в национальном вопросе.)

Во-вторых, при присоединении к «империи» других царств происходил переход из одних рук в другие не всей, а только верховной власти, что не должно было коснуться основной массы включаемого в Тауантинсуйю народа. Ибо речь шла об изменениях «идеологического порядка», а «идеологией» занималась лишь правящая верхушка (аристократия, жречество). К тому же введение инками усовершенствованного земледелия, завоз недостающего продовольствия — «...если чего-либо недоставало, в чем они нуждались, их обеспечивали или обучали, как [например] следует сеять и добиваться пользы» (*А*, 55) — даже несколько улучшали экономическое положение простых покоренных индейцев, что не могло пройти для них незамеченным. Таким образом, социальная структура «чанкского общества» не изменилась и в представлении основной массы населения, в данном случае чанков, установление «нового порядка» проходило без особых осложнений. Вполне допустимо, что какой-то период они даже не осознавали случившегося.

Однако «новый порядок» сразу же ущемлял интересы — власть, привилегии — местной знати и жречества. Это был чувствительный удар, перенести который не всегда и не каждый мог. Не очень помогали «заботы» и «ласки» инков-правителей, поскольку они воспринимались как милостыня и подачки новых хозяев страны. Единственное, что могло утешать, это то, что покоренные правители продолжали оставаться знатью. Однако теперь это была уже не столько правящая, сколько паразитирующая и находящаяся сама в услужении у инков аристократия второго сорта, но все же аристократия.

По мере расширения инкской экспансии нижняя прослойка господствующего класса все росла и росла. Это заставляло инков искать средства для ее «приручения», совершенствовать методы «мягкого правления» в отношении неинкской знати (хронисты рассказали нам о некоторых из них; см. предыдущий раздел). И печальный опыт с Ханко-валью не прошел бесследно: он помог усилить меры безопасности и постоянно напоминал (может быть, именно для этого инки сохранили его в официальных летописях?) о необходимости не упускать из виду возможность новых мятежей и восстаний. Уничтожить же данную прослойку инки не могли, ибо не в их силах было перестроить классовую структуру своего общества. Возможно, что они даже понимали, что, вырезав местную знать, им придется создавать вместо нее новую, а это лишь усложнило бы задачу управления «империей». Не менее реальным представляется и их чисто интуитивное поведение в данном вопросе, чему способствовала лояльность многих или даже большинства бывших правителей царств и земель, ныне вошедших в состав «империи». На такой вывод косвенно наталкивает сочинение Сарменто: несмотря на все усилия, он не смог набрать и десятка мятежей и восстаний для своей «Истории», чтобы подкрепить обвинения инков в узурпации власти и сопротивлении их правлению многих царств и народов...

Очевидно, что к господствующему классу относилось также инкское и неинкское жречество. К сожалению, в этом вопросе имеется много неясного. Так, например, мы не можем с должной степенью уверенности сказать, было или не было профессиональным жречество у инков. Бесспорно, что какая-то его часть, особенно вершина иерархической пирамиды, целиком посвящала себя служению богам и потому может быть отнесена к профессиональным жрецам. Однако если мы обратимся к Гарсиласо, то найдем у него утверждение, из которого можно понять, что даже не все жрецы-инки выделились в отдельную жреческую прослойку, ибо их деятельность не носила постоянного характера и им самим приходилось заниматься делами земными. «За счет имущества Солнца,— пишет Гарсиласо,— содержались во всем королевстве жрецы и министры его языческой веры, *пока они пребывали в храмах*, ибо служили они по очереди неделями. Однако, когда они находились в своих домах, они питались за свой

счет, ибо им также *выделяли земли под посевы, как и всем остальным* простым *людям...*» (*Г*, 285; курсив мой.— *В. К.*).

В «империи» также специально не готовилось жречество; например, все инки воспитывались так, «чтобы они знали ритуалы, заветы и церемонии своей ложной религии, чтобы они понимали смысл и обоснование своих законов и прав и знали бы их количество и подлинное толкование...» (*Г*, 231).

Однако в другом месте «Комментариев» этот оттенок самодеятельности или отсутствия профессионализма у служителей культа полностью снят. «У них были жрецы,— сообщает Гарсиласо,— чтобы совершать жертвоприношения. Жрецы дома Солнца в Коско были все инками королевской крови (подтверждает на с. 189.— *В. К.*); остальные службы в храме выполняли инки по привилегии. У них был верховный жрец (официальное название этой «должности» — Вильяк уму, т. е. «прорицатель»; *Г*, 190), который должен был быть дядей или братом короля или в крайнем случае чистокровным [инкой]. У жрецов была обычная, а не специальная одежда. В остальных провинциях, где имелись храмы Солнца, которых было много, жрецами были местные уроженцы, родственники сеньоров этих провинций. Однако главный жрец (вроде епископа) должен был быть инкой, чтобы жертвоприношения и церемонии соответствовали бы церемониям метрополии...» (*Г*, 90).

Правда, в мимоходом оброненном Гарсиласо замечании, что у жрецов была *обычная одежда*, можно усмотреть важную деталь, помогающую лучше понять социальную структуру «империи». Дело в том, что инки-жрецы носили свою, инкскую обычную одежду, которую другим запрещалось использовать под страхом смерти. Отсюда напрашивается вывод: в Тауантинсуйю было предпочтительнее показать себя инкой, нежели жрецом!

Конечно же инки-жрецы не трудились на своих полях, за исключением тех случаев, когда устраивался праздник первого зерна маиса, посаженного самим Инкой, как это изобразил Гуаман Пома (*В*, 250, 1153; ошибочно 11053). Однако остальное жречество (исключая родичей кураков) вполне могло само кормить себя. Скорее всего, так оно и было.

Неопределенность в социальном положении жрецов не позволяет сегодня дать достоверной оценки численного состава жречества в целом. Более того, она порождает досадные ошибки, приводит к неверному истолкованию (прочтению) древних хроник, как это будет видно на следующем примере.

Перуанский исследователь Р. Варгас Угарте, рассматривая вопросы религии инков, справедливо отмечает тенденцию роста числа служителей культа в Тауантинсуйю. Далее он пишет: «Лоренте, вслед за другими авторами, не ощущает затруднений в признании того, что у храма солнца или Кориканчи в Куско имелось 4000 жрецов [...], как это утверждает анонимный автор «Конкисты и заселения Перу», и что в храме в Вильке их число

доходило до 40 000, как утверждает Сьеса...»[27]. И хотя сам Варгас считает, что «эти цифры преувеличены», он, однако, не счел нужным разобраться в том, кто же повинен в таком преувеличении[28].

При сопоставлении эти цифры просто кажутся нелепыми: трудно поверить, что «персонал» главного храма «империи» был в десять раз меньше «персонала» провинциального храма. Кроме того, сомнительна не первая, а вторая цифра. И, поскольку она взята у Сьесы, творчество которого входит в круг наших непосредственных интересов, мы решили проверить ссылку. Вот что написано по этому поводу в его «Хронике»: «И утверждают... что обслуживают эти помещения (т. е. сам храм.— *В. К.*) более сорока тысяч индейцев, которые выделялись для каждого времени, [а] всякий принципал (селения.— *В. К.*) знал, что приказывал делать губернатор, наделенный властью королем инкой, и только для охраны дверей храма имелось сорок привратников»[29].

Мы видим, что Сьеса действительно привел эту цифру, но он не назвал жрецами индейцев, обслуживавших храм в Вилькас. Значит ли это, что они все же были жрецами? В подавляющем большинстве древних языческих государств ответ на такой вопрос мог быть положительным, но только не в Тауантинсуйю. Сьеса прямо указывает, что деятельность этих индейцев направлялась губернатором, а не жрецами, т. е. светской властью. И можно с уверенностью сказать, что такая работа в храме являлась одной из форм личной «подати» крестьянина-пуреха (ниже мы коснемся подробнее этого вопроса). Инки-прагматики не только этот, но и многие другие вопросы решали по-своему, но они не могли остановить неизбежный для их общества рост численного состава своего жречества. И количество освобожденных от других занятий жрецов стремительно росло, перевалив за многие тысячи...

Нам остается добавить, что вся религиозная деятельность в «империи» руководилась из Куско. «Главный жрец получал свое достоинство на всю жизнь... его так уважали, что сравнивали в суждениях с Инкой, и он обладал властью над всеми оракулами и храмами и назначал и снимал жрецов». Вот почему им не могли быть «ни низкие, ни темные люди, хотя бы они имели множество заслуг» (А, 93). Понимая значение религии, инки не могли доверить ее чужакам.

В Тауантинсуйю имелись и другие категории населения, однозначно определить социальное положение которого нельзя. К нему относятся, например, так называемые «избранные девствен-

---

[27] *Vargas Ugarte R.* La Religión de los Incas.— Biblioteca de Cultura Peruana Contemporánea, t. V. Lima, 1963, p. 178.
[28] Ibidem.
[29] *Gieza.* Crónica..., p. 322.

ницы», или «акльи» (на кечуа). По всей стране отбирали их из числа самых красивых девушек. Повсюду в крупных селениях строились специальные дома для невест Солнца; там они жили, не имея права покидать свое пристанище под страхом жестокого наказания. Естественно, что особыми привилегиями и почетом пользовались акльи из дома девственниц в Куско, ибо все они были выходцами из клана правителей Тауантинсуйю — родные сестры, тетки, дочери, племянницы самого Сапа Инки. Вполне понятно, что ни один мужчина не мог не только прикоснуться, но даже взглянуть на них. «И это затворничество было столь великим,— пишет Гарсиласо,— что даже сам инка не хотел наслаждаться привилегией, которую он, как король, мог бы иметь... (*Г*, 201).

Он утешал себя тем, что брал наложниц из всех других домов, но только не в Куско. «...А в остальные дома королевства допускались женщины всех сословий (suerte), лишь бы они были очень красивыми и девственницами, потому что предназначались для инки» (*Г*, 205).

Гарсиласо настаивает на том, что все эти девушки действительно предназначались только и исключительно Солнцу и инке-правителю; их не отдавали в качестве наложниц никому другому, поясняет он, поскольку в этом случае совершилось бы святотатство (*Г*, 207). Вот почему даже сам Инка не решился бы на такой поступок. Когда же Инка хотел кого-либо одарить женщиной, он мог отдать в жены (или наложницей) чью-либо дочь или даже девушку-бастардку «своей королевской крови», что считалось особой милостью (*Г*, 208).

Отмеченные правила обходят стороной положение дел в данном вопросе с другими членами многочисленного клана инков и мало соответствуют «правовым» и моральным нормам, на которые указывал сам Гарсиласо. Утверждения других хронистов, что дома девственниц — невест Солнца поставляли наложниц практически всей знати, включая самого правителя и всех остальных чистокровных инков, выглядят куда более реальными. Вообще в ту эпоху одаривание отличившихся вассалов женщинами (*А*, 45; *Б*, 257; *Г*, 208), как и взымание «подати» в виде поставок девственниц (*А*, 60), было весьма распространено и не считалось чем-то особенным [30].

Однако, если сами девушки пытались решить свою семейную судьбу или мужчины, особенно из «простонародья», овладевали девственницей даже из числа только лишь намеченных в «невесты» Солнца, их ожидали суровые наказания. Что же касается

---

[30] По этому вопросу видный перуанский историк Х. Х. Вега пишет следующее: «В Тауантинсуйю было общепринятым законом подносить их (знатных женщин.— *В. К.*) богам, а также друзьям и союзникам, прибегая к некоторым формальностям. Так поступала вся знать Куско» (*Vega J. J.* La Ley de Mahoma en el Perú.— CANTUTA (Lima), 1968, p. 101).

«аморальных поступков», связанных с акльей, то тут провинившиеся подвергались самой жестокой расправе. Так, аклью, потерявшую девственность, живой закапывали в землю. Ее сожителя либо насильника — такие случаи предусматривались законом — казнили, а заодно убивали и «его жену, и детей, и слуг (не очень понятно, откуда они взялись? — *В. К.*), а также их родственников, и всех соседей, и жителей его селения, и весь их скот... Они разрушали селения и засыпали его камнями (а не солью! — как пишет по другому вопросу Гуаман Пома.— *В. К.*)... и то место было проклято и отлучено...» даже для скота (*Г*, 204).

О казни за сожительство с акльями пишут и Сьеса (*А*, 37), и Сармьенто (*Б*, 257), и Гуаман Пома (*В*, 305—308).

Но вся эта строгость, а точнее жестокость, свидетельствует не столько о высокой морали, сколько о защите своих интересов господствующим классом, защите от попыток «черни» посягнуть на его привилегии, к числу которых, бесспорно, относилась возможность иметь наложниц.

Трудно сказать, каков был численный состав невест-аклей, однако если верить тому, что написано у хронистов, и особенно у Гарсиласо, то речь идет не о сотнях, а о тысячах и, возможно, десятках тысяч женщин, томившихся в домах избранниц. Сьеса, например, пишет, что не было инки-правителя, «у которого было бы меньше чем семьсот женщин для служб его дома и для его времяпрепровождения» (*А*, 37). Когда же инка выезжал с визитами, а они иногда длились по нескольку лет, всюду, где он ночевал, его ожидали «избранные девственницы». Можно не сомневаться, что услужливые вассалы из местной знати не забывали при этом о его ближайших родичах, а их, этих родичей, набиралась добрая сотня только в свите путешествовавшего Сапа Инки.

Как мы знаем от Гарсиласо, социальный состав «невест» был неоднороден, но, будучи зачисленными в таковые, они (если исключить тех, что жили в Куско) только по одному этому признаку выпадали из своей естественной среды и обретали новое общественное положение. Те из них, кто оказался удостоенной внимания Инки, автоматически обретали наивысший (после чистокровных членов клана) социальный статут, особенно если на свет появлялся ребенок. Такие акльи покидали дом избранных девственниц. Они становились «дамами или служанками королевы, пока им не давали отставку и разрешение вернуться в свои земли, где им давались дома и поместья и им служили с великим почтением, ибо было величайшей честью всего народа иметь при себе жену инки» (*Г*, 206). Но большинство невест все же оставалось в своих домах если не до глубокой старости или «пока не умирали», то как минимум до зрелого возраста (*Г*, 206).

Таким образом, с чисто формальных позиций акльи должны быть отнесены к знати Тауантинсуйю.

Так оно и было бы, если бы акльи бездельничали в своих домах. Однако этого как раз и не было — акльи трудились, и трудились достаточно много, производя практически всю ту одежду, в которую одевался сам инка и вся многочисленная знать «империи». Сотканная акльями одежда — многие тысячи штук в год — служила также теми материализованными «знаками милости», которыми инка одаривал своих вассалов. Она, эта одежда, стояла в одном ряду с драгоценностями (по своему моральному и материально-стоимостному значению), что в условиях отсутствия денег расширяло ее социальные и экономические «функции». Что же касается одежды, изготовлявшейся девственницами из Куско, то их изделия считались «священными и божественными» и ими пользовались лишь люди «его [Инки] королевской и родной ему крови» (*Г*, 203),— они только в нее и одевались; кроме того, она составляла также обязательный элемент церемониалов идолопоклонства инков.

Если ко всему сказанному добавить, что изготовление акльями пряжи и одежды было делом *обязательным*, то невольно возникает сомнение: возможно ли причислить эту часть женского населения Тауантинсуйю к господствующим классам «империи»? Ведь по сути дела их дома (даже если они были дворцами, а самих акльий обслуживали «девушки-служанки, также девственницы»; *Г*, 205) были прекрасно организованными «мануфактурами», поскольку находившиеся там девушки расплачивались за свое содержание своим *личным трудом*. Между тем личный труд в «империи» инков был одной из главных форм «выплаты» личной подати, «налога», а само инкское общество строго делилось на две противостоявшие друг другу группы населения (классы): *налогоплательщики* и *неналогоплательщики* (подробнее см. следующую главу).

Сложность определения социального статуса акльий (как общественного института) порождена также и тем, что в самой прослойке, бесспорно, существовала социальная дифференциация, но она не носила *постоянного* характера. Тот же Гарсиласо пишет, что наложницы инки становились кто «дамами», а кто и «служанками королевы». Видимо, так оно и было, но и будущие «дамы», и будущие «служанки» (к месту будет сказано, что королевам обычно прислуживает самая высшая знать), и даже акльи из числа чистокровных ньюст — все они одинаково трудились за своими прялками и ткацкими станками, повседневно занимаясь этим тяжелым ремеслом.

Но и на этом не кончалась проблема, порожденная институтом акльий как специфическим социальным явлением страны. Ибо их потомство, бывшее одновременно потомством знати «империи», также претендовало на свое особое место в социальной структуре Тауантинсуйю. Ну, а о том, что такие претензии могли носить если и не очень обоснованный, то вполне реальный характер, говорит пример бастарда Атауальпы.

К проблеме бастардов мы вернемся несколько ниже, а сейчас закончим рассмотрение вопроса о положении женщины в Тауантинсуйю.

Социальный статут женщины определялся положением отца, а после замужества — мужа. О койе — жене инки-правителя уже было сказано выше (см. с. 13). Очень интересную «лестницу социальных ступеней» женщин дает Гуаман Пома.

Гуаман Пома выделяет семь категорий женщин от койи-царицы до Гуакчи Уарми — «бедной госпожи», или «простой женщины» (*В*, 144). Он подробно рассказывает о жизни индианок, начиная от их рождения, кончая глубокой старостью. Вся их жизнь, как он пишет, разбита на десять «улиц», или «визитов», как говорит Гуаман Пома. 1-я улица — это жизнь замужней женщины — Аука Камайокпа Уармин, жены или вдовы крестьянина либо воина (*В*, 215, 216); 2-я — пожилая женщина в услужении у знати (217, 218); 3-я — «спящая старуха», не способная к труду (219. 220); 4-я — больные и калеки, прислуживающие знати (221, 222); 5-я — девица, готовая вступить в брак или стать акльей (223, 224); 6-я — девушка, прислуживающая родителям и общине (225, 226); 7-я — девочка, помогающая дому и общине, «сборщица цветов» (227, 228); 8-я — играющие девочки от 5 до 9 лет (229, 230); 9-я — «ползающая девочка» (231, 232); 10-я — «нуждающаяся в чужой помощи» — младенец (233, 234).

В рисунках и тексте об этих «улицах» есть много любопытного материала, как всегда заполненного типично индейским колоритом.

Гуаман Пома делит и акльий на своеобразные «классы». Шесть из этих классов он относит (или приближает) к служительницам культа — «девственницы идолов», а шесть других называет общими. Такое деление чрезвычайно условно: иногда оно связано с возрастом, иногда — с социальным уровнем обслуживаемых акльями лиц и т. п. Однако интересно другое: среди аклей, оказывается, имелись танцовщицы, флейтистки, барабанщицы, певицы; некоторые специализировались в изготовлении пищи и чичи; все занимались пряжей и ткачеством, и только «краснощекие красавицы», которым исполнилось 20 лет, бездельничали, видимо в ожидании возможности стать чьей-то наложницей; правда, именно о них Гуаман Пома говорит, что они не общались с мужчинами (девушки из 1-го, высшего класса).

Учитывая возрастную классификацию акльий можно понять, что если такая девственница не становилась наложницей, ее переводили в другой класс и она включалась в производственную сферу. Во всяком случае, такое использование акльий представляется наиболее реальным для инков-прагматиков, хотя Гуаман Пома прямо не пишет об этом (*В*, 298—300).

Не менее интересны и отдельные штрихи и детали, имеющиеся в тексте индейца-хрониста. Так, если женщина делала

аборт, а у нее должен был родиться мальчик, ее казнили; за девочку давали 200 плетей; вдове запрещались вторичное замужество и сожительство вне брака; женщина не могла быть свидетельницей и т. д. и т. п. Важно также, что при замужестве женщина «поднималась» или «опускалась» до общественного положения своего мужа (*B*, 185), т. е. была бесправна в самом главном аспекте социального вопроса.

Гуаман Пома указывает также, как в соответствии с изменением социального положения индейца менялось количество его жен или наложниц. Так, «главный касик» мог иметь 50 наложниц; Унко Курака — «начальник миллиона» (?) — 30; Гуамани Апо — «начальник 10 000» — 20 и т. д. вплоть до бедного индейца и митимая — 2 жены (*B*, 185—187).

Укажем, что Гарсиласо неоднократно повторяет, что у простых индейцев была только одна жена, а сожительство с другими женщинами им запрещалось под страхом смертной казни. Нам представляется, что данное утверждение больше соответствует реальной действительности Тауантинсуйю.

Теперь можно вернуться к проблеме бастардов. Конечно, случай с Атауальпой был исключением, и основную массу бастардов ожидала совсем иная судьба. Как пишет Сьеса, никто из них никогда не назначался на высшие должности «империи», хотя «многие из них становились капитанами и им оказывали предпочтение» в королевских войсках (*A*, 37). Новый Инка был особенно благосклонен к тем из них, которые доводились ему родственниками, но при необходимости их жестоко наказывали, и «никто из них никогда не разговаривал с королем, хотя бы он доводился ему братом» (*A*, 37).

Вполне понятно, еще ниже стояли на социальной лестнице бастарды — сыновья «рядовых» инков и местной знати. Но все же они не «опускались» до уровня простых пурехов, хотя простыми воинами и нижними чинами наверняка служили.

Именно они составляли основную массу командного состава многотысячной армии инков. То было прекрасно обученное, натренированное, преданное инкам профессиональное воинство, видевшее укрепление и улучшение своего социального положения исключительно через военную службу, путем личного подвига и героизма, поскольку все остальные дороги для карьеры были для них закрыты из-за отсутствия «чистокровности». Таким образом, личные качества играли чрезвычайно важную роль и во многом помогали бастардам определить свое место в инкском обществе. Еще раз вспомним об Атауальпе, которого любил Гуайна Капак и его старые и испытанные капитаны, в том числе и за его мужество и военное искусство — он воевал вместе со своим отцом с малых лет (*A*, 186).

Трудно определить численный состав этой социальной прослойки Тауантинсуйю. Как пишет Гарсиласо, инки-правители имели каждый по нескольку сот детей бастардов (обоих полов).

Конечно же, другие инки и местная знать не располагали такими возможностями, но и они не очень ограничивали себя в данном вопросе. Если же мы добавим к сказанному, что и сами бастарды с успехом воспроизводили свое потомство, то станет понятно, что речь идет о достаточно многочисленном контингенте населения «империи», позволяющем говорить о нем как о самостоятельной и влиятельной прослойке инкского общества. Она не принадлежала к правящему классу, но и не относилась к эксплуатируемой массе населения. Вот почему ее следует рассматривать в качестве промежуточной ступени, сросшейся с кланом правителей и знатью, однако не располагавшей всеми их привилегиями. Ее представители, в зависимости от своих личных способностей и родственных связей, как бы блуждали между правящим классом и основной массой населения, находясь на службе (преимущественно военной) у первого и периодически пополняя его ряды своими представителями. После прихода к власти Атауальпы позиции бастардов, особенно связанных с царством Кито — родиной нового правителя, резко укрепились. Можно утверждать, что они вытеснили бы с арены «империи» клан инков, если бы в Тауантинсуйю не вторглись испанцы.

На особом положении были также индейцы кечуа, как родственные инкам племена, говорившие с ними на одном языке и связанные общей исторической судьбой. Здесь мы находим очевидные отголоски родоплеменных связей, наиболее отчетливо проявлявшиеся в общине — айлью; они же цементировали до поры до времени и сам клан инков. Как пишет Гарсиласо (59—62), уже Манко Капак ввел в социальную структуру страны сословие так называемых «инков по привилегии», которыми могли быть только и исключительно индейцы кечуа. Даже «кураки, сколь великими господами они ни были бы, ни их жены, ни дети не имели права брать [себе] эти имена», т. е. имя инки и пальи, сообщает Гарсиласо (*Г*, 67). И как бы подтверждая сказанное, уже в самом конце «Комментариев» он пишет о том, как воины Атауальпы буквально вырезали всех жителей селений, где жили представители этого «сословия». «... Их ненавидел Ата-вальпа как за то, что они были слугами королевского дома, так и за то, что они носили имя инка по привилегии...» (*Г*, 643).

Но это были всего лишь слуги особого рода, приближенные к личности правителя и пользовавшиеся его особым доверием. Из них первоначально формировалась преторианская гвардия, как это можно понять у Сармьенто (*Б*, 214). Их дружины были личной гвардией сапа инки. Они не раз вмешивались и во внутренние дела клана, например при правлении 4-го Инки Майта Капака (*Б*, 221).

Позднее, можно предположить, гвардия уже набиралась из самих инков и бастардов, а индейцы кечуа — инки по привилегии — монополизировали службы в королевских дворцах и угодьях. Несмотря на привилегии, которыми они пользовались, их

нельзя причислить к господствующему классу. Это была верхушка основной массы эксплуатируемого населения, хотя и пользовавшаяся правом именовать себя инками, но только по привилегии.

Из того, что уже было рассказано об общественном устройстве Тауантинсуйю, можно составить достаточно ясное представление и о тех многочисленных службах, которые существовали в «империи» и относились к непроизводительной сфере деятельности. Особенностью большинства этих служб было то, что они обеспечивались рабочей силой из селений или общин, специализировавшихся в какой-то одной области. То были «метельщики, водоносы, дровосеки, повара для государственного стола (ибо Инке готовили еду его жены и сожительницы), разносчики напитков, дверные, гардеробщики и хранители драгоценностей, садовники, управляющие домами...» (*Г*, 345). Более того, имелись целых две «провинции» — Рукана и Хатун Рукана, жители которых обучались только переноске носилок инки-правителя. Как и все остальные «специалисты», они несли службу по очереди, занимаясь в свободное время своим хозяйством. То, что все они были достаточно близки к особе правителя и к его дому, давало им также известные привилегии.

Основная же масса населения «империи» занималась сельским хозяйством. Это были крестьяне-пурехи. Оторвать их от земли могла только война, а позднее, когда появился обширный добавочный продукт, они уходили огромными массами на строительство грандиозных сооружений, и в первую очередь королевских дорог, храмов, дворцов, крепостей, мостов, оросительных каналов, насыпных террас под посевы маиса.

Мы воспользуемся хроникой Гуамана Помы, чтобы показать 10 «улиц-визитов» из жизни простого крестьянина. 1-я улица — мужчины от 25 до 50 лет — Аукакамайоки — люди войны, земледельцы, слуги Инки (*В*, 194, 195); 2-я — «старый ходок» (60—78 лет) — слуги, уборщики, привратники, «информаторы жен кураки» (?), а главное — земледельцы (196, 197); 3-я — «глухие старики» (от 80 до 150 лет) — плели веревки, ставили силки, воспитывали детей, пороли их и давали добрые советы, за что община обеспечивала их всем необходимым (198, 199); 4-я — разного рода больные и немощные люди, женились на себе подобных, иногда — кипукамайоки (200, 201); 5-я — юноши (18—20 лет), «готовые к выполнению любого приказа», часки, пастухи, переносчики груза воинов и кураков, земледельцы; они воздерживались от напитков, женщин и излишеств в еде (202, 203); 6-я — юноши 12—18 лет — охраняли скот, охотились на мелких птиц, помогали в хозяйстве отцов, курак и храма Солнца (204, 205); 7-я — «дети, охотящиеся с силками» (9—12 лет), сборщики перьев для украшений — плюмажей (206, 207); 8-я — «играющие дети» 5—9 лет, ухаживали за младшими детьми и играли с ними, помогали в домашнем хозяйстве (208, 209); 9-я — «грудные дети,

начинающие ползать» (1—5 лет; грудью прекращали кормить в 4—5-летнем возрасте.— *В. К.*), нуждающиеся в обслуживании (210, 211); 10-я — Уауа Кираупикак — «грудные младенцы» (212, 213).

Таков был жизненный путь, по которому шла основная масса населения «империи».

Но в Тауантинсуйю была еще одна особая группа индейцев — янаконы. Это были рабы, или «вечные слуги», инков, как их называли испанцы (*А*, 60; *Б*, 256).

Вся эта сложная социальная структура инкского общества держалась па строжайшей регламентации, опиравшейся на суровые и жестокие законы. Последние неоднократно изменялись в угоду правящему классу и главному выразителю его интересов — сапа инки. Гарсиласо понял эту особенность инкского права и предельно четко сформулировал ее. «В действительности,— пишет он,— они сами (а не их отец-Солнце.— *В. К.*) создавали свои законы и повеления, некоторые из которых были заново приняты, а другие реформированы из старых и древних, согласно требованиям времени и надобностям. Одного из своих королей... они считают великим законодателем, который, говорят они, создал заново многие законы и исправил и расширил все те, которые уже существовали, что он был великим жрецом, ибо ввел многие ритуалы и церемонии... и... великим капитаном, который завоевал много королевств и провинций. Однако они точно не указывают, какие законы он дал, какие жертвоприношения ввел, и, поскольку они не могут найти лучшего выхода (это и был самый лучший выход! — *В. К.*), они все приписывают первому инке, как законы, так и начало своей империи» (*Г*, 91).

В заключение раздела нам остается еще раз напомнить, что наиболее часто применявшейся мерой наказания для нарушителей инкских законов и обычаев была смертная казнь.

ВОПРОСЫ КУЛЬТУРЫ

Созданная инками цивилизация впитала в себя многие достижения материальной и духовной культуры племен и народов, обитавших в разное время на территории Тауантинсуйю. Инки не стали народом-разрушителем чужих культур и уже по одной этой причине заслуживают всяческой похвалы. «Инки ничего не разрушали,— заявил Мариатеги,— и именно их деятельность достойна восхищения» [31].

Современные исследователи справедливо стремятся выделить или обозначить, что именно было собственно инкским достижением, а что инки заимствовали у других народов. Но наш интерес сосредоточен на другом — на исследовании главных нарративных источников эпохи конкисты Перу и через них — цивилизации

---

[31] *Мариатеги Х. К.* Семь очерков..., с. 119.

инков в апогее ее развития. Поэтому представляется желательным рассмотреть лишь основные направления как самой духовной культуры, так и культурной жизни Тауантинсуйю, относящихся к моменту появления европейцев в Южной Америке. Но, поскольку конкиста насильственно прервала дальнейшее развитие инкской цивилизации, можно еще больше сузить задачу: изучить «снятую» с мгновенной вспышкой культурную панораму общества инков без ее динамики, то есть в статичном положении. Последнее оправдано еще и тем, что любые размышления на тему, «что было бы, если бы Европа не вмешалась», представляются в равной степени малоперспективными и обременительными для настоящего исследования, т. е. методологически порочным подходом к данному исторически сложившемуся явлению.

Настоящий раздел целесообразно начать с рассмотрения проблемы единого языка, ибо язык кечуа, как уже говорилось, был одним из важнейших инструментов внутренней политики инков; в равной степени можно сказать то же самое и об их политике в области культуры.

Обучение языку кечуа, как указывают хронисты, было обязательным (*А*, 73; *Б*, 245; Гуаман Пома хотя прямо не пишет об этом, однако подтверждает сказанное своим великолепным знанием кечуа).

Язык кечуа был не только языком правящей этнической группы. Как утверждают Гарсиласо и другие хронисты, он имел серьезные преимущества перед другими индейскими языками [32], поскольку предоставлял бо́льшие возможности для передачи информации, делал более яркой и содержательной речь, обладал огромной емкостью, выражал достаточно глубокие философские категории. Откровенно восторгаясь им, Гарсиласо восклицает: «...воистину была бы достойна сожаления утрата или искажение этого, столь элегантного языка...» (*Г*, 11).

Эта тема проходит через все его сочинение. Ему вторит Сьеса, сам быстро овладевший языком кечуа: «Он очень емкий (буквально: «короткий» — breve.— *В. К.*) и очень легко понимаемый (comprehención)...» (*А*, 77). Даже Сармьенто отметил в своей «Истории» преимущества языка инков: «Он был более ясным и отличался бо́льшим изобилием [слов]» (*Б*, 245).

Об этом же говорят многочисленные языковые примеры, которыми пестрят страницы «Комментариев»; они свидетельствуют о высокой культуре слова, необычайно широких эмоционально-выразительных и предметно-смысловых возможностях языка кечуа [33].

---

[32] Л. Валькарсель называет следующие главные языки «империи»: кечуа, аймара, пукина, мочика (или юнга), сек, кингнам, кульи, «рыбачий язык», чумбивилька, люпака, тампу, кауки (или хаке ару), уру, а также «чрезвычайно многочисленные языки и диалекты амазонского района» (*Valcarcel L.* Historia del Perú Antiguo, t. I, p. 93).

[33] Известный советский перуанист и первый в СССР исследователь языка кечуа Ю. А. Зубрицкий придерживается очень высокого мнения о «ра-

Кечуа учили все индейцы, включая женщин и даже младенцев (*А*, 76). О достигнутых инками успехах в обучении кечуа мы уже говорили. К сказанному следует лишь добавить, что инки при этом не запрещали родной язык. «...И хотя этим языком [кечуа] они пользовались, все говорили на своих [языках], которых было столько, что если их перечислить, то в это не поверили бы»,— сообщает Сьеса (*А*, 76).

Но, владея таким великолепным инструментом самовыражения и общения, инки не имели или не использовали письмо. «Они не имели письма... поскольку оно не было обнаружено во всем этом королевстве»,— утверждал четыре столетия назад Сьеса (*А*, 36). Сармьенто заявил проще: «Никогда не было письма» (*Б*, 206), а Гуаман Пома лишь мимоходом упомянул, что «они не умели ни читать, ни писать», и упомянул как о чем-то бесспорном, не вызывающем сомнения (*В*, 68). Не раз указывает на отсутствие письма у инков и Гарсиласо.

Письмо инков, если таковое все же имелось, не обнаружено и сегодня, хотя в данном направлении ведется интенсивный поиск, в котором особое место занимает известная перуанская исследовательница Виктория де ла Хара [34]. Но какими бы смелыми ни были раздающиеся время от времени предположения (а иногда и категорические утверждения), письмо все еще не обнаружено, и из этого приходится исходить.

Письмо возникает не само по себе. Инки должны были иметь его не ради прихоти и не в результате озарения гения-одиночки, а по причине нужд созданного ими государства. Этого требовал от них закон общественного развития, не подчиниться которому они не могли. Как пишет Ю. В. Кнорозов, «в настоящее время нет никаких сомнений в том, что письмо, передающее звуковую речь,— явление стадиальное и возникает (как указывал Энгельс) в период формирования классового общества» [35].

Однако письма нет; оно, повторяем, не обнаружено. Может быть, инкское общество «выпало» из общих исторических закономерностей? Но такой ответ или решение — самый легкий и маловероятный путь к истине.

Мы уже однажды высказывались по вопросу фиксации и передачи неречевой информации в Тауантинсуйю [36] и здесь лишь коротко изложим свои соображения.

Уже упоминавшийся нами хронист XVII в. Фернандо де Монтесинос поведал нижеследующую историю, случившуюся в годы

бочих» возможностях этого языка. В частности, это нашло практическое подтверждение в передачах на кечуа Московского радио, организатором которых он был.

[34] *Де ла Хара В.* Открыты вековые тайны письменности инков? — Латинская Америка, 1972, № 4, с. 110—113; *Де ла Хара В.* Дешифровка письменности инков и проблемы кипу.— Латинская Америка, 1972, № 5, с. 165—184.

[35] *Кнорозов Ю. В.* Письменность индейцев майя. М., 1963, с. 45.

[36] *Кузьмищев В. А.* Говорящие узлы Тауантинсуйю, с. 104—122.

царствования 81-го Инки Тупак Каури Пачакути (напомним, что в его сочинении не дюжина, а больше ста имен инков-правителей):

После неудавшейся попытки присоединить с помощью переговоров к своему царству несколько соседних «городов и провинций», сообщает Монтесинос, «король переменил тактику и совершил великие жертвоприношения и обратился за советом к Ильятиси Уира Коче. Один из ответов был, что причина заразы кроется в письме (letras) [и] чтобы никто не пользовался бы им и не возрождал бы его, потому что пользование письмом грозило наибольшим злом. С этим Тупак Каури приказал законом, чтобы под страхом потери жизни никто не пользовался бы *кильками, каковые являлись пергаментом, и некими листьями деревьев, на которых писали,* [и] не пользовались бы никаким другим способом письма. Это вещание оракула они исполняли с такой пунктуальностью, что после той потери письма перуанцы никогда больше не пользовались им. А поскольку время спустя один ученый амаута изобрел некоторые буквы (caráсteres), его сожгли живым. Итак, с того времени они пользовались нитями и КИПУ» (курсив мой.— *В. К.*) [37].

Конечно, сейчас невозможно проверить достоверность этой истории, но она не производит впечатления фальсификации — таково наше мнение. Ибо, с точки зрения инков-правителей, запрещение письма вполне могло казаться разумным. И прежде всего это было связано с проблемой транспортировки письменных сообщений: не будем забывать, что сообщения, доставлявшиеся бегуном-часки, должны были преодолеть иногда тысячекилометровые расстояния. И это не гипербола! Известно, например, что индейцы-арауканы постоянно тревожили южные гарнизоны инков. О любом из набегов наверняка незамедлительно сообщалось инке-правителю, в частности Уайна Капаку. Между тем, это также известно, он почти постоянно находился в Кито — своем любимом царстве. Следовательно, часки должны были преодолевать не менее 4—5 тысяч километров (с весьма приблизительным учетом извилистости даже самых лучших королевских дорог). В этих условиях листы пергамента или иные «листья деревьев», как их ни упаковывай, становились ощутимой обузой и тормозом для бегуна. Другое дело моток разноцветных нитей кипу, который можно было засунуть в легкую сумочку, не причинив кипу и содержавшейся в них информации никаких повреждений.

Далее, кипу гарантировало не только надежность и быстроту доставки сообщения, но и освобождало его автора от ненужного многословия, обязательного во все времена при обращении к божественной особе правителя (не исключено, что официальный титул сапа инки мог состоять не из одного десятка слов). В этом

---

[37] Memorias Antiguas, Historiales y Políticas del Perú. Por El Licenciado D. *Fernando de Montesinos*. Cuzco, 1957, p. 60.

случае максимально лаконичный «язык» цифр и фактов кипу также брал верх над «неуклюжим», скорее всего иероглифическим письмом.

Однако возникает вопрос: могло ли кипу взять на себя столь ответственную задачу, как передачу любой информации? Здесь не может быть двух ответов: могло!

Мы подсчитали, что только одно кипу — шнур-основа и нити-подвески трех порядков — плюс три типа узлов, каждый из которых давал девять комбинаций чисел (от 1 до 9), плюс 13 цветов, в которые могут быть окрашены нити (эти цвета «найдены» нами в различных хрониках), и при условии, что сочетание не может быть более чем трехцветным,— при всех этих условиях такое кипу только с тремя нитями 1-го порядка (естественно, что на них имеется полный возможный набор всего остального; см. схему на с. 232) дает 365 535 720 353 комбинации!

С четвертой и последующими нитями 1-го порядка число комбинаций стремительно нарастает, ну, а сколько их могло содержать 6-килограммовое кипу из храма Пачакамака, просто невозможно себе представить.

Вот почему при таких невероятных способностях «накапливать» и «устойчиво удерживать» информацию кипу вполне могло заменить письмо если не вообще, то как минимум в делах государственных.

Запретив письмо, инки добились решительного упрощения работы своего бюрократического аппарата и ее ускорения (по свидетельству хронистов, кипукамайоки быстро читали «с листа» свои «записи»).

Что же касается кипу, то, как нам представляется, оно являлось неким фиксатором предварительно математически обработанной и зашифрованной математическими символами информации; извлечение информации и ее закладка в кипу, конечно, производились вручную, но кипукамайоки достигли такого совершенства в своей работе, что извлекали информацию с непостижимой быстротой — как только позволяла устная речь. Вместе с кипу они представляли некое единое «счетно-вычислительное устройство», стоявшее на охране интересов всевластного и могущественного клана инков.

И все же как быть с письмом? Его нужно искать, ибо оно почти наверняка было. Вернее, не могло не быть. Кроме того, имеются достаточно убедительные данные, говорящие о том, что даже ряд доинкских цивилизаций, в частности мочики, имели свою оригинальную систему письмен, передававшую звуковую речь [38].

Помимо этого, следует обратить внимание на указание Гарсиласо о том, что у инков был свой особый язык, который «не было

---

[38] *Кнорозов Ю. В., Федорова И. К.* Древнее перуанское письмо: проблемы и гипотезы.— Латинская Америка, 1970, № 5, с. 83—94.

дозволено изучать [остальным индейцам]... поскольку он был божественным языком» (*Г*, 428). Но «божественный язык» — это почти всегда язык далеких предков, и вполне допустимо, что уничтоженные кильки-письмена обслуживали именно тот язык, т. е. один из древних диалектов кечуа, на котором говорили инки еще до или вскоре после прихода в долину Куско. Напомним, что (по Гарсиласо) слово «коско» как раз из особого языка инков и переводится как «пуп» (*Г*, 95). А если это так, инки, уже находясь в Куско, не забывали свой древний язык. Но к концу XVI в. этот язык был «полностью утерян, потому что, поскольку погибло собственное государство инков, также погиб и их язык» (*Г*, 428).

Другие хронисты и историки, не следовавшие в данном вопросе за Гарсиласо, вообще не упоминают (похоже, что они ничего и не слышали) об особом языке инков. Вот почему высказанное здесь предположение о связи между особым языком инков и их письмом следует рассматривать в качестве рабочей гипотезы. Если же она подтвердится, то сложность дешифровки такого письма во многом возрастет. Сейчас же ясно только одно: письмо инков следует искать.

Отсутствие письма в широком обиходе или его замена кипу, не повлияли на развитие у инков научной и технической мысли. Для своей общественно-экономической базы она была достаточно высоко развита. Об этом можно судить по остаткам материальной культуры; в меньшей степени мы узнаем о ней из сочинений хронистов. Более того, почти все они ничего не написали об инкских науках и технике, и только Гарсиласо попытался осветить данную проблему, хотя сделал это, прямо скажем, достаточно поверхностно.

Но даже такое ознакомление дает нам возможность ощутить широту взгляда на окружающий мир тогдашнего человека, его понимание допустимости вмешательства в происходящие вокруг естественные (природные) процессы, надобность и потому неизбежность такого вмешательства.

Взрыхлить поле палкой, укрыть землей высеваемые зерна маиса (хотя бы от прожорливых птиц) или увеличить посевную площадь с помощью насыпных террас — далеко не одно и то же. Нужно было обладать как минимум незаурядной фантазией, чтобы додуматься до строительства оросительных каналов длиной в десятки (!) километров. Придумать своеобразный вариант «гидропоники» в бесплодных песках тихоокеанского побережья — также задача не из простых. Но инки знали и умели это и еще многое, частично заимствуя у других народов и своих предшественников, частично изобретая сами.

Научные и технические достижения инков бесспорны. Некоторые из их «рекордов», особенно в строительстве, даже сегодня воспринимаются с трудом: как, например, укладывались каменные глыбы в стены крепости Саксайуаман, если некоторые из них весили сотни тонн?!

К сожалению, находятся авторы, которые пытаются спекулировать подобными фактами ради сенсаций и ложных «открытий», якобы связанных с приходом на земли Америки инопланетян. Но в жизни все было гораздо проще и в тысячу раз труднее, труднее для простого народа, пóтом и кровью которого создавались эти удивительные сооружения. Так, Гарсиласо рассказывает о «судьбе» самого гигантского камня, «или, точнее выражаясь, скалы» (*Г*, 489), которую тащили на стройку в Куско. «...Индейцы называют [ее] *сайка-уска*, что означает усталая (потому что она не добралась до строительства)»,— сообщает он (*Г*, 489, 490). Ее тащили 10—15 лиг (около 50 км); по дороге в горах скалу переправили через реку Йукай («которая немного ýже Гвадалквивира у Кордовы», *Г*, 490), но на одном из горных участков скала вырвалась из рук тех, «кто ее удерживал, и она покатилась вниз по склону и убила три или четыре тысячи индейцев». Скалу снова связали канатами и потащили дальше; на этой работе было занято 20 тысяч индейцев! И все же скала так «устала», что ее оставили в поле, не дотащив до Куско. Индейцы утверждали, что она плачет кровью тех, кто погиб под ее неимоверной тяжестью (*Г*, 497). Правда, есть и другое объяснение этих слез: не выдержав непосильного труда, индейцы убили инку-строителя — своего главного начальника.

Чудом человеческого упорства, настойчивости были королевские дороги инков [39]. О них с восторгом пишут все хронисты. Сьеса указывает, что длина одной из них была более 1100 лиг, а ширина 15 футов (*А*, 49). Они проходили в горах, где были построены висячие мосты, пробиты в скалах туннели, вырублены прямо на склонах уступы, тянувшиеся нескончаемым серпантином к перевалам в поднебесье, сооружены высокие насыпи протяженностью в несколько километров. Чтобы выполнить все эти сложнейшие работы, была нужна не только огромная рабочая сила, но и высокоразвитая техническая мысль, точный математический расчет (к месту будет сказано, что в отличие от индейцев майя инки не постигли тайну нуля — они не знали его).

Об инкской науке написал один Гарсиласо. Сьеса практически свел все к утверждению, что «в естественных науках достигли многого эти индейцы, так же как в движении солнца, так и луны...». (*А*, 80). Сармьенто же подметил, что инки достаточно точно определяли по разновысоким столбам, находившимся в Куско, дни солнцестояния и равноденствия, которые лежали в основе их календаря, что свидетельствует об их высоких познаниях в области астрономии (*Б*, 236, 237). О календаре и о достижениях инков в астрономии пишет также и Гуаман Пома (*В*, 69, 70 и др.), хотя, по его мнению, куда больших достижений добились инкские астрологи, знавшие якобы о Кастилии, древнем Риме и даже умевшие точно предсказывать смерть великих королей (*В*,71, 72).

---

[39] См.: *Strube Erdmann L.* Vialidad Imperial de los Incas.

Гуаман Пома также дает (на этот раз действительно интересные) сведения об индейской медицине, подчеркивая, как впрочем и Гарсиласо (*Г*, 125), то огромное внимание, которое лекари (знахари?) уделяли очищению желудка и кишечника (перорально и через прямую кишку) — промывания совершались ежемесячно. Именно промывание и отсутствие кровопускания (его широко практиковали испанцы), а также сдержанность в половых отношениях давали индейцам силу и здоровье, позволяя им доживать до 200 (!) лет (*В*, 70).

Однако о медицине и о других науках, повторяем, больше, лучше и интереснее всех написал Гарсиласо (*Г*, 125, 126). Именно от него мы получаем сведения, позволяющие судить о развитии в целом науки в Тауантинсуйю.

Не располагая возможностью рассматривать здесь этот вопрос по существу, мы ограничимся лишь тем, что перечислим названия соответствующих глав «Комментариев». Что же касается «любознательного читателя», как любит выражаться Гарсиласо, то он сам прочтет эти главы в сочинении метиса.

Итак, науке посвящены следующие главы из 2-й книги «Комментариев»: «XXI. Науки, которых достигли инки. Вначале речь пойдет об астрологии» (119). «XXII. Они познали исчисление года, солнцестояния и равноденствия» (121). «XXIII. Им были ведомы затмения солнца, и о том, что они делали при [затмении] луны» (122). «XXIV. Медицина, которой они достигли, и способы лечения» (125). «XXV. Лекарственные травы, которые они познали» (126). «XXVI. О геометрии, географии, арифметике и музыке, которые они постигли» (128). «XXVIII. Немногочисленные инструменты, которые индейцы создали для своих ремесел» (135—139).

Возможно, что читатель заметил, что в приведенном перечне пропущена одна глава — XXVII. Дело в том, что она не имеет отношения к естественным и точным наукам инков, как это видно из ее названия — «Поэзия инков амаутов, являвшихся философами, и аравиков, являвшихся поэтами» (131—135). Однако она не может не заинтересовать нас, поскольку речь идет о важных явлениях культуры.

Интерес к этой теме повышается еще и потому, что у инков, как мы знаем, не было письма, без которого трудно себе представить названное проявление духовной деятельности человека.

«У амаутов, которые были философами,— пишет Гарсиласо,— не было недостатка в умении сочинять комедии и трагедии, которые в дни торжественных праздников представлялись перед их королями и господами...» (131). В «комедиях» раскрывались бытовые сюжеты. Иной характер имели «трагедии». Вот что пишет о них Гарсиласо: «...аллегорические сюжеты [...] трагедий воспроизводились точно, [а] их содержание всегда касалось военных событий, триумфов и побед, подвигов и величия прошлых королей и других героических мужей» (131).

Гарсиласо считает, что в поэзии аравики достигли сравнительно немногого (131), однако приведенные им самим два поэтических сочинения самым очевидным образом опровергают его же утверждение. Более того, «неотесанность» поэтического слога аравиков оборачивается такой общечеловеческой глубиной, что в переводе ее почти невозможно передать. Судите сами:

С гимном
Ты заснешь.
В полночь
Я приду
(*Г*, 131).

А вот как поэты-аравики, «философствуя о вторичных причинах», порождающих явления природы (первопричина, вполне естественно заключалась в самом боге), объясняют появление грома, молнии, града, снега и дождя «в соответствии со сказкой, которая имелась у них»:

Брат принцессы
Забавляясь,
Разбивает
Дно кувшина,
И отсюда
Грохот грома,
Вспышки молний.
Ты, принцесса,
Шлешь нам воды
Струй небесных,
Иногда же
Градом сыплешь,
Снегом сыплешь.
Нас создавшим,
Давшим жизнь нам
Виракочей
Был, принцесса,
Вечный жребий
Твой назначен
(*Г*, 132) [40].

Но аравики также слагали стихотворные сочинения «о подвигах своих королей, и других знаменитых инков, и главных курак, и они обучали им по традиции своих *потомков*, чтобы они помнили о добрых делах своих предков...» (*Г*, 131; курсив мой.— *В. К.*).

В приведенной несколько выше цитате Гарсиласо мимоходом указал на то, что «трагедии воспроизводились точно». Истинный смысл этих слов становится понятен лишь после того, как мы познакомимся с главой «Комментариев», в которой говорится о кипу. Там мы узнаем, что амауты были не столько философами, сколько историками. Чтобы сохранить в памяти людей важнейшие события, у инков имелось следующее «средство» — «...амауты,— пишет Гарсиласо,— которые были философами и учеными, брали на себя заботу изложить их (наиважнейшие события.— *В. К.*) в прозе, в исторических рассказах, коротких, словно басня, чтобы *соответственно возрасту* рассказывать их детям, и юношам,

[40] Перевод Н. А. Пичугина из сборника «Культура Перу» (с. 311).

и неотесанным людям полей, которые, переходя из уст в уста и от одного возраста к другому, сохранялись бы в памяти всех. Они также излагали свои истории в сказочном виде, со всеми аллегориями... Точно так же аравики... складывали короткие и емкие стихи, в которых были заключены истории, или посольства, или ответы короля... они стихами рассказывали все то, что не могли зафиксировать в узлах... и этим способом они хранили память о своих историях. Однако, как показывает опыт, бренны были те усилия, потому что [только] письмо делает вечными дела...» (*Г*, 360; курсив мой.— *В. К.*).

Но амауты и аравики не только готовили к запоминанию тексты историй — они и редактировали их в угоду правителю, каждый раз внося соответствующие исправления, диктовавшиеся соображениями политического или династийного характера.

Доказательство тому дает Сарменто в рассказе о том, как Инка Пачакутек, собрав вместе всех «историков», обязал их «записать» — «нарисовать на досках» — историю инкского государства (*Б*, 212, 236). Да и сам Сарменто, использовав опыт инков, практически по их рецепту написал свою «Индийскую историю».

Несколько по-иному об этом же рассказал и Сьеса. Он пишет, что после смерти правителя в принципе решался вопрос, следует или не следует сохранять его деяния и даже имя для потомков (*А*, 38, 39). «...И если среди королей,— сообщает он,— кто-то оказывался слабым, трусливым, склонным к порокам или любителем [одних]наслаждений, не расширившим господство их империи, они приказывали, чтобы об этих таких мало что или совсем ничего не хранилось бы в памяти...» (*А*, 39). При этом каждый новый инка, вступая на престол, «выбирал на время своего царствования трех или четырех пожилых людей из своего рода (nación), которым, зная, что они способные, он приказывал запомнить все дела, будь то счастливые, будь то, наоборот, которые произойдут в провинциях во время его царствования, и сложить о них и сочинить куплеты (cantares)...» (*А*, 41). Исполнять и придавать гласности эти сочинения разрешалось только и исключительно в присутствии самого Инки. После его смерти весь собранный ими «материал» докладывался лично новому правителю (*А*, 41). Видимо, после такого доклада и решался вопрос о том, что именно следует оставить, а что исключить из деяний усопшего, и вообще достоин ли он памяти или его имя следует исключить из официальной истории и капаккуны.

Сьеса также указывает, что составители и запоминальщики текстов-песен отбирались из числа наиболее способных людей, благодаря чему «из уст одних их (тексты.— *В. К.*) так [хорошо] знали другие, что сегодня они рассказывают о том, что случилось пятьсот лет назад, словно с тех пор прошло десять лет» (*А*, 39).

Здесь, бесспорно, не обошлось без преувеличений, но сама по-

становка и организация дела устной фиксации истории была хорошо продумана.

Таким образом, пропаганда инков была целенаправленной. Скорее всего, она учитывала не только возрастной состав «аудитории», как об этом пишет Гарсиласо (*Г*, 360), но и другие особенности каждой конкретной группы населения, на которую была направлена: региональную специфику его состава, культурный уровень, характер присоединения района к «империи» и т. п.

Можно предположить, что такая идеологическая обработка проводилась начальниками-камайоками (декурионами, по Гарсиласо) прямо в селениях — общинах. Наиболее полные и грандиозные спектакли имели место в Куско во время главных праздников, о которых будет рассказано в разделе о религии.

Испанцы Сьеса и Сармьенто практически ничего не рассказали о поэзии инков. Они также почти ничего не сообщили и о самих исторических текстах, хотя сами, правда по-разному, использовали их для написания своих сочинений. Мало пишет о текстах и Гуаман Пома, зато именно благодаря его «Хронике» мы получили несколько уникальных образцов поэтического творчества в Тауантинсуйю.

Гуаман Пома воспроизводит ряд типов стихов, или — точнее — песен. Большинство из них было связано с трудовой деятельностью. Это сельскохозяйственные песни-молитвы, и помещены они в разделах об инкском календаре. Так, например, в мае, считавшемся месяцем сбора урожая, на праздниках исполнялась такая песня-молитва: «Тебе поручаю: храни мне маис, чтобы никогда не кончался он, кладовая матери еды» (*В*, 245).

В августе во время посевных работ пели «Хайльи, песни триумфа» (текст не приводится), а в октябре, когда посевы маиса нуждались во влаге, индейцы молили «Бога Руна Камака, Творца человека» о дожде: «Ой, мы плачем, ой; ой, мы стонем; мы, твои дети, страдаем, мы только можем рыдать». Закончив эту молитву, запевали следующую: «Творец человека, творец пищи, начало мира Уиракоча. Бог, где ты? Освободи свои воды, пусть для нас пойдет дождь» (*В*, 251, 255).

А в декабрьский день солнцестояния, когда отмечался праздник «Инти Райми», на главной площади Куско исполнялись песни «таки» — исторические сказы (*В*, 259). Гуаман Пома не приводит их тексты.

Шире представлено у него то, что можно назвать любовной лирикой. Ей посвящена большая часть раздела «Песни и музыка» и часть главы о праздниках (*В*, 315—327). В коротком вступлении к этим разделам Гуаман Пома называет различные песенные формы, но, к сожалению, не приводит примеры и этих песен. Зато он сообщает, что танцы и пение инков, как и других индейцев, «не имели ничего такого, что можно было бы квалифицировать как волшебство, идолопоклонство и как колдовство, а были они все лишь пением для плясок Арауи, в которых проявлялись

радость, ликование и торжество» (*B*, 315). Он перечисляет что́ именно исполнялось индейцами: Таки Качиуа — песня радости; Хайльи Арауи — песня-триумф по случаю победы или сбора урожая; песня Льямай на празднике пастухов; песня (танец?) Пачака Арауайо земледельцев. Кроме того, здесь же названы песни индейцев колья, аймара, гуанка. Хронист вновь повторяет, что во всех этих песнях не было ничего предосудительного (с позиции испанцев). Подобная настойчивость Гуамана Помы не совсем понятна, ибо практически все песенно-танцевальное творчество индейцев было связано с их религией, и было бы наивно скрыть это таким путем.

Свой показ песен и музыки Гуаман Пома начинает с инков. Это Арауи и Уанка, которые исполнялись по всей стране (*B*. 317). Вот начало текста одной из них: «Враждебная судьба разлучает нас с тобой, Койя. Обманутые чувства нас разлучают, Ньюста. Ты мой любимый Сикльяльяй, цветок Чинчиркома. Ты будешь всегда со мной в мыслях и в моем сердце. Ты иллюзия и обман, как всякое отражение в воде...» (317).

В таком же духе написана вся песня. Она заканчивается назначением свидания у ущелья цветов, что, возможно, было символом смерти или вечной разлуки.

На этой же странице (317) рукописи дан образец песни Уанка на языке аймара (предыдущая была на кечуа). Это тоже любовный плач разлученных судьбой возлюбленных. Но в его тексте неожиданно встречаются аймаризированные испанские слова — «кавальюча мульячан силья» (оседлать коня или мула). Следует сказать, что и в других песенных примерах, которые даны Гуаманом Помой, также попадаются испанские слова (бог, месса и др.), да и сами молитвы проникнуты католическим влиянием. И все же, именно здесь (как и у Гарсиласо) мы находим великолепные образцы поэтического творчества индейцев, относящегося к доиспанскому периоду истории Перу.

К нашему великому сожалению, и у Гуамана Помы нет ни героических, ни исторических текстов-песен. Правда, у него есть один текст, который, скорее всего, был написан именно в стиле таких песен или даже содержит часть текста оригинала времен инков.

Так, среди главных песен Чинчайсуйю Гуаман Пома называет песню атун-таки и воспроизводит ее содержание: «Ой-ой-ой, ой-ой-ой, на площади воина, на площади радости, на [площади] могущественного Инки ты всегда был готов получить его поручение. Где ты, могучий, знатный, сильный сокол, могучий лев расы [людей] из рода Яровильков. Ты, великий вождь, который, когда испанцы направлялись в Кахамарку, представлял [персону] могущественного короля и императора, доверенным лицом и советником которого ты был, чтобы позднее стать дедом Гуамана Помы де Айяла, своего внука, прямого потомка, который любит тебя» (*B*, 321).

Конечно же, на главной площади Куско вполне могли воспеваться не только подвиги инков, но и их верных вассалов, на что указывает и Гарсиласо (*Г*, 131). Но не менее очевидно и то, что Гуаман Пома, видимо, взяв текст одного из таких атун-таки, переделал его, чтобы прославить... самого себя.

Но это единственный и потому уникальный образец того, как сочинялись, по какому принципу составлялись героические таки. В нем прежде всего удивляет всеобъемлющая емкость. Здесь точно показаны и социальная структура «империи» (не вся, а ее важная часть), и зависимость от Инки любого кураки, и готовность последнего служить правителю, и происхождение главного «героя», и характер совершенного им подвига — заменил Инку в напряженный момент истории. Не забыты его социальное положение и отношение к нему Инки.

Если мы вспомним, что таки исполнялись на праздниках в присутствии всего двора и каждый народ давал свое собственное представление, то станет еще более реально ощутимо действительно прекрасное мастерство индейских сочинителей исторических и героических текстов-песен. Поскольку на праздниках выступали со своими «рапортами» все царства и провинции, они длились часами, и нужно было каждому из них успеть буквально в нескольких фразах прославить Инку и не забыть доложить ему о своих подвигах. И пока исполнялись эти песни, «манифестанты» разыгрывали прямо на площади воспеваемые ими «исторические картины».

Помимо атун-таки («главная песнь»), Гуаман Пома называет еще саука-таки («песнь воина») и чочо-таки («древняя песнь»). Примеры этих сочинений он не дает.

Любопытно, что имелась также песнь «женщина воин» — уарми-аука, которую исполняли жители Андесуйю. Вот ее текст, из которого, правда, не выводится ее название: «Храбрая женщина воин, поющая голубка; я унесу тебя, как паук, моя любимая анти (жительница Андесуйю.— *В. К.*), поющая голубка» (*В*, 323).

Гуаман Пома пишет, что не только все царства, но и каждое айлью (община) имело свои песни и танцы. Они исполнялись во время общих и местных праздников и почти все носили любовный характер (*В*, 321–327).

Как мы могли убедиться, хронисты слишком мало дают конкретного материала для изучения исторических и мировоззренческих текстов инкского периода, хотя и подтверждают наличие таковых. Что же касается современных исследователей песенного и поэтического творчества индейцев древнего Перу, среди которых, пожалуй, выделяется боливиец Хесус Лара[41], то они сумели наиболее полно выявить и классифицировать лишь основные и

---

[41] *Lara J.* La Cultura de los Inkas; La Literatura de los Quechuas.

самые характерные поэтические жанры этих сочинений и определить их тематику.

Х. Лара, за которым мы будем следовать в этом вопросе, предложил следующую классификацию (типизацию) фольклора индейцев Перу [42].

Отметив, что поэзия древнего Перу, как и других районов мира, зародилась в форме религиозно-магического народного творчества, он пишет, что даже наиболее распространенные при инках песенно-поэтические жанры, а именно «хайльи», «таки», «арави» и «кашва», были известны индейцам за много столетий до появления инков в долине Куско (375).

Хайльи был типичным примером обращения индейцев к своим богам. «Корень сущего, Творец, Вечно близкий бог...» — таково начало одного из первых хайльи, записанных испанскими хронистами (Молина из Куско). То были священные гимны-молитвы, как правило, исполнявшиеся хором. Их пели и в честь правителей, впрочем, и сами инки пели хайльи, обращаясь с их помощью к богам (377—379). Хайльи были не только священными, но также и героическими песнями (386, 387). Они прославляли и труд, особенно сельскохозяйственные работы (387—390).

На втором месте Х. Лара поставил арави — своеобразный жанр любовной поэзии (391). Кстати, в вышеприведенном примере арави, взятом нами из «Комментариев», Гарсиласо, как считает Лара, допустил ошибку при переводе с кечуа. С поправкой Лары (392); она представляется нам убедительной) тот стих должен выглядеть так:

Рядом, близко
Ты заснешь,
В полночь
Я приду.

Арави были также песнями неразделенных чувств, любовных страданий и разлуки — «глубокой и прекрасно выраженной грусти» (398).

В форме лирического диалога сочинялись «вавари»; их пела молодежь, работая на полях. В изложении один из вавари выглядит так. Юноши: Ты делаешь вид, что зовешь меня, а когда я приближаюсь, становишься холоднее снега. Девушки: Я делаю вид, что зову тебя, но если и превращаюсь в снег, то дай мне свой огонь (398, 399).

Песни таки обслуживали самую широкую тематику. Они были способны «передать любое чувство и любое восприятие, будь то субъективное, будь то объективное». К сожалению, текстов исторических таки Х. Лара также не удалось обнаружить (400).

---

[42] Здесь и далее в скобках указаны страницы цитируемого сочинения: *Lara J.* La Cultura de los Inkas, t. II. La Paz, 1967.

«Вайнью» было одновременно песней и танцем лирико-любовного характера (401, 402), а кашва — песенно-танцевальный жанр, выражавший радость и ликование (402, 403).

Тексты «аранвай» были похожи на наши басни, но только не содержали типичной для басни концовки-морали. Их исполняли в «театре»— «аранва», на работах в поле, во время военных походов (403). «Ванки» напоминают европейскую элегию. Их пели во время поминовений усопшего Инки. «То был плач, прилетавший как отзвук лишенной надежды глубины» (405).

Однако приведенная классификация носит литературоведческий характер. Таким было и во многом остается фольклорное творчество индейцев Перу. Но в Тауантинсуйю рядом с ним, используя созданные народным гением формы поэтического самовыражения, существовало совсем другое творчество. Оно носило официальный характер и строго контролировалось властями. Его нельзя отождествлять, например, с ранними испанскими романсами или французскими кантиленами, с так называемыми «летописными романсами» и даже с «песенной историей»— термин, предложенный известным испанским литературоведом [43]. Правда, к последней, пожалуй, оно стоит ближе всего. Это творчество нельзя назвать и «придворным фольклором» (хотя какая-то часть его, очевидно, была таковым), поскольку оно предназначалось для проведения пропаганды среди широких масс населения «империи» [44]. Это устное исторически-литературное творчество, насколько мы можем судить, имело разные формы — песни, стихи или просто тексты, но все они сочинялись на заданную тему, а их сочинителями были профессиональные «поэты и ученые» (по Гарсиласо). В отличие от фольклора они не рождались стихийно, дабы выразить общечеловеческие чувства, а создавались по приказу властей, дабы воспитать у подданных Инки страх и покорность, любовь и благоговение перед небесными и земными владыками их судеб. Но это были и «ученые трактаты» главным образом теологического и исторического характера. Их сочиняли буквально на всех социальных ступенях «империи»— от рядовой общины до королевского двора Инки. Мы пишем *сочиняли,* ибо это было *устное* творчество, хотя, как утверждает Гарсиласо, для запоминания и хранения во времени этих сочинений была разработана целая система технических средств, помогавшая человеческой памяти,— основе основ данного вида искусства.

Очень важно понять, что то был не фольклор, а профессиональное «текстосложение», хотя не менее очевидно и то, что формальная сторона этого устного исторически-литературного

---

[43] См.: *Менендес Пидаль Р.* Избранные произведения. М., 1961.

[44] Поскольку в мировой культуре мы не находим аналогичной творческой деятельности в масштабах крупного высокоразвитого государства и чтобы освободить читателя от многократного повторения одинаковых пояснений, мы условно будем называть его «устным исторически-литературным творчеством».

творчества инков была прямо связана с фольклором. Более того, по мере снижения социального статута сочинителя и его удаления от королевского двора неизбежно должно было происходить сближение таких сочинений с местным фольклором и наоборот. Также допустимо, что при подготовке целенаправленных «пропагандистских» текстов учитывались не только возрастные категории и другие особенности «объекта пропаганды», но и специфика его фольклора.

Однако утрата или запрещение инками письма не могли не нанести чувствительного удара именно по сфере культуры, компенсировать который были не в силах даже самые изощренные усовершенствования административного порядка. Потеря оказалась невосполнимой. Вот почему сегодня ученые сумели только лишь разобраться в том, *как* выглядела данная сфера творческой деятельности в Тауантинсуйю. Что же касается *содержания* этого исторически-литературного творчества и как оно выражало духовный мир «империи», то мы можем лишь догадываться либо по сохранившимся «обломкам» строить реконструкцию того, что было на самом деле пять веков тому назад...

Действительно, можно приказать уничтожить письмо и силой заставить хранить в людской памяти не только отдельные стихи, но и целые трагедии. Можно создать настоящий институт «запоминальщиков» официальной истории, легенд, совершенных и даже не совершенных «героических подвигов». Но вот рухнула власть дотоле всемогущих «сынов Солнца», и вместе с ней погибла устная традиция, надежно служившая правителям Тауантинсуйю.

Главный урон понес не фольклор, а официальные историко-героические тексты, и вместе с ними и древнекечуанская драматургия — насколько мы можем судить, наиболее крупная литературная форма того периода. От текстов практически ничего не осталось, если не считать Гарсиласо. Здесь мы вновь возвращаемся к тому, о чем уже не раз говорили: мы убеждены, что «Комментарии» Гарсиласо в своей значительной части «списаны» по памяти именно с инкских исторических и героических текстов. Вспомним, что он сам рассказал нам об этом, не рискнув, правда, поставить все точки над и. Ибо его родные дядья-инки, стремившиеся воспитать маленького метиса в духе традиций «сынов Солнца», могли пользоваться только и именно этими текстами, поскольку они сами были им обучены. Скорее всего, это были адаптированные для детей «учебники» инков, но в подлинности этих текстов сомневаться не приходится. Дядья-инки были усердны и терпеливы. Исподволь они привили своему племяннику не только любовь, но и интерес к истории их «империи». Когда Гарсиласо было уже 16 или 17 лет, он сам обратился к дядьям с просьбой: «...я сказал самому старшему из них... «Инка, дядя, поскольку нет у вас письма, которое сохранило бы то, что хранит память о прошлых делах, [расскажи мне], что ты знаешь о происхождении и начале наших королей?... Кто был первым из ва-

ших инков? Как его звали? От кого он произошел? Как начал он царствовать? С какими людьми и оружием завоевал он эту огромную империю? Каково происхождение наших подвигов?» Инка словно бы возрадовался, услыхав эти вопросы...» (*Г*, 42).

И Гарсиласо стремится почти дословно (насколько ему позволяла память) передать рассказ своего дяди, о чем свидетельствует предупреждение, обращенное к читателю: «...неоднократное повторение слов *наш отец Солнце* было свойственно языку инков...» (*Г*, 43).

Когда Гарсиласо писал эти строки, ему уже должно было перевалить за пятьдесят. Трудно поверить, что он смог восстановить в памяти все инкские тексты. Но он в деталях помнил их содержание, которое и записал.

Конечно, сегодня невозможно определить, что в «Комментариях» является дословным изложением, а что — свободным пересказом текстов инков. Мы можем лишь сожалеть об этом, но гораздо важнее другое: читая «Комментарии», особенно рассказы о царствовании каждого из правителей Тауантинсуйю, их высказывания о религии и морали, мы соприкасаемся с тем единственным, что осталось от устного исторически-литературного творчества великой индейской «империи» Тауантинсуйю. Значение подобного «контакта» трудно переоценить.

Что же касается драматургических произведений инкского периода, то принято считать, что их сохранилось только два. Это уже упоминавшаяся нами героическая трагедия «Ольянтай», или «Апу Ольянтай», а также «Уткха Паукар», повествующая о любви, коварстве, вражде и верности. Судя по сочинениям XVI—XVII вв., авторы хроник того периода ничего не знали о них. Известия о драме «Ольянтай» появились лишь в первой половине XIX в., а полный ее текст был впервые опубликован в 1853 г. С появлением на свет второй драмы также не все ясно до конца [45]. Во всяком случае, наиболее авторитетные исследователи истории Древнего Перу не сомневаются в том, что обе они относятся к доиспанскому периоду.

Все эти, как и другие подобные сомнения, равно как и значительные белые пятна в наших знаниях не только о культуре, но и в целом о цивилизации инков, являются прямым результатом разрушения инкской цивилизации европейскими завоевателями. Здесь не может быть двух мнений. Однако это не снимает вины и с самих инков, которые в угоду своим политическим интересам лишили культуру народа кечуа такого важнейшего инструмента ее фиксации во времени, как письмо.

Отсутствие письма, отсутствие навыка пользоваться им, отсутствие потребности, обычая, наконец, привычки писать — все

---

[45] См.: *Зубрицкий Ю. А.* Апу Ольянтай — памятник культуры народа кечуа.— В кн.: Культура индейцев. М., 1963, с. 254—270.

это самым пагубным образом дало себя знать в критический момент истории государства инков.

Такому утверждению есть прямое доказательство. Вспомним, что в период конкисты и первых лет колонии не только в Перу были физически уничтожены огромные массы аборигенного населения Нового Света, в первую очередь местная знать и наиболее близкие к ней социальные группы, к числу которых относились хранители религиозных и исторических традиций. Но в условиях Перу уничтожение последних означало уничтожение и самих традиций, поскольку сохранность древних текстов обеспечивалась путем их заучивания наизусть. Что же касается идеи перенесения на бумагу этих священных текстов (а они все считались таковыми), то она должна была показаться индейцам чуждой, если не кощунственной, особенно когда речь шла об их богах или священной особе Инки.

Завоевание царств индейцев майя проходило примерно в таких же условиях, если не худших. Но в отличие от инков майя знали и пользовались письмом (знать и жречество). Их священные тексты не зависели от памяти и даже жизни тех, кому они были поручены. Вот почему они не только попытались сохранить свои иероглифические рукописи, но и легко пошли на то, что инкам казалось богохульством: они переписали латиницей какую-то часть священных иероглифических «тетрадей». Именно так, в записях латиницей оригинальных текстов майя-киче до нас дошли такие великолепные образцы духовного творчества этого великого народа, как знаменитые «Книги Чилам Балам» и неповторимый «Пополь Вух», переведенный на русский язык и изданный в Советском Союзе [46].

К сожалению, подобных творений гения кечуанского народа, исключая «Ольянтай» (да и то с оговорками), не сохранилось, хотя о Перу и его завоевании было написано более сотни хроник, а о майя – практически одна-единственная книга, имеющая серьезное научное значение,— «Сообщение о делах в Юкатане» Диего де Ланда [47].

Нет и не может быть сомнений в том, что такая выдающаяся цивилизация древности, как цивилизация инков, располагала не одним, а многими замечательными творениями, подобными трагедии «Ольянтай», и иными проявлениями творческого гения этого талантливого народа. Зато есть все или много оснований сомневаться в том, что они, эти творения, будут когда-то обнаружены, если исключить возможность появления новых хроник, сообщений и историй, написанных испанцами и все еще скрывающихся в архивах или частных коллекциях. Ибо прав был Гарсиласо, говоря о бренности усилий правителей Тауантинсуйю, пытавшихся с помощью устных традиций сохранить потомкам

---

[46] *Пополь Вух.* Родословная владык Тотоникапана. М.— Л., 1959.
[47] *Ланда Диэго де.* Сообщение о делах в Юкатане. М.— Л., 1955.

свою историю, «потому что [только] письмо делает вечными дела...» (*Г*, 360).

Не позаботились и испанцы о сохранении устных традиций инков. Одни из них ничего не поняли. Другим было не до традиций. Третьи, например «потрошитель» ереси Альборнос, у которого одно время служил Гуаман Пома, предприняли все, чтобы уничтожить эти традиции, если нужно, то вместе с самими индейцами. Когда же такие люди, как Гарсиласо, спохватились, было уже поздно. «Память дарит мне одну подобную песню»,— с горечью написал он в своих «Комментариях» (*Г*, 131).

Тольку одну из тысяч. Печальный урок преподала история человечеству на примере инков-прагматиков.

РЕЛИГИЯ В ТАУАНТИНСУЙЮ

Теперь нам предстоит рассмотреть сложный и, наверное, самый трудный вопрос — религию инков. Важность его очевидна, ибо речь идет о мировоззрении древних перуанцев. Сложность же порождена тем, что пишут об этом люди, являвшиеся и стремившиеся показать себя ревностными католиками, а католицизм, как известно, не отличался веротерпимостью, особенно во времена средневековья. Инки же были язычниками и потому еретиками (по крайней мере потенциально). Писать же о ереси в те времена было опасным занятием. Эти обстоятельства наложили свой отпечаток на хроники, снять который трудно, а порой и невозможно.

Итак, инки были язычниками и идолопоклонниками. Сьеса полагает, что они признавали бессмертие души и наличие «Творца» вселенной (*А*, 13) по имени Тисивиракоча (*А*, 17). Но он не был верховным божеством инков — эта честь принадлежала Солнцу (*А*, 17). «Некоторые индейцы говорили,— пишет он,— [что] имелось четыре неба, и все утверждали, что местом пребывания и жительства Бога Творца мира было небо» (*А*, 80, 81). Что же касается христианского «конца света», то индейцы лишь смеялись над подобным утверждением испанцев (*А*, 81).

Сьеса указывает, что в Тауантинсуйю был не один, а несколько главных храмов. Он ставит на первое место храм Кориканча в Куско. За ним (по значению) следуют холм Гуанакуаре, храмы Вильканота, Уака Анкокагуа, Коропуна, Аперуа, Пачакамак и другие (*А*, 85—87). Правда, из текста можно понять, что только первые четыре были главными, хотя все хронисты называют Пачакамак среди самых главных святынь.

Главным религиозным праздником инков у Сьеса является Атинилайне (*А*, 90), или Атринлайсме (*А*, 91), что, видимо, следует читать как Атун Райми. Он ошибочно указывает, что праздник совпадал со сбором урожая маиса, картофеля, кенуи, оки, называя при этом месяц август, хотя, как пишет Гуаман Пома, август был «месяцем посевов» (*В*, 249). Сьеса говорит,

что праздник Атун Райми был посвящен Тисивиракоче, а также Солнцу, Луне и другим божествам. Жрецы читали в храме Солнца свои «проклятые псалмы»; колдуны, «которым очень доверяли», делали предсказания на новый (видимо, сельскохозяйственный) год; имели место жертвоприношения и всеобщее пьянство — пили чичу, которую готовили и разносили (?) девственницы (*А*, 90, 91). В центре главной площади Куско сооружался «их театр», украшенный драгоценностями; над ним возвышалась «фигура» Тисивиракочи, ниже — Солнца, еще ниже — Луны и так далее. «...Мы знаем весьма достоверно,— заверяет Сьеса,— что ни в Иерусалиме, ни в Риме, ни в Персии, ни в какой-либо иной части света, какими бы ни были там государства и короли, не собиралось вместе в одном месте такое богатство в виде золотого и серебряного металла и камней, как на этой площади Куско, когда они отмечали этот и другие праздники...» (*А*, 92).

На площадь выносились также забальзамированные тела умерших сапа инков (bultos), но только хороших правителей, а не плохих.

Атун Райми длился 15—20 дней. В нем принимала участие вся знать Куско, включая правителя. После обильного обжорства и пьянства мумии усопших инков-правителей водворялись в их «дома», и на этом торжество заканчивалось.

Примерно так же, исключая отдельные детали, этот праздник проходил во всей «империи» (*А*, 93).

Сьеса также дает описание одного из главных ритуалов инкского идолопоклонства, именовавшегося «капаккочей». Однако из его рассказа можно понять, что капаккоча была не ритуалом, а самостоятельным праздником (*А*, 88—90), что является ошибкой.

Еще меньше пишет об идолопоклонстве инков испанский капитан Сармьенто. У него высшее божество инков — Виракоча Пачайачачи. Это творец мира, создавший людей по своему подобию (*Б*, 207). Он также говорит о ритуале «капак коча» [48] (к нему мы еще вернемся ниже), называет «рядовые» праздники [прокалывание ушей у инков и первая стрижка волос, «айтоскай» — рождение инфанта, месячные у женщины (?)], а также ошибочно указывает в этом перечне «капак раймис» (*Б*, 217), который в другом месте справедливо назван одним из главных, а не рядовых праздников (*Б*, 248).

Среди главных праздников у Сармьенто фигурируют четыре: Райми, или Инди Райми — праздник Солнца [49]; второй из них — праздник посвящения в рыцари (ошибочно назван «капак райми»); третий — «Ситуай»— день очищения от хвори, «похожий, как пишет Сармьенто, на праздник Сан Хуана» у католиков;

---

[48] Индейские имена и названия даны в транскрипции каждого из хронистов.

[49] С нескрываемым и гораздо большим интересом, чем о самом празднике, Сармьенто пишет об исчезнувшем при испанцах знаменитом «золотом канате» длиной 150 брас (примерно 250 м), который был обязательным атрибутом этих торжеств.

праздник «Аморай» (смысл которого не расшифровывается), когда все инки, встав по ранжиру, брали свой золотой канат и с песней шагали из «Дома Солнца» на главную площадь Куско; площадь окружала «марома» (канат), «...что называлось морой Урко (?)» (*Б*, 237).

Естественно, что все, что было у инков связано с идолопоклонством, являлось прямым порождением тлетворных ухищрений и козней самого сатаны. Сармьенто в этом не сомневался.

Гуаман Пома начинает с любопытнейшего утверждения, что до инков в Древнем Перу не было язычников, поскольку индейцы не поклонялись идолам, а они «говорили с Богом неба Руна Камаком» (творец человека.— *В. К.*), который и создал человека по своему подобию (*В*, 73).

Первой же «изобретательницей Уак, идолов, колдовства, волшебства», т. е. языческой «ереси», была не кто-нибудь, а сама родительница Манко Капака — Мама Уако (*В*, 81), ставшая впоследствии его женой и первой Койей (*В*, 120, 121).

Таким образом, инки были язычниками с самого начала; более того, они не признавали «древний закон», который заключался в вере в «Верховного Творца», «Бога-Создателя человека и мира», именовавшегося первобытными индейцами Пачакамак и Руна Рурак (*В*, 119). Из этого легко сделать и удобный для индейца неинки вывод: языческую веру в Тауантинсуйю насадили владыки из Куско.

Но инки все же пришли к пониманию наличия верховного божества — «творца мира и высшего присутствующего (во всем?— *В. К.*) Господина»— Пачакамак Тиксе Кайльяуиракоча (*В*, 286).

Следует указать, что в хронике Гуамана Помы чрезвычайно трудно выявить сколько-нибудь стройную систему не только инкского миропонимания, но даже элементарных слагаемых их идолопоклонства, включая праздники, ритуалы, иерархическую лестницу жрецов и т. п. (*В*, 261—264).

Зато мы находим у него великолепнейший и уникальный материал о региональных религиях, особенностях местного идолопоклонства, названия (индейские!) уак и идолов (*В*, 266—273). Так, Гуаман Пома дает имена главных богов и идолов всех четырех суйю (этих сведений нет у других хронистов): в Чинчайсуйю наибольшим почтением пользовались Уарко Пачакамак и Айсауилька (*В*, 267); в Андесуйю — Оторонго, или тигр (*В*, 269); в Кольясуйю — уаки-идолы (пещеры в горах?) Пукина Урко, Каласирка и Суриурко (*В*, 271), а Кондесуйю отличалось таким великим разнообразием уак и богов, что даже сам Гуаман Пома не счел возможным всех их перечислить (*В*, 273).

Как явствует из текста хроники, перечисленные божества были действующими, т. е. им поклонялись и в годы правления инков. Однако несколькими страницами выше Гуаман Пома написал, что Инка (Тупак Юпанки?) приказал «убить и уничтожить

все поколение тех, что не поклонялся их (инков.— *В. К.*) богам», разрушить их селения, а земли «засеять солью» (*В*, 265).

Но такое утверждение находится в противоречии с тем, что хронист написал прямо следом (*В*, 266—273). Чем же можно объяснить случившееся? Здесь возможны два предположения. Так, первое утверждение могло иметь характер известной уступки в пользу испанцев, о чем говорит типично испанская мера наказания — «засеять солью» пахотное поле. Например, в поэме о герое реконкисты Сиде Кампеадоре мы встречаем прямое указание на подобную кару.

...Прикажет он
Засеять солью поле,–
Отец вспахал его с таким трудом!–

молит Сида-изгнанника не искать приюта в их бедном доме девочка-крестьянка, опасающаяся жестокой расправы короля.

Инки же, как мы знаем, применяли совсем иную форму наказания: они засыпали поля и селения камнями (*Г*, 204).

Другое наше предположение — оно кажется более реальным, ибо не исключает первого и стоит ближе к исторической действительности,— состоит в том, что сама последовательность изложения как бы указывает на прямую связь между событиями: в процессе завоевания других царств и провинций инки могли применять самые жестокие меры для подавления противника, но однажды установив свои порядки, в том числе поклонение Солнцу как верховному божеству, они разрешали местным жителям поклоняться также и своим прежним идолам и богам. Такое объяснение позволяет понять, почему после преследования «иноверцев» их боги продолжают активно действовать.

Не менее уникальны разделы рукописи Гуамана Помы, посвященные праздникам (не религиозным, хотя и не полностью гражданским), песням, танцам и музыке как самих инков (*В*, 318, 319), так и других индейцев (*В*, 315—327); о них частично было рассказано в предшествующем разделе.

Как всегда у него много любопытнейших деталей, правда не бесспорных. Так, «жителей, у которых не было их (идолов.— *В. К.*), приказывали убить» (*В*, 280) [50]. А когда идолы и уаки перестали отвечать Уайна Капаку, он приказал их разрушить (*В*, 113).

Теперь вернемся к вопросу о капаккоче. О ней рассказывают

[50] Интересно, что именно эта страница рукописи завершается заверениями, что «все написанное о жрецах я знаю, потому что путешествовал, служа Кристобалю де Альборнос, генеральному королевскому визитатору Святой Матери Церкви, который приказал разрушить все уаки, идолы и всех колдунов этого королевства. Он был Судьей Христианином» (*В*, 280).

все хронисты, исключая Гарсиласо. И это понятно, ибо Гарсиласо практически в одиночку борется со всеми историками и хронистами, утверждающими, что у инков имелись человеческие жертвоприношения.

Сарменто прямо пишет, что капаккоча, введенная Манко Капаком, представляла собой принесение в жертву девочек и мальчиков (*Б*, 217). В другом месте он пишет: «Капак коча, что значит зарыть живыми в землю нескольких детей пяти или шести лет, преподнесенных дьяволу с великой церемонией и множеством сосудов из золота и серебра» (*Б*, 237).

Предоставим слово Гуаману Поме. Капаккоча — это закапывание 500 невинных детей. Оно совершается в июне во время праздника Инти Райми (*В*, 247). В декабре, когда отмечался день солнцестояния, также закапывали 500 детей (*В*, 259). Было запрещено брать больше чем один раз в одной семье одного ребенка для жертвоприношений; детей отбирали без единого пятнышка на теле, а заклание (?) производилось в храме Кориканча (*В*, 262).

Сьеса также не отрицает, что у инков практиковалось человеческое жертвоприношение. Так, он говорит, что рядом с храмом Кориканча имелось помещение, «куда размещали белых лам, и детей, и взрослых, которых приносили в жертву» (*А*, 83). Он, однако, оговаривает, что жертвоприношения совершались только в некоторых храмах, а не во всех, как считали испанцы (*А*, 88). В другом месте Сьеса отрицает, что жертвоприношения носили массовый характер. Он пишет, что так говорят испанцы, «стремясь тем самым прикрыть наши крупнейшие ошибки и оправдать дурное обращение, которое мы к ним (индейцам.— *В. К.*) проявили» (*А*, 79) .

Отмеченное Сьесой стремление испанцев оправдать свое дурное обращение с индейцами обвинениями в их адрес, в частности в массовом приношении в жертву человеческих жизней, как раз и заставило Гарсиласо пойти на ряд искажений в своем рассказе о религии инков.

В чем же они выразились? Главным образом в двух моментах: во-первых — и это главное — Гарсиласо попытался доказать, что идолопоклонство инков достигло такой стадии своего развития, когда оно могло безболезненно перерасти в монотеистическую христианскую веру; он даже рискнул заявить, что «инки следовали подлинному богу, нашему господину» (это название II главы Второй книги «Комментариев»).

Свое решительное утверждение он подтверждает следующим образом: «Помимо преклонения Солнцу, как зримому богу, которому они приносили жертвы и устраивали великие празднества [...], короли инки и их амауты, которые были философами, шли с естественным горением [...] за *подлинным создателем неба и земли, всевышним богом и господином нашим...* которого они называли Пача-камак...» (*Г*, 72; курсив мой.— *В. К.*).

Ложность подобного утверждения была очевидной. Поэтому Гарсиласо не только пытается защитить свою «концепцию», но и умело оставляет пути для отступления, ибо слишком серьезен и грозен возможный оппонент — католическая церковь.

Вот почему Гарсиласо сужает до минимума число тех, кто уже постиг, по его мнению, истинную веру — это короли инки (даже не весь многотысячный клан, а только его верховный глава!) и философы-амауты, которых насчитывались единицы. Теперь если, скажем, он ошибся, то «величина» его заблуждения исчислялась единицами. К тому же одновременно отпадала «ответственность» за тысячи уак, идолов и языческих храмов: утверждать, что они принадлежали к «истинной вере», было бы полнейшим безумием.

Защита строилась по-другому. «На вопрос, кем был Пачакамак, они отвечали,— поясняет Гарсиласо,— что он был тем, кто дает жизнь вселенной и поддерживает ее, но они не знают его, потому что не видели его, и поэтому не возводят ему храмы, не приносят жертвы; однако они поклоняются ему в своем сердце (т. е. умственно) и считают его неизвестным богом» (*Г*, 72).

«Оказывается», индейцы полагали, что Пача-камак, или Тиси Виракоча[51], был невидимым и неосязаемым богом, по причине чего в Тауантинсуйю отсутствовало богослужение в его честь. Следовательно, индейцев или их господ-инков дóлжно обвинять не в «ереси», а в невнимании либо в недопонимании значения религиозных обрядов, что, конечно, было меньшим и менее наказуемым грехом.

Так или приблизительно так мог рассуждать Гарсиласо, стремившийся снять с инков страшнейшее из обвинений испанцев — их принадлежность к язычеству.

Другим очевидным искажением Гарсиласо в вопросе религии является полное отрицание практики человеческих жертвоприношений инками и подвластными им народами. Правда, делает он это «устами» самих испанцев — конкистадоров. «Я являюсь свидетелем,— пишет Гарсиласо,— который много раз слышал, как мой отец и его современники сравнивали два государства — Мексику и Перу, разговаривая, в частности, о человеческих жертвоприношениях и поедании человеческого мяса, и они так хвалили инков из Перу за то, что у них не было и они не допускали этого...» (*Г*, 89). Не успокоившись на сказанном, он еще раз повторяет: «Возвращаясь к жертвоприношениям, мы говорим, что инки не имели и не разрешали приносить в жертву взрослых и детей, пусть даже речь шла о болезни их королей...» (*Г*, 90).

Упоминание о детях, приносившихся в жертву, достаточно красноречиво говорит о том, что Гарсиласо знал о ритуале капаккоча. Но он каждый раз, когда повествование предоставляет

[51] На с. 74 Гарсиласо указывает, что второе имя ошибочно приписано этому богу, хотя, судя по единодушному мнению хронистов, он сам ошибается в данном вопросе.

ему такую возможность, настойчиво отрицает практику человеческих жертвоприношений у инков. Более того, он пишет, что инки решительно запрещали этот ритуал там, где он имел место (*Г*, 100).

И все же ему самому приходится рассказать о человеческих жертвоприношениях у инков. Чтобы не опровергнуть самого себя, свою концепцию о высоком гуманизме инков, а главное не дать собственной рукой испанцам козырь, оправдывающий все их зверства, Гарсиласо решительно заявляет о добровольном характере этого жертвоприношения, связанного со смертью инки-правителя. «Они сами обрекали себя на смерть или принимали ее из своих рук из-за любви, которую испытывали к своим господам... было бы величайшей бесчеловечностью, тиранией и скандалом утверждать,— восклицает он, возражая испанским историкам,— что под предлогом сопровождения своих господ они убивали тех, кого ненавидели. Правда же в том, что они сами обрекали себя на смерть и много раз их оказывалось столько, что начальники удерживали их, говоря им, что в настоящее время хватит тех, кто уходит [с умершим]...» (Г, 349, 350).

Столь упорное отрицание человеческих жертвоприношений в языческом Тауантинсуйю сегодня представляется малооправданным и ненужным занятием, поскольку оба явления — язычество и принесение в жертву человека — были свойственны практически всем народам (очень разумно написал об этом Гуаман Пома в своем «Прологе»). Но Гарсиласо, повторяем, интересовала не столько историческая правда, сколько «аргумент» морального порядка, обезвредить который он стремился всеми силами[52].

Однако эта борьба, к счастью, не помешала ему подарить миру великолепнейший материал об идолопоклонстве инков, хотя и требующий обязательного просеивания сквозь очистительное от христианского мировоззрения «сито». Последнее относится прежде всего к первым главам «Комментариев» (беря последовательность изложения религиозной проблемы, разбросанной по всей хронике); в частности, это главы от I до X 2-й книги (*Г*, 68—94). Именно здесь мы находим рассуждения Гарсиласо о «подлинном боге» (гл. II), о наличии у инков креста в одном из храмов Куско (гл. III), о бессмертии души, как оно понималось философами-амаутами (гл. VII), и т. п.

Он пишет, что инки, имея в своем распоряжении двух верховных божеств — видимого и невидимого — поклонялись только

---

[52] Нужно сказать, что настойчивость Гарсиласо в данном вопросе убеждает читателя в его правоте. Невольно начинается поиск фактов, которые подтвердили бы отсутствие у инков человеческих жертвоприношений. Так, сразу же вспоминается активная политика поощрения деторождения, действовавшая в Тауантинсуйю (Г, 273, 274) (о ней подробно будет сказано в VI главе), высокая стоимость человеческой жизни — смертная казнь женщины за умышленный аборт (*В*, 185). На фоне этих и схожих фактов принесение в жертву людей инками кажется еще более проблематичным.

первому из них — Солнцу «за его естественное превосходство и за благодеяния» (*Г*, 70, 71). Гарсиласо отрицает поклонение индейцев другим идолам или божествам как богам, например Луне, Грому и Молнии (*Г*, 71), стоявшим совсем рядом с Солнцем в пантеоне инкских богов. Это, как нам представляется, и есть одно из главных «исправлений» Гарсиласо в религиозных воззрениях инков. Ибо если согласиться с подобной ситуацией — с наличием множества богов, то не может быть и речи о монотеизме, к которому Гарсиласо настойчиво подводит идолопоклонство инков. Схожие «доказательства» мы находим и в главе «О множестве богов, которых испанские историки по неточности приписывали индейцам» (*Г*, 77—81), что видно даже из ее названия.

Не знали индейцы и о том, что «дьявол» сбивал их с «истинного пути», принимая образы разных идолов и даже самого Пачакамака. «...В результате этого обмана,— пишет Гарсиласо,— они преклонялись перед теми вещами, из которых с ними говорил дьявол, воображая, что это и есть божество, о котором они думали, ибо, если бы они поняли, что это был дьявол, они сожгли бы их так, как это делают сейчас благодаря состраданию господа, который пожелал дать им знать о себе...» (*Г*, 73).

Здесь типичный образец попытки Гарсиласо снять с индейцев ответственность за «еретические заблуждения», поскольку они, по мысли Гарсиласо, явились результатом прямого обмана дьяволом, сатаной. И действительно, если в католической Европе, где христианство господствовало уже не одно столетие, все еще пылали костры аутодафе в подтверждение «успехов сатаны», то что было делать бедным индейцам, к которым так поздно, как думал Гарсиласо, пожелал сойти сам господь бог? Такая постановка вопроса (или схожая) давала какие-то шансы оправдать язычество инков. Но в ней было слишком много слабых мест...

«Инки-амауты,— объясняет читателю Гарсиласо,— считали, что человек состоит из тела и души и что души были бессмертным духом, а тело было сделано из земли, ибо они видели, как оно превращается в нее, и называли они его *хальпа-камаска*, что означает *одухотворенная земля...* Они верили, что после этой существует другая жизнь — со страданиями для плохих и покоем для хороших [людей]. Они делили вселенную на три мира: небо они называли *Ханан Пача*, что означает *высокий мир*, куда, говорили они, уходят хорошие [люди], награждаемые за добродетели; они называли *Хурин Пача* этот мир зарождения и разложения, что означает *низкий мир*; они называли *Уку Пача* центр земли [53], что означает *низший мир там внизу*, в котором говорили они, остаются плохие, а чтобы дать ему более крепкое имя, они называли его по-другому, а именно *Супайпа Васин*, что озна-

---

[53] В высказывании наглядно видна приписка характеру знаний инков, ибо из сказанного следует, что инки пришли к пониманию, что земля является шаром.

чает *дом дьявола.* Они не понимали, что другая жизнь является духовной, а не телесной, как эта» (*Г*, 86).

И здесь мы вновь сталкиваемся с той же проблемой: Гарсиласо переносит чисто христианские понятия в языческую среду, отчего последняя «выигрывает» в глазах католического читателя...

Совсем по-иному написаны разделы, рассказывающие о реальных воплощениях идолопоклонства инков. В них не ощущается присутствия «католического ока», и со страниц хроники встают живые и достоверные картины, потрясающие воображение читателя. Мы словно видим народ, зачарованный таинствами близкой ему по мироощущению и миропониманию религии, с которой он рождался, жил и умирал. Бог-Солнце — на безоблачном небе; божественное Солнце — в золоте и серебре украшений его сынов-правителей, жрецов и даже их домов — храмов и дворцов, манивших на землю своим великолепием Отца, Господина и Покровителя всех солнцепоклонников.

Естественно, что у солнцепоклонников, каковыми являлись инки, главный праздник посвящался солнцу. Это был Интип Райми — торжественный праздник Солнца. Не менее естественно и то, что его отмечали в связи с особым положением солнца на небе — июньским солнцестоянием (*Г*, 383), когда Солнце было ближе всего к своим сыновьям-инкам и его лучи почти отвесно падали на землю (а в Кито — просто отвесно, «за что» и полюбил так сильно этот город Инка Уайна Капак). То было типичное идолопоклонство, ибо «они посвящали этот праздник Солнцу в знак признания и преклонения как высшему, единому и всеобщему богу, который своим светом и могуществом *растил и поддерживал все, что имелось на земле*» (*Г*, 383; курсив мой.— *В. К.*). На нем присутствовали все инки, включая правителя, и вся инкская знать. «А когда Кураки не могли прийти... они направляли на него своих сыновей и братьев...» (*Г*, 384).

Гарсиласо пишет, что на празднике роль верховного жреца брал на себя сам сапа инка (*Г*, 384), однако, судя по его же описанию ритуалов торжества, Инка брал на себя другую роль — роль Солнца. Так, совершив акт преклонения первым лучам солнца, «...вставал король — остальные же продолжали сидеть на корточках — и брал в руки два больших золотых сосуда, которые назывались *акильа*... Эту церемонию он совершал (как перворожденный) от имени Солнца...» (*Г*, 386).

Кураки и их приближенные «приходили в своих самых парадных одеяниях, которые только и могли придумать: на одних была одежда, покрытая золотом и серебром... другие приходили точно такими, какими изображают Геркулеса, одетого в шкуру льва, а на голову индейцы надевали львиную голову, ибо они похвалялись своим происхождением от льва» (*Г*, 384). Другие индейцы украшали себя крыльями кунтура (кондора) на манер как «рисуют ангелов»; другие — одевали «специально изготовленные маски самых отвратительных, какие только можно представить,

физиономий... Другие кураки несли другие, присвоенные им (инками.— *В. К.*) знаки своей геральдики. Каждый народ нес свое оружие, с которым он сражался на войне...» (*Г*, 384). «Они несли изображение [...] подвигов, совершенных ими на службе Солнцу и инкам; они приходили с огромными барабанами... и трубами, приводя с собой множество исполнителей, которые на них играли; иными словами, каждый народ приходил в самых лучших своих украшениях [...] и в возможно лучшем сопровождении...» (*Г*, 385).

Гарсиласо не менее подробно, а главное со знанием дела, описывает, как готовились предметы для жертвоприношений (в их число обязательно входили ламы), обильное угощение для всех участников торжеств (*Г*, 385). Он также рисует в деталях порядок самих ритуалов (кто за кем шел и кто куда допускался, ибо участие в празднике инков и неинкской знати было совсем неодинаковым), включая жертвоприношения (*Г*, 383—390).

Затем начинался общий «банкет». «Сидя в своем кресле из литого золота, стоявшем на подставке из того же [металла], инка посылал своих родичей... чтобы они от его имени подняли бы тост в честь самых известных индейцев из других народов» (*Г*, 390). Первым оказывалась честь самым храбрым капитанам; затем «куракам из округа Коско» и т. д., но не всем, а по выбору и только самым выдающимся людям «империи», которых Гарсиласо называет «самыми большими друзьями всеобщего блага» (*Г*, 391). Другим капитанам и куракам предлагали «выпить» другие инки; здесь также соблюдался принцип «соответствия достоинства» пьющих — чем выше был инка по своему положению в клане, тем выше должны были быть достоинства его «партнера».

Приглашенные к Инке «подходили без слов, только с жестами поклонения» — это был «возвратный тост» (*Г*, 392). При этом принимавший приглашение оставлял у себя один из парных сосудов, которые имелись для подобного и других праздников. Отмеченный вниманием Инки капитан становился обладателем «святыни», каковыми являлись все предметы, принадлежавшие правителю. А Инка оставлял у себя один из парных сосудов капитана. Не нужно много фантазии, чтобы догадаться, что сосуды капитанов и курак, посылавшиеся инкам, были из золота и серебра.

Все религиозные ритуалы совершались только в первый день; остальные восемь дней проводились «с изобилием еды и питья» (*Г*, 392). После этого, получив разрешение Инки, кураки и другая знать отправлялись домой.

Если Инка почему-либо отсутствовал (война, визитации), то его заменяли «губернатор инка» и верховный жрец; тогда приглашались кураки лишь из близлежащих провинций (*Г*, 393), видимо в целях общей экономии.

Вторым главным праздником инков был Вараку; «оно (слово.— *В. К.*) звучит так же, как по-кастильски посвящение в ры-

цари, поскольку обозначает вручение юношам королевской крови знаков отличия мужчины и приобретение ими права как участвовать в войне, так и занимать посты [в государстве]» (*Г*, 393). Его отмечали ежегодно или один раз в два года (видимо, в зависимости от надобности). Участникам посвящения должно было быть более 16 лет. Их — «новичков»— изолировали от родителей и друзей, чтобы они прошли ряд физических и морально-психологических испытаний.

Новички упражнялись оружием и несли караульную службу; им «наносили жестокие раны плетеными палками из тростника», а учителя-экзаменаторы смотрели, как они реагируют на боль («реагирующих» с позором изгоняли). Построив новичков в два ряда, лучший из лучших капитанов, в совершенстве владевший дубинкой—маканой, фехтовал у них прямо перед носом, угрожая страшными увечьями, а «им подобало стоять неподвижно, словно скала, о которую разбивается море и ветер» (*Г*, 395).

Проверялось умение новичков-соискателей изготавливать и чинить оружие, одежду, обувь (*Г*, 396). Одновременно им «читались» легенды и истории о происхождении инков и об их героических делах (Гарсиласо не пишет, что новичков экзаменовали по этим «предметам», хотя такой экзамен представляется обязательным). Они спали на земле, ходили босыми и совершали «все другое, имевшее отношение к войне, чтобы на ней они проявили бы себя добрыми солдатами» (*Г*, 397).

Финальным экзаменом-соревнованием был бег; победитель становился капитаном. Также капитаном по праву крови провозглашался принц-наследник (без борьбы). Во всех же других упражнениях он не пользовался привилегиями; наоборот, старые инки-капитаны были к нему более суровы, чем к остальным новичкам (*Г*, 397, 398).

Всем, кто с успехом прошел экзамен, вручались инкские знаки отличия, включая прокалывание ушей, чтобы вставить в мочки круглые диски.

На церемониях награждения присутствовала вся знать, включая инку-правителя, который сам чествовал победителей (*Г*, 398—401).

Третий главный праздник назывался Куски-райми; «он отмечался, когда сев уже был завершен и произрастал [...] маис» (*Г*, 437). Это был сельскохозяйственный праздник, и к солнцу обращались по чисто «аграрным вопросам»— холод, тепло, дождь должны были регулироваться им в соответствии с требованиями выращиваемых культур (*Г*, 437, 438).

Четвертый главный, или торжественный, праздник назывался Ситва. Это был праздник изгнания болезней и всех других «печалей и трудностей». Он также был увязан с «поведением» солнца, ибо проводился в связи с сентябрьским равноденствием.

Кульминацией первого дня был выход из крепости Саксайуаман воина-инки; воин сбегал с холма к центру Куско, где пере-

давал свою эстафету четырем другим воинам, отправлявшимся в четыре стороны света по четырем королевским дорогам. В определенном месте их ждали другие воины, и так из Куско растекался по всей «империи» приказ, «чтобы они, как его (Солнца.— *В. К.*) посланцы изгнали бы из города и его округи болезни и другие беды, которые в нем имеются» (*Г*, 440).

Чрезвычайно интересная деталь: этих воинов считали посланцами войны (раз они вели борьбу со злом — видимо, так это надо понимать?), а не мира, и поэтому их бег начинался из главной крепости инков, а не из храма Солнца.

На следующую ночь (после получения приказа) улицы городов и селений заполнялись бегущими людьми с факелами из соломы; факелы обязательно выбрасывались в ручьи или реки, чтобы вода унесла их из пределов поселений. Встреча с таким (даже погашенным в воде) факелом означала беды, и индейцы бежали от них сломя голову. После «очищения» огнем наступали торжества, ибо одновременно кончался и пост. «В те дни, а также ночи они много плясали и пели и были любые другие проявления удовлетворенности и радости как в домах, так и на площадях, ибо польза и здоровье, которых они достигли, *принадлежали всем*» (*Г*, 441; курсив мой.— *В. К.*).

Выделенные нами слова, равно как и утверждения, подобные тому, что симпатии и особое внимание правителя отдавались тем, кто являлся «самыми большими друзьями всеобщего блага», ясно перекликаются с утверждениями Гарсиласо об инках — покровителях и благодетелях бедных людей, простого народа, жившего в их «империи». И в этом нет ничего удивительного, ибо такова была главная идеологическая концепция инков. Вполне естественно, что религия, обслуживавшая в Тауантинсуйю не столько правящий класс, сколько его руководящую верхушку, не могла не включиться в активное распространение подобных идей.

Они же пропагандировались и по мирской линии. Их должны были внушать уже в самом раннем детстве, для чего можно было использовать обязательное изучение языка кечуа всеми индейцами «империи», а также пропагандистские тексты, о которых говорилось выше. Ну, а воспитывать детей, а точнее, спросить с родителей за их воспитание инки умели. Вот что пишет Гарсиласо по этому вопросу: «Детей прихожан наказывали за совершенное ими преступление, как и всех остальных... даже если это было всего лишь то, что называют детскими проказами. Они проявляли уважение к возрасту [правонарушителя], снижая или усиливая наказание в зависимости от его неведения; а отца наказывали жестоко за то, что он не воспитал и не исправил своего сына с детства... [и] поэтому, помимо естественной склонности к кроткости, которая свойственна индейцам, благодаря родительскому воспитанию дети вырастали такими прирученными, что не было разницы между ними и ягнятами» (*Г*, 98).

*

То, что у инков не было письма, отрицательно сказывается также и на изучении вопроса об их религии. Речь идет не о некоей «великой книге» или «верховном кодексе», отсутствие которых свидетельствует якобы о духовной неполноценности индейцев Перу. Просто современные исследователи вынуждены по крупицам восстанавливать здание мировосприятия инков, их отношение к явлениям природы, к происхождению реально существующего мира и силам, которые создали его вместе с человеком.

Однако в данной сфере отсутствие письма все же менее ощутимо, чем в литературно-историческом творчестве. Ибо здесь имеется меньшая зависимость от подлинных текстов и конкретных деталей, без которых все же можно понять главное и о религии, и о политике, и об идеологии инков в целом, поскольку все эти явления носят надстроечный характер и потому не могут быть оторваны от своего экономического базиса. С этих позиций и следует рассматривать проблему религии в Тауантинсуйю.

Начнем с того, что уже отмечалось выше: все хронисты без исключения внесли свой «вклад» в «христианизацию» инкского идолопоклонства. Их сочинения буквально пестрят словами и понятиями, взятыми из католического лексикона. Так, христианские «дух» и «душа» сразу же нашли свой эквивалент на кечуа — «нуна». «Молитва» и «заклинание» переданы кечуанским словом «айньий», «проклятье» — «ньякай», «троица» — «ильяпа» (гром, молния и ее удар). «Пост», «исповедь», «грех», «отпущение грехов» и еще многие другие понятия при переводе с языка католиков на язык идолопоклонников теряли истинное значение, свой подлинный смысл.

Подтвердим сказанное двумя примерами. Так, индейскому божеству «Супай» благодаря отмеченным особенностям была отведена роль христианского «дьявола» в пантеоне богов индейцев Перу. Между тем с позиции христианского учения все языческие идолы и боги являются «замаскировавшимся» дьяволом либо «плодом» дьявольских проделок. В этих условиях сам собой напрашивается вопрос: если Супай дьявол, то кто же тогда остальные божества инков-язычников?..

В «мире подземелья» — «укчу пача» — испанцами был «опознан» ад, но для индейцев «укчу пача ничем не походил на католический ад; он был лишь миром в глубинах земли, по дорогам которого бродили души», пишет Х. Лара [54]. Точно так же не был раем и «верхний мир» — «ханан пача», ибо в сознании индейцев там обитали одни лишь боги.

Таким образом, мы видим как неточности перевода или толкования отдельных слов и понятий оборачивались приписками христианского порядка, искажавшими религиозные воззрения

---

[54] *Lara J.* La Cultura..., p. 61.

индейцев. К тому же, как пишет Мариатеги, «составители хроник эпохи колониальных времен не рассматривали местные религиозные взгляды и ритуалы иначе, как нагромождение варварских суеверий. Их записи искажают и затемняют содержание местного культа»[55].

Вот почему без учета всех этих особенностей хроник нельзя уяснить суть религии инков.

Итак, инки не были монотеистами, хотя в пантеоне языческих богов Тауантинсуйю имелись свои порядки. Там царствовало два верховных божества — Отец-Солнце как божество «реальное», и Кон Илья Тикси Виракоча — создатель вселенной (включая человека), невидимый и неосязаемый «дух».

Чрезвычайно любопытно то, что инки выбрали именно «реальное» божество для всеобщего поклонения, хотя «дух-творец» стоял выше первого, поскольку был отцом-создателем в том числе и солнца. Видимо, и в этом случае проявился деловой подход инков к чисто «божественным» делам. Ведь солнце всегда находилось под рукой, а растолковать простому индейцу тонкости бестелесного существования духа-божества было несомненно труднее. Кроме того, солнце несло тепло, оно обогревало людей, от него зависели урожаи, и потому именно оно вполне могло требовать для себя особых услуг — выделения части пашни, строительства обителей-храмов и т. п.

К богу-солнцу непосредственно примыкало несколько божеств, игравших вспомогательную роль, хотя вполне самостоятельных в том, что касалось их «поведения» и «сферы деятельности». Это супруга и сестра Солнца Мама Килья — Мать Луна, Ильяпа — одновременно гром, молния и ее удар. К ним относились некоторые звезды, например Часка — Венера, созвездия и радуга — Куичи (появление последней вызывало панику у девушек, ибо существовало поверье, что от радуги можно забеременеть). Они составляли то, что американский исследователь Дж. Элдон Мейсон называл «учрежденной церковью» государства инков, справедливо указав, что подобное явление — единственный случай в доиспанской Америке[56].

Здесь слово «церковь» следует понимать в его наиболее широком значении, поскольку фактически речь идет о государственной религии инков. При этом культ солнца был общенародной религией; поклонение же Виракоче являлось исключительной привилегией избранных, т. е. самих инков. Как утверждает Гарсиласо, инки даже к имени Виракочи-Пачакамака относились с таким почтением, «что не решались касаться его устами» (*Г*, 72). Иными словами, это было сверхбожество, доступное пониманию лишь элиты.

---

[55] *Мариатеги Х. К.* Семь очерков..., с. 197.

[56] *Alden Mason J.* The Ancient Civilizations of Peru (Las Antiguas Culturas del Perú). México, 1962, p. 191.

Вопрос о Виракоче достаточно запутан. Так, Виракоча, насколько можно судить по хроникам, становится божеством инков уже после установления их господства над другими народами, и сам он лишь заимствован инками у одного из покоренных царств.

Далее, его особое положение среди инкских богов не вызывает сомнений. Например, не может не удивить то обстоятельство, что у хронистов нет описания праздников или иных торжеств, специально посвященных Виракоче. Уточним — отсутствуют *публичные* отправления его культа.

Известно, что существовало только два храма Виракочи. Их построили в честь победы над чанками — сюжет, далекий от религии. Один храм — «Кишвар Канча» — находился в Куско, другой — в селении Кача (15 лиг южнее Куско). О степени их важности говорят размеры сооружений: храм в Кача (храм Кишвар Канча был разрушен испанцами) имел по фасаду 90 м, высота сохранившихся стен — 15 м, толщина стен — около двух метров. Судя по руинам, здание было трехэтажным — редчайшее явление для всей аборигенной Америки.

Теперь если мы вспомним, что говорил Гарсиласо об отношении инков к Виракоче-Пачакамаку — боязнь коснуться устами его имени, и сопоставим это с фактом строительства его обители на земле, то невольно возникают сомнения: идет ли речь об одном и том же божестве?

Нелишне будет вспомнить, что у Гарсиласо правителю инков помогает победить чанков не бог-творец, а призрак умершего инки по имени Виракоча. Вот как он, призрак, представляется будущему Инке, пребывавшему в тот момент в опале: «Племянник, я сын Солнца, брат инки Манко Капака... брат твоему отцу и всем вам. Меня зовут Вира-коча Инка...» (*Г*, 238). Скажем прямо, что строительство храма в честь такого спасителя «империи» представляется куда более реальным делом.

Другой особенностью идолопоклонства в Тауантинсуйю являлось то, что сами храмы были наглухо закрыты для основной массы населения. Туда допускались только Инка и часть инков-жрецов. Моление же («муча» — поклонение богам) проводилось прямо на городских площадях, а в непогоду — в крытых помещениях. В них одновременно могли разместиться несколько тысяч человек.

Вся эта огромная людская масса была непосредственным участником культовых отправлений, а не пассивным наблюдателем. Естественно, что «сыны Солнца» играли ведущую роль во всех спектаклях идолопоклонства, но сам ритуал поклонения был всеобщим.

Всеобщим было также поклонение идолам-уакам, близким по своему характеру к тотемам. Каждый индеец имел свои уаки (помимо родовых и общинных). Уаками могло быть буквально все. Х. Лара отмечает любопытнейший факт. Испанцы — потро-

шители языческой веры допустили серьезный недосмотр: они не смогли уничтожить эхо в горах, являвшееся уакой[57]. По существу и солнце следует считать «общеимперской» уакой.

Не совсем понятно место и значение такого важного для земледельцев божества, как мать-земля — пача мама. Создается впечатление, что культ земли хотя и был всеобщим, однако не носил организованного характера. Для Тауантинсуйю это представляется весьма странным. Примерно таким же было и положение океана, кормившего жителей побережья.

В случае с пача мамой мы вновь сталкиваемся со сложностями, порождаемыми отличными восприятиями слов и понятий европейцами-христианами и индейцами-язычниками. Для индейца слово «пача» означало не только землю, но и «мир» (выше уже говорилось об этом). Более того, оно образовывало сложное понятие-символ «пространство—время», предполагавшее соединение космического пространства с временны́ми циклами[58].

Виктория де ла Хара, много лет занимающаяся дешифровкой инкской символики на знаменитых сосудах кэро[59], считает, что ей удалось выявить в рисунках знак «пача». Как полагает перуанская исследовательница, это был основной знак, лежавший в центре всех космогонических построений инков. В сочетании со знаком «анан» («ханан») он символизировал уже известный нам «верхний мир», т. е. инкское небо. Исследовательницу несколько смущает то обстоятельство, что знак-рисунок «анан-пача» был всегда красного цвета, однако вполне допустимо, что красный цвет должен был символизировать в нем солнце, а заодно и клан инков (из хроник известно, что цвет Сапа Инки в кипу всегда был красным).

Если допустить, что все сказанное выше более чем рабочая гипотеза, то на основании символики на кэро, являющейся «документом» доиспанского периода, возникают в свою очередь два интересных предположения. Во-первых, не имеем ли мы в данных символах на кэро доказательство того, что инки искали пути объединения своего реального божества Солнца (красный цвет, столь нехарактерный для неба) с невидимым богом — творцом Виракочей, «хозяином» космического «времени-пространства» (знак «пача»)? Такое положение означало бы существенный шаг в сторону монотеизма. И, во-вторых, может быть, Гарсиласо не так уж не прав, когда пытается доказать, что «истинным богом» инков был Пача-камак, значение имени которого напомним, он объясняет следующим образом: «...Это имя составлено из [слов]

---

[57] *Lara J.* La Cultura..., p. 51.

[58] Л. Валькарсель в подтверждение второго значения слова *пача* приводит следующие словообразования на кечуа: *пурунпача* — самое древнее время; *ньяупапача* — древние времена; *пачакути* — период в 500 лет (*Valcarcel L.* Historia del Perú Antiguo, t. I, p. 59).

[59] Мы придерживаемся точки зрения Ю. В. Кнорозова, что знаки на кэро — не письмо, а высокоразвитая символика.

пача, что означает *мир, вселенная*, и из *камак*, являющегося причастием настоящего времени от глагола *кама*, означающего *оживлять*, а этот глагол происходит от слова *кама*, что означает *душа*...[что]...во всем подлинном значении означает: *тот, кто делает со вселенной то, что душа с телом*» (*Г*, 72).

Философы и ученые-амауты Тауантинсуйю не могли не искать пути более совершенного объяснения окружающего мира, угодного инкам и укрепляющего их власть. Такой идеальной моделью, как мы знаем сегодня, мог стать только монотеизм. Их движение к монотеизму кажется не просто реальным — уже был сделан вполне конкретный шаг в этом направлении: учреждение единого для всей «империи» верховного божества. Объединение этого божества с духом-творцом также стояло на повестке дня, ибо таковы были социально-политические требования созданного инками общества.

Но в Тауантинсуйю рядом с многочисленными богами инков и индейцев кечуа мирно сосуществовало великое множество идолов и богов других этнических групп, входивших в состав империи. Веротерпимость в обмен на признание всеобщим верховным божеством «отца-солнца» была оправдана на том историческом этапе. Она помогала земным делам — удержанию в непрерывно расширяющихся границах «империи» пестрого конгломерата племен и народов, вынужденных признать господство владык из Куско. «Инкская церковь,— пишет Мариатеги,— больше стремилась подчинить себе богов этих народов, чем преследовать и покорять их» [60].

Обилие богов, путаница в их именах и «национальной» принадлежности, сложность во взаимных «отношениях» затрудняют наше восприятие религиозного мира Древнего Перу. Но он действительно был таким — сложным и непонятным. Как справедливо пишет Альфред Мэтро, «религия Инков, по мере того, как мы познаем ее, представляется смесью природных культов, элементарного фетишизма, анимистских верований, теологических взлетов и сложных и изысканных церемоний, сильно окрашенных в цвета магии» [61].

Однако вся эта сложность, затрудняющая получить достоверную картину «комплекса идолопоклонства» Тауантинсуйю, не мешает увидеть и понять идеологические и социально-политические функции религии инков, а они-то и являются главным вопросом при изучении любой религии. Как пишет Х. Лара, в Тауантинсуйю религия «защищала привилегии и незыблемость власти господствующего класса, той самой власти, которая, приписав себе божественное происхождение, выдавала себя за единственную власть, призванную возглавить и наставить на истинный путь все народы» [62].

---

[60] *Мариатеги Х. К.* Семь очерков..., с. 199.
[61] *Metruax A.* Les Incas. Le Seuil. Paris, 1961, p. 115.
[62] *Lara J.* La Cultura..., p. 63.

Пропагандистский лозунг инков об их цивилизаторской миссии на земле как раз и был концентрированным выражением сущности идеологии правителей Тауантинсуйю, их мировоззрения, религии, наконец, политической практики, или, точнее, ее теоретического обоснования. В нем выражена и *мораль* инков. Более того, «религия кечуа была прежде всего сводом правил морали, а не метафизической концепцией»,— указывает Мариатеги [63]. Решительно утверждая и пропагандируя идею непогрешимости инков, Гарсиласо (скорее всего, непреднамеренно) лучше всех показал классовый характер этой морали, *морали господствующего класса.*

Но картина идеологической и политической жизни Тауантинсуйю была бы неполной, если бы нам были известны моральные «нормы» лишь для правящего класса. В «империи» должна была действовать и другая мораль — мораль для угнетенных масс населения.

И она действительно существовала. Это она своей необычностью так потрясла испанцев, что практически все хронисты, вне зависимости от отношения к инкам, сочли необходимым написать о ней в своих сочинениях. То были хорошо известные три заповеди, составлявшие суть этой морали: «ама суа»— «не будь вором», «ама льльюлья» — «не будь лжецом», «ама кх'элья» — «не будь бездельником». Нельзя не согласиться с перуанским профессором Карлосом Нуньесом Анавитарте, что названные заповеди были не только классовыми по своему характеру, но являлись «отражением классовой борьбы» в Тауантинсуйю, борьбы угнетателей и угнетенных [64]. Уже сама императивность заповедей — безапелляционно сформулированное «не будь» — звучит не как доброе пожелание, обращенное к наставляемому на истинный путь, а как строгий приказ, неподчинение которому грозит тяжелейшими последствиями. Добавим, что такой их характер становится особенно реально ощутимым на фоне моральных «норм» для самих инков, а вернее, на отсутствии таковых (*Г*, 104, 105).

Очень интересны для знакомства с моральным климатом «империи» «нравоучительные высказывания» Инки Пачакутека, которые приводит Гарсиласо (к месту будет сказано, что эти высказывания вполне могли быть «списаны» с устных нравоучительных текстов, использовавшихся инками для обучения-воспитания; Гарсиласо пишет, что он взял их из рукописи Бласа Валеры). Мы воспроизведем только некоторые из них:

«Когда подданные подчиняются во всем, в чем могут, не проявляя какого-либо противоречия, короли и губернаторы должны относиться к ним либерально и милосердно; в противном же случае — строго и справедливо, однако всегда благоразумно.

---

[63] *Мариатеги Х. К.* Семь очерков..., с. 198.
[64] *Nuñez Anavitarte C.* Las Relaciones de Producción y la Moral en la Sociedad Inca. Cuzco, 1959, p. 17.

Судьи, которые тайно принимают подношения от негоциантов и от конфликтующих сторон, должны считаться ворами и как таковые наказываться смертью.

Губернаторы должны обращать внимание и следить с огромным старанием за двумя вещами. Во-первых, чтобы они и их подданные прекрасно соблюдали бы и выполняли бы законы своих королей. Во-вторых, чтобы они с большим вниманием и старанием стремились к общим и частным выгодам своей провинции...» (*Г*, 424).

Не менее ярко проявилась классовая сущность и в высказываниях Инки Рока относительно нежелательности обучения наукам детей плебеев (*Г*, 521; см. с. 327 наст. книги).

Конечно, можно оспаривать авторство этих высказываний, но уже одно то, что Гарсиласо счел необходимым включить их в свой труд, говорит в пользу того, что подобные идеи не были чужды «сынам Солнца».

В заключение нам остается добавить, что, как и при завоевании испанцами Мексики, в Перу религия также нанесла предательский удар по инкам и их царству: бородатые и белолицые конкистадоры оказались настолько «похожи» на самого Виракочу, что их приняли за прибывших из-за моря богов. Пока индейцы разбирались в случившемся «чуде», бородатые виракочи не теряли зря времени.

Что же касается самой религии инков, то ей «недоставало духовной мощи, чтобы устоять перед евангелием»[65]. Каждая из них представляла свою социально-экономическую формацию, и это предопределило результат их столкновения.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ «ИМПЕРИИ»

Название данного раздела соответствует тому, что́ содержат рассматриваемые здесь хроники. И это понятно, ибо авторы той эпохи не могли воссоздать хоть сколько-нибудь полной картины экономической жизни Тауантинсуйю, не говоря уже о том, чтобы раскрыть основные экономические процессы и определить характер социально-экономической формации, к которой принадлежала «империя» инков.

Наличие натурального хозяйства при полном господстве сельскохозяйственного производства в Тауантинсуйю не требует доказательств. Куда интереснее выявить и попытаться разобраться в специфических отклонениях от классических форм развития человеческого общества, порожденных особенностями созданного инками государства. А такие особенности были, и их немало. Обнаруживаются они главным образом в «Комментариях» Гарсиласо. Именно он наиболее подробно осветил специфику организации

[65] *Мариатеги Х. К.* Семь очерков..., с. 197.

труда, из-за которой проглядывают контуры общих закономерностей и характерных черт производственной деятельности инкского общества.

Великолепнейший набор «продуктов» индейского сельского хозяйства дает Гуаман Пома. Вот он (в той последовательности, как изложен в хронике):

Маис шести сортов; картофель; корнеплоды: ока, ольюко, масуа, анью; кинуа; чуньо — замороженный картофель, кауи — замороженная ока; кайя — сушеная юка; тамус — сушеный картофель; ламы; альпаки — гуанако; викунья; луичо — олень; тарука — (?); кууюо — кролик; нунона — дикая утка; юто — куропатка; чичи — речные гусеницы (?); кальампа — морская ракушка; паку — грибы; йуйос — овощи; льячок — овощи для жевания (?); онкена — пресноводная водоросль; окороро — кресс; пакой йуйо и сикля йуйо — разновидности овощей; пинау — стебли цветка (желтого); канкауа — съедобное дикорастущее растение; кусуро — маис (разновидность?); льюльчая — пресноводная водоросль (другой вид?); рунто — яйцо (какое?); чалуа — рыба; юкра — креветка; апанкорай — крабы; апичу — батат (разновидность картофеля); маука — тыква; суйя — арбуз; люмо — юка (разновидность?); поротос — фасоль; йнчик — земляной орех; учу — перец; аснакучу — душистый перец; пука учу — красный перец, рокото учу — крепкий (или большой) перец; качуму — огурцы; банана; уайава — гуайява и другие (*В*, 69) [66].

Этот список можно пополнить сведениями из «Комментариев», ибо Гарсиласо посвятил целых 14 глав (из Восьмой книги) описанию растительного и животного мира Перу до «вторжения» туда европейской растительности и животного мира.

Так кинуа Гарсиласо называет индейским просом или мелким рисом (*Г*, 523). Он указывает, что было три или четыре сорта фасоли (бобов) — пуруту; сравнивает растение тарун (тарука у Гуаманы Помы?) с испанским лупи́ном (*Г*, 524); выделяет полезными свойствами сладкий корнеплод кучучу, плод «пикай, который испанцы называют гуавас» — неопытные испанцы по виду принимали этот фрукт за хлопок (*Г*, 524, 525). Называет пальту, похожую на грушу только внешне, хотя и съедобную, и усун — сливу (*Г*, 525). Также среди фруктов, помимо банана, у него названы ананас — пинья, что по-испански означает «сосновая шишка», и «белая еда» (индейских названий нет). Гарсиласо пишет о том, что в Перу было немало разных орехов, однако не сообщает их названия (кроме мани).

Много внимания Гарсиласо уделил коке — кука, которая играла чрезвычайно важную роль (и продолжает играть!) в жизни индейцев Перу и Боливии. Пожалуй, это единственный случай, когда даже в наши дни наркотическое средство в своем об-

---

[66] Некоторые из названий (слова) нам не удалось прочесть или расшифровать, однако подавляющее большинство «продуктов» дано в настоящем перечне.

наженном виде составляет часть «пищевого рациона» населения целой страны, а тогда — «империи» инков. (Вопрос этот достаточно сложен и, возможно, преднамеренно запутан самими испанцами. Как можно понять из хроник, в «империи» кокой пользовалась только знать, а ее получение простыми людьми считалось чуть ли не высочайшей наградой. С другой стороны, в годы колонии кока стала эффективнейшим средством безжалостного «выжимания соков», особенно из индейцев-шахтеров, убивавшим их буквально за несколько лет труда и обеспечивавшим огромную экономию на питании шахтеров, ибо она не просто заглушала чувство голода, но и заставляла организм работать на наивысшем пределе своих возможностей. Поскольку мы специально не занимались этим вопросом, то воздержимся от высказывания по нему своих суждений.) Коку выращивали на специальных плантациях, принадлежавших самому правителю (*Г*, 532—535).

Таков далеко не полный перечень растительных продуктов питания жителей Древнего Перу. По подсчетам же Л. Валькарселя, в Тауантинсуйю культивировалось около 100 видов полезных растений [67].

Гарсиласо упоминает также и о табаке — «сайри», особенно подчеркивая его якобы лечебные свойства — мнение, широко бытовавшее в тогдашней Европе (*Г*, 535).

Сьеса утверждает, что у инков весь скот «был диким и не было никакого домашнего» (*А*, 53). Гарсиласо же называет ламу «домашним скотом», однако в этом качестве она фигурирует у него лишь как вьючное животное, использовавшееся только на высокогорье. Правда, он больше говорит о ламе как о домашнем животном в период испанского владычества, а не во времена инков. Именно в колонии домашнюю ламу стали широко использовать на мясо (*Г*, 537).

До испанцев на мясо шла только и исключительно дичь (включая тех же лам, но лишь диких), добывавшаяся во время знаменитых «королевских охот» — ««чаку», что означает загонять, потому что они загоняли дичь» (*Г*, 351). Чаку имели место один раз в четыре года в каждом из строго обозначенных «угодий». Во время очередного чаку отлавливалась практически вся крупная дичь — олени, косули, лани, ламы, викуньи и т. д., включая хищников, однако самок и самцов-производителей отпускали на волю. Все остальные животные забивались на мясо, которое сушилось (вялилось) — в таком виде оно называлось чарки, а затем в течение 4 лет распределялось среди жителей района данного угодья. Из «Комментариев» можно понять, что за одно чаку забивалось несколько тысяч голов дичи (*Г*, 288); Сьеса же пишет, что их убивали более 30 тысяч, а в охоте принимало участие 100 000 индейцев (*А*, 51, 52). Часть чаки шла в хранилища для государственных (военных) нужд. Простым же людям разре-

---

[67] *Valcarcel L.* Historia..., p. 103.

шалось заниматься самодеятельной охотой только на мелкую дичь — кроликов, птиц и т. п. (*Г*, 351—354).

Как всегда, Гуаман Пома вводит специфические детали, отражающие индейский колорит: орудиями охоты были лассо, токлья — силок, риуи — (?), пупа — клейкая смесь, льикакон — сеть. Охота была праздником, вторит он Гарсиласо; угодья для охоты назывались «огородами» для разведения дичи, а охота короля — мойя (*В*, 328—330).

Весь дикий «скот» подлежал учету — в отдельных угодьях его «поголовье превышало двадцать, тридцать и сорок тысяч» (*Г*, 352); учет же велся по виду, а внутри его — по раскраске животных (*Г*, 288).

В отличие от Гуамана Помы Гарсиласо пишет, что у индейцев Перу была домашняя «утка» — ньюньюма (а не нунона); возможно, что это разные птицы (*Г*, 544). Зато перечень диких птиц, попадавших на стол, у него значительно расширен. Это местные «куропатки», похожие на «перепелок», пока они еще цыплята; их называли йуту (было два вида этих птиц); лесные голуби — урпи; горлицы — коковай и еще многие птицы, большинство из которых не было объектом охоты (*Г*, 547).

Гарсиласо пишет, что, несмотря на то, что Перу пересекало с востока на запад множество рек, рыбы в них было крайне мало из-за их стремительности и резкой смены уровней по временам года. Он называет только чальву (что на кечуа означает «рыба») и «очень жирную» учи из озера Титикака (*Г*, 553). Про морскую живность, использовавшуюся для питания, он ничего не пишет.

Из всего этого гастрономического разнообразия выделялись, а вернее, безраздельно господствовали над всем остальным маис — сара и картофель — папа. На них держалась «империя»; именно их культивация, достигшая высочайшего уровня в деле селекции и технологии производства, а также хранения, давала тот огромный прибавочный продукт, который не только позволил осуществить грандиозные сооружения, прославившие инков и их «империю», но породил легенду о «золотом веке» всеобщего благосостояния и даже о якобы коммунистическом характере созданного инками общества.

Но этот вопрос — предмет для рассмотрения в следующей главе; здесь же мы ознакомимся с более конкретными аспектами сельского хозяйства Тауантинсуйю.

Улучшив и расширив пахотные земли путем орошения и строительства террас (естественно, силами местных индейцев, которыми руководили присланные инками начальники-камайоки), «они делали промер всех земель, имевшихся в провинции, по каждому селению отдельно, и делили их на три части: одна — для Солнца, другая — для короля и другая — для местных жителей,— рассказывает Гарсиласо о землепользовании в «империи».— Деление на эти части всегда производилось с таким расчетом, чтобы местные жители получали бы достаточное [ко-

личество земли] для посевов... А когда количество людей в селении или провинции вырастало, для вассалов отнимали [землю] от части ...Солнца и части инки... Платформы (насыпные террасы.— *В. К.*) в большей своей части принадлежали Солнцу и инке, поскольку он приказывал построить их» (*Г*, 246).

Прокомментируем это основополагающее высказывание Гарсиласо, кстати, чаще других подвергавшееся критике из-за якобы содержащегося в нем приукрашения политики инков в отношении основной массы населения в самом главном вопросе жизни их государства.

Во-первых, как видно из самого текста, благоустройство земель, сводившееся к расширению площадей для посевов и строительству оросительной системы, в основном касалось лишь «наделов» Солнца и инки, т. е. своеобразного «государственного сектора» в сельском хозяйстве: большинство террас принадлежали именно ему, а это были, бесспорно, лучшие земли, коль скоро они создавались специально под посевы маиса. Здесь, следовательно, нет приукрашения.

Во-вторых, две трети всех обрабатываемых земель отходили этому сектору и обрабатывались они тем самым селением или, точнее, общинами, которые жили в данной провинции: «они обрабатывались сообща; на них (на земли короля.— *В. К.*) и на земли Солнца шли все индейцы» (*Г*, 247, 272).

В-третьих, если общинники прокармливали сами себя поступлениями со своих личных участков — топу, то прибавочный продукт с земель Солнца и Инки, за вычетом каких-то административно-бюрократических расходов и неизбежных производственных потерь, превышал более половины всего сельскохозяйственного производства. Размер половины от интенсивного и прекрасно организованного труда нескольких миллионов человек (!) составлял гигантское «имущество» инки-правителя и его семейного клана.

Но даже инки, не ограничивавшие себя ни в чем, не могли потребить вместе с огромным бюрократическим аппаратом и многотысячной местной знатью этот гигантский прибавочный «пищевой продукт» — вспомним, что сказал об этом Мариатеги[68]. Это и позволяло им проявлять достаточно широкую, обильную и даже щедрую «социальную предусмотрительность» (по Мариатеги).

Мы не исключаем, что каждая из выделенных таким образом третей вполне могла иметь свой собственный размер, однако важно другое — инки сами брали на себя «обеспечение» землей своих вассалов и сами определяли размеры всех трех наделов. По существу они планировали сельскохозяйственное производство в масштабах всей страны. Это и был самый могущественный и самый надежный инструмент руководства «империей» во всех сферах ее деятельности. Таков последний и, пожалуй, самый главный вывод.

---

[68] *Мариатеги Х. К.* Семь очерков..., с. 120.

Общинная земля в свою очередь делилась на равные наделы — тупу, или топу (*Г*, 273); каждая семья обрабатывала их собственными силами. Гарсиласо утверждает, что последовательность обработки была следующей: первыми обрабатывались земли Солнца, затем — вдов, сирот, немощных стариков и больных, после — сами пурехи (иногда помогая друг другу) обрабатывали свои топу, включая наделы местных курак, и только после этого «последними обрабатывались земли короля» (*Г*, 247, 272).

Очевидно, Гарсиласо «перепутал» порядок обработки полей; он должен был быть иным — последними наверняка обрабатывались наделы общины. Что же касается его примера, согласно которому Уайна Капак приказал повесить «индейца-рехидора», нарушившего названную очередность для обработки полей (*Г*, 272), то такой случай вполне мог иметь место. Например, Сармьенто указывает, что инки очень не любили, когда кто-либо брал себе сверх того, что ему полагалось. В этих случаях они казнили даже знатных курак (*Б*, 257).

Надел пуреха равнялся одной фанеге (64,5 акра); его должно было хватать на пропитание земледельца с женой. По мере роста семьи росло и число топу, ибо каждый новорожденный получал свой надел: мальчик — целый, а девочка половину топу (*Г*, 273, 274). Но указанный Гарсиласо размер надела не мог быть одинаковым хотя бы потому, что возделывание разных культур требует неодинаковых площадей, обеспечивающих «прожиточный минимум». А инки строго следили за тем, чтобы общины возделывали на своих землях только те культуры, которые являлись традиционными и давали в данной местности наиболее высокий урожай. Всякое нарушение установленного в этом вопросе порядка исключалось.

Инки широко использовали удобрение, в частности знаменитое гуано. «По приказанию инки,— сообщает Гарсиласо,— каждый остров (где селились птицы.— *В. К.*) числился [...] за той или другой провинцией, а если остров был большим, то его отдавали двум или трем провинциям» (*Г*, 275). В отдаленных от этих островов районах юга, где все побережье покрыто бесплодными песками, действовала инкская «гидропоника» — ямки на разной глубине, обеспечивавшие свободный проток воды, в которых удобрением служили «головы сардин», высевавшиеся вместе с зернами маиса (*Г*, 275).

Любопытнейший факт: если пурех по причине «беспечности не полил свою землю в отведенное ему время... его (как лентяя.— *В. К.*) три или четыре раза публично били камнем по спине или стегали... прутами...» (*Г*, 276). Причина такой суровости ясна: «империя» не хотела сама кормить «лентяев и ротозеев»!

Теперь перейдем к наиболее сложному вопросу — вопросу о подати.

«... Главной податью,— утверждает Гарсиласо,— являлась ра-

бота и возделывание земель Солнца и инки и сбор урожая...» (*Г*, 277). И столь же решительно, привлекая в свидетели испанского хрониста «отца-учителя Акосту», он добавляет: «Из урожая со своих частных земель вассалы ничего не отдавали инке» (*Г*, 278). Правда, уже на следующей странице «Комментариев» Гарсиласо говорит, что имелась и «вторая подать»: изготовление одежды, обуви и оружия «для нужд войны и для бедных людей, каковыми были те, кто не мог работать по старости или по болезни» (*Г*, 279). Изготавливалось все это, включая одежду для самих общинников, из «материала заказчика», а «индейцы лишь отдавали искусство своих рук» (*Г*, 279), т. е. снова свой труд. При этом каждый народ изготавливал и отдавал «то, что получал от своего урожая; ему не приходилось отправляться в чужие земли, чтобы искать то, чего не было в его земле (например, хлопка, или шерсти, или кожи.— *В. К.*), ибо его не принуждали к этому... они платили свои подати, не выходя из своих домов, ибо было всеобщим законом для всей империи, что ни один индеец не должен был покидать пределы своей земли» (точнее, общины.— *В. К.*; *Г*, 280).

В этом вопросе также имелась своя специализация: одежду, оружие и обувь соответственно сдавали те общины, которые лучше других умели изготавливать тот или иной предмет (*Г*, 280).

Третий вид подати распространялся на «мастеров и ремесленников»: они были обязаны отработать по специальности на государственных работах «два или самое большое три месяца [в году]; отработав их, он больше не принуждался работать» (*Г*, *Валера*, 302).

Существовал и совсем уж необычный вариант «подати»: «заключалась она в том, что через такое-то количество дней они («паралитики».— *В. К.*) были обязаны вручить губернаторам своих селений несколько [пустотелых] стеблей со вшами». Как объясняли Гарсиласо индейцы, эта подать преследовала две цели — никто не освобождался от выплаты Инке дани (если не имел на то право), а те, кто выплачивал ее вшами, очищал себя от скверны, в чем выражалась «любовная забота о бедных паралитиках» инков-правителей, прозванных индейцами и за этот «налог» любящими бедняков (*Г*, 280, 281).

Сьеса же утверждает, что подать вшами взымалась не с больных и паралитиков, а с целых провинций, «когда местные жители говорили, что им нечем платить подать...». Подать вшами не отменялась до тех пор, пока население не начинало производить избыточный продукт, который инки могли использовать в своем гигантском хозяйстве (*А*, 56; речь шла о вновь завоеванных землях).

Система специализированной подати инков была настолько «мягка», что «все их вассалы становились их рабами, наслаждаясь в свое удовольствие трудом» (*Г*, 280).

Нет, это не слова Гарсиласо, а заявление испанца «отца-учителя Акосты», которого цитирует автор «Комментариев». Есть там и другие цитаты по этому вопросу.

Как мы уже говорили, Гарсиласо включил в свое сочинение рукопись Бласа Валеры, которая органически сливается с авторским текстом, хотя всегда имеется указание, что данный отрывок или даже целая глава написаны Валерой.

Так вот, говоря о подати в Тауантинсуйю, Валера пошел еще дальше Акосты. «...Если хорошо присмотреться,— написал он,— то создается впечатление, что они [вообще] не получали ни дани, ни подати со своих вассалов, а сами платили их вассалам или взымали их ради блага самих же вассалов в соответствии с расходами в пользу их же самих» (*Г*, *Валера*, 301).

Иного мнения придерживается Сармьенто: он решительно утверждает, что Топа Инка Юпанки «наложил такую тяжелую подать на них, что никто не был господином [даже] одного початка маиса, который являлся их хлебом для еды, или одной охоты, которая являлась их обувью... такой была тирания и гнет, с помощью которых их держал в покорности Топа Инка» (*Б*, 255).

Согласно Сармьенто, именно Топа Инка Юпанки стал делить общинную землю на топу и специализировал подать; он же резко увеличил ее. В результате, «они должны были работать днем и ночью, чтобы выплатить их (налоги.— *В. К.*), и они даже не могли исполнить это, ибо [после выплаты подати] им не осталось бы времени для своего труда и [своей] пользы, чего хватило бы для их содержания» (*Б*, 257). Сармьенто указывает, что общинникам удавалось работать на себя только три месяца в году; остальное время уходило на работу «по делам Солнца, гуак и инги» (*Б*, 257).

На фоне восхвалений Акосты и Валеры резкость Сармьенто кажется неопровержимо убедительной. И все же, по-видимому, они все и каждый по-своему не правы.

Подать была, и легкой ее назвать нельзя. Достаточно вспомнить «усталый» камень-скалу, увидеть (или вообразить) «величину» человеческого труда, вложенного в уже упоминавшиеся здесь сооружения инков, возведенные руками простого индейца, чтобы убедиться в сказанном. Но точно так же, если судить не по хроникам толеданского направления, к которому принадлежал Сармьенто, то можно утверждать, как это делают Мариатеги, Л. Валькарсель и многие другие исследователи Тауантинсуйю, что голод и нищета действительно отсутствовали в «империи» инков.

Вот что пишет, например, далекий от симпатий к инкам Гуаман Пома: «...даже сироты никогда не страдали из-за отсутствия продовольствия, ибо они имели свои собственные поля, возделывавшиеся и засевавшиеся айлью из выделявшегося ей (общине — айлью.— *В. К.*) земельного надела» (*В*, 247). В дру-

гом месте он говорит следующее о подати: «Все работы и виды [предметов], предоставлявшиеся инке, составляли подобие подати индейцев, которую они отдавали безболезненно и без чувства обиды, которые они испытывают сейчас, ибо в настоящее время быть налогоплательщиком означает быть рабом...» (*В*, 338).

Испанец Сьеса также во многом повторяет Гарсиласо, и, хотя его рассуждения о податях носят менее идеализированный характер, он, однако, подтверждает наличие у инков планового начала, о чем говорилось выше. Сьеса пишет, что инки изучали, какую подать и в каких размерах следует установить в каждом отдельном случае, посылая для этого своих людей на места. Поэтому подать не была одинаковой. Иногда они обязывали одну провинцию оказать помощь людьми или «предметами» другой. Даже условия труда шахтеров, которые «всю свою жизнь находились в шахтах», были такими, что «никто не умирал по причине его (труда.— *В. К.*) чрезмерности». Одним словом, во всем был величайший порядок. Особенно важно также и то, что порядок был и в самом взымании подати: собирая ее, «никто не рискнул бы взять [даже] одно лишнее зерно маиса» (*А*, 56—59).

Но Сьеса в отличие от Гарсиласо — Валеры указывает, что подать взималась не только в виде личного труда на полях Солнца и Инки, или отработки вне сферы деятельности общины — айлью (это называлось митой), но и непосредственно результатами труда, а также «женщинами и детьми, не причиняя какого-либо горя» (во что трудно поверить), ибо их забирали только у многодетных семей и лишь один раз из одного поколения (*А*, 59).

Однако не все жители Тауантинсуйю платили подать. Мы уже говорили, что все они были строго разделены на две изолированные группы (классы): налогоплательщики и неналогоплательщики. К последним, по Гарсиласо, относились «все [люди] королевской крови, и жрецы, и министры храмов, и кураки... и все мастеры боя, и самые главные капитаны, вплоть до центурионов... и все королевские губернаторы, судьи и министры, пока длилась служба, которую они несли; все солдаты... и молодые люди, не достигшие еще двадцати пяти лет [т. е. совершеннолетия.— *В. К.*)... Были освобождены [от подати] и старики от пятидесяти лет и выше, и женщины, как девицы, так и вдовы и замужние. Больные вплоть до полного выздоровления были свободны [от податей], как и слепые, хромые, безрукие и инвалиды войны. В противоположность же им глухие и немые не были освобождены, ибо они могли трудиться; таким образом... личный труд являлся податью, которую платил каждый» (*Г*, 281).

Настоящий список, если из него исключить калек и больных, легко делится на два других, также в главном не связанных между собой: неналогоплательщики по своему *социальному положению* и неналогоплательщики по своему *служебному положению*. Первые из них образовывали *господствующий класс*; вторые при-

надлежали к *эксплуатируемой массе населения* инкской «империи», поскольку жили за счет своего труда.

Была еще одна группа населения, не платившая подати в том виде, как это делали все остальные налогоплательщики. Это были янаконы, или рабы, уделом которых было положение «вечных слуг» короля (*А*, 60).

У инков не было денег. Но у них было много, очень много золота, серебра, драгоценных камней. Сьеса пишет (*А*, 59), например, что в стране ежегодно добывалось 50 000 арробов серебра (575 000 кг) и более 15 000 золота (172 500 кг). Трудно поверить в такое, но главное в другом: все эти драгоценности имели иное — не денежное (не меновое) — предназначение.

Испанцы, а вслед за ними и вся «цивилизованная» Европа были буквально потрясены обилием драгоценных металлов в Перу. Изучая хроники, особенно рассказы очевидцев конкисты и ее непосредственных участников, проникаешься не только удивлением, но и сомнениями в достоверности написанного, особенно о ненайденных сокровищах. Знаменитое «золото инки», пропавшее бесследно, ищут и по сей день, но ведь могло случиться и так, что его вообще не существовало и только воспаленное воображение сгоравших от жажды наживы конкистадоров породило все эти чудеса и легенды.

Между прочим, если мы поверим тому, что написал Гарсиласо о золоте и об отношении к нему в Тауантинсуйю, размеры воображаемых запасов инкского золота могут показаться значительно скромнее тех, которые представляются сегодня. Ибо, как следует из «Комментариев», практически все добывавшееся в стране золото поступало в «казну» Инки в виде обязательных подношений знати (*Г*, 281, 282). В этом случае Атауальпа вполне мог сдать основные запасы золота и серебра взявшему его в плен Франсиско Писарро. Конечно, что-то еще оставалось в разных храмах и дворцах «империи», но это «что-то» не шло в сравнение со знаменитым выкупом Инки-бастарда...

Впрочем, это только предположения. Что же касается реальности, то она заключалась в другом: золото не было деньгами, поскольку последние вообще отсутствовали в Тауантинсуйю. Производимые в «империи» предметы не стали товаром по ряду субъективных причин (о них речь в следующей главе), но не последнее место занимало и четко налаженное государством снабжение населения отсутствующими материалами и продуктами. Это был как бы натуральный обмен в общегосударственном масштабе, заранее спланированный и целенаправленно руководимый органами государственной власти. Вся «империя» представляла собой как бы единое натуральное хозяйство.

*

Этим не исчерпывается тематика, рассмотренная в «Комментариях» Гарсиласо. Но ее, этой тематики, нет в сочинениях других хронистов. Вот почему мы считаем возможным закончить настоящую главу указанием на некоторые наиболее интересные проблемы, подробно описанные только метисом-хронистом.

Прежде всего укажем на то, что Гарсиласо рассказал, как воспитывались дети простых пурехов (выше было приведено одно из его высказываний; см. с. 289). Он сам называет их воспитание «удивительным», ибо в нем господствовали не естественные родительские чувства любви и ласки, а здравый смысл. Кажущиеся строгости диктовались той реальностью, которая ждала ребенка впереди. В этом и выражалась их подлинная любовь к своим детям. Вот почему, например, они вместо ласки и баловства искали пути приучить ребенка к «холоду и труду», к ранней самостоятельности, чтобы облегчить ему его суровое будущее (*Г*, 216). Конечно, игры не запрещались, но уже с самого малого возраста дети помогали своим родителям по ведению их нехитрого хозяйства и сами ухаживали за своими младшими братьями и сестрами, а иногда и за чужими, соседскими. Точно так же сурово, без ласки, воспитывались и дети инков (*Г*, 216).

Правда, в «империи» обучались только сыновья знати: инки учили в своих «школах», число которых выросло в годы правления Виракочи — Пачакутека (*Г*, 421), лишь «детей начальников и знатных людей, не только проживавших в Куско...» (*Г*, 421) [69].

Инки искали «здравый смысл» (*Г*, 209) и в семье, контролируя брак с момента его зарождения (мы знаем, что в этом вопросе имелись и их собственные интересы — отбор акльий). Ибо они были заинтересованы в росте населения, своего главного «богатства» и источника своего могущества...

Многие — если не все — хронисты с восхищением рассказывают о висячих мостах инков, ставших одной из главных знаменитостей Древнего Перу. Гарсиласо же не просто пишет о них, а подробнейшим образом раскрывает технологию их строительства. Только по одному его описанию можно сплести и установить на месте такой мост, располагая, естественно, строительным материалом инков (солома, камыш, хунсия). Специальная служба следила за его сохранностью, обновляя его каждые шесть месяцев (*Г*, 174, 175). Когда был построен один из первых и наиболее крупных висячих мостов (над рекой Апу-римак) — он насчитывал в длину 200 шагов, слава и молва о нем оказались

---

[69] Такая школа для знати называлась «йачайваси».

настолько впечатляющими, что, как пишет Гарсиласо, «этого оказалось достаточно, чтобы они (индейцы.— *В. К.*) покорились и признали бы сыновьями Солнца тех, кто ее (эту «махину».— *В. К.*) создал» (*Г*, 154, 155). Интересный морально-психологический фактор воздействия на простых индейцев, видимо, использовавшийся как-то самими инками в их завоеваниях.

Гарсиласо пишет также об инкском «фуникулере» — «по тросу ходит (через пропасть или реку.— *В. К.*) плетеная корзина с деревянным ушком, толстым, как рука; она выдерживает трех или четырех человек» (*Г*, 179); а его описание переправы на камышовой (плетеной) лодке через бурный поток горной реки заставляет вместе с ним пережить несколько мгновений страха: «Мне действительно показалось, что мы падаем с неба вниз» (он нарушил запрет «паромщика» и посмотрел на поток кипящей за «бортом» воды; *Г*, 178).

Такие элементы соучастия или простого присутствия, к сожалению, не так часто вклинивающиеся в текст его сочинения, великолепно дополняют строгость и деловитость повествования. Вот еще один пример: после подробного описания двух наиболее знаменитых королевских дорог, снабженного документально точными фактами — «они построили дорогу из очень толстых плит, которая имеет почти сорок футов в ширину от одного до другого края и четыре или пять плит в высоту» (*Г*, 591), Гарсиласо как бы неожиданно раскрывает перед читателем свою томящуюся в тоске по родине душу.

И вот перед вами зримо встают «высокие площадки по одну и по другую сторону дороги со своими каменными ступеньками для подъема на площадки, где могли отдохнуть те, кто нес носилки, а инка насладиться открывавшимся со всех сторон видом на те высокие и невысокие горные цепи, покрытые или еще не покрытые снегом, ибо это действительно великолепнейшее зрелище, потому что из одних мест соответственно высоте горной цепи, по которой идет дорога, открывается [вид] на пятьдесят, шестьдесят, восемьдесят и сто лиг земного пространства, на котором виднеются макушки таких высоких гор, что кажется, что они упираются в небо, и, наоборот, [видны] такие глубокие долины и ущелья, что кажется, что они достигают центра земли. Из всего этого великолепного сооружения сохранилось только лишь то, что не сумели поглотить время и войны» (*Г*, 593).

Время — великий разрушитель, но оно здесь ни при чем. Люди построили эти дороги. Люди же их разрушили. Разрушили вместе с великой индейской цивилизацией...

В заключение приведем еще одно «нравоучительное высказывание» реформатора и воина-завоевателя Инки Пачакутека: «Когда подданные, и их капитаны, и кураки подчиняются королю по доброй воле, тогда королевство наслаждается миром и спокойствием» (*Г*, 424).

Такой представляла инкская пропаганда «социальную ситуа-

цию» в Тауантинсуйю. Такой ее хотел показать и Гарсиласо. Но он не всегда и не во всем достиг желаемого.

Итак, мы познакомились с четырьмя вариантами истории созданного инками государства Тауантинсуйю. Что можно сказать в заключение?

Видимо, нет нужды приклеивать «определительные ярлыки» к рассмотренным нами сочинениям. Они такие же разные, как и сами хронисты. Каждое из них занимает достойное место в историографии Древнего Перу, прекрасно дополняя и обогащая одно другое. Даже когда они противоречат друг другу, читатель легко обнаруживает истинный смысл написанного, ибо слишком четко проглядывает социальный заказ, который каждый из них выполнял с таким старанием, с такой страстью и бесспорным талантом.

Глава шестая

ТАУАНТИНСУЙЮ: УТОПИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

Хосе Карлос Мариатеги охарактеризовал инкское общество как «аграрный коммунизм». В «Семи очерках» он писал: «Инкский коммунизм — а его существование нельзя отрицать или умалять только потому, что он развивался в рамках автократического строя,— был аграрным коммунизмом» [1]. Уточняя эту свою мысль и одновременно возражая оппонентам, пытавшимся с позиций современного буржуазного либерализма опровергнуть это утверждение, Мариатеги счел нужным дать следующее разъяснение своему пониманию данного вопроса: «На все нападки, которым может подвергнуться строй инков с позиций либеральной, то есть современной, концепции свободы и справедливости, можно возразить, ссылаясь на позитивный и неопровержимый исторический факт, что строй инков обеспечивал существование и рост численности населения и, когда конкистадоры появились в Перу, его население насчитывало десять миллионов человек, а спустя три века после установления испанского господства индейское население сократилось до одного миллиона» [2].

Для правильного понимания изложенной позиции Мариатеги важно уяснить два момента: во-первых, приведенные выше высказывания не следует рассматривать даже в качестве попытки определить социально-экономическую формацию, к которой могло принадлежать созданное инками общество; и, во-вторых, стремясь как можно рельефнее раскрыть позитивные черты разрушенного европейцами инкского государства, Мариатеги как бы видит и рассматривает данную проблему глазами той эпохи, когда был открыт и завоеван Новый Свет.

«Нельзя сравнивать представления о современном коммунизме с коммунизмом инков,— пишет он в другом месте.— Это два совершенно различных явления, что следует прежде всего иметь в виду всем исследователям Тауантинсуйю. И тот и другой явились продуктом различного человеческого опыта, различных ступеней человеческих цивилизаций» [3].

Вот почему, если рассматривать в строго научном плане данное определение Мариатеги, в предложенной им формулировке имеется неточность, которая «была по своему существу чисто терминологической», как справедливо указывает советский исследователь Ю. А. Зубрицкий, связывающий появление этой не-

[1] *Мариатеги Х. К.* Семь очерков..., с. 93.
[2] Там же, с. 94.
[3] Там же, с. 117.

точности с той конкретной обстановкой, в которой Мариатеги писал свои знаменитые «Семь очерков»[4].

Однако вопрос о «коммунистическом» характере инкского общества возник не в наше время и нет никаких оснований связывать его с научным коммунизмом, с марксистско-ленинским пониманием исторических законов развития человеческого общества. Подобная его «оценка» фактически родилась еще в те далекие времена, когда Европа с изумлением и не без восхищения открыла для себя удивительный мир аборигенов Нового Света. Уже первые рассказы о сказочных богатствах инкской «империи» поражали воображение европейцев, заставляя их искать объяснение столь необычному для них явлению. Более того, «патерналистская» политика инков в отношении основной массы населения Тауантинсуйю, отсутствие в нем голода и нищеты, трудовой энтузиазм и коллективизм, наиболее ярко проявлявшиеся на общественных работах, удивительный порядок и великолепно отлаженная и потому казавшаяся добровольной система подчинения «низших—высшим» и «младших—старшим», поразительная честность индейцев и, наконец, огромные государственные запасы продовольствия — по разным оценкам, их хватило бы на пропитание всей гигантской «империи» от двух до пяти лет — были засвидетельствованы почти всеми очевидцами конкисты и теми, кто успел застать в действии правление инков в Перу. «Гарантом» же достоверности этих и даже самых несуразных рассказов выступало то невероятное количество индейского золота и серебра, которое буквально затопило всю Европу.

В «Комментариях» Инки Гарсиласо нет таких слов и понятий, как «коммунизм» и «социализм». Но, как мы знаем, никто не написал об «империи» инков так подробно и с такой любовью, как Гарсиласо. Именно он, отнюдь не утаивая отрицательных «черт» инкского общества, сумел показать все то положительное, что «рекламировалось» самими инками в их официальной «пропаганде», и что он сам сумел увидеть и понять в период испано-инкского «двоецарствия» в Перу.

Нам представляется, что с выходом в свет «Комментариев» мировая литература и философская мысль XVII века получили чрезвычайно важный документ, опираясь на который можно было еще более обоснованно и убедительно развивать идеи утопического социализма. Все было бы просто, если бы хоть один из наиболее известных утопистов XVI—XVII вв. сослался на «Комментарии» или просто упомянул в своих сочинениях Инку Гарсиласо, однако таких данных нет. Конечно, можно попытаться найти объяснения столь странному, на наш взгляд, явлению, хотя сегодня вряд ли мы обнаружим достаточно убедительные доказательства его причин. С другой стороны, отсутствие формальных указаний или ссылок на Гарсиласо в сочинениях тог-

[4] *Зубрицкий Ю. А.* Инки-кечуа. М., 1975, с. 19—22.

дашних утопистов не должно закрывать поиск следов косвенного или опосредствованного влияния на них идей, заложенных в «Комментариях».

КАМПАНЕЛЛА И ГАРСИЛАСО

На мысль о необходимости подобного поиска в первую очередь наталкивает одно из главных и наиболее популярных произведений утопического социализма XVII в., написанное великим итальянцем Томмазо Кампанеллой и озаглавленное «Город Солнца». Уже сам заголовок словно бы содержит намек или указание на другое царство, царство солнцепоклонников, каковым также являлось государство инков. Более того, именно Тауантинсуйю было не только самым близким по времени к той эпохе, но, пожалуй, и самым известным и реально воспринимаемым, ибо там правили «сыны Солнца» и им и их «отцу-Солнцу» поклонялись миллионы индейцев менее чем за сто лет до появления «Города Солнца». Уже одного этого, казалось бы, было вполне достаточно, чтобы направить поиск исследователей творчества Гарсиласо именно на путь сопоставления «Комментариев» с «Городом Солнца» Кампанеллы, однако до настоящего времени этого не произошло.

Между тем даже беглое параллельное чтение обоих произведений убеждает в необходимости их тщательного и даже текстуального сопоставления. Эта убежденность не исчезает и тогда, когда знакомишься с единственным (!) упоминанием Перу в «Городе Солнца» и его продолжении – «О наилучшем Государстве», которое по своей сути, если следовать формальной логике, исключает возможность увидеть в государстве инков прообраз или модель государства соляриев. Ибо Кампанелла в этом, повторяем, единственном упоминании Перу допускает, что его, Перу, «жителям было свойственно коварство» [5] — черта человеческого характера, абсолютно *несвойственная* кампанелловским соляриям.

И все же, вопреки формальной логике, мы попытаемся сопоставить эти два произведения. И не просто сопоставить, а постараемся выявить возможные влияния одного из них на другое. Вопрос этот, повторяем, практически совсем не исследован как в советской, так и в зарубежной литературе. Что же касается его важности, то она очевидна: речь идет (пусть не непосредственно) об одном из трех источников марксизма [6].

То, что великие географические открытия оказали в целом прямое воздействие на развитие передовой европейской мысли XVI—XVII вв., не вызывает никаких сомнений. Столь же очевидно и то, что результаты этих открытий нашли свое иногда

---

[5] *Кампанелла Т.* Город Солнца. М., 1954, с. 140.
[6] См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 23, с. 40—48.

прямое, иногда косвенное отражение в произведениях представителей той эпохи. Между тем открытие и завоевание Америки стало одним из центральных событий того времени.

Достаточно вспомнить, что оба великих утописта, и англичанин Томас Мор, и итальянец Томмазо Кампанелла, повествуют о своих идеальных государствах устами путешественников и бывалых первооткрывателей неведомых дотоле земель. Именно там, где-то далеко-далеко, за безбрежными океанами в процессе открытия новых стран и континентов и ознакомления с жизнью их обитателей они, путешественники, сталкиваются с тем необычным укладом жизни, о котором европейцы не могли даже мечтать. И хотя ни Мор, ни Кампанелла сами не совершали путешествий за пределы Европы (точнее было бы сказать — Западной Европы), оба они размещают свои вымышленные государства почти вне пределов досягаемости для европейцев.

Вполне понятно, что подобная отдаленность выступает в роли гаранта достоверности сообщаемого — попробуй, проверь! — однако она сама порождена теми невероятными слухами, которыми была заполнена тогдашняя Европа именно в результате великих географических открытий.

Португалец Рафаил Гитлодей, главный герой Томаса Мора, оказывается на острове Утопия, предварительно побывав в Новом Свете, где он высаживался с группой спутников у Кабо Фрио в Бразилии. Но Мор не уточняет месторасположение острова: «Ни нам не пришло в голову, ни ему (Гитлодею.— *В. К.*) — сказать, в какой части Нового Света расположена Утопия» [7].

В Новом Свете начинаются приключения и героя «Новой Атлантиды». Фрэнсис Бэкон открывает свой утопический роман словами: «Мы отплыли из Перу...» [8].

Маршрут путешественника Кампанеллы (и не просто путешественника, а «Морехода»), поведавшего миру о Городе Солнца, неизвестен — автор ничего не сообщает о нем. Да и сам остров Тапробана, на котором якобы расположилось государство соляриев, имеет лишь относительно точный адрес — это один из островов Индийского океана, то ли Цейлон (ныне Шри Ланка), то ли Суматра [9]. К тому же сами жители острова — соларии, как сообщает Кампанелла, не являются тапробанцами, а пришли откуда-то из Индии.

Когда Мор писал свою «Золотую книгу, столь же полезную, как забавную, о наилучшем государстве и о новом острове Утопия», Европа ничего не знала о Перу: его книга впервые вышла в свет в бельгийском городе Лувене в конце 1516 г., т. е. за полтора десятка лет до вторжения Франсиско Писарро во владения инков (и за 23 года до рождения Инки Гарсиласо).

---

[7] *Мор Т.* Утопия.— В кн.: Утопический роман XVI—XVII веков. М., 1971. с. 43.
[8] *Бэкон Ф.* Новая Атлантида.— В кн.: Утопический роман..., с. 193.
[9] *Кампанелла Т.* Город Солнца, с. 189.

Что же касается Кампанеллы, то он уже знал о Перу — об этом неопровержимо свидетельствует его высказывание о «коварстве» перуанцев, но вот что́ именно он знал о нем и мог ли использовать свои знания для написания «Города Солнца», ответить непросто. Отметим лишь, что к моменту публикации первого издания «Города Солнца» (1623 г.) Испания уже почти целое столетие владела Перу.

В работах «Город Солнца» и «О наилучшем Государстве» Кампанелла вообще уделяет ничтожно малое внимание Новому Свету: всего четыре высказывания общей «длиною» менее чем в пятьдесят слов. Но они достаточно выразительны. В них, во-первых, точно сформулирована изначальная цель открытия Нового Света — погоня за золотом и богатством. Во-вторых, мы имеем в них откровенные «реверансы» в сторону католической церкви, насадившей в Новом Свете «божественную религию Христа». В-третьих — и это уже совсем непонятно — здесь нет и намека на жестокую реальность конкисты, приведшей к разрушению индейских государств Америки и уничтожению миллионов аборигенов. Наоборот, Кампанелла словно бы приветствует конкисту, поскольку она принесла индейцам католическую религию [10].

И это пишет человек, подвергшийся жесточайшим пыткам (в том числе самой ужасной из них — «велье») и приговоренный к пожизненному заключению за попытку организовать восстание, направленное против испанцев — поработителей его родины Италии. Вот почему подобное миролюбие Кампанеллы кажется непонятным. Однако сейчас нам важно отметить другое: Кампанелла знал не только о Новом Свете, но и о существовавшем там до прихода испанцев государстве инков.

Теперь нам необходимо напомнить читателю некоторые данные, связанные с написанием и публикацией «Города Солнца» и «Комментариев». Первым вышло в свет сочинение Гарсиласо — 1609 г. Первое издание «Города Солнца» датировано 1623-м годом (г. Франкфурт). Однако то, что «Комментарии» появились на книжных полках на 14 лет раньше, чем «Город Солнца», еще не означает, что они «старше» его на указанное количество лет: считается, что Кампанелла написал свой труд примерно в 1602 г., когда он находился в тюрьме. Он писал его в невероятно тяжелых и сложных условиях, писал тайно, передавая на волю своим друзьям страницу за страницей это удивительное во всех отношениях сочинение [11]. Но это еще не было собственно «Городом Солнца». Более того, то сочинение, известное под названием «Одиннадцать списков» и написанное на итальянском языке, пролежало неизданным до 1904 г., когда его впервые опубликовал в Италии Сольми.

---

[10] *Кампанелла Т.* Город Солнца, с. 119, 121, 125.
[11] См.: *Штекли А.* Кампанелла. М., 1966.

Сам же «Город Солнца» в том виде, в каком был впервые издан и получил всемирную известность, был написан Кампанеллой лишь в 1614 г. также в тюрьме [12]. Именно тогда он переписал, но уже на латыни (то ли по памяти, которая у Кампанеллы была феноменальной, то ли друзья сумели передать ему его «списки») свое первоначальное сочинение. Вот этот вариант «Города Солнца» и был издан в 1623 г. Только в 1637 г. в Париже выходит собрание сочинений Кампанеллы, в котором впервые опубликованы при участии самого автора и «Город Солнца» и «О наилучшем Государстве» (первая публикация).

Однако в эту достаточно сложную датировку необходимо внести некоторые уточнения, но уже относящиеся к Гарсиласо. Гарсиласо начал писать свои «Комментарии» еще в XVI в. Можно с уверенностью сказать, что к рубежу XVI—XVII столетий их основная часть была уже закончена. Это подтверждает текст последней главы последней, 9-й книги его труда [13].

Известно, что Гарсиласо охотно давал свою рукопись для ознакомления не только близким друзьям, но и незнакомым лицам, обладавшим, правда, влиянием в тогдашнем испанском обществе, к числу которых принадлежали монахи могущественных орденов. Из этого следует, что еще до 1603 г., который можно считать годом завершения работы над «Комментариями», их не просто могли, но и наверняка читали многие лица, связанные с испанским королевским двором и особенно церковью. И не только читали: уже упоминавшийся Альдрете использовал инкины «Комментарии» еще до их выхода в свет в своем сочинении «О происхождении и начале кастильского языка...»

Теперь, опираясь на эти данные, попытаемся разобраться в сложившейся ситуации.

В самом конце XVI и начале XVII в. личная встреча Кампанеллы и Гарсиласо абсолютно исключена. Оба они в эти годы не покидали один Италию, другой Испанию; Гарсиласо безвыездно жил в Кордобе, а Кампанелла после 1598 г. находился в течение 28 лет в тюрьмах различных итальянских городов. Круг друзей Гарсиласо — главным образом монахи. Кампанеллу также окружают в эти годы монахи, но это не друзья, а злейшие враги, ведущие против него инквизиционное следствие по обвинению в ереси. В его «окружении» штатские и военные тюремщики, среди которых мы встречаем немало испанских имен. Сам кастелян тюрьмы Кастель Ново, в которой Кампанелла провел не один год, был представителем древнего испанского рода Мендоса-и-Аларкон [14]. Среди надзирателей — об этом говорят их имена — находились испанцы Алонсо Мартинес, Онофрио Помар,

---

[12] 8 января 1603 г. Кампанеллу приговорили к пожизненному тюремному заключению со строгим режимом. Только 23 мая 1626 г. он был выпущен на свободу.

[13] *Гарсиласо*. История..., с. 645—647.

[14] *Штекли А*. Кампанелла, с. 101.

Антонио Торрес и даже тюремный священник, судя по имени, также испанец — Педро Гонсалес [15]. Вполне вероятно, что в их числе могли находиться и так называемые «перулеро», т. е. испанцы, побывавшие в колониальном Перу. Между тем Кампанелла, как пишет А. Штекли, обладал удивительной способностью вступать в контакты даже с тюремщиками, которых он умудрялся использовать в качестве «почтальонов» в своих связях как в самой тюрьме, так и за ее пределами. В этом ему охотно помогали и жены надзирателей, даже родственницы Мендосы-и-Аларкона [16].

Однако все, что Кампанелла написал в эти годы, особенно до вынесения ему приговора, друзья хранили в строжайшей тайне. Вот почему можно с уверенностью утверждать, что его «Одиннадцать списков» никак не могли попасть в Испанию и тем более в Кордову к Гарсиласо, добровольное уединение которого в монастыре создавало вокруг него, как это ни парадоксально звучит, значительно более строгую, нежели тюремное заключение вокруг Кампанеллы, изоляцию.

Ну, а Кампанелла? После нечеловеческой двухдневной пытки «велья» (4 и 5 июня 1601 г.) режим его пребывания в тюрьме несколько смягчается. Но это не снисхождение, а необходимость спасти ему жизнь, чтобы закончить процесс над упорствующим еретиком. Уму непостижимо, как Кампанелла, физически истерзанный больше чем до полусмерти, пишет в этих условиях свои «Списки».

После вынесения ему приговора его жизнь, вернее, ее условия, зависят от прямых тюремных надзирателей. Правда, Рим, «святая» инквизиция и испанские власти периодически «заботятся» о том, чтобы Кампанелле не делались поблажки. И все же он каждый раз возвращается к занятиям всей своей жизни — к написанию новых сочинений. Так появляются «О наилучшем Государстве», «Апология Галилея» и другие произведения.

Теперь поставим вопрос, от ответа на который зависит многое для рассматриваемой нами проблемы: мог ли в этих условиях Кампанелла не просто заинтересоваться древним Перу, но и получить в свое распоряжение книгу об этой своеобразной стране?

Бесспорно, да! Ибо книги он получал. Однако трудно поверить, что до 1614 г., когда был написан Кампанеллой окончательный вариант на латыни «Города Солнца», среди них оказалась книга 1609-го года издания, т. е. «Комментарии».

И все же теоретически такую возможность исключить нельзя, сколь фантастической не казалась бы ее реализация в жизни.

---

[15] Там же, с. 139.
[16] См.: *Штекли А.* Кампанелла.

По своему объему эти книги несопоставимы: «Комментарии» почти в 10 раз превосходят «Город Солнца». Но это чисто внешнее впечатление, ибо книги написаны в разных литературных жанрах.

«Комментарии» — книга, списанная с «натуры» человеком заинтересованным и обладающим к тому же незаурядным литературным талантом. Помимо энциклопедического разнообразия трактуемых в ней тем, в книге щедрой рукой разбросаны мысли и рассуждения самого автора.

Совсем иным предстает перед нами «Город Солнца» Кампанеллы. Это — сгусток мыслей, зачастую едва оформленных литературно. Как справедливо указывает академик В. П. Волгин, «славу «Города Солнца» приходится отнести за счет коммунистических принципов как таковых», а не беллетристических достоинств данного произведения Кампанеллы [17].

Поскольку творчество Томмазо Кампанеллы и его философские взгляды широко известны в нашей стране, а главный труд Гарсиласо был рассмотрен нами выше, можно перейти к сопоставлению этих двух сочинений. А начнем мы такое сопоставление с попытки изложить некоторые принципиально важные концепции, которые или совпадают у обоих авторов, или носят диаметрально противоположный характер (во всяком случае, при их формальном сопоставлении).

Как было сказано — и это самое главное — Гарсиласо сохранил для нас официальную версию истории Тауантинсуйю. Однако уже в самом легендарном начале начал инкского государства мы узнаем, что в основу «программы действий» потомков Манко Капака должны были лечь не какие-то «божественные порядки», а естественные законы. Вот как старый инка изложил своему племяннику-метису задачу, «сформулированную» своим детям «отцом-Солнцем» (точнее, инкской пропагандой): он обязал их, «чтобы они наставили бы их [людей] на путь познания нашего отца Солнца, чтобы они стали бы поклоняться ему и восприняли бы его, как своего бога, и чтобы они [дети Солнца] дали им заветы и законы, с которыми они жили бы как здравомыслящие и благовоспитанные люди, чтобы они жили в населенных селениях и домах, умели бы обрабатывать землю, выращивать растения и злаки, растить скот и пользоваться им и плодами земли, как разумные люди, а не как звери. С этими приказом и поручением оставил наш отец Солнце этих двух своих детей в лагуне [озера] Тити-кака...» [18].

Нетрудно заметить, что в данной «программе» светское и

---

[17] *Волгин В. П.* Коммунистическая утопия Кампанеллы (Вступительная статья).— В кн.: *Кампанелла Т.* Город Солнца, с. 11.

[18] *Гарсиласо.* История..., с. 43.

даже чисто житейское явно преобладает над духовным, религиозным.

Далее. Инки, как и солярии, были солнцепоклонниками и в этом смысле язычниками. Но у них, помимо Солнца, имелось и «сверхбожество». Фактическим верховным жрецом у инков был сам сапа инка, хотя формально этот титул носил один из его ближайших родичей (дядя, брат). По-видимому, это связано с тем, что сапа инка в некоторых ритуалах брал на себя «функции» самого Солнца.

Таким образом, можно утверждать, что в руках правителя Тауантинсуйю была сконцентрирована вся светская и духовная власть. Так было и у соляриев.

Интересно отношение правителя инков к своему «отцу-Солнцу». Гарсиласо приводит любопытнейшее высказывание Инки Уайна Капака о солнце. Вот этот эпизод: верховный жрец, видя, что Уайна Капак смотрит на солнце, что среди инков считалось величайшим грехом, напомнил ему об этом.

«Я хочу задать тебе два вопроса, чтобы ответить на то, что ты мне сказал (ответил жрецу Инка.— *В. К.*). Я ваш король и всеобщий господин; найдется ли среди вас такой отважный, который по своему желанию прикажет мне встать и совершить долгое путешествие?» Жрец ответил: «Кто же позволит себе подобное этому безрассудство?» Инка возразил: «А найдется ли какой-либо курака из моих вассалов, каким бы богатым и могущественным он ни был бы, который не подчинится мне, если я ему прикажу идти с почтой отсюда до Чили?» Жрец сказал: «Нет, инка, не найдется такого, который не подчинился бы тебе [и] любому твоему приказанию, если бы даже речь шла о смерти». Тогда король сказал: «Я говорю тебе, что это наш отец Солнце должен иметь [над собой] другого главного господина, более могущественного, чем он. Он приказывает ему совершать этот путь, который он совершает без остановок, ибо, будучи верховным господином, он иногда прерывал бы свой путь и отдыхал бы по своему желанию, хотя бы для этого не было бы никакой необходимости» [19].

Уайна Капак не был одинок; подобные же «разговоры» вел и прадед Гарсиласо Инка Тупак Юпанки [20].

О сложной структуре государственного устройства Тауантинсуйю было сказано выше. В отличие от соляриев все ключевые позиции в гигантском бюрократическом аппарате «империи» находились в руках инков и потому фактически носили наследственный характер. У соляриев все должности были выборными.

Тут, как будто бы налицо полное расхождение между Тауантинсуйю и Городом Солнца. Но тогда уместно спросить: кто же правил Городом Солнца? На первый взгляд, им правил сам народ, однако Кампанелла находит нужным уточнить: «Собирают-

---

[19] *Гарсиласо*. История..., с. 586.
[20] Там же, с. 587.

ся и все начальники отрядов — как женских, так и мужских — десятники, полусотники и сотники для обсуждения государственных дел и *выбора должностных лиц...*» [21] (курсив мой.— *В. К.*).

Мы видим здесь, как метко заметил В. П. Волгин, представителей «своеобразной духовной иерархии» Города Солнца, людей, которые «соединяют в себе черты жречества с чертами светского учительства» [22]. Это тоже *элита*, и хотя она не носит черт замкнутой правящей касты, однако, чтобы попасть в нее — именно попасть, солярию нужно проделать особый путь, путь невероятных накоплений знаний во всех сферах человеческой деятельности, что даже в условиях Города Солнца доступно лишь единицам. Именно поэтому в Городе Солнца «уже задолго известно, кто станет ☉» [23]. Более того, сам ☉ назначает или указывает на того, кто его заменит. Он также «является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение» [24].

Как мы видим, в Городе Солнца практически такое же единовластие, как и в Тауантинсуйю. Ведь власть ☉ мало чем отличается от власти сапа инки, всемогущество которого на примере Уайна Капака так ярко показал Гарсиласо.

Таковы некоторые моменты общего характера, на которые мы хотели сразу же обратить внимание. Однако в текстах обеих книг имеется немало частных вопросов, поразительное сходство и даже совпадение трактовки которых вызывает не просто удивление, а желание понять и объяснить подобное явление. К ним мы и переходим [25].

Обратимся теперь непосредственно к текстам интересующих нас книг.

I. В Городе Солнца было четыре главных улицы-дороги, которые шли из центра и заканчивались в городской черте четырьмя воротами, «обращенными на четыре стороны света» (*К*, 34). Эти «четыре мощеные кирпичом дороги» доходили до самого моря, как бы соединяя воедино или деля на четыре части всю территорию соляриев (*К*, 85).

«Короли инки разделили свою империю на четыре части... соответствовавшие четырем основным частям света...» (*Г*, 95). «И четыре главные дороги, которые выходят из того города

---

[21] *Кампанелла Т.* Город Солнца, с. 95.
[22] Там же, с. 19.
[23] Там же, с. 51. Знак ☉ означает верховного правителя и священнослужителя соляриев.
[24] *Кампанелла.* Город Солнца, с. 39.
[25] Чтобы упростить аппарат этой части книги, мы воспользуемся следующими сокращениями: поставленные в скобках «*К*» и арабская цифра означают, что цитируется «Город Солнца» с указанием на номер страницы; «*К*, II» плюс цифра — цитата из «О наилучшем государстве»; «*Г*» плюс цифра — сочинение Гарсиласо; «*Г*» плюс фамилия, плюс цифра — автор, цитируемый самим Гарсиласо, текст которого органически входит в его книгу, образуя с ней единое целое.

(Куско.— *В. К.*), они называют точно так же, ибо они идут в четыре части королевства» (*Г*, 96).

II. Семь оборонительных кругов Города Солнца устроены в виде лестничных уступов. Кампанелла с восхищением описывает это великолепное сооружение (*К*, 34, 35). Главная крепость города Куско Саксайуаман также сооружена в виде лестничных уступов, только их три. Гарсиласо посвящает ее описанию две главы, одна из которых так и называется: «Три стены ограды — самое восхитительное сооружение» (*Г*, 489—492). Важно отметить, что в обоих случаях объектом восхваления является инженерное решение сооружений.

III. Стены Города Солнца выполняли роль своеобразного «учебного пособия». На внешней стороне первой стены находилось «...крупное изображение всей земли в целом; за ним следуют особые карты всевозможных областей, при коих помещены краткие описания в прозе обычаев, законов, нравов, происхождения и сил их обитателей...» (*К*, 40).

«Город (Куско.— *В. К.*) содержал описание всей империи» (название главы). Глядя на город, можно было как бы «...охватить взглядом всю империю в целом, словно в зеркале или на космографическом рисунке» (*Г*, 448). (Не будем забывать, что инки считали свою «империю» целым миром). Инки не пользовались письменами, однако обычаи, нравы и законы других провинций и царств, входивших в Тауантинсуйю, в Куско обязаны были представлять сами их обитатели. Какие-либо отклонения от этого закона грозили ослушавшемуся смертной казнью.

IV. Другие стены Города Солнца содержали иную информацию. На них были «...нарисованы все виды деревьев и трав... всевозможные породы рыб... всякие породы птиц... все породы пресмыкающихся... высшие земноводные, количество видов которых просто поразительно...»,— восхищается Кампанелла (*К*, 41, 42).

И в Куско было нечто подобное: «...В натуральную величину,— с неменьшим восторгом пишет Гарсиласо,— из золота и серебра изготовлялись многие деревья и другие мелкие растения со своими листьями, цветами и плодами. Среди этого и другого великолепия имелись поля маиса, имитированные в натуральную величину... малые и крупные животные, изображенные и отлитые из золота и серебра, как-то: кролики, мыши, ящерицы, змеи, бабочки, лисы, дикие коты...» Далее у Гарсиласо перечисляются птицы, олени, лани, львы, тигры... «и все остальные животные и птицы, которые обитали на земле...» (*Г*, 341).

Здесь уместно указать, что Гарсиласо не утверждает, что изделия из золота и серебра служили для обучения. То были лишь украшения. Однако наличие подобных «экспонатов», знакомящих со всем растительным и животным миром Перу, невольно наталкивает на мысль, что они могли служить если не учебным, то по крайней мере наглядным пособием.

V. Теперь мы подошли к одному из важнейших вопросов, по которому Гарсиласо и Кампанелла высказывают одновременно и диаметрально противоположные и совпадающие точки зрения. Это вопрос о браке и семье.

В Городе Солнца брак и семья как таковые полностью отсутствуют. Вместо них существуют регулируемые государством половые отношения, целью которых является воспроизводство высококачественного потомства, т. е. здоровых, интеллектуально развитых и физически красивых людей.

В Тауантинсуйю же семья не просто существует, а составляет незыблемую основу главного социально-экономического звена инкского общества-общины. Обратимся непосредственно к текстам.

Уже в самом начале своей книги Кампанелла показывает крайнюю озабоченность соляриев тем, «чтобы сочетание мужчины и женщины давало наилучшее потомство» (*К*, 44). С этой проблемой в разных ее аспектах читатель еще не раз сталкивается на страницах его «Города Солнца»: «Ни одна женщина не может вступить в сношение с мужчиной до девятнадцатилетнего возраста; а мужчины не назначаются к производству потомства раньше двадцати одного года или даже позже...» (*К*, 60). Мы видим, что автор «Города Солнца» не стесняется обнажить утилитарный характер половых отношений у соляриев, исключающий какие-либо чувства. «На деторождение,— продолжает Кампанелла,— они смотрят как на религиозное дело, *направленное ко благу государства,* а не отдельных лиц, причем необходимо подчиняться властям» (*К*, 66; курсив мой.— *В. К.*). Когда молодые люди влюблялись, им не воспрещалось любезничать. «Однако, если это может быть опасно для потомства, совокупление им ни в коем случае не разрешается, кроме того случая, что женщина беременна (чего и ждет мужчина) или же она неплодна» (*К*, 68).

В целях обеспечения здорового и обильного потомства в Городе Солнца решительно искореняются всякие отклонения от нормальной половой жизни: изнасилование и повторная содомия, как и измена государству, караются в Городе Солнца смертной казнью (*К*, 61, 97).

Несколько наивно выглядит «положительная программа» соляриев в вопросе половых отношений. Она строится главным образом на визуальном подборе пар. При этом Кампанелла не указывает, сколь долговечно сожительство пар. Суть же этой «программы» такова: статные образуют идеальную пару; толстые должны вступать в половые отношения с худыми; «неистовые» — со «скромными»; «ученые» — с «бойкими» и т. д. (*К*, 61, 63).

В этих условиях, как нетрудно понять, о семье не может быть и речи, ибо соларий должен быть свободен от всего, что порождает не только собственность, но даже стремление к ней. Между тем, как полагает Кампанелла, лишь отсутствие всякой

собственности (включая личную) сделало государство соляриев идеальным.

Что же происходит в этой области в инкском государстве? В Тауантинсуйю повсеместно бракосочетание осуществлялось одновременно один или два раза в год и носило строго организованный характер. Брачный возраст, как и у соляриев, для девушек был от 18 до 20 лет, а для юношей, вернее, молодых мужчин — 24 года, дабы брак не превращался «в ребячество» (*Г*, 210). Подбор будущей семейной пары происходил публично и в присутствии властей. Однако для вступления в брак все же требовалось согласие родителей и, видимо, учитывались личные симпатии жениха и невесты. Брак между молодыми людьми из разных провинций и даже селений (общин) категорически запрещался (*Г*, 209—211).

Инки также смотрели на деторождение как на дело величайшей государственной важности. Это засвидетельствовано в их экономической политике: напомним, на каждого новорожденного сына семье полагался целый дополнительный надел — «топу», а на дочь — половина топу (*Г*, 274). Вот почему в Тауантинсуйю «богатыми называли того, у кого были дети и семья...» (*Г*, 301).

Таким образом, инки применяли поощряющую деторождение систему распределения земли, чем обеспечивали широкое воспроизводство населения.

Как и в Городе Солнца, в Тауантинсуйю сурово карались отклонения от нормальной половой жизни. «И он,— пишет Гарсиласо об инке Капаке Йупанки,— особо приказал, чтобы с великим старанием они выследили бы содомитов и на общественной площади сожгли бы живыми тех, кого обнаружат...» (*Г*, 169). Точно так же действовали Пача-кутек (*Г*, 367) и другие инки-правители.

За изнасилование и даже прелюбодейство в Тауантинсуйю забивали насмерть камнями. «Соблазнители, позорящие чужую честь и достоинство [...] и похищающие мир и спокойствие у других,— учит инка-реформатор Пача-кутек,— должны быть объявлены ворами и поэтому приговорены к смерти без всякого снисхождения» (*Г*, 424). Особо строго каралось сожительство с «избранными девственницами».

Наконец, последнее и, пожалуй, наиболее сложное. В Тауантинсуйю не было селекции брачных пар, хотя, как говорилось выше, власти официально регулировали или по меньшей мере контролировали сам факт образования семьи. И все же в «империи» инков существовала селекция лиц, достигших брачного возраста, правда только женского пола. Речь идет о «невестах» Солнца и сапа инки из домов «избранных девственниц». Здесь, как и у соляриев, действовал принцип качественного отбора, ибо «невестами» становились самые красивые девушки вне зависимости от своего социального происхождения. Домами «избранных девственниц» пользовался не только сам сапа инка, но и его

ближайшие родичи и даже крупные вассалы, а также выдающиеся воины и полководцы.

Какой же главный вывод можно сделать из сказанного выше? Как это ни парадоксально звучит, но отсутствие семьи в Городе Солнца и ее наличие в Тауантинсуйю было призвано *решать одну и ту же важнейшую государственную задачу, а именно широкое воспроизводство населения, происходившее и в том и в другом случае при активном вмешательстве и строжайшем контроле самих властей.* При этом ряд чисто формальных моментов вступления в брак или в половые отношения отобранных для этого пар обладает поразительным сходством. Еще раз напомним, о чем именно идет речь.

1. Совпадающие цели брака или образования пар — широкое воспроизводство населения под контролем государства.

2. Официальность и абсолютная публичность бракосочетания (образования пар) как акта общегосударственного значения.

3. Совпадение возрастного ценза для невест и женихов.

По этому пункту нужно сделать разъяснение, важное для нас. Дело в том, что 19—20-летний возраст для замужества выглядит вполне реальным именно для высокогорного Перу, но не для Города Солнца, и вот почему. Вспомним, что Город Солнца, занимая высокий холм (но не гору), располагался на широкой равнине, а остров Тапробана лежал прямо на экваторе (*К*, 33). Это были тропики, а у жительниц тропической зоны половая зрелость наступает значительно раньше двадцати лет, что не могли не учитывать солярии, проявлявшие столько внимания к вопросам качественного подбора пар. Отсюда напрашивается вывод, что Кампанелла либо допустил очевидную ошибку, либо попал под чье-то влияние.

4. Любые отклонения от нормальной половой жизни карались самым суровым образом.

5. И последнее. Наличие полной (Город Солнца) или частичной (Тауантинсуйю) селекции при составлении брачных пар, мало или совсем не учитывающей личные симпатии вступающих в половые отношения (брак).

И вновь мы вынуждены сделать отступление, чтобы попытаться разобраться в отдельных, но чрезвычайно важных деталях, которые характерны для интересующих нас произведений.

Несомненно, что институт «избранных девственниц» служил для клана инков своеобразным «питомником», поставлявшим достаточно многочисленный отряд будущих чиновников, особенно на местах, и военачальников, ибо инки рядом с любым мало-мальски крупным неинкским начальником ставили своего единокровного представителя, пусть даже бастарда.

Здесь, как нетрудно заметить, имеются элементы формального сходства с политикой соляриев в вопросе деторождения, ибо инки также стремились использовать свою «селекцию» в качестве инструмента, укреплявшего их общество.

Но инкский опыт «селекции», который Кампанелла должен был знать, закончился для инков не просто катастрофой, а почти полным их истреблением, как это достаточно убедительно показал Гарсиласо (*Г*, 629—648). Ибо именно бастард Атауальпа узурпировал власть и развязал в Тауантинсуйю братоубийственную войну, в результате которой в буквальном смысле слова были вырезаны десятки тысяч чистокровных инков и их родичей-бастардов. Внутренние распри, таким образом, сыграли куда более важную роль в завоевании испанцами инкской «империи», нежели боевые кони, огнестрельное оружие и стальные доспехи конкистадоров.

Таким печальным оказался для инков результат их собственных усилий, возведенных в ранг государственной политики, по укреплению «империи» с помощью своей королевской и «божественной» крови, дабы «приумножились бы потомство и каста Солнца, как они говорили» (*Г*, 109).

Вновь возвратимся к тексту книги Кампанеллы.

VI. «...Ничего не совершается без его (Метафизики, или Солнца.— *В. К.*) ведома»,— пишет автор «Города Солнца» (*К*, 44). Несколько ранее он указывает, что Верховный правитель — Солнце «является главою всех и в светском и в духовном, и по всем вопросам и спорам он выносит окончательное решение» (*К*, 39). Таким образом, у соляриев, как и у инков, вся власть сосредоточена в руках одного лица; правда, эта должность выборная.

VII. «Распределение всего находится в руках должностных лиц»,— сообщает Кампанелла (*К*, 45). Очевидно, это те самые десятники, полусотники и сотники, которые обсуждают и решают все важные государственные дела, включая избрание должностных лиц (*К*, 95). «Поскольку знания, почести и наслаждения являются общим достоянием,— продолжает Кампанелла,— то никто не может ничего себе присвоить» (*К*, 45). Когда же изжито и себялюбие, то остается «только любовь к общине» (*К*, 45).

Так мы узнаем, что в основе идеального государства у Кампанеллы лежит община, но зиждется она не на родовых связях и отношениях общинников; ее основой не является и территория, т. е. земля в виде обрабатываемых полей, пастбищ, лесов и т. д., а производственная и духовная общность и даже единство добровольно объединившихся вместе людей. Сама же община, повторяем, образует культурно-экономическую основу общества соляриев, ибо «все, в чем они нуждаются, они получают от общины, и должностные лица тщательно следят за тем, чтобы никто не получал больше, чем следует, никому, однако, не отказывая в необходимом...» (*К*, 47).

Весьма схожую картину мы встречаем и у Гарсиласо, ибо социально-экономической основой Тауантинсуйю также была община (айлью). Мы знаем, что все население страны также

было разбито на десятки, пятидесятки, сотни, пятисотки и тысячи, но не отдельных жителей, а семейств. Их руководители — и здесь десятники, пятидесятники и т. д., находившиеся «в субординации один у другого, младшие у старших» (*Г*, 96), выступали в качестве «прокураторов» и «судей». Именно они в случае необходимости обеспечивали население из общественных фондов тем, в чем оно испытывало недостаток. Иными словами, «начальники» заботились об общине «в случае любой другой большой или малой нужды...» (*Г*, 97). Благодаря этому, пишет Гарсиласо, «они все имели то, что было необходимо для человеческой жизни из еды, одежды и обуви, чтобы никто не мог называть себя бедняком или просить милостыню; ибо того и другого они имели в достаточном количестве, словно они были богатыми; в том же, что касалось излишеств, они были беднейшими...» (*Г*, 285).

«Община делает всех одновременно богатыми и вместе с тем бедными: богатыми — потому, что у них есть все, бедными — потому, что у них нет никакой собственности», как бы вторит Гарсиласо Кампанелла (*К*, 71).

Таким образом, и в Городе Солнца и в Тауантинсуйю мы имеем деление жителей (либо семейств) на одинаковые по численному составу административные единицы; в обоих государствах община является основой экономики; через нее не только идет обеспечение населения всем необходимым, но и осуществляется контроль за тем, чтобы не возникали излишки, могущие принять товарный характер.

VIII. Каковы же социальные результаты такой экономической политики? Оказывается, и они во многом совпадают. В обоих государствах исчезает извечная проблема борьбы за существование, проблема прокормить себя и свое потомство, не умереть с голоду. Так возникает новый психологический климат, неведомая дотоле этика поведения и отношений между самими людьми; здесь иначе относятся к богатству как таковому, к золоту как символу богатства и власти.

«...Так как нельзя среди них встретить ни разбоя, ни коварных убийств, ни насилий, ни кровосмешения, ни блуда, ни прочих преступлений, в которых обвиняем друг друга мы,— пишет Кампанелла,— они преследуют у себя неблагодарность, злобу, отказ в должном уважении друг к другу, леность, уныние, гневливость, шутовство, ложь, которая у них ненавистнее чумы» (*К*, 48). Борьба с ленью и бездельем приводит к тому, что «никакой телесный недостаток не принуждает их к праздности» (*К*, 73). Правда, здесь же мы обнаруживаем весьма необычную функцию, которую государство возлагает на нетрудоспособных соляриев: калека, получающий хорошее вознаграждение за свой посильный труд, одновременно «служит соглядатаем, доносят государству обо всем, что услышит» (*К*, 73). «Вся молодежь прислуживает старшим»,— сообщает Кампанелла (*К*, 57).

Об отношении соляриев к золоту и серебру Кампанелла написал очень мало. В этом вопросе он не сумел подняться ни до глубокого экономического анализа, ни до блистательного юмора Томаса Мора, пустившего в своей утопии чуть ли не все золото мира на производство ночных горшков и тяжелых нашейных колец, которые носили на себе преступники в качестве наказания[26]. Кампанелла просто сообщил, что «золото и серебро они ценят только как материал для посуды или для общих всем украшений» (*К*, 66).

Презрение к богатству, равнодушное отношение к золоту исключают из жизни соляриев такое понятие, как самолюбование, особенно внешнее. Вот почему «самым гнусным пороком считают они гордость, и надменные поступки подвергаются жесточайшему презрению» (*К*, 69).

И в Тауантинсуйю Гарсиласо мы находим схожие явления, правда, они построены на более земной основе и значительно меньше идеализированы. Мы уже не раз говорили об удивительной честности индейцев, однако инки насаждали ее не только путем создания благоприятных экономических условий, но и благодаря жесточайшему преследованию всякого правонарушения. «...Не было у них бродяг и бездельников, [и] никто не решался совершать дела, которые не следовало [делать],— пишет Гарсиласо, и поясняет,— потому что рядом находился обвинитель, а наказание было строгим, в большинстве своем — смертная казнь» (*Г*, 97).

Как и у соляриев, у инков особенно позорным пороком считалась лень. «...Лентяя и ротозея... три или четыре раза публично били камнем по спине или стегали по ногам и рукам плетеными прутами, что среди них считалось весьма оскорбительным...» (*Г*, 276). И еще: «Среди них считалось великим позором и бесчестием, когда кого-нибудь публично наказывали за безделье» (*Г*, 291).

Предусмотрительные инки учитывали и возможность вынужденного безделья, порожденного старостью или долгой болезнью. И здесь они нашли своеобразный «выход» — «подать вшами» (*Г*, 280, 297).

Но государство инков проявляло и иную заботу о немощных калеках и стариках: «Закон в пользу тех, кого называли бедняками, приказывал, чтобы слепых, немых и хромых, паралити-

---

[26] «Из золота и серебра,— пишет Мор,— повсюду, не только в общественных дворцах, но и в частных жилищах, они делают ночные горшки и всю подобную посуду для самых грязных надобностей. Сверх того из тех же металлов они вырабатывают цепи и массивные кандалы, которыми сковывают рабов. Наконец, у всех опозоривших себя каким-либо преступлением в ушах висят золотые кольца, золото обвивает пальцы, шею опоясывает золотая цепь и, наконец, голова окружена золотым обручем. Таким образом, утопийцы всячески стараются о том, чтобы золото и серебро были у них в позоре» (*Мор Т.* Утопия, с. 95).

ков, дряхлых стариков и старух, больных долгой болезнью и других немощных, которые не могли обрабатывать свои земли, одеваться и кормиться своими руками и трудом, [чтобы всех] их кормили бы из общественных хранилищ» (*Г*, *Валера*, 291).

Однако рядом действовал другой закон. Он требовал, «чтобы никто не пребывал в праздности, в связи с чем... даже дети пяти лет были заняты [правда] очень легкими работами, соответствовавшими их возрасту; слепых, хромых и немых, если они ничем другим не болели, также заставляли трудиться на разных работах...» (*Г*, *Валера*, 291). Последнее, как мы видим, имеет полное совпадение с Городом Солнца.

Как и в Городе Солнца, молодежь во всем помогает не только своим родителям, но и всем «бедным», т. е. старикам и старухам, калекам и больным (*Г*, 301).

Схожее отношение в обоих государствах и к драгоценностям. «Золото, серебро и драгоценные камни,— пишет Гарсиласо,—...не считались тем, что было необходимо для войны или для мира, и не рассматривались как имущество или сокровище, потому что, как известно, у них никакая вещь не продавалась и не покупалась за серебро или золото, и им не расплачивались с воинами, не расходовали их, чтобы помочь решить какую-нибудь нужду, которая у них возникала; и поэтому они считали их ненужной вещью, которую нельзя было съесть или купить на нее еду. Они ценили их только за их красоту и блеск, [используя] для украшений и служб в королевских домах и храмах Солнца и домах девственниц...» (*Г*, 281, 282). Такое использование драгоценностей также носило общественный характер.

Мы помним, что солярии считали «самым гнусным пороком» гордость и надменные поступки (*К*, 69). Казалось бы, что в Тауантинсуйю, где правящий клан инков буквально «лопался» от гордости в связи со своим «божественным» происхождением, трудно найти место столь суровому осуждению названных человеческих качеств. Но нет, оказывается, что и в Тауантинсуйю основной массе индейцев не чуждо было точно такое же восприятие человеческой гордыни, особенно когда для ее проявления нет сколько-нибудь серьезных оснований. «Индейцев очень удивляло,— сообщает Гарсиласо,— что испанцы каждый год меняли свою одежду, и они приписывали это [их] тщеславию, самомнению и порочности» (*Г*, 287).

IX. Оба автора осуждают не только богатство, в котором видят источник главных бед человечества, но и нищету, хотя и не выводят непосредственно одно из другого. Так, Кампанелла пишет, что солярии «утверждают, что крайняя нищета делает людей негодяями, хитрыми, лукавыми, ворами, коварными, отверженными, лжецами, лжесвидетелями и т. д.» (*К*, 70). Исходя из этой же концепции, инки действуют на свой, прагматический лад: «У них никогда не применялось денежное наказание, ни конфискация имущества, ибо, говорили они, наказывать за счет

имущества и сохранять жизнь преступникам не проявление стремления освободить государство от плохих [людей], а лишь изъятие имущества у преступников, предоставляющее им большую свободу для того, чтобы они совершали бы еще большее зло» (*Г*, 98).

X. Разным было отношение к проблеме образования в Тауантинсуйю и Городе Солнца. Солярии стремились создать всем равные и благоприятные условия для овладения науками и ремеслами, чтобы лучшие и самые способные имели возможность выделиться в руководители общества. При этом предполагалось и полное равноправие женщин (*К*, 49), хотя оно и не подтверждено ни одним конкретным примером.

В Тауантинсуйю дело обстояло совсем по-другому. Ограничимся тем, что приведем высказывание Инки Рока, которому Гарсиласо (или официальная история Тауантинсуйю) приписывает повышенное внимание к делу образования. Вот что говорил этот сапа инка: «Неразумно обучать детей плебеев наукам, ибо они принадлежат благородным и никому более; потому что [плебеи], как люди низкие, могут вознестись, и загордиться, и дискредитировать, и унизить государство; для них достаточно обучаться ремеслам своих отцов, поскольку не дело плебеев приказывать и управлять, так как возложение на простых людей этих занятий означало бы причинение ущерба службам и [всему] государству» (*Г*, 521).

Здесь достаточно четко изложена инкская политика в области образования. Сходство Тауантинсуйю и Города Солнца в данной сфере заключалось в другом — в требовании и в привитии необычайной добросовестности к тому, что поручено исполнять, а также в универсализме тех знаний и навыков, которые прививались населению. Именно так обучали соляриев; точно так же учили пурехов, исключая из их «образования» науки: «Еще одним искусством владели индейцы Перу, каковым являлось обучение каждого из них с детского возраста всем службам, в которых мог нуждаться человек для человеческой жизни» (*Г*, *Акоста*, 286).

Что же касается добросовестного отношения к труду соляриев и индейцев Перу, то высказывания обоих авторов по этому вопросу обладают таким поразительным сходством, что кажется, что они написаны одной рукой. Так, рассказывая о том, что индейцев поражало в испанцах полное презрение к труду, даже если это касалось их внешнего вида, за которым они весьма тщательно следили, Гарсиласо пишет, что «они (индейцы.— *В. К.*) смеялись над тем, как чинили [одежду] испанцы...» (*Г*, 220).

А вот что отмечает Кампанелла: «...они (солярии.— *В. К.*) издевались над нами за то, что мы называем мастеров неблагородными, а благородными считаем тех, кто не знаком ни с каким мастерством...» (*К*, 50).

XI. Отсутствие семьи и даже личной собственности вносит в жизнь соляриев необычные черты: «Дома, спальни, кровати и все

прочее необходимое — у них общее». По-видимому, чтобы солярий не испытывал к окружающим его вещам чувство привязанности, столь свойственное человеку, из которого легко рождается желание сделать тот или иной предмет своей собственностью, у соляриев через каждые шесть месяцев происходило перераспределение домов и всего имущества (*К*, 56).

Казалось бы, трудно найти аналог подобному явлению в обыденной жизни, но в Тауантинсуйю он имелся. И что самое удивительное, мы находим его не на периферии, а в самой основе деятельности инкского государства — в сельском хозяйстве. Все дело в том, что пахотная земля, которую пурех получал в качестве своего семейного надела, передавалась в его «собственность» только на один год. А к моменту начала нового сезона сельскохозяйственных работ каждый год происходило новое перераспределение наделов (*Г, Акоста*, 278).

Несомненно, перераспределение было вызвано в том числе изменениями в составах семей, входивших в общину, однако, как нам представляется, инки шли на такую меру еще и потому, что видели в ней могущественное оружие психологического воздействия на пурехов, с помощью которого они боролись с появлением собственнических настроений по отношению к обрабатываемой ими земле (об этом будет сказано подробнее ниже).

Таким образом, в обоих случаях авторы используют или описывают один и тот же прием для достижения одной и той же цели. А цель эта лежала в основе деятельности и Города Солнца и Тауантинсуйю. Но если у Кампанеллы методы борьбы с «частнособственническими настроениями» порождены его собственной фантазией, то у Гарсиласо они взяты непосредственно из самой жизни.

XII. Вполне естественно, что вопросы труда и его организации занимают у Кампанеллы одно из центральных мест, ибо соларии приходят к своему идеальному обществу именно через общественный труд, обязательный для всех его членов. Каково же их отношение к своему труду?

«Обработкой полей, военной службой, искусствами и ремеслами,— пишет Кампанелла, имея в виду Неаполь,— занимаются коекак и только немногие и с величайшим отвращением. Но в Городе Солнца, где обязанности, художества, труды и работы распределяются между всеми, каждому приходится работать не более четырех часов в день...» (*К*, 70). По существу, в Городе Солнца работа стала праздником, ибо на нее «идут с трубами, тимпанами, знаменами и исполняют надлежащим образом все работы в самое незначительное число часов» (*К*, 86). Труд соляриев великолепно организован (речь идет о сельскохозяйственных работах), чрезвычайно высока трудовая дисциплина: «Достойно удивления, как все, и женщины, и мужчины, выступают отрядами и во всем подчиняются своему царю (т. е. главному начальнику в каждой из сфер деятельности.— *В. К.*), не проявляя при

этом (подобно нам) никакого недовольства, ибо почитают его за отца или за старшего брата» (*К*, 88).

И в Тауантинсуйю Гарсиласо мы также находим великолепную организацию труда; хронист пишет и о «трудовом энтузиазме» рядовых членов общества.

Начнем с организации труда и рабочего времени, ибо неожиданно здесь мы вновь сталкиваемся с труднообъяснимыми совпадениями. «Мастер (не земледелец.— *В. К.*) отдавал только свой труд и время... каковым являлись два или самое большее три месяца [в году]... он больше не принуждался работать» (*Г*, 302). Если «мастер» привлекал к работе членов своей семьи и «делал за неделю то, что требовало двухмесячной работы, он полностью удовлетворял и выполнял обязательства на тот год, ибо, к счастью, его не могли обложить какой-либо другой податью» (*Г*, 302).

Итак, в Тауантинсуйю «мастер», или, проще говоря, ремесленник, строитель, отрабатывал в год два месяца на государство (оба крайних срока мы отбрасываем), что составляет, как и четыре ежедневных рабочих часа соляриев, одну *шестую часть года.* Не правда ли, неожиданное совпадение?

Но выше шла речь о труженике неземледельце. А как обстояло дело с ним, с главным производителем всех богатств Тауантинсуйю? Здесь все выглядит несколько сложнее, ибо трудно установить почасовой объем всех сельскохозяйственных работ, которые к тому же различаются по годам, коль скоро погода не бывает одинаковой. Нельзя забывать и того, что в разных климатических условиях даже одинаковые сельскохозяйственные культуры, не говоря уже о разных — кукуруза, картофель, кинуа, перец, хлопок, кока и другие, требуют неодинаковых усилий. Но для нашей темы это, в конце концов, не имеет принципиального значения, поскольку, составляя модель своего идеального общества, Кампанелла вполне мог воспользоваться данными лишь по одной из многочисленных сфер трудовой деятельности инкского государства.

Далее, мы знаем от Гарсиласо, что все возделываемые земли, находившиеся на территории любой общины, делились на три «владения», принадлежавших одно — Солнцу, другое — Инке и третье — непосредственно общине. Именно последнее делилось на топу. Два первых «владения» («имущества») также обрабатывали пурехи данной общины. Это была их главная «подать» (*Г*, 278). Коллективно обрабатывались и топу бедняков. Важно отметить неуклонное соблюдение этого порядка, т. е. высокую трудовую дисциплину, ради которой, если верить Гарсиласо, власти шли на строжайшие меры. «Во времена Вайна Капака,— пишет он,— в одном селении Чача-пуйя индеец-рехидор был повешен за то, что объявил обработку земли кураки, который приходился ему родственником, до того, как [была обработана земля] одной вдовы, поскольку этим он нарушил установленный порядок в об-

работке земель, а виселица была поставлена на земле самого кураки» (*Г*, 272).

И у инков процветал «трудовой энтузиазм». На общественные (коллективные) работы, утверждает Гарсиласо, «шли все индейцы, как правило, с величайшим удовлетворением и ликованием, разряженные в парадное одеяние и платье, которые они хранили для своих самых больших праздников... Когда они вспахивали землю [...], они рассказывали многие эпические сказания, которые слагали в честь своих инков; они превращали работу в праздник и ликование...» (*Г*, 272).

XIII. Необычайно любопытны совпадения в военной политике, в ее целях и в отношениях к завоеванным народам соляриев и инков. Так, солярии, приняв решение о начале войны, предпринимают попытку разрешить назревший конфликт мирным путем: «Тотчас снаряжается священник, именующийся ходатаем; он требует от неприятелей возмещения за грабеж, или прекращения угнетения союзников, или низложения тирании. В случае отказа он объявляет войну...» (*К*, 77).

Точно так же действуют и инки: «...они никогда не начинали войну, если на это их не толкали причины, которые казались им достаточно [серьезными], как-то: необходимость покорить разумной и человеческой жизни, в которой нуждались варвары, или из-за обид и беспокойств, которые соседи причиняли их вассалам, но, прежде чем предпринять военные действия, они и раз, и два, и три раза посылали свои требования противникам» (*Г*, *Валера*, 292).

Совпадает и послевоенная политика соляриев и инков на вновь присоединенной территории. «Если постановлено разрушить неприятельские стены или казнить кого-нибудь из неприятелей, то это производится в самый день победы над врагами,— пишет Кампанелла,— после чего они непрестанно оказывают им благодеяния, говоря, что целью войны является не уничтожение, а совершенствование побежденных» (*К*, 83).

С такой же программой выступает перед побежденными и сапа инка; он говорит, что «пришел не ради того, чтобы отнять у них жизнь или имущества, а совершить добро и научить их разумной жизни и закону природы... ибо все совершается ради их блага и пользы» (*Г*, 146).

Совпадают и последующие действия соляриев и инков. «Города (побежденных.— *В. К.*),— пишет Кампанелла,— получают гарнизон и должностных лиц из Соляриев и постепенно приучаются к обычаям Города Солнца, общей их столицы, куда отправляют учиться своих детей, не входя для этого ни в какие расходы...» (*К*, 81, 82).

Инки также оставляли свои гарнизоны в завоеванных землях, а вместе с ними и «губернаторов и министров, необходимых для обучения индейцев и правления имуществом Солнца и инки» (*Г*, 367). Мы знаем также о том, что «наследники господ

вассалов воспитывались.. при королевском дворе... пока не унаследуют свои страны...» (*Г*, 429).

Эту же мысль Гарсиласо подтверждает словами из рукописи Бласа Валера: «Они также забирали в Коско главного касика (царя, вождя.— *В. К.*) и всех его сыновей, чтобы обласкать и одарить их и чтобы они благодаря частым посещениям королевского двора восприняли бы не только законы, и обычаи, и особенности языка [инков], но также их ритуалы, церемонии и суеверия; проделав это, [инка] возвращал кураке его прежнее достоинство и [положение] господина...» (*Г*, *Валера*, 292).

XIV. Следует особо выделить отношение соляриев и инков к земле, поскольку сельское хозяйство составляло главную основу экономической деятельности их обществ и государств. «Земледелию уделяется исключительное внимание: нет ни одной пяди земли, не приносящей плода»,— сообщает Кампанелла (*К*, 86).

Гарсиласо показывает, как на практике осуществляется подобная политика: в Тауантинсуйю повсеместно в гористых местностях строились насыпные платформы-террасы под посевы, поднимавшиеся лестничными уступами высоко в горы. «Там, где почва была скалистой, они убирали камни и приносили землю из других мест, чтобы построить платформы и использовать то место, дабы оно не пропадало... Платформы уменьшались по мере того, как поднимались вверх, доходя до последних, которые часто имели *два или три ряда кукурузы*. Столь усердными были инки в деле увеличения земель под посевы кукурузы» (*Г*, 246; курсив мой.— *В. К.*).

XV. В Городе Солнца «община ест дважды в день» (*К*, 91). Точно так же дважды в день принимали пищу индейцы Перу. «По праздничным дням они (солярии.— *В. К.*) любят и петь за столом...» (*К*, 58). В праздники индейцы Тауантинсуйю устраивали общие обеды, на которые приглашались все, включая самых бедных калек. Эти праздничные обеды проходили «в общем ликовании» (*Г*, 291).

XVI. Немало совпадений у инков и соляриев в таком интересном и важном вопросе, как судопроизводство. Это же относится и к самой концепции правонарушения, особенно преступлений, направленных против государства, и к отправлению правосудия. Нельзя не отметить то, что в идеальном государстве Кампанеллы, как и в Тауантинсуйю Гарсиласо, все же совершаются преступления или как минимум предусматривается возможность таковых.

Как уже было указано выше, в Тауантинсуйю функции прокуроров или обвинителей были возложены на руководителей основных административных единиц. В качестве судей выступали их «начальники». В Городе Солнца «главные мастера» были теми, кто наказывал за преступление (*К*, 97). Здесь мы имеем полное совпадение.

Кампанелла пишет, что «судья тут же или оправдывает, или осуждает» (*К*, 98). Инки также стремились к быстрому судопроизводству: «Они говорили, что если имеется отсрочка наказания, то многие решаются на нарушение закона...» (*Г*, 97). «...В каждом селении имелся судья для возникавших там дел, который был обязан применить закон в течение пяти дней, заслушав обе стороны» (*Г*, 100). Этот закон защищал интересы бедняков, ибо «короли инки хорошо понимали, что бедным из-за их бедности было тяжело искать себе правосудия вне своей земли [и] во многих судах...» (*Г*, 100).

У соляриев в правосудии был весьма любопытный обычай: «...виновного они убеждают и уговаривают до тех пор, пока тот сам не согласится и не пожелает себе смертного приговора, а иначе он не может быть казнен». «Но если преступление,— пишет дальше Кампанелла,— совершено или против свободы государства, или против бога, как против высших властей, то без всякого сострадания приговор выносится немедленно» (*К*, 99).

Нет ничего удивительного в том, что и в Тауантинсуйю преступления против бога и государства карались неукоснительно и жестоко. «...Индейцы Перу,— свидетельствует Гарсиласо,— испытывали величайший страх перед своими законами и проявляли к ним полнейшее почтение, особенно к тем, которые касались их религии и их королей, однако, если находился кто-либо, кто нарушил его, закон применялся по всей своей строгости, без всякого снисхождения, словно речь шла о том, чтобы убить шавку. Ибо инки никогда не создавали [свои] законы, чтобы пугать своих вассалов или чтобы над ними насмехались, а чтобы они приводились бы в исполнение по отношению к тем, кто решился бы их нарушить» (*Г*, 204).

Отмеченное выше совпадение суровости законов в отношении государственных преступников, повторяем, не является чем-то особенным, поскольку любое государство, как правило, наиболее строго карает именно за те преступления, которые подрывают его устои (к каковым относится и официальная религия).

Совсем иначе обстоит дело с первой частью высказывания Кампанеллы, а именно, что у соляриев для приведения в исполнение смертного приговора было недостаточно наличия доказательств или признания самого преступника в совершенном им правонарушении — нужно было еще заручиться согласием на казнь самого преступника [27].

Однако и у инков мы находим нечто схожее с изложенным выше; это как бы дальнейшее развитие указанной морально-правовой нормы, но на более реалистической и прагматической ос-

---

[27] Смысл такой правовой нормы не очень ясен. Можно предположить, что, поскольку Кампанелла в данном вопросе резко противоречит Платону, выступающему в своем «Государстве» решительным противником смертной казни, автор «Города Солнца» этим путем пытается оправдать суровость определяемого им наказания.

нове. Как пишет Гарсиласо, факт совершения преступления полностью противоречит всеобщему «моральному климату» Тауантинсуйю. Дело доходило до того, что «много раз случалось так, что преступники, *обвиняемые своим собственным сознанием*, шли признаваться правосудию в своих тайных грехах» (*Г*, 100; курсив мой.— *В. К.*), хотя «каким бы легким ни было бы преступление», как утверждает тот же Гарсиласо, в подавляющем большинстве случаев виновного приговаривали к смерти (*Г*, 99).

Кампанелла пишет о соляриях: «Они ревностно следят, чтобы никто не оклеветал другого, так как ведь клеветник должен подвергнуться наказанию по закону возмездия» (*К*, 100).

Инки идут дальше и в этом вопросе: «А тот, кто не выдвинул обвинения в связи с преступлением подчиненных, запоздав с ним хотя бы на один только день без достаточной причины, превращал чужое преступление в свое, и его наказывали за две вины, один раз за плохое выполнение своей службы, а другой — за чужое преступление, которое... становилось его собственным» (*Г*, 98). Ничто не должно было помешать свершиться правосудию: если «пострадавший отказывался от жалобы или не выдвигал ее, все равно действовала служба правосудия»... (*Г*, 98).

XVII. И солярии, и инки были солнцепоклонниками. В работе «О наилучшем Государстве» Кампанелла пишет: «Мы изобразили наше Государство языческим, пребывающим в ожидании откровения лучшей жизни и заслуживающим его (т. е. христианства.— *В. К.*), ибо оно руководствуется в своих жизненных устоях велениями естественного разума. Вследствие этого граждане Государства являются как бы наставляемыми в христианской вере...» (*К*, II, 135). И далее: «Мы убеждаем христиан, что жизнь в нашем Государстве столь же соответствует законам природы, как и жизнь Христа» (*К*, II, 135).

Если в приведенных высказываниях Кампанеллы к слову «Государство» приплюсовать слово «Тауантинсуйю», то вряд ли можно точнее сформулировать религиозную концепцию инков в интерпретации Гарсиласо. Монотеизм индейцев; вера в высший дух, невидимый, неслышимый и уж, конечно, неосязаемый, в того, «кто делает со вселенной то, что душа с телом» (*Г*, 72); наличие в святилищах инков креста (*Г*, 75) и еще многие другие «факты» призваны убедить читателя в том, что инки, «руководствовавшиеся в своих жизненных устоях велениями естественного разума», наилучшим образом подготовили свою гигантскую «империю» к быстрому и повсеместному восприятию христианской веры. Таков главный итог многочисленных высказываний Гарсиласо о религиозных воззрениях индейцев Перу. Что же касается Кампанеллы, то в работе «О наилучшем Государстве» он словно бы дал точную и предельно краткую рецензию на пространные рассуждения Гарсиласо.

Бог-творец, и только творец достоин поклонения. «Наибольшим же почтением пользуется у них солнце,— пишет Кампанел-

ла.— Но никакое творение не считают они достойным поклонения и обожания, которое воздают одному лишь богу, и потому ему одному служат...» (*К*, 109, 110).

Ту же мысль, хотя и с несколько иным подходом, мы находим у Гарсиласо в высказывании Инки Рока: «Если бы я должен был поклоняться чему-либо здесь, внизу, я, конечно же, поклонялся бы ученому и благоразумному человеку, ибо он обладает превосходством над всем тем, что имеется на земле (под этими словами подписался бы любой солярий! — *В. К.*). Однако тот, кто родился младенцем, и растет, и в конце концов умирает, тот, кто вчера имел начало, а сегодня конец, тот, кто не может освободить себя от смерти, ни вызволить [...] жизнь, которую у него отбирает смерть, тому не должно поклоняться» (*Г*, 232).

У соляриев, как и у инков, нет тождества между богом-творцом и солнцем: «Бог явил свое нескончаемое великолепие в небе и солнце — своем *трофее* и *изваянии*» (*К*, 110; курсив мой.— *В. К.*).

XVIII. Однако народы-земледельцы становятся солнцепоклонниками не по чьей-то прихоти, а по необходимости. Солнце помогает им создать календарь, жизненно необходимый для своевременной организации сельскохозяйственных работ. В благодарность за это люди становятся солнцепоклонниками, предварительно изучив «поведение» солнца на небосклоне и убедившись в том, что оно не обманет их и не подведет.

Соларии отмечали свои четыре главных праздника в соответствии с днями солнцестояния и равноденствия (*К*, 106). Инки также знали эти дни (*Г*, 120), и у них тоже было четыре главных праздника (*Г*, 121).

Совпадение по календарю главных праздников у солнцепоклонников соляриев и инков — явление естественное. Интересно отметить другое: и соларии и инки наполняли свои религиозные праздники социальным содержанием. «При этом они,— пишет Кампанелла,— разыгрывают глубоко продуманные и прекрасные представления, вроде комедий» (*К*, 106). В манифестациях же инков, происходивших с участием «множества исполнителей» (о них говорилось выше), Гарсиласо выделяет «драмы» с изображением подвигов как самими инками (и самих инков), так и другими народами, вошедшими в их «империю» (*Г*, 383).

На этом мы закончим сопоставления текстов Кампанеллы и Гарсиласо, хотя они могли бы быть продолжены.

КАМПАНЕЛЛА И ТАУАНТИНСУЙЮ

Но за сопоставлениями, которые к тому же подобраны тенденциозно, иногда может ускользнуть главная мысль или, точнее, задача, поставленная в исследовании. В данном случае ее можно сформулировать так: имело ли место заимствование общих или

частных положений одним автором — Кампанеллой у другого — Гарсиласо?

Как нам представляется, приведенный выше сравнительный анализ текстов наталкивает скорее на положительный, нежели отрицательный ответ,— но только наталкивает!

Известно, что влияние других авторов на Кампанеллу было широким и во многом решающим в смысле определения тех или иных концепций, которые легли в основу созданного его гением идеального государства. Вот почему нам следует обратиться к небольшому, но чрезвычайно емкому и глубокому исследованию творчества Кампанеллы академика В. П. Волгина, которое предпослано изданию на русском языке «Города Солнца» (1954 г.). Оно называется «Коммунистическая утопия Кампанеллы» [28].

Именно посредством названной работы станет возможным показать те многочисленные влияния, которые оказали воздействие на выдающийся труд великого итальянца (естественно, что о Гарсиласо там нет даже упоминания). Это важно прежде всего потому, что «зависимость Кампанеллы от его предшественников,— указывает В. П. Волгин,— значительна и ясна; их влияние на него больше, чем на Мора: его утопия, как мы уже говорили, содержит в себе гораздо меньше оригинальных черт...» (*К*, *Волгин*, 28).

Здесь же нужно указать и на другую особенность труда Кампанеллы. «Кампанелла не просто воспринимает то, что ему дает литературная традиция,— отмечает В. П. Волгин,— но преобразует ее материал в согласии с потребностями своего времени и тех социальных групп, интересы которых он выражает. Именно это дает ему возможность, отбросив аристократические черты Платона и приспособленчество «отцов церкви», построить утопическую схему коммунистического общества...» (*К*, *Волгин*, 28).

Для утопистов XVI—XVII вв. было вообще типичным слияние античной и раннехристианской традиций. Подобное слияние являет собой «один из любопытнейших образчиков сознательного или бессознательного приспособления для нужд нового социального спроса идей, выросших на совершенно иной социальной основе» (*К*, *Волгин*, 20).

Кампанелла также использует этот прием; он как бы не замечает неудобных для него положений, например классового характера платоновского «коммунизма» или того, что в сочинениях «отцов церкви» признается неприкосновенность частной собственности.

Нетрудно понять, что указанные В. П. Волгиным особенности творческой манеры Кампанеллы представляют для нас несомненный интерес, ибо именно так можно объяснить, почему в его сочинениях не нашла места инкская модель «идеального» госу-

---

[28] Далее мы будем также придерживаться уже принятой в предыдущем разделе системы ссылок на источники в тексте.

дарства, если, конечно, Кампанелла был, во-первых, с ней знаком, а во-вторых, для сокрытия этого знакомства имелись достаточно серьезные основания. Ниже мы попытаемся показать, что и первое и второе *могло* иметь место.

Итак, какие же литературные влияния на Кампанеллу выделяет академик В. П. Волгин? Прежде всего он указывает, что у Кампанеллы имеются прямые ссылки только на Сократа и Платона. Добавим, что на страницах «Города Солнца» и «О наилучшем Государстве» Кампанелла называет около ста имен (в том числе имена мифических божеств и, естественно, Иисуса Христа). Из них чаще всего (18 раз) встречается имя Платона. За Платоном идет Аристотель (17 раз), но это главный «оппонент» Кампанеллы; далее — Августин (11), Фома Аквинский (11), Климент Римский (10), Амвросий (9), Златоуст (8), Сократ (7) и др. Как пишет В. П. Волгин, Кампанелла «много читал римских прозаиков и поэтов», и их имена также часто встречаются на страницах его сочинений. Он взял у Вергилия руководства по сельскому хозяйству («Георгика») и по животноводству («Буколика»); у него имеется немало совпадений в географии и в названиях с древнегреческой утопией Ямбула (К, *Волгин*, 17, 18).

Наиболее сильное влияние на Кампанеллу оказал Платон; Кампанелла практически повторяет его взгляды на брачные отношения и, что гораздо существеннее, следует за Платоном в вопросе о ведущей роли в идеальном обществе духовной аристократии (*К*, *Волгин*. 18). Правда, у Кампанеллы в отличие от Платона она не носит характера замкнутой касты (по крайней мере формально) и теоретически все солярии равны. «И тем не менее правящие в нем (Городе Солнца) лица соединяют в себе черты жречества с чертами светского учительства, составляют своеобразную духовную иерархию» (*К*, *Волгин*, 19). Таким образом, у Кампанеллы демократия совмещена с принципом «правления мудрых», а «правление мудрых» взято им от Платона.

В. П. Волгин выделяет еще одну группу воздействия на Кампанеллу. Это — ранние христианские писатели, «отцы церкви». Он упоминает Климента, Тертуллиана, Августина и др. Вообще богословы, вплоть до Фомы Аквинского, использованы им широко (об этом можно также судить по нашим подсчетам, приведенным выше). «Он убежден,— пишет В. П. Волгин,— в коммунизме ранних христиан и в том, что общность соответствует не только разуму, но и откровению, заветам Христа. Апостолы, утверждает он, возвратили нас к естественному праву» (*К*, *Волгин*, 20). (Здесь к месту будет напомнить, что и инки, как неоднократно повторяет Гарсиласо, повсеместно утверждали естественное право.)

Несмотря на то что Кампанелла сам ссылается на Мора как на автора утопии, по образцу которой он, Кампанелла, создал свое государство (*К*, II, 133), сколько-нибудь значительного

влияния Томаса Мора в интересующих нас сочинениях Кампанеллы нет. Зато у него много общего с Антонио Франческо Дони — плодовитым писателем и известным философом XVI в. из Флоренции, «давшим набросок социальной утопии, хотя Дони,— замечает В. П. Волгин,— слишком легкомысленный писатель для Кампанеллы» (*К, Волгин,* 21, 22). Добавим, что Кампанелла даже *ни разу не упоминает имени флорентинца.*

Из изложенного видно, что В. П. Волгин дает главным образом общую характеристику тех влияний, которые, как он сам указывает, значительны и ясны. Вместе с тем он счел необходимым обратить внимание и на некоторые, казалось бы, незначительные детали, как, например, заимствование Кампанеллой отдельных названий, совпадения в наименованиях и т. п.

Теперь, когда мы получили достаточно ясное представление о методе работы Кампанеллы, мы обязаны с этих новых позиций вновь вернуться к сопоставлениям, которые были сделаны нами непосредственно по текстам сочинений Кампанеллы и Гарсиласо. И, хотя наша уверенность в том, что обе работы как-то связаны, несомненно возрастает, все же еще остается немало сомнений.

И прежде всего как быть с той злополучной фразой, которая, как было сказано выше, разрушает логический фундамент всех наших построений, поскольку «коварство» жителей Перу — такими их видел Кампанелла — полностью лишает их прав на «гражданство» в идеальном государстве. Воспроизведем полностью эту фразу из «Города Солнца». «Я допускаю,— писал Кампанелла,— что в Абасии[29] и Перу, расположенных частично у экватора, жителям свойственно коварство».

Но давайте внимательно вчитаемся в эту фразу, внимательно. Нам кажется, что в ней заслуживают внимания два момента. Во-первых, Кампанелла не утверждает, а лишь *допускает* отмеченную им возможность. Во-вторых, сама эта возможность как бы ограничена с точки зрения географической — «расположенных *частично* у экватора» (курсив мой.— *В. К.*). Если мы вспомним, что Кампанелла связывает появление у людей коварства с воздействием на них тропического климата, то можно с полным правом резко сократить число обитателей древнего Перу, которые, по Кампанелле, подпадают под понятие «коварных». Ведь основное население Тауантинсуйю и особенно сами инки, диктовавшие моральные и политические нормы «империи» и формировавшие ее «психологический» климат, проживали не в тропической зоне, а в прохладном высокогорье. Более того, инки, стремившиеся подчинить и включить в свою «империю» буквально весь белый свет, проявляли сдержанный интерес к территориям тропической зоны. Ибо там проживали племена,

---

[29] Одно из средневековых названий Абиссинии, или Эфиопии.

включение которых в социально-экономическую жизнь инкского государства представляло невероятные трудности из-за их крайней отсталости (дикости!). Все это достаточно подробно описано у Гарсиласо (*Г*, 499—600) и означает, как это ни парадоксально звучит, что концепция Кампанеллы относительно характера обитателей тропических зон совпадает не только с концепцией, но и с практикой инков в их «внешнеполитической» деятельности.

Мы уже обратили внимание читателя на указание В. П. Волгина на то, что утописты XVI—XVII вв., включая Кампанеллу, умели приспособлять к своим нуждам выросшие на «совершенно иной социальной основе» идеи. Здесь, как нам кажется, ключ к пониманию и той возможной связи, которая могла существовать между «Городом Солнца» Кампанеллы и Тауантинсуйю Гарсиласо. Глубочайшие социально-экономические расхождения в устройстве их базиса и надстройки в представлении Кампанеллы могли не стать (хотелось бы сказать «не стали») непреодолимой стеной, а умение великого итальянца не видеть неудобные или не устраивающие его положения, должно было позволить ему изъять из государственного опыта инков все нужное и полезное для соляриев. Так, Кампанелла, выполняя свой социальный заказ и выступая защитником интересов городской и деревенской бедноты, раздробленной на мелкие уделы и оккупированной иностранцами Италии, мог использовать в духе времени идеи, выросшие не просто на иной, но и на диаметрально противоположной социальной основе. Так могло быть преодолено одно из главных противоречий, которое, казалось бы, полностью разъединяет Город Солнца и Тауантинсуйю. Так мог исчезнуть и след, соединявший эти схожие в главном и одновременно разные книги. Так мог, как и Дони, «исчезнуть» и Гарсиласо...

Теперь нам следует попытаться объяснить, какие причины должны были или могли побудить и даже заставить Кампанеллу «не заметить» не только Гарсиласо, но и в целом все инкское государственное устройство, эту весьма удобную модель для Города Солнца.

Такие причины, несомненно, должны были носить *политический* характер и иметь прямое отношение к личности самого Кампанеллы. Но прежде чем перейти к ним, нам придется еще раз вернуться к проблеме источников, использованных Кампанеллой.

В трактате «О наилучшем Государстве» он пишет: «Возможность существования такого Государства (т. е. Города Солнца.— *В. К.*), как говорилось, *доказана действительностью и опытом*, так как более соответствует природе жить, руководствуясь разумом, чем страстями, жить добродетельно, а не порочно...» (*К*, II, 143; курсив мой.— *В. К.*).

Под опытом, по-видимому, следует понимать труды утопистов — предшественников Кампанеллы, т. е. философское обосно-

вание утопии как доктрины и даже «политической программы». Но что же тогда «действительность»? Кампанелла сам дает ответ и на этот вопрос. Он пишет: «А что такая жизнь (как в Городе Солнца.— *В. К.*) к тому же возможна, показала община первых христиан... и образ жизни христиан в Александрии... Такова же была жизнь клириков вплоть до папы Урбана I...» (*К*, II, 138).

Но у первых христиан и других потенциальных «протосоляриев», даже если мы согласимся с их «коммунистическим» образом жизни, не было никакой практики в государственном масштабе. У них не было государства. Наоборот, они сами жили в «чужих» и чуждых им по духу государствах и, следовательно, не могли с этим не считаться. Здесь, таким образом, действительность представлена в рамках общины, что существенно меняет как значение, так и сам ее характер.

Между тем и схожая действительность, и порожденный ею опыт в государственном масштабе (да еще каком!) существовали «рядом» с Кампанеллой. Но он не видит их, не замечает.

Тогда поставим еще один вопрос: может быть, он действительно ничего не знал о Тауантинсуйю, именно о Тауантинсуйю, а не о книге Гарсиласо?

Нам представляется, что это абсолютно исключено. Он просто не мог не знать об инках и о Перу хотя бы потому, что был одним из самых читающих людей своего времени, а к моменту, когда маленький Томмазо научился читать, уже было издано немало книг о Перу, в том числе столь замечательный труд, как «Хроника Перу» Педро де Сьеса де Леон.

Мы не можем не замечать и такой важный факт, как то, что брат Фома, т. е. Томмазо Кампанелла-монах, принадлежал к доминиканскому ордену, к которому принадлежал и «отец» Вальверде и другие священники, сопровождавшие Франсиско Писарро в его завоевательном походе в Перу. Причем им, монахам-доминиканцам, действительно принадлежала выдающаяся роль (если эти слова уместны) в столь вероломном деле, как пленение Атауальпы и его казнь, фактически приведшая к падению Тауантинсуйю.

Факт этот вряд ли скрывали доминиканцы. Скорее наоборот, они всячески пропагандировали деятельность членов своего братства, приведшую к искоренению ереси на безбрежных просторах языческой «империи» инков, гордясь миллионами «спасенных» ими душ, пусть даже ради этого спасения их, индейцев-язычников, сжигали на кострах или убивали другим, менее мучительным способом.

Но мы не знаем и не можем конкретно сказать, в какой степени был информирован по этому вопросу брат Фома, вступивший в четырнадцатилетнем возрасте в монастырь — ровно полвека спустя после разрушения испанцами царства инков Тауантинсуйю.

Однако можно с уверенностью сказать, что в библиотеках частных резиденций и монастырей, в которых жил или которые посещал Кампанелла — среди них были и монастырь Сан-Доменико Маджоре, располагавший лучшим в Неаполе собранием книг, и библиотека Фердинандо Медичи, великого герцога Тосканы, и т. п., хранились книги либо рукописи или иные документы, в которых «подвиг» доминиканцев в далеком Перу был, несомненно, освещен.

Теперь мы можем перейти к ответу на наш главный вопрос, но поставим его несколько иначе: был ли Кампанелла заинтересован в том, чтобы хоть как-то показать, что именно его братья по монашескому ордену помогли уничтожить то самое реально существовавшее государство, действительность и опыт которого он положил в основу своего идеального общества?

Нам представляется, что здесь не может быть двух мнений. Конечно же, нет. Ибо, во-первых, Кампанелла писал «Город Солнца» в тюрьме непосредственно в ходе процесса инквизиционного следствия. Его приговор еще только готовился. Каждому понятно, что в этих условиях любое дополнительное антицерковное выступление — а упоминание Тауантинсуйю в качестве прообраза Города Солнца могло быть именно так воспринято инквизицией — должно было ухудшить положение подследственного.

Далее, разоблачение доминиканского ордена как одного из разрушителей «идеального» государства инков означало бы для брата Фомы выступление не просто против церковников вообще, а против своих братьев доминиканцев, на помощь которых он был вправе рассчитывать хотя бы по «мундирному» принципу. Инквизиционное следствие во многом напоминало хитроумную интригу, в которой ставкой была жизнь,— вот почему такой умный и искусный в делах спора мастер, как Кампанелла, не мог не учитывать и этого важнейшего для себя обстоятельства.

Наконец, подобная конкретизация модели для Города Солнца была в тот момент чрезвычайно вредна и по политическим соображениям и именно для Кампанеллы. Она направила бы его книгу непосредственно против Испании, но на это Кампанелла пойти не мог, если думал о сохранении своей головы. Вспомним, что Кампанелла оказался в тюрьме и под следствием как один из руководителей антииспанского заговора в Калабрии в 1598 г. и что другие его руководители были почти сразу же после ареста казнены испанскими властями. В тот момент его жизнь спасло то, что он был духовным лицом. Его спасло и то, что он не раз подозревался в ереси и по этой причине подвергался арестам в 1591, 1592, 1593, 1594, 1597 гг., а в 1596 г. был объявлен «сильно заподозренным в ереси» и приговорен к публичному отречению. Вот почему он был передан в руки инквизиции — казнь «еретика», как простого бунтовщика, не устраивала церковь. Теперь же, если бы «Город Солнца» стал еще одним антииспанским

выступлением, Кампанелла не смог бы рассчитывать на спасение своей жизни.

Подтверждение сказанному мы находим и в том, что Кампанелла, всей душой ненавидевший испанцев, оккупировавших его родину, написал «Речи к итальянским князьям», в которых убеждает подчиниться Испании, правда, ради создания единой мировой монархии, в которой, как он надеется, роль духовного владыки должна будет принадлежать папе римскому, что неизбежно скажется на положении самих итальянцев и на их значении в подобном государственном и религиозном объединении всемирного масштаба. Позднее, также в тюрьме, Кампанелла написал другой свой трактат, а именно «Об испанской монархии», в котором развивает эту же мысль о едином мировом государстве. Оно должно быть направлено против всех существовавших тогда правительств, в том числе в против тогдашнего правительства Испании. Однако именно Испании, как самой христианской державе мира, Кампанелла отводил роль главы этого всемирного государства. Здесь мы видим «воплощение в жизнь», правда чисто теоретическое, конечной цели государственности в ее практическом понимании Кампанеллой — «соединение всех людей под единой вселенской властью, отражающей единство бога» (*К*, *Волгин*, 9).

Борясь против испанцев, Кампанелла все же шел им на известные уступки, а главное считался с их реальной силой, побороть которую он не мог. Именно поэтому он предпочитает в «мелочах» не раздражать тех, в чьих руках находилась его жизнь. Между тем даже простой намек на то, что идеальное государство, каковым являлось государство Города Солнца, своим рождением хотя бы чем-то обязано государству инков, было вовсе не мелочью, а вполне реальным и абсолютно конкретным обвинением в адрес Испанской монархии.

К тому же это свое молчание Кампанелла мог вполне оправдать — во всяком случае, для самого себя. Ибо «соединение всех людей под единой вселенской властью», т. е. создание единого всемирного государства единоверцев, в ту эпоху выглядело наиболее реальным — по крайней мере так считал сам Кампанелла — именно под эгидой Испании, как наиболее могущественного государственного образования, и Рима — главы католической церкви. Но тогда сам факт разрушения Тауантинсуйю для его последующего включения в испанскую империю можно было (или даже следовало!) рассматривать в качестве практического шага к достижению выдвинутой Кампанеллой высшей цели.

В этих условиях для сохранения своей жизни, а главное той модели идеального государства, которую он создал в «Городе Солнца», чтобы впоследствии перенести ее на общемировое государство, модели, воплотившей в себе светлые мечты о справедливости и всеобщем человеческом счастье, в основе которых лежали коммунистические принципы, можно было принести в

жертву упоминание о другом, о реально существовавшем «Царстве Солнца», которое помогло великому итальянцу создать свой выдающийся труд, обессмертивший его имя.

Нам представляется, что именно так могли исчезнуть или просто не появиться на страницах «Города Солнца» упоминания о другом царстве солнцепоклонников, об «империи» инков.

ГАРСИЛАСО И УТОПИЯ

Все сказанное выше позволяет утверждать, что Кампанелла мог быть знаком с «Комментариями» Инки Гарсиласо или какой-то их частью еще до завершения своей работы над окончательным вариантом «Города Солнца». Не менее очевидно и то, что если такое знакомство действительно имело место, то именно оно проще всего объясняет поразительное сходство обоих сочинений не только в ряде общих вопросов, но и в отдельных частностях, иногда совпадающих почти текстуально.

Однако даже наличие всех изложенных доводов и соображений все же не позволяет утверждать, что Кампанелла заимствовал у Гарсиласо какие-то идеи или «фактический материал», поскольку прямых доказательств такого заимствования нет.

И все же данный вопрос нельзя считать на этом закрытым — он требует дальнейших исследований, в частности как в плане текстологических сопоставлений обоих сочинений, так и более тщательного изучения окружения в период с конца XVI по начало XVII в. этих двух выдающихся писателей.

Но проведенное нами параллельное чтение и сопоставление текстов «Комментариев» и «Города Солнца» дает возможность уже сейчас сделать еще один чрезвычайно важный вывод: отмеченное сходство этих сочинений позволяет утверждать, что, как и «Город Солнца» Томмазо Кампанеллы, «Комментарии» Инки Гарсиласо де ла Вега следует отнести к литературе утопического социализма, правда в ее своеобразном, американском, и, безусловно, стихийно-примитивном варианте [29a].

Это своеобразие в первую очередь выражено в том, что в отличие от остальных утопистов того периода (XVI—XVII вв.) Инка Гарсиласо «списал» свою модель «идеального общества» с реально существовавшего государства, а не вдохновлялся некими туманно-расплывчатыми образами далеких и неведомых стран, взятыми иногда из рассказов даже не из первых, а из «третьих уст». Более того, он сам был знаком с тем государством, а это

[29a] О месте Кампанеллы в истории развития коммунистических идей нет единого мнения среди советских ученых. Как пишет А. Штекли, «Мор и Кампанелла были отдаленными предшественниками научного социализма». Их не следует объединять «под общей шапкой «утопический социализм»... и применительно к ним вспоминать известные слова об утопическом социализме как об одном из источников марксизма».— Коммунист, 1978, № 18, с. 76.

коренным образом отличается от самого достоверного рассказа любого очевидца.

Такая позиция одновременно облегчала и до крайности усложняла задачу Инки Гарсиласо как писателя. Облегчала потому, что многие из элементов описываемого им общества были уже давно — по крайней мере целую сотню лет — «отшлифованы» и доведены до совершенства инкской «пропагандой» и потому представлялись вполне завершенной, идеальной моделью того или иного социального «устройства» (института) инкского государства либо общества. Сложность же в работе с подобным «материалом» заключалась в том, что на практике, т. е. в повседневной жизни, эта же самая модель зачастую имела вид своего антипода (например, институт митмака).

Но то были частные вопросы; к тому же право выбора оставалось за самим Гарсиласо. Куда бо́льшая сложность должна была возникнуть у него с руководителями описанного им идеального общества. Здесь не было выбора. Должно быть, поэтому данная проблема осталась полностью не решенной: Инка Гарсиласо не смог, а вернее, даже не поставил перед собой задачу «устранения» из своего идеального государства наследственного клана правителей Тауантинсуйю, т. е. инков.

Он пошел по другому пути, искренне полагая, что автократический строй Тауантинсуйю не является препятствием для создания идеального общества. Но если это так, то утопия Гарсиласо не может носить социалистический (коммунистический) характер — таков, казалось бы, логический вывод из сказанного.

Действительно, утопии были разными не только в отдельных деталях, характеризующих устройство идеальных обществ и государств, но и в их политическом и социальном содержании. Как указывает советский исследователь Л. С. Чиколини, «одновременно с зарождением утопическо-социалистической мысли, которая отражала настроения угнетенных и обездоленных, возникали в противовес ей утопические системы, защищавшие интересы привилегированных слоев общества» [30]. Более того, подобные утопии «служили средством борьбы с утопическими воззрениями низов, *орудием защиты господствующих классов*» (курсив мой.— *В. К.*) [31].

Исходя из этого, дабы определить характер утопии Гарсиласо, правомерно поставить вопрос: были ли «Комментарии» орудием защиты господствующих классов Тауантинсуйю и если да, то кого именно следует включать в эту *социальную* категорию из тех, кого Инка Гарсиласо защищает в своем труде?

Чтобы ответить на него, мы вновь воспользуемся работой Л. С. Чиколини, в которой подробно разбирается именно такая, стоящая на защите интересов господствующих классов утопия

---

[30] *Чиколини Л. С.* Из истории политической мысли Италии XVI в.— Вопросы истории, 1974, № 10, с. 97.
[31] Там же, с. 93.

итальянского мыслителя XVI в. Франческо Патрици да Керсо (1529—1597), изданная под названием «Счастливый город».

«Патрици,— пишет Л. С. Чиколини,— разделил людей (своего идеального государства.— *В. К.*) на различные категории по их способностям к занятиям и определял им различные права и положение в обществе. Он отнюдь не был сторонником равенства людей. *Вся идеальная картина, нарисованная в «Счастливом городе», касалась только избранных»* (курсив мой.— *В. К.*) [32].

Всех обитателей (именно обитателей, а не граждан) «Счастливого города» Патрици разделил на шесть категорий. Три из них — избранные. К ним относятся «воины», «правители» и «жрецы». Это и есть собственно «граждане», поскольку три другие категории живут в городе, как живут в доме у хозяев *слуги*. К последним относятся «крестьяне», «ремесленники» и «торговцы» (какое оскорбление для зарождавшегося класса буржуазии!). Вполне естественно, что утопия Патрици защищала интересы военно-аристократической и клерикальной верхушки тогдашней раздробленной на лоскутные государства Италии. На основную же массу населения даже «Счастливого города» (читай: трудового населения Италии) утопия со своим идеальным обществом не распространялась. Такова предельно сжатая схема «идеального общества» Патрици.

На первый взгляд, эта схема мало чем отличается от того, что мы находим в Тауантинсуйю Инки Гарсиласо. Но это только на первый взгляд.

Как известно, инки были представителями господствующего класса «империи» Тауантинсуйю и, как историк, Инка Гарсиласо не мог не считаться с этим фактом. Было бы трудно упрекнуть Гарсиласо в том, что он идеализировал их положение в общей социальной системе страны. Скорее наоборот, он несколько ухудшил его, это их положение, чтобы еще рельефнее показать те негативные изменения, которые произошли в Перу при испанцах. Но даже и в этом случае положение инков не нуждается в идеализации: слишком идеальным было для них созданное ими самими государство. Вот почему Гарсиласо, как уже говорилось, избрал другой путь: он идеализировал самих инков — и идеализировал их в первую очередь как организаторов того утопического общества, которое предстает перед читателем со страниц «Комментариев». Общества одинаково прекрасного для всех, для всего населения Тауантинсуйю, включая последнего пуреха. Иными словами, Гарсиласо идеализировал саму социально-экономическую систему Тауантинсуйю. Именно ее, эту систему, правда после разрушения «империи» инков, без всяких оговорок стали называть (да и сегодня нередко называют) «коммунистической» или «социалистической». Более того, у Гарсиласо инки, а не основная масса населения выступают активными защитни-

---

[32] *Чиколини Л. С.* Из истории..., с. 94.

ками, гарантами этой системы и, следовательно, защищают, помимо своих, также и интересы всей этой массы. Всем, кто нарушит эти «идеальные» порядки, грозит смертная казнь. Инки ведут не менее решительную борьбу и за вовлечение в свое «идеальное» общество все новых и новых граждан, «ради» чего захватывают одно за другим граничащие с ними «царства» и «провинции». Они — покровители и защитники обездоленных, заботливые отцы и благодетели простого народа. Все это и есть идеализация инков и их общества, доведенная до откровенной утопии.

Но в момент, когда Гарсиласо писал свои «Комментарии», инки уже перестали быть кланом правителей Тауантинсуйю; не были они и представителями господствующей верхушки колониального Перу — вспомним, что писал об их положении Гарсиласо в последней главе «Комментариев». Гарсиласо, без сомнения, идеализируя инков, защищал тем самым их интересы в своем труде. Но он делал это не ради реставрации их правления, поскольку понимал, что конкиста носила исторически необратимый характер, а с целью *изменения ужасающего положения индейского населения колониального Перу*. Мы не найдем у него гневного обличения «доброго правления» испанцев. Более того, все надежды на решение этой жгучей проблемы своей первой родины он связывал только с испанцами — не будем забывать, что он сам был наполовину испанцем, поскольку они действительно обладали реальной силой и могли, как ему казалось, проявив добрую волю, изменить положение аборигенов Перу. Это было еще одним заблуждением великого метиса (еще одной утопией!).

Но, защищая интересы индейского населения Перу, Гарсиласо тем самым выступал защитником подавляющей массы жителей колонии, ибо в ту эпоху испанцы и креолы (метисы находились по обе стороны социального барьера) все еще составляли ничтожно малую долю ее населения. Следовательно, его государство «предназначалось» не для узкой элиты «граждан» за счет широких масс «слуг», а совсем наоборот. Вот почему, несмотря на все своеобразие и отклонение от классических норм утопического социализма, мы никак не можем признать «Комментарии» Инки Гарсиласо социальной утопией, защищающей интересы правящих классов. Последнее обстоятельство, имеющее принципиальное значение, позволяет отнести его сочинение к категории стихийно-примитивного утопизма с элементами социалистического характера.

Однако это ни в коем случае не означает, что между реально существовавшим Тауантинсуйю и государством инков из сочинения Гарсиласо можно ставить знак равенства. Более того, сами «Комментарии», хотя и являются — мы не устанем это повторять — великолепным образцом официальной пропаганды инков о созданной ими «империи», могут быть использованы как источник информации об инках и о Тауантинсуйю только при условии

двойной коррекции, учитывающей, во-первых, этот их официозный характер, а во-вторых, ту социальную и политическую миссию, которую возложил на «Комментарии» автор.

РАННЕКЛАССОВОЕ ОБЩЕСТВО ИНКОВ

Каким же было социально-экономическое устройство созданного инками общества? По этому вопросу нет единого мнения в современной перуанистике, как зарубежной, так и отечественной. Это позволяет нам высказать свое суждение, которое следует рассматривать в качестве рабочей гипотезы, ибо, как нетрудно понять, данная проблема должна стать самостоятельным фундаментальным исследованием. Помимо всего прочего, такое исследование необходимо потому, что в зарубежной исторической науке имеется достаточно четко выраженная тенденция выделить «инкский опыт» в некую особую форму развития человечества, якобы не вмещающуюся в общие законы исторического материализма. А это в свою очередь ведет к дальнейшим спекуляциям, имеющим достаточно очевидную цель: «особый» путь в прошлом предполагает или как минимум не исключает «особого» пути в настоящем...

Бесспорно, что в основе всей экономической деятельности Тауантинсуйю лежала родовая община — айлью. Внутреннее и внешнее общественное (политическое) и экономическое положение общины было весьма своеобразным. Внутри общины находилась моногамная семья — совокупность моногамных семей, что подтверждается господством отцовского права и наличием первого (если не главного) показателя, свидетельствующего о моногаммах: «экономических условий» (по Энгельсу)[33]. Земельный надел — топу — выделялся *мужчине*, как главе имеющейся (или могущей возникнуть в будущем!) семьи, а также его детям, *но не жене*. Размер выделяемого при ежегодном перераспределении общинных земель семейного надела (т. е. количество топу) зависел только и исключительно от численного состава семьи. Подчинение семьи общине носило абсолютный характер (см. Гарсиласо), однако сам общинник не был на положении раба, поскольку имел право на земельный надел для своей семьи, и в этом смысле — только в этом смысле! — был его владельцем (собственником); он сам избирал руководителей административных подразделений общины из 5, 10 и даже 50 семей и, следовательно, мог сам быть избран таким руководителем. Во главе ста и более семей уже стояли кураки — представители родовой знати, занимавшие этот «пост» по наследству.

Между тем Ф. Энгельс в своей выдающейся работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства» указывает, что «окончательная победа (моногамной семьи.— *В. К.*) —

[33] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. в трех томах, т. 3. М., 1966, с. 265.

один из признаков наступления эпохи цивилизации»[34], т. е. зарождения классового рабовладельческого строя. В другом месте он пишет: «Дикости соответствует групповой брак, варварству — парный брак, цивилизации — моногамия, дополняемая нарушением супружеской верности и проституцией»[35]. О двух последних явлениях — спутниках моногамии достаточно подробно пишет Гарсиласо (*Г*, 220, 221), а выдающийся хронист-индеец Гуаман Пома де Айяла не только приводит перечень наказаний для прелюбодеев, но и изображает в рисунках эти наказания[36].

Однако моногамия является всего лишь признаком наступления эпохи цивилизации, т. е. крушения родового строя и его главного института — общины; разрушают же родовой строй два *крупных разделения* общественного труда, на которые указывает Ф. Энгельс в той же работе: выделение пастушеских племен[37], эквивалентом которого в условиях запада, т. е. Америки, являлись орошение возделываемых полей и постройки из адобов[38], а также отделение ремесла от земледелия[39]. Оба эти явления четко просматриваются не только в инкском обществе, но и в предшествовавших инкам древнеперуанских цивилизациях.

Далее Ф. Энгельс пишет, что родовой строй «...был взорван разделением труда и его последствиями — расколом общества на классы. Он был заменен *государством*»[40]. Между тем имеется целый ряд признаков-характеристик, указываемых Ф. Энгельсом в цитируемой нами работе, которые применительно к Тауантинсуйю говорят именно о том, что инкское общество уже перешагнуло первобытнообщинный строй, а созданная инками административно-управленческая надстройка являлась не чем иным, как *государством*. Напомним главные из них (по Ф. Энгельсу): государство отличается от родовой организации — 1) территориальным делением; 2) наличием публичной власти; 3) взиманием налогов, которые «были совершенно не известны родовому обществу»; 4) появлением органов, стоящих над обществом[41]. Подтверждение всего этого мы находим у Гарсиласо и других хронистов. Ф. Энгельс указывает, что родовые связи разрываются путем разделения членов общества на привилегированных и непривилегированных[42]; в инкском обществе это было наглядно выражено в системе налогов, разделившей все население страны на меньшинство, *не платившее налоги*, и подавляющее большинство, *выплачивавшее налоги* (в том числе и личным тру-

---

[34] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. в трех томах, т. 3, с. 262.
[35] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. в трех томах, т. 3, с. 274.
[36] *Guamán Poma.* Corónica..., p. 306.
[37] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. в трех томах, т. 3, с. 352.
[38] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. в трех томах, т. 3, с. 227.
[39] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. в трех томах, т. 3, с. 355.
[40] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. в трех томах, т. 3, с. 361.
[41] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. в трех томах, т. 3, с. 362, 363.
[42] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. в трех томах, т. 3. с. 307.

дом). Раскол общества делает государство необходимостью[43], а публичная власть, отделенная от массы народа,— один из характернейших признаков появления государства[44]. Типичное для Тауантинсуйю господство над покоренными племенами и народами «несовместимо с родовым строем»[45].

Можно указать еще на многие явления, свойственные Тауантинсуйю и свидетельствующие о том, что инкское общество уже вступило в период цивилизации.

Однако... однако имеются две чрезвычайно важные особенности инкского общества, ставящие под сомнение такое утверждение. К ним относятся отсутствие, во-первых, товара и «товаротоваров» — денег, а во-вторых, рабов, без наличия которых абсурдно говорить о рабовладельческом характере любого общества.

Что касается первого, то создавшуюся в Тауантинсуйю ситуацию можно объяснить практическим *отсутствием* в фауне этого географического района животных, которые могли бы стать домашним скотом; между тем именно скот становится не только первым товаром, но и первыми деньгами. Его отсутствие в Америке резко затруднило процесс первоначального накопления и возникновения частной собственности. Попытку увидеть в листьях коки, в перце или иных сельскохозяйственных культурах своеобразные инкские «деньги» вряд ли следует признать правильной. Можно согласиться, что в дальнейшем они могли принять на себя функции денег, но к моменту прихода испанцев в Перу такого не случилось. Здесь, как нам представляется, в силу особых природных условий, а именно из-за отсутствия скота — лошадей, коров, овец, свиней — сложились объективные условия, *затормозившие* этот исторически неизбежный процесс[46].

Сложнее обстоит дело с рабами. Один из лучших знатоков хроник XVI—XVII вв. Хесус Лара прямо утверждает: «Никто из хронистов, занимавшихся тем периодом, не познакомил нас с неким могущественным человеком, владельцем рабов. Многие из них показывают, как те и другие племена ввязывались в войны, лишаясь своих земель и другого добра, даже своих женщин; много раз побежденные истреблялись, но их не обращали в рабство»[47]. К сказанному можно добавить, что испанские хронисты были прекрасно знакомы с институтом рабства и не заметить его у инков, если бы таковой имелся, они не могли — напомним, что у того же Гарсиласо была рабыня-мавританка.

[43] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. в трех томах, т. 3, с. 365.
[44] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. в трех томах, т. 3, с. 314.
[45] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. в трех томах, т. 3, с. 345.
[46] Это же подтверждает сложившееся в Тауантинсуйю отношение к драгоценным металлам, достаточно ярко описанное Гарсиласо. Хотя из рассказанного им многое выглядит наивным, все же именно у него дана наиболее достоверная картина использования при инках золота и серебра, которое никак нельзя принять за «денежное обращение».
[47] *Lara J.* La Cultura..., p. 60.

Лишь янакон, которых испанцы сразу же выделили из основной массы населения, можно отнести к категории домашних рабов. Но их роль в экономической деятельности инкского общества ничтожно мала, как ничтожно мала их численность — несколько тысяч на многомиллионное население Тауантинсуйю. Между тем одно только наличие данной категории населения — янакон, положение которого радикально отличалось от подавляющей массы трудящихся-общинников, само по себе служит доказательством того, что инкское общество нельзя также относить к «азиатским формам собственности», поскольку, как указывает К. Маркс, Востоку было свойственно «поголовное рабство»[48].

И все же вопрос о рабовладельческом строе в Тауантинсуйю на этом нельзя считать закрытым, и вот почему. Мы уже говорили о внутреннем положении общины. Но на нее воздействовала и внешняя среда, и в том числе «общинная политика», проводившаяся кланом правителей.

Община-айлью не была «изобретением» инков. Они взяли ее из тысячелетнего опыта-практики народов-предшественников. Но они не просто взяли ее, а превратили общину в главный инструмент всей своей государственной деятельности: экономической, социальной, политической, культурной. Более того, там, где в силу специфических особенностей развития не было айлью, инки сами стали создавать «общины» из местных жителей[49], добиваясь единой — унифицированной — системы управления всей «империей»[50].

Но те же инки, сохраняя и насаждая общины-айлью, самым решительным образом разрушали любые объединения этих же айлью, т. е. те самые «царства» и «провинции», которые поглощала их «империя». Этим путем они стремились обособить, изолировать, оторвать от других общин базовую единицу своего общества, чтобы впредь иметь дело только с «индивидуальными» айлью — термин, удачно примененный перуанским исследователем К. Нуньесом Анавитарде. Вследствие такой политики «социально-экономическое сколачивание («империи». — *В. К.*) стало результатом не объединения конфедераций айлью, а прямой зависимости последних от центральной власти. Сама «империя» являлась конфедерацией всех айлью. Она не признавала другие кон-

---

[48] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 485.

[49] См.: *Nuñez Anavitarde C.* El Ayllu y la Marca en el antiguo Perú. Cuzco, 1965.

[50] Можно предположить, что существовавшая в Тауантинсуйю система административного деления на 10, 50, 100 и т. д. «дворов» возникла именно в процессе создания новых «общин» и лишь по прошествии какого-то времени, когда такая форма учета населения показала свои практические («арифметические») преимущества, она была перенесена на все подвластные Куско народы. Вполне допустимо, что этот же процесс объединения в общины породил идею митмака, поскольку само объединение не могло обойтись без принудительных переселений какой-то части будущих общинников. Однако повторяем, что это только предположения.

федерации»[51]. Инки считали их враждебными и опасными для себя.

Прямая зависимость от «центра» содержала в себе еще один важный момент: разрушение традиционных связей, как правило, скрепленных пусть далеким, но все же кровным родством (или памятью о таковом), делало айлью беспомощным, полностью беззащитным перед всемогущим Куско.

Таким образом, инки укрепляли общину, но не путем ее дальнейшего развития, которое лишь ускорило бы ее разложение, а через полное подчинение айлью интересам «империи». Поясним свою мысль: гарантом целостности общины было ее *абсолютное бесправие* по отношению к верховной власти, власти клана инков, скрепленное личной ответственностью каждого ее члена за всю общину и всей общины за каждого общинника. Доказательством наличия именно такой ситуации является митмак — широко практиковавшееся инками насильственное переселение не только отдельных общин, но и целых народов.

Институт митмака в еще большей степени, чем при азиатских формах собственности, укреплял за «*объединяющим единым началом*» (по К. Марксу) право собственности на землю, фактически абсолютизируя это его право, в результате чего община была лишена возможности выступать даже в качестве «наследственного владельца» землей. «...В условиях восточного деспотизма и кажущегося там юридического отсутствия собственности,— писал К. Маркс,— фактически в качестве его основы существует эта племенная или общинная собственность...»[52]

Между тем в инкском обществе мы наблюдаем противоположное явление: при наличии митмака собственность общины на землю являлась всего лишь иллюзией.

Поставив общину и каждого ее члена под строжайший контроль, эффективность которого обеспечивала сама община, чему во многом способствовали неизжитые высочайшие нравственные нормы родового строя (повторяем, что о них говорят все хронисты, не скрывающие своего восторга и даже недоумения по поводу честности индейцев), инки-правители превратили именно общину в главное *орудие эксплуатации* населения своей гигантской «империи».

В Тауантинсуйю действительно не было рабства в обычном, классическом понимании этого исторического явления, т. е. *индивидуального* рабства; вместо него, отвечая новым требованиям нового *классового* общества, в положении *коллективного раба оказалась сама община.*

При знакомстве с положением общины больше всего поражает ее полнейшее бесправие. По существу все ее социально-экономические функции сводились исключительно к одним *обязанно-*

---

[51] *Nuñez Aravitarde C.* El Ayllu..., p. 35.
[52] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. I, с. 463, 464.

стям: община поставляла воинов; сама занималась общественными работами (ремонт дорог, мостов, строительство оросительных каналов, платформ-террас для посевов и т. д.) или выделяла людей для работ «общегосударственного» масштаба и значения; она обеспечивала людьми все «государственные службы» как индивидуального характера (почтовые курьеры часки), так и коллективные — целые селения, т. е. те же общины, несли службу «коллективных» дровосеков, водовозов, домашних слуг, поваров, переносчиков императорских носилок, специалистов по отдельным видам ремесел и т. п. Четкая специализация общин обеспечила высокое качество всех этих служб.

Главной же обязанностью общины было земледелие — основа основ всего могущества Тауантинсуйю. Оседлость населения и земледелие — явления, взаимно обусловливающие друг друга. Инки не могли не понимать этого, однако (здесь мы высказываем еще одно предположение), чтобы у общинника-земледельца не возникало ощущения права собственности на обрабатываемую им землю, ежегодно имело место каждый раз новое *перераспределение* участков пахотной земли между всеми членами общины, включая местную аристократию. Выделяемые наделы имели точные размеры, нарушение которых в любую сторону каралось строжайшим образом. Количество топу изменялось лишь с увеличением или уменьшением семьи, что являлось эффективным стимулятором повсеместного роста населения — это также отмечается всеми хронистами и современными исследователями. Перераспределение земли решало и эту экономическую задачу, но одновременно оно создавало у общинника достаточно четкое ощущение своей полнейшей зависимости от общины и от верховной власти, которая и была владельцем единственного источника его существования — земли.

Еще в большей степени о бесправии общины свидетельствует митмак, и не тогда, когда переселение осуществлялось ради интересов государственной безопасности, а тогда, когда расселялись густонаселенные районы и осваивались целинные земли. По указанию властей тысячи мирных земледельцев со своими семьями снимались с насиженных мест и навсегда покидали родные края. Они проходили сотни километров трудного пути, чтобы на новых землях, открытых, завоеванных или опустошенных воинами «сына Солнца», возделывать благословенный маис, или картофель, или чудодейственную коку. Вряд ли они понимали, что все невзгоды, трудности и страдания, которые им приходилось при этом пережить, должны были помочь решению важной и сложной задачи — усилению экономического потенциала «их» государства.

Все без исключения хронисты отмечают отсутствие нищеты и даже бедности в Тауантинсуйю. Основываясь на их сообщениях, Луис Э. Валькарсель пишет, что «...Империя Куско гарантировала всем человеческим существам, находившимся под ее юри-

сдикцией, право на жизнь через полное удовлетворение первостепенных физических нужд в питании, одежде, жилище, сохранении здоровья и в половых отношениях»[53]. Именно эта «сытость» и «обутость» породила всевозможные высказывания о «коммунистическом» характере инкского общества, однако эти самые «сытость» и «обутость» общинника никак не противоречат высказанному выше мнению о положении общины — греческий или римский рабовладелец также должен был заботиться о благополучии своего раба, если хотел заставить его работать. Впрочем, община сама кормила и одевала и господствующие классы и себя (это и было ее единственное право!), чему во многом способствовали выдающиеся сельскохозяйственные культуры — прежде всего кукуруза и картофель — и высочайшие организация и техника земледелия, которые, к слову будет сказано, отнюдь не являлись изобретением или достижением инков, а были лишь заимствованы ими из тысячелетнего опыта индейцев Перу, как, впрочем, и сама община.

Именно такой вырисовывается схема экономической и политической ситуации Тауантинсуйю к моменту прихода испанцев. В жизни же все было гораздо сложнее. Институт янакун укреплялся; земля, ставшая в результате завоевательных походов монопольной собственностью правителей из Куско, превратилась в предмет *вознаграждения* неинкской аристократии и отличившихся воинов, а это означало появление *частной собственности* на землю. Местная знать постепенно набирала силы, используя созданные или получившие дальнейшее развитие при инках социально-экономические институты. На обширных просторах, лежавших у границ Тауантинсуйю, не было внешней силы, которая могла бы устоять против армии инков. И, хотя казалось, что в мире уже нет ничего, что могло бы угрожать благополучию «сынов Солнца», «империя» инков делала первые шаги к своему неизбежному краху.

Почти сто лет непрерывных войн; огромный административно-бюрократический аппарат, без которого не могло обходиться государство, протянувшееся с севера на юг на тысячи километров; участившиеся восстания в наиболее отдаленных и крупных провинциях и королевствах; строительство гигантских культовых и иных сооружений, призванных прославить могущество инков-правителей, а также новые социально-экономические отношения, зарождавшиеся внутри этнически пестрого общества, созданного инками, не могли не подорвать экономическую основу Тауантинсуйю — общину. Гигантские людские массы, оторванные от сельскохозяйственного производства, двигались нескончаемым потоком по всем «Четырем сторонам света».

---

[53] *Valcarcel L.* El Estado Imperial de los Incas.— Biblioteca de Cultura Peruana Contemporanea, s. f., p. 143.

Строжайшая внутренняя дисциплина, введенная железной рукой Пачакутека в самом клане инков, постепенно подтачивалась сказочной роскошью и отсутствием сдерживающих начал ничем не ограниченного всевластия не только инки-правителя, но и всех его ближайших родичей, число которых стремительно возрастало благодаря институту «избранных девственниц». Борьба за власть обрела типично придворный характер. Тупак Инка Юпанки (10-й Инка) умер в расцвете сил, отравленный одной из своих многочисленных жен[54]. Брат умершего, знаменитый воин Уаман Ачачи, посадил на престол не старшего, а младшего сына Тупака Инки Юпанки. Второй его дядя Уальпайя, назначенный регентом, попытался умертвить августейшего племянника, дабы освободить трон для своего собственного сына...[55]

Заговоры следуют один за другим, летят с плеч долой «чистокровные головы» ближайших родичей самого могущественного, самого сиятельного и самого блистательного правителя Тауантинсуйю Инки Уайна Капака. После его смерти начинается братоубийственная война между Инкой Уаскаром и Атауальпой, которой так умело воспользовались испанские конкистадоры.

Естественный и объективно неизбежный процесс разрушения тех социально-экономических устоев, на которых была создана «империя» инков, был нарушен испанским вторжением. Поэтому хронисты как бы зафиксировали срез этого процесса, по которому трудно, а точнее, невозможно определить границы перехода из одной формации в другую. Вот почему они не дают возможность обнаружить сколько-нибудь полную совокупность социально-экономических институтов, которые через призму производственных отношений и производительных сил определяют конкретное содержание любой исторической формации.

Вспомним, что нечто схожее происходило с германцами после завоевания ими рабовладельческого Рима, на что указывал Ф. Энгельс. «...Так как с этим завоеванием не связаны ни серьезная борьба с прежним населением,— писал он,— ни более прогрессивное разделение труда; так как уровень экономического развития покоренных народов и завоевателей почти одинаков, и экономическая основа общества остается, следовательно, прежней, то родовой строй может продолжать существовать в течение целых столетий в измененной, территориальной форме...»[56]

Итак, нам остается попытаться определить, что именно — в смысле социально-экономической формации — застали в Тауантинсуйю европейцы? Они застали там последнюю фазу процесса активного разрушения первобытнообщинного строя, наиболее устойчивые элементы которого — и в первую очередь родовая община — успели срастись и включиться в обслуживание новой,

---

[54] *Purizaga M.* Huayna Capac.— Biblioteca Hombres del Perú, p. 63.
[55] Ibid., p. 70—73.
[56] *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. в трех томах, т. 3, с. 361, 362.

зародившейся социально-экономической формации — *рабовладельческого строя.*

Этот процесс имел ряд специфических особенностей: во-первых, классовое рабовладельческое общество уже было известно в пределах географических границ развития этого процесса (например, мочикская цивилизация), что создавало условия для значительного ускорения самого процесса (по мнению большинства исследователей, инки именно у мочиков заимствовали административную систему, «модель» строительства городов и высочайшую технику земледелия); во-вторых, этническая группа — индейцы кечуа, руками которой история осуществляла это преобразование, продолжала находиться под доминирующим влиянием одного из главных компонентов предшествующей формации, а именно *родовой общины*, которую она сумела «приспособить» к новым условиям, придав ей черты территориального характера. По этой причине новое, более передовое общество было вынуждено включить (скорее всего временно) в новые производственные отношения старую (хотя и частично обновленную) общину, превратив ее в «коллективного раба» — что-то вроде института илотии в Древней Спарте. Параллельно шел процесс высвобождения общинника-земледельца или общинника-ремесленника из все еще достаточно могучих «родовых цепей» общины и его превращения в «свободного» от общины раба. Появление у местной неинкской аристократии, составлявшей бо́льшую часть господствующего класса («неналогоплательщики»), частной собственности на землю активно способствовало этому процессу.

Таким образом, классовый характер инкского общества не вызывает сомнений; убедительное подтверждение этому читатель найдет, в частности, в «Комментариях» Гарсиласо, особенно в его рассказе о расправах Атауальпы над родичами и над окружением двора Инки Уаскара. Именно на этих страницах чрезвычайно ярко, хотя и не преднамеренно, раскрывается неопровержимо убедительная картина «иерархической (классовой) лестницы» инкского общества.

Повторяем, что это только схема социально-экономической структуры «империи» инков, реальная действительность которой отличалась значительно бо́льшим многообразием форм ее конкретного воплощения в жизнь. Для нас же главным является то, что социально-экономическое развитие Перу, при всем своем своеобразии и оригинальности, *было подчинено общим законам развития человеческого общества.*

Отсюда следует не менее важный вывод: яркое своеобразие Древнего Перу не может отлучить Перу сегодняшнего дня от важнейших процессов современности, и главного из них — движения к социализму, как это утверждают некоторые буржуазные исследователи.

«Основатель нашей партии,— пишет о Мариатеги Генеральный секретарь ЦК Перуанской компартии Хорхе дель Прадо,— провоз-

глашал универсальность марксизма и бессмертие его основных принципов. Широко известно его высказывание о том, что социализм в Индоамерике должен быть не просто копией, а героическим творчеством, которому «мы должны дать жизнь с учетом нашей собственной действительности, в соответствии с конкретными индоамериканскими условиями и определенной языковой средой». Здесь отчетливо выражена и подтверждена та мысль, продолжает дель Прадо, что «марксизм в каждой стране действует согласно условиям данной страны, не оставляя без внимания ни одну из ее особенностей» [57].

Бесспорно, что труды Инки Гарсиласо де ла Вега, созданные почти четыре столетия назад, помогают понять специфические условия и особенности исторического развития Латиноамериканского региона. Они вносят весомый вклад в изучение сегодняшней действительности и, следовательно, в правильную разработку боевой программы действий прогрессивных сил Латинской Америки, действий, которые так удачно и так точно названы героическим творчеством.

---

[57] *Прадо Хорхе дель.* Немеркнущий свет идей Октября.— Правда, 1977. 16 июня.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, мы попытались определить значение и место главного сочинения Инки Гарсиласо де ла Вега в историографии Древнего Перу, в частности среди нарративных источников, написанных по горячим следам конкисты, или как минимум в период, когда в некоторых районах Перу все еще действовала инкская «администрация». Более того, авторы большинства подобных сочинений имели возможность лично познакомиться в той либо иной форме с правлением инков, что позволило им использовать свой собственный опыт при написании хроник.

Избегая детерминативных оценок, мы старались показать, что «Комментарии» сегодня, как и вчера, являются одним из основных источников информации по Древнему Перу, замечательной особенностью которого являются два момента: во-первых, стремление Гарсиласо донести до читателя то, что являлось в Тауантинсуйю официальной (пропагандистской) версией их истории и их права, и, во-вторых, обширнейшая и достаточно глубокая информация практически по любому вопросу жизни инкского государства (включая окружавшую его природную среду).

Отмеченные выше и другие специфические черты сочинения Гарсиласо придали ему характер своеобразной, привязанной к региону социальной утопии, оказавшей несомненное воздействие на развитие в Европе утопического социализма; в свою очередь творчество Гарсиласо сложилось под очевидным влиянием идей великого Возрождения.

Не вызывает сомнений авторская искренность Гарсиласо, его добросовестность. Только в одном вопросе он позволил себе допустить некоторую «передержку»: намечавшуюся в инкском идолопоклонстве тенденцию к монотеизму он показал как уже завершившийся процесс, правда, осознанный и практикуемый якобы лишь верхушкой правящего класса «империи» инков. Политический характер этой «ошибки» Гарсиласо не вызывает сомнений.

Поразительно понимание Инкой Гарсиласо своего места и значения не только как историка и писателя, труды которого сохранят для будущих поколений ценнейший материал о разрушенной испанцами индейской цивилизации, но и в общечеловеческом гуманитарном плане. Постоянно сетуя на то, что детская незадачливость, а в позднее время и память обедняли его рассказ о государстве инков, он опасался не за себя как за автора, которого может постичь неудача из-за этих невосполнимых потерь, а боялся гибели или простого искажения удивительного инкского опыта

строительства своей гигантской «империи», опиравшегося, как Гарсиласо полагал, на государственную мудрость правителей, которые видели свою историческую миссию в постоянных заботах о благе всех своих вассалов, особенно беднейших из них.

Такое его понимание и отношение к своей собственной миссии не менее отчетливо выявились в новом для человечества общественном явлении, связанном с приходом эпохи капитализма,— с возникновением мировой системы международных отношений, одной из главных слагаемых которой стали международные культурные связи [1].

Карл Маркс писал: «Буржуазный период истории призван создать материальный базис нового мира: с одной стороны, развить мировые сношения, основанные на взаимной зависимости всего человечества, а также и средства этих сношений; с другой стороны — развить производительные силы человека и обеспечить превращение материального производства в господство при помощи науки над силами природы...» [2].

Бесспорно, что международные культурные связи «буржуазного периода» участвуют в обоих аспектах, выделенных К. Марксом. Однако это не исключает возможности деятельности только в одном из них, особенно когда речь идет о творчестве отдельной личности, выступающей в сфере гуманитарных наук и литературы.

Вот почему мы не можем не обратить внимание на участие Инки Гарсиласо в развитии «мировых сношений», на конкретный вклад, который он внес в этот только еще зарождавшийся, но чрезвычайно важный общественный и культурный процесс.

Перуанский вклад Гарсиласо в мировой культурный обмен настолько очевиден и эффективен, что о нем вряд ли стоит говорить, ибо даже сегодня мы продолжаем с успехом использовать его. Но этим не ограничивалось и не с этого начиналось непосредственное, активное участие Гарсиласо в международных культурных связях, одним из сознательных творцов которых его можно назвать без всяких оговорок. И самое удивительное то, что его первый вклад в их развитие никак не связан с Новым Светом. Читатель уже догадался, что мы говорим о его переводе с итальянского на испанский язык «Писем любви» Леона Эбрео.

Что это — удивительная прозорливость гениального метиса, сразу же уловившего требования новой эпохи? Или мы ошибаемся, когда говорим о его поразительном понимании не только своего времени, но и своего собственного места и значения, которые ему суждено занять в реальном мире его бытия? Да и понимал ли он, проще говоря, что своей работой над переводом Эбрео он совершает нечто более важное, чем то, что касалось только и исключительно его самого?

---

[1] *Артановский С. Н.* Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967.
[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 9, с. 231.

Вряд ли можно, да и не нужно давать на эти вопросы однозначный ответ. Свое мнение о том, *почему* Гарсиласо начал литературное творчество именно с перевода «Писем любви», мы уже высказали. Что же касается того, как он сам понимал значение этого труда, то он предельно ясно рассказал об этом в предисловии-обращении к королю Испании, предпосланном переводу. «...От имени великого города Коско и всего Перу,— пишет Гарсиласо,— я дерзаю предоставить Вашему Августейшему Величеству нищету этой первой, жалкой и ничтожной *услуги*, хотя для меня она означала огромное усилие в том, что касалось времени и труда, истраченных мною на нее...» (курсив мой.— *В. К.*) [3].

Выделенное нами слово «услуга» (servisio) можно также перевести как «служба», «работа по найму». В другом месте обращения Гарсиласо называет свой труд «этим видом подати», снова, однако, подчеркивая свой приоритет в данного рода занятии или службе королю. Но так мог писать только человек, прекрасно понимавший, какого рода услугу он оказывает и чего она, эта услуга, заслуживает. Что же касается таких самоуничижительных оценок, как «нищета», «жалкий» и «ничтожный», то они являлись данью придворному этикету и всерьез никем не принимались, включая самого автора. И если бы в ту эпоху уже бытовало понятие «международные культурные связи», Гарсиласо, так любивший всякие уточнения, исправления и дополнения, не преминул бы добавить к слову «услуга», что она была оказана именно в данной сфере.

Видимо, сказанного вполне достаточно, чтобы убедиться в интересе Гарсиласо к проблеме международного общения и его активном личном участии в нем. Однако мы располагаем еще одним очевидным подтверждением этого интереса — любопытнейшим фактом, не сообщить который именно советскому читателю было бы обидной и даже непростительной оплошностью с нашей стороны. Кроме того, он открывает необычную широту интересов и эрудированность Инки Гарсиласо.

Велико было наше удивление, когда на одной из страниц «Флориды» мы неожиданно натолкнулись на упоминание... «Московии»!

В том, что это — первое упоминание Великого Московского княжества автором-латиноамериканцем, нет никаких сомнений. Чем оно конкретно было вызвано, мы узнаем из самого текста: Гарсиласо пишет, что индейцы Флориды в выделке мехов не уступали Московии [4]. Но как и почему он прибег к подобному сравнению, остается для нас загадкой. Правда, меха исстари были традиционным товаром московского торгового люда; их использовали и в качестве посольских даров, но ни первое, ни второе ничего не объясняют в данном случае.

---

[3] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 7.
[4] *Garcilaso.* Obras completas..., t. I, p. 384.

Из двух этих направлений мы избрали для поиска второе, казавшееся более перспективным, однако и оно никуда не привело нас. Более того, перед нами возник тупик. Единственным утешением явилось то, что из всей этой «истории» в выигрыше остался один только Гарсиласо. И вот почему.

Мы знаем, что Инка закончил «Флориду» в середине 80-х годов XVI в., что совпадает с концом царствования Ивана Грозного (1584). По-видимому, слухи о русском самодержце, прославившемся не только своей жестокостью, но и активной военной и внешнеполитической деятельностью, прокатились по всей Испании. Но тогдашняя Испания, особенно официальная, была главным образом озабочена обострившимися отношениями с Англией, и ей было не до далекой России. Это находит подтверждение в русско-испанских сношениях, вернее, в почти полном отсутствии таковых.

Последнее убедительно показал Н. Н. Бантыш-Каменский в своем исследовании «Обзор внешних сношений России». В разделе «Переписка с Гишпанским двором» на основании изученных русских архивов он сообщает лишь о «следах переписки» между русским и испанским государствами. Других сколько-нибудь развитых и постоянных контактов ему просто не удалось обнаружить. Первый из таких следов «о бывшей издавна переписке» относится к началу XVI в.: «1505 г. июня 16 Филипп 1-й, гишпанский король, просил грамотою своею великого князя Иоанна Васильевича об отпуске пленных лифляндцев» [5].

Неизвестно, как реагировал великий князь на просьбу «короля». К тому же Иван III в том же году умер, а Филипп, прозванный «Красивым», был не королем, а регентом Испании, как супруг дочери «Католических королей» Хуаны «Безумной». Регентство Филиппа длилось менее года, и, очевидно, именно эти обстоятельства объясняют отсутствие каких-либо данных о дальнейших переговорах, связанных с судьбой пленных лифляндцев.

Далее в документах о русско-испанских отношениях имеется «интервал» длиной в полтора столетия. Как установил Н. Н. Бантыш-Каменский, только в 1667 г. из России отбыло первое русское посольство в Испанию. Можно предположить, что с его приездом имелись какие-то осложнения, ибо в Кадис оно прибыло 4 декабря 1667 г., а в Мадриде появилось почти три месяца спустя — 27 февраля 1668 г.

Приведенные данные подтверждают, что официальная Московия, как и официальная Гишпания, действительно не проявляли друг к другу достаточного внимания. Об этом свидетельствует и С. Соловьев, ибо и у него отсутствуют указания на прямые связи между Испанией и Россией. Правда, мы находим у С. Соловьева, что русский двор видел в Испании своего естественного союз-

---

[5] *Бантыш-Каменский Н. Н.* Обзор внешних сношений России, ч. I. М., 1894, с. 162.

ника в борьбе против «Турка» — Оттоманской империи, о чем говорят неоднократные упоминания «Гишпании» и «гишпанского двора» в беседах царя Федора и его шурина Бориса Годунова с иностранными послами, особенно с послом Священной Римской империи германской нации [6]. Однако эти упоминания скорее похожи на дипломатический зондаж, за которым, насколько мы можем судить, не стояли близкие и конкретные цели русского двора.

Конечно, разговоры о русских мехах и высокая их оценка могли возникнуть в Испании и в результате каких-то торговых сделок, в том числе и через третьи страны. В этом случае за ними необязательно должны стоять прямые русско-испанские контакты, поиск которых интересует нас. Однако такие контакты все же были, но их «следы» обнаружились не в русских, а в испанских архивах.

Видный советский латиноамериканист А. И. Штрахов, еще в годы республиканской Испании получивший возможность ознакомиться на месте с испанскими архивами, обнаружил в них документы, прямо указывающие на пребывание в Испании в середине XVI в., в частности в городе Вальядолиде, посланцев великих московских князей. Они-то и привезли с собой «мягкую рухлядь», т. е. меха, что, к счастью, не ускользнуло от внимания составителей архивных документов.

Но еще удивительнее оказалось то, что отсутствие постоянных сношений и географическая отдаленность России от Испании не стали сдерживающим фактором, а наоборот, обострили интерес испанской общественности — сейчас именно она привлекает наше внимание — к «московской тематике». Доказательством тому служит испанская литература, и особенно драматургия Испании конца XVI — начала XVII в.

Как пишет в своем интереснейшем исследовании «Испанская классическая драматургия в сравнительно-литературном и текстологическом аспектах» Н. И. Балашов, восточноевропейская тематика занимала в тогдашней испанской драматургии важное место. Более того, появление пьесы «Новые деяния Великого князя Московского» Лопе де Вега «...стало поворотным пунктом и положило начало определенной системе. Для драматургии этой системы, условно именуемой испано-славикой, характерны антигабсбургская [7] и антиконтрреформационная направленность, утверждение гуманистической веротерпимости...» [8]

Правда, названная пьеса Лопе де Вега появилась в 1606 г., но, как показывает Н. И. Балашов, «испанская драматургия об-

---

[6] *Соловьев С.* История России с древнейших времен, т. 7. М., 1857, с. 260—375.

[7] В тот период Испанией правили короли из дома Габсбургов.

[8] *Балашов Н. И.* Испанская классическая драматургия в сравнительно-литературном и текстологическом аспектах. М., 1976, с. 111, 112.

ращалась к истории Восточной Европы и до 1606 г.»[9] Отсюда напрашивается естественный вывод: этот интерес к далекой Московии как-то «затронул» и Гарсиласо, хотя он, повторяем, в целом не проявил должного внимания к литературе своей второй родины. Между тем «московская тематика» фигурирует в сочинениях не только Лопе де Вега, но и Сервантеса, Кеведо и других крупнейших писателей Испании, включая поэта Гонгоры, с которым, как уже говорилось, Инку Гарсиласо связывали не творческие, а деловые отношения по разделу наследства дяди Гарсиласо. Таковы превратности судьбы...

Можно предположить, что клерикальное окружение Гарсиласо не проявляло интереса к православной Московии и ему были чужды, если не сказать больше, «антиконтрреформационная направленность» и «гуманистическая веротерпимость». И все же Гарсиласо сумел «пробиться» сквозь этот заслон и оказался в числе тех, кто думал или даже просто помнил о Великом Московском княжестве. Но так поступать мог лишь незаурядный человек, обладавший не только обширными познаниями, но и большой широтой взгляда на мир. Именно таким человеком и был Инка Гарсиласо. Одним лишь упоминанием Московии в сочинении о Флориде он с удивительной простотой и естественностью соединил вместе две крайние точки тогдашнего обозримого политического горизонта. Одна из них совсем недавно была открыта Европой, и он сам оказался плодом этого открытия; другая, та, что спасла Европу от татарского нашествия, была известна сравнительно давно, но она только еще набирала силы, чтобы занять предназначенное ей историей место на политической карте теперь уже не Старого и Нового Света, а единого для человечества МИРА...

*

В конце 1976 г. в Москве вышла книга В. Кутейщиковой и Л. Осповата «Новый латиноамериканский роман». Авторы назвали свое сочинение очерками, однако такое определение жанра больше отражает его форму, нежели содержание, ибо на самом деле читатель получил фундаментальное исследование одного из интересных и важных явлений современной культуры. Речь идет о решительном вторжении и обоснованной претензии на роль «законодателя мод» в мировой литературе нового латиноамериканского романа. Нового не потому, что его создатели — современные писатели, а потому, что перед нами, как указывают авторы исследования, действительно уникальный, многослойный и одновременно целостный феномен[10].

---

[9] Там же.

[10] *Кутейщикова В. Н., Осповат Л. С.* Новый латиноамериканский роман. М., 1976, с. 7.

Раскрытию этого нового явления в мировой литературе и посвящен труд двух известных советских литературоведов и латиноамериканистов.

Что же «случилось» в литературе стран Латинской Америки? Чем вызваны столь повышенное внимание и интерес к литературе, лучшие образцы которой еще недавно выглядели настолько «приземленными» к региональной специфике, что, казалось, еще долго не найдутся силы, способные оторвать ее от чрезмерной конкретики буден? Более того, отмеченная «заземленность», когда она не грешила увлечением экзотикой — ее и без того так много в Латинской Америке! — сама по себе рассматривалась решительным шагом вперед по сравнению с подражательством Европе — иногда талантливым, чаще серым и посредственным, определявшим в долгие годы колониального периода, да и после завоевания независимости культурную жизнь региона.

А случилось то, что новый роман, как наглядно показали советские исследователи, не порывая со своей национальной почвой, сумел, однако, подняться на такую высоту, что обрел качественно новую способность видения, позволившую ему «разглядеть» глубокие корни национальной жизни и одновременно горизонты будущего. В сокровенных пластах собственного мира создатели нового романа открыли вечное и всеобщее; «выйдя» на общечеловеческую проблематику, они тем самым открыли миру себя, «обнаружив» в себе этот же мир...

Так новый латиноамериканский роман оказался на передовых позициях в мировой литературе. В первую очередь это объясняется тем, что он обрел устойчивую почву под ногами благодаря успешному завершению сложного процесса становления культур стран Латинской Америки, которые достигли творческой зрелости не только в литературе, но и в изобразительном искусстве, музыке, архитектуре. Этот процесс закономерен, ибо отражает многотрудный путь исторического развития стран региона. Вот почему лишь сегодня мы можем говорить о *национальных культурах* латиноамериканских стран, опираясь на которые лучшие их представители сумели решительно перешагнуть духовные рубежи локальной замкнутости своих предшественников.

Но тогда возникает естественный вопрос: как быть, как оценить и куда «отнести» творчество Инки Гарсиласо, «Комментарии» которого также благодаря своей общечеловеческой значимости почти четыре столетия назад не менее решительно вышли на арену мировой культуры, где с успехом и громкой славой находятся по сей день?

Конечно, проще всего было бы зачислить Гарсиласо в испанскую литературу и тем самым разом решить и проблему культурной почвы, на которой выросло его творчество, и вопрос перехода локальных границ, и еще многое другое, что вытесняет его за рамки устоявшихся и потому общепринятых воззрений. Именно так можно объяснить, например, появление в Испании в

1960-х годах полного собрания сочинений Инки Гарсиласо в знаменитой серии «Библиотека испанских авторов», которая ставит перед собой задачу публикации сочинений всех выдающихся писателей-испанцев. (К месту будет сказано, это издание Гарсиласо просто великолепно и достойно самых высоких похвал.)

Но мы знаем, что Гарсиласо не был испанцем; не был он и индейцем, хотя Мариатеги видит в нем больше инку, нежели конкистадора. Да и сам Гарсиласо при случае любил (или считал нужным) называть себя инкой и индейцем. Однако ближе всего к истине стоит его собственное решительное заявление о том, что он *метис*. И это действительно так, но не в расово-биологическом, а скорее в духовном, морально-психологическом и культурно-этническом плане. Именно в таком понимании он был и навсегда останется перуанцем и латиноамериканцем.

Да, он был перуанцем и латиноамериканцем, хотя в XVI в. *не было* ни Перу, ни Латинской Америки, ни перуанской или латиноамериканской культуры, ни даже самих перуанцев в том *смысле, в каком сегодня воспринимаются эти понятия.* Их не было, ибо словом «перу» испанцы называли государство инков, а позднее, после его разрушения, свою южноамериканскую колонию, «строительство» которой было завершено в основных чертах лишь к началу XVII в. Что же касается индейцев, то они, похоже, научились этому слову у самих испанцев... [11]

Гарсиласо же был перуанцем, и именно в сегодняшнем понимании этого слова. «Если требуется доказательство, выраженное в количественных показателях, в пользу того, что Гарсиласо воплощает самые глубины перуанского духа (peruanidad),— пишет видный деятель культуры Луис Альберто Санчес,— то достаточно вспомнить, что каждый раз при общественных опросах, когда спрашивали, кто является самым представительным писателем Перу, Инка выходил победителем» [12].

Иначе и быть не могло. Ибо история современного Перу началась с той мгновенной вспышки, длительностью в короткую человеческую жизнь, когда инкская цивилизация все еще не была разрушена до конца, а испанское колониальное господство не обрело абсолютного характера. Именно тогда в своем первозданном виде сосуществовали рядом два духовных мира, положивших начало третьему — *перуанскому*. Но это двуединое начало возникло не в виде гармоничного слияния, а с преднамеренного, жестокого и всестороннего уничтожения одним «слагаемым» другого. Разрушение оказалось настолько эффективным, что в масштабах страны потребовалось целых четыре столетия, чтобы возродить подавленный, загнанный в подполье духовный мир индейца, как мы это знаем, в частности, на примере процесса зарождения нового латиноамериканского романа. Ибо без «индейского ренессанса»

---

[11] *Гарсиласо.* История..., с. 18, 19.

[12] *Sanchez Alberto.* La Literatura Peruana, t. II. Buenos Aires, 1950, p. 93.

не был бы завершен процесс формирования национальных культур Перу и большинства других стран Латинской Америки.

Но вопрос этот выходит далеко за рамки одной только сферы национальных культур. Он прямо стыкуется с важнейшими общественно-политическими процессами, характерными для нынешней Латинской Америки. Как пишет выдающийся чилийский ученый Алехандро Липшутц, для него расовая проблема, возникшая в Латинской Америке в результате европейского завоевания, прямо связана с проблемой социального преобразования латиноамериканского мира, того преобразования, о котором «писал более 120 лет назад молодой Карл Маркс» [13]. Объясняя читателю, почему его внимание привлекла именно индейская проблема, А. Липшутц пишет в книге «Расовая проблема в конкисте Америки и метизация»: «Исследуя трансплантацию в Америку деградирующего европейского феодализма и эволюцию испано-американского неофеодализма, исследуя ужасающий погром индейского мира, учиненный конкистой, исследуя расовое лицемерие в Испано-Америке, я всем этим одновременно защищаю *Освобождение* испано-американского человека от разлагающего влияния расового лицемерия, от цепей неофеодализма, сумевшего «счастливо» породниться с монополистическим капитализмом» [14]. Несколькими строками ниже А. Липшутц добавляет: «Я защищаю право испано-американского человека на *Освобождение* от цепей неофеодализма точно так же, как защищаю *Возрождение* индейских культурных ценностей, или американскую самобытность в синтезе с испанскими культурными ценностями. Тем, у кого глаза не завязаны, не может не быть понятно, что такое Возрождение уже шагает по Мексике, Юкатану и Гватемале, и точно так же оно идет по Перу, Боливии и Эквадору» [15].

Судьба распорядилась так, что именно Гарсиласо стал выразителем той первой вспышки от «плавки» двух культур в единую перуанскую культуру. В нем оказались заложены оба начала в «идеальной пропорции», что помогло ему удержать равновесие, без которого он неизбежно оказался бы в одном из двух воевавших насмерть лагерей. А это в свою очередь означало бы гибель в нем самом одного из слагаемых нового духовного мира, что, по-видимому, и произошло со всеми остальными сверстниками Гарсиласо, которых так хотел увидеть в университете Саламанки каноник Куэльяр,— они не оставили после себя никакого заметного следа. Те из них, кто попытался стать «испанцем», были раздавлены испанским обществом, проявлявшим болезненную нетерпимость ко всякого рода инородцам и бастардам; те же, кто остался в лагере индейцев, были повержены в ничто колониальной машиной испанской империи.

---

[13] *Lipschutz A.* El problema racial en la conquista de América y el Mestizaje. Santiago de Chile, 1963, p. 22.
[14] Ibid., p. 22, 23.
[15] *Lipschutz A.* El problema..., p. 24.

Мы не склонны приписывать лишь «счастливому случаю» то, что произошло с Гарсиласо, хотя случай, но только как выражение исторической закономерности, сыграл свою роль в его судьбе. История возложила на него «обязанность» первого перуанца и первого латиноамериканского писателя, и он оправдал это ее высокое доверие. Тому в немалой степени способствовал выдающийся талант одного из первых метисов, унаследованный им сразу от двух великих народов.

Но при всей своей талантливости и даже гениальности Инка Гарсиласо не мог преодолеть «границы времени» того конкретного исторического момента, в котором он жил и творил. Думая и творя «по-латиноамерикански» или «по-перуански», создавая первые латиноамериканские произведения, он, однако, не мог подняться до теоретического осмысления как происходивших вокруг него событий, так и ожидаемых от них в перспективе результатов. Своим разумом, своими руками он рисовал первые штрихи, делал первый набросок фундамента и даже закладывал основы нового мироощущения, нового миропонимания, новой культуры. При этом он опирался на общественный опыт эпохи, и даже у́же — на опыт своего мира, на конкретную практику жизни, стремясь через личное восприятие окружающей действительности показать только ему одному, как он полагал, известную правду. Он не был и не мог стать «теоретиком» латиноамериканской сущности или «духа» («менталитета»), ибо для их осмысления все еще не было в природе ни культурного, ни философского, ни политического, ни идеологического «материала».

Иначе и быть не могло, поскольку «каждой исторической эпохе с ее определенной ступенью развития общественно-экономических отношений соответствует в общем и целом ступень познания объективного мира...» [16]. Изучая инкское прошлое и свое собственное настоящее, Гарсиласо пытался если не объяснить, то по крайней мере сохранить для потомков историю своего происхождения — историю зарождавшегося вместе с ним нового латиноамериканского мира.

Практика жизни подсказывала, что он начинает с нуля. Но он не мог даже предположить, что предпринятое его усилиями дело будет приостановлено на несколько столетий из-за разрушений, причиненных одним из его начал другому. Возможно, что ему мешали увидеть жестокую правду той эпохи природная добропорядочность и наивность индейца — он сам так часто восхищался ими в своих воспоминаниях о жизни в Перу; или Гарсиласо переоценил «охранные возможности» гуманизма идей Возрождения применительно к Новому Свету, идей, в которые он так верил...

И все же начатая Инкой Гарсиласо «латиноамериканская кладка» не пропала даром. В ее надежность и силу верили те,

[16] [*Коллектив авторов*] История и общество.— Вопросы истории, 1977, № 1, с. 4.

кто боролся за свободу испанских колоний, за права простого индейца, за светлые идеалы равенства людей и человеческого счастья. Вот почему каждый раз, когда в истории Южной Америки возникали наиболее острые социальные и политические ситуации, каждый раз, пусть незримо, в рядах борцов против насилия и тирании возникал образ великого метиса из Куско. Так, после казни вождя самого крупного восстания индейцев Тупака Амару II и в ходе подавления вооруженного сопротивления восставших 21 апреля 1782 г. был принят королевский указ, предписывавший колониальным властям изъять из обращения «Комментарии» Инки Гарсиласо де ла Вега как «подрывную литературу», способствовавшую мятежу индейцев. Показательно, что указ был принят по настойчивой рекомендации испанского визитатора Арече, прославившегося своими изощренными жестокостями при подавлении восстания Тупака Амару.

Вспомним, что и в другую бурю, революционно-освободительные порывы которой очистили Латинскую Америку от испанского господства, «Комментарии» Гарсиласо также не были забыты. Франсиско Миранда, один из выдающихся идеологов и вождей национально-освободительной борьбы народов Латинской Америки, искал именно в «Комментариях» опыт строительства совершенного государства, которое он мечтал создать на развалинах колониального владычества Испании. Не был безразличен к этому труду Инки Гарсиласо и другой герой освобождения Латинской Америки — генерал Сан Мартин; он считал «Комментарии» эффективным оружием латиноамериканских патриотов в их идеологической борьбе...

Творчество Гарсиласо и в наши дни не потеряло своего значения. И не только как один из самых важных источников для изучения доиспанского Перу. Интерес к трудам Гарсиласо огромен, что засвидетельствовано многократными переизданиями — особенно «Комментариев», сотнями статей и книг, публикуемых не только в странах Латинской Америки, но и в Испании, Англии, Франции, США и многих других странах мира. Как уже говорилось, сочинения Инки переведены на французский, английский, немецкий и другие языки. В 1974 г. в СССР в серии «Литературные памятники» впервые на русском языке вышли «Комментарии».

В 1955 г. в столице Перу г. Лиме состоялся международный симпозиум, посвященный творчеству Инки Гарсиласо. Значительный вклад внесли и вносят перуанские ученые в правильное понимание творчества выдающегося перуанца. Его наследство является достоянием всего человечества, ибо, стремясь поведать миру об ушедшем навсегда прошлом своей индейской родины, он думал и мечтал о будущем, в котором будут царствовать мир, справедливость и добро.

Конечно, многое осталось не понятым им. Во многом он заблуждался. Но не будем строго судить, ибо даже «великие мысли-

тели XVIII века,— пишет в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс,— так же как и все их предшественники, не могли выйти из рамок, которые им ставила их собственная эпоха» [17]. К тому же почти все, что делал Инка Гарсиласо, он делал первым.

Первый метис, перуанец и латиноамериканец, поведавший миру о зарождении новой человеческой расы, новой богатейшей культуры, рожденной в пламени одной из величайших трагедий человечества. Первый писатель, историк и философ Латинской Америки, труды которого о выдающейся цивилизации Нового Света способствовали дальнейшему развитию идей философов-утопистов Европы. Первый латиноамериканский писатель-переводчик и первый латиноамериканец, труды которого уже в XVII в. были переведены и изданы за рубежом — во Франции и в Англии. Первый метис из Нового Света, удостоенный звания капитана за участие в военных действиях на территории самой метрополии. Первый сочинитель из Латинской Америки, книга-перевод которого оказалась в списках-индексах литературы, запрещенной «святейшей инквизицией». Наконец, первый активный участник, выразитель и пропагандист международных культурных связей, преодолевших гигантские просторы от индейского царства Тауантинсуйю до Великого Московского княжества...

Вот почему творчество великого метиса принадлежит к тем бессмертным творениям человеческого гения, которые обладают редчайшей привилегией: быть первыми, служить началом и не иметь своего конца.

---

[17] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20, с. 17.

БИБЛИОГРАФИЯ

Библиография по истории древнего царства инков и его завоевания испанскими конкистадорами чрезвычайно обширна. Как уже говорилось, только в XVI — начале XVII в. было написано более ста историй, хроник и иных сочинений, которые либо полностью, либо в большей своей части посвящены этим вопросам. В свою очередь многие из них почти сразу же стали самостоятельными объектами исследований для последующих поколений ученых, преимущественно историков, поскольку именно им, этим сочинениям, досталась роль первоисточников не только по конкисте, но и по Древнему Перу —напомним, что инки не оставили после себя письменных документов. Все это привело к разрастанию потока интересующей нас литературы, которая сегодня, спустя три столетия, исчисляется тысячами названий-единиц, начиная от отдельных заметок и статей в периодических изданиях (не обязательно научных) и кончая многотомными монографиями.

Но и этим не ограничивается «письменная база» по изучению Древнего Перу. Дело в том, что Испанская империя породила немыслимо громоздкую бюрократическую машину, чтобы установить ее всеохватывающий контроль, подчинить ей всю и всякую деятельность в метрополии и ее колониях. То была пора наивысшего «расцвета» испанской бюрократии, одним из главных «достижений» которой стал тотальный «охват» документом, гербовой бумагой всего, что происходило в империи. Тогда-то и возникло множество архивов, которые еще и сегодня не изучены до конца.

Однако, как показывают работы современных ученых, благодаря усилиям которых на сегодня уже введены в научный оборот тысячи архивных документов, изучение даже тех архивов, которые, казалось бы, никак не связаны с заморскими делами Испании (например, архивы провинциальных городских управ или отдельных, также провинциальных монастырей), остается важной задачей исторической науки, в том числе и перуанистики.

Чтобы подтвердить сказанное, мы приведем только два конкретных примера.

В 1971 г. в Мадриде вышла книга-учебник Ф. Моралеса Падрона «История открытия и завоевания Америки» [1]. Выше указывалось на ее происпанский характер. Однако не этой своей близостью к так называемой «розовой легенде» интересна книга испанского историка. Моралес использовал в ней великолепнейший научный аппарат. Страницы его истории сплошь усыпаны ссылками и цитатами из множества архивных документов, часть которых публикуется впервые. К месту будет сказано, что эти документы, как правило, опровергают, а не поддерживают главную концепцию Моралеса.

Составленная по главам библиография Моралеса содержит 1670 названий печатных работ и архивных документов. Пожалуй, это самый обширный перечень письменных источников из всех, с которыми нам довелось познакомиться в процессе работы над перуанской тематикой, но и он имеет очевидные пробелы. И не только потому, что «нельзя объять необъятное» в пределах одной книги. Пробелы в работе Моралеса носят в том числе и концепционный характер. В ней, например, не названы исследования не только советских ученых, но и труды видных исследователей

---

[1] *Morales Padrón F.* Historia del Descubrimiento y Conquista de América. Madrid, 1971.

из Латинской Америки, исторические концепции которых противоречат концепции Моралеса (А. Липшутц, Х. Х. Вега, Х. Лара и др.).

И все же, даже несмотря на эти изъяны, научный аппарат книги Ф. Моралеса Падрона со всей наглядностью подтверждает наличие обширнейшей библиографии по рассмотренной нами проблеме. Он же, как нам представляется, освобождает исследователя от необходимости искать пути составления еще более обширной библиографии, если, конечно, последний не ставит перед собой задачу установления нового или очередного «рекорда» в данной области.

Другой пример имеет отношение к испанским архивам. В 1955 г. Главный университет «Сан-Маркос» в Лиме (Перу) опубликовал книгу «Инка Гарсиласо в Монтилье (1561—1614). Новые документы, найденные и опубликованные Раулем Поррасом Барренечеа» [2]. В ней Поррас впервые воспроизвел 211 документов, из которых 207 имеют прямое отношение к Инке Гарсиласо (именно по этим документам нами в основном написан монтильянский период жизни Инки; их анализ помог также раскрыть его духовный мир и общественное положение Инки в Испании).

Чтобы осуществить эту публикацию, Р. Поррасу Барренечеа пришлось досконально изучить не один, а все сохранившиеся в Монтилье архивы. Это Архив нотариальных протоколов, Архив городского совета (ведется с 1526 г.) и Архив прихода (церкви) Сантьяго (ведется с 1529 г.), включающий записи регистраций браков, рождения, смерти, а также списки завещаний, составленных в Монтилье в период с 1502 по 1649 г. Каждый из архивов, естественно рукописных, состоит из нескольких объемистых книг, которые насчитывают не сотни, а тысячи страниц. Так, например, долговое обязательство супругов Ленья от 28.VIII 1593 г., подтверждающее их задолженность Инке Гарсиласо, было обнаружено на страницах № 1076—1078 Архива нотариальных протоколов за 1593 г., а другой документ аналогичного содержания — долг портного Баутисты Инке Гарсиласо — уже записан на 1131-й странице.

Конечно, можно удивляться тому, что так поздно, а именно лишь в 1949 г., одному из видных исследователей творчества Гарсиласо пришла в голову мысль обратиться к архивам Монтильи. Но наше удивление пройдет, если мы вспомним, что даже знаменитый Архив Индий в Севилье все еще не изучен должным образом и до конца. И не изучен он не по причине отсутствия желания у исследователей, а из-за несметного количества хранящихся в архиве документов, разбор и изучение которых требуют постоянной и долгой работы самых квалифицированных специалистов, которых не так уж много не только в Испании, но и в мире.

Несомненно, что обращению к архивам Монтильи мешали и другие обстоятельства. Например, куда более богатые архивы Кордобы, где умер Гарсиласо, дали только два письма Гарсиласо (1935 г.), а позднее — список — список-опись его библиотеки (мы ссылались на эти документы). К тому же, как указывает сам Поррас, «господствующим мнением среди биографов Гарсиласо было мнение о том, что в Монтилье он жил эпизодически...» [3].

В этих условиях проявление интереса к архивам маленькой провинциальной Монтильи скорее не запоздалая, а замечательная и потому счастливая мысль. Тем более что в Монтилью Порраса привел случай (в 1949 г. он был послом Перу в Испании). Думается, что он сам никак не ожидал, сколь успешным будет это предприятие. Однако убедившись в том, что имя Гарсиласо фигурирует в архивах Монтильи, Поррас в том же году вернулся туда, но уже не в качестве дипломата, а историка. Так был преодолен трудный психологический барьер, надежно «защищавший» от исследователей архивы провинциального испанского городка.

---

[2] El Inca Garcilaso en Montilla (1561—1614). Nuevos documentos hallados y publicados por Raúl Porras Barrenechea. Lima, 1955.

[3] El Inca Garcilaso en Montilla..., p. V.

Мы так подробно остановились на этих двух книгах потому, что они наиболее убедительно демонстрируют нынешнее положение дел в области библиографии и архивно-документальной базы исследования Древнего Перу. Обе эти публикации, как нам кажется, могут также объяснить, почему автор настоящей книги не попытался составить по возможности наиболее полную библиографию, а включил в нее лишь те источники, которые непосредственно использовал при написании своего исследования (цитаты, ссылки, краткие характеристики, упоминания и т. д.).

Мы считаем, что такой принцип составления библиографии в данном случае оправдан. Он оправдан еще и потому, что сама историография по перуанской проблематике является постоянным объектом изучения современных исследователей. Например, тот же Р. Поррас Барренечеа — автор монографии «Перуанские исторические источники» [4], добрая половина текста которой — всего в книге 601 страница! — включает сочинения, рассматривающие интересовавший нас период.

Вот почему мы предельно сузили свою задачу в вопросе о библиографии по Перу. То же самое можно сказать и о литературе об Испании.

Маркс К. Революционная Испания.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 10.

Маркс К. Капитал.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 23.

Маркс К. Критика политической экономии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 46, ч. 1.

Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 2.

Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 3.

Маркс К., Энгельс Ф. Манифест Коммунистической партии.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 4.

Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20.

Энгельс Ф. Диалектика природы.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 20.

Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 21.

Энгельс Ф. Введение к работе К. Маркса «Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.» — *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 22.

Энгельс Ф. Письмо Эдуарду Пизу. Лондон, 27 января 1886 г.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 36.

Энгельс Ф. Письмо Вернеру Зомбарту. Лондон, 11 марта 1895 г.— *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч., т. 39.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1.

Ленин В. И. К характеристике экономического романтизма.— Полн. собр. соч., т. 2.

Ленин В. И. Три источника и три составных части марксизма.— Полн. собр. соч., т. 23.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу.— Полн. собр. соч., т. 24.

Ленин В. И. Еще одно уничтожение социализма.— Полн. собр. соч., т. 25.

Ленин В. И. Карл Маркс.— Полн. собр. соч., т. 26.

Ленин В. И. Письма о тактике.— Полн. собр. соч., т. 31.

Ленин В. И. Один из коренных вопросов революции.— Полн. собр. соч., т. 34.

Ленин В. И. Доклад о пересмотре программы и изменении названия партии 8 марта.— Полн. собр. соч., т. 36.

Ленин В. И. О государстве.— Полн. собр. соч., т. 39.

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи.— Полн. собр. соч., т. 41.

---

[4] *Porras Barrenechea R.* Fuentes históricas peruanas. Lima, 1968.

Ленин В. И. О пролетарской культуре (проект резолюции).— Полн. собр. соч., т. 41.
Ленин В. И. О значении воинствующего материализма.— Полн. собр. соч., т. 45.
Ленин В. И. Письмо И. Ф. Арманд. 30 ноября 1916 г.— Полн. собр. соч., т. 49.
Альперович М. С., Слезкин Л. Ю. История стран Латинской Америки. М., 1970.
Альтамира-и-Кревеа Рафаэль. История Испании, т. II. М., 1951.
Артановский С. Н. Историческое единство человечества и взаимное влияние культур. Л., 1967.
Балашов Н. И. Испанская классическая драматургия в сравнительно-литературном и текстологическом аспектах. М., 1976.
Балер Э. А. Преемственность в развитии культуры. М., 1969.
Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор внешних сношений России, ч. I. М., 1894.
Бартоломе де Лас Касас. М., 1966.
Башилов В. А. Древние цивилизации Перу и Боливии. М., 1972.
Берковский Н. Новеллы Сервантеса. Предисловие к книге «Сервантес. Назидательные новеллы». М., 1955.
Библия. Нью-Йорк — Женева — Лондон, б. г.
Бэкон Ф. Новая Атлантида. М., 1971.
Волгин В. П. Коммунистическая утопия Кампанеллы. Предисловие к книге «Кампанелла. Город Солнца». М., 1954.
Вольский Ст. Пизарро. М., 1935.
Воробьев Л. Утопия и действительность.— В кн.: Утопический роман XVI—XVII веков. М., 1971.
Гонсалес Р. Р. Боливия — Прометей Анд. М., 1963.
Горфункель А. Х. Томмазо Кампанелла. М., 1969.
Григулевич И. Р. История инквизиции. М., 1970.
Данэм Б. Герои и еретики. М., 1967.
Зубрицкий Ю. А. Апу-Ольянтай — памятник культуры народа кечуа.— В кн.: Культура индейцев. М., 1963.
Зубрицкий Ю. А. Инки-кечуа. М., 1975.
Зубрицкий Ю. А. Культура Тауантинсуйю.— В кн.: Культура Перу. М., 1975.
[Коллектив авторов]. История и общество.— Вопросы истории, 1977, № 1.
Кампанелла Т. Город Солнца. М., 1954.
Кампанелла Т. О наилучшем Государстве. М., 1954.
Кнорозов Ю. В. Сообщение о делах в Юкатане Диэго де Ланда как историко-этнографический источник.— В кн.: Диэго де Ланда. Сообщение о делах в Юкатане. М.— Л., 1955.
Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя. Л., 1976.
Кнорозов Ю. В. Письменность индейцев майя. М.— Л., 1963.
Кнорозов Ю. В. Послесловие и комментарии к статье В. де ла Хара. «Дешифровка письменности инков и проблемы кипу».— Латинская Америка, 1972, № 2.
Кнорозов Ю. В., Федорова И. К. Древнее перуанское письмо: проблемы и гипотезы.— Латинская Америка, 1970, № 5.
Крачковский И. Ю. Арабская культура в Испании. М.— Л., 1937.
Культура индейцев. Вклад коренного населения Америки в мировую культуру. М., 1963.
Культура Перу. М., 1975.
Кутейщикова В. Н., Осповат Л. С. Новый латиноамериканский роман. М., 1976.
Ланда Диэго де. Сообщение о делах в Юкатане. М.— Л., 1955.
Лас Касас Бартоломе де. История Индий. Л., 1968.
Макиавелли Н. Сочинения. М.— Л., 1934.
Макьявелли Н. История Флоренции. Л., 1973.
Мариатеги Хосе Карлос. Семь очерков истолкования перуанской действительности. М., 1963.
Менендес Пидаль Рамон. Избранные произведения. М., 1961.
Мор Томас. Золотая книга, столь же полезная, как забавная, о наилучшем государстве и о новом острове Утопия. М., 1971.

Песнь о Сиде. Романсеро.— Библиотека всемирной литературы. Серия первая, т. 10. М., 1976.
Пискорский В. К. История Испании и Португалии. СПб., 1909.
Пополь-Вух. Родословная владык Тотоникапана. М.— Л., 1959.
Рутенбург В. И. Жизнь и творчество Макьявелли.— В кн.: Никколо Макьявелли. История Флоренции. Л., 1973.
Самаркина И. К. Община в Перу. М., 1974.
Свет Я. М. В страну Офир. М., 1967.
Свет Я. М. Последний Инка. М., 1964.
Свет Я. М. Трагедия в Вилькабамбе.— Латинская Америка, 1972, № 4.
Сервантес Сааведра Мигель де. Назидательные новеллы. М., 1955.
Соловьев С. История России с древнейших времен. М., 1857.
Томас А. Б. История Латинской Америки. М., 1960.
Томашевский Н. Героические сказания Франции и Испании.— Библиотека всемирной литературы. Серия первая, т. 10. М., 1976.
Филип Ян. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961.
Фостер Уильям З. Очерки политической истории Америки. М., 1953.
Хара Виктория де ла. Виктория де ла Хара: открыты вековые тайны письменности инков? — Латинская Америка, 1972, № 4.
Хара Виктория де ла. Дешифровка письменности инков и проблемы кипу. (Предисловие и комментарии Ю. В. Кнорозова).— Латинская Америка, 1972, № 5.
Цезарь Юлий. Записки. М.— Л., 1948.
Цицерон Марк Туллий. Три трактата об ораторском искусстве. М., 1972.
Цицерон Марк Туллий. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1975.
Чиколини Л. С. Из истории политической мысли Италии XVI в.— Вопросы истории, 1974, № 10.
Штекли А. Э. Кампанелла. М. 1966.
Штекли А. Э. «Утопия» Томаса Мора и социалистическая мысль.— Коммунист, 1978, № 18, с. 65—76.

Acosta José de. Historia natural y moral de las Indias (1880). México, 1940.
Alden Mason J. The Ancient Civilizations of Peru (Las Antiguas Culturas del Perú). México, 1962.
Ameghino Florentino. La antigüedad del Hombre en la Plata, v. I. Paris, 1880.
Anónimo. Ollantay. Cantos y narraciones quechuas. Lima, s. f.
Anónimo. Popol Vuh. Manuscrito de Chichicastenango. Guatemala, s. f.
Anónimo. Relación del Sitio del Cuzco (1535—1539).— Biblioteca Peruana (далее — B. P.), Primera Serie (далее — P. S.), t. III. Lima, 1968.
Anónimo. Relación francesa de la Conquista del Perú (1534).— B. P., P. S., t. I. Lima, 1968.
Antonio Fray. Discurso sobre la descendencia y gobierno de los Incas.— Colección de Libros y Documentos referentes a la Historia del Perú (далее — CLDRHP). Serie 2. v. III. Lima, 1920.
Aranibar Carlos. Pachacutec.— Biblioteca Hombres del Perú (далее — B. H. P.). Lima, 1964.
Arce Blanco Margot. Garcilaso de la Vega. Madrid, 1931.
Archivo de Indias de Sevilla (Documentos publicados).
Arocena Luís A. El Inca Garcilaso y el humanismo renacentista. Buenos Aires, 1949.
Arraiaga Pablo José de. Extirpación de la idolatría del Perú (1621).— CLDRHP, Lima, 1920.
Asensio Eugenio. Dos cartas desconocidas del Inca Garcilaso.— Nueva Revista de Filología Hispánica, año VII. México, 1953.
Avalle-Arce Juan Bautista. El Inca Garcilaso en sus «Comentarios» (Antología vivida). Madrid, 1964.
Avalle-Arce Juan Bautista. Documentos inéditos sobre el Inca Garcilaso y su familia.— San Marcos, Septimo, Segunda época, diciembre 1967 — enero — febrero 1968, N 7 (Lima).
Bandera Damian de. Relación (1557).— B. P., P. S., t. III. Lima, 1968.

Baudin Louis (Luis). Une expérience socialiste: le Pérou des Inka.— Journal des economistes, 1927 (Paris), vol. LXXXVII.
Baudin Luis. El Imperio Socialista de los Incas. Santiago (Chile), 1940.
Baudin Luis. La actualidad del sistema económico de los Incas.— XXVII Congreso Internacional de Americanistas, v. I, Lima, 1942.
Baudin Luis. La vida cotidiana en el tiempo de los últimos Incas. Buenos Aires, 1958.
Belaunde Victor Andres. El Perú antiguo y los modernos sociólogos. Lima, 1908.
Bennett Wendell C. Historia del Perú.— Biblioteca de cultura peruana contemporanea, v. V, VI. Lima.
Bennett Wendell C. The archeology of the Central Andes.— In: Steward Julian H. Handbook of South American Indians, v. II. Washington, 1946.
Betanzos Juan de. Suma y narración de los Incas (1551).— B. P., P. S., t. III. Lima, 1968.
Bibliografía indigena andina peruana (1900—1968), v. 1-2. Lima, 1968.
Bingham Hiram. Inca Land. Boston, 1922.
Bingham Hiram. Machu Picchu, a Cidadel of the Incas. New Haven, 1930.
Bird Junios B., Andean Culture History. New York, 1949.
Borregán Alonso de. Crónica de la Conquista del Péru. (hacia 1565).— B. P., P. S., t. II. Lima, 1968.
Bosch-Gimpera Pedro. L'Art Rupestre Américain (Extrait).— Comptes Rendus de l'Academie des Inscriptions. Paris, 1963.
Bosch-Gimpera Pedro. Paralelismos ejemplares en la evolución histórica: Roma y los iberos.— En: Cuadernos Americanos, 4, julio — agosto de 1964.
Busé Hermann. Perú: 10.000 años. Lima, 1962.
Bustios Gálvez Luis F. La Nueva Crónica y Buen Gobierno escrita por don Felipe Guamán Poma de Ayala. Primera Parte. Lima, 1956.
Busto José Antonio del. Perú preincaico. Lima, 1969.
Cabello Valboa Miguel. Miscelánea Antártica. Una historia del Perú antiguo (1576—1586). Lima, 1951.
Calancha Antonio de la. Crónica moraliçada del Orden de San Agustín en el Perú con sucesos ejemplares vistos en ésta monarquía. Barcelona, 1638.
Canals Frau Salvador. Prehistoria de América. Buenos Aires, 1950.
Canals Frau Salvador. Las civilizaciones prehispánicas de América. Buenos Aires, 1955.
Carrión Benjamín. Atahuallpa. Quito, 1961.
Casas Fray Bartolomé de las. De las Antiguas gentes del Perú. Lima, 1948.
Casas Fray Bartolomé de las. Brevísima Historia de la Destrucción de las Indias. Buenos Aires, 1953.
Casas Fray Bartolomé de las. Los Tesoros del Perú. Madrid, 1958.
Castanien Donaldo G. El Inca Garcilaso de la Vega. New York, 1969.
Castro Cristobal de, Ortega y Morejón Diego de. Relación de Chincha.— B. P., P. S., t. III. Lima, 1968.
Chaunu P. La population de l'Amerique indienne (nouvelles recherches).— Revue historique, 1964 (Paris), t. CCXXII, juillet — septembre.
Cid Perez José y María de. Teatro indio precolombimo. Madrid, 1964.
Cieza de León Pedro de. La Crónica del Perú nuevamente escrita por... Vecino de Sevilla (1553). Buenos Aires, 1945.
Cieza de León Pedro de. El Señorío de los Incas. Segunda parte de la Crónica del Perú.— B. P., P. S., t. III. Lima, 1968.
Cobo Bernabé. Historia del Nuevo Mundo. Sevilla, 1890—1895.
Congreso Internacional de arqueología de San Pedro de Atacama (6—13 de enero de 1963). Santiago de Chile, 1963.
Crónica de la conquísta del Perú. Pedro de Cieza de León, Agustín de Zárate, Francisco de Jerez. México, s. f.
Disselhoff Hans Dietrich. Geschichte der altamerikanischen Kulturen. München, 1953.
Doering Heinrich Ubbelohde. The Art of the Ancient Peru. New York, 1952.
Duránd José. La biblioteca del Inca.— Nueva Revista de Filología Hispánica, v. II. México, 1943.

Duránd José. El Inca Garcilaso, historiador apasionado.— Cuadernos Americanos, julio — agosto de 1950. México.
Duránd J. Garcilaso entre le mond les Incas et les idées de la Renaissance.— Diógenes, julio — setiembre de 1963, N 43.
Duviols Pierre. El Inca Garcilaso de la Vega interprete humanista de la Religión incaica.— Diógenes, setiembre de 1964, N 47.
Espinosa Bravo, Colorado Alberto. 10 figuras de América. Lima, 1961.
Estete Miguel de. Noticia del Perú (hacia 1535).— B. P., P. S., t. I. Lima, 1968.
Ferrero Raul. El Inca Garcilaso. Símbolo de la peruanidad integral.— Mercurio Peruano, 1939 (Lima), N 147.
Fitzmaurice-Kelly Jutia. The Inca Garcilaso. Oxford. 1921.
Gonzales de la Rosa M. Las obras del padre Valera y de Garcilaso. Réplica inevitable y única a la tesis sostenida ante la Facultad de Letras de la Universidad Mayor de San Marcos por José de la Riva Agüero.— Revista Historia, v. IV. Lima.
Guamán Poma de Ayala Felipe. Nueva Corónica y Buén Cobierno (Codex péruvien illustré). Paris, 1936.
Guevara Bazán Rafael. El Inca Garcilaso y el Islam.— THESAURUS. Boletín del Instituto Caro y Cuervo, septiembre — diciembre 1967 (Bogotá), N 3, t. XXII.
Guillén Guillén Edmundo. Versión Inca de la Conquista. Lima, 1974.
Hanstein Otfrid von. The World of the Incas. London — New York, 1952.
Henriquez Urena J. Las corrientes literarias en la América Hispánica. México, 1948.
Horkheimer Hans, Kauffmann Doig Federico. La cultura inca. Lima, 1965.
Imbelloni Jose. Pachakuti IX (El Inkario Crítico). Buenos Aires, 1946.
Jijón y Caamaño Jacinto. La religión del Imperio de los incas. Quito, 1919.
Jijón y Caamaño Jacinto. Los origenes del Cuzco. Quito, 1934.
Jimenez de la Espada Marcos. Tres relaciones de antigüedades peruanas. Madrid, 1879.
Jimenez de la Espada Marcos. Prefacio.— En: Señorio de los Incas... Madrid, 1880.— B. P., P. S., t. III. Lima, 1968.
Kauffmann Doig Federico. El Perú antiguo. Lima, 1963.
Kauffmann Doig Federico. Guamán Poma de Ayala.— B. H. P., IV, Lima, 1964.
Kauffmann Doig Federico. Hasta 1973. Historia de los Peruanos. El Perú antiguo. Lima, 1973.
La Paz en su IV Centenario. 1548—1948, t. I. Monografía Geográfica. La Paz, 1948.
Lara Jesús. La Cultura de los Inkas. La Paz, 1967.
Lara Jesús. La Literatura de los Quechuas. La Paz., s. f.
Latcham Ricardo E. Los incas, sus Origines y sus Ayllus. Santiago (Chile), 1928.
Le Riverend Brusone Julio J. Prefacio (en. Crónica de la Conquista del Perú). México, s. f.
Les tresors de l'Amerique precolombienne. (Texte de S. K. Lothrop). Genève, 1964.
Leviller Roberto. Don Francisco de Toledo, supremo organizador del Perú: su vida y su obra (1515—1582). Madrid, 1935.
Leviller Roberto. Los Incas. Sevilla, 1956.
Lipschutz Alejandro. El problema racial en la conquista de América y el Mestizaje. Santiago de Chile, 1963.
Lipschutz Alejandro. Indoamérica de nuestro tiempo. Santiago de Chile, 1968.
Lohmann Villena Guillermo. Apostillas documentales en torno del Inca Garcilaso.— Mercurio Peruano, julio de 1958 (Lima), N 375.
López Castro Fulgencio. Relación muy breve y elogiosa de la vida y la obra de Garcilaso Inca de la Vega, primer escritor criollo del Perú. Caracas, 1943.
Ludena de la Vega Guillermo. La Obra del cronista indio Felipe Guamán Poma de Ayala. Lima, 1975.
Lumbreras Luis Guillermo. Acerca de la Historia del pueblo del Perú.— CANTUTA, Lima, 1968.

Mariátegui José Carlos. 7 ensayos de interpretación de la realidad peruana. Lima, 1958.
Markham Clements Robert. A History of Peru. Chicago, 1892.
Markham Clements Robert. Los Incas del Perú. (The Incas of Peru). Lima, 1920.
Maticorena Estrada Miguel. Cieza de León en Sevilla y su muerte en 1554. Documentos. Historiografía y Bibliografía Americanista.— En: Anuario de Estudios Americanos, t. XII. Sevilla, 1957.
Means Philip A. Ancient Civilizations of the Andes. New York, 1931.
Means Philip A. Fall of the Inca Empire and the Spanish Rule in Peru. 1530—1780. New York, 1932.
Mena Cristobal de. La Conquista del Perú, llamada la Nueva España (1534).— B. P., P. S., t. I. Lima, 1968.
Menendez y Pelayo Marcelino Historia de las ideas estéticas en España, v. III. Madrid, 1883.
Menendez y Pelayo Marcelino. Origen de la Novela, t. I. Madrid, 1905.
Menendez y Pelayo Marcelino. Historia de la Poesía Hispano-Americana, t. III. Madrid, 1913.
Metraux Alfred. Les Incas. Le Seuil. Paris, 1961.
Middendorf E. W. Peru, t. I—III. Berlin, 1892—1895.
Miro Quesada S. Aurelio. El Inca Garcilaso y otros estudios garcilasistas. Madrid, 1971.
Molina «El cuzqueño» Cristóbal de. Relación de las fabulas y los ritos de los Incas. Lima, 1916.
Molina «El cuzqueño» Cristóbal de. Relación de muchas cosas acaecidas en el Perú. Lima, 1916.
Molina «El chileno» Crostóbal de. Conquista y población del Perú (1553).— B. P., P. S., t. III. Lima, 1968.
Montesinos Fernando de. Memorias Antiguas, Historiales y Políticas del Perú. Cuzco, 1957.
Morales Padrón Francisco. Historia del Descubrimiento y Conquista de América. Madrid, 1971.
Morúa (Murúa) Martín de. Historia del Origen y Genealogía Real de los Reyes Incas del Perú, de sus hechos, costumbres, trajes y manera de gobierno, 1611. Lima, 1925.
Mújica Gallo Miguel. Oro en el Perú. (Texto de R. Porras Barrenechea). Hattingen, 1959.
National Geographic, 1973 (Washington), v. 144, N 6.
Nordenskiöld Erland. Origen de las civilizaciones indígenas en la América del Sur. Buenos Aires, 1946.
Nuevos estudios sobre el Inca Garcilaso de la Vega. Lima, 1955.
Nuñez Anavitarde Carlos. Las Relaciones de Producción y la Moral en la Sociedad Inca. Cuzco, 1959.
Nuñez Anavitarte Carlos. El Ayllu y la Marca en el antiquo Perú. Cuzco, 1965.
Nuñez Cabeza de Vaca Alvar. Naufragios. Crónica de viaje. La Habana, 1970.
Ortiz Sergio Elías. Prologo.— En: La Crónica del Perú de Cieza de Léon. Bogotá, 1971.
Pachacuti-Yamqui Salcamayhua Juan de Santa Cruz. Relación de antigüedades deste reyno del Perú. Madrid, 1879.
Pereyra Carlos. Historia de América Española, t. VII. Perú y Bolivia. Madrid, 1921.
Pietschmann Richard. Geschichte des Inkareiches von Pedro Sarmiento de Gamboa. Herausgegeben von... Berlin, 1906.
Pietschmann Richard. Renseignements sommaires par...— En: Nueva Corónica y Buen Gobierno. Paris, 1936.
Pizarro Hernando. Carta de... a la Audiencia de Santo Domingo (23.XI 1533).— B. P., P. S., t. I. Lima, 1968.
Pizarro Pedro. Relación del Descubrimiento y Conquista de los Reinos del Perú (1571).— B. P., P. S., t. I. Lima, 1968.
Polo de Ondegardo Juan. Los errores y supersticiones de los indios por... Lima, 1916.

Polo de Ondegardo Juan. Del linage de los Ingas y como conquistaron. Lima, 1917.
Polo de Ondegardo Juan. Relación de los adoratorios de los Indios en los cuatro caminos (...) que salían del Cuzco. Lima, 1917.
Porras Barrenechea Raul. El Cronista indio Felipe Guamán Poma de Ayala. Lima, 1941.
Porras Barrenechea Raul. El Inca Garcilaso de la Vega (1539—1616). Lima, 1946.
Porras Barrenechea Raul. Inca Garcilaso en Montilla (1561—1614).— Nuevos documentos hallados y publicados por R. P. B. Lima, 1955.
Porras Barrenechea Raul. Las Relaciones primitivas de la Conquista del Perú. Lima, 1967.
Porras Barrenechea Raul. Fuentes históricas peruanas. Lima, 1968.
Porras Barrenechea Raul. Una relación inédita de la Conquista. La Crónica de Diego de Trujillo. Miraflores (Lima), 1970.
Posnansky Arthur. La Obra de Phelipe Guamán Poma de Ayala. Primer Nueva Corónica y Buen Gobierno (Escrita entre 1584 y 1614). La Paz, 1944.
Prescott William Hickling (Prescott Guillermo H.). History of the Conquest of Peru. London, 1847 (Historia de la Conquista del Perú. Madrid, 1847).
Purizaga Medardo. Huayna Capac.— B. H. P. Lima, 1964.
Quipocamayos de Vaca de Castro. Discurso sobre la descendencia y gobierno de los Incas (1540—1541). Lima, 1920.
Radicati di Primeglio Carlo. L'Inca Garcilaso (1539—1939). Lima, 1939.
Radicati di Primeglio Carlos. Introducción al estudio de los Ouipus. Lima, 1951.
Radicati di Primeglio Carlos. La «Seriación» como posible Clave para Decifrar los Quipus Extranumerales. Lima, 1964.
Ramirez de Arellano Rafael. Ensayo de un catálogo biográfio de escritores de la provincia y diócesis de Cordoba, con descripción de sus obras, t. II. Madrid, 1923.
Ratto Luis Alberto. Garcilaso de la Vega.— B. H. P., 1964 (Lima), IV.
Relación Samano-Xerez (1524).— B. P., P. S., t. I. Lima, 1968.
Revista de Historia y de Genealogía española, julio — agosto 1929, año III (Madrid), N 16.
Revista Universitaria. Centenario del Inca Garcilaso. Numero especial. Año XI, v. I, Abril 1916. Lima.
Riva Agüero José de la. La Historia en el Perú. Lima, 1910.
Riva Agüero José de la. Elogio del Inca Garcilaso. Discurso del catedrático Dr. José de la Riva Agüero.— Revista Universitaria, año XI, v. I. Lima, abril 1916.
Riva Agüero José de la. Civilización peruana. Epoca prehispanica. Lima, 1937.
Rojas Ricardo. Prólogo.— En: Comentarios Reales. Buenos Aires, 1943.
Romero Yanez Luis. Los Puntos del Inca.— Revista Nacional de Cultura (Caracas), N 179.
Ruiz de Arze o Alburquerque Juan. Advertencia (hacia 1545).— B. P., P. S., t. I. Lima, 1968.
Saenz de Santa María P. Carmelo. Estudio Preliminar.— En: Biblioteca de Autores Españoles, t. 132. Madrid, 1965.
Saltillo Marqués de Miguel Lasso de la Vega. El Inca Garcilaso y los Garci Lasso en la Historia.— Revista de Historia y Genealogía Española, julio — agosto 1929, año III (Madrid), N 16.
Sanchez Luis Alberto. Garcilaso Inca de la Vega, primer criollo. Santiago de Chile, 1939.
Sanchez Luis Alberto. La Literatura Peruana, t. I, II. Buenos Aires. 1950.
Sancho de la Hoz Pedro. Relación para Su Majestad (1534).— B. P., P. S., t. I. Lima, 1968.
Santillana Hernando (Fernando) de. Historia de los Incas y Relación de su Gobierno (1563).— B. P., P. S., t. III. Lima, 1968.
Santo Tomas Domingo de. Arte de la lengua quichua compuesta por Domingo de Sancto Thomás, publicado de nuevo por Julio Platzmann (facsim.). Leipzig, 1891.
Sapiens. Enciclopedia ilustrada de la Lengua Castellana. Buenos Aires, 1956.

Sarmiento de Gamboa Pedro. Historia Indica.— Biblioteca de Autores Españoles, t. 135. Madrid, 1965.
Schmieder Oscar. Geografía de América. México, 1946.
Sierra de Leguisamo Mancio. Testamento de... (18.XI 1589).— Historia del Perú antiguo de Juís E. Valcárcel, t. II. Lima, s. f.
Silva y Guzman Diego de. La Crónica Rimada.— B. P., P. S., t. I. Lima, 1968.
Spanish Books. Maggs Bros., London and Paris. Booksellers by Special Appointment to His Majesty King Alfonso XIII of Spain. London, 1927.
Strube Erdmann León. Vialidad Imperial de los Incas. Córdoba, 1963.
Tito Cusi Yupanqui Diego de Castro. Relación de la conquista del Perú y hechos del Inca Manco. Lima, 1916.
Toledo Francisco de. Información que mandó levantar el Virrey Toledo sobre los Incas.— En: Don Francisco de Toledo, supremo organizador del Perú, v. II. Madrid, 1935.
Tello Julio C. Introducción a la Historia antigua del Perú. Lima, 1921.
Tello Julio C. Las Primeras Edades del Perú por Guamán Poma (Ensayo de interpretación). Lima, 1939.
Tello Julio C. Chavín, cultura matriz de la Civilización Andina. Lima, 1961.
Toro Alfonso. Historia Colonial de la América Española, t. I, II. Mexico, 1949.
Torre y del Cerro José de la. El Inca Garcilaso de la Vega. Madrid, 1935.
Trujillo Diego de. Relación del Descubrimiento del Reyno del Perú (1571).— B. P., P. S., t. II. Lima, 1968.
Tudela y Varela Francisco. Socialismo peruano. Lima, 1905.
Uhle Max. Die alten Kulturen Perus im Hinblick auf die Archäeologie und Geschichte des amerikanischen Kontinents. Berlin, 1935.
Uhle Max. Wesen und Ordnung der altperuanischen Kulturen. Berlin, 1959.
Valcarcel Carlos Daniel. Garcilaso — Inka. 12 de Abril de 1539 — 24 de Abril de 1616. Ensayo sico-histórico. Lima, 1939.
Valcarcel Gustavo. Perú. Mural de un pueblo. Apuntes marxistas sobre el Perú prehispánico. Lima, 1965.
Valcarcel Luis E. Garcilaso el Inca. Visto desde el angulo indio. Lima, 1939.
Valcarcel Luis E. Sobre el origen del Cuzco. Lima, 1939.
Valcarcel Luis E. Historia de la Cultura antigua del Perú, v. I, II. Lima, 1949.
Valcarcel Luis E. Garcilaso y la Etnografía del Perú. Nuevos estudios sobre Inca Garcilaso. Lima, 1955.
Valcarcel Luis E. Etnohistoria del Perú. Lima, 1959.
Valcarcel Luis E. El Estado Imperial de los Incas.— B. C. P. C., v. V. Lima, 1963.
Valcarcel Luis E. La Historia del Perú.— Biblioteca de Cultura Peruana Contemporanea, v. V. Lima, 1963.
Valcarcel Luis E. Historia del Perú Antiguo, t. I—VI. Lima, s. f.
Vale un Perú. Imagen de una nación en Marcha. Lima, 1971.
Varallanos José. El Derecho Inca según Guamán Poma de Ayala. Huancayo (Perú), 1963.
Varallanos José. El Derecho Indiano a través de Nueva Crónica y su influencia en la vida de la Sociedad Peruana. Lima, 1964.
Valdivia Pedro de. Cartas de... que tratan del Descubrimiento y Conquista de Chile. Santiago de Chile, MCMLIII.
Vargas Victor Angeles. P'isaq: Metrópoli Inka. Lima, 1970.
Vargas Victor Angeles, Vargas Ugarte Rubén. Manuscritos peruanos del Archivo de Indias. Lima, 1962.
Vargas Ugarte Rubén. La Religión de los Incas.— B. C. P. C., v. V. Lima, 1963.
Varner John Grier. El Inca. The Life and Times of Garcilaso de la Vega. Austin — London, 1968.
Vega Juan José. Cacicas y Amazonas.— Revista de Derecho y Ciencias Políticas, 1967, año XXXI, N 11.
Vega Juan José. La guerra de Viracochas. Lima, s. f.
Vega Juan José. La Ley de Mahoma en el Perú.— CANTUTA (Lima), 1968.
Vega Juan José. Incas, Dioses y Conquistadores. Lima. s. f.

Verger Pierre. Indians of Perú. New York, 1950.
Vidal Humberto. Visión del Cusco. Monografía Sintética. Cusco, 1958.
Xerez Francisco de. Verdadera Relación de la Conquista de la Nueva Castilla (1534).— B. P., P. S., t. I. Lima, 1968.
Zárate Augustín de. Historia del descubrimiento y conquista del Perú (1955).— B. P., P .S., t. II. Lima, 1968.
Zulveta Luis de. Personalidad de Garcilaso Inca de la Vega, padre de las Letras de América.— El Tiempo (Bogotá), 16 de Abril de 1939.

СОЧИНЕНИЯ ИНКИ ГАРСИЛАСО ДЕ ЛА ВЕГА

La traduzión del Indio de los Tres Diálogos de Amor de León Hebreo, hecha de Italiano en Español por Garcilaso de la Vega, natural de la gran ciudad del Cozco, cabeça de los Reynos y Provincias del Pirú. Dirigidos a la Sacra Católica Real Magestad del Rey don Felipe nuestro Señor. En Madrid. En casa de Pedro Madrigal MDXC.

Relación de la descendencia de Garci Pérez de Vargas (1595).

La Florida del Ynca. Historia del Adelantado Hernando de Soto, Gobernador y Capitán General del Reyno de la Florida, y de otros heroicos cavalleros españoles e yndios. Escrita por el Ynca Garcilasso de la Vega. Capitán de Su Magestad. Natural de la gran ciudad del Cozco, cabeça de los Reynos y provincias del Perú. Dirigida al serenissimo Principe, duque de Bragança, etc. ...Con Licencia de la Santa Inquisición. En Lisboa. Ympreso por Pedro Crasbeeck. Con privilegio real (1605).

Primera parte de los Comentarios Reales. Que tratan del Origen de los Yncas, Reyes que fueron del Perú, de su Idolatría, Leyes y Govierno en paz y en guerra: de sus vidas y conquistas, y de todo lo que fué aquel Imperio y su República, antes que los españoles passaran a èl. Escritos por el Ynca Garcilasso de la Vega, natural del Cozco y Capitán de Su Magestad. Dirigidos a la Sereníssima Prinçesa doña Catalina de Portugal, Duquesa de Bargança, etc. Con Licencia de la Santa Inquisición. Ordinario y Paço. En Lisboa: En la Officina de Pedro Crasbeeck. Año de MDCIX.

Historia General del Perú, trata, el descubrimiento de él y cómo la ganaron los españoles, las guerras civi'es que hubo entre Pizarros y Almagros, sobre la partija de la tierra, castigo y levantamiento de Tiranos, y otros sucesos particulares que en la IIistoría se contienen. Escrita por el Ynca Garcilaso de la Vega, capitán de Su Magestad, etc. Dirigida a la Limpísima Virgen María, Madre de Dios y Señora Nuestra. Con privilegio Real. En Córdoba, por la viuda de Andrés Barrera y a su costa. Año MDCXVII.

Dos cartas del Inca Garcilaso al Licenciado Juan Fernandez Franco de diciembre 1592 y mayo 1593.

Prólogo del Inca Garcilaso a un Sermón que publicó del françiscano fr. Alonso Bernardino y que dedica al Marqués de Priego, en Córdoba, a 30 de enero de 1612.

Inca Garcilaso de la Vega. Comentarios Reales de los Incas. Buenos Aires, 1943.
Inca Garcilaso de la Vega. Comentarios Reales de los Incas. Montevideo, 1963.
Inca Garcilaso de la Vega. Comentarios Reales de los Incas. La Habana, 1973.
Obras completas del Inca Garcilaso de la Vega, t. I—IV. Madrid, 1965.
Garcilaso de la Vega Inca. Les commentaires royaux ou l'histoire des Incas de l'Inca Garcilaso de la Vega, 1539—1616. Paris, 1959.
The Incas: The Royal commentaries of the Inca Garcilaso de la Vega, 1539—1616. London, 1963.
The incas: The royal commentaries of the Inca Garcilaso de la Vega. New York, 1966.
Инка Гарсиласо де ла Вега. История государства инков. Литературные памятники. Л., 1974.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

(Укороченный вариант)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Владимир Александрович
Кузьмищев

У ИСТОКОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ ПЕРУ

Гарсиласо и его история инков

Утверждено к печати
Институтом Латинской Америки
АН СССР

Редактор *В. А. Браиловский*
Художник *Е. Сорина*
Художественный редактор *И. В. Разина*
Технический редактор *П. С. Кашина*
Корректоры *Н. И. Кодыкова, Ф.Г. Сурова*

ИБ № 5262

Сдано в набор 16.10.78.
Подписано к печати 25.12.78.
Т-17575. Формат 60×90[1]/16
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 24. Уч.-изд. л. 27,6
Тираж 2200 экз. Тип. зак. 1109
Цена 3 руб.

Издательство «Наука»
117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90
2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
131	4 св.	есьм	еси
165	30 св.	Уануков	Уануко
206	6 сн.	инков, а	инков, на
215	20 св.	Мочики	Мочика
232	4 св.	детерминатов	детерминатив
348	11 св.	«товаро —	«товара —
380		Миро Кесада Аурелис	Миро Кесада Аурелио
382		Эрнандо (Фернандо)	Эрнандес (Фернандес)

Зак. 1109 В. А. Кузьмищев.